

Русский барин – герой Франции

Н.В. ВЫРУБОВ

Москва 2017

УДК 929+73/76
ББК 63.3(2)6+85.103(2)6
В 93

Русский барин – герой Франции. Н.В. Вырубов / Сост. Н.А. Алпатова, Н.Д. Лобанов-Ростовский. – Москва, 2017. – 424 с., ил. – (в пер.)

ISBN 978-5-906644-36-7

Николай Васильевич Вырубов – представитель древнего русского рода, «был русским джентльменом, ...чрезвычайно порядочным, чрезвычайно точным и много размышлявшим, сохранившим свою «русскость», как говорят эмигранты. Таких людей почти уже нет. Его русскость проявлялась в естественной любви к своей стране, и в желании ей действительно служить поддержкой».

В книгу включены статьи, интервью, книга Н.В. Вырубова «В память павших воинов», вышедшая в Париже в 1991 году и ставшая библиографической редкостью, а также многочисленные статьи и воспоминания о Вырубове.

Для читателей, интересующихся историей России, участием русских во французском Сопротивлении.

Книга издана за счет племянников Н.В. Вырубова Н.Д. Лобанова-Ростовского, Ю.А. Трубникова и М.А. Трубниковой-Муре.

ISBN 978-5-906644-36-7

© Н.Д. Лобанов-Ростовский, 2017
© Н.А. Алпатова, 2017
© И.А. Томозова, макет, 2017

«Наши родители жили в изгнании, но на свободе, и воспитали нас в семейном духе, внушая нам сознание долга и достоинства, а также русскость, которую мы старались сохранить».

«Многих из нас объединяет желание сделать что-то доброе для русского народа».

«Добровольное участие в войне не стало честью моей жизни. Я чувствовал необходимость сделать что-то для Франции. Кроме того, своим долгом русского, находясь за границей, я считал необходимым Поддержать честь своего рода».

«Всю свою жизнь я хотел быть только самим собой, Николаем Вырубовым, отдельной личностью, который сам сделал то или то, при этом сознавал, что принадлежу определенной семье, и я хотел с честью быть членом моей семьи, моего рода, моей страны».

На вопрос, пять лет на войне - ни разу не
пришлось потянуть о своем ребенке? Э. ответил:

"Главное было - принять это решение. А дальше
приходилось просто воевать досматривать, как
досматривать стараться люди делают любое
дело, которое им поручено. Ведь я был
единственный русский в Багдаде,
это означало засматривать меня были
требованиями к себе. Н. В.

От составителя

Николай Васильевич Вырубов – последний русский кавалер Ордена Освобождения, учрежденного 18 июня 1940 года – в день начала мобилизации добровольцев в защиту побежденной Франции. Всего кавалеров этого ордена было 1036 человек и только 11 – русские эмигранты. Среди них Н.В. Вырубов.

Имя этого человека овеяно легендой. Русский аристократ. Человек огромной эрудиции, высокой чести и достоинства, он возвращал России, лишившей его еще в раннем детстве отчего дома, культуру русского зарубежья.

Родился Николай Васильевич в 1915 г., в шесть лет потерял мать, вынужденный в послереволюционные годы скрывать на родине свою фамилию, встретившийся со своим отцом только в 1924 году, но уже в Берлине. Стараниями дальней родственницы, живущей в Германии, он был выкуплен вместе со своими родными за 100 000 немецких марок.

Когда Германия начала Вторую мировую войну, Вырубов – студент Оксфорда ищет любую возможность попасть в армию. «Мне было все равно, в какой воевать: во французской или английской». Но его не взяли в солдаты, у него не было подданства.

Услышав обращение генерала де Голля, он записался в его армию и прошел с боями Ливию, Грецию, Италию, юг Франции, Эльзас, был несколько раз ранен, награжден высшими орденами Франции.

«Есть такое понятие как нравственный долг. Когда находишься в гостях, а в дом врывается разбойник, помогаешь хозяину прогнать его».

Работая после войны в Секретариате ООН, а потом чиновником по социальным вопросам, помогал беженцам и репатриантам. Родную сестру с мужем и сыном ему удалось вырвать из болгарского застенка, а потом помочь сестре с сыном уехать во Францию. Спасенный племянник – это Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский – известный всему миру коллекционер, меценат и даритель.

После смерти отца – Василия Васильевича Вырубова, бывшего в 1917 г. товарищем министра Министерства внутренних дел Временного правительства и направленного вместе с князем Г.Е. Львовым на переговоры с Вильсоном, Ллойд-Джорджем и Клемансо, возглавлявшего Земгор вплоть до своей кончины – Николай Васильевич заменил его и стал во главе этой благотворительной организации, помогающей русским беженцам, с 1963 по 1990 год. На деньги Земгора существовал старческий дом в парижском пригороде Кармей-ан-Паризи, приют для русских в Монжероне, Тургеневская библиотека.

Н.В. Вырубов известен как один из самых знаменитых меценатов русского зарубежья. Музей Гатчины, Государственный музей-дворец «Павловск», Константиновский дворец, Государственный литературный музей им. А.С. Пушкина, Орловский государственный литературный музей им. И.С. Тургенева, Алексинский и Пензенский краеведческие музеи гордятся дарами Николая Васильевича.

По инициативе Н.В. Вырубова, которую поддержали его племянники – князь Н.Д. Лобанов-Ростовский и Ю.А. Трубников, в Резиденции русского посла в Париже вернулись портреты Петра I, Александра II, Александра III и Екатерины Великой.

Жизнь и образ этого необыкновенного человека лишний раз подтверждают слова: «Россия, которую мы потеряли!».

Н.А. Алпатова

Виктор МОСКВИН
О Николае Васильевиче Вырубове

Мне, как директору Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, доводилось, естественно, встречаться со многими представителями эмиграции. Это были очень достойные, яркие люди, настоящие русские патриоты. И все же встречи с Николаем Васильевичем Вырубовым оставили особое впечатление.

Привлекало прежде всего его удивительное благородство. В каждом слове, в каждом жесте и шаге чувствовались порядочность и честь. Казалось, за ним были целые поколения дворян, привыкших к совер-

шенно иному воспитанию и отношениям в обществе. Хотя сам он всегда с презрением относился к любым проявлениям чванства и считал, что высокий титул лишь накладывает дополнительную ответственность.

Николай Васильевич был очень чуток к фальши, неискренности, не любил громких слов. Не нравилось ему слушать высокие речи о себе, хотя он был одной из самых знаковых и уважаемых фигур французского общества 2-й половины XX в. Участник борьбы с нацизмом, личный друг генерала де Голля, он стал одним из немногих, кто был удостоен двух высших наград Франции – Креста Освобождения и ордена Почетного легиона. Среди других героев его имя выбито на мраморной доске в ансамбле Дома инвалидов в Париже.

Меня всегда поражало, как он, не колеблясь, принимал для себя судьбоносные решения. Так Николай Васильевич стал одним из первых, кто сразу откликнулся на знаменитое обращение генерала де Голля 18 июня 1940 г., где он призвал французов сражаться с нацистами. Николай Васильевич пошел рядовым, прошел всю войну, был ранен, но все равно вернулся в строй.

Он не любил высокопарных выступлений, но всегда стоял во главе очень благородных начинаний. Тысячи беженцев, погибавших от голода и холода в послевоенной Европе, были спасены благодаря его неустанной работе в ООН. А скольким своим соотечественникам Николай Васильевич помог, более четверти века возглавляя Земгор (Земскогородской комитет помощи российским гражданам за границей), одну из самых известных русских благотворительных организаций.

И, конечно, нас связывала неустанная забота о сохранении русского наследия. Недаром он выбрал наше издательство «Русский путь» и в 1998 г. с предисловием Николая Васильевича там увидела свет книга воспоминаний его дяди, князя Георгия Евгеньевича Львова, первого премьера Временного правительства.

Когда 15 июля 2015 г. мы открывали в нашем Доме зарубежья имени Александра Солженицына выставку «Русский герой Франции – Николай Васильевич Вырубов», то среди прочих благородных дел этого блистательного человека особенно выделили его меценатскую деятельность – дары в музеи России. Ряд культурных центров российских регионов передали нам для этой экспозиции свои сокровища без всяких условий – так хотелось всем еще раз прикоснуться к памяти Николая Вырубова.

В 1992 г. через Советский фонд культуры он подарил целую серию уникальных портретов членов Императорской фамилии в музей Гатчины, передал уникальные семейные реликвии в музей Орла, Алексина, Пензы. В Государственный музей А.С. Пушкина им было отдано большое собрание уникальных миниатюр XIX в., а также прижизненный портрет А.В. Суворова.

Он не твердил постоянно о своей любви к России, не любил посещать собрания и съезды, однако служил своей Родине постоянно. И в памяти моей навсегда останется этот поразительный человек. Русский герой Франции – Николай Васильевич Вырубов.

Николай В. ВЫРУБОВ
Участник Освобождения¹

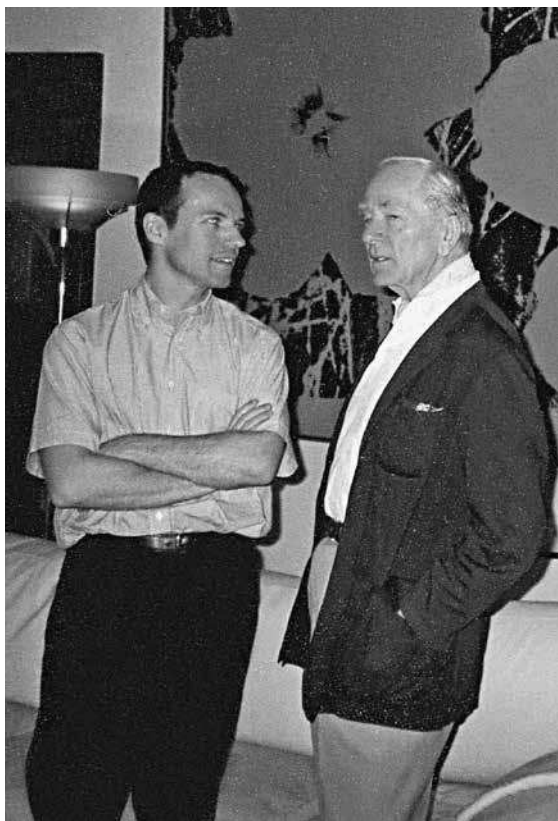
Беседы с Паскалем Майосом, Тулон, 1998 г.

В 1988 г. в г. Мелёне, в конце официального приёма, Николай Вырубов познакомился с Паскалем Майосом, бывшим в то время руководителем аппарата префекта департамента Сены и Марны². С тех пор между ними завязались дружеские отношения.

В 1998 г. Паскаль Майос получает от Николая Вырубова согласие рассказать в интервью о важнейших фактах своей жизни, беседы происходят в Тулоне, где Паскаль занимает пост ответственного секретаря префектуры Департамента Вар.

В 2008 г. Николай Вырубов ставит последнюю точку в тексте их бесед, выразив благодарность Паскалю Майосу, занимающему ныне пост префекта Департамента Финистер в г. Кемпер.

«Беседы» сохраняют разговорный характер, свободу интонаций и формы выражения, это было результатом полного доверия, установившегося между собеседниками. Таким образом, речь идет не о биографии в строгом смысле, но о воспоминаниях, посвященных личному жизненному выбору Николая Вырубова, который ему всякий раз приходилось делать в эпоху потрясений.

Паскаль Майос и Николай Вырубов. Тулон, 1998 г.

¹ Отрывок из книги Н.В. Вырубова «Участник Освобождения. Беседы с Паскалем Майосом» («Entretiens»). Книга увидела свет в 2008 г. при помощи Сабины Гарнье / Пер. с франц. Николая А. Федорова, ред. Е. Федоровой.

² Мелён (Melun) – город во Франции, административный центр департамента Сена и Марна (Seine-et-Marne) в регионе Иль-де-Франс (Île-de-France). Город Мелен находится у северной окраины леса Фонтенбло, недалеко от имения Н.В. Вырубова.

Паскаль Майос: Николай Вырубов, Вы родились 7 февраля 1915 г. в Орле, в России. Что Вы помните о городе Орел?

Николай Вырубов: О городе Орел я не помню ничего. В 1918, когда моя семья жила в Орле в доме бабушки, пришла советская власть, и нам приказали оставить дом, поскольку политический комиссар решил сделать из этого дома «музей Тургенева». Действительно, Тургенев родился в Орле, и его родовой дом сгорел еще до революции. Моя бабушка по материнской линии была племянницей Тургенева, наследницей кое-какого его имущества, другой наследницей стала певица Полина Виардо, жившая в Париже. Нас обязали выехать из дома, и при этом, как я помню, до отъезда нам нельзя было ничего трогать, ни к чему прикасаться. Мы должны были просто собрать наши пожитки и покинуть дом. Поскольку у моей бабушки был еще один дом неподалеку от Орла, мы уехали туда. У меня нет никаких впечатлений, никаких воспоминаний из того времени, но я знаю, что некоторое время мы оставались в этом втором доме.

Оттуда мои дедушка и бабушка уехали в Санкт-Петербург, который назывался тогда Петроград, а моя мать, дети и гувернантки поселились в деревне. Это была деревенька с типичными крестьянскими избами, так сказать, врытыми в землю, с хлевом для коров и других животных, в котором им можно было укрыться зимой. В основном помещении, где проживали все вместе, находилась знаменитая печь с уступами: на ней старики находили себе местечко внизу, в самом теплом месте, а молодые поднимались выше. Я полагаю, что у этой печи должно было быть три уровня.

О самом городе Орел у меня нет никаких воспоминаний, и если все-таки что-то припоминается, я не могу отличить свои собственные впечатления от того, что рассказали нам дедушка и бабушка, например, что, получив приказ выехать, они закопали ценности в саду. Я могу только сказать, что помню, как ночью семья рыла ямы в саду при свете свеч. Вижу ли я это картину потому, что мне слышится рассказ дедушки об этом, или это действительно мое воспоминание?

Возможно, что для очень маленького ребенка, который вместо того, чтобы спать, наблюдает как приходят люди и начинают рыть ямы ночью при свечах, это было настолько необычно, что стало прочным воспоминанием. Но в любом случае, это случилось именно так, и с того дня мы всегда жили с мыслью о сокровищах, зарытых в Орле.

А позднее я понял, почему моя мать скрывалась в этой деревне. На самом деле фамилия моей матери была Вырубова, она носила имя, не особенно знаменитое, но ставшее известным, очень известным в России в ту эпоху: подруга Императрицы, ее фрейлина, Анна Вырубова³ тогда была на

³ Анна Танеева вышла замуж за Александра Вырубова, брата моего отца.

слуху у всей России из-за всего того, что произошло при дворе во времена Распутина. Кроме того Временным правительством, свергнутым большевиками, с самого начала руководил князь Львов, дядя моего отца, и мой отец был членом Временного правительства.

В ведении моего отца было Министерство внутренних дел, наиболее пострадавшее в правительстве из-за всех беспорядков, которые царили в стране, а также управление силами порядка. Князь Львов сохранил это Министерство, и мой отец был товарищем министра Министерства внутренних дел. Позже, во время Октябрьской революции, мой отец служил при начальнике Штаба Верховного главнокомандующего в Ставке, отвечая за гражданские дела. А когда Ленин отдал приказ генералу Духонину вступить в контакт с немцами для переговоров о перемирии, генерал, ссылаясь на то, что вопрос перемирия имеет гражданское и политическое значение, перенес на моего отца ответственность за его решение. В результате под отказом, который был сообщен Ленину телеграммой, стояла фамилия Вырубов, и это стоило моему отцу недоброжелательного отношения к нему Ленина: отец оказался одним из первых, вызвавших его гнев.

ПМ: Подписывается ли он в этот момент как товарищ министра Министерства внутренних дел?

НВ: Нет, при Керенском во Временном правительстве его уже не было. При начальнике Штаба у него была гражданская должность, в его обязанности входило заниматься проблемами гражданского характера: в этом была миссия моего отца, в особенности, санитарное обслуживание, расквартирование солдат.

Возвращаясь к сказанному ранее: фамилию Вырубовы носить было опасно, и именно поэтому моя мать скрылась с нами в этой деревне. Разумеется у нас не было никакого имущества. Вы знаете, меня часто спрашивали, каким образом зажиточная семья превратилась в семью, лишенную всего. Полагаю, что это произошло всего за несколько месяцев. Прежде всего, революция в течение нескольких дней блокировала все банковские счета. Таким образом, те, у кого были деньги в банке, их лишились. Конечно, как у многих людей, у нас хранились наличные деньги в доме – мы их израсходовали. Ну так что же, они закончились, надо что-то продавать? Но кому продать? Поскольку все находились в одинаковом положении, следовательно, мы обменивались повседневными вещами, такими как, например, ткань, которую обменять на хлеб, масло или яйца гораздо проще, чем эти пресловутые драгоценности, о которых все говорят.

Находясь в этой деревне, моя мать, трое ее детей и гувернантка должны были чем-то питаться и, естественно, чтобы питаться, у моей матери должно было быть что-то, но было ли это золото? Я не знаю. Как бы то ни было,

нас в скором времени разоблачили. Власти, которые давно нас разыскивали, быстро сообразили, что моя мать – бывшая госпожа Вырубова. Разумеется, ее спросили, где находился мой отец? Ведь я рассказываю о 1918–1919 гг.: а в это время моя мать не знала о нем абсолютно ничего.

У семьи Вырубовых были земли под Пензой, городом, расположенном на юго-востоке России. Когда мой отец ушел на войну, моя мать ждала моего рождения – я появился на свет в 1915 году. Мы уезжаем из Пензы. Она родила меня в Орле, в кругу своей семьи. Мой отец служил в армии не в качестве военного, а с первых дней войны был представителем Земгора⁴ при начальнике Штаба армий Западного фронта. Генерал Алексеев в течение какого-то времени был даже главнокомандующим. А затем, когда командование армиями принял на себя Император, он стал начальником Штаба армий. И на протяжении всей войны мой отец служил у генерала Алексеева, занимаясь не военными вопросами, а гражданскими и еще снабжением. Позже, когда генерал Алексеев оставил свой пост по состоянию здоровья, мой отец продолжил выполнять свои обязанности при преемнике Алексеева. Я хочу добавить, что моя мать ничего не знала о происходящих событиях, и после революции, после этого отказа вести переговоры с немцами, подписанного моим отцом – я об этом знаю из документов, которые держал в руках, – мы возвратились в Москву, ибо раньше наша семья жила в Москве.

Ранее отец работал в Земстве⁵, приправительственной организации, бравшей на себя снабжение продовольствием больниц, школ, а во время войны – изготовление снарядов и патронов, а так же доставку боевой техники. В 1918 г. Земство стало учреждением, которое вовлекло в работу приблизительно 100 000 людей, однако это не идет ни в какое сравнение ни с Красным Крестом, ни с чем бы то ни было подобным. Здесь мой отец занимал ответственную должность. Он был главой всех земских организаций на Западном фронте. Его функциями при начальнике штаба были: помощь в организации и работе больниц и эвакуация мирного населения. В 1918 г. он возвращается в Москву, нуждающуюся в продовольственном снабжении, и занимается этой работой в столице. Таким образом, он ведет переписку с другими городами и отправляется по стране, определяя места, где можно устроить продовольственные склады.

Как раз в это самое время князь Львов, покинув Временное правительство, скрылся. Естественно, его разыскивает большевистская власть, и он находит убежище в Сибири, где создается контрреволюционное движение во главе с адмиралом Колчаком. Этот черноморский адмирал бежал в

⁴ Земгор – объединенный комитет Земского и Городского союзов, созданный 10 июля 1915 г.

⁵ Земство – это территориальное объединение, обеспечивающее местное самоуправление и учрежденное в 1864 г.

Сибирь, полагая, что данная область еще не затронута революцией, и что движение необходимо начать оттуда. Нуждаясь во внешней помощи, адмирал Колчак узнает, что князь Львов скрывается где-то в Сибири, и встречается с ним для того, чтобы попросить Львова отправиться к президенту Вильсону, Ллойд-Джорджу и Клемансо. Напомню, мы в 1918 г., и князь Львов, прежде чем бежать из Москвы и скрыться в Сибири, предупредил моего отца, что если у того возникнет необходимость, он должен сообщить об этом шифром, разумно полагая, что отец не мог бы отправить ему письмо, тем более – позвонить. Таким образом, получив шифровку, мой отец понял, что князь Львов просит сопровождать его во время встречи с президентом Вильсоном. Тогда он оставляет Москву под предлогом поиска снабжения, картошки там или, я не знаю, чего еще, и больше не возвращается к своей должности. С тех пор он прерывает всякую связь с нами.

Мы же находились тогда не в Москве, а в Орле, удаленном от нее на 300 км, и не знали ничего о его отъезде. Моя старшая сестра, которой было в то время уже лет 12–13, никогда не допускала мысли, что таким образом отец нас бросил. Я не знаю что бы я делал на его месте, но представляю себе, сколь волнующей для молодого и честолюбивого человека была возможность посетить в 1918 г. президента Вильсона и Ллойд-Джорджа и проехать по Сибири, побывав в Йокогаме, Сан-Франциско и Вашингтоне.

И вот он уехал, а в это время в той деревеньке, о которой мы уже говорили, была арестована моя мать. И она не знала, где отец, поскольку, разумеется, он не мог написать ей и рассказать, чем занимается. Будучи арестованной, она попадает в тюрьму, где ее настигает тиф, что было частым явлением в то время. Вернувшись из тюрьмы, она пробыла дома несколько дней и умерла в 1920 г. в этой деревне. Мне тогда было 5 лет.

Мы, трое детей с гувернанткой, уезжаем в Петроград к нашим дедушке и бабушке. Поселились мы на чердаке дома, где они жили. Все, что я здесь вспоминаю, а я был младшим из трех – воспоминания о том времени моей сестры и моего брата точнее – я вспоминаю, не жалуясь. В сущности, у меня было прекрасное детство. Какое удовольствие, например, было сидеть на крыше! Открыв окно, мы отправлялись гулять по крышам, что в нормальное время было строго запрещено. А потом мы пошли в школу, где сразу же оказались в рядах коммунистической молодежи. Мы становимся так называемыми пионерами, нам повязали на шее красные косынки и заставили выполнять кучу общественных дел, что оказалось весьма увлекательным для нас.

Но Вы знаете, человек – удивительное создание. Мы можем помнить множество мелочей (я уверен в том, что говорю), при этом не вспоминая боли или отсутствия пищи, того, что нам хотелось есть или что мы мерзли: все

это можно и не припомнить. Я же вспоминаю, что не было иного способа добыть пропитание, как воровать, и таким образом мы с братом оказались в шайке мальчишек. Встречались мы утром и совершали набеги на магазины, склады, принося в дом все, что добывали. Все мое детство было отмечено тем, что надо было хоть что-то принести в дом, яблоко или грушу, что-то нужно было принести для пропитания. Итак, нам было голодно, холодно, а память моя этого не сохранила. То, что удерживается в воспоминаниях, это когда над вами посмеялись, или когда вас унизили. В памяти оставляют следы именно эти важные вещи, а не холод и голод.

Итак, мы живем в Петрограде, рядом с неким старым господином и некоей пожилой дамой. Этот старый господин, хорошо сохранившийся для своего возраста, мой дедушка по материнской линии. В течение долгого времени он был орловским вице-губернатором, а затем его назначили губернатором города Витебска и камергером двора.

ПМ: *Какова была фамилия дедушки и бабушки по материнской линии?*

НВ: Галаховы. Конечно, в Петрограде дедушку арестовали. Последующий рассказ похож на детектив, поскольку судья народного суда, председатель трибунала – бывший орловский студент. Дедушка и бабушка, не будучи очень богатыми людьми, но состоятельными, подобно всем имущим людям во всех странах мира, помогали деньгами бедным студентам, не зная, впрочем, кому именно доставался их дар. А студенты, которые его получали, знали, что среди благотворителей было имя Галаховых. Председатель суда должен был потребовать осуждения этого господина Галахова, который не совершил ничего дурного, если не считать таковым то, что он был камергером и губернатором. А поскольку сам судья пользовался его щедростью, он заявил в народном суде, что Галахова трудно осудить в этих условиях, и что он просит, реабилитировав дедушку, освободить. С тех пор дедушка и бабушка спокойно живут в Петрограде.

У моей матери была сестра, жившая с нами. В течение всего дня она писала карточки для музейной картотеки Эрмитажа. А по ночам, с тележкой, она отправлялась на Петроградский вокзал, пытаясь собрать рассыпавшийся рис, упавшие во время загрузки или разгрузки продовольственных поездов клубни картофеля или кусочки хлеба. Всегда в каком-нибудь мешке оказывалось отверстие, или он падал с платформы. Иногда кому-то удавалось украсть целый мешок, и тогда его делили между всеми. Тетушка уходила на вокзал и возвращалась со своей тележкой, привозя пропитание для нашей семьи.

Я полагаю, что, пожалуй, единственным надежным местом, на которое можно было рассчитывать, имея в виду питание населения, были столовые президента Гувера, который с 1920 г. развернул обширный план помощи голодной России. Я обнаружил недавно очень любопытное совпадение в

письме князя Львова, который в 1920 г. оказывается в Париже, а оттуда отправляется в Соединенные Штаты – попытаться убедить Конгресс снять запреты на кредиты для России, что оказало бы ей помощь. Итак, два раза в неделю, мы отправлялись в эти американские столовые, которые, кстати, большевики и советские люди так никогда и не оценили.

Вот таким образом мы живем в Петрограде. С братом мы ходим в Peterschule (немецкую школу).

В январе 1924 г., когда умер Ленин, все школы Петрограда послали делегации учеников на похороны в Москву, и я случайно оказался в этой делегации.

Мое единственное воспоминание – поездка в этой группе школьников и участие в массовой церемонии, к которой нас долго готовили в течение всей поездки, восхваляя великие деяния Ленина, и после которой я с гордостью носил красную ленточку.

Позднее, в 1924 г., брат моей матери, офицер Белой армии, подобно множеству других офицеров, отправляется в Югославию, а оттуда в Германию. В Германии он встретил красивую, богатую и добрую немку Грету, с которой сочелся браком. И Грета, сочувствуя судьбе Галаховых, родителей ее мужа, сумела убедить советских представителей, первыми приехавших в Германию для восстановления отношений, разорванных с ней во время войны, получить за них определенный выкуп и разрешить им выезд. Я храню дома документы, свидетельствующие об этой выплате. Но вот, что забавно. Дело в том, что русский штамп, где указано: «от госпожи Галаховой получена сумма...», – удостоверяет, что выплата сделана в пользу расходов на Красный Крест, в то время как Красного Креста в России не было. Я полагаю, что для большевиков это был своего рода способ получить деньги. Благодаря этим деньгам вся моя семья, состоящая из бабушки, бабушки, трех детей и сестры моей мамы, в мае 1924 г. поездом покидает Россию и прибывает в Германию.

ПМ: Если возможно, возвратимся назад к некоторым моментам. Вы прекрасно объясняете, почему не тревожили Ваших бабушку и бабушку. А вот ситуация с Вашим отцом кажется неправдоподобной. Хотя он занимал ответственные посты в последнем царском правительстве, правительстве князя Львова, у него, кажется, не было никаких затруднений в том, чтобы оставаться в России?

НВ: В июле 1917 г., уйдя в отставку, князь Львов передает управление Временным правительством в руки Керенского. Таким образом, Октябрьская революция совершается против правительства Керенского. То, что я Вам говорю, я знаю из прочитанного и из того, что слышал от свидетелей событий. Революция происходила активнее в Петрограде, чем в Москве, до такой степени, что в любых исторических текстах задается вопрос, почему члены

Временного правительства не отправились в Москву вместо того, чтобы бежать? Москва была более безопасной по множеству причин: во-первых потому, что Ленин и его штаб-квартира находились в Петрограде, а затем потому, что знаменитые Советы рабочих депутатов, которые стали проявлять себя с 1916 г., тоже располагались в Петрограде. Постепенно, шаг за шагом, это движение заводских рабочих Петрограда распространяется и на солдат, главным образом, на призывной контингент, и понемногу – на кадровых военных. Когда Ленин назначает унтер-офицера флота военным министром, этот унтер-офицер прибывает в Генеральный штаб армии, находившийся на Западном фронте. Генерал Духонин сразу созывает своих офицеров и предоставляет им полную свободу действий. Что же касается генерала, нужно заметить, что он, будучи начальником Штаба, ожидает прибытия этого морского унтер-офицера, а тот сразу по прибытии арестовывает его.

Он был не расстрелян, его просто растерзали на смерть. Но он хотел, принимая в расчет свое положение, оставаться на посту, в то время как мой отец и другие офицеры исчезают.

ПМ: Итак, генерал ждет приезда военного министра.

НВ: Да, генерал Духонин ждет министра и погибает на своем посту. Мы в октябре 1917-го года. Тогда мой отец отправляется в Москву, где он жил. Он знает, что мы в Орле, но ему не удалось объединиться с нами. Вполне возможно, революцию сразу не ощутили как окончательную катастрофу, которую нужно встретить вместе с близкими. Вся страна не слишком беспокоилась по поводу революции, за исключением тех, кто носил военную форму. Отец живет в Москве, не скрываясь, хотя в ту эпоху в России убивали офицеров прямо на улице. Скольким из моих друзей выпало на долю увидеть своих отца или дядю, носящих военную форму, убитыми на улице. Но мой отец был в гражданском; кроме того, ведь всем спрятаться было невозможно. Именно в то время он начинает заниматься продовольственным снабжением. Весьма вероятно, что аппарат большевиков, пришедших к власти, был слишком занят другими вещами, чтобы незамедлительно сосредоточить усилия на поисках всех, кого подозревали в контрреволюции.

Некоторое время спустя мой отец с Львовым прибывают в Париж, в тот самый момент, когда проходит Версальская конференция.

ПМ: В 1919 году.

НВ: Они прибывают в Париж до начала Конференции и встречаются с Клемансо. Мы в конце 1918-го года. Они хотели узнать, как союзники собирались вести себя по отношению к русской контрреволюции. В этот самый момент Россию поддержал Клемансо, оценивший ситуацию, тогда как Вильсон и Ллойд-Джордж, естественно, отклоняют любое содействие ей и любое вмешательство.

ПМ: *Что делал Ваш отец до революции? Какого рода это была деятельность?*

НВ: У него была одно-единственное дело – он занимался земской деятельностью.

ПМ: *В каком году родился Ваш отец?*

НВ: Василий Вырубов родился в 1879 г. Редко случалось в ту эпоху в России, чтобы люди из его среды получали бы высшее образование. Тем не менее, мой отец – доктор математических наук. В результате его дядя, князь Львов, уже являющийся председателем Земства, привлекает Вырубова к работе в нем. Мой отец был либеральных воззрений, хотя я терпеть не могу это слово, поскольку за ним может скрываться все, что угодно, и оно может ни о чем не говорить. Князь Львов также имел либеральные воззрения. Живя в стране, находящейся под властью абсолютной монархии, они думали не о революции, а о конституционной монархии, такого типа, какой существует в Великобритании – с парламентом и выборами.

Мой отец родился в Грузии, где его отец служил в ведомстве великого князя Михаила, наместника Кавказа. Он живет в Пензе (приблизительно 700 км на юго-восток от Москвы), где начинает работу в Пензенском земстве. Затем он включается в работу Московского земства. Его отец умирает, когда Василию Вырубову было 19–20 лет. Поскольку он был старшим из пяти детей, а имения семьи были расположены далеко друг от друга, он принял решение управлять ими, чтобы приумножить наследство. Он становится главой семьи. Одновременно его избирают в Земство города Пенза, которое он представляет в московских инстанциях. Отец всегда говорил об этом опыте, как об очень значительном для него. Во время этой работы он встречался с людьми, принадлежащими совершенно иному кругу, нежели привычный ему. В Земстве было мало представителей его среды. Главным образом, сюда приходили люди, занимавшиеся государственным управлением – те, кому опротивели архаизм системы, неэффективность администрирования. Здесь были врачи, адвокаты, все хотели построить новую Россию. Они не составляли политической партии, но таково было их умонстроение. Не нужно забывать, что тот мир был консервативен, мир абсолютной монархии, где никто никогда не занимался развитием образования.

Многие только впустую проводили время, служа в Гвардии, а потом в Министерстве иностранных дел, Министерстве юстиции или Министерстве внутренних дел.

ПМ: *В 1914 г. Вашему отцу было около 35 лет. Он принял участие, так или иначе, в самой войне?*

НВ: Нет.

ПМ: *Никогда?*

НВ: Нет, он проходил военную службу в полку кавалергардов, который для русского дворянства стоял на первом месте. Он был награжден медалью святого Георгия за успехи в гражданской деятельности. С самого начала войны он занимался земской деятельностью на Западном фронте.

ПМ: У него никогда не было желания выбрать другой полк?

НВ: Нет, Нет, ни в кирасирском, ни в гусарском, которые действительно хороши, но не лучше его полка. Мой отец на протяжении всей своей жизни ценил принадлежность к нему; своими корнями он принадлежал к консервативной среде, а по своему мировоззрению он отличался от нее.

ПМ: Он был привязан к этой среде своими корнями, но его ум побуждал его меняться.

НВ: В его характере был заложен фермент протеста. Он сумел, принадлежа одной среде, раскрыться в другой. Но в любом случае, он был столь восторженным человеком, до такой степени, что, когда в 1939 начнется война, он мне напишет, а затем приедет повидаться со мной в Лондоне, и скажет мне, что нужно сражаться во что бы то ни стало. И я не припомню ни малейшего доказательства: почему было нужно, чтобы русский апатрид сражался? Он мне его не назвал. В его характере было много энтузиазма. Я убежден, что посты ответственного за земскую деятельность при начальнике Штаба и при председателе Временного правительства были очень важны для него.

Во время революции генерал Алексеев был начальником Генерального штаба, в то время как Император – Главнокомандующим. После отречения Императора, когда Временное правительство возглавлял князь Львов, генерал Алексеев становится Главнокомандующим.

С приходом Керенского Алексеев не захотел быть Главнокомандующим, поскольку фигуру Керенского очень плохо воспринимали, главным образом, военные. Керенский – социалист-революционер, который не был представителем какой-либо среды. Отец его был учителем, дедушка – священник-расстрига. Таким образом, в глазах русских он не принадлежал никакой конкретной среде. Он был умен, образован, он был адвокатом и хитрецом; он был одержим политикой, и политика вознесла его. Прийдя к власти, Керенский приглашает моего отца, о чем свидетельствуют документы, ведь после отставки князя Львова отец незамедлительно покинул Временное правительство. Керенский просит моего отца объехать всех командующих армий, чтобы узнать, кого бы они желали видеть в качестве Главнокомандующего и начальника Генерального штаба.

ПМ: Чтобы заменить генерала Алексева?

НВ: Да. Мой отец в своих воспоминаниях приводит эту единственную причину, говоря о своей поездке к генералам. Он полагает, что поскольку принадлежит хорошему обществу и служил в Кавалегардском полку,

а также открыт доводам разума, – все это облегчит ему его миссию. Возвратившись из этой поездки, он сообщает, что командующие армиями просили, чтобы Керенский стал Главнокомандующим. Вот то, что сделал отец, но далее надо найти начальника Генерального штаба. Как известно из документов, Керенский приказывает разыскать моего отца среди ночи и просит его навестить генерала Алексеева, чтобы просить того стать начальником Генерального штаба. Как профессиональный военный генерал он терпеть не может Керенского, и все то, что за ним стоит, и отвечает категорическим отказом. Мой отец докладывает об этом Керенскому. Керенский сражен, потому что Алексеев прежде всего пользуется популярностью в армии. Тогда оба, Керенский и мой отец, снова встречаются с генералом Алексеевым. Разговор был записан и сохранился в памяти отца. В присутствии Керенского генерал Алексеев в конце концов согласился быть начальником Штаба, но заболел и спустя пятнадцать дней ушел в отставку по состоянию здоровья.

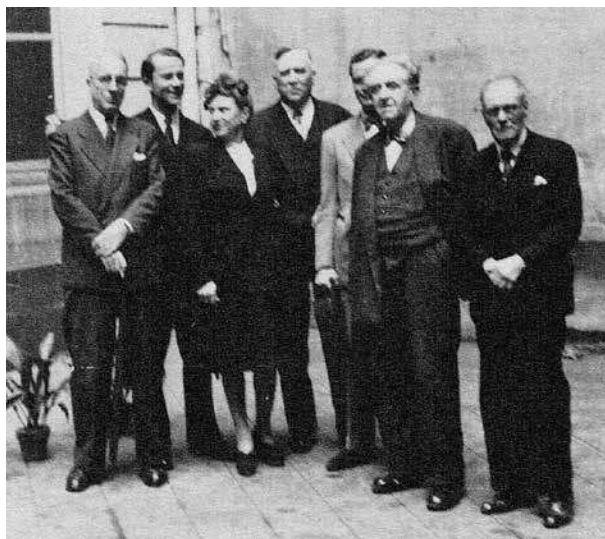
В этот момент Керенский назначает начальником Генерального штаба генерала Корнилова. И вот в сентябре происходит переворот под предводительством генерала Корнилова, он отправляется в Петроград, чтобы взять власть в свои руки, сохранив, впрочем, Керенского в своем правительстве. Это достаточно любопытно, но это так. Керенский – это катастрофа уже потому, что он был вознесен именно революцией. Тогда он снова просит приехать моего отца и просит его остановить этот бунт. Отец встречается с главой путчистов и убеждает их остановить движение. Отец совсем не любил Керенского, тот был совершенно из другой среды, но я полагаю, что в тех условиях отца должно было глубоко взволновать выполнение подобных миссий.

ПМ: Что поразительно, так это то, что в действительности в возрасте немногим менее 35 лет Ваш отец играет одновременно в тени и на виду у всех, исполняя роль доброго помощника: то он появляется в различных правительственных структурах вместе с князем Львовым и генералом Алексеевым, то он выполняет задания Керенского. Тогда можно задать себе вопрос, вероятно, он считал, что судьба России была настолько зыбкой, что надо было быть в том месте, куда эта судьба его призывала.

НВ: У меня есть документ, показывающий, что в то время, как генерала Духонина арестовывали и терзали, генерал Врангель был членом этого штаба. Мой отец, служивший в полку кавалергардов, знал генерала Врангеля. Они были друзьями юности и очень хорошо знали друг друга. Таким образом, генерал Врангель был назначен помощником начальника Генерального штаба. Он оставил воспоминания, в которых рассказывает, как встретил моего отца, и как они обсуждали эти события. После того,

как генерал Духонин был растерзан и погиб, генералы его Штаба, генерал Дитрих, генерал Врангель и мой отец встречаются, чтобы взять дело в свои руки и восстановить контрреволюционное правительство – нечто вроде триумvirата. Генерал Врангель должен был быть главой военных, мой отец – гражданского общества, что касается Дитриха, я не знаю, какой была бы его роль. Этот проект остался невоплощенным.

Мало-помалу генерал Алексеев, поправляющийся от своей болезни, берет командование над тем, что мы можем назвать «Белой армией». Он пытается сгруппировать помощников, но вскоре умирает, успев создать только зародыш контрреволюционного движения. Все-таки надо учитывать, что Алексеев никогда не хотел возглавлять политическое движение, в то время как Деникин и Врангель были генералами-политиками. Начало Белой армии связано с духом демократии и либерализма. Затем это движение перерождается в монархическое, призванное бороться с большевиками, обещающими всем раздачу земель, равенство, братство и свободу. Демократы также обещали свободу, братство и равенство, так как хотели создать систему конституционной монархии. А привлечь глубоко необразованных людей, совершенно не видевших особой разницы между демократами и революционерами, было очень трудно.

Слева направо: Михаил Александрович Рено, Николай Васильевич Вырубов, Елена Максимилиановна Подгорная, Василий Васильевич Вырубов, Василий Васильевич Вырубов-младший (сын ВВВ, видна четверть лица), Наум Борисович Глазберг, Константин Григорьевич Голубков. Париж, 1946 г.

И тогда было решено ужесточить тон и возвратиться к монархической риторике. Князь Львов, прибыв вместе с моим отцом в Париж, действует осторожно. Тогда и образовался фонд послов, т.е. русские посольства в США, во Франции, в Англии и в Италии решили создать фонды, содействующие во время войны в закупках снабжения, предназначенного для российского государства. Эти фонды были значительны,

главным образом, они были созданы США. Князю Львову удалось убедить американцев и французов давать деньги из этих фондов на контрреволюционное движение. Тогда эти фонды служили как финансированию Белой армии, так и помогали беженцам, прибывающим отовсюду. Объединенным фондом управлял князь Львов. Но когда в 1920 г. князь Львов видит, что Врангель и вся Белая армия стали монархистами, он слагает с себя все свои обязанности и ответственные должности в контрреволюционном движении и посвящает себя только Земгору, поскольку в России имелись городские организации и сельские организации, объединенные в едином комитете Земгора, который и возглавлял князь Львов.

Он восстанавливает комитет Земгора в Париже, становится его председателем и, используя фонды послов, занимается русскими беженцами со всего мира.

ПМ: *Вы упомянули о Ваших воспоминаниях, связанных с различными русскими городами, в которых бывали. Помните ли Вы что-либо о Пензе?*

НВ: Я помню лишь Петроград, тогда мне минуло девять лет. Помню школу, дом, в котором жил в Петрограде. Петроград многоводный, немного похожий на Венецию. Зимой эта вода замерзала, и мы катались на коньках на Неве. К слову сказать, зимы в России очень суровы. Нужно было согреться, и чтобы добыть поленья для печи, мы вырывали куски деревянных мостовых (подобно тому, как в Париже, Вы знаете, куски летят из-под копыт лошадей). Итак, мы выходили из дома, неся с собой банку из-под консервов с дыркой (проделанной крупным гвоздем), заполненной свинцом и привязанной к бечевке, и ловили ею деревяшки, когда баржи, груженные деревом, проходили под мостами.

ПМ: *Помните ли Вы еще что-нибудь о России?*

НВ: В основном у меня остались лишь образы, поскольку в моем детстве часто менялись пейзажи, города. Так, – я полагаю, это было, когда мы жили под Орлом, в деревне, летом, – мимо нас туда-сюда ходили дети, они пасли свиней или коров. Я помню, как мы разжигали костер, потому что ночью становилось немного прохладно, и мы пекли картошку в золе. Вот такие мелочи остаются в памяти. Также осталось в моей памяти, как мы собирали грибы и фрукты. Я помню, как в то время в Петрограде была создана комиссия, собиравшаяся, чтобы решать будущее детей. С восьми лет я был совершенно запущен. Моей сестре исполнилось четырнадцать лет, и она готовилась стать учительницей. Брат был мастеровитым и должен был стать сапожником. Он закончил тем, что в Аргентине стал заводчиком скота. Я сохраняю с ним отношения. Я должен был стать или театральным актером или танцором балета. В общем, меня направили именно в школу драматического искусства.

Мне было девять или десять лет, когда я прибыл в Париж, мы собирались у друзей, и мне говорили: «Николя, исполни нам что-нибудь». В этой школе проходили занятия, где мы выбирали сами, кого хотели бы воплотить, и перед классом должны были представить персонаж, которого нам хотелось сыграть. И по причине, которой я не помню, я хотел быть Борисом Годуновым. И потому я репетировал роль Бориса Годунова. Смерть Бориса Годунова была моей любимой мизансценой, я катался по земле, крича: «Бог спасает Россию», – и находил это восхитительным. Публика находила, вероятно, эту сцену довольно симпатичной, так как просила меня повторить ее.

ПМ: *Есть ли у Вас воспоминания о российской империи? размышления о ней?*

НВ: На протяжении всей моей юности во Франции, я говорю о довоенном времени, я жил за городом, во Флэри, недалеко от Барбизона. Итак, в то время мы жили во Флэри, среди русских, которые, как и мы, были чрезвычайно стеснены в средствах. Мы оказались одной из редких русских семей, имевших большой дом благодаря семье Ганей. У нас всегда было много друзей и рядом жили мои дяди. Так как в доме не было ни воды, ни электричества, вечерами не оставалось ничего другого, как собираться в большой столовой и слушать, как старшие рассказывают истории, или ложиться спать. Никакое другое времяпрепровождение было невозможно. Таким образом, мы все, моя семья, вся молодежь, и я в том числе, были переполнены историями друзей моего отца. Кто, что и как делал? Естественно, все говорили только о жизни до революции, это был способ забыться.

Это мне дает возможность говорить о умонастроениях, которые я очень хорошо узнал, разговаривая с дядями, людьми другого мира.

Если сказать кратко, то после убийства Александра II, положившего начало реформам, окружение убедило Александра III, что смерть его отца была вызвана преждевременным введением реформ.

Таким образом, начиная с Александра III, государство становится более жестким и дает задний ход; против действий террористов государство также использует террор и наказания. В этот момент – мы в 1904 г. – Япония начинает войну против России, это – безумная, абсолютно неожиданная война, которой руководят некомпетентные русские генералы. То были времена, когда генералы обладали очень ограниченными знаниями, становясь офицерами практически с колыбели. Итак, приходит 1905 год со своими демонстрациями и – как мы видим в кинохронике тех лет – эти безумцы стреляют и убивают людей. Начиная с этого момента правительство вынуждено уступать, и оно провозглашает конституцию, непригодную для использования.

Монархия стала конституционной, т.е. это была монархия с непригодной конституцией. Это было поистине несчастьем: Император и его окружение выбирают политику, которая является заведомо катастрофической. Или мы продолжаем подавлять терроризм, ужесточать наказания, или создаем реальную, эффективную конституцию, основанную на всеобщем голосовании. То есть с парламентом и выборами. Было сделано наоборот. Русское государство разрешает все политические партии, в том числе социалистов-революционеров. Вся пресса свободна, совершенно свободна. Она выступает против авторитарного правительства и людей, его поддерживающих.

Россия – страна, где было дворянство, крестьяне, а также потомственные купцы, подобно торговцам во Франции и буржуа из Кале, составлявшие костяк активного общества. Купечество вело жизнь, абсолютно отличную от других слоев, оно вступало в брак только между собой и было богаче дворян. На фоне экономических и индустриальных достижений в России, которые в начале XX в. были колоссальными, создаются огромные промышленные предприятия. Все это формирует новый класс, состоящий из руководителей производства, инженеров, – одним словом, людей умственного труда. Все больше людей уходит из государственных организаций, понимая всю отсталость этих организаций и необходимость менять что-то в умах людей.

Подобные люди есть среди врачей и адвокатов, и среди дворянства появляется все больше людей, подобных моему отцу – просвещенных дворян. Все это спланирует людей, настроенных либерально, а не экстремистски, тех, кто хочет установить конституционную монархию.

В то же время существовала категория социалистов-революционеров, подобных Керенскому. Сегодня во Франции, откуда бы человек ни происходил, это не имеет значения, умного человека могут сразу же очень хорошо принять, он может всех увлечь, а в то время все очень зависело от своей среды. Так как Керенский не принадлежал никакой среде, он, увлекшись социализмом, отправился во Францию как адвокат по политическим делам и приобрел друзей из французской социалистической партии. Во Франции по традиции социалисты принадлежали масонской ложе Великого Востока. Они побудили Керенского развивать в России это учение, абсолютно не соответствовавшее русскому менталитету.

Русское франкомасонство – социальное, умеренное, без каких-либо интеллектуальных связей с Великим Востоком. Большинство русских франкомасонов – это дворяне, знать, очень высокопоставленные и часто богатые, убежденные в необходимости просвещать людей, в том, что надо жить в братском обществе и, по сути дела, спасать мир. В своей жизни эти

люди не делали ничего, чтобы его спасти, но они примыкали к этим группам, потому что считалось, что это хорошо. Я знал друзей моего отца, людей, принадлежащих к очень известным семействам, они никогда ничего не понимали, никогда ничего не делали, но считались франкомасонами.

В России, со времен правления Александра II, в среде русского дворянства появился вид нового сознания, который чувствуется в Достоевском и во всей русской литературе той эпохи: это больная совесть по отношению к человеку, т.е. крестьянину. В этот момент возникают совершенно глупые, популистские движения, где сыновья из богатых буржуазных семей берут свою котомку, уходят в села, поселяются в избах и говорят крестьянам: «я пришел, чтобы тебе помочь».

Крестьянин всякий раз поднимает его на смех, потому что у него изнеженные руки и потому что он ничего не умеет делать. Это было катастрофой, так как это движение распространялось по России подобно пожару. Они назывались «народниками», т.е. людьми, идущими в народ. Но франкомасонство высшей знати – это совсем другое, поскольку это социальное, философское и гуманистическое движение. И вот, оно должно оказывать влияние в условиях абсолютной монархии. Кто же может оказывать это влияние помимо высокопоставленных людей, которые на званных ужинах говорят в присутствии министра или придворного: «Вы знаете, все же надо подумать о наших бедных крестьянах, надо создать школы, надо создать больницу». Это довольно разумно. Всегда одна и та же формула: чтобы быть франкомасоном, надо было быть очень богатым, очень образованным или очень хорошего происхождения. Вот так. Иногда все условия сходились вместе, а иногда и нет.

Отныне предреволюционный исторический период можно назвать монархией, которая усматривает опасность во всех реформах, предложенных людьми даже умеренными.

С того момента, когда вы начинаете опасаться взрывов, настает необходимость противиться всем реформам – это даже людей умеренных превращает в действующих все более и более активно.

ПМ: О предвоенной России часто говорили, что это был «колосс на глиняных ногах». Россия была замкнутой, потому что, по Вашим словам, характер ее существования побуждал ничего не изменять, в то время как наиболее просвещенные люди чувствовали необходимость изменений, но понимали, что если бы изменения вмешались в ход событий, это означало бы бедствие. Складывается впечатление, что люди, в действительности, много размышляли, но мало действовали.

НВ: Я хочу продолжить сказанное Вами. Умеренные люди не думали, что изменение повлечет за собой бедствие, так полагали именно люди

консервативного мира. Вот что довольно удивительно – я только что закончил статью для издания книги о князе Львове в Москве – вот, что выходит за всякие рамки, – это сам государственный аппарат ...

В день отречения Императора (16 марта 1917 года) обрушивается именно система, так как его брат, великий князь Михаил, отказался принять престол. Больше нет никого, буквально никого, поскольку правительство, которое назначил Император, распадается. Никого больше нет потому, что Император отрекся. Все государственное устройство, построенное на принципе монархизма, исчезает вместе с монархом. Политическая деятельность, находящаяся в полной беспомощности, в разгар кризиса доказывает свою неспособность. Утрачивается доверие к управлению.

Что такое это Временное правительство? Временное правительство – это некоторое количество депутатов Думы, которые говорят: «ну, надо же, чтобы кто-то отдавал приказы», – и они привлекают людей, до сих пор не причастных к управлению государством, профессоров университета или руководителей крупных военных предприятий, а также князя Львова, являющегося главой Земства, чтобы те взяли на себя все управление. Действительно, брат Императора, отказываясь от престола, говорит: «Я прошу, чтобы Россия созвала Учредительное собрание и именно решением Учредительного собрания я буду руководствоваться в своих действиях. Если оно призовет меня стать конституционным монархом, я стану монархом; если оно хочет другую систему, мы подчинимся решению Учредительного собрания».

Таким образом, группа людей, – я даже не знаю, как ее охарактеризовать, – на гребне войны, в атмосфере всеобщего возбуждения, собирается и провозглашает себя «комитетом»; кто-то говорит, это также глупо, как если бы они сказали: мы не «комитет», мы – «правительство». Действительно, у него нет власти, чтобы определять действия, не было и выборов, а Дума обладает только совещательным правом, но не решающим. И с этого момента нет больше власти в России. Эта огромная государственная машина с армией, с полицией – без управления; представьте себе теперь, в конце концов, каким может быть состояние государства.

ПМ: *Государство оказывается без головы.*

НВ: Да, больше нет того, кто мог бы принять решение.

Так как Временное правительство – временно, то в ожидании Учредительного собрания следует поставить во главе этого правительства кого-то аполитичного, подобного князю Львову. Он известен как хороший организатор, не имеющий при этом политических амбиций. Так что же сделать? Нужно, чтобы Россия продвигалась, нужно, чтобы она снабжала население продовольствием, нужно продолжать войну. Всегда говорили, что у князя Львова нет никаких черт характера, необходимых человеку, способному

возглавить правительство во время кризиса. В действительности, члены Думы, по просьбе брата Императора, готовились созвать Учредительное собрание и не хотели, чтобы глава Временного правительства мог бы повлиять на выборы, потому что все прекрасно знают, что такое власть. Таким образом, следует учитывать, что главой Временного правительства должен быть тот, кто не имеет политических амбиций и кто не может повлиять на выборы, т.е. такой, как князь Львов.

Итак, назначают кого-то, кто является точной противоположностью тому руководителю, который умел бы сопротивляться и своими действиями помешать гражданской революции. И, Вы знаете, когда воцаряется беспорядок и рабочие внезапно нападают на жилые здания, разоряют и поджигают их – это сразу же необходимо пресечь, даже если приходится стрелять. А кто в России станет стрелять? Ведь уже нельзя использовать армию, уже вовлеченную в революцию. Нельзя использовать полицию, архизвестную как средство подавления революционеров в эпоху абсолютной монархии. Еще несколько недель тому назад казаки избивали нагайками людей. И невозможно, естественно, использовать их сейчас как силы правопорядка. Во всяком случае, одно можно сказать наверняка: все свидетельствует о том, что отсталое государство опирается на нечто, не являющееся надежной точкой опоры. Монарх отрекся, поскольку он был полностью дискредитирован, потому что он под каблуком жены, потому что его жена назначает главой правительства какого-то придворного камергера, совершенно не способного управлять. Здесь дело вовсе не в принципе монархии, поскольку русский – это всегда монархист и в течение столетий жил для Бога и царя – это какая-то мистика.

Следовательно, когда Император отрекся, отрицается не монархический принцип, но только личность царя.

Во Франции повиновение маршалу Петену отвечало потребности повиноваться иерархии, даже при том, что маршал Петен был стар. И в России была потребность повиноваться. У миллионов людей...

ПМ: *Потребность подчиняться приказам.*

НВ: Да. Например, офицеры приносили клятву царю. Но теперь недостает главного элемента – царя. Временное правительство состояло из пятнадцати гражданских лиц, абсолютно неизвестных стране. Князь Львов, да, был известен, потому что он занимался общественной деятельностью, но, в конце концов, он занимает место монарха, управляет группой гражданских лиц и просит их помочь ему восстановить порядок, остановить революцию, от имени кого? от имени чего?

Умирать во имя этого не легко. У целой нации произошла утрата интереса к властям, тем более, что революция 1905 года совершалась не против

монарха, а против властей. Следовательно, нужно было раскалить добела людей против власти. Итак, Временное правительство – власть наличествует, но не имеет никакого влияния.

ПМ: Вот откуда эта сложность. Только что говорилось о старом режиме в России и о старом режиме во Франции. В чем Вы видите разницу? Вы знаете французское общество. В чем разница между менталитетом французской аристократии и менталитетом русской аристократии? Первая потеряла власть во Франции с падением короля, вторая потеряла власть и даже средства к существованию с падением царя. Но, как я понимаю, та и другая реагировали не одинаково, жили не одним и тем же образом.

НВ: Начнем с того, что речь идет о двух различных эпохах, о двух различных ситуациях и о двух различных типах мышления. Если французское дворянство теряет своего короля, власть и часть своего имущества, и под угрозой оказывается даже ее существование, она, за исключением нескольких эмигрантов, несмотря ни на что остается во Франции.

Русское дворянство, напротив, после падения Императора сталкивается с октябрьской революцией 1917 года, которая лишает его всего имущества и изгоняет из страны.

Император кристаллизировал в своей личности все национальные устремления. Это символично. Русское дворянство не ощущало себя участником в деятельности власти и в делах государства. Оно видело в монархе гаранта своего благосостояния и идентифицировало его с народом, а не с государством. После отречения общество не сумело перенести свой настрой верности царю на Временное правительство. В момент кризиса правящего класса обнаружилось его полное безразличие. Главная причина успеха революции – решительность одних и инертность других.

ПМ: Это правда.

НВ: Основное различие состоит в том, что французское дворянство сознавало свою принадлежность общественному устройству: у каждого в обществе было свое место. В России не было ничего подобного. Русское общество не феодальное, а общинное. Титул князя или графа, принадлежавший некоторым семьям в России, никоим образом не определял их поведение и их привилегии. Не существовало никаких преимуществ титулованного дворянина по отношению к не титулованному.

Доказательством этому было то, что во время последней войны, когда народ осознает свой общинный интерес, он защищает Россию и становится победоносным. Мы знаем, что война началась в России в июне 1941 года; а в декабре 1941, согласно документам нюрнбергского процесса, которые я прочитал, было три миллиона девятьсот тысяч пленных русских. Русская армия не сражалась, потому что не было национальной сплоченности.

Не надо думать, что все совершил Сталин, а скорее тот русский, который почувствовал, что родина в опасности. В начале авторитет государства был под угрозой, и это не вызывало народной поддержки.

ПМ: *То, что Вы говорите, очень важно. Но как поступает русский, когда он потерял своего Императора? Как он ориентируется, весь этот правящий класс, среди которого Вы жили либо в России, либо на чужбине, как он ориентируется?*

НВ: Я никогда не слышал, чтобы при мне говорили об имущественных потерях. Люди были лишены источника их духовной жизни, и имущество теряло для них значение. Самой большой потерей была, конечно, атмосфера той жизни. Я попытаюсь Вам объяснить это как можно лучше, так как здесь есть вещи, которые я прекрасно понимаю. Для русского, дворянин он или нет, царь – это национальный символ, как Бог для верующего. Всякий раз, когда происходит встреча с Императором, крестьянин говорит ему «ты», в то время как другие говорят ему «Вы», потому что они уже внутренне изменились. Но крестьянин говорит «ты» своему землевладельцу, но не его знакомцам, приходящим к нему в гости, не всем людям; «ты» – своему хозяину, и «ты» – царю, потому что он воспринимает его в какой-то мере как отца. Русский разделяет понятие «царь» и понятие «государство», как он разделяет понятия «Бог» и «церковь». Это очень важная личная преданность, но, как показывает само слово, преданность личности по отношению к личности, и может относиться только к личности, а вовсе не к институциям. Для французов, я полагаю, Людовик XVI был синонимом власти.

ПМ: *Да, более чем.*

НВ: То есть, царь – больше того, что он представляет как глава государства. И потом, в истории России происходили иной раз перевороты, убийства. Но это не затрагивало непосредственно царя. Итак, я возвращаюсь к сказанному, когда создавалось Временное правительство, страна была еще монархической, монархической в том смысле, о котором уже толковалось, что означает монархия, в то время как Временное правительство никоим образом не соотносилось с этой системой. Следовательно, преданности к Временному правительству не возникает. Не забывайте, что в 1914 г. Россия вместе с Императором начинает войну, к которой армия не была готова.

ПМ: *Более того, уже произошла катастрофа 1905 года.*

НВ: Да. Но когда Император говорит: нужно воевать, страна воюет. Идут на войну. Они продвигаются слишком быстро, они заходят слишком далеко. Ведь страна идет за Императором. Здесь играет роль, я думаю, изначальная черта русского, слепое повиновение.

ПМ: Почти вошедшее в плоть и кровь.

НВ: Да, это так.

ПМ: В связи с тем, что Вы говорите о России, как Вы и история Вашей семьи, той, о которой Вы рассказали, вписывается в эти изменения? Что Вы знаете об истории Вашей семьи в процессе этой большой русской эпопеи, которую Вы только что описали?

НВ: Давайте кратко пролистаем страницы ее истории начиная с Екатерины Великой. Я знаю, что Вырубов, живший во времена Екатерины Великой, был офицером замечательного полка – я говорю замечательный, потому что он замечателен для русских, и который назывался Преображенским, страж дворца.

Он служит в этом полку, и когда Екатерина Великая решает убить мужа, она просит одного из братьев Орловых, Алексея, задушить его; а также она просит четырех офицеров участвовать вместе с нею в государственном перевороте. Среди этих офицеров – Петр Вырубов. У меня есть документы, отражающие эти события, и я знаю, что после успеха государственного переворота, Петр Вырубов становится сенатором. Он получает столовое серебро из рук Императрицы – то самое, которое было зарыто в Орле и которое является знаменитым сокровищем Орла. Когда моя мать покинула Пензу, будучи беременная мною (а мой отец был на войне), она увезла с собой фамильное сокровище, столовое серебро, полученное из рук Екатерины Второй. Кроме того, согласно документам, которые у меня в Париже, Петр Вырубов получает от царицы 800 душ как вознаграждение за помощь в государственном перевороте.

У меня есть копия его портрета, который находится в Москве в Третьяковской галерее. Он предстает именно таким, каким мы его и представляем себе, – перед нами сидит грузный мужчина. Его сын, по семейным документам, которые есть у меня, был офицером.

Затем был другой сын, тоже ставший офицером, а потом появился и мой дед.

Скажем еще, что сын сенатора сочетался браком с девушкой из своей среды и был на военной службе до возраста 35 или 40 лет, после чего возвратился в свое имение и больше ничем не занимался. Не забывайте, что такого рода менталитет оставался неизменным до Первой мировой войны. Здесь самым главным было, чтобы никакая деятельность не имела бы ни малейшего отношения к деньгам. Одно дело управлять имением или быть военным, а заниматься иным родом деятельности ему мешало его тонкое воспитание.

Уже мой прадед, чей портрет хранится у меня, любил приезжать во Францию. Он читал много книг по-латыни, по-гречески. Этот образованный человек умер в достаточно раннем возрасте. Его жена очень часто и

охотно жила во Франции с двумя их сыновьями, из которых один мой дедушка, и которому тогда было около десяти лет. Затем она вернулась в Россию, и мой дедушка и его брат учились в России, в гимназиях и в Александровском лицее. Итак, мой дедушка, в возрасте 20 лет, конечно, возвращается в Париж, чтобы старший брат, изучавший медицину в Берлине, подготовил его для поступления в университет. Это очень любопытный факт: почему нужно учиться медицине тому, кто если и не богат, то и не заботится о деньгах? Вероятно потому, что в медицине нуждалось общество.

События 1870 г. ставят черту на его пребывании во Франции, мой дедушка Вырубов возвращается в Россию, где в конечном счете заводит семью, а его брат, мой дядя Григорий, ставший врачом в Берлине, получает французское подданство, поскольку его учитель французского языка в Александровском лицее в Москве⁶ был учеником Огюста Конта. Давая уроки французского, профессор воодушевлял своих русских учеников и делал из них приверженцев Огюста Конта. Таким образом, Григорий Вырубов, занимающийся медициной, увлекся Огюстом Контом, вдова которого всегда жила в Париже. И вот, имея рекомендацию, данную ему профессором, он представляется его вдове, и с этого дня начинается переписка между нею и моим двоюродным дедушкой, которого она называет «мой ангел». Это я сказал Вам для того, чтобы объяснить – в доме Огюста Конта очень любили ближнего своего.

Во время войны 1870 г. дядя Григорий решил защищать Францию, именно благодаря влиянию Огюста Конта, а также и его вдовы. Россия не принимала участия в конфликте, и он не мог вступить в армию. Тогда он попросил помочь ему в этом посла России во Франции, который не знал, что ему на это ответить. Национальная гвардия во Франции не знала, как принимать в свои ряды иностранцев и на каких условиях. Этот вопрос урегулируется тогда, когда Наполеон III будет захвачен в Седане, и начнется осада Парижа.

В этот момент все устраивается, посольство сообщает дяде, что у российского государства нет возражений, Национальная гвардия приняла его в свои ряды, тем более, что он врач, и участвовал во всех военных операциях. Он оставил нам описание чрезвычайно интересных подробностей о том, как заботился о коммунарах, что впоследствии навлекло на него немало неприятностей.

В его воспоминаниях есть совершенно удивительные вещи. Так, он рассказывает в своем дневнике, который частично у меня сохранился, что, переходя площадь Согласия, он увидел толпу, рвущуюся к дворцовым

⁶ Александровский лицей – название Царскосельского лицея в то время, когда он переехал из Царского села в Петербург. – Прим. ред.

воротам, чтобы добраться до Императрицы, скрывшейся в Тюильри. Дядя рассказывал: «Я подхожу к решетке, и за ней вижу офицера и солдат, которые, находясь внутри, готовы стрелять в эту агрессивную толпу». Оказывается, офицер, отдающий команды, – из той же масонской ложи, что и дядя Григорий. Он делает ему знак, пытается подойти, каким-то образом, через дверь в ограде, которая не заперта, и убеждает офицера увести своих солдат.

Офицер уводит солдат, открывает ворота ограды, и толпа устремляется во дворец в поисках Императрицы, скрывающейся уже на Вандомской площади у американского дантиста. Тогда дядя Григорий из любопытства последовал за толпой, и вот что он пишет: «Я видел эту толпу, устремившуюся во дворец, наполненный различными вещами, и не увидел ни одной сломанной вещи». Никто ничего не разобрал.

Это незначительная история, но все-таки интересно знать, что происходило тогда, поскольку в России во время революции в императорских дворцах, естественно, все было разрушено и, в частности, в Зимнем дворце.

ПМ: *А что стало с Вашим дядей Григорием?*

НВ: Он женился на француженке, мадмуазель Анн Подзо ди Борго, сестре великого герцога. Она умерла в относительно молодом возрасте (оба похоронены на кладбище Пасси). Оставшись вдовцом, дядя Григорий женился на мадмуазель Рише, сестре Нобелевского лауреата. Все эти подробности есть в энциклопедическом словаре Grand Larousse. Доктор Рише был лауреатом Нобелевской премии в области медицины.

Я забыл сказать, что заслуга Григория была в том, что он стал другом Литтре. Они оба были франкомасонами. Сегодня Григорий Вырубов – легендарная фигура для франкомасонов ложи Великого Востока. Я немного преувеличиваю, но полагаю, что если войду в ложу Великого Востока, на улице Каде, они все встанут – так почитают его имя. Я нашел в своих бумагах рукопись речи, произнесенной там дядей Григорием в 1876 г.: «Недопустимо, чтобы в нашем уставе была записана обязанность верить в Бога. Я прошу, чтобы мы убрали это условие и оставили свободу для каждого, верить ему или не верить». Устроили голосование, те, кто защищал веру как обязанность, стали основателями Великой Ложи, те, кто ее отвергал, создали Великий Восток. Так Григорий Вырубов стал известен, поскольку послужил разделению двух лож.

И вот, когда в 1964 г. я сопровождал в Россию Гастона Палевского, министра научных исследований, с нами были выдающиеся ученые, такие, как Перрин, Кулон, Дени, и все они были масонами. Когда они увидели в списке фамилию Вырубов, я почувствовал в тот момент, – это было именно ощущение, о котором я Вам говорю, – что они стали проявлять по отношению ко мне особое внимание.

До такой степени, что Большой Восток решил воспользоваться тем, что происходит сегодня в России, чтобы броситься на завоевание России, потому что они всегда любят воспользоваться нестабильной обстановкой.

Это полный идиотизм, потому что если у франкомасонов было бы представление об истории, они бы вспомнили, что масонство было обращено к великим умам. В современной России подобные действия не имеют никакого смысла. Они позвонили мне и спросили: «Господин Вырубов, Вы разрешите, чтобы наши акции в России прошли под знаменем Вырубова и чтобы на всех документах, предназначенных для России, было напечатано фото Григория Вырубова?» Масса единомышленников франкомасонов в России с изображением дяди Григория!

В конце концов, дядя Григорий – ученый. Если сегодня Вы отправитесь в Сорбонну, на факультете минералогии Вы увидите витрину «рубин Григорий Вырубов». Он создал первый синтетический рубин. Уже невозможно создать второй такой же красивый, потому что его дороже сделать, чем купить те, что создал Господь Бог. Минералог Григорий Вырубов приложил большие усилия, чтобы провести всевозможные виды экспериментов, сжег свои легкие и умер.

Что касается моего дедушки, то он возвратился в Россию и женился на одной из княжон Львовых. Их было шесть сестер и четыре брата. Вы сказали, что мои родственники – по всей Святой Руси. Действительно, мой дед служил у великого князя Михаила, наместника царя на Кавказе. Мой отец, который был старшим из пяти детей, родился на Кавказе. Его мать, кажется, произвела его на свет, гуляя в горах Грузии. Его настолько раздражало, что он родился не в столице, что он пошел в префектуру и – поскольку мой отец всегда добивался всего, что хотел, – заставил зарегистрировать себя как «родившегося в Москве», тогда как он вовсе не в Москве родился. А родился он в совершенно неизвестном небольшом городке в Грузии. Это для него было невыносимо.

ПМ: *Вот линия Вашего отца в истории Вашей семьи.*

НВ: Да, и мой дедушка, естественно, франкомасон, так как после государственного переворота Екатерина Великая поощряет своих приближенных становиться франкомасонами.

Затем она вдруг поймет, что они попались на крючок энциклопедистов, в частности, Монталамбера и Дидро, а это заводит слишком далеко. Вот почему я первым из своей семьи не стал франкомасоном.

ПМ: *Можем ли мы ненадолго вернуться к революции в России и обстоятельствам, в которых Вы оказались?*

НВ: Только к одному моменту. В чем, в сущности, причина, из-за которой монархия рушится окончательно и стремительно, без возможности

какого бы то ни было сопротивления? Император отрекся от престола в Петрограде и в марте 1917 г. приехал в Царское Село, где жил под надзором. Его расстреляли в июле 1918 г. А ведь он хотел отправиться в Крым. Но железнодорожники уже объявили забастовку, и невозможно было следовать поездом из Петрограда в Крым и не быть узанным. Наверное, это можно было бы сделать, но, в конце концов, правительство оказалось не в состоянии обеспечить движение поезда по всему маршруту. Единственным путем, который правительство, после разведывательных действий и собранной информации, нашло возможным, была линия Петроград–Тобольск. На самом деле, его власть простиралась до Тобольска. И поэтому оно посылает императорскую семью в Тобольск.

Но вот что удивительно, монархическая структура, опирающаяся на общество, дворянство и регулярную армию, и, в частности, на эти привилегированные полки, остается безучастной. Поразительно, что ни одно подразделение этой огромной монархической регулярной армии, со всем, что включает в себя это понятие и что Вы могли прочесть о ней, не стремилось отправиться в Царское Село, вызволить царя и его семью и перевести их в леса Финляндии. Не было ни единой попытки ни одного из подразделений этой огромной регулярной армии, как же это удивительно! Никто не поднялся, никто не протянул руку русскому царю.

ПМ: Как Вы это объясняете?

НВ: Это то, что я хотел бы узнать. Когда мы наблюдали недавнее падение коммунистического режима, мы понимали, что причиной является недовольство населения методами его управления.

В России было не так. Конечно, если присмотреться, ситуация в экономике или в промышленности не казалась удовлетворительной, однако, в конце концов, именно государство продолжало исполнять свои функции. Главной причиной падения царизма было то, что год от года ослабевали сами основы правительства, общества, дворянства, высшего руководства, как Вы это называете, все их реальные силы. Формально эти структуры существовали, некие лица там занимали свои посты: правители, министры, важные государственные лица, они направлялись в эти структуры, входили в них, но, на самом деле, они более не выполняли свои функции, их авторитет не признавался. Я полагаю, в армии это должно было происходить подобным образом. Вдруг это общество, существующее призрачно, а не реально, видит, что символ его исчезнет. Оно еще существует, но уже ничего собой не представляет. Я полагаю, что дело вовсе не в свержении режима, ни в осуществившейся революции. Есть недовольство. Впрочем, Солженицын говорит, что октябрь 1917 г. – не революция, а революция – это февраль 1917 г., потому что в феврале режим Временного правительства

заменяет монархию, тогда как в октябре правительство социалистов-революционеров Керенского так близко к коммунизму, что это уже не свержение режима. Я лишь хотел подчеркнуть особенность этого явления в России.

ПМ: *Вы говорили об окружении Императора, окружении Императрицы, и, в частности, об Анне Вырубовой. Что Вы слышали, как говорили об этом окружении Ваши соотечественники? Можно ли считать, как это было во времена Французской революции, что отношение двора и окружения Императора сыграло большую роль в стремительном падении империи?*

НВ: Это то, что Вы видели в кино про последнего маньчжурского Императора? То же самое и в России. Это означает, что Император совершенно изолирован своим окружением, в свою очередь, тоже изолированным и желающим спасти себя, когда он внезапно уходит со сцены. Я считаю, что ничего не менялось в стране по причине полного незнания состояния, в котором она находилась.

Весь двор жил по привычке, по традиции и следуя этикету. Каждый был назначен лично Императором. Императрица подозревала, и она должна была это чувствовать, что ее, как личность, плохо принимают русские, и не потому, что она была немкой, так как в России мы привыкли к немцам. А потому, я уверен, что она настаивала на том, чтобы люди, назначенные Императором, были людьми преданными им и имеющими такой же, как у них, образ мыслей. В конце концов, ничто в жизни и быте дворца не дает основания считать, что дела идут плохо, поскольку донесения, которые получает Император, редки. Например, по воспоминаниям князя Львова я знаю, что он определенно хотел отправить донесение Императору, но этикет настолько осложнял подобные вещи, что он не смог этого сделать. Таким образом, Император оказывается совершенно беспомощен, поскольку люди, отвечающие за почту, строят преграды их получения Императором с целью, чтобы он не отвечал на донесения.

Все способствует тому, чтобы он жил в полной изоляции. Как это низко – ведь он не был нечестным, но слабым, и, как множество слабых людей, нуждался в чьей-то волевой помощи, благодаря посредничеству которой он действовал. Когда председатель Думы Родзянко попросил Императора вернуться в Петроград, где усиливались беспорядки, он не приехал и поручил отправиться туда и навести порядок престарелому генералу Иванову. Распутин, если попытаться рассмотреть его беспристрастно, не был плохим человеком, и если бы его не убили, он, может быть, смог бы повлиять на Императора в пользу окончания войны.

Вернемся в решающий момент конца 1916 г.: Император назначает премьер-министром князя Голицына, придворного вельможу, не пользующегося никаким доверием в Думе. Этот князь назначает министров, не

внушающих к себе доверия как личности, и Дума на пленарном заседании отказалась обсуждать их кандидатуры с правительством. Атаки предпринимались со всех сторон. Отношения между Думой и правительством окончательно разрушились к концу 1916 г.

Дума заседает только во время сессий, она должна быть распущена в феврале; Императору советуют отложить сессию, а не распускать парламент. Император отправляет указ «отложить», но этот указ не успевает прийти, и Дума заседает в то же время, как и обычно.

ПМ: *Вы говорили о Распутине и его роли.*

НВ: Распутин был против войны. Император был очень чувствителен к критике, тем более, что Романовы были очень близки с немцами. Я думаю, что он не хотел, ни чтобы на него нападали, ни чтобы его критиковали. Возможно, он был пронемецки настроен, ведь его бабушка была немкой и его жена была немкой, но он не хотел, чтобы это стало известно. Именно в 1916 г. Император повелевает вернуть на родину из-за рубежа все частное имущество императорской семьи, и определенное число русских, чтобы показать, что они тоже патриоты, как и Император, возвращают в Россию имущество, которое у них было в Швейцарии, во Франции или в Англии. Когда, спустя шесть месяцев, они становятся беженцами, оказывается, что у них больше ничего нет.

Таким образом, Император определенно хочет продолжения этой войны. Очевидно, что если бы Россия остановила войну в 1917 г., это уничтожило бы огромное преимущество большевиков, позволившее им совершить революцию, потому что Россия тогда потеряла очень много мужчин. Все знали, что у солдат даже не было достаточно ружей, и что их отправляли на передовую независимо от этого. Армия была деморализована не столько от поражений, которые российская армия начинает претерпевать еще в 1916 г., но просто в России устали от войны. Естественно, большевики требовали окончания войны уже в течение нескольких лет, потому что они, в целом, были противниками войны, а также надеялись восстановить контакты с коммунистами Германии, при этом знали, что их призывы все более и более доходят до населения. Положить конец войне – это что-то конкретное.

Позднее, в ходе моих встреч и разговоров с Керенским в Сент-Мартинен-Бьер, я задал ему вопрос, гуляя в чистом поле, где не могло быть никакого записывающего устройства: «Скажите мне, каковы Ваши основные ошибки?». Он мне ответил: «У меня две ошибки: это, во-первых, назначить генерала Корнилова главой Генерального штаба, и три месяца спустя в его лице получить заговорщика, и, во-вторых, не дать положительного ответа немецким эмиссарам. С того момента, как я взял власть в свои руки

в июле 1917 г., немцы сообщали мне, что готовы встретиться в Финляндии, чтобы положить конец конфликту, а я отказался это сделать». Я полагаю, что он прав. Известно, что господин Мутте, министр-социалист в правительстве Клемансо, друг Керенского и тоже масон ложи Великого Востока, постоянно приезжал в Россию, и именно отсюда идут все эти рассказы в советских исследованиях, что именно масоны заставили Керенского продолжать войну потому, что масоны с ее помощью составляли себе капитал. Вы видите, какие можно сделать выводы. Но, естественно, господин Мутте должен был беспокоиться, поскольку французы предпочитали, чтобы Россия находилась в состоянии войны.

***ПМ:** Убийство Распутина – это убийство политическое или убийство лишь по частным причинам, сведение внутренних счетов двора?*

***НВ:** Это сведение счетов внутри двора, но скажем даже, и внутри российского общества. Люди были очень возмущены поведением Распутина. Я был знаком с людьми, видевшими его, и они говорили, что это было отвратительное существо. Многие из них были потрясены, что этот бородатый омерзительный мужик, неряшливо жрущий и много пьющий – советник Императрицы, она же сама – советница Императора. Юсупов, большой эстет, человек очень красивый, даже женственный, должен был страдать больше, чем кто бы то ни было, общаясь с ним. По сути, Распутин запятнал собою двор. По-моему, именно это было существенно.*

***ПМ:** Взлет, который выпал Распутину благодаря Императрице, объясняется, в основном, его благотворным воздействием на гемофилию царевича или, на самом деле, он занял пустое место в пошатнувшейся семье, которая уже не знала, кому доверять?*

***НВ:** Это гораздо сложнее. Можно говорить о том, что поначалу именно болезнь ребенка заставила Императрицу искать любые средства, как его вылечить.*

Живя в совершенно искусственном мире, без контактов с нормальными людьми и с реальной жизнью, она очень откликалась на то, что кто-то мог бы спасти сына. Я полагаю, можно сказать, что это – именно то, из чего вытекает все остальное.

Но, есть еще другое. Императрица – мистик. Ее окружение, Анна Вырубова в том числе, мистики. Всем известно, в России были странники, обычно простые люди, ходившие из деревни в деревню и носившие на шее некий ящичек, в который народ клал пожертвования на Церковь. Когда они останавливались, люди выходили, давали им кусок хлеба. Они нигде не квартировали. Это были, обычно, пожилые люди с длинными волосами и большими бородами. Этих людей, в сущности, чтили как Божьих посланцев.

Не следует забывать, что любое русское общество – когда я говорю об обществе, я подразумеваю русское дворянство – всегда принимало к себе крестьянок. У нас, как и у моих кузенов, жила крестьянка. Крестьянки приходили в дворянские семьи лет 17–18-ти и оставались на всю жизнь. Эта женщина, которую русские называют «няня», а весь мир «tutoie», – друг детей, потому что, естественно, в это время у детей с родителями очень мало контактов. Эта няня – представительница народа. Необходимо, чтобы в каждой семье, даже в больших русских семьях, которые живут с множеством домочадцев, помня о традициях и этикете, необходимо, чтобы жил человек из народа. Эта женщина знает сказки, рассказывает о крестьянских обычаях, говорит, как выращивать овощи, как собирать яблоки или грибы. В конце концов, она знает все, что знают крестьяне. В русской литературе няня является ключевой фигурой.

Для двора и императорской семьи Распутин символизирует присутствие народа во дворце.

Это весьма любопытно. Я Вам привожу детали, но часто именно детали бывают особенно важны. Я читал письма, адресованные цесаревичу и его сестре, великой княгине Марии в Тобольск, от их родителей и сестер, находившихся в Екатеринбурге, ведь когда власти решили переместить семью из Тобольска в Екатеринбург, царевич был болен и перевозить его было нельзя. Эта переписка, длившаяся в течение трех месяцев, находилась у одного человека, который после смерти своих родителей нашел коробку с письмами и позвонил мне. В России существует две формы обращения детей к отцу и матери. Люди, скажем, моего положения говорят отцу и матери: мамá и папá, – не склоняя это слово, как это говорят во Франции. В то время, как крестьяне говорят – это может быть, тонкость – мáма и пáпа, склоняя эти слова. Иностранные слова в русском не склоняются, в то время как русские слова имеют склонение. И вот, я обнаружил, что дети Императора называли своих родителей как крестьяне, а не как в высшем обществе. Это мелочь, но показывает, что в русской жизни, в русской литературе еще есть потребность прислушиваться к народной речи. Я считаю, что эту народность представлял Распутин.

ПМ: *Можно ли сказать, что русский двор не имеет ничего общего с европейским? Мы видим, как изменялись нравы английского двора, испанского двора, французского, прусского или австрийского. А вот русский двор, кажется, оставался каким-то застывшим. Можно ли определить, не рвались ли связи между семьями во время Первой мировой войны, между русским двором и другими европейскими дворами?*

НВ: Да, но к сказанному это не имеет никакого отношения. Английский двор – это часть парламентской монархической системы. Таким образом,

парламент работает, а король окружает себя людьми, которые имеют обязанности, но не власть.

ПМ: *Можно привести в качестве примера Габсбургов?*

НВ: Так, если Вы возьмете Франца-Иосифа, он олицетворяет собой монархию, где парламент уже имеет большое значение.

Представители австрийских семей, работающих в индустрии, бизнесе или банках, часто евреи, и, как правило, приобретают титул баронов. Наш Император дарует титул баронов в том же количестве, как и в Англии. Те, кто преуспел в бизнесе, становятся новой аристократией.

ПМ: *Таким образом, Россия – это единственный пример абсолютной монархии, которая в таком виде в эпоху Первой мировой войны не существует более нигде.*

НВ: Если Вы посмотрите на русскую монархическую систему, вся она сводится к Императору и Государственному совету. Государственный совет состоял, я могу ошибаться, из семидесяти пяти или семидесяти восьми членов. Из семидесяти пяти членов – тридцать пять назначаются Императором из числа тех офицеров и сановников, кому он хочет оказать любезность. Церковь добавляет, вероятно, пятнадцать или двадцать членов из епископов или архиепископов, назначенных заседать в Государственном совете. Армия пополняет Совет генералами в отставке. В 1916 г. в Государственном совете на семьдесят пять членов приходится двенадцать человек из мира бизнеса и промышленности. Двенадцать! Диспропорция очевидна. Директоры компаний или банков, оказавшись при дворе, попадают в окружение людей, никогда не слышавших и ничего не знающих об экономической жизни. Император присутствует, а управляет страной Государственный совет, потому что Дума – это совещательный орган.

ПМ: *Прежде чем перейти к другим темам, более личным, можете ли Вы привести несколько важных примеров того, что представляли собой Император и двор? Вы говорили, что Ваш отец был министром внутренних дел в правительстве Львова. Оставили ли Вам воспоминания Ваш отец или Ваши бабушки и дедушки, которые критиковали бы Императора или Императоров и которые помогли бы понять происходящие изменения?*

НВ: Европейские дворы были более или менее похожи друг на друга, монархи были в родственных отношениях, и их окружения были одного и того же типа, это были люди любезные, воспитанные, но не очень хорошо разбирающиеся в делах государства и в экономической жизни страны.

Особенностью русского монарха было его положение самодержца, и его сознание, что он отец своему народу. Он не доверял критикующему его обществу, и заботился о народе, хранившем молчание. Я думаю, что мой отец встретился с Императором по той простой причине, что его брат

женился на Анне Вырубовой. Свадьбу сыграли в Царском Селе в присутствии Императора и Императрицы. Вполне возможно, были и другие случаи встреч с Императором.

Отец в своих кратких записках рассказывает, что Керенский пригласил его на вечер в Зимнем дворце. Отец пишет, что привратников дворца заранее не предупреждали о визите. Он подошел к двери, где охранники спросили приглашение. У отца ничего не оказалось, поскольку, вероятно, приглашение было сделано по телефону. Отец рассказывал, что он видел, как старый привратник дворца, знавший его, уговаривал солдат впустить его во дворец, поскольку понимал, кем был отец. И так же происходило, когда он приходил на прием в Зимний дворец. Если привратник его признавал, то это потому, что отец был постоянным посетителем. В моей семье никто никогда не имел положения при дворе, никогда не был близок ко двору.

Другая история. Мой дед Вырубов служил у великого князя Михаила, который женил своего сына Александра на сестре Императора, и мой отец был шафером на этой свадьбе. Я думаю, что все эти мелкие детали и тот факт, что дед служил у члена императорской семьи, привели Императора и Императрицу – когда они решили выдать замуж Анну (Вырубову) – к представлению о Вырубовых как о серьезной семье, не замешанной ни в каких аферах и не участвующей в политике. Тогда они решили женить моего дядю на фрейлине.

Во всяком случае, среди близких к Императору людей говорили, что Император был человеком необыкновенно светским, добрым, учтивым, что он был очень терпим и очень приятен в общении со всеми. Вся история говорит об этом, и Керенский рассказывает, что, когда он пришел в Зимний дворец, чтобы встретиться с Императором, он решил обратиться к нему: «господин», – но только в присутствии Императора произнести «господин» у него не вышло. И он каким-то образом произнес: «Ваше Величество», хотя Император уже отрекся от престола. Император, – рассказывал Керенский, – был очень любезен с ним, хотя понимал, что Керенский – его злейший враг. Кстати, люди, которые пошли принять его отречение, находили, что Император был совершенно спокоен: ночью он принял делегацию, и говорил так, как и следует правящему монарху, поговорил о дожде и хорошей погоде и не проявил никакой агрессии.

ПМ: *После отречения Императора от престола Россия не знала ничего ни о месте, где он находится, ни о конце, который приготовили для него коммунисты?*

НВ: Это не совсем так, Император находился в Могилеве, на Западном фронте. Именно там находилась ставка Генерального штаба. Он оставался Главнокомандующим по своей воле, поэтому он находился в Генеральном

штабе. В Петрограде начались беспорядки, и нужно было бы, что он присутствовал там и принимал решения. А он не мог их принимать, поскольку находился далеко; и это ему поставят в упрек; ведь требуется много времени, чтобы приказы дошли до места назначения. Когда он получал телеграммы от Родзянко, председателя Думы или других лиц, он полагал, что они немножко преувеличивают, чтобы заставить его поволноваться. Он совершенно не отдавал себе отчета о ситуации. А вся Россия считала, что Император управляет, он на своем посту Главнокомандующего. Когда состоялось отречение от престола, Император пожелал вернуться в Петроград, но железнодорожники выступили против этого. И тогда он отрекся от престола в ставке Генерального штаба в Могилеве, а не в Петрограде, и представители Думы пришли получить отречение. Затем на специальном поезде он покидает ставку в Могилеве и прибывает в Царское Село, где и поселился со всей своей семьей. Всем известно, что он появился во дворце, и там ожидал свою судьбу. Наконец из Царского Села он прибывает в Тобольск. Из Тобольска в Екатеринбург. Таким образом, каждый знает, где находится Император.

ПМ: И, несмотря на это, никто не попытался его спасти. А за этим следует то, о чем Вы говорили вчера вечером, т.е. предложение приехать к нему, сделанное королем Англии, которое Ллойд-Джордж отменяет?

НВ: Чтобы быть более точным, Ллойд-Джордж потребовал, чтобы король отозвал приглашение. Сам посол вновь посетил Императора и сообщил ему: «предложение отныне недействительно». Я не думаю, что для посла это было легким делом.

ПМ: Была ли, насколько известно, у Императора идея бежать? Думал ли он в какой-то момент, что мог бы попытаться бежать, как это пытался сделать Людовик XVI, покидая Париж и направляясь в Варенн?

НВ: За границу? Нет, это не так. Впрочем, он мог бы отправиться в Швецию. Когда Керенский отправился встретиться с Императором в Царском Селе, по его прибытию из Могилева, из Генерального штаба, возник вопрос: что делать? И именно в этот момент, я Вам говорил, Император заявил, что намерен переехать жить в Крым до конца своей жизни. Как Вы знаете, у императорской семьи было в Крыму прекрасное имение. Но Керенский был не в состоянии обеспечить безопасность переезда из Петрограда в Крым. А никакого другого мнения не было. На самом деле, некоторые члены правительства считали, что необходимо – когда наступит время – чтобы Император предстал перед трибуналом. Для таких, как Керенский, социалистов-революционеров, Император был хуже, чем Людовик XVI во Франции, в первую очередь из-за Распутина, из-за слабости Императора и влияния на него Императрицы. Это то, что было недопустимо для главы

государства. Таким образом, те, кто хотел судить его, предпочли, чтобы он не слишком далеко уезжал. Во всяком случае очевидно, что Временное правительство не стремилось дать возможность императорской семье выехать за границу. А на самом деле, кроме Англии, было мало стран, готовых принять их, поскольку в глазах множества людей Император имел репутацию тирана, или, вернее, был воплощением тиранического режима.

ПМ: *Таким образом, изгнание, которое часто предусматривается для свергнутых королей или царей, в данном случае не предусматривалось?*

НВ: Мы находились в состоянии войны, не забывайте об этом, а не в мирном времени.

ПМ: *Если не возражаете, вернемся к Вашей семье. Мы говорили об истории Вашей семьи, начиная с Екатерины Великой. Можно географически определить место Вашей семьи в России? Мы говорили о Пензе, а со стороны Вашей матери – об Орле. Как жила семья, такая, как Ваша, в то время, когда вспыхнула революция?*

НВ: Для семьи Вырубовых это Пенза, а Пенза чрезвычайно далека от Москвы, и там Вырубовы жили весь год; они уезжали в свое имение только на лето. Мой отец, закончив университет, тотчас, как я Вам говорил, отправился из Пензы в Москву для работы в Земстве. Он неоднократно возвращался в Пензу, потому что после смерти отца ему нужно было заботиться о родовых поместьях.

ПМ: *Расстояние между Пензой и Москвой?*

НВ: Около 600 километров на юго-восток.

ПМ: *Как выглядела Пенза?*

НВ: Глубокой провинцией.

ПМ: *А само имение? Велика ли была его площадь? Какие работы там проводились, кто ими руководил?*

НВ: Я пришлю Вам копию фотографии дома в Пензе, сделанной на семейном празднике. Вокруг дома – около 200 человек. Я думаю, что там запечатлены люди, которые работали в имении. Семья Вырубовых жила, как подавляющее большинство семей в этой среде, доходами от своих угодий. Были имения, приносившие больше или меньше доходов, были имения более или менее крупные и доходы более или менее значительные. Но это не создавало различий в жизни российского дворянства. У Вырубовых должно было быть несколько тысяч гектаров земли, я не могу сказать точно, сколько. Во всяком случае, земли было достаточно, чтобы людям не надо было зарабатывать деньги как-то иначе, чтобы хватало на жизнь.

Я полагаю, мой отец, может быть, и получал за земскую работу жалование, но жил он, как и все, доходами от имения. Моя мать принесла в семью большие земли в Орле, ее семья была богаче, чем Вырубовы. В настоящее

время в Орле около 500 тысяч жителей, но тогда, я думаю, должно было проживать, как в Фонтенбло, от 20 до 30 тысяч человек.

ПМ: Таким образом, они время от времени посещали Петроград или Москву, но в основном жили в Орле?

НВ: У бабушки был дом в Орле, который еще существует и сегодня, и дома за пределами Орла, имение Тургенева, которое она унаследовала, в 30 км от города. Ее жизнь протекала в этих имениях, время от времени она совершала поездки в Санкт-Петербург.

ПМ: Какое расстояние между Орлом и Санкт-Петербургом?

НВ: Орел находится на расстоянии 350 км к югу от Москвы, а Москва – 500 км от Санкт-Петербурга. В то время у отца и матери было мало шансов встретиться, не потому, что они жили в разных городах, но потому, что эти семьи принадлежали к разным общественным кругам.

Семья матери жила в достатке. Дед был вице-губернатором. Бабушка – племянница Тургенева и племянница поэта, имя которого Фет, оно мало известно. Итак, она жила в этом мире писателей, и я считаю, что у нее была богатая интеллектуальная жизнь. Она слушала Льва Толстого, находясь рядом с ним (что она записывает в своем дневнике). Она бывала у него, по крайней мере, раз десять, Лев Толстой разговаривал с ней всегда очень любезно, когда по-соседски она заглядывала к нему. Это были соседские визиты, а не встречи в писательской среде.

У отца было огромное число кузенов и кузин, так как у его матери было шесть сестер. Поэтому, когда мой отец вступил в Кавалергардский полк, оказалось, что им командует его двоюродный брат, полковник князь Долгорукий. Весьма любопытно, что дочь этого кузена, таким образом, моя кузина, которая умерла в Париже и которую я хорошо знал, сказала мне, что ее отец всегда говорил: «Мне было, на самом деле, очень неловко принимать масонов в кавалергарды», – но он не мог сказать «нет» двоюродному брату.

ПМ: Вы говорили, что Ваши родители происходили из семей, живших в разных губерниях. Как они встретились?

НВ: Дело в том, что моя мама вышла замуж за моего отца вторым браком. Сначала она вышла замуж за одного господина по фамилии Трубников, отцом которого был губернатор Орла. Дочь вице-губернатора вышла замуж за сына губернатора. Все очень просто. Они оба были молоды, я полагаю, что ей даже не было восемнадцати лет, а ему, царскому офицеру, было немногим больше двадцати лет. Они получили от своих родителей имение в Пензе. И тогда они переехали в Пензу и стали жителями Пензенской губернии. Это про то, как моя мама встретила с моим отцом. Даже до того, как моя мать решила развестись с мужем и выйти замуж за моего отца, ее брат Галахов женился на одной из сестер моего отца. Семьи знали

друг друга, поскольку жили по соседству. Все дворянские семьи в России жили примерно одинаково. Это было то, чего уже не существует в России, это было понимание сущности денег – никто никогда не говорил о деньгах. Были очень богатые люди, дававшие прекрасные балы, но частенько эти люди оказывались разоренными.

ПМ: *Очень интересно то, что Вы говорите, потому что, чем больше я приближаюсь к тому, о чем мы говорили вчера, об общественной структуре, в которой укоренились черты равноправия, у меня создается впечатление, и это очень привлекательно, что русское дворянство было внутри себя однородным.*

НВ: Совершенно однородным. Это не русская, это славянская черта, не забывайте, что в славянских странах, Польше, Сербии, Болгарии и России, не было титулов, а титулы появляются в России тогда, когда она начинает подражать Западу.

ПМ: *И, следовательно, титулы князя Юсупова, Львова и других появляются довольно поздно?*

НВ: Это немного сложнее. Все-таки я попытаюсь ответить, раз Вы спросили. В истории России было две династии. Были Романовы, династия избранная, я подчеркиваю, избранная, так как это произошло в 1613 г. И первая династия, которую называют Рюриковичами. Рюрик был норвежцем, путешествовавшим от Балтийского моря к Черному для торговли с Византией, он ходил по Волге и другим рекам. Он приплыл в город Новгород, где жители позвали его стать их князем, и князь Новгородский становится в Киеве первым главой первого Российского государства и создает династию. Потомки этого Рюрика, по сути, являются потомками царя, и получают за это княжеские уделы. Они отправляются туда, как в префектуры, занимают свои уделы, и всегда находятся люди, более или менее способные создать из данного удела значительное место, они набирают мощь и начинают вести войну с соседями, чтобы увеличить сферу своего влияния. Этим людям, входивших в род Рюриковичей, называют князьями. Князь – это функция, это, если можно так сказать, правитель, потому что по-русски можно сказать «княжить», т.е. управлять. Эти люди, таким образом, управляют данной областью, и вся история России состоит из истории этих правителей.

Затем Киев захватили татары⁷. Три с половиной века татары господствуют в России. Москва становится центром сопротивления власти татар. И князь, я говорю, князь, но я должен сказать, Московский князь, правящий в Москве, приобретает все большее значение по сравнению с другими. В конце татарского ига Москва оказывается господствующей над другими, и Московский князь получает титул царя. Это Иван Грозный. В XVI в. продолжают

⁷ В 1240 г.

существовать другие князья. Есть князь Вяземский, князь Смоленский и т.д. Все крупные города имели своего князя. Таким образом, в России XVI в. примерно около тридцати князей. Я вынужден использовать слово «*prince*», поскольку слово «князь» незнакомо французам. В действительности, это был правитель.

ПМ: *Вместо того, чтобы сказать, князь Львов, следует сказать, правитель Львов?*

НВ: Да. Львовы, в действительности, являются князьями города Ярославля, у князя Ярославского было два сына. Практически все русские фамилии происходят из прозвищ либо из имен, подобно Львовым, идущим от имени Лев. 90% русских имен являются прозвищами, обозначающими «носатого», «лобастого», «безглазого», «беспалого», – выражение физического уродства.

ПМ: *Откуда произошла фамилия Вырубовы?*

НВ: Происхождение этой фамилии другое, так как Вырубовы не русского происхождения, а татарского. Имя Вырубов означает «рубить». Согласно легенде, первый Вырубов появился в истории в эпоху Ивана Грозного. Это известно, поскольку он – боярин⁸. В России признаком знатности было – иметь среди предков бояр. Бояре исчезают в эпоху Петра Великого, их удалившего. Когда очень большие снобы встречаются между собой, они говорят: «Сколько у тебя в роду бояр?», – потому что боярами становились по избранию, а не наследственным путем. Поэтому важно было, чтобы в роду было больше бояр, чем у других. У Вырубовых их очень мало по той простой причине, что мы происходим из татар, и нам понадобилось три столетия, чтобы завоевать Россию, в которой было трудно стать боярином. Легенда гласит, что первый известный по фамилии Вырубов, татарский князь, порубил русский полк, и услышал глас пресвятой Богородицы, волю которой в то время понять было легче, чем теперь, сказавшей ему, что он поступил дурно. Он пал ниц, обратился, и стал боярином.

ПМ: *Много говорилось о князе Львове. Какие отношения связывали Вашу семью с князем Львовым?*

НВ: Это очень просто. В свое время князь Львов женился на графине Бобринской, ведущей свое происхождение от внебрачного сына Екатерины Великой и Орлова. Они развелись до того, как в России вспыхнула революция, и князь Львов стал жить холостяком.

Когда он приехал во Францию, в одиночестве, мой отец стал видеться с ним, потому что князь Львов очень рано начал заниматься Земгором, пославшим его в Америку для ведения переговоров. Он умер очень рано.

⁸ В X–XI вв. бояре составляют верхушку каждого княжества и, выполняя военные, судебные и налоговые функции, составляют совет князя.

В их общении нет ничего удивительного. Ведь моя бабушка была княгиней Львовой. Но на самом деле, именно работа в Земстве сблизила Львова и моего отца больше, чем их родство.

ПМ: *В действительности, отношения с самим князем Львовым менее значимы, чем Ваши отношения с многочисленными русскими династиями, которые эти отношения развивали.*

НВ: Князь Львов приехал во Францию с двумя братьями и сестрой. Его сестра никогда не была замужем, а у одного брата не было потомства, у второго же было три дочери.

Я встречался с моими кузинами до недавнего времени. Последняя умерла в мае в Кармейан-Паризи, в доме престарелых, который я опекаю. Со стороны моей бабушки, благодаря ее сестрам, у меня было много кузенов.

ПМ: *Очень кратко Вы уже сказали о Тургеневе и семейных связях со стороны бабушки по материнской линии. Что Вы знаете, я много об этом слышал, о Тургеневе и его связях с Вашей семьей? Были ли это простые семейные связи или какие-нибудь более глубокие контакты, какие-то особые отношения между Вашей бабушкой, Вашей семьей и Тургеневым?*

НВ: Моя бабушка является племянницей поэта Фета, чья настоящая фамилия Шеншин. Моя бабушка по материнской линии – урожденная Шеншина, ее родной дядя, брат отца, был известным поэтом. У поэта Фета было имение вблизи имения Спасское, где жил Тургенев. Оба литератора были даже в отдаленных родственных отношениях. И таким образом, она стала его наследницей, потому что была близкой родственницей. Бабушка потеряла своих родителей практически при рождении. Ее отец умер от болезни еще до ее рождения, а ее мать, я полагаю, умерла при родах.

Итак, ее, единственного ребенка в семье, полностью взял на воспитание ее дядя, поэт Фет, который повсюду брал ее с собой. Благодаря тесной связи со своим другим дядей, Тургеневым, она познакомилась также и с Толстым.

Тургенев был человеком абсолютно западным. Он известен во Франции как романист, потому что его стиль, его манера писать очень соответствовали французским романам того времени. Он получил образование в Оксфорде, он говорил на французском и обожал жить во Франции. Но душа у него была славянской, и он писал своим русским друзьям и просил рассказывать ему в письмах о березах, растущих в его имении. Русские сегодня, если исходить из моей обширной переписки с ними, опекающие мой родовой дом, все пишут мне: «Ах, как Ваш дядя Тургенев любил Россию, какой он был глубоко русский человек, он всегда думал о России». Это неправда, он любил жить во Франции, в Германии, в Баден-Бадене. И я должен сказать, что это очень необычно для русского,

потому что у него не было ни интеллектуальной, ни бытовой привязанности к своей стране, была только чрезвычайная душевная привязанность. Никто не может объяснить, почему. Мой отец обожал Россию, но любил ее как что-то очень абстрактное.

Длительно живя во Франции, Тургенев влюбляется в Полину Виардо и часто путешествует с ней, хотя она состоит в браке с господином Виардо. Надо полагать, что никто до сих пор не смог доказать, что между Тургеневым и Полиной Виардо отношения были иные, нежели чисто душевные. Тургенев часто бывал в Буживале, поскольку там жила Полина Виардо, и велел построить в парке дом – который все еще существует сегодня – называвшийся «Дача» и ставший в какой-то мере музеем Тургенева. В целом, Тургенев является воплощением западника в ту эпоху.

Моя бабушка была настроена очень прозападно, будучи женой моего деда Галахова, тоже очень большого западника, любившего путешествовать и никогда в своей жизни не работавшего.

ПМ: Таким образом, это не совсем то окружение, в котором живет семья Вырубовых?

НВ: Нет, потому что Вырубовы – это Москва, а Москва представляла традиционную Россию, тогда как Санкт-Петербург – западную. Что касается Пензы, то это глубинная Россия. Но в глубине России появляются такие люди, как мой отец, весьма либеральные и очень открытые для Запада.

ПМ: Это показывает, что, вопреки тому, что можно себе представить со стороны, тип просвещенного русского общества не связан с определенными городами и определенными местностями, а, вероятно, встречается, на деле, по всей России. И можно его найти то здесь, то там: кто-то путешествовал и открыт для либеральных идей, тех, о которых говорилось; кто-то интересуется тем, как течет жизнь в других странах, помимо России. Это так?

НВ: В Вашем вопросе скрыто многое. Россия более всего испытывала влияние Германии, поскольку множество русских отправлялись туда учиться. Когда же русские учились в Англии, они становились британцами.

Так, например, случилось с моими братом и сестрой после их отъезда из России на учебу в Англии, в то время как я учился во Франции. Они вскоре стали похожи на англичан и были очень привержены всему британскому. Для меня разница в том, что Франция является страной, которая предлагает образ мышления, Англия предлагает образ жизни, а Германия – в своей стране особую систему во всем. Поэтому, на мой взгляд, конец деколонизации был много более болезненным для французов, чем для англичан. Если бывшие английские колонии заявляли, что они больше не хотят одеваться так, как одеваются англичане, то англичане, в основном, сожалели,

поскольку это приносило им деньги, но это их мало волновало, в то время как французы страдали, видя свои бывшие колонии, в которых не хотят думать так, как учила их Франция.

ПМ: Да, я считаю, что то, что Вы сейчас сказали, очень важно.

НВ: Отказ от образа мыслей был болезненным. Может быть, в какой-то мере это ощущалось даже в Алжире.

ПМ: Мы поговорим об этом позже, но Вы, вероятно, правы. Чтобы закончить с Тургеневым, Ваши бабушка и дедушка покинули Орел потому, что дома Тургенева больше не существовало...

НВ: Дом Тургенева сгорел перед революцией и, поскольку все дома в Орле этого стиля были обставлены на один и тот же манер, в 1918 г. власти выбрали дом моей бабушки, чтобы посвятить его Тургеневу.

ПМ: После революции этот дом стал домом Тургенева?

НВ: Да, потом он стал домом писателей Орла и был слегка увеличен. Но это был небольшой дом, просто с первого этажа был выход прямо в сад.

ПМ: Вы туда возвращались?

НВ: Да, у меня было много встреч с теми, кто о нем заботится. Но нужно знать, что часть дома сгорела, и старый дом сохранился только частично.

ПМ: Можно сказать, что это единственный дом, который остается от того времени, когда Вы были ребенком?

НВ: Да, потому что орловский загородный дом, где мы жили, уничтожен.

Я знаю от моих племянников, которые туда ездили, что он был разрушен во время войны. Кстати, Орел был разрушен во время последней войны в ходе крупного танкового сражения. Случайно получилось, что дом бабушки оказался нетронутым.

ПМ: Что сохранилось в Пензе?

НВ: Все осталось в целости, так как немцы туда не дошли.

ПМ: Вы посещали Пензу?

НВ: Нет, меня туда постоянно приглашают, но я никогда туда не езжу, и, кстати, я там никогда не был. Поскольку архивы сохранились, группа архивистов изучает их и публикует два раза в год брошюры, которые они посылают мне. Они нашли, например, школьные тетради моего отца, воспоминания разных людей, которые жили в Пензе, и которые рассказывают, как они собирались в гостиной у Вырубовых. Они даже разыскали фотографии моего деда, например. Но если внутри дома в Орле со времен моего детства ничего не изменилось, то в Пензе осталось только здание. Они мне сказали, что одна из улочек в Пензе называлась улицей Вырубовых; я в шутку ответил, что прежде чем пригласить меня, на этой улице следует установить мемориальную доску.

Разыскания пензенских архивистов заставили меня завязать в Москве отношения с людьми, которые оказались родственниками по линии наших прабабушек. А в Париже одна дама пришла ко мне, чтобы сообщить мне, что ее прабабушка и моя прабабушка, были сестрами, и что она мне кузина.

ПМ: Вы упомянули о Вашем отъезде из России, который был подготовлен одной из Ваших тетушек. Что было с членами Вашей семьи, оставшимися в России, в то время как Вы ее покинули? Оставался ли кто-то из них в России с 1924 г. до войны?

НВ: Некоторые Вырубовы остались в России. Так, кузены моего отца, и, например, эта балерина, имя которой у всех на слуху и которую зовут Нина Вырубова⁹. Ее отец, двоюродный брат моего отца, остался в России. Ее родители не были в браке в России, но, возможно, что ее отец женился в России и что Вырубовы живут и там.

В конце концов, не будем усложнять. В тот момент, когда мы покидали Россию, близких родственников Вырубовых в России не было. Среди сестер моего отца одна – княгиня Волконская, другая – госпожа Галахова. Что касается его брата, то он, будучи морским офицером, умер от тифа на Черном море. Его вдова и дети приехали во Францию. Сейчас уже все они ушли из жизни.

ПМ: А родственники Вашей матери?

НВ: Из родственников моей матери в России не осталось никого. Остались только те, кто не смог выбраться из страны, или не хотел уезжать из нее, или заявлял, что хочет разделить судьбу своей страны. Представители самых громких русских фамилий остались в России, так, брат князя Львова, Сергей, остался в России с тремя своими сыновьями, которые женились, и у них есть дети. Эта ветвь семьи Львовых осталась в России, потому что никто из них не хотел покидать страну. Это удивительно, ведь эти люди никогда, ни в какое время не были противниками режима. Но так как они, в силу происхождения, были исключены из нового большевистского общества, они повсюду оказывались отверженными и скитались из города в город, уходя дальше в провинцию и в самые отдаленные районы.

⁹ При полной изоляции Вырубовых, оставшихся в России от зарубежных родственников, и эмигрантов от российской жизни, при недоступности генеалогической информации неудивительно, что Нину Вырубову ошибочно считали близкой родственницей пензенских Вырубовых. На самом деле она происходит из рано обособившейся ветви так называемых «владимирских Вырубовых». Общим предком тех и других был Иван Михайлович Вырубов, умерший в первые годы правления Елизаветы Петровны, в 1748 г. От его младшего сына Петра (упоминаемого здесь как участника государственного переворота в пользу Екатерины II) идет ветвь, которой принадлежит Николай Васильевич Вырубов, от старшего сына Николая – «владимирская» ветвь, которой принадлежит Нина. Иван Вырубов купил село Горьково Ковровского у. Владимирской губ., которое почти два столетия, до самой революции принадлежало владимирским Вырубовым. Там родился отец Нины – Владимир Сергеевич Вырубов, чиновник дворцового ведомства, убитый в начале 1920-х в Гурзуфе красноармейцем, видимо, «за фамилию». Дед ее – Сергей Алексеевич Вырубов, в молодости – член «Черного передела», организации, включавшей совестливых дворян, желавших после освобождения крестьян наделить их землей; позже – видный земский деятель. Его жена, Мария Константиновна Вырубова – внучка декабриста Василия Ивашева и Камиллы Ле-Дантю, а также правнучка генерала 1812 года, Петра Ивашева и его жены Веры Ивашевой, урожденной Толстой – тетки поэта Тютчева. – *Прим. ред.*

Их постоянно арестовывали, отправляли в лагеря, и спустя несколько месяцев, освобождали, потому что очевидно, что для их обвинения не было никаких оснований, ибо никто никогда не слышал, чтобы они говорили или писали хотя бы слово против государства.

ПМ: *Сохранились ли в Вашей семье отношения с родственниками в России?*

НВ: Мало, потому что все просили не писать им, переписка с иностранцами представляла для них большую опасность.

ПМ: *Можем ли мы немного поговорить о Керенском?*

НВ: Керенский часто выступал перед солдатами и рабочими, он действительно умел воздействовать на своих слушателей. Это был трибун. В России человеку в возрасте 36 лет стать во главе правительства и государства – это неизбежно опьяняло.

Правовед, адвокат в политических процессах, постепенно Керенский включился в революционную борьбу с монархической системой, что в конечном итоге привело его к власти. После провозглашения Республики он потерял свое положение и был отвергнут своими союзниками. Учредительное собрание должно было созвать Временное правительство, чтобы решать судьбу страны, и в марте 1918 г. было, наконец, создано Лениным. Большинство собрания состояло из социал-демократов и социал-революционеров, выступавших против мер, выдвигаемых большевиками. Ленин, обладающий реальной силой – советами рабочих и солдат – распустил собрание, запретил политические партии и установил террор. В эмиграции Керенский верил, что вновь окажется у дел, создал журнал «День», много путешествовал по Европе и по США в поисках поддержки. В эмиграции его осуждали и справа и слева, и всю свою жизнь он провел в попытках оправдать свою деятельность. Это был бескрылый политик. Оказавшись на гребне великих исторических преобразований, он не сумел или не смог быть на высоте положения. Он посещал политические собрания, и отец просил меня сопровождать его, хотя лично, как я уже сказал, Керенского не любил и не дружил с ним. Это были люди, глубоко различные, но оказавшиеся свидетелями одного и того же исторического момента.

С тех пор, как Керенский стал ходить на эти собрания, мой отец отправлял меня с ним в качестве телохранителя. У меня был приказ отца защищать его, и я помню враждебные возгласы, сопровождавшие появление Керенского. Когда он поднимался на трибуну, казалось, что на него сейчас набросятся. Я всегда сидел в первом ряду, готовый прийти Керенскому на помощь. И этот человек, практически слепой, с сильными диоптриями в очках, с коротко стриженной щеткой волос, начинал говорить. В течение нескольких секунд, нескольких фраз аудитория замирала. Когда он заканчивал свою речь,

ему рукоплескали. Тогда он делал мне знак, и через несколько секунд мы исчезали долой с их глаз, потому что он знал, что люди вновь могут броситься к нему с криками возмущения. Он гипнотизировал их, и это необъяснимо, если не признать у него какого-то особого физического качества.

Вот что забавно. Учась в Оксфорде, я был председателем Французского клуба, почти каждый месяц мы устраивали встречу с какой-либо персоной. Я хотел пригласить Керенского, потому что он говорил по-французски. В этот момент в Оксфорде существовало общество «Оксфорд Юнион», подражающее Палате общин с ее правлением, оппозицией и с ежегодными выборами ее президента. Президента избирали либо из консерваторов, либо из лейбористов. Президентом был Хендерсон, позднее ставший послом в Париже. Их дискуссии носили, в основном, политический характер. Хендерсон попросил меня пригласить Керенского в «Оксфорд Юнион». Я спросил Керенского от имени Хендерсона, на какой стороне он хотел бы сидеть во время своего выступления, и он мне ответил: «на стороне консерваторов». Итак, в 1938 г. в Англии социалист-революционер Керенский выбирает консервативную партию. Правда, английский консерватизм в 1938 г. был достаточно прогрессивен по сравнению с абсолютной монархией в России.

ПМ: *Вы наблюдали за Керенским в другие моменты Вашей жизни?*

НВ: Да, после смерти моего отца, поскольку при его жизни я не мог бы этого делать. Время от времени отец виделся с ним в Париже. Но после смерти отца я узнал, что Керенский живет в Нью-Йорке, сын же его жил в Англии.

Каждый год он отправлялся повидаться с сыном и останавливался в Париже. В 1964 г., спустя год после смерти моего отца, я предложил ему приехать и провести неделю в Фонтенбло, которое Вы знаете. Мы прогуливались в рощах Фонтенбло, тогда как мои друзья полагали, что нельзя принимать у себя подобного человека. В крайнем случае, с ним можно было повидаться и поговорить где-то вне дома, но не дома. Я пригласил его потому, что он был реальным свидетелем истории. Он был убежден, что поступал правильно и упустил только малую толику возможностей. Во время прогулки я спросил его, что было главной причиной его провала. Мы были одни, в поле, без свидетелей, и он сказал мне, что должен был встретиться с немецкими эмиссарами, стремившимися вступить в контакт с ним с самого начала его власти, в июле 1917 г, чтобы обсудить условия сепаратного мира. Он думал, что эти переговоры выбьют почву из-под ног революционеров, которые сделали сепаратный мир своим коньком.

Можно было только удивляться, как мой отец мог поддерживать контакты с Керенским, в то же время презируя его политическую деятельность, и как он мог поручить мне охранять Керенского во время одного

из политических мероприятий. Я сравниваю такую позицию отца с теми отношениями, которые я поддерживал с коммунистами Сопротивления. Вопреки тому, что нас разделяло решительно все, мы испытывали по отношению друг к другу глубокое чувство товарищества, родившееся в совместном бою. И мой отец тоже, несмотря на свои расхождения с Керенским, сохранил благодарную память о том времени, когда оба жаждали победы союзников и присоединения к ним новой России. Поражение связало их друг с другом.

Что касается князя Львова, вся его жизнь и вся его деятельность вдохновлялись идеей о том, что у русского крестьянина множество замечательных качеств, и он способен развивать российское государство, используя собственные возможности. Князя Львова ошибочно называли либералом, тогда как в действительности он был славянофилом. Обычно славянофил был совершенно оторван от Запада и искал пути развития, скорее, в взаимоотношениях с Востоком, чем с Западом, строя их на основе традиционных русских ценностей. Однако князь Львов был тем славянофилом, который стал искать движущие силы на Западе. Он использовал западный прогресс в тех целях, чтобы русские могли использовать его для достижения своего продвижения вперед. Я полагаю, что России не нужно искать культурные модели извне, что сегодня она способна самостоятельно развивать собственную культурную модель.

ПМ: Таким образом, вот разница между Львовым и Керенским. Львов принял свое поражение, Керенский нет.

НВ: Да, потому, что Львов обладал «народным мистицизмом». Видя, что цель – это поднять народ с помощью Запада, Львов не мог представить себе, как воспользоваться этими возможностями, которыми он не располагал. Львов был совершенно убежден, что никогда нельзя использовать силу. Таким образом, став главой Временного правительства, он решил использовать формы демократии и демократические правила управления. Правила демократии не позволяли ему отдать приказ стрелять в политических оппонентов, даже когда он видел, что солдаты взбунтовались. Керенский в правительстве Львова был представителем советов. Он, если хотите, и их представитель, и их заложник. Во Временном правительстве князя Львова, которое состояло в основном из сторонников конституционной монархии (К.-Д.¹⁰), Керенский представлял власть улицы, но у него не было никакого контроля над нею. В конце концов, Львов, сочувствуя народу, не мог примириться с мыслью – по собственной воле пролить его кровь. Одним словом, он никогда не принадлежал к категории людей, ищущих

¹⁰ К.-Д. – конституционно-демократическая партия, носившая название К.Д. или «Кадеты», созданная Милюковым и Маклаковым в 1905 г., стремилась использовать все формы законных действий для совершенствования царизма.

самооправдания. Он не ответил ни на одну из статей, появлявшихся в прессе и содержащих критику его действий. Тогда как Керенский создал журнал и оправдывался на всякого рода политических собраниях, Львов молчал, помогал беженцам и председательствовал в новом земском комитете.

Я хотел бы также сказать, что если бы передо мной оказался какой-нибудь русский, который бы спросил меня, кем был мой отец, я бы сказал только одно слово, и он бы понял: *общественный деятель*, тот, кто действует на благо общества.

Эта категория людей в России, так же, как интеллигенция, уникальна, и обе эти тенденции появляются в XIX в., к 1860 г. После поражения декабристов круг либералов (масоны запрещены) стремится на местном уровне дать ход социальному прогрессу: обучение учителей, чтобы увеличить число начальных школ, и подготовка медицинских сестер, чтобы открыть больше больниц. Некоторые землевладельцы принимают на себя скромные обязанности третейских судей в непосредственной близости от собственных имений, в целях обеспечения социальной справедливости в этих судах. Вся эта деятельность завершается созданием Земств, местных органов власти, на которые возложены общественные функции. В Земствах можно найти просвещенных и преданных делу членов высшего общества и должностных лиц. В начале XX в. Земства становятся теневой властью, несущей дух либерализма.

Интеллигенция, напротив, состояла в основном из молодых людей весьма скромного происхождения, имеющих высшее образование и желающих изменить мир. Многие оказались на стороне революционеров. Это было, как я уже сказал, движение народников, людей, шедших в народ, но это было уже совсем другое дело.

Почти все люди, что-то решавшие, происходили из среды русского дворянства и, следовательно, из среды моего отца, они считали своей непрерывной обязанностью работать в интересах общества. То же можно сказать и об убеждениях Львова, который всю свою жизнь думал о крестьянах и говорил о крестьянах, в то время как такие люди, как мой отец, всегда говорили об обществе. Надо работать на общество, и это – то, что заставило его после окончания курса в университете начать земскую работу, потому что Земства способствовали назначению мировых судей, учителей, судов, созданию школ и больниц.

Постепенно все развивается, строятся дороги, строятся школы, строятся жилье.

Но в начале Земства действуют в интересах крестьян, их цель – создать, в целом, более просвещенное общество. Категория просвещенных людей значительно выросла, и главным образом, в среде франкомасонов, может

быть, потому, что для масонства привлекательна идея всемирности – я говорю, только опираясь на память и имея в виду окружение моего отца. Единственное, что их различает, это то, что франкомасоны – теоретики, в то время как другие – практики. Я снова говорю о практике, потому что на рубеже веков многие люди в России, среди которых земельные собственники и прочие, очень часто были склонны писать или говорить о симпатии к страдающему человеку. Но дальше этого не шло. Они останавливались на этом, но провозглашали: «не надо забывать страдающий народ». Это превратилось в разновидность заклинания. Такой категории людей не существует ни в одной другой стране.

В Англии существует «social worker», социальный работник, человек, происходящий из довольно скромной среды и работающий в социальной сфере. Он выбирает такие участки, в Африке или в другом месте, где свирепствуют голод и болезни, и он отправляется распределять продовольствие и лекарства для больных. Это распространено в Англии гораздо больше, чем во Франции. Именно поэтому в мире бесчисленные гуманитарные миссии часто исходят от англосаксов, поскольку эта деятельность вполне соответствует их менталитету. В России это нечто другое, потому что все эти действия почти всегда исходили от высокопоставленных чиновников или аристократов.

ПМ: *Вы можете это объяснить?*

НВ: В действительности, поскольку такого рода деятельность в общественных органах управления осуществлялась чинами, соответствующими армейским подполковнику или полковнику, то можно утверждать, что действовало потомственное дворянство. В 1900 г. в России этим занимались миллионы дворян, жившие в подавляющем большинстве очень скромно. Надо сказать, что социально дворянство не представляло собой сколько-нибудь однородное сообщество.

Это был небольшой элитный аристократический круг, по существу, очень немногочисленный. Когда я говорю «немногочисленный», это очень просто: например, если мой отец встречал в Далласе¹¹ русского по фамилии Грегоров, он был бы в состоянии сказать, принадлежит ли тот к старинной русской семье или нет. Во Франции не редкость, что кто-то может сказать, например: «Я встречался с господином де ля Тур, находящимся в стесненном положении», – о котором я никогда ничего не слышал и не знаю его – даже если речь шла о графе. В то время как в России этот круг (надо заметить, что всех русских за границей считают графами или князьями) был гораздо более ограниченным, и все знали, кто есть кто. Вот, я хотел бы сделать все эти маленькие пояснения.

¹¹ Здесь речь идет о городе в США. – *Прим. ред.*

ПМ: Это интересно. В качестве дополнения к тому, что Вы говорите, я подумал о социальном католицизме во Франции, особенно о движении Марка Санье «Силлон». Там есть все же разница с тем, о чем Вы рассказывали, так как в данном случае – это религия, являющаяся основой социального взаимодействия, в то время как в России другой случай, поскольку Вы говорите, что общественное движение здесь, в основном, связано с франкомасонством. Ведь любопытно наблюдать, что каждая страна порождает между 1850 и 1880-ми годами, какие существуют движения и общества, понимающие необходимость уделять внимание другим.

НВ: Если взять франкомасонство в конце XVIII в., оно ведет свое происхождение из Англии и везде одинаково. Во Франции франкомасонство стало частью ложи Иллюминатов, которые проложили путь к Революции. Декларация прав человека и гражданина – это высшее достижение для людей, ставящих перед собой план вселенского масштаба. И таким образом, достигнув вершин, т.е. революции и прав человека, франкомасон, начиная с 1800 г., был этим удовлетворен. Параллель с русским франкомасонством невозможна, для последнего любовь к человеку, братство, равенство, конституционная монархия являются мечтой, в то время как Франция уже решила эти вопросы. В российском обществе, в том числе в моей семье, на франкомасонов смотрели с неодобрением, кроме того, они были запрещены монархом.

Второе соображение касается различия между Францией и Россией в связи с социальным католицизмом. Во Франции католик служит Церкви, он является слугой Церкви, тогда как в России православный христианин – это раб Божий. И поэтому в служении Богу самое главное – верить в Бога и свидетельствовать Ему свою верность. Во Франции франкомасонство становится антиклерикально католическим, а русское франкомасонство ни разу не выступило против Церкви; оно толерантно. Но франкомасонство может только признавать, что в школах, в колледжах, по преимуществу католических, проповедают идеи, которые оно рассматривает как антиразумные. Таким образом, оно борется с влиянием католической Церкви, указывая, что нужно принять закон об отделении Церкви от государства. В России нет никакого конфликта между Церковью и масонством.

ПМ: Вы говорили о Львове и Керенском. Ваш отец таков же, как и Вы. Вы поддерживали постоянные отношения с этими двумя людьми. Восхищались ли Вы ими, уважали ли равно того и другого?

Можете ли Вы рассказать о последние годы их жизни, о Вашем вкладе, например, по отношению к памяти князя Львова, о том, как Вы собрали воспоминания о нем?

НВ: У моего отца, так же, как и у меня, – у нас двоих нет никакого почтения к Керенскому.

ПМ: *И тем не менее.*

НВ: Никакого почтения, потому что мы считаем, что у него не было должного политического размаха. Он был мелок в политике и в поведении. Он был упоен сам собой, а став социалистом-революционером, воспламенился их идеями. Он обладал ораторским даром, он умел влиять на своих слушателей, но он был изначально эгоистичен. Он все время хотел красоваться на эстраде, хотел, чтобы его замечали. Противоположностью ему был такой человек, как князь Львов, мудрый человек, из старой княжеской семьи, которому не нужно было всей этой суеты.

ПМ: *Теперь я правильно понял главную разницу между этими двумя людьми. Но для меня по-прежнему необъясним тот факт, что Ваш отец посылал Вас в качестве телохранителя Керенского.*

НВ: Прежде всего, он знал, что Керенский был одинок, и что нужно, чтобы рядом был кто-то молодой, кто помог бы ему избежать нападения. Мой отец и Керенский встретились в самый важный, хотя и краткий, момент их существования. Даже если они и не дошли до самого края, память об этих моментах вызвала в них своего рода участие друг к другу. Когда Керенскому, находившемуся у власти, угрожал переворот в лице мятежного генерала Корнилова, мой отец, который был уже не у дел, просил за Керенского перед генералом, пытаюсь отговорить того от дальнейших намерений, и ему это удалось. Надо уметь возвыситься над своими обидами и видеть главное.

ПМ: *По милосердию Божьему.*

НВ: В период моего участия в борьбе за Свободную Францию я встречал разные типы людей, среди которых бывали люди грубые. Но поскольку мы вместе с ними участвовали в бою, и я видел их в деле, я испытывал по отношению к ним чувство товарищества, солидарности.

ПМ: *Братства.*

НВ: Да, солидарности. Поэтому, если что-то угрожало Керенскому, у меня был приказ защитить его, даже если он был политическим оппонентом. Мой отец, который не был членом никакой политической партии, но, скорее, тяготел к КД, считал, что Россия должна вырваться вперед. Когда, после провала переворота Корнилова, Керенский пытался заменить его старым генералом Алексеевым, желающим вернуть свою прежнюю должность и враждебным Керенскому, отец, хорошо знающий генерала, ночью согласился сопровождать Керенского к Алексееву на встречу. В переговорах, которые Керенский и мой отец вели с Алексеевым, чтобы убедить его согласиться на должность начальника Генерального штаба, заменив генерала Корнилова, ушедшего в отставку, в какой-то момент отец воскликнул: «надо же спасать Россию». Я думаю, он понимал, нужно спасать Россию, остановив Корнилова. Мой отец был убежден, что Корнилов, который был генералом

чрезмерно смелым, кавказцем, но не очень культурным, не профессиональным, и ничего не понимавшим в политике, был опасен, потому что он увлек за собой войска, и все это могло закончиться кровопролитием.

Мой отец сделал это, хотя бы дело касалось Керенского, именно потому, что он был убежден в необходимости остановить эту кровавую баню. После войны Керенский представлял собой для моего отца хорошо знакомого человека, и отец считал, что, если этот человек может подвергнуться нападению на каком-нибудь политическом собрании, которые он посещал, то было совершенно естественно попросить своего сына отправиться вместе с Керенским и защитить его.

ПМ: Это производит большое впечатление, и, в конце концов, это замечательно, что Вы показали позицию Вашего отца и Вашу привязанность к России, в какой бы форме она ни выражалась, и которая оказалась намного более сильной, гораздо более искренней, чем та, которую белые русские во Франции демонстрировали слишком преувеличенно. То есть вместо отрицательных чувств ненависти и мести я ощущаю отношение гораздо более открытое, гораздо более терпимое, и, в то же время, гораздо более сознательное.

НВ: Это слишком просто, во всяком случае, для меня. Это два совершенно разных мира. Белые русские, в подавляющем большинстве, были частью системы. Покидая Россию, они взяли с собой тот уклад и ту систему, традиции и образ жизни, частью которых они были. Они были изгнаны людьми, разрушившими их жизненный уклад. Они ненавидели этих людей, хотели положить конец большевикам и вернуться в ту Россию, которую они знали. Это простая вещь.

ПМ: А Вы не так?

НВ: Нет. Я хотел, как и отец, другую Россию, не такую, как ранее. Для них Россия – это Россия, которую они знали. Во Франции до последних лет было нечто вроде скаутской организации, называвшейся «Витязь». Витязь – это старинное название для рыцаря древних времен. Витязи – это скауты. Они делают то, что делают скауты. У них есть лагеря неподалеку от Гренобля, они поселяются в палатках и ходят в походы. В какой-то момент, когда мальчик достигает возраста тринадцати-четырнадцати лет, он принимает присягу.

Вот так, перед русским знаменем, перед священником, держащим Евангелие, мальчик, преклонив колена, произносит клятву за веру и Россию. Сколько раз я говорил их руководителю, который живет в Париже – и он моих лет, – разве это не дети отцов, уже родившихся во Франции? Вы понимаете, это уже второе поколение людей, родившихся во Франции, и они – французские граждане, которые принуждены приносить присягу России. Разве это серьезно? Как этот мальчик сможет защищать Францию? Он,

конечно же, поклялся защищать веру, но между Россией и Францией, между двумя странами, он должен выбирать даже в мирное время. Кроме того, какая Россия? Почему-то я не знаю ни одного случая, чтобы Витязи, во время последней войны, участвовали бы в Соппротивлении, тогда как все они поклялись защищать Россию? Ответ на этот вопрос очень прост: потому, что они присягают России и вере. Это соответствует тому, что я сказал Вам час назад, а именно: эмиграция говорит, думает, служит своей России.

Ельцин прибывает с официальным визитом в Париж, ожидается прием в посольстве, на улице де Гренель. Он приглашает русских эмигрантов, а я отвечаю, что не приду. Это происходило незадолго до смерти великого князя Владимира, который, может быть, Вы слышали, с большой помпой был похоронен в России. Ельцин пригласил великого князя Владимира, который всю свою жизнь – я могу подтвердить, поскольку возглавлял деятельность русских организаций, – не участвовал ни в одной из них. Именно он, среди живущих во Франции эмигрантов, не принимал участия в жизни русской эмиграции. Он был приглашен Ельциным вместе с, сегодня принято говорить, «аристосами». Я знаю, мои друзья, которые там присутствовали, мне рассказали, что великого князя посадили рядом с Ельциным, президентом российского государства. Мне дали распечатку его речи, в которой Ельцин называет великого князя представителем русских. Он обратился к ним со словами: «от имени российского государства всем вам выражаю сожаление, что произошло то-то и это.., мы сделаем все, чтобы вам было хорошо у вас, вы можете возвращаться к себе домой». Мое отношение объясняется так: я не признаю за великим князем право представлять российское общество. Этот персонаж является главой императорской семьи. С этой точки зрения он имеет право на всяческое почтение, но я не хочу, чтобы меня посадили позади него, как будто он мой начальник. Поэтому, не желая быть участником этой ситуации, я остался вне ее.

Это поучительная история. Она показывает разницу между теми, для которых Россия является определенным режимом, и теми, для кого, как для моего отца, Россия – это страна. Поэтому мы поддерживаем те режимы, в которых Россия существует. В конце концов, есть такие русские, как дядя Григорий, живший во Франции, потому что, как он пишет в своих мемуарах, он не мог вынести жизнь в России времен Александра III, принимая во внимание существующие тогда запреты. Таким образом, в моей семье я был тем, кто не переносил монархии, в то время как мой отец не терпел большевиков. Это вопрос режима. Но у меня одно отношение к России и другое отношение к режиму, царящему в ней в данный момент.

ПМ: Многие ли думают так же, как Вы, или тут Вы чувствуете себя относительно одиноким?

НВ: Очень одиноким. В эмиграции у меня, может быть, один друг в Париже и один друг в Лондоне. Может быть, нас было пять или десять. В книге о Соппротивлении, Вы увидите, я отметил страницы, где говорится о Вере Оболенской, бывшей участницей Соппротивления, и она была арестована и казнена немцами. Я знал ее мужа, я и ее саму знал очень хорошо. Для нее была важна Россия, будь она монархической или большевистской. Она ощущала себя русской. Россия подверглась нападению, и она считала, что ей надо что-то делать. Советская власть, узнав об этом, немедленно наградила ее, посмертно, русскими орденами, которые ее муж, Николай Оболенский, умерший не так давно, никогда не принимал. Это правда, что в ходе ее допросов, она сказала немцам, что гордится быть русской, и это не имеет никакого отношения к режиму, существующему в данный момент.

Впрочем, и к Франции у меня то же самое отношение, поскольку отношение к Франции я никогда не ставлю в зависимость от Петена или де Голля. Я не считаю, что в определенный момент я присоединился к де Голлю. Я хотел сражаться за Францию, и де Голль дал мне возможность сражаться за нее. Ведь я, в сущности говоря, не присоединился к де Голлю, а служил под его командованием, чтобы выполнить свой долг. Единственный момент, когда я примкнул к деятельности де Голля, это когда я вернулся со службы в армии в Сиди-Бель-Аббес для борьбы с OAS¹². Вот в этом случае я действовал в интересах граждан и де Голля, находящегося у власти, чтобы делать что-то еще на службе данного правительства. Мои действия – это действия гражданина. Мое отношение к Франции независимо от отношения к правительствам.

ПМ: Вы знали, как умер Львов и как умер Керенский?

НВ: Нет, князь Львов умер в 1924 г., так что это было очень давно. Когда наша семья приехала из России, я говорил Вам, мы жили у многих людей, в том числе и у князя Львова, у которого была квартира в Булони. Он жил в ней с вдовой одного господина, который был его другом в России. Жила также племянница князя Львова, дочь одного из его братьев, Елена. Мы жили вместе и ели за одним столом.

Однажды обед уже был подан, и меня попросили пойти за дядей Жоржем, я вошел в его комнату и нашел его мертвым, лежащим на своем диване. Позже я ощущал себя очень, очень важным, поскольку журналисты стали спрашивать, при каких обстоятельствах я первым увидел, что «князь Львов умер». Мне задавали вопросы, но мне нечего было рассказать; я вошел, и я нашел кого-то, кто лежал и был мертв.

ПМ: Его похоронили в Булони?

¹² OAS – (Organisation de l'armée secrète) – ультраправая подпольная националистическая террористическая организация, выдвигавшая своим лозунгом свержение республиканского строя во Франции и установление военно-фашистской диктатуры.

НВ: Нет, его похоронили (я не знаю, почему) в Батиньоле, а затем я перевез его тело в наш склеп.

ПМ: Почему Вы пожелали перевезти его?

НВ: Потому что я хотел собрать всю мою семью. И я не смог перевезти туда дядю Григория, который похоронен на кладбище Пасси, потому что я столкнулся с французской администрацией. Вы знаете, что кладбище Пасси не разрешает новых захоронений. Я был готов отказаться от нашего места захоронения в Пасси, отдать его кому-то еще, чтобы перенести останки дяди Григория в наш семейный склеп в Сент-Женевьев-де-Буа. В этом мне было отказано, потому что во Франции, захоронение – это правовое действие, и это право принадлежит семье. Таким образом, потребовалось бы, чтобы я получил согласие всех его родственников. Их было много, в Америке, в Аргентине, людей, которые совершенно не знали этой истории. Поэтому я сдался и оставил дядю Григория на прежнем месте.

ПМ: Что касается князя Львова, у Вас было согласие его семьи?

НВ: Да, это сделать было очень легко.

ПМ: А что касается Керенского...

НВ: Он умер в Нью-Йорке, в том самом прекрасном доме, где жил.

* * *

ПМ: Вчера мы говорили о Вашем отце и его путешествии по России, и что в то время Вы практически больше с ним не виделись.

НВ: В первый раз я встретился с отцом в Берлине. Когда мы выходили из поезда, он пришел нас встретить. Нам показывают господина и говорят: «Это ваш отец».

Отец, раньше работавший в Земстве, во Франции, благодаря своим университетскому образованию, служил в банке. Я полагаю, что в Греции у него была компания по добыче руды, которая называлась «Лориум Грек», и отец организовывал перевозку руды для обработки в шахтах. Но я думаю, что эта деятельность была не очень успешной, поскольку, прибыв в Берлин, мы не знали, где остановиться. Нас было шесть вновь прибывших в Берлин: дедушка, бабушка, тетя, моя сестра, мой брат и я. Шесть человек нужно было поселить и накормить.

Таким образом, бабушка и дедушка очень быстро оказались в доме престарелых, до сих пор существующем в Сент-Женевьев-де-Буа и созданном в 1926 г.

Этот дом престарелых находится в ведении одной русской дамы, княгини Мещерской, основавшей в Париже то, что называют «finishing school», для английских или американских девушек, которые хотели бы продолжить свое образование. Моя тетя, сестра моей матери, служила у этой дамы

воспитательницей и учительницей американских девушек. Мои сестра и брат отправились в Англию, подальше от нужды, поскольку у отца были друзья в Англии, которые помогли им получить образование. Что касается меня, то я остался с отцом в Париже. Очень быстро я заболел костным туберкулезом, и в течение трех лет меня перевозили из клиники в клинику. В перерывах между клиниками я жил то у одних, то у других.

ПМ: *Таким образом, Вы вскоре покинули Берлин.*

НВ: Да, я провел там всего несколько дней, прежде чем отправиться на месяц-другой в Висбаден, потому что там жила та немецкая дама, которая помогла нам выехать из России. Из Висбадена мы все переехали во Францию, и во Франции начинается наша жизнь. Это означает, что я не жил со своей семьей, ибо когда я вышел из клиники, мне было почти 15 лет. Я пошел тогда в 5-й класс. В первый раз я возвратился в школу, потому что по приезду во Францию я был определен в 10 класс¹³ «Janson de Sailly», но мое пребывание в нем не продлилось больше двух-трех месяцев, поскольку я стал ломать то ногу, то руку. В 10-й классе «Janson de Sailly» меня научили алфавиту, но я ни слова не говорил по-французски. В то время шел 1924 год, русские дети, жившие во Франции в течение нескольких лет, взяли на себя роль переводчиков. Я выучился алфавиту с помощью переводчика. В 15 лет я пошел только в 5-й класс к отцам доминиканцам в Медоне, живя то у одних, то у других. Мне мало пришлось жить в отцовском доме. У моего отца был двоюродный брат, сын его дяди по материнской линии, который жил в Париже до революции. У него была квартира на улице де Сез, в районе Мадлен. Когда началась война и революция, он подумал, что надо бы вернуться домой, чтобы посмотреть, что происходит в России. Там он был арестован и расстрелян, предположительно, из-за того, что его спутали с кем-то другим. Эта квартира, наполненная воспоминаниями о семье, использовалась как рабочая контора князя Львова. В конце концов, она стала квартирой моего отца, где я жил во время своих приездов в Париж до того дня, когда в 1953 г. женился.

ПМ: *Итак, Вы довольно долго жили в этой квартире.*

НВ: Да. Но во Флери-ан-Бьер я встречался с отцом, братом и сестрой, поскольку в этой сельской местности мы оставались на все лето. Флери нас объединяло.

ПМ: *В какой момент Флери возникло в Вашей жизни и при каких обстоятельствах?*

НВ: В 1927 г. Свояченица отца, вдова Вырубова, приехала с тремя дочерьми во Францию. По воле случая она встретила Георгия Бемберга. Бемберги

¹³ Во Франции нумерация классов обратна российскому: чем выше уровень, тем меньше его номер, т.е. выпускным считается 1 класс. – *Прим. перев.*

были богатыми аргентинскими землевладельцами. В 1920 г. она вышла замуж за Георгия Бемберга. А у него было четыре брата и одна сестра, которая вышла замуж за маркиза Гане. Маркиза де Гане, живущая в Курансе, и взяла на себя заботу о судьбе Вырубовых...

Тетя маркизы, госпожа Беаг, отреставрировала и обставила замок Флери. Но после

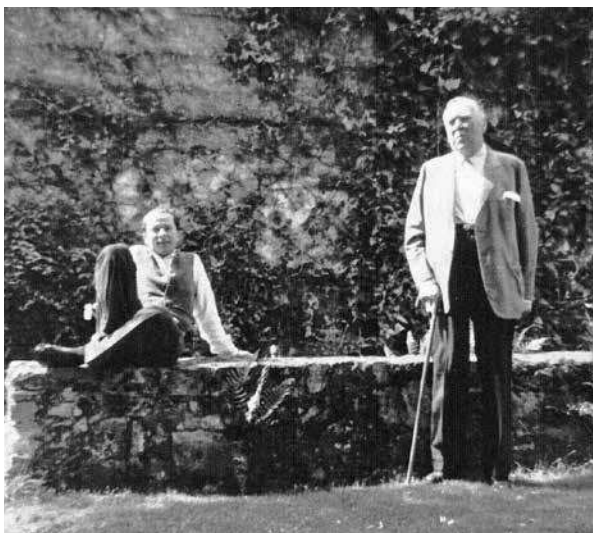
его восстановления и обновления она передумала туда переезжать, замок пустеет, мебель вывозят и продают в Париже, а она отправляется путешествовать. С тех пор замок Флери пуст. Тогда госпожа де Гане убеждает своего мужа поселить нас там. Поскольку возле замка располагались великолепные службы, там было много места, и мы переезжаем в эти прекрасные помещения, где живем без воды и электричества.

ПМ: *И там Вы оказались в кругу своей семьи.*

НВ: Мы там проводим все лето, начиная с 1927 г. Все наши кузины и кузены съезжаются туда, потому что в то время ни у кого из русских ничего не было. Нас очень много в огромном пустом парке, пустом замке, есть и реки, чтобы помыться. Есть река для дам и река для мужчин. Мы живем при свечах и керосиновых лампах, слушая наших стариков, рассказывающих нам истории.

ПМ: *У Вас остались приятные воспоминания о Флери.*

НВ: Мы были абсолютно счастливы. Ни у кого не было автомобиля, и все ходили пешком или ездили на велосипедах. Вы знаете, счастье, в сущности, внутри нас. Итак, поскольку все хотели быть счастливыми, все и были счастливы. Я жил в этой атмосфере, учился у доминиканцев вплоть до 1-го класса, а затем в Лаканале готовился к бакалавриату. После Лаканала я поступил в Сорбонну. Вот и все. В то время мой отец посоветовал мне поступить в банк. Он сказал мне, что есть банк, готовый принять меня на работу, если я говорю на английском, и желательно, чтобы у меня был английский диплом. Тогда я оставил Сорбонну и поступил в Оксфорд.

Николай с отцом Василием Вырубовым. Флери, 1954 г.

ПМ: Вы страдали от этой жизни без семьи?

НВ: Конечно, я жил вне семьи, но я много встречался с двоюродными братьями и сестрами, и с друзьями. Поэтому могу даже сказать, что я жил не с семьей, но у меня были семейные взаимоотношения. Но если быть совсем откровенным, отсутствие семейной жизни, какой она могла бы быть с отцом и матерью, не заставило меня страдать. Я потерял мать, когда мне было пять лет. Я мало знал своего отца и прожил всю свою юность у разных людей. Все эти люди стали украшением моей жизни. К тому же у моего отца был друг, Саломея Андроникова, которая была очень красивой дамой и жила в Париже. Ее муж был адвокатом в Лондоне, а она находилась в Париже и работала у семьи Брюноф. Я жил у нее в возрасте пятнадцати или шестнадцати лет и бывал в совершенном восторге, созерцая очень красивую даму, которая вечерами выходила в парадном платье и была мила со мной. Я не могу сказать, что в то время я страдал, не живя в доме с родителями.

Я не могу сказать Вам, как это происходит, когда, в один прекрасный момент – это приходит не сразу – человек начинает думать о смысле жизни, сначала пытаюсь понять, что это такое, а потом уже осознает его. Затем речь идет о том, чтобы понять, как, определив смысл жизни, человек должен жить, сделать эту жизнь полезной и достойной.

С.Н. Андроникова-Гальперн накануне выезда из России

В результате у меня появился интерес к тому, кто были мои предки, кем был мой отец. К тому же, я всегда слушал его рассказы, но не задавал вопросов, потому что моему отцу легче было общаться с другими, чем со мной. Я действительно никогда не разговаривал с отцом, потому что ему это было скучно. Как только появлялся кто-либо другой, он часами разговаривал с ним; но, в конце концов, я полагаю, это бывает довольно часто. Всю свою жизнь я хотел быть только самим собой, Николаем Вырубовым, отдельной личностью, который сам сделал то или это, при этом я признавал, что принадлежу определенной семье, и я хотел с честью быть членом моей семьи, моего рода, моей страны.

ПМ: До сих пор мы мало говорили о Ваших сестре и брате. А не кажется ли Вам, что, в силу их возраста, они жили по-иному?

НВ: Я могу ответить Вам очень быстро и кратко, потому что ответ короткий и очень простой. Моя сестра, в четырнадцать лет приехавшая в Париж, я полагаю, никогда не согласилась с мыслью, которую Вы высказали, что отец нас бросил, однако у нее никогда не было хороших отношений с ним. Она училась в Англии и встретила в лондонском университете русского, из очень известной семьи князей Лобановых-Ростовских, и стала его женой. Семья моего зятя жила в Болгарии, куда отправилась и моя сестра.

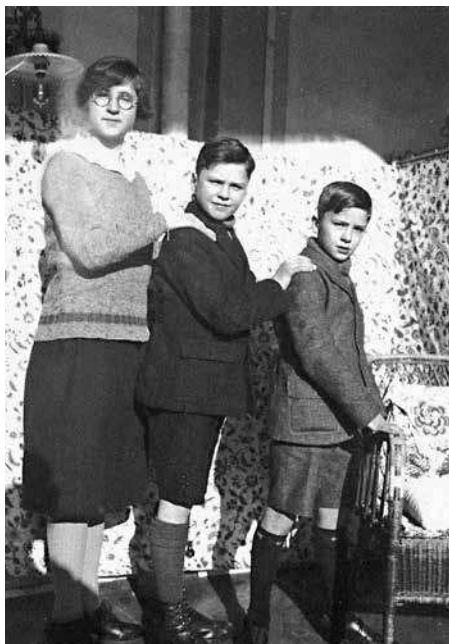
ПМ: И она прошла путь, если так можно сказать, из России в Англию и из Англии в Болгарию.

НВ: Именно так. Мой брат отправился в Англию, учился там в школе, в университете, а затем стал агрономом. По окончании университета его пригласила на работу семья Бемберг, и в 1936 г. он уехал в Аргентину, где остался на всю жизнь. По существу, у него не было никаких отношений с отцом, потому что он действительно никогда не жил с ним.

ПМ: Были ли они привязаны, как Вы, ко всему, о чем Вы только что сказали? Была ли для них Россия той страной, к которой они могли быть привязаны прежде всего?

НВ: Вот к этому, я считаю, надо подходить проще. По своей природе я любопытен, интересуюсь людьми и идеями.

Отец был человеком, умевшим налаживать прекрасные отношения с людьми независимо от их национальности и среды. Я восхищался этой его необыкновенной способностью общения со всем миром. Это было нечто, чего я никогда более не видел в своей жизни, такая уверенность, что для него все было возможно. Так, проходил судебный процесс над Кравченко в Париже, и в то время как я завтракал с отцом, он сказал мне о своем намерении появиться там. Я ему ответил, что это трудно сделать, поскольку присутствие посторонних лиц в суде будет ограничено. Мой отец абсолютно

Дети В.В. Вырубова:
Ирина, Василий и Николай, ок. 1926 г.

ничего не говорит, берет такси, приезжает в суд и, естественно, проходит. Люди расступаются, его пропускают. Он ведет себя так, как если бы он был знаком с Кравченко. Он подходит к нему, хотя никогда не видел его в своей жизни, кроме как на фотографии. И говорит ему: «Здравствуйте, я пришел, потому что хочу посмотреть, как это будет происходить, моя фамилия Вырубов». Они садятся на стулья рядом друг с другом. Мой отец проделал это столь естественно, что ни один полицейский, ни один человек не мог...

ПМ: *Не мог заподозрить, что он не должен здесь присутствовать?*

НВ: Да, это так. У него был этот дар. Он встречался с людьми из всех слоев общества, политических, религиозных. Мне нравилось все это. Таким образом, это сблизило меня с ним, хотя бы интеллектуально.

ПМ: *Вы уважали в нем такого рода эклектизм?*

НВ: Я знаю, что для меня это было привлекательно, и, тем не менее, я никогда бы не смог действовать так, как действовал он. Я считаю, что это исходило у него от особого духа русских помещиков, которые были барам, но без высокомерия, предполагаемого их положением. Одним словом, со времен юности он выработал непринужденность в общении.

ПМ: *Он встречался с людьми из всех слоев общества.*

НВ: Он сам делал такие вещи, которые француз из подобной среды никогда бы не стал делать, рубить дрова, например, или собирать грибы. Я считаю, что такого рода привычное поведение давало ему человеческую уверенность, которая вовсе не была уверенностью господства, или власти, или силы.

ПМ: *Отношения, которые у Вас сложились с отцом – это отношения восхищения и, возможно, еще сотрудничество с ним в некоторых его замыслах. Могли бы Вы сказать в настоящее время, в чем Вы на него походите, в чем хотели бы повторить?*

НВ: В терпимости по отношению к другим, конечно. Потому, что мой отец, в отличие от всех людей его круга, его друзей, принимал советских гостей, журналистов или кого-то еще, кто его посещал. Помню, я видел у него Алексея Толстого, писателя, большого певца Сталина, гроб которого он нес на его похоронах. То, что он приходил его повидать, абсолютно не смущало отца, в то время как для так называемых «белых» русских это было невообразимо.

ПМ: *Ваш отец был нетипичной фигурой по сравнению с белыми русскими?*

НВ: Единственное – это то, что он был настолько открыт для всего на свете, что ничего не отвергал, ничего. Когда я вернулся с войны, на которой сражался против немцев, он не встречал затруднений во взаимоотношениях с пронемецки настроенными людьми, если они представляли для него интерес, интеллектуальный или личный. Я встречал у нас дома, на

улице де Сез, людей, служивших у немцев, потому что отец знал их до войны и считал, что они руководствовались идеями антибольшевизма. Если эти коллаборационисты предлагали ему поиграть в бридж или пообедать с ними, он отправлялся к ним, в то время как в общении со мной он был застегнут на все пуговицы.

ПМ: Удачное выражение. Вы считаете, что это не имело для него большого значения, или, наоборот, это было для него жизненным уроком: то, что может быть правдой сегодня, может ею не оказаться завтра?

НВ: Нет. Я думаю, что отец был так жаден ко всему интеллектуальному, что он шел навстречу всякой интересной идее. Даже если он не разделял ее, ему надо было ее выслушать.

Это весьма удивительно, ведь он был масоном и проявлял глубокую терпимость. Для обозначения евреев в России есть два слова, во французском тоже: еврей и «жид» («youpin»). Подавляющее большинство россиян из его круга употребляли слово «жид», а не еврей. Когда мой отец, который принадлежал к своей среде, произнес слово «жид», а я, услышав его, закричал: «Что, что я слышал? Какой ужас!!!» – Он был очень смущен. Все это я говорю Вам, чтобы показать, что он принадлежал к среде дворян-помещиков... вместе со всем тем, что это влекло за собой, но в то же время он открыл для себя, что нужно стараться все видеть и все понимать.

ПМ: Как он жил после отъезда из России? Пытался ли он осмыслить события или считал, как и многие белые русские, что его страну убили?

НВ: Нет, отец встречался с советскими людьми. До революции военным атташе посольства России, на улице де Гренелль, был Игнатьев, друг его детства. Когда произошла революция, Игнатьев решил остаться военным атташе. И оставался до 1936 г. в посольстве. В юности я не раз бывал с отцом в обществе Игнатьева, от которого отвернулись русские. Отец, хорошо знавший его прежде, считал вполне нормальным пообедать с ним в «Мадлен». Для него это было естественно. К тому же он хотел встречаться с политиками, потому что не хотел обрывать связи с новой Россией. Он боялся оказаться лицом к лицу с Россией, которую он не узнает и не поймет. Кроме того он хотел следить за развитием страны.

ПМ: Ведь он был очень глубоко привязан к России, а методы, которыми ею управляют, заботили его меньше.

НВ: Чтобы лучше понять это, я приведу пример. В 1945 г., меня, бывшего тогда военным, перевели из Эльзаса в Париж, и я оказываюсь сотрудником кабинета Дительма, военного министра. Маклакова, бывшего последним русским послом в Париже до признания Францией Советского Союза, рассматривали во Франции как представителя русских эмигрантов. В 1945 г. Маклаков рассудил, что для эмиграции настало время выразить свое

восхищение успехами Красной армии. Он сказал об этом отцу и отправился в посольство. Некоторое время спустя отец предлагает мне сопровождать его на рю Дарю, на службу в память о русских, сражавшихся и павших за свою страну, которая, таким образом, поминает всех русских, погибших за Россию во все времена. Там был архиепископ, митрополит и посол России. Так что я пошел на рю Дарю. На ступенях церкви стояли Маклаков и отец, я – внизу, в стороне, в военной форме. Во двор въезжает огромный черный лимузин с красным флагом. Из автомобиля выходит посол Богомолов. Его встречают Маклаков и отец, пожимают ему руку. Вместе они поднимаются на несколько ступенек вверх и направляются к митрополиту. Я не заметил, благословил ли тот их или нет, но они входят в церковь, когда поют *Te Deum* [«Тебя, Бога, хвалим»]. Нужно Вам объяснить, что для моего отца, который принадлежал определенной среде, отличной от Маклакова, бывшего должностным лицом, сделать это публично было совершенно ужасно. После этого скандала люди отказались ходить в эту церковь. Мой отец сделал это, но не пошел с Маклаковым в посольство. Он брал на себя инициативу, но знал меру.

ПМ: Покинув однажды Россию, мог ли Ваш отец играть еще какую-либо политическую роль?

НВ: В 1919 г. в Париже отец – генеральный секретарь русской делегации под председательством князя Львова на Версальской конференции – делегацию пригласили на конференцию в качестве наблюдателя. Впоследствии мой отец курсировал между Парижем и Крымом, где находился Врангель, которого он давно знал, и именно отец формировал связи между Политическим комитетом в Париже и Врангелем. Но очень скоро эти связи ослабли, поскольку Врангель захватил власть, и более не нуждался в связях с Парижем. Князь Львов увидел слишком сильный монархический уклон Врангеля, и пути их разошлись.

ПМ: Рассказывал ли Вам отец о своем участии в Версальской конференции?

НВ: Мне кажется, что это должно находиться где-то в архивах, ибо российская делегация, конечно, подтвердила значение участия России в войне.

ПМ: Прежде, чем мы оставим эту тему Вашей жизни в России, ощущали ли Вы, что существует несколько способов существования после отъезда из России? Образ белых русских во Франции почти всегда дается практически карикатурным. Как Вы можете уточнить этот образ? Вы уже сделали это, рассказав о Вашем отце и показав, какую позицию может занять человек, даже если иногда его плохо понимают, однако эта позиция легко объясняется его любовью к своей стране.

НВ: Подростком я жил в Париже и учился у доминиканцев в Медоне, затем в Лаканале. Моя жизнь была такой же, как у всех так называемых

белых русских Парижа. В воскресенье я приходил на рю Дарю, встречался с друзьями, чтобы потанцевать на танцевальных вечеринках то у одних, то у других. Я жил в среде, очень беспомощной в финансовом отношении, но мы все знали, что принадлежим одному кругу, ни у кого не было денег, и все относились друг к другу дружески. Иногда мы ходили в кино. Но это стоило дорого, практически половину того, что мы зарабатывали за неделю. Затем, после Лаканала, была Сорбонна.

Во время войны в Испании люди моего поколения вели споры между собой, чью сторону выбрать, ту или другую. Подавляющее большинство русских моего типа были настроены яростно антибольшевистски, и поэтому профранкистски. Поскольку я наблюдал встречи отца с людьми из Советов, у меня не возникало, как у многих моих русских друзей-сверстников, чувства отвращения к самой мысли принимать у себя дома советских людей. В то время, когда начались эти события, я учился в университете, Советский Союз не был для меня табу, тогда как для белых русских он был наглухо закрыт, вместе с любыми идеями о развитии отношений. Уже это показывает различие путей, которые не возникли спонтанно, но оказались результатом всей жизни, отношения к событиям.

В декабре 1939 г. я находился в Лондоне, и в отношении себя я определенно хотел бы сказать о русском влиянии, заставлявшем меня идти и сражаться. Я уже потерпел неудачу, обратившись к французской стороне.

В 1938 г., когда происходили мобилизационные учения из-за Мюнхенского соглашения, масон Флери пришел попрощаться с нами, поскольку был призван на военную службу. Это взяло меня за живое, и я решил вступить в армию. Я предстал перед призывной комиссией, но из-за шрамов, появившихся в результате операций по поводу туберкулеза, я был освобожден от воинской повинности. Поэтому, когда в 1939 г. Франция мобилизовала лиц без гражданства, я не был призван, поскольку был освобожден от несения службы. Когда началась война, я отправился в генеральное консульство Франции в Англии, чтобы меня приняли на военную службу, но это не получилось, поскольку они узнали, что я был признан негодным к службе. Я хотел поступить в английскую армию, в чем, в итоге, мне отказали на том основании, что я не являюсь британцем.

Наступил декабрь 1939 г., а я до сих пор не знал, где я могу сражаться. Тогда я написал великой княгине Ксении, сестре императора, жившей в Лондоне. Мой отец был шафером на ее свадьбе, и она смутно знала о том, что я существую. Я написал ей, что я определенно хочу воевать, потому что русский должен сражаться. Она мне ответила: «Вы совершенно правы, это нужно делать. Я желаю Вам удачи». Когда в 1940 г. я добрался до Браззавилля, я написал ей: «Мадам, я солдат, и я в Браззавиле, я не знаю, как это будет

происходить. Я просто хотел засвидетельствовать Вам свое почтение». Она мне ответила: «Месье, Вы сердечный человек, делайте то, что Вы делаете». Это было очень неожиданно со стороны лица ее положения. В июне 1941 г., после кампании в Сирии, все узнали о вторжении немцев в Россию. Это взволновало меня и укрепило мою решимость.

После присоединения в Лондоне к FFL де Голля, я был назначен в роту иностранных добровольцев, возглавляемую французом. Большинство солдат пришли после эвакуации из Дюнкерка. Там были все: поляки, русы, турки, греки, – в общем, целая смесь.

После Бразавиля я находился в батальоне стрелков «Сенегал», ПБ1 (Пеший Батальон № 1). Батальон состоял из кадровых унтер-офицеров, людей хамоватых, болтливых и привыкших командовать. У меня не было ничего общего с ними.

Для поддержания «пламени» боевого духа я взял с собой «Пармскую обитель» Стендаля, в издании «Плеяд», такого размера, чтобы томик мог поместиться в мой походный английский ранец. А к этой книге добавил произведения Расина, похищенные в библиотеке «Вестерленда», голландского торгового судна, в котором мы совершили путешествие из Ливерпуля в Дакар. Расин также хранился в походном ранце и имел то преимущество, что можно было прочесть несколько строк в любое время для того, чтобы «накачать» боевой дух, своего рода допинг.

ПМ: Можно сказать, что Вы, в основном, руководствовались определенными идеями, и что в разные периоды они были вписаны в книгу Вашей жизни? Это означает, что Вы чувствуете привязанность к своей стране, но в основном, через идеи, которые совпадают с Вашими? Вот где цельность Вашей жизни: общие идеи, даже если различные периоды Вашей жизни привели Вас к их реализации в иных странах и в иное время. Ваша позиция очень отличается от позиции других людей, которые, как и Вы, были очень жестко ограничены социальными связями со своим кругом, а также ограничены известным им укладом и идеями своего круга или идеями этого уклада.

НВ: Нет ничего труднее, чем выражать простые идеи. Потому что, по существу, в течение различных моментов моей жизни, когда я действовал, мои реакции всегда были простыми. Стараясь сократить время, которое требуется для объяснения этих моментов, я попытаюсь Вам их объяснить.

Я убежден, что суть остается простой. Я всегда ощущал нечто общечеловеческое в своих стремлениях, я по своей природе – участник соревнований. Таким образом, из того, что в 1939 г. началась война, следует, что я должен быть ее участником. Сегодня меня спрашивают: случилось ли это потому, что Вы француз или потому что Вы русский?

Сегодня, оглядываясь назад, я могу использовать все формы аргументации. Но настоящая причина в том, что я, как человек, живущий в обществе, не мог не участвовать в борьбе этого общества. Многих людей их активная деятельность приводила к поздним сожалениям, потому что активность – это очень хорошо, но мы никогда не знаем, куда она может нас завести.

Вот я действовал. Почему? Естественно, мы ищем причины в себе самих. Я думаю, что я хотел заслужить свое место под солнцем, возвратиться с высоко поднятой головой. Я знал, что даже если во Франции я был беженцем, лицом без гражданства, принадлежал к той общественной категории, которой мало кто сочувствовал, все равно я должен был поступать как полноправный гражданин.

ПМ: Если говорить словами Раймонда Арона, я полагаю, что Вы, на самом деле, не были сторонником идеи оставаться только зрителем жизни.

НВ: Да, это так. За исключением того, что сам Арон был именно зрителем, а не действующим лицом. В 1940 г. он прекратил участие в движении «Свободная Франция» в качестве сержанта танковых войск и провел войну в Лондоне, публикуясь в антидеголлевском журнале «Свободная Франция».

ПМ: Вы же хотели быть действующим лицом.

НВ: Действующим лицом, именно так.

ПМ: Вы не были сторонником позиции зрителя, и Ваш отец также не был ее сторонником. Везде, где бы ему ни приводилось бывать, как бы трудно или неприятно это ни было, он был действующим лицом. Вы, в том, что Вы продолжаете делать для России, в проектах, с которыми имеете дело, и в Ваших непрерывных мыслях о будущем России, Вы остаетесь именно действующим лицом, делающим историю, а не представителем определенной социальной категории на каком-то историческом отрезке.

НВ: Да, это так. И далее, исходя из той же логики: когда была эта угроза ОАС, путча генералов, я тогда тоже решил действовать. Сегодня эта угроза у людей вызывает улыбку, но в тот момент она вызывала в обществе своего рода атмосферу паники.

Для того, кто по своей природе стремится к действию, этого достаточно, чтобы сказать себе вдруг: разве я не должен предпринять что-то? И тогда я беру свой котелок и ранец и отправляюсь в Гран Пале, чтобы подписать обязательства. Сегодня мне кажется, что это очень просто, это поступок гражданина. Вот так. Полагаю, к этому мало что можно добавить.

ПМ: Прежде чем завершить разговор о Вашей жизни в Англии и Франции, единственное, что я бы хотел, если позволите, добавить к фактам, показавшимся мне совершенно логичными и стройными, это Ваше удивительное качество – безграничную свободу в размышлениях о Вашей среде.

НВ: Конечно, но это связано с образованием, которое я получил. Мы являемся результатом воспитания. Ведь я видел, как отец общается с самыми разными людьми: у людей его круга в России не было друзей-евреев, у отца было множество друзей-евреев. Таким же образом отец встречался с людьми из Советов, хотя в то время это было невозможно, недопустимо. Вот что любопытно: встретившись с Алексеем Толстым, писателем и певцом Сталина, он шел на ужин к Трубецким, где встречался с бывшими ка-валегардами. Он переходил от одних к другим с удивительной легкостью, потому что считал проявлением дружелюбия повидаться со стариками ка-валегардами, а также повидать Толстого, утверждавшего, что Сталин – это нечто экстраординарное. Я не присутствовал на этой встрече, но знал, что он там был, так как в тот день с отцом и Толстым вместе мы отправились в театр на Елисейских полях. Я знал, что отец собой представлял, что он, по сути, был крупным политиком, это очень интересно наблюдать, когда ты молод, потому что я знал, как все мои друзья, все мои русские друзья будут удивлены, узнав, что я сидел в ложе театра рядом с Алексеем Толстым. Ну, вот. Естественно, все это происходило не оттого, что отец меня этому учил, но он показывал мне, что надо наблюдать за всем происходящим в мире, что нужно выслушивать всех, и вести себя со всеми непринужденно. У меня также нет никаких табу.

Когда разразилась война 1939 г., русские эмигранты во Франции были мобилизованы, они правильно исполнили свой долг. Многие белые русские пали, сражаясь во французской армии в 1939–1940 гг. Они были призваны, они исполнили свой долг, и никто не может упрекнуть их за то, как они действовали. Большинство из них были не французами, а лицами без гражданства, они были призваны потому, что правительство Франции подписало указ о мобилизации апатридов. Подавляющее большинство не участвовало в каких-либо военных действиях, потому что не знало, для кого и за что бороться. Их России больше не существовало, а эту Россию строили те люди, которые разрушили их страну. Потому они ничего и не предпринимали.

ПМ: *Мы долго говорили о четырнадцати годах, проведенных Вами во Франции между 1924 и 1938 годами. Что Вы приобрели за эти четырнадцать лет во Франции?*

НВ: Совсем немного. В то время я не был ни русским, ни французом. Моя Россия оказалась воображаемой, а моя Франция – книжной. С 1924 по 1930 год я жил то у одного, то у другого друзей моего отца, а он был слишком занят, чтобы посвящать мне время. Мои брат и сестра к тому моменту были уже в Англии. Я провел много времени, целых три года, в клиниках, лечась от остита.

В 1930 г., в возрасте пятнадцати лет я экстерном закончил 5-й класс, в доминиканской школе Лакордер в Медоне, где остался до экзаменов на бакалавриат. Я учил французский, который знал плохо, живя среди русских. У меня появились товарищи-французы, я начал читать, я безотчетно стал офранцузиваться.

ПМ: Усвоили ли Вы что-либо из французской политики, о которой Вы говорили, или более широко: что Вы для себя открыли, на пути между Россией и Англией, где поселились Ваши брат и сестра. Если оглянуться назад, как Вы жили эти четырнадцать лет во Франции?

НВ: Вот об этом я Вам и рассказываю. Этот французский период ничем не был отмечен в моей памяти. Я не знаю, как Вам это объяснить, потому что есть простые вещи, которые трудно объяснить.

Я пошел в школу в пятый класс, который был филологическим. В этом классе у меня проснулся вкус к Расину. Для меня это было знаком той связи, которая у меня появилась с Францией. У меня не было ни одного французского друга, потому что в мое время приятели из класса в гости домой не приходили. Никогда в жизни я не бывал в квартирах родителей моих приятелей, и я абсолютно и безоговорочно уверен, что это не имело никакого отношения к тому, что я русский. Я убежден, что так не делалось. Таким образом, у меня не было друзей-французов, но были русские друзья, потому что я жил в русской среде. Каждую свободную минуту, все свои каникулы я проводил во Флэри, в доме семьи, а по субботам, воскресеньям и по праздникам – с русскими друзьями. Каждый чувствовал себя совершенно беззаботно; мы были молоды, без гроша в кармане, мы веселились, чувствовали себя прекрасно, и семьи друг друга были нам хорошо известны.

Единственное, может быть, стоит отметить, что начиная с момента, когда мы поступили в филологический класс, мы стали прислушиваться к разговорам о политике. Я смутно помню разносчиков газет, которые просили помочь продавать воскресную «Аксьон франсез». Воскресная продажа была интересной, потому что случались драки между теми, кто продавал «Аксьон франсез» и теми, кто продавал «Юманите». Это было беспокойное время. Но воспринималось это так, как будто происходило на футбольном матче. Я пошел (припоминаю, что это был зал Гаво) послушать Моррасса, потому что кто-то сказал мне: «ты пойдешь?», – и я пошел за ним. Другие приятели говорили мне часто: «Давай, мы посмотрим на это, мы посмотрим на то», – и я бывал с ними в том или другом месте. В то время было много лекций в Париже, в Мютюалите или в Амбассадоре. Но я не принадлежал ни к какой партии.

Я Вам скажу одну очень простую вещь: в сущности, первой французской семьей, с которой я познакомился, была семья Ноай – на Сабине Ноай я женился.

До войны я жил в русской среде, учась в филологическом классе в Лаканале, затем жил в студенческом городке, у меня были приятели-студенты, мы обедали вместе, мы ходили вместе в столовую, и мы не ездили домой. А, следовательно, я не знал французских семей. Потом был Оксфорд, а затем – война. Сразу после войны был Нью-Йорк и работа в ООН. Я встретился с этой девушкой и вошел во французскую семью. Люди часто говорят мне, что так было потому, что французы – ксенофобы. Это совсем не так. Все случилось так, как случилось. Я должен сказать, что, в целом, очень немногие из моих русских друзей часто общались с французами, и подавляющее большинство русских моего круга и моего возраста женились на русских. Следующее поколение, да, в большинстве своем женилось на француженках. Но мое поколение русских женилось на русских.

ПМ: *Так что, Вы опять-таки оказались первым.*

НВ: Нет, так сказать нельзя. В действительности, я был отмечен войной. Не потому, что я стрелял из ружья, а потому, что приобрел опыт. Таким образом, когда я возвратился в Париж, неся в себе этот опыт, я понял, что из всех своих друзей мне некому сказать: «Петр, Яков, ты знаешь, я вернулся с войны...» Моя тетка, сестра матери, во время войны жившая в квартире отца, сказала мне: «Ты знаешь, будь осторожен, потому что вот тот-то был в немецкой армии, отец этого был в немецкой армии, а этот работал у них на гражданской службе и стал очень богатым..., будь осторожен». В конце концов, среди всех моих друзей не осталось никого, кому я мог бы позвонить.

Все же я назову моего старшего брата, который на самом деле – мой сводный брат, живущий в Медоне, вот он до войны, будучи русским, сделал во Франции военную карьеру, в рамках школы русских офицеров, собиравшихся вернуться в Россию. Брат был капитаном, и в 1945 г. я ему позвонил: «Александр, пообедаем вместе». Я его спросил, что он делал во время этой войны, так как он был военным. Он мне ответил: он знал, что должен сражаться, но никогда не мог решить, на какой стороне он должен был это делать. Он стал священником. Там, несомненно, он и нашел свой путь.

Я хочу сказать, что, в конце концов, война разделяет людей между собой. Русская эмиграция до войны была цельным массивом, состоящим из всех слоев общества, ведь я говорю не только о родовитых семьях, но о тысячах русских, живших во Франции. Все русские в эмиграции были настроены против большевиков, даже если между ними и существовали какие-то различия. Так, например, некоторые были антибольшевиками-монархистами, другие антибольшевиками-республиканцами, но все были антибольшевиками. В то время эмиграция была довольно однородной, и каждый надеялся, что Россия изменится так, что можно будет вернуться.

А потом началась война, и весь мир вдруг рушится. В результате, нет больше единства, нет больше русской жизни. После того, как я вернулся домой в 1945 г. и снова в 1946 г. уехал в Нью-Йорк, я так больше никогда и не возвратился к прежней жизни.

Однородность российской эмиграции исчезает после войны потому, что антибольшевизм, который всех объединял, слабеет. Победу считают заслугой русской армии и народа, и это определяет происходящие изменения. Жертвенность русского народа была такого масштаба, что это создает советскому руководству определенную национальную легитимность. Некоторые ждут изменений и следят за обновлениями, другие (четыре тысячи в Париже) просят вернуть их в СССР, остальные остаются верными своим монархическим убеждениям. Раскол очевиден.

ПМ: То объяснение, которое Вы даете, что, в действительности, русского общества после войны больше не существует, я не могу принять. Кроме того, Ваши многочисленные переезды туда-сюда не содействовали Вашим прочным взаимоотношениям. И когда Вы находились во Франции в период между 1924 и 1938, Вы были не французом, а апатридом.

Если хотите, мы могли бы поговорить об Англии, где Вы провели два года. Зачем Вы отправились туда? Хотели ли Вы встретиться с братом и сестрой?

НВ: Мой отец нашел банк, – я полагаю, что это был Союз Банков в Париже, который сообщил ему, что может взять меня на работу, если у меня будет английский диплом. Тогда я решил получить диплом такого рода – «Sciences Po» – в Оксфорде. Я едва говорил по-английски, и это было нелегко.

ПМ: Вы были в Оксфорде пансионером?

НВ: В обязательном порядке, так как никаких других условий не существовало. Дело в том, что в системе Оксфорда есть университет, где никто не живет, и есть колледжи. Жили в колледже, под наблюдением «тьюторов», людей, помогавших нам заниматься, а потом и готовиться к университетскому экзамену. Университет там используется для экзаменов, а подготовка и жизнь проходят в колледже.

ПМ: С людьми из каких семей Вы встречались там? Встречались ли Вы с этими людьми за пределами колледжа? Или Ваша жизнь в течение этих двух лет протекала исключительно в стенах колледжа?

НВ: По моему прибытию в Оксфорд, в конце 1937 г., я познакомился с молодым человеком, всегда жившим в Лондоне, его звали Астор. Астор был младшим сыном лорда Астора. Асторы нажили огромное состояние в США и переехали в Англию в начале нашего века. Таким образом, лорд Астор, бывший американцем, но британским подданным, жил среди

редкой роскоши и в диковинном великолепии, имея большие дома в Лондоне и дворец в сельской местности.

Случайно я подружился с его сыном, и тот сразу пригласил меня к себе, потому что в Англии приглашают домой на эти всем известные уик-энды. Я провел уик-энд, а затем Рождественские праздники, в большом имении, называвшемся Кливден. Кливден – это бывший Букингемский дворец. Так как Букингемский дворец в Лондоне был городским домом, Букингемский дворец был и за городом, и почти не отличался от городского. Это должно дать Вам представление о мире, в котором я оказался. Естественно, я в одночасье познакомился с массой людей, потому что на уик-энде в Кливдене бывало по меньшей мере двадцать или двадцать пять гостей, взрослых и подростков, так как каждый из сыновей Астора – мой друг был четвертым – приглашал своих гостей.

Поэтому, одних интересовало это, других интересовало то, так что общество представляло собой довольно пеструю смесь. Родители постоянно приглашали членов правительства, членов Палаты лордов и других важных людей.

Удивительными были простота и отношение к жизни. Никто не найдет такого в других странах или в других местностях. Там все было до невероятности просто. Кроме того, я никогда не почувствовал плохого отношения к себе, не услышал каких-либо замечаний, которые могли бы касаться моей одежды, бывшей хуже, чем у других, или того, что все знали – у меня решительно ничего нет. Никогда не случилось, чтобы кто-то мог травмировать меня.

Мы проводили уик-энд в Кливдене и вместе возвращались в Лондон. В Лондоне кто-то мог сказать: «А не поужинать ли нам, например, в Рице?» – и это всегда происходило таким образом, чтобы не смутить меня тем, что я не могу заплатить свою долю. Я не знаю, как все это было организовано... Я замечаю, что, например, сегодня, когда я живу в среде богатых людей, в общем, много говорят о деньгах. А в юности среди англичан я никогда не слышал разговоров на эту тему.

Вся эта жизнь, проведенная с Асторами в Кливдене, для меня явилась чем-то необычайным. Кроме того, леди Астор, первая женщина-депутат в Англии, была выдающимся членом лондонского общества, не только потому, что принадлежала к безумно богатым людям, а потому, что была очень деятельна, всегда на виду и знала всех на свете. Я не знаю, почему она мне симпатизировала, но я часто проводил время в ее обществе. И позже, когда началась война, и я не знал, где жить, меня пригласили в Кливден, и именно с леди Астор я каждый день посещал Палату общин, слушая дебаты.

Воспоминания о лейтенанте морского флота Жаклине де-Ля-Порт-де-Во¹

К концу мая 1940 г. 500 000 воинов союзнических войск оказались прижатыми к морю под шквалом огня около Дюнкерка. Положение казалось безнадежным. Вслед за своей знаменитой фразой: «Мы никогда не отступим», – Черчилль приказывает эвакуировать английский экспедиционный корпус. Операция началась в начале июня. Чувствуя угрозу приближения войны к их берегам, англичане реквизируют все годные лодки вдоль Ла-Манша и готовят их для эвакуации. В операции принимают участие судна французского флота.

Это было поистине беспримерным подвигом спасения: за несколько дней будет эвакуировано более 300 000 союзнических солдат, среди которых более 100 000 французов. Раненых отправляют в Англию.

В то время я находился в Оксфордском университете, заканчивая учебный год, и руководил Французским кружком; мы организовали посещение французских раненых, попавших в больницу города. Именно там я познакомился с лейтенантом морского флота Жаклином де-Ля-Порт-де-Во², закованным в гипс с ног до головы; он был тяжело ранен на эскадренном миноносце «Ягуар», затопленном 23 мая у Дюнкерка.

Мне захотелось встречаться с ним почаще. Я очень внимательно слушал его рассказы о смертоносной войне, которая так контрастировала с моей мирной студенческой жизнью. Видно было, с каким нетерпением он жаждал снова оказаться в бою, несмотря на свои раны и испытанное под Дюнкерком поражение. Он проявлял решительность, страстность и был полон отваги.

Здесь, на своей больничной койке, он узнал о перемирии³ и о Призыве 18 июня⁴. Чтобы узнать побольше новостей, я обращался в Лондонское посольство, где меня принимали в качестве председателя Французского Оксфордского кружка, работавшего под покровительством посольства. Я был знаком с большим числом дипломатов. Итак, в конце учебного года, я должен был представить отчет о своей деятельности и предъявить счета, как всегда, имеющие перерасход.

¹ Отрывок из «Ревю Свободной Франции», 1998, № 304. Вып. 4 (*Revue de la France Libre*, n° 304, 4e trimestre 1998). Пер. с франц. Николая А. Федорова, ред. Е. Федоровой.

² Жаклин Пьер Ив де-Ля-Порт-де-Во (*Jacquelin Pierre Yves de La Porte des Vaux*), виконт – легендарный французский моряк, капитан 3-го ранга (р. в 1910 г., Париж – ум. в 1949 г., Париж), в организации «Свободная Франция» с июля 1940 г. (член FNFL – военно-морской флот), один из первых добровольцев в армии генерала де Голля.

³ Так называемое «Компьенское перемирие 1940 года» заключено Германией и Францией 22 июня 1940 г., в результате чего Франция была разделена на оккупационную зону немецких войск и государство, управляемое режимом Виши.

⁴ «Призыв 18 июня» – речь, произнесенная Шарлем де Голлем, лидером «Сражающейся Франции», 18 июня 1940 г., она способствовала Движению Сопротивления во время Второй мировой войны.

В посольстве царил паника, говорили только об отъезде, это был неудачный момент для их знакомства с моим отчетом и рассмотрением счетов. Не имея возможности оставить открытым банковский счет Кружка, я попросил сделать это моего отца в Париже, который и исполнит все необходимое и позже скажет шутя, что обогнал меня по службе во Франции.

В этот тяжелый час персонал посольства представлял собой удручающее зрелище. После перемирия, когда Англия была вынуждена продолжать войну в одиночестве, а Франция оказалась под властью оккупации, отъезд, которого добивались дипломаты, был воспринят теми, кто решил сражаться, как предательство.

Ни один из членов посольства не присоединился к генералу де Голлю; они не осмеливались на решительный шаг, взять инициативу на себя, боясь совершить ошибку. Для этих высокопоставленных и искушенных людей казалось более правильным и разумным оставаясь на службе государства, делать карьеру, прикрываясь лояльностью и уважением к Маршалу⁵, или просто руководствуясь политикой выжидания. Действительно, в то время неопределенность дальнейшего хода войны представляла для них серьезный риск, но, начиная с 1942 г., как только перспективы станут многообещающими, они массово начнут примыкать к де Голлю. Но в то время одни уезжали, чтобы получить новое назначение в Дублин, Рабат, Лиссабон или Шанхай, другие объявились в Париже, а некоторые, не желая возвращаться в свои оккупированные страны, пытались найти себе убежище. Посол Корбен первым уехал в Аргентину в личных интересах, министр-советник Камбон попросил англичан его интернировать: из уважения к нему его поселили в загородном доме на весь срок, пока шла война. Роланд де Маржери, второй советник Посольства, возвратился в Париж, чтобы получить новое назначение, и, проезжая через Лондон по пути в Шанхай, не присоединился к де Голлю, хотя был им принят. Судьба пожелала, чтобы в 1942 г. правитель Китая, генерал Чан Кайши, признал генерала де Голля; в силу этого Маржери окажется, сам того не желая, в Чунцине на службе у де Голля в подчинении его уполномоченного генерала Пешкова. Вскоре не останется больше никого, за исключением М. де Кастеллана, которому перед возвращением в Париж было поручено передать ответ генералу де Голлю на его письмо генералу Вейгану и сообщить де Голлю о его осуждении⁶. Военные атташе тоже оставляют Лондон. Генерал Лелонг,

⁵ *Маршал Анри Филипп Петен* (1856–1951) – глава правительства Виши 1940–1944 гг., призывавший в 1940 г. Францию к коллаборационизму с немцами.

⁶ Де Голль привез во Францию проект так называемого «органического слияния Франции и Англии», рассматриваемый им как средство подтолкнуть французское правительство, к активному сопротивлению. После отклонения этого проекта 18 июня 1940 г. де Голль обратился по лондонскому радио ко всем французам, находящимся на британской территории, призывая их установить с англичанами контакт для продолжения борьбы против нацистов. Затем де Голль порвал с петеновской Францией и отказался подчиниться приказу о возвращении. Он был привлечен к суду и заочно приговорен к смертной казни. См. вст. ст. к: *Шарль де Голль*.

однофамилец известного «генерала Лелонга Свободной Франции», уезжает вместе со своими приближенными. Единственный из всех, комендант де Бранте, после пребывания в Лиссабоне, когда возвратится во Францию, присоединится к l'ORA⁷, но будет схвачен немцами и расстрелян.

Глава миссии адмирал Ривуар, прежде чем уехать, убеждает своего сына Алена, учащегося Оксфорда, возвратиться с ним, из опасения, что тот окажется вовлеченным в вооруженные силы Свободной Франции, как это сделает Жан-Пьер Жироду, другой студент Оксфорда, которого отец вызовет во Францию, а он возвратится в июле 1940 г., чтобы вступать в FNFL⁸.

Я не буду здесь ничего рассказывать о других сотрудниках посольства, некоторые из них еще живы и пользуются большим почетом. Все те, кто уехал, сделали после войны блестящую карьеру, которую, как очевидно, никакие обстоятельства не могли затормозить. Еще были те, кто, бежав от оккупации и прибыв с этой целью в Лондон, останутся лишь зрителями, не принимающими участия в войне. Среди последних окажется Раймон Арон, который, после короткого участия в 1940 г. в организации FFL⁹, займется журналистикой. Он будет раскаиваться в этом до конца жизни.

Очевидно, что самым удручающим будет возвращение французских войск, прибывших в Англию после Нарвика и Дюнкерка. Более 100 000 деморализованных солдат уедет по приказу своих офицеров, для которых война была проиграна.

Останутся 2 000 добровольцев, к которым различными путями примкнет 1 000 молодых французов, оставивших все, чтобы принять участие в боевых сражениях. Вот эти люди не желали слышать о поражении. Если «Свободная Франция была их страстью», – как пишет Кремье-Бриак, – то молодые добровольцы были ее душой.

В этой атмосфере хаоса, где каждый искал свою дорогу, 3 июля и разыгралась военная драма в Мерс-эль-Кебир¹⁰. На следующий день я собрался навестить в больнице лейтенанта де-Ля-Порт-де-Во и нашел его потрясенным известием о потери людей и о разрушениях. Он опасался, что оскорбление, нанесенное французским морякам, не обратило бы их

Военные мемуары. http://www.universalinternetlibrary.ru/book/63282/chitat_knigu.shtml.

⁷ ORA – *Organisation de resistance de l'armee* – Организация сопротивления армии была создана 31 января 1943 г. (вследствие немецкого вторжения в «свободную» зону в ноябре 1942 г.) в качестве аполитичной организации, объединяющей бывших французских военных, готовых к активному против оккупации Франции, но отдельно от де Голля.

⁸ FNFL – *Les Forces navales françaises libres* – Организация военно-морского флота «Свободной Франции» в течение Второй мировой войны.

⁹ FFL – *Forces françaises libres* – Свободные французские силы. Во время Второй мировой войны это название было дано вооруженным силам, присоединившимся к «Свободной Франции».

¹⁰ *Mers el-Kébir* – портовый город в Средиземном море во французском Алжире. «Битва в Мерс-эль-Кебир» – атака силами британского ВМФ французской эскадры, как часть операции «Катапульта», осуществленная после перемирия Франции и Германии и имевшая целью не допустить попадание кораблей флота Франции под контроль Германии.

против англичан и не скомпрометировало бы их участие в войне. Хотя он происходил из традиционной аристократической среды и не позволял себе противоречить установленным обычаям, однако сохранял независимость суждений. Глубоко потрясенный событиями, он остался непоколебим в своем решении сражаться вместе с англичанами. Ничто не могло заставить его пренебречь долгом – изгнать врага, оккупировавшего Францию. Все отступало перед этой задачей.

Он хотел убедить в этом и других, сомневающихся и колеблющихся, он хотел передать им послание; но как это сделать, когда вы прикованы к больничной койке, и доступ к прессе вам закрыт?

Стремясь вырваться из больницы, он был готов, чтобы его похитили. Как бы то ни было, эта операция прошла успешно. Его кровать находилась у окна на первом этаже. К 18 часам мы прибыли на машине и укрылись на террасе под окном. Нужно было вытащить его из окна как мумию и поместить его на террасу. Персонал больницы согласился не вмешиваться и не поднимать тревогу при том условии, что его вернут обратно.

Помещенный на крышу машины, он пересек, таким образом, весь город, мы привезли его в самый большой отель Оксфорда, «Рандолф», и там, в холле отеля, он разместился на столе, окруженный любопытствующими и журналистами, пораженными нашими приготовлениями, и смог выступить со своим заявлением. Совершенно владея собой, исполненный серьезности от принятой на себя важной миссии, он, держа в руках офицерскую фуражку, огласил послание своим братьям по оружию. Его выступление было тем убедительнее, что он сам был одним из тех, кого призывал сражаться: он происходил из старинной семьи, служившей Франции, был ранен в бою, сражаясь бок о бок с англичанами, он оставил на родине жену и ребенка. Он призывал своих товарищей преодолеть горечь, взять верх над телесными страхами и направить себя к главному – к победе.

Его воззвание не получило желанного отклика, местная печать не ответила ему должного места. И все-таки это был прекрасный жест.

Вскоре после этого в Олимпии я уже подписывал именем Флэри свое обязательство вступить в «Свободную Францию». В тот день мы были троим – студенты Оксфорда, подписавшие обязательство: лондонский грек, ранее учившийся во Франции, Коста Архилопуло, хотя Греция еще не участвовала в войне, и Жорж Десмаре с острова Маврикий, английский подданный, который, вместо того, чтобы вступать в английские вооруженные силы, как он и должен был бы поступить, из чувства товарищества присоединился к FNFL. И вот я уже солдат и марширую в отряде капитана Дюрифа. До сих пор я терпел поражение только в шахматной игре: в первые дни войны в моей просьбе, отправленной в консульство Франции, от-

казали, а затем, 10 октября 1939 г. Оксфордский пункт сбора новобранцев отклонил мою просьбу вступить в английскую армию. Всякий раз мне припоминали мое положение апатрида. «Свободная Франция» показала себя менее требовательной, было достаточно того, что я взял себе красивое имя Флэри.

В сентябре, в ходе экспедиции в Дакаре, я узнал, что одним из сопровождающих нас авизо¹¹ «Капитан Домине» командовал лейтенант де-Ля-Порт-де-Во. Его выздоровление не затянулось.

Только во Фритауне, где мы остановились после Дакара, я получил возможность снова увидеть его в кругу офицеров, куда я был приглашен английским другом, капитаном Мерсер-Неймом, адъютантом генерала Спирса. Лейтенант де-Ля-Порт-де-Во подробно рассказал нам тогда о своем входе в порт Дакара и как он оказался лицом к лицу с броненосцем «Ришелье», давшим ему приказ остановиться. Приказ был выражен артиллерийским залпом. Лейтенант де-Ля-Порт-де-Во, не дрогнув, приказал экипажу равняться по стойке «смирно» и, объявив прекращение военных действий, приветствовал броненосец. «Ришелье» дал залп предупредительных выстрелов. Ави́зо сделал пол оборота и ушел с рейда. Де-Ля-Порт-де-Во убедился, что капитан «Ришелье» Марзин хотел только предупредить, тогда как легко смог бы утопить его, как это докажет последовавшее затем морское сражение. После этого болезненного провала он не знал колебаний в своих решениях и был просто взбешен поведением французов в Дакаре.

Мы никогда больше не встречались, но воспоминание о Жаклине Де-Ля-Порт-де-Во и его призыве к бою, произнесенном в отеле «Рандолф» после событий в Мерс-эль-Кебир, отчетливо сохранилось в моей памяти как прекрасный пример той отваги, которая заслуживает быть запечатленной в анналах «Свободной Франции».

В память павших воинов

Этот памятник, сооруженный Анной Воронко-Гольдберг в честь сына и его соратников, погибших в рядах французской армии во время войны 1939-1945 гг., находится на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем.

Он посвящен воинам-эмигрантам, павшим в рядах армии или Сопротивления, доблестно служившим Франции и общему делу победы.

Эти воины своей доблестью, достойной службой и самоотверженностью заслужили вечную память общины эмиграции. Сохранение монумента, увековечивающего эту память, является долгом по отношению к павшим.

¹¹ Здесь *авизо* – легкое военное судно, служащее для разведывательной и посыльной службы.

Список был составлен вскоре после войны Содружеством резервистов французской армии с указанием имен погибших до и во время войны. Он не является исчерпывающим ввиду того, что многие из участников подпольной борьбы погибли безвестно, и не все имена русских, погибших в рядах армии, сохранились, их могилы разбросаны по всем местам сражений во Франции, в Ливии, в Тунисе и в Италии.

Н.В. Вырубов. Париж, 1991 г.

Причины участия эмигрантов в войне 1939-1945 гг. в рядах французской армии и Сопротивления

Для понимания причин, побуждавших эмигрантов после оккупации Франции в 1940 г. вступить в движение Сопротивления или добровольно сражаться в рядах войск генерала де Голля, следует, прежде всего, напомнить, что таких добровольцев было незначительное количество.

Так как само население страны в основном оставалось пассивным, эмигранты не чувствовали необходимости проявить себя. Кроме того, по соображениям личным и семейным эмигранты часто опасались что-либо предпринимать. К тому же связаться с подпольем было не только опасно, но и крайне трудно. Тем не менее, многие из них сочувствовали победам русских войск, гордились ими.

Для того, чтобы глубже вникнуть в мотивы, двигавшие Сопротивлением, следует разделить войну на три периода:

1939-1940 гг. Некоторые эмигранты, не подлежавшие мобилизации, пошли во французскую армию добровольцами и сражались в ее рядах вплоть до перемирия. Ими руководило чувство долга по отношению к Франции, общности судьбы с теми людьми, среди которых они жили.

1940 г. Некоторые русские добровольно вступили в войска генерала де Голля. Им хотелось участвовать в войне, сражаться за «свою вторую Родину», с которой они были связаны культурой, и отделаться от эмигрантского ярлыка. Они не чувствовали себя связанными перемирием 1940 года, ими руководило желание внести свой вклад в достижение победы.

После перемирия кажущаяся безнадежность положения, как бы ненужность личного участия, вопреки логике еще более вдохновляла их.

После 1941 г. все резко изменилось: родина подверглась нападению, само ее существование было под угрозой. Для тех, кто был воспитан в русском духе, жил в русской среде, главным мотивом участия в войне безусловно стала Россия. Одни боролись за победу на стороне союзников, других искреннее желание избавить страну от коммунистического ига привело к тягелому заблуждению – сотрудничеству с немецкими войсками.

По ходу войны, возмечтав о том, что боевое содружество приведет к изменению обстановки в стране, некоторые стали стремиться домой. Однако не следует считать желание вернуться в Россию во время войны или вскоре после нее советофильством.

О возвращении думали многие, вовсе не будучи сторонниками советского строя. Безответственность советских властей помешала осуществить стремление вернуться, а те, кому это удалось, подверглись жестокому преследованию.

Н. Вырубов. Париж, июнь 1991 г.

Имена участников войны из среды российских эмигрантов, служивших в рядах французской армии или в борьбе Соппротивления, которые были награждены французским высочайшим военным орденом «Крест Освобождения»

Орден Освобождения был создан генералом де-Голлем в 1940 году для вознаграждения особых отличий в борьбе «Освобождение Франции». 1053 «Креста Освобождения» были выданы в течение войны участникам военных действий в рядах армии и участникам борьбы Соппротивления. Этим орденом были награждены 10 воинов-эмигрантов.

Амилахвари Дмитрий. 12.11.1906. Гори (Грузия). Подполковник. Убит в бою при Эль-Аламейне (Египет) в 1942 г.

Вырубов Николай. 7.2.1915. Орел. Старший унтер-офицер пехотного батальона.

Гари Роман. 8.5.1914. Вильно. Лейтенант авиации.

Каскоров Роберт. 1.6.1909. Берк (Франция). Полковник в отряде партизан.

Конюс Адриан. 6.6.1901. Макон (Франция). Командир в рядах Соппротивления.

Кременчугский Александр. 2.4.1905 Одесса. Доктор-лейтенант при танковом полке.

Миркин Виктор. 19.12.1909. Екатеринослав. Командир при штабе 1-й Дивизии.

Румянцев Николай. 22.9.1906. Жанавка. Командир 1-го Кавалерийского Марокканского полка.

Тер-Саркисов Александр. 14.12.1911. Париж. Капитан Иностранного легиона.

Фелдцер Константин. 12.10.1909. Киев. Лейтенант авиации группы Нормандия–Неман.

1939–1945

Имена русских, павших в рядах французской армии Соппротивления.

Преклоняясь перед памятью

БОРИС ВИЛЬДЕ (1908–42)

Русский, принявший французское гражданство, окончил Историко-филологический факультет и Этнологический институт, работал при европейском отделе Музея Человека, выполнил две научные командировки в Эстонию и Финляндию. Был мобилизован в 1939–40 гг.

Во время оккупации был судим по делу «Резистанс» и расстрелян на Монт-Валериен 23 февраля 1942 г. Генерал де-Голль наградил его медалью Соппротивления согласно следующему приказу: «ВИЛЬДЕ. Оставлен при университете, выдающийся пионер науки, целиком посвятил себя делу подпольного сопротивления в 1940 г. Будучи арестован чинами Гестапо и приговорен к смертной казни, явил своим поведением во время суда и под пулями палачей высший пример храбрости и самоотречения. Алжир, 3 ноября 1943 года». (Текст на памятной доске в вестибюле Музея Человека).

АНАТОЛИЙ ЛЕВИЦКИЙ (1901–42)

Русский, принявший французское гражданство, окончил Историко-филологический факультет и Этнологический институт, заведующий одним из отделов Музея Человека; был одним из самых деятельных организаторов этого музея, известен своими трудами о шаманизме. Был мобилизован в 1939–40 гг. Во время оккупации был судим по делу «Резистанс» и расстрелян на Монт-Валериен 23 февраля 1942 г. Генерал де Голль наградил его медалью Соппротивления согласно следующему приказу: «ЛЕВИЦКИЙ. Выдающийся молодой ученый, с самого начала оккупации в 1940 г. принял активное участие в подпольном сопротивлении. Арестованный чинами Гестапо, держал себя перед немцами с исключительным достоинством и храбростью, вызывающими восхищение. Алжир, 3 ноября 1943 года». (Текст на памятной доске в вестибюле Музея Человека).

КНЯГИНЯ ВЕРА АПОЛЛОНОВНА ОБОЛЕНСКАЯ, урожденная МАКАРОВА

Родилась в Москве 4 июня 1911 г. Казнена в тюрьме Плотцензее в Берлине 4 августа 1944 г. Посмертно награждена орденом Почетного легиона, Военным Крестом с пальмами и медалью Соппротивления. Выписка из приказа: «Младший лейтенант французских внутренних войск (Forces françaises de l'intérieur), основательница, главный секретарь «Organisation civile et militaire», участница Соппротивления с 1940 г. Будучи арестована, вывезена в Германию и расстреляна в Берлине, явила всем прекрасный пример преданности Франции и героизма в борьбе с гитлеризмом» (Подписи: Бидо и Мишлэ). Из приказа фельдмаршала Монтгомери: «Этим приказом я хочу запечатлеть мое восхищение перед услугами, оказанными Верой Оболенской, которая в качестве добровольца Объединенных Наций отдала свою жизнь, дабы Европа снова могла стать свободной» (6 мая 1946 г.).

АБРАМОВ Николай

С 1934 г. ученик Интерната Св. Георгия в Медоне. Погиб на юге в рядах Сопротивления.

АЙТОВ Сергей

Лейтенант, сконч. 4.6.1940 (Приложение 1).

АЛЕКСАНДРОВ Николай

АЛЕКСАНДРОВ-ДОЛЬНИК Владимир Александрович

Лейтенант 2-го полка Иностранного легиона (Приложение 2).

АЛЕКСЕЕВСКИЙ Александр Александрович

Лейтенант 6-го Драгунского полка. Награжден орденом Почетного легиона и Военным Крестом. Погребен на кладбище в Банье.

АНАНЬЕВ Николай

Сконч. 18.5.1945 в Страсбурге.

АНДРОННИКОВ, князь

Лейтенант группы «Коммандо д'Африк». Убит и похоронен в Жюра в октябре 1944 г.

АРКАДЬЕВ

Сконч. в 1926 г. в Марокко (Приложение 3).

АРСАМАТОВ Евгений

Ст. капрал. Приехал из Шанхая, перешел к генералу де Голлю в 1940 г. Убит в боях при Тулоне 23.8.1944. Похоронен на кладбище 1-й дивизии «Свободная Франция» около Тулона.

АРХАНГЕЛЬСКИЙ Георгий

АФАНАСЬЕВ Григорий

Лейтенант флота.

БАЗАРОВ Исмаил Павлович

Рядовой, родился 4.6.1908 в С.-Петербурге, сконч. в плену 29.9.1943 в Берлине. Погребен на католическом кладбище Берлина «Сердце Иисуса», секция 9, ряд 7, могила 12.

БАЛАМОТОВ Степан

Рядовой, сконч. 7.5.1945 в Фридрихсгафене, погребен на кладбище в Шалонвиллар (Верхняя Саона).

БАРЖАНСКИЙ Иван

Лейтенант, расстрелян немцами 9.6.1944 в Каммюнай (Изер).

БЕЗВЕРХИЙ Корнелий (Клементин?)

Рядовой, сконч. 4.6.1940 в Кютри (Мерт и Мозель), погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Награжден Военной Медалью и Военным Крестом. Отмечен приказами по дивизии и армии (Приложение 4).

БЕЛИКОВ Всеволод

Рядовой, сконч. в 1946 г.

БЕЛОВ Гавриил

Рядовой, сконч. 3.7.1942 г. в Египте.

БЕНУА Александр Альбертович

БЕРЕЖНЫЙ Михаил

Рядовой, сконч. 8.4.1945 в Гроссашенгейме (Германия), погребен на кладбище Тюбинген.

БЛОХА Иван

Родился 22.2.1922 в Днепропетровске, сконч. 27.11.1944.

БОЛГОВ Анатолий Алексеевич

Юнкер, сконч. 4.5.1945 в Бершесгадене (Германия), погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Награжден Военной Медалью и Военным Крестом с пальмой (Приложение 6).

БОРОВСКИЙ Константин Константинович

В Императорской русской армии капитан Лейб-гвардии Павловского полка, сконч. 14.6.1940 в Сент-Менегульде, погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Награжден Военным Крестом (Приложение 7).

БРАТОНИК Даниил

Рядовой, сконч. 27.1.1945 в Тебшейм, погребен на кладбище д'Албе.

БРЮНО Георгий

Сержант, сконч. 14.06.1940 в Ля-Гранж-о-Буа, погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

БУЛАНИН Владимир

БУЛЮБАШ Владимир

Лейтенант, род. 29.8.1910, сконч. в Бишвиллере (Верхний Рейн), погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа (Приложение 5).

БУРЛАКОВ Петр

Родился в России 6.1.1909, сконч. 17.4.1945 в Пфалзграффонвейлере (Германия).

БЫЛИНИН Владимир

БЫЧЕНКО Николай

Сконч. 9.5.1945, погребен в Страсбурге, могила 432 Б.

ВАРАНГО (или ВАРЕНГО?) Андрей

Сконч. в Пон-Сен-Жан (Эн).

ВАРШАВСКИЙ

Сконч. 25.8.1944 во время боев на улицах Парижа.

ВАСЮКОВ Григорий

Род. 30.10.1905 в д. Вутки (Россия), сконч. 22.11.1944 в Бретани (Верхний Рейн).

ВАЩЕНКО Александр

Солдат 2 кл. II полка Иностранного легиона, сконч. от последствий депортации 11.3.1947, погребен в Виллье на Марне.

ВЕМЕНСКИЙ Михаил

Рядовой, сконч. 10.4.1945, погребен в Л'Эскарен, кладбище № 10, ряд 6, могила 6.

ВИНИЧЕНКО Константин

Сконч. в Страсбурге.

ВОЙНИЛОВИЧ Алексей

Ст. сержант, сконч. 26.4.1944 в Страсбурге.

ВРАССКИЙ Андрей

Протопресвитер. Арестован в 1943 г., замучен в Бухенвальде в феврале 1944 г.

ДЕ-ВУЛЬФ Алексей

Сержант, род. в 1899 г., окончил Одесскую школу мореплавания, капитан дальнего плавания, сконч. 14.6.1940 в Ля-Гранж-о-Буа (Коммуна Сент-Менегульд – Марна), погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

ВЫШИНСКИЙ Александр

Рядовой, сконч. 27.1.1945. Погребен в Оберней, кладбище № 7, ряд 12, могила 3.

ГАГАРИН Георгий, князь

Юнкер, род. 15.11.1921, сконч. 16.4.1945 г. в Оберкирш (Германия), погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Награжден Военной Медалью и Военным Крестом с 2 пальмами. Отмечен двумя приказами по армии (*Приложение 8*).

ГАЙЕР

Иностранный легион, сконч. 20.5.1940 при Поррон (Сомма).

ГАСКЕВИЧ Михаил

Юнкер, сконч. 3.10.1944 в Вогезах, погребен в Виллерзекселе, кладбище 3, ряд 5, могила 39.

ГЕКНЕР Виталий

Сержант, сконч. 11.5.1943 в Тунисе, погребен на кладбище 118 в Си-ди-Бу-Али.

ГЕНДРИХСОН Владимир

Сконч. 6.7.1941. погребен в Дамаске на кладбище 8 401, квадрат 17, могила 56.

ГИНЗБУРГ Владимир

ГОЛОВИН Константин

Род. 20.5.1918 в селе Саранское (Россия), сконч. в Гильдвиллере (Верхний Рейн) 28.11.1944.

ГОЛУБЬ Уклина

Род. 15.4.1924 в России, сконч. 12.1.1945 в Россфельде (Нижний Рейн).

ГОЛЬДБЕРГ-ВОРОНКО Эдуард (?)

Капрал 22 Пехотного полка иностранцев-добровольцев (Régiment de marche volontaires étrangers), сконч. 6.6.1940 в Мизерей (Сомма), погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

ГОЛЯШКОВ Илья

Рядовой, сконч. 30.12.1944 в Бельфоре, погребен на местном кладбище.

ГОМБЕРГ (?)

Младший лейтенант Иностранного легиона, сконч. в 1916 г.

ГОНОРСКИЙ Андре

Капрал, сконч. 10.3.1940, погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

ГОРБ Иван

Род. 5.1.1920 в Харькове, сконч. 30.11.1944 в Танне (Верхний Рейн).

ГОРОДНИЧЕНКО Михаил

Сержант, сконч. в Индокитае 15.9.1945 вследствие ранения, полученного в 1939 г. на германском фронте (Участник войны на франц. фронте 1939-1940 гг. Тяжело раненный в голову, попал в плен к немцам, бежал из плена, отправлен в Индокитай в 5 полк Иностранного Легиона. Умер от кровоизлияния в мозг).

ГРУНЕНКОВ Михаил

ГУСАРОВ Александр

Похоронен на военном кладбище в Боржедь (Тунис).

ДАНИЛЕНКО Дмитрий

Сконч. 9.6.1940 в Сен-Лу-Шампань (Арденны).

ДЕЛЯКРУА Павел

Капрал, сконч. в возрасте 22 лет 2.2.1945 в Виттенгейме (Эльзас), погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-о-Буа. Награжден Военным Крестом, отмечен приказом по армии.

ДЕРГАЛЕНКО Николай

Сконч. 5.12.1942 в Страсбурге – Кроненбург.

ДОКУКИН Николай

Род. 17.5.1924 в России, сконч. в Сент-Мари-о-Мин (Верхний Рейн) 14.2.1944.

ДОМБРОВСКИЙ Владимир

Рядовой, сконч. 11.4.1945, погребен на кладбище в Вильфердингене (Германия).

ДОН-ДОНЦОВ Игорь

Сконч. в плену в августе 1941 г.

ДОНСКОЙ Борис

Волонтер, сконч. 14.6.1940 в Ля-Гранж-о-Буа, коммуна Сент-Менегульд (Марна), погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

ДУБИНСКИЙ Кирилл

Сконч. 10.6.1940.

ДУКМАСОВ Николай

ДУРАКОВ Петр Александрович

(последний прямой потомок Пугачева)

Старший матрос. Сгорел в танке, которым командовал, подле Тулона, погребен на военном кладбище Тулона. Награжден Военным Крестом, Африканской медалью, дважды отмечен приказами (*Приложение 9*).

ЕМЕЛЬЯНЕНКО Аркадий

Юнкер И.Р.Т.М., род. 26.5.1911 в Киеве. Блестяще образованный. Вступил добровольцем, проделал всю кампанию. Ранен, рана залечена невнимательно. После нескольких лет страданий скончался от туберкулеза. Неоднократно награжден.

ЕРМАКОВ Владимир

ЕФРЕМОВ

Лейтенант Иностранного легиона.

ЖЕБРАК

Артиллерист.

ЖЕРЕБЦОВ Анатолий

Рядовой, род. в 1916 г. в Севастополе, сконч. 26.1.1945 в Эйсенгейме (Эльзас), погребен в Оберней на кладбище № 7, ряд 13, могила 21.

ЖЕСТОКИН Николай

Рядовой, род. 6.7.1924 в Тузлукове (Россия), сконч. в Бельфоре, где и погребен.

ЖУКОВ Владимир

Сконч. 30.5.1940.

ЗАЛОКА Николай

Род. 25.12.1916 в России, сконч. 13.1.1943 в Пон-дю-Фагс (Тунис).

ЗАМЕШАЕВ Павел

Погребен на военном кладбище в Картаж (Тунис).

ЗАРУБИН Георгий

Капрал, род. 10.3.1918, сконч. 20.11.1944 в Монтре-ле-Шато (Дубе), погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Награжден двумя Военными Крестами (в 1943 и 1945 гг.), отмечен приказами по бригаде и по армии (*Приложение 10*).

ЗАСЕЦКИЙ Александр

Сконч. 14.5.1940 в Ранкурте (Арденны).

ЗАЯЦ Виктор

Род. 15.10.1921 в Роковце (Россия), сконч. 24.1.1945 в Иллгаузерне (Верхний Рейн).

ЗЕМЦОВ Иван

Ст. сержант, сконч. 1.6.1942 в Бир-Хакейме (Ливия), погребен в Ливии, кладбище № 203, могила 146 (*Приложение 12*).

ЗЕРНИН Александр

ЗЕРНИН Михаил

ЗИССЕРМАН Павел

Сконч. 23.12.1943 около Бонневилль. Маки, «вольные стрелки» «Либерте» (Francs-tireurs partisans) (Савойя).

ЗОЛОТАРЕВ (?)

Младший лейтенант Иностранного легиона, сконч. в 1915 г.

ЗУБАЛОВ Дмитрий

Младший лейтенант. Расстрелян немцами 12.11.1942 в Исси-ле-Мулино (Верхняя Сена) (*Приложение 11*).

ЗУБОВ Иван

Ст. сержант, род. 24.5.1899 в Киеве, сконч. 8.11.1944 в Плануа (Вогезы), погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

ИВАНОВ Леонид

Рядовой, род. 18.3.1924 в Тихоно (?) (Россия), сконч. 21.11.1944 (или 21.4.1945) в Виллерзекселе (Верхняя Саона).

ИВАНОВ Николай

Род. 18.3.1911 в Москве, сконч. 8.4.1945 в Пфорцгейме (Германия).

ИВАНОВ (псевдоним)

Рядовой Иностранного легиона, сконч. 15.3.1945 в Га Гианг (Тонкин, Индокитай). Бывший кадет Русского корпуса в Версале.

ИВАНОВ-ТРИНАДЦАТЫЙ Константин

КАНЦЕЛЬ Алексей

Летчик, сконч. в Африке в 1942 г. Погребен 18.2.1949 на кладбище в Булони (под Парижем).

КАРНЕРИ (псевдоним)

Рядовой, сконч. 10.3.1945 в Танг (Тонкин, Индокитай). Тяжело ранен и добит штыком, когда с трубой бежал к начальнику гарнизона дать «отбой». Весь штаб гарнизона был перебит японцами в тот же момент. Уроженец Молдавии, учился в русской гимназии.

КАРПЕНКО Иван

Род. 11.1.1917 в Запорожье, сконч. 3.12.1944 в Бельфоре.

КАРПОВСКИЙ (или КАРНОВСКИЙ?) Александр

Младший лейтенант, сконч. 25.8.1944 в Тунисе, погребен на кладбище Банье.

КЕФЕЛИ Николай

КЛИМОВ Игорь

Партизан, сконч. 7.2.1945 в возрасте 23 лет в Италии.

КОВКА Иоанн

Сконч. 10.5.1945.

КОДОВСКИЙ Иван

Ст. сержант, сконч. 11.6.1942 в Бир-Хакейм.

КОЗЛОВ

Сержант, сконч. в 1926 г. в Марокко (Приложение 14).

КОЛОСКОВ Сергей

Рядовой, род. 14.12.1923 в С.-Петербурге, сконч. 19.5.1944 в Радикофани (Италия), погребен в Милане, кладбище 12, квадрат С, могила 27.

КОМАРОВ Лев

Капитан, сконч. 1.4.1945 в Туар-Гиао (Тонкин, Индокитай) (Приложение 13).

КОНЕНКО

Сконч. в 1926 г. в Марокко (Приложение 3).

КОСТРЕВСКИЙ Иван

Матрос, сконч. 17.6.1941 в Сирии, погребен в Дамаске на кладбище № 401, квадрат 17, могила 30.

КОСТЯНЮК Владимир

Род. 20.11.1921, сконч. 30.5.1945 на м. Антиб.

КОСЦЕВИЧ Владимир

Рядовой, сконч. 11.12.1944, погребен во Въе Тганн.

КРАВЧЕНКО Иосиф Силыч

Сконч. в 1943 г. в Тунисе.

КРАСНИКОВ Николай

Рядовой, сконч. 22.11.1944 в Гем. 405. Погребен в Безансоне (Дубе).

КРЕМЕР Иосиф

КРЕЩЕНКОВ Иосиф

Погребен на военном кладбище в Картаж (Тунис).

КУДРЯВЦЕВ Алексей

Рядовой, сконч. 14.6.1940 в Ля-Гранж-о-Буа, коммуна Сент-Менегульд (Марна), погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Награжден Военным Крестом.

КУЗНЕЦОВ Геннадий Дмитриевич

Старший унтер-офицер, сконч. в Марокко.

КУЛИШ Даниил

Рядовой, сконч. 9.12.1944 в Танне (Верхний Рейн).

КУРЛОВ Николай

Род. 25.4.1903 в Одессе, сконч. 20.11.1944 в Монтре-ле-Шато (Дубе).

КУЦЕНКО Александр

Род. 2.2.1922 в России, сконч. 22.11.1944 в Одинкуре (Дубе).

ЛАРИН Михаил Георгиевич

Ст. сержант, сконч. 8.2.1945 в Баутцгейме (Верхний Рейн). Награжден Военной Медалью, Военным Крестом, Медалью Сопротивления, отмечен в приказе по армии (*Приложение 15*).

ЛЕВЕНТОН Александр

Юнкер, сконч. 8.2.1945 (*Приложение 15*).

ЛЕШУК Михаил

Сконч. 5.11.1944 в Вогезах.

ЛИНЕВИЧ Борис

Рядовой, сконч. 7.12.1944 в Гем, погребен на кладбище в Безансоне (Дубе).

ЛИШАНСКИЙ Александр

Лейтенант, сконч. в 1943 г. в Тунисе.

ЛОБОВ Иван

Рядовой, сконч. 4.12.1944, погребен в Безансоне (Дубе).

МАЛЯВИН Петр

Род. 22.1.1911 в Горловке, сконч. 15.12.1944 в Гашиметте (Верхний Рейн).

МАРГУЛЬЕС Альберт

Убит 5.6.1940 на Сомме. Погребен в Маршелепо.

МАРХИНИН

Рядовой, сконч. 27.1.1945, погребен в Шатенуа, кладбище № 8, ряд 4, могила 17.

МАРШАНОВ Иван

Род. 15.1.1900 в России, сконч. 18.11.1944 в Монбельаре (Дубе).

МАСАЕВ Павел

Рядовой, сконч. 8.6.1942, погребен в Бир-Хакейм, кладбище № 203.

МЕДВЕДЕВ Владимир

Вахмистр, сконч. 11.5.1940 в Веесе (между Антверпеном и голландским фронтом), там же погребен.

МЕЛЬНИЧЕНКО Петр

Рядовой, сконч. 3.12.1944, кладбище № 4 в Ройе, ряд 16, могила 9.

МЕЛЬНИЧУК Сергей

Рядовой, сконч. 10.12.1944 в Танне (Верхний Рейн), погребен на кладбище в Бишвиллере (Верхний Рейн).

МИЛЬТОН Виталий

МИЛЬЦИН Федор

Рядовой, род. 15.2.1914, сконч. 27.5.1940 в Мастэнг (Норд), погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

МИРКИН Виктор

Сконч. 23.11.1944, погребен на кладбище в Виллерзекселе – кладбище № 3, ряд 7, могила 3.

МИХАЙЛЮК Николай

Род. 1.12.1920 в Кременце, сконч. 11.12.1944 в Орбай (Верхний Рейн).

МОЛЧАНОВСКИЙ Александр

Сконч. 15.3.1944, погребен в Гаммамет, кладбище № 106.

МОСКАЛИК Иван

Сконч. 14.3.1942, погребен на кладбище № 402 в Бейруте, квадрат С, могила 1312.

МХИТАРОВ (МХИТАРИАНЦ) Николай

Род. 17.9.1924, расстрелян 15.7.1944 в тюрьме де ля Санте. Награжден Медалью Сопrotивления (Приложение 16).

НАНКОВ

Погребен на военном кладбище в Картаж (Тунис).

НЕВЯДОМСКИЙ Кирилл А.

Лейтенант 14-й батареи де репераж. Родился 6.7.1911 в Москве, сконч. 4.2.1945 в лагере при Нибурге (Германия). Погребен там же. Окончил в 1934 г. «Эколь Сантраль». С начала войны был мобилизован как офицер французской армии, до пленения находился на фронте. Погиб в лагере, в плену в числе других 95 офицеров от случайно попавшей в лагерь американской бомбы.

НЕДОШИВИН Сергей

5 или 6 Кирасирский полк.

НЕГОВАН Владимир

НЕЧАЕВ Олег

НОВИКОВ Юрий

НОВОСЕЛОВ Александр (или Сергей?)

51 Пехотного полка (Régiment d'infanteri) 2 бат. Убит в июне 1940 г. в Ретеле (Арденны).

НОЖИН Александр Сергеевич

Рядовой, сконч. 9.6.1940 на реке Эн, погребен в Живри (Арденны) (Приложение 17).

НОСОВИЧ Михаил

Рядовой 22 Пехотного полка иностранцев-добровольцев (Régiment de marche de volontaires étrangers), сконч. в Виллер-Карбонель (Сомма).

ОГАРОВИЧ

Погребен на военном кладбище в Картаже (Тунис).

ОКС Андрей

Ученик с 1934 г. Интерната Св. Георгия. Убит на парижских баррикадах в августе 1944 г.

ОЛЕЙНИКОВ Иван

Род. 25.8.1919 в Ровно, сконч. 24.1.1945 в Иллгаузерне (Верхний Рейн).

ОЛЕЩУК Николай

Рядовой, род. 6.10.1926 в Кременце, сконч. 10.1.1945 в Коршвице (Верхний Рейн), погребен в Оберней (Нижний Рейн), кладбище № 7, ряд 5, могила 7.

ОНИЩЕНКО Николай Павлович

ОРЛОВ Виктор

Сконч. 18.5.1945 в Страсбурге.

ОРОДМИК Владимир

Рядовой, сконч. 26.1.1945, погребен в Оберней (Нижний Рейн), кладбище № 7, ряд 9, могила 18.

ПАВЛОВСКИЙ Иван

Погребен на военном кладбище в Картаже (Тунис).

ПАХОТИНСКИЙ (ПАХОТИЦКИЙ?) Димитрий

Рядовой, сконч. 4.11.1942 в Эль-Аламаин, погребен там же на кладбище 305, квадрат 15, ряд А, могила 7.

ПЕТРЕНКО

Г.Р.Д., могила 97.

ПЕТРОВ Павел

Рядовой, сконч. в Марокко.

ПЕТРОВ Федор

Род. 22.6.1989 в Новгороде, сконч. 6.10.1944 в Фрессе (Верхняя Саона), погребен на кладбище № 3 (Виллерзексель), ряд 3, могила 39.

ПИДГОРОДЕЦКИЙ Яков

Рядовой, род. 23.8.1923 в России, сконч. 28.12.1944 в Ангулеме (Шарант), где и погребен.

ПОЛЯНОВСКИЙ Зиновий

Род. 2/15.08.1914, убит 2/15.06.1944 в Италии в рядах «Африканской армии».

ПОЛЯНОВСКИЙ Михаил

Убит в Оберней (Нижний Рейн) 1.2.1945, погребен на кладбище № 7 в Оберней, ряд 11, могила 17.

ПОПОВ

Вахмистр 1-го Кавалерийского полка Иностранного легиона (Régiment étranger de cavalerie légère blindée), 4-й эскадрон. Убит в 1945 или 1946 г. в Сирии в тот момент, когда во время боя встал с гранатой в руке, чтобы лучше прицелиться.

ПОПОВ Сергей

Род. 25.8.1905 в Москве, сконч. 12.1.1943 в «Резервуар де л'Уэд Кобир» (Тунис).

ПОТИМКОВ Иван

Род. 10.9.19? в Воронеже, сконч. 23.12.1944 в Аммершвиллере (Эльзас).

ПРАВДИВЦЕВ Олег

ПРЕЙМАК (ПРЕЙМЯК? ПРЕМЯК?) Иван

Род. 10.1.1921 в России, сконч. 9.11.1944.

ПУНЧИН Георгий

Род. 11.2.1905 в Керчи, сконч. 4.5.1943 на «Ферм де Луканда» (Тунис).

ПУТЯТИН, князь

Убит в Италии. Погребен в Болонье.

ПУХЛЯКОВ Владимир Константинович

Младший лейтенант. Находился в рядах Сопротивления в 1939–40 гг. Вахмистр II Кирасирского полка, род. в 1911 г. в России, обезглавлен в Германии 9.2.1943. Погребен на кладбище в Тиэ (Марна) (*Приложение 18*).

РАППОПОРТ Евгений

РАСЛОВЛЕВ Михаил

Лейтенант (*Приложение 19*).

РАСТОРГУЕВ

Сержант, сконч. в Меси-о-Буа (Эн).

РАТНЕР Петр

Сконч. в 1944 г. в Италии, где и погребен.

РЕКСИН Владимир

Лейтенант (?).

РОМАНОВСКИЙ Антон

Рядовой, сконч. 20.11.1944 в Бюк, погребен на кладбище в Шалонвиллар (Верхняя Саона).

РЕГЕМА

Лейтенант Иностранного легиона, сконч. в 1925 г.

РЕПИНСКИЙ Александр

Рядовой, сконч. в плену, (Бежал из немецкого плена с четырьмя товарищами. На границе Франции наткнулись на немецкий патруль. Четверо были задержаны, Репинский же побегал вперед и был убит патроном выстрелом в спину.)

РОТШТЕЙН

Младший лейтенант Иностранного легиона, сконч. в 1916 г.

РУДНИЦКИЙ (или РУДИНСКИЙ?) Александр

Рядовой, род. 4.7.1921 в Кременце, сконч. 5 или 6.11.1944 в Плануа (Вогезы), погребен в Корравиллере — кладбище № 5, ряд 1 могила 9.

РУДОМЕТОВ Василий

Младший лейтенант, сконч. 27.5.1940 у Арденнского канала. Погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Награжден Военным Крестом (посмертно).

РЫГАЛОВ Владимир

Сконч. 24.8.1948.

РЯЗАНОВ Всеволод

Сконч. 18.9.1944, погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

САДОВСКИЙ Александр (Алексей)

Рядовой, сконч. 23.9.1945 (или 13.12.1944?) в Танне (Нижний Рейн).

САФОНОВ Николай (или А.?)

Погиб в Тунисе в 1943 г.

СВЕЧИН Кирилл

Капрал, убит 15.6.1940.

СЕГАЗОВИЧ Яков

Род. 25.6.1907 в России, сконч. 10.4.1945 в Гросс Гляттбах (Эльзас).

СЕЙДЛЕР Олег

Сконч. в июне 1940 г.

СЕМЕНОВ Илья

Младший лейтенант (?) 22 Пехотного полка иностранцев-добровольцев (Régiment de marche de volontaires étrangers), сконч. 5.6.1940 г. в окрестностях Френ-Мазенкур (Сомма).

СЕМЕНОВ

Сын Ильи, убит 3.6.1940 под Arrasом.

СЕРАФИН Григорий

Род. 4.5.1920 в Вишневце, сконч. 5.11.1944 в Плануа (Вогезы).

СИЗ (?)

Рядовой, без вести пропал 26.3.1945 в Сон-Ля (Тонкин, Индокитай). Бывший поручик 10-го Ингерманладского полка в Гражданскую войну. Уроженец Тверской обл.

СКЛАБИНСКИЙ Роман

Ст. сержант, сконч. вследствие ранений 27.12.1947 в Грассе.

СКРЯБИН Кирилл

Род. 4.10.1899, воспитанник Императорского Александровского лицея (77 курса), вольноопределяющийся Лейб-гвардии конного полка. Во Французской армии – сержант, сконч. 11.6.1940 в Нейи-Сен-Фрон. Награжден Военным Крестом (посмертно).

СЛЮСАРЕВ Александр

Сконч. вследствие полученных ранений в Тунисе в 1944 г. Проживал в Париже, к генералу де Голлю перешел в 1940 г.

СОЗАТСКИЙ Александр

Род. 11.9.1901 в России, сконч. 8.4.1945.

СТАНИСЛАВСКИЙ Владимир Иванович

Ст. сержант, сконч. от ран 17.6.1940 в Мезиере (Арденны), погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

СТЕЦКЕВИЧ Юрий Владимирович

Юнкер, сконч. 21.8.1944 в Тулоне, где и погребен на кладбище «Сан-траль де л'Оратуар». Награжден Военным Крестом с двумя звездами. Отмечен приказами по армии и по бригаде (*Приложение 20*).

СТРЕПЕТОВ Владимир

22 Пехотный полк иностранцев-добровольцев (Régiment de marche de volontaires étrangers).

ТАНАС Игорь

Рядовой, род. 24.3.1921 в Константинополе, сконч. 25.4.1943 в Деппиени (Тунис). Награжден Военным Крестом. (Записался добровольцем в Иностранный легион в марте 1941 г., был в Сенегале. В сражении под Тунисом джип, на котором находился Танас, везший пушку, взорвался на mine. Смерть была ужасная.)

ТАЛАЛАЕВ Георгий

ТАРАБАНОВ Федор

Род. 14.4.1900 в Лимборске, сконч. 20.12.1944 в Аммершвице (Эльзас).

ТИУНОВ Анастасий

Род. 29.6.1904 в Перми, сконч. 11.12.1943.

ТИХОНОВ Александр

Рядовой, род. 22.11.1900 в Ростове-на-Дону, сконч. 7.4.1945 в Бреттене (Германия), погребен на кладбище в Оберсгаусбергене.

ТРАХТЕРЕВ Александр

Сконч. в 1940 г.

ТРОФИМОВ Вячеслав

Погребен на военном кладбище в Картаже (Тунис).

ТРУШТАЛЕВСКИЙ Михаил

Бригадир, род. 1.4.1916 в Москве, сконч. 15.6.1940 в Этиньи на Ионне, погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

ФЕДОРОВ

Сконч. в 1926 г. в Марокко (*Приложение 3*).

ФЕДОРОВ Кирилл Николаевич

Рядовой, сконч. 1.6.1943 близ Керуана, погребен на кладбище в Тунисе. Награжден Военным Крестом со звездой. Отмечен приказом по армейскому корпусу (*Приложение 21*).

ФЕДОРЦЕВ Николай

Сконч. в госпитале 28.1.1944, погребен в Тунисе.

ЦАРЕВ Михаил

Младший лейтенант, сконч. 22.8.1944, погребен на кладбище в Ля-Лонд-ле-Мор (Вар), ряд 4, могила 8.

ЦЫБУЛЬСКИЙ Александр

Рядовой, сконч. 20.11.1944 в Бюк, погребен на кладбище в Шалонвилла-ре (Верхняя Саона).

ЧЕРНИКОВ (ЧЕРНЫШЕВ?) Александр (Алексей?)

Род. 15.11.1917 в России, сконч. 28.11.1944 в Бишвиллере (Верхний Рейн).

ЧЕХОВ Алексей

Младший лейтенант, род. 14.2.1921 в Алжире, сконч. 18.8.1944 в деп. Лу-ара. Награжден орденом Почетного легиона и Военным Крестом с пальма-ми. Отмечен приказом по армии (Приложение 22).

ЧИМАНОВ Иосиф

Рядовой, сконч. 25.11.1944, погребен в Ле-Баллон д'Альзас.

ЧИСТИЛИН Олег

Умер от отравления горчичным газом. Матрос английской службы. По-гребен в Бари (Италия).

ШАРКИН Кондратий

Род. 12.8.1908 в Курске, сконч. 8.12.1944 в Сент-Мари-о-Мин.

ШАРОВ Кирилл

ШАЦКИЙ Александр

Род. 11.9.1901 в России, сконч. 8.4.1945 в Елиген (Германия).

ШЕРЕМЕТЕВ Владимир

Род. в Тифлисе в 1904 г., сконч. в 1944 г., погребен в Тулузе.

ШЕСТИРУК Тимофей

Рядовой, род. 5.3.1921 в Ровно, сконч. 3.12.1944 в Танне (Нижний Рейн), погребен на кладбище № 6 (Гироме), ряд 5, могила 4.

ШИКУНОВ Федор

Род. 13.5.1924 в России, сконч. 14.12.1944 в Гашиметте (Верхний Рейн).

ШПАРАГА Иван

Рядовой, род. 17.4.1917 в Михайловке, сконч. 28.1.1945 в Иллгаузерне (Верхний Рейн), где и погребен на кладбище № 8, ряд 3, могила 18.

ШУВАЕВ

Рядовой, сконч. в июне 1942 в Ливии (Приложение 23).

ШУМЕНКО Дмитрий

Погребен на военном кладбище в Картаж (Тунис).

ШУРЕПА Владимир

Рядовой, род. 12.10.1923 в Каменце, сконч. 31.10.1944 в Шато Ламберт (Верхняя Савойя), где и погребен на кладбище № 5, ряд 2, могила 2.

ЩЕРБАКОВ Василий

Рядовой, род. 12.8.1923 в Севске, сконч. 28.11.1944 в Бельфоре.

ХАРЛАМОВ Георгий

УРУСОВ Сергей, князь

Род. 13.1.1916 в Москве. Ученик Интерната Св. Георгия, убит в Африке в рядах войск Свободной Франции, Иностранный легион.

УСТЮГОВ Григорий

Род. 28.12.1912 в России, сконч. 2.3.1945 в Монпелье.

ЮРГЕНС Николай Алексеевич

Ст. сержант, летчик, сконч. 23.2.1944 в 50 км от Альже, упал с самолетом в Средиземное море. Посмертно награжден Военным Крестом с пальмой. Отмечен приказом по армии (Приложение 24).

ЯСИНСКИЙ Виктор

Рядовой, сконч. 25.1.1945 в Сирии. Погребен на кладбище № 408 (Алеп), квадрат 15, могила 22.

ЯЦИНСКИЙ Михаил

Сержант, сконч. 11.6.1940 в Нейи-Сен-Фрон, где и погребен.

ЯНАСАЕВ*

Рядовой, сконч. 17.5.1944 в Сан-Жиоржио-дю-Вири (Италия). Погребен на кладбище № 5, могила 5 (Канталуппо).

*ЯНАСАЕВ, он же ЯНЬСАЕВ. «В Италии в моей роте был старый черкес Яньсаев. Ему было более 55 лет. Мы должны были идти на позиции — готовилась операция против линии Густава. Пришло в роту распоряжение всех пожилых солдат отправить в тыл. Капитан вызывает среди других и Яньсаева и заявляет ему о полученном приказе. Ответ Яньсаева был: «В России немцы, и против них доблестно бьются все русские; у нас, в России, бьются до тех пор, пока держатся на ногах, я же на ногах держусь крепко, поэтому прошу вас оставить меня в роте, чтобы участвовать в предстоящем бою». Капитан улыбнулся и разрешил ему остаться в строю до следующего отхода на отдых. Через три дня, в первом же бою Яньсаев был убит. О нем мало кто вспомнит и вряд ли кто посетит его могилу где-то в Италии».

(Сообщено М.И. Алексинским)

Дополнительные данные

БЫЛИНИН Владимир

Род. 10.3.191, убит в Баннах (Марна) 14.6.1940. Лейтенант 80-го полка. Награжден орденом Почетного легиона и Военным Крестом с пальмами.

ЗУБОВ Иван

Род. 25.5.1899, проделал Великую войну, кавалер Георгиевского креста трех степеней, проделал Гражданскую войну, был эвакуирован в Галлиполи. Поступил добровольцем во французскую армию, был убит 3.11.1944 в Плануа, Вогезы. Погребен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де Буа.

МАКОВСКИЙ Георгий

Род. 9.7.1917. Лейтенант, заместитель руководителя ячейки Сопrotивления в Ницце. Убит 6.7.1943 при обнаружении вражеской контрразведкой. Награжден французским Военным Крестом и польским Военным Крестом.

ПЕТРЕНКО

Дивизионный разведывательный отряд. Погребен на Сомме.

РЯЗАНОВ Всеволод Ипполитович

Род. 20.4.1913. Будучи мобилизован в августе 1929 г., проделал всю Бельгийскую кампанию и из Дюнкерка попал в Англию, откуда вернулся в свободную зону. По освобождении Парижа записался волонтером во 2 Бронетанковую дивизию генерала Леклерка, в 3 пехотный полк (Чад). 13.9.1944 при постройке понтонного моста через Мозель был смертельно ранен и в тот же день вечером скончался от полученных ранений. Оставил семилетнего сироту Юрия Рязанова.

УГЛОВ Р. Л.

Лейтенант. Трагически погиб в 1949 г. в Марокко при испытаниях аэроплана. Один из самых блестящих молодых офицеров французского воздушного флота, одержавший ряд побед во время войны. Участник эскадрильи Нормандия–Неман, кавалер ряда военных орденов и медалей.

Приложение 1

АЙТОВ Сергей

Лейтенант. Родился в Петербурге 20 августа 1913 г. Окончил Политехническую школу в Париже в 1935 г. Был офицером для связи при генерале Стюарте, командовавшем 152 английской бригадой. 3 июня 1941 г. узнав, что французский капитан Перрет, из-за нехватки английского офицерского состава, предложил взять на себя командование отрядом английской пехоты, получившей приказ атаковать на следующий день противника, совершенно добровольно, из чувства солидарности к французскому офицеру, пошел в бой вместе с ним, зная всю опасность предстоящей операции. Во время боя вел себя с исключительным мужеством. Выполнив успешно данное отряду поручение, Перрет и Айтов по собственному почину бросились со своим наполовину уменьшившимся отрядом на помощь попавшему в тяжелое положение соседнему отряду, хотя и отдавали себе отчет, что такое решение равносильно самоубийству. Действительно, несколько минут спустя капитан Перрет был тяжело ранен, а лейтенант Айтов убит.

Приказ (посмертный) о награждении лейтенанта Айтова орденом Почетного легиона гласит: «Офицер связи при английской армии заслужил высокую оценку со стороны своих военных начальников своей храбростью

и присутствием духа. Ночь с 12 на 13 мая 1941 г., для установления более успешной связи между двумя армиями, провел на позиции, подвергшейся обстрелу тяжелой артиллерией. 15 мая командовал отрядом британских пулеметчиков, получивших задание освободить французские опорные пункты. Пал смертью храбрых 4 июня при выполнении военного задания».

Приложение 2

АЛЕКСАНДРОВ-ДОЛЬНИК

«7 сентября 1932 г. в бою на Тазигауте (Марокко) пал смертью храбрых доблестный поручик 2-го пехотного полка Иностранного легиона Владимир Александрович Александров-Дольник.

Поступив юнкером в Сен-Сир в 1925 г., он прошел полный курс Школы (1925–1927 гг.) и был выпущен в I Иностранный полк.

В 1930 г. по прошению он переводится в действующую Армию с зачислением в 6 роту 2-го батальона Иностранного полка.

За блестящее повеление во многих горячих боях с марокканскими мятежниками он представлен к Военному Кресту.

Тяжко заболев и едва оправившись, он отклоняет предложенный командиром полка отпуск и просит разрешения вернуться в свою часть, которая должна принять участие в новых операциях.

Сразу по приезде в батальон любимый и ценимый начальниками, он получает почетное и ответственное назначение — командование ударным отрядом батальона. 5-го сентября французские войска перешли в наступление. Уже в этот день, будучи в тяжелом бою, Александров-Дольник выказал чудеса храбрости. «Мы все поражались, — говорят его товарищи, — тому спокойствию, с которым он вел себя; пули свистели и впились в землю вокруг него, валились люди, а он шел большими шагами вперед, с каким-то неземным хладнокровием, как будто не видя того ада, который творится вокруг него».

В роковой день 7 сентября в критический момент командир роты капитан Шоген крикнул: «6-я вперед», но, обернувшись, увидел, что большая часть роты, продираясь через кустарники в предутренней мгле, растерялась, и с ним всего несколько человек. Капитан стал кричать: «6-я рота, ко мне!» — и на его зов вышел Александров-Дольник, вывел свой взвод к нему и немедленно повел его в атаку. «Я вижу еще поручика Александрова с револьвером в руке: увлекающего своих людей», — пишет его командир. После жестокой рукопашной схватки legionеры овладели позицией и оставшиеся в живых марокканцы уже спасались бегством, как вдруг один из них обернулся и выстрелил в упор в Александрова-Дольника. Сраженный пулей в сонную артерию, Александров был убит наповал. В надгроб-

ной речи командир полка так отозвался об убитом: «Мы горды Вами. Вы заплатили Вашей жизнью за доблестное и героическое поведение, которое делает честь не только Легиону, но и всей Армии. Вы прибавили новую страницу славы к истории полка и память о Вашем славном поведении будет священна и послужит примером будущим поколениям».

**«Часовой», № 112-113 от 15 ноября 1944 г., статья С. Андоленко*

Приложение 3

АРКАДЬЕВ, КОНЕНКО, ФЕДОРОВ

«В бытность генерала Пешкова в Иностранном легионе в Марокко были поставлены кресты на могилах русских легионеров: Аркадьева, Коненко и Федорова».

3. Пешков «Иностранный легион в Марокко». Изд. 1929. С. 217-219

Приложение 4

БЕЗВЕРХИЙ Корнилий

Приказ по дивизии и по армии 28.10.1943. Солдат храбрый и преданный. Смертельно ранен во время разведки 4 июня 1940 г. Награжден Военной Медалью и Военным Крестом с Серебряной Звездой.

Приложение 5

БУЛЮБАШ Владимир

Лейтенант. Приказ по армии (посмертный). Командир отряда легких танков, исключительной храбрости, вызывающий восхищение всех при всяких обстоятельствах. 27 ноября 1944 г. принял решающее участие в разведке у Аммершвира (Эльзас), где он командовал двумя танками, из коих тот, на котором он находился, был разрушен огнем противника. 28-го ноября, вызвавшись добровольцем командовать взводом для прикрытия фланга разведывательного отряда, взял пленных. Узнавши, что поблизости находится немецкий командный пост, он атаковал таковой и погиб смертью храбрых в тот момент, когда его отряд уничтожил часть вражеского поста и военный материал последнего, обратив оставшихся в живых в бегство. Останется для 1-го кавалерийского полка» Иностранного легиона совершенным типом военачальника.

Приложение 6

БОЛГОВ Анатолий

Семнадцати с половиной лет участвовал в Сопротивлении, в штурме Парижской ратуши. По освобождении Парижа в рядах 2-й Бронетанковой дивизии генерала Леклерка участвовал в германском походе. Пал смертью

храбрых, попав в засаду эсэсовцев во время штурма Берхтесгардена. Был награжден Военным Крестом с пальмой и Военной Медалью.

Приложение 7

БОРОВСКИЙ Константин Константинович

Лейтенант. Первую мировую войну К.К. Боровский проделал в рядах Лейб-гвардии Павловского полка, показав себя доблестным строевым офицером.

Во Франции Боровский, после выдержанного испытания в «Эколь Милитер» 10.1.1940 был произведен в лейтенанты резерва и зачислен в 21 полк, 2 батальон.

С первых же дней пребывания в полку Боровский очень серьезно отнесся к своему положению и стал усиленно изучать в подробностях то оружие, с которым ему надлежало идти в бой (пулемет).

Прекрасный товарищ и начальник, он быстро завоевал симпатии офицеров и уважение подчиненных. Приказания его во время боя отличались ясностью, определенностью и исполнялись немедленно. Чувствовался офицер, понимающий и знающий свое дело. Во время пребывания на позиции он неизменно проявлял большую выдержку, спокойствие и заботу о людях. С 7 по 11 июня вызвался вне очереди идти со своим взводом на передовую линию. По личному почину произвел ночную разведку и выяснил расположение немецкого охранения. В бою 9 июня проявил редкую решительность и своим метким огнем во фланге противника нанес ему чувствительные потери. Атака немцев была отбита главным образом благодаря прекрасному действию его пулеметов. На рассвете 11 июня, когда запыхавшийся солдат связи прибежал и сообщил, что надо скорее уходить, что другие части уже ушли и что немцы окружают, Боровский отказался покинуть позицию впредь до получения письменного приказа начальства. Во время тяжелого отступления Боровский ни на минуту не покидал свои пулеметы и все время подбадривал утомившихся людей. 14-го июня, в бою под Сент-Менегульд, Боровский доблестно погиб на поле чести, пытаясь спасти свой пулемет от наседавших немцев. Награжден (посмертно) Военным Крестом.

Приложение 8

Князь ГАГАРИН

Приказ по армии от 26 апреля 1945 г.

«Храбрый, с личной инициативой начальник отделения. Во время атаки 20 января 1945 года, превзойдя порученное ему задание, лично занял „аббаттуар“. Застиг врасплох батарею противника в действии, открыл по ней огонь и, искусно маневрируя, убил 4 солдат, взял 18 пленных и военный материал.

В ночь с 20 на 21 тяжело ранил офицера, который командовал неприятельской разведкой. Награждается Военным Крестом с пальмой».

Приказ по армии 7 июля 1945 г.

«Награждаются Военной Медалью нижеследующие.

Князь ГАГАРИН Георгий, аспирант, № 3112 23-го полка Колониальной пехоты.

Выдающийся начальник отделения, с исключительной способностью увлекать за собой солдат. 5-го апреля 1945 г. в Эйтлингене (Германия) вынес из места боя под огнем противника тело убитого офицера отряда, застрелив при этом собственноручно трех солдат. 8-го апреля в Бузенбахе, захваченный врасплох стрельбой на короткой дистанции, он немедленно реагировал, увлекши свой отряд в атаку в тыл противника, в результате чего захватил деревню, убив 8 немцев. 12 апреля быстрым и отважным маневром обеспечил занятие деревни Индервейер, причем взято было 25 пленных. Погиб смертью храбрых 16 апреля 1945 г. у моста Оберкир, во главе своего отряда, пытаясь обеспечить переход моста танками».

Из письма командира кн. Гагарина капитана Анри Бертранда родителям покойного:

«Несмотря на свой молодой возраст, Ваш сын сделался одним из моих лучших друзей, наиболее уважаемых среди всех других людей моего отряда. Его подчиненные относились к нему с почтительным восхищением, вызываемым его порывом и храбростью. В первый же день атаки он взял в плен два орудия с обслугой. С этого дня его храбрость и дерзновение только увеличивались. 6-го апреля он с одним солдатом отправился в расположение вражеских войск за телом убитого офицера и успешно выполнил эту опасную миссию. В начале боя 16-го апреля отряд Гагарина взял свыше 20 пленных, но затем он был ранен. Он отказался от подачи помощи до окончания боя и вторично был ранен, на этот раз смертельно.

Этим доблестным поведением молодой кн. Гагарин только лишний раз засвидетельствовал славные традиции своей семьи».

Его отец, князь Владимир Анатольевич, прослужив два года в русском военном флоте, вышел в отставку в 1909 г. По объявлении войны в 1914 г. он добровольно, до призыва, пошел в действующую армию и получил ряд боевых отличий вплоть до ордена Св. Победоносца Георгия. Вернувшись снова во флот и там закончив службу, кн. В.А. Гагарин вследствие революции был вынужден покинуть родину и поселился на юге Франции, где и родился сын Георгий. Затем он был приглашен в Марокко для заведывания большим имением. По получении сведений о трагической смерти сына единственным стремлением отца было посетить могилу его. С этой целью он 22.2.1946 отправился из Касабланки в Марсель для дальнейшего пути в

Страсбург. На пароходе он уступил свою койку одной больной женщине и все путешествие — восемь суток — провел на палубе. Здесь он заразился тифом и скончался 20.3.1946 в госпитале в Париже. Отцу не удалось помолиться на могиле сына, но покоится он подле него — на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа.

Приложение 9

ДУРАКОВ Петр Александрович

Сын донецкого офицера, последний прямой потомок Пугачева. Получил образование в Донском кадетском корпусе и в английском лицее в Турции. Окончил политехнические казачьи курсы в Париже. В 1928 г. поступил добровольцем во французский флот. Получил Золотую Звезду за стрельбу из орудий (единовременно только один матрос из всего флота). Славился прыжками с капитанского мостика, выходя первым на состязаниях. С крейсером Сюффрен был в Нью-Йорке на Лафайетовских торжествах и объехал с этим крейсером полсвета. В 1939 году, в первый же день войны, был мобилизован и назначен замстаршего конвоировать торговый пароход. В Дакаре забран с пароходом англичанами. Перешел на службу к генералу Леклерку и в день перемирия, вблизи Тулона сгорел на танке, которым командовал. Имел два креста, медаль за Африку, медаль в память Лафайетовских торжеств. Всеми любим и уважаем.

Приложение 10

ЗАРУБИН Георгий

Приказ по бригаде 30 июня 1943 г.

Хороший капрал, спокойный и энергичный в бою. 22.1.1943 поступил в командование отрядом после смерти в бою начальника. Будучи тяжело ранен, все же защищал позицию до истощения боевых патронов. Награжден Военным Крестом с Бронзовой Звездой.

Капрал исключительной храбрости, доказавший 20 ноября 1944 г. во время атаки полное презрение к опасности, переплыл реку и продвинувшись на 200 метров по берегу под исключительно интенсивным огнем автоматического оружия, мины и артиллерии. Несмотря на это, продвигался до момента, когда был сражен пулей. Награжден Военным Крестом с Серебряной Звездой.

Приложение 11

ЗУБАЛОВ

Пламенный участник Сопrotивления. С ноября 1940 г. состоял членом ячейки подполья 112-го Лиможского центра как агент для справок и свя-

зи. Добыл сведения исключительной важности и выполнил с полным успехом ряд опаснейших поручений. Был арестован гестапо первый раз в своей квартире в Париже 29 июля 1941 г. и освобожден за отсутствием улик 29 сентября. Вторично арестован 2 марта 1942 г., судим немецким трибуналом, приговорен к смертной казни за шпионаж, расстрелян в Исси-ле-Мулино 12 ноября 1942 г. Награжден Военным Крестом с пальмой, медалью Сопротивления и посмертно орденом Почетного легиона.

Приложение 12

ЗЕМЦОВ

Выдержка из письма начальника Земцова Отто Вагнера от 15.2.1946:

«Дважды был представляем мною к награждению Военным Крестом, первый раз за разведку, произведенную 28 мая 1942 г., второй раз — посмертно. Он был подпоручиком в войну 1914-1918 гг. и был тяжело ранен. После революции эмигрировал и в конце концов поступил в Иностранный легион. После перемирия в 1940 г. был уволен в отставку, но в 1941 г. добровольно вернулся и был назначен мною командиром в моем отряде. Мой лучший командир отделения в Легионе, умный, храбрый, ориентирующийся в боевой обстановке. Убит при Бир-Хакейм».

Приложение 13

КОМАРОВ

Командир 6 роты 2-го батальона 2/4 Иностранного пехотного полка (Régiment étranger d'infanterie). Изранен разорвавшимся у его ног японским снарядом и немедленно скончался от потери крови. Внук генерала Комарова, командовавшего войсками в Закаспийской области в царствование Императора Александра III. Эвакуирован за границу кадетом Морского корпуса. Окончил школу Сен-Сир в 1926 г.

Приложение 14

КОЗЛОВ

«Во время исключительно тяжелого зимнего отступления 1923 года я потерял выдающегося сержанта Козлова, в прошлом полковника русской армии, одного из наиболее храбрых воинов нашего отряда, человека, который с исключительным стоицизмом переносил тяжелую жизнь простого сержанта Иностранного легиона. Старший лейтенант отряда охарактеризовал мне его: „лучший из нашего отряда. Выдающийся инструктор. Свободно говорит по-французски, исключительно корректен и все относится к нему с большим уважением. Русские отряда называют его полковником“. В тот же вечер я пригласил его в кабинет и спросил

его, действительно ли он был офицером русской армии. „Да, — заявил он, — я прослужил в последней 25 лет“. Из дальнейшего выяснилось, что Козлов был несколько раз ранен во время войны 1914-1918 гг. и контужен в голову, результатом чего явились частые кровоизлияния в мозг. Поэтому он предпочитает не брать никаких повышений по службе, дабы не нести ответственности. Это был человек самый спокойный в отряде. Командуя, он никогда не повышал голоса, но самый тон его был настолько убедительным, что все следовали за ним безоговорочно. Все сержанты очень его уважали. Во время последнего для него боя он был ранен несколько раз, но не оставлял строя. Последнее ранение в голову было смертельным».

3. Пешков «Иностранный легион в Марокко», Изд. 1929 г. С. 217–219.

Приложение 15

ЛЕВЕНТОН

Приказ по армейскому корпусу 315.1945 (посмертный):

«Аспирант исключительного порыва и храбрости в бою, воодушевленный горячим желанием сражаться и всегда настаивающий на наиболее опасных командировках. Во время атаки 5 февраля 1945 г. личным примером воодушевлял своих подчиненных, одержал полный успех с минимальными потерями и полной дезорганизацией противника. 8 февраля 1945 г. смертельно ранен во время разведки. Останется для всех примером веры, доблести и юношеского пыла. Награжден Военным Крестом с Золотой Звездой, Военной Медалью и Медалью Сопротивления».

Приложение 16

МХИТАРИАНЦ-МХИТАРОВ Николай

Родился в Париже 17 сентября 1924 г.

Юноша замечательного ума и энергии. Пользовался большим влиянием на своих школьных товарищей. Только что сдал экзамен на аттестат зрелости.

Арестован в марте 1944 г. при исполнении боевого задания для Сопротивления, расстрелян 15 июля того же года во дворе тюрьмы Санте.

Милиционеры не включили его поначалу в группу заложников, которых они собирались расстрелять, но за пять минут до начала расстрелов извлекли его из заключения. Услышав его русское имя, офицер республиканской гвардии, женатый на русской, подошел к нему и тихо спросил, не желает ли он что-либо передать своей семье. Мхитаров вынул из своего бумажника фотографию и написал дословно:

«Прежде чем умереть благодарю Господа.

Буду там молиться за семью.

Вы все — любящие меня — молитесь за меня,
Мужайтесь и надейтесь.
Николай».

Приложение 17

НОЖИН

9-го июня 1940 г. части 25-го пехотного полка заняли позицию на реке Эн к северу от селения Живри. Когда показались наступающие немцы, открывшие артиллерийский огонь по позиции и селению, французы стали отходить. Тогда один из офицеров — лейтенант — собрал небольшую группу солдат (по словам местных жителей не более 20 человек), занял вновь позицию и стал отбивать ружейным и пулеметным огнем наступающего противника. Вскоре, однако, эта ничтожная по количеству группа солдат-героев была окружена и смята немцами. На поле боя осталось восемь человек убитых; среди них находился и Ножин. Там же они и были погребены немцами, а впоследствии распоряжением мэра с. Живри были перевезены на сельское кладбище.

Приложение 18

ПУХЛЯКОВ

Приказ: «Унтер-офицер, разведчик высоких качеств, замечательно выдержанный и энергичный, явил доказательства присутствия духа и спокойствия во время операций, в частности 14 мая 1940 г., успешно вернувшись со своим отрядом разведчиков, выведя их из полного окружения неприятелем».

Подпоручик Владимир Пухляков вступил в ряды французской армии еще в 1931 г. Искключительные воинские подвиги, совершенные им в период 1939–1940 гг. в чине вахмистра Н-го Кирасирского полка, отмечены приказом по армии и награждением его Военным Крестом. В 1941 г. В. Пухляков вступил в отряд Сопротивления и все силы свои отдал делу освобождения страны. Произведенный в офицерский чин, В. Пухляков исполняет ряд ответственных поручений. После ареста в 1943 г., пятимесячного заключения в тюрьме, он был отправлен в Германию и обезглавлен немцами в феврале 1945 г. Декретом Президента Республики от 31 марта 1947 г. посмертно награжден Медалью Сопротивления. Одна из дочерей Пухлякова приняла мученическую смерть, попав в руки немцев в Дордоне.

Приложение 19

РАСЛОВЛЕВ Михаил (Михайлов-Расловлев)

Лейтенант. Поступил добровольцем во французскую армию в 1935 г. После стажа во Франции в 9 Драгунском полку, был переведен в Марокко,

где находился до 1942 г., когда был командирован в кавалерийскую школу Сомюр, эвакуированную в Тарб (Верхние Пиренеи). Получив сведения о высадке союзников в Северной Африке, он сейчас же вступил в отряд Сопротивления, начав тайную борьбу против оккупантов в районе Тарб и выполняя самые ответственные и опасные поручения. Приказ от 6 ноября 1944 г. гласит: «Офицер большой храбрости и замечательного самообладания. Во время тайной борьбы добровольно взял на себя выполнение исключительно опасной операции, заключавшейся в освобождении одного офицера, посаженного немцами в тюрьму в Тарб. Его исключительная храбрость увенчала успехом это предприятие. Этот приказ сопровождается награждением Расловлева Военным Крестом с Серебряной Звездой, равно как и Медалью Сопротивления».

Погиб в ноябре 1944 г. во время атаки гор Друмон. В связи с этим генерал де Вернежоль, командир 5-й Бронетанковой дивизии, пишет 5 января 1945 г. отцу убитого: «Ваш сын явился ко мне, ходатайствуя о возвращении в мою дивизию. Я согласился, и он должен был отправиться к месту новой службы, но в этот момент узнал, что его отряд отправляется на передовые позиции для атаки. Он не захотел покинуть своих товарищей в такой ответственный момент, и хотя и был обязан отправиться к месту своего нового назначения, остался со своими людьми и был убит. Какой пример выполнения долга и храбрости он дал всем. Это, впрочем, не удивило никого – ни его начальников, ни его подчиненных. Я имел удовольствие иметь под моим началом Вашего сына в Марокко, когда командовал полком. Я искренно привязался к нему из-за его прямолинейности, энергии и сознания чувства долга. Вот почему, когда он явился ко мне в октябре 1944 г., я сейчас же заявил ему, что буду весьма счастлив иметь его под моим начальством. Господь решил иначе...».

Тот же генерал, к этому времени уже командир Бронетанковой армии 1-й Армии, снова пишет отцу убитого (письмо от 5 июля 1945 г.): «Перелистывая „Журнал Оффисьель“, я нашел прекрасный и волнующий приказ по армии касательно Вашего сына. На случай, если этот приказ Вам еще не известен, посылаю Вам копию такового. Вы можете быть горды Вашим сыном. Он погиб как рыцарь. Его кровь не пролилась напрасно, ибо он был одним из творцов победы».

Что касается упомянутого приказа (посмертного), то он гласит: «Выдающийся офицер, исключительной храбрости и выдержки. Участвовал как офицер связи в операциях с 11 по 29 ноября 1944 г. в районах Тилло и Буссанг. Погиб доблестно 29 ноября 1944 г. Этот приказ сопровождается награждением Военным Крестом».

Сообщая этот приказ семье покойного, непосредственный начальник Расловлева полковник Помье между прочим пишет: «Лейтенант Расловлев, которого я высоко уважал, был весьма ценим своими товарищами и любим подчиненными. Его пример и память о нем и по настоящее время живы у нас».

Погребен Расловлев неподалеку от места, где был убит, на военном кладбище. Там он будет оставаться среди своих убитых товарищей до того времени, пока будет существовать это кладбище. Если же оно будет упразднено, возможность чего не исключена, тело его будет перевезено на русское кладбище в С. Женеви́ев. Его могила покрыта мраморной доской, на которой находятся три его награды: Военный Крест, Медаль Сопrotивления и орден Почетного легиона (этим последним он был награжден приказом от 29 декабря 1947 г.).

Приложение 20

СТЕЦКЕВИЧ

Приказ по корпусу от 15.12.1943.

«Выдающийся унтер-офицер, исключительной храбрости. Получив сведения, что неприятель заложил мину с часовым механизмом для взрыва полузатонувшего парохода в порту Бастиа (Корсика), он поднялся на этот пароход, разыскал часовой механизм, который с минуты на минуту должен был произвести взрыв, и обезвредил мину, чем спас пароход и самый порт от разрушения».

Награжден Военным Крестом с Золотой Звездой.

Приказ по бригаде:

«Во время высадки на острове Эльба 17 июня 1944 г. проявил в полной мере свои отменные боевые качества. Приняв участие в ликвидации одной из вражеских батарей, он немедленно переправился на противоположный берег острова, где отряд под его руководством одним из первых достиг намеченной цели, сметая все препятствия. 21 августа 1944 г. при взятии адмиралтейства в Тулоне был ранен пулей в живот и скончался в морском госпитале».

Приложение 21

ФЕДОРОВ Кирилл

Приказ по корпусу. Тунис, 22 июня 1943 г. Сапер, неизменно являвший в продолжение всей кампании доказательством исключительной храбрости и предприимчивости. Командированный для извлечения мин и минных гнезд, он погиб 1 июня 1943 г., разорвавшись на mine. Военный Крест с Золотой Звездой.

Приложение 22

ЧЕХОВ Алексей

Приказ: «Младший лейтенант I роты маршевого батальона Луара (Ф. Ф. И.), прикомандированный к маки Ушамп, в военных действиях со 2 августа 1944 г.

Прекрасный офицер, полный отваги и инициативы, доброволец для наиболее опасных поручений, своей храбростью и примером заслужил почтение своих начальников и подчиненных. Убит на поле битвы 18 августа 1944 г. во время атаки против превосходящих сил немцев на национальной № 451 между Тимори и Лоррис (Луара). Кавалер ордена Почетного легиона и Военного Креста с пальмой».

Сын русского врача Чехов добровольно пошел в ряды Сопротивления по окончании Земледельческого института, хотя и был освобожден от военной службы из-за физического недостатка. Окончив высшие военные курсы и будучи произведен в младшие лейтенанты, Чехов сражался против немцев, обращая на себя внимание своими организаторскими талантами, спокойствием и храбростью в наиболее опасных миссиях. Его подчиненные обожали его. В годовщину его смерти на поле брани был открыт памятник ему, сооруженный на собранные среди жителей средства и его именем названа улица в г. Бриар, где он проживал некоторое время со своими родителями.

Приложение 23

ШУБАЕВ

«Проживал в Бейруте, где имел собственный дом. В 1941 г., 56 лет от роду, предоставил себя в распоряжение свободной Франции. Был шофером грузовика, работавшего всегда прекрасно. Я был всегда доволен его работой. Убит во время отступления в Ливии в сентябре 1942 г.».

(Выписка из письма подполковника Вагнера)

Приложение 24

ЮРГЕНС

Приказ по воздушному флоту (посмертный).

«Старший сержант Юргенс Николай группы истребителей 1/4 «Наварр». Пилот, молодость, характер и порыв которого обещали исключительно блестящее будущее. Человек необычайной ловкости и неутомимости, он был для своих товарищей примером храбрости. 97 часов полета во время военных действий в 59 командировках. Исчез в море 23 февраля 1944 г., возвращаясь из военной командировки ночью через бурю. Награждается Военным Крестом с пальмой». 12 июня 1945 г. Генерал де Голль.

О Сопротивлении

Посылаю Вам мои размышления по поводу русского участия в Сопротивлении, в период после перемирия 1940 г. и до освобождения Франции в 1944 г. В течение этого времени французское государство перестало воевать и вело примирительную политику. Побуждающие силы русских эмигрантов, решившихся участвовать в Сопротивлении без обязанности и принуждения, просто по собственной совести, основательно отличаются от движущих сил советских граждан.

Никто из нас родины не знал, мы имели о ней только духовное понятие, во Франции мы не успели укорениться и, живя в русской среде, недостаточно привязались к местному населению. Мы жили в полной свободе, думали, как хотели, увлекались западной культурой. Нашего сознания никто не насиловал. Наши убеждения были основаны на сознании преобладания духовных ценностей над всем остальным и составляли главную побуждающую силу нашего решения принять участие в Сопротивлении.

Отношение к войне населения в Советском Союзе было фундаментально другое. Народ был поколениями угнетаем властями, лишен права решать за себя, притесняем и ни за что подвергаем наказанию, просто ради уравнивания всего населения. Военные неудачи, жестокие испытания народа возродили национальный подъем, вызвали желание спасти страну, достигнув победы.

Мы не знали патриотизма, любви к родине, стране, земле. Поражение Франции, перемирие, пассивность основного населения и примирительная политика правительства особенно не затрагивали эмиграцию. Напомню, что Сопротивление во Франции возникло постепенно, вначале были отдельные попытки, плохо подготовленные и вскоре прерванные арестами и расстрелами, как это было в случае Вильде, Левицкого и Веры Оболенской.

Коммунистическая партия, которая впоследствии стала опорой Сопротивления, в начале, после своего исключения из парламента за антивоенную пропаганду и до вторжения немцев в Советский Союз, ничего не предпринимала против оккупантов. В этих обстоятельствах эмигранты не брали на себя никакой инициативы. У них было сознание исполненного по отношению к Франции долга: они служили достойно, воевали доблестно, принесли многие жертвы из своих рядов, и до перемирия находились в рядах армии. К немцам эмигранты не питали враждебности по историческим причинам и ввиду близких отношений между русскими общинами во Франции и Германии.

Немцы видели в эмигрантах «белых», принципиальных противников Советского Союза, и поэтому относились к ним корректно. Антисоветские чувства эмиграции были настолько сильны, особенно после завоевания

Финляндии, стран Прибалтики и Польши, что даже после вторжения немцев в Советский Союз кроме таких редких случаев, как Кривошеин, община не проявила никакой солидарности. Только после Сталинграда победы русских войск возбудили сочувствие и гордость. Не удивительно, что количество эмигрантов, добровольно участвовавших в Сопротивлении или в рядах войск генерала де Голля, было очень незначительным.

В добровольцы шли самые разные люди: были военные, были юноши и студенты, были ученые, были пожилые, скромные люди, женщины и мужчины, холостые и семейные. Каждый из них поступал по личным соображениям и собственной совести, без повиновения кому-либо, без обязанности и принуждения, без угрозы и притеснения. Все были убеждены, что война не кончилась с поражением Франции, что победа возможна и за нее надо бороться – принять в войне участие; думали и о России. Это были люди незаурядные, пылкого характера и твердых убеждений, решительные, свободолюбивые и независимые. Эмиграция, не участвовав в Сопротивлении, не нарушила ни общественных, ни гражданских обязанностей. Можно только сожалеть о скромных масштабах ее участия, зная при этом, как отзывчив может быть русский человек.

Если принятие решения об участии в борьбе имело у всех примерно одни корни, то судьбы участников были разными. Те, что остались во Франции, начав подпольные действия, подвергались постоянной опасности доноса, ареста, пытки, расстрела. Почти все из них погибли. Те же, что вступили в ряды войск генерала де Голля, приняли на себя участь воинов.

«Не пропадет ваш скорбный труд», – можно вспомнить эти слова Пушкина, направленные к декабристам.

Борис Вильде и Анатолий Левицкий

Вместе с Верой Оболенской они стали самым ярким примером самоотверженности и твердости убеждений. Оба были видными русскими учеными, этнологами, сотрудниками Музея человека в Париже. Оккупация, с первого взгляда, ничего не нарушила в их работе и жизни. Однако с первых дней они отказались принять унижительное перемирие, верили в победу и решили призывать других к сопротивлению, несмотря на примирительную политику маршала Петена.

Плохо подготовленные к подпольной работе, они вскоре были арестованы и подвергнуты расстрелу. На суде высота их духа поразила немецкий трибунал и вызвала уважение. На смерть они шли с непоколебимой силой своих убеждений. Нам трудно понять, каковы были побуждавшие их силы. Может быть, отказ свободного человека покориться и придал столько достоинства их смерти.

Вера Оболенская

Пример Веры Оболенской Вам известен. В молодости она пользовалась большим успехом, была очень привлекательная, жизнерадостная, независимая, с пылким характером, обаятельная. Выехав из Парижа, чтобы избежать встречи с вступавшими немецкими войсками, она оказалась с мужем Николаем Оболенским в Бордо. Есть свидетели, что вид немцев так раздражал Веру, что она решила вступить в Сопротивление уже с самого начала.

Вернувшись в Париж, при первом же намеке знакомого на подпольную работу, она сразу дала свое согласие, воодушевляемая идеей быть полезной в борьбе. Это сознание после ареста давало ей силу переносить пытки; терпение и молчание были для нее борьбой. То, что, видя конец, она обращала свои мысли к России, – вполне правдоподобно, в этом нет ничего просоветского. Многие из нас думали о России во время войны.

Игорь А. Кривошеин

Участник Гражданской войны, сын видного министра Николая II и впоследствии генерала Врангеля, инженер по профессии, жил с семьей в Париже. Его требовательная совесть не переносила поражения, перемирия и оккупации. У Кривошеина всегда присутствовало сознание, что война продолжается и что победа достижима.

В начале он помогал матери Марии, посвятившей свою жизнь угнетенным и на добром деле погибшей. Восприняв вторжение немцев в Советский Союз как угрозу самому существованию страны, он вступил в активную работу подпольного движения, чтобы приносить пользу общему делу победы. Был арестован и сослан в Бухенвальд, откуда вернулся в Париж после войны, решившись посвятить свои силы пользе России.

Своей готовностью усмирить антисоветские убеждения, сознавая, что Россия находится под угрозой, Кривошеин служил примером эмиграции. Ничто не обязывало его вступить на опасный путь.

Зиновий Пешков

Старший брат Якова Свердлов, безрукий 54-летний полковник в отставке Иностранного легиона беззаботно жил в мирном Марокко. Во время перемирия 1940 г., находясь в окружении государственных и военных сторонников маршала Петена, он принял рискованное решение присоединиться к воюющему генералу де Голлю, когда победа была еще ненадежной. В Лондон он прибыл через Нью-Йорк. За время войны исполнил много важных и сложных заданий, заслужил генеральский чин и после войны получил должность посла в Токио. Его душеприказчиком был отец Николай Оболенский.

Дмитрий Амилахвари

Грузинский князь, капитан иностранного легиона. Во время перемирия оказался со своей частью в Англии, после эвакуации из Норвегии. Несмотря на приказ маршала Петена прекратить боевые действия и вернуться на базу полка в Алжире и на ненадежность победы, рискуя приговором военного суда, совместно с другими офицерами решил примкнуть к генералу де Голлю, считая, что война с поражением Франции не окончена. Доблестно воевал и был убит в бою при битве Эль-Аламейн.

В решении Амилахвари не было патриотизма в обычном смысле слова. Грузия не воевала, а Франция официально уже не участвовала в войне. Решение было основано на сознании личного понятия чести и долга. Поступок капитана Амилахвари, капитана Румянцева и многих других офицеров и гражданских лиц, решивших продолжать воевать вопреки заключенному перемирию, доказывает, что высшие требования оправдывают отказ повиноваться властям.

Николай Румянцев

Офицер того же выпуска офицерской школы Сен-Сир, что и Амилахвари, не приняв французского гражданства, был направлен в Иностранный легион. После участия в войне во Франции в 1940 г. вернулся на свою базу в Алжир. Убедившись, что война носит мировой характер и что поражение Франции не окончательное, он принимает решение участвовать в войне и, несмотря на перемирие и приказы начальства, дезертирует из Алжира и через Гибралтар прибывает к генералу де Голлю в Лондон, за что приговаривается к смертной казни алжирским начальством.

Затем Румянцев назначается в Ливию командующим эскадрон броневиков, а при высадке в Нормандии он командует кавалерийским марокканским полком. В бою был всегда на виду, всем известен своей отвагой, завешан орденами. Гордился своей русскостью. Его личное сознание долга также превзошло обязанность повиновения.

Александр Ручейков

Солдат Иностранного легиона, где он прослужил 20 лет. Вышел из строя инвалидом, потеряв левую руку и один палец на правой. Никого не зная, без семьи и друзей, он остался при казарме в Дамаске, где служил в солдатской столовой, влача жалкую жизнь. В это время я с ним и познакомился, а вскоре немцы вторглись в Советский Союз.

Когда мы двинулись в поход в Ливию, он обязательно хотел идти с нами и уговорил нашего капитана взять его с собой вольным солдатом без назначения. Всегда был при нашем капитане, в том числе, когда капитан был

убит в Италии. Прodelав все походы в Ливии и Тунисе, был послан в тыл и под конец войны очутился во Франции, где раньше никогда не бывал. В неподходящей ему городской жизни Ручейков угас.

Какая сила побудила его к участию в войне? Может быть, желание придать значение своей тусклой, бесцельной жизни в казарме, стремление пошевелиться, принести помощь, хотя бы своим присутствием. А может быть, при известии, что его страна находится под угрозой, в нем взволновалась его русская кровь.

Александр Слюсарев

Немолодой солдат, женатый, живший в Париже, был призван на военную службу в начале войны и послан со своей частью в Ливан. При первой возможности перебрался к нам в Ливию, отказываясь от репатриации во Францию. Доблестно воевал, отличался храбростью, избегая военной обязанности. Был ранен в сражениях при Тунисе и спокойно умер в госпитале с сознанием исполненного долга, избранного добровольно.

Трудно проникнуть в душу человека и понять, что побудило его к тому или иному поступку. Возможно, что он хотел вернуться в Париж, где была его жена, в ореоле победителя, но и желал внести свою лепту в общее дело победы.

Евгений Арсаматов

Память об этом человеке – мое самое светлое воспоминание военной эпохи. Это был веселый, красивый, жизнерадостный юноша, сын русских эмигрантов из Шанхая. Окончив французский лицей, вскоре после перемирия он решил присоединиться к войскам генерала де Голля, прибыл к нам в Египет в 1941 г. и был определен эстафетным мотоциклистом при штабе. Всегда на ходу, в спешке, напряжении, он хотел увидеть не известную ему Францию. После высадки на юге в первые дни был убит в бою при Тулоне. Оставил у всех светлую память.

Арсаматов ни Франции, ни России не знал, но, наверное, не мог упустить возможность принять участие в совершающихся событиях, не затрагивавших его лично, но сотрясавших весь мир.

Среди русских участников я один из последних, а может быть, и последний из живых, поэтому даю о себе краткие сведения.

Я родился в Орле в 1915 г. и выехал с семьей из Советского Союза в 1924 г. Жил с отцом в Париже и после лицея поступил в Оксфордский университет. Там меня застало объявление войны в сентябре 1939 г. Я в то время был апатридом без подданства.

Я сразу решил воевать. Мой отец сочувствовал моему решению. Войну он считал продолжением первой войны, где Россия потерпела поражение от Германии, в которой он видел виновника пришествия революции.

Были разные побудительные причины: хотелось проявить благодарность воюющей Франции за прожитые там мной и моей семьей годы и за ее культуру, которой я увлекался. Хотелось также быть солидарным с моими английскими друзьями. Были и русские поводы: мне было очень неловко по отношению к окружающим за захват советскими войсками Финляндии, Прибалтики и Польши. Мне было стыдно за позорный договор между Советским Союзом и Германией, и я был удручен тем, что Россия не находится на стороне союзников.

Не получив быстрого ответа от французского консульства на мое предложение принять меня на военную службу во Франции, я обратился в Оксфордский студенческий призывной пункт и был записан на офицерский курс. Со временем, не будучи английским подданным, я не смог быть взят в боевую часть, после чего, в 1940 г., решился вступить солдатом в войска генерала де Голля.

Я проделал все походы в Африке, Ливии, Тунисе. Италии и Франции, и после пяти лет мне было дано дожидаться дня Победы.

На вопрос: «Пять лет на войне – ни разу не пришлось пожалеть о своем решении?» я ответил: «Главное было – принять решение». А дальше приходилось просто воевать достойно, как достойно стараются люди делать любое дело, которое им поручено. Ведь я был единственный русский в батальоне, это сознание заставляло меня быть требовательным к себе.

Должностное преступление

К 100-летию «дела Дрейфуса»

Сто лет тому назад военный трибунал в Париже приговорил к пожизненной каторге капитана Дрейфуса. Этот процесс возбудил страстную полемику во французской прессе и общественных кругах страны. С тех пор принято говорить о «деле Дрейфуса».

Это «дело» затронуло столь многих людей, так накалило в свое время общественный климат Франции и так прочно сохранилось в памяти людей, что и сто лет спустя в Париже, в военном музее Приюта инвалидов, проходит большая выставка на эту тему, которая привлекает большое внимание и интерес.

Со временем юридические соображения потеряли особое значение; мало кого интересует и судьба самого Дрейфуса. Однако по-прежнему злободневен вопрос: как в просвещенной стране с демократическим строем мог произойти такой позорный судебный казус и что могло побудить видных людей из политических, научных и общественных кругов так решительно выступить против проявленной несправедливости.

Чтобы понять это, следует сразу отметить, что процесс Дрейфуса нельзя считать просто судебной ошибкой, какие бывали и бывают. Это было должностное преступление, скорее похожее на умышленный заговор, что-то вроде московских процессов, когда суд не судит, а преднамеренно осуждает, поддаваясь либо повелению властей, либо воздействию предрасудков. Судебное дело Дрейфуса проходило в особых психологических обстоятельствах. Однако, каковы бы ни были заблуждения судей, не нужно забывать и о наличии антисемитизма в некоторых общественных и политических кругах. Дрейфус, по происхождению еврей, был в чине капитана. Во Франции закон давал евреям право служить в армии с доступом ко всем офицерским чинам, включая генеральский. При этом они не должны были отказываться от своего вероисповедания, как то было необходимо в России.

Альфред Дрейфус

Напомним также, что поражение в войне 1870–1871 гг. и аннексия Германией Эльзаса и Лотарингии породили во французской армии чувство унижения, возбудив реваншистский дух. Армия оставалась проникнутой предрассудками старого строя и кастового сознания. В стране она пользовалась привилегированным положением. После аннексии значительное число людей, чувствовавших себя подданными Франции, решились на переселение. Среди них было много евреев, которые поселились в городах. Принимая активное участие в экономическом развитии страны и нередко преуспевая в деловой жизни, они вызывали зависть, в частности представителей консервативного буржуазного общества, занятых в сельском хозяйстве, промышленности, обслуживающей его нужды, и на военной службе.

Несмотря на сильную неприязнь к ним в военной среде, некоторые евреи, руководствуясь чувством патриотизма, старались вести жизнь, как и все остальные граждане, выбирали военную карьеру, дававшую возможность проникнуть в труднодоступную для них среду. Альфред Дрейфус, принадлежавший к состоятельной еврейской среде и окончивший самую престижную военную школу, был артиллеристом.

«Дело Дрейфуса» началось при следующих обстоятельствах. Военный министр генерал Мерсье узнал от Генерального штаба о передаче в немецкое посольство секретных сведений. В доказательство предательского поступка был представлен клочок скомканного порванного донесения, найденного горничной посольства (французским агентом) в корзинке для бумаг немецкого военного атташе. Только очень немногие штабные офицеры могли иметь доступ к сведениям, содержащимся в документе. Среди них был и капитан Дрейфус. Руководство штаба решило сравнить почерки своих офицеров с донесением, поручив расследование офицеру Пати дю Кламу.

Во время проверки он нашел сходство с почерком Дрейфуса и, не ища дополнительных доказательств или подтверждения идентичности почерков, так сказать, решил заподозрить его. Для Пати дю Клама Дрейфус являлся «подходящим обвиняемым»: он был еврей, родом из Эльзаса, в штабе находился только временно, в качестве стажера. Полагаясь на свое мнение, Пати дю Клам доложил министру о своем подозрении. Министр дал разрешение проверить почерк Дрейфуса способом диктовки. После проверки Пати дю Клам утвердился в своем мнении и тут же, на месте, арестовал Дрейфуса, приказав заключить его в тюрьму.

Пресса разнесла шумную весть о предательстве Дрейфуса. Министр, видя в его осуждении быстрое решение вопроса и возможность угодить военной среде, приказал начать допросы. Без каких бы то ни было допол-

нительных доказательств Дрейфус был привлечен к военному суду, который под предлогом секретности процесса был проведен при закрытых дверях.

Военный трибунал, независимый от гражданского суда, действовал по своим правилам. Во время заседания штабной офицер Анри, следивший за процессом, зная, что против Дрейфуса не было основательных доказательств, и боявшийся, что трибунал оправдает его, решился представить под клятвой выдуманное им лжесвидетельство, утверждая, что он не может, ввиду секретности, называть источник сведений. Военный трибунал, полагаясь на обвинение, выдвинутое офицером под клятвой, признал Дрейфуса виновным в предательстве и приговорил его к пожизненной каторге. Дрейфус был сослан на остров Дьявола в Гвиане.

Через несколько лет новый начальник отдела разведки Генерального штаба Пикар убедился, что секретные сведения продолжали уходить в немецкое посольство. Располагая рукописями, найденными тем же способом и тем же агентом, что и в деле Дрейфуса, и сравнивая их с почерками штабных офицеров, он пришел к убеждению, что предателем был не Дрейфус, а другой офицер, Эстергази. Помимо этого, среди бумаг дела Дрейфуса он нашел доказательства лжесвидетельства Анри. Руководство штаба, не желая признавать свою ошибку, всячески препятствовало распространению обнаруженных сведений. Пикар, отказавшийся их умалчивать, был уволен из штаба. Тем не менее, Эстергази пришлось предать военному трибуналу, который вынес ему оправдательный приговор. Анри, признавшись в лжесвидетельстве, был арестован и в тюрьме, до суда, покончил жизнь самоубийством.

Предвзятость и несправедливость военного трибунала и штабного начальства стали настолько очевидными, что со всех сторон стали звучать протесты и требования пересмотра процесса. Самым примечательным выступлением было открытое письмо Эмиля Золя «Я осуждаю», опубликованное в газете «Орор». Среди протестовавших звучали и русские голоса.

В 1899 г., через год после обнаружения Пикаром доказательств невиновности Дрейфуса, под напором общественного мнения военный трибунал решил заново начать судебный процесс. Он открылся в Ренне, в присутствии самого Дрейфуса. Анри, покончивший с собой после разглашения его лжесвидетельства, тем не менее, скрыл, что, предполагая возможность пересмотра процесса и желая обеспечить осуждение Дрейфуса, он тайно вложил в дело (уже после вынесения приговора) сфальсифицированные им документы, которые уличали Дрейфуса. В штабе никто не сомневался в подлинности и правдивости этих бумаг, и все были уверены, что на основании этих доказательств суд вновь признает Дрейфуса виновным. Так

оно и произошло. 9 сентября 1899 г. Дрейфус был вторично признан виновным и приговорен к 10 годам заключения, но без каторги. Новый приговор настолько возмутил общественное мнение, что через 10 дней парламент представил правительству просьбу о помиловании Дрейфуса, что и сделал президент республики.

После освобождения Дрейфус, не удовлетворяясь помилованием и желая доказать свою невиновность, представил прошение об обжаловании судебных решений. Реабилитация требовала доказательств того, что приговор был вынесен на основании ложных сведений. Нужно было создать официальную парламентскую комиссию, подчинявшуюся правительству и имевшую доступ к секретным документам. После долгих прений в парламенте комиссия была учреждена. Во главе ее стал назначенный военным министром вместо генерала Мерсье генерал Андре, известный своими либеральными взглядами. Он добился тщательной и продолжительной проверки всех документов, что дало неоспоримые доказательства их поддельности, а следовательно, и необоснованности обвинения. Кассационный суд признал недействительность приговора. В 1906 г., после реабилитации, Дрейфус был восстановлен в армии в чине командира и награжден орде-

Генерал Андре. Военный министр, 1899 г. Дело Дрейфуса нашло решение под его покровительством. С дарственной надписью Г.Н. Вырубову: «Моему лучшему другу хороших и трудных дней»

ном Почетного легиона. Плохое здоровье заставило его выйти в отставку, и он вернулся на службу только во время Первой мировой войны в чине подполковника. Дрейфус умер 12 июля 1935 г. Во время оккупации Франции в 1940–1944 гг. его внучка была арестована немцами и сослана в концлагерь, где погибла.

Следует сказать несколько слов и о личности Дрейфуса, о том, как он вел себя на суде. Это был человек скрытный и малообщительный. Его выступления на суде не производили особого впечатления и не вызывали к нему симпатии. Идеал армии, желание верно ей служить и уважение к военным авторитетам были настолько сильны в нем, что на заседаниях суда или позже, уже будучи, на каторге, в письмах к жене, он избегал обвинений по адресу начальства, когда узнал о лжесвидетельстве. Он отказался также привлечь старших офицеров к суду за клевету на него и даже допускал надобность лжесвидетельства для защиты репутации армии.

На суде Дрейфус защищался робко и неубедительно, только упорно провозглашал свою невиновность. Его главными защитниками оказались его жена и брат Матье, который посвящал этому делу все свои силы. После первого приговора Матье Дрейфус, убежденный в невиновности брата и опасаясь быстрого забвения его дела, сразу стал с помощью прессы, видных представителей политических и интеллектуальных кругов и адвокатов возбуждать общественное мнение. Пересмотр дела и признание приговора недействительным были достигнуты благодаря вмешательству всех этих людей, среди которых были и русские.

*Григорий Николаевич Вырубов (1843–1913)
с русскими орденами*

Удивительно и поучительно, что ущемление достоинства одного, никому не известного человека смогло возбудить такой громкий и широкий протест. В архиве дела Дрейфуса есть след нескольких слов, произнесенных Львом Толстым перед французским журналистом, спрашивавшим его мнение насчет выступления Э. Золя. Толстой призвал Францию вернуться к свойственному ей сознанию совести.

Среди протестовавших против несправедливости процесса над Дрейфусом было еще двое русских – Григорий Николаевич Вырубов и Игнатий Платонович Закревский. Если выступление Вырубова было нормой для человека его общественного круга, жившего в Париже, то для Закревского, занимавшего высокий государственный пост обер-прокурора Сената, выступить публично, без согласия начальства, против решения иностранного суда было шагом примечательным по своей смелости и независимости взглядов.

Вырубов жил во Франции и ко времени «дела Дрейфуса» уже пользовался моральным и научным авторитетом. Он был последователем Огюста Конта и совместно с профессором Литтре издавал бюллетень социологического, философского и научного содержания, где раскрывалась теория позитивизма. Не ограничиваясь в жизни изложением и утверждением теоретических положений, он всегда старался отстаивать свои убеждения, проистекавшие из его требовательного гуманистического ми-

*Игнатий Платонович Закревский
(1839-1905)*

ровоззрения. Кроме того, он добровольно участвовал во франко-прусской войне 1870–1871 гг., а также в русско-турецкой войне 1876 г. Вырубов был душеприказчиком Герцена и другом Гарибальди.

Пользуясь своими обширными связями в научном и политическом мире (он, в частности, был знаком с Жаном Жоресом и генералом Андре), Вырубов направлял в парламент петиции, подписанные видными людьми, требуя пересмотра процесса.

Что касается Закревского, то его многочисленные протесты, заявления и статьи, осуждающие несправедливость французского суда, исключительно показательны для человека его положения. Игнатий Платонович Закревский (род. в 1839 г.) был состоятельным дворянином Полтавской

губернии. Министр внутренних дел и московский генерал-губернатор А.А. Закревский был его родственником. И.П. Закревский получил образование в Императорском училище правоведения, которое он окончил с чином титулярного советника. По окончании курса он выехал за границу для изучения юридических наук в университетах Берлина, Гейдельберга и Парижа. Вернувшись, он посвятил себя земской деятельности в Полтавской и Черниговской губерниях. В 1867 г. был избран мировым судьей Петербурга.

В 1894 г. Закревский был назначен обер-прокурором Первого департамента правительствующего Сената, а в 1895 г. – присутствовал в Сенате. Несмотря на обширные служебные обязанности, он неоднократно принимал участие в международных конгрессах. Его статьи печатались в русских и иностранных периодических изданиях. Служебное положение и талант Закревского придавали его выступлениям и протестам особое значение. Не удивительно, что французский посол Монтебелло обратился к русскому царю с просьбой прекратить эти выступления, мешающие межгосударственным отношениям. Закревский был уволен, поехал за границу и вскоре скончался в Египте, не дожив до реабилитации Дрейфуса. Пример Закревского, высокопоставленного государственного чиновника, – уникальное явление.

«Дело Дрейфуса» незримо присутствует и в современной жизни страны. Не так давно один генерал при исполнении своих служебных обязан-

ностей высказал сомнение в невинности Дрейфуса в ответе журналисту, за что был подвергнут санкциям. Видимо, армия все еще настороженно относится ко всему, что могло бы навлечь на нее обвинения в склонности к прошлым предрассудкам и заблуждениям. Существует еще мнение, что злые силы, пробужденные «делом Дрейфуса», способствовали разгулу антисемитизма, проявившегося во время оккупации страны при подстрекательстве оккупационных властей. Что посеешь, то и пожнешь.

Судьба семьи как зеркало истории

Спасское-Лутовиново, родительский дом Тургенева, принадлежал моей бабушке Ольге Васильевне Галаховой, урожденной Шеншиной, племяннице Фета-Шеншина и дальней родственнице Тургенева. Тургенев завещал Спасское, как и все свое имущество, Полине Виардо, но после его смерти в 1883 г. бабушка, желая сохранить имение в русских руках, обратилась в суд и в конце концов его выкупила с намерением превратить усадьбу в памятное место.

В доме Тургенева бабушка себя дома не чувствовала, ничего в нем не изменила и до конца жизни хранила при себе виды любимых мест, завещав их потом Тургеневской библиотеке в Париже. В Спасском мы бывали летом, там охотились, но постоянно не жили. В имении случился пожар, и главный дом сгорел. При этом удалось спасти тургеневские рукописи и другие реликвии. Желая сохранить все то, что принадлежало Тургеневу, бабушка решила передать все в государственную собственность и поручила заняться этим делом моему отцу. Пока шли сложные и длительные переговоры, бабушка разместила вещи и мебель из Спасского частью в

Спасское-Лутовиново

своем доме в Орле, частью в Клейменове, имении, расположенном неподалеку от Спасского.

Вопрос о будущем Спасского обсуждался, но до революции никакого решения о создании заповедника не было принято. Это была эпоха правовой культуры, и

*Ольга Васильевна Галахова, Петроград,
1923 г.*

*Николай Павлович Галахов
(1855–1936)*

заповедники были редким явлением, тем более, что дом в Спасском сгорел, и надо было его восстанавливать. Не было потребности в заповедниках и у народа. В Спасском не существовало народного паломничества, как в Ясную Поляну, Тургенев не был народником, как Толстой, как бы его фигура ни была общественно значимой.

Главная забота была сохранить литературное наследие Тургенева, и бабушка этим занялась. Переговоры о передаче государству тургеневских вещей протянулись вплоть до революции, прервавшись во время войны. В государственных департаментах были другие заботы, а мой отец занимался земскими делами на Западном фронте, а потом в 1917 г. вступил во Временное правительство. В отсутствие отца во время войны моя мать, урожденная Галахова, Трубникова по первому браку, ожидая моего рождения, решила выехать из нашего семейного имения Колтовского в Пензенской губернии и отправилась в свою семью в Орел, где я родился в 1915 г.

В Орле, на Садовой 10, кроме бабушки и дедушки, моей матери, и нас, троих детей, жила еще сестра матери тетя Кира, а брат ее дядя Саша служил в рядах Дикой дивизии. Дедушка, Николай Павлович Галахов, был действительным статским советником, вице-губернатором Орла, губернатором Витебска и камергером. Он заслужил много орденов, в частности Св. Станислава, Св. Владимира, Св. Саввы и Св. Анны с надписью «За храбрость»,

заслуженных на войне против турков в 1876 г., а также имел ключ на ленте, атрибут камергеров. Революция всех потрясла, и хотя не теряли надежду, что буря пройдет, стали думать, как спасти и куда спрятать от разгрома не столько драгоценные предметы, сколько те, которые были сердечно ценны. Спрятали вырубовское серебро, которое моя мать привезла из Пензы: его подарила Екатерина II моему предку Петру Ивановичу, сенатору, за его участие в заговоре. Дедушка же спрятал камергерский ключ, знак его преданности престолу, свои ордена, заслуженные верой и правдой.

В это время мой отец, находившийся в Москве, был вызван в Сибирь скрывавшимся там князем Львовым. Оба они по просьбе Колчака отправились на переговоры с президентом Вильсоном, Ллойд Джорджем и Клемансо с целью получить от них помощь для контрреволюционного движения. Приехав в Париж в конце 1918 г., князь Львов и мой отец узнали об аресте и расстреле Колчака. Возвращение в Россию было уже невозможно, и они восстановили в Париже Земгор для помощи прибывающим беженцам. В начале 1918 г., еще до отъезда в Сибирь, отцу удалось заключить соглашение с управлением Пушкинского дома в Петрограде для передачи им всех тургеневских реликвий из Спасского. Судя по статье в «Орловской правде» от 25 сентября 1993 г. сотрудника заповедника в Спасском и музея в Орле В. Громова, который тщательно исследовал все обстоятельства связанные с созданием музея в Орле, управление Пушкинского дома послало бабушке 6 июня 1918 г. очень любезное письмо от имени Российской академии наук, высказывая ей благодарность за сердечную отзывчивость к делу увековечения памяти Тургенева. Это письмо извещало ее о заключении соглашения и о назначении С.В. Штейна «вашему благожелательному вниманию» для осмотра «с Вашим разрешением» всех памятников творчества И.С. Тургенева в Орле, Клейменове и Спасском.

Трудно быть более любезным. Но не успел Штейн доехать до Орла, как бабушка получила телеграмму из Москвы, из Наркомпроса. Без предупреждения, ни предварительного обсуждения, в резком тоне новой революционной стилистики ее извещали: «Ваш дом со всеми тургеневскими вещами назначен музейной коллегией Народного комиссариата по просвещению под музей Тургенева. Председатель коллегии». – Без подписи, без указания акта национализации или декрета Совнаркома. Нет и следа решения музейной коллегии Наркомпроса в архиве.

Этот приказ не относился к дому в Спасском – тургеневскому гнезду, что было бы логично. Он касался дома в Орле, на Садовой, где мы жили и где Тургенев никогда не бывал, а если здесь и находились тургеневские вещи, то они были перевезены после пожара в Спасском и хранились здесь временно, в ожидании передачи в Пушкинский дом в Петрограде.

Наркомпросу, вероятно, показалось проще все собрать в Орле в бабушкином доме, тем более, что поклонники Тургенева давно уже старались создать в Орле мемориальный дом писателя, но не находили подходящего помещения. Наркомпрос пошел им навстречу, забрав дом на Садовой.

Было также желание придать первой годовщине Октября культурное значение, совместив его в одно торжество с празднованием столетия со дня рождения Тургенева, как бы память писателя ни была чужда всем формам насилия. Создание музея в Орле соответствовало этому замыслу, дом на Садовой был взят, а нас поспешно выгнали. Сад в Спасском был национализирован после, а музей-заповедник открылся согласно постановлению Совета министров РСФСР в 1987 г., на этот раз законным путем.

В. Громов в своей статье указывает как автора телеграммы и решения конфисковать дом Н.И. Троцкую, супругу всевластного наркома, заведовавшую музейным отделом Наркомпроса в Москве. Посылая эту неправомочную телеграмму, она не могла не знать о решении Пушкинского дома и о командировке Штейна в Орел для дальнейших переговоров с бабушкой. Видимо, авторитет мужа придавал ей особые права, а когда имя Троцкого стало запрещено, его со временем убрали и на телеграмме.

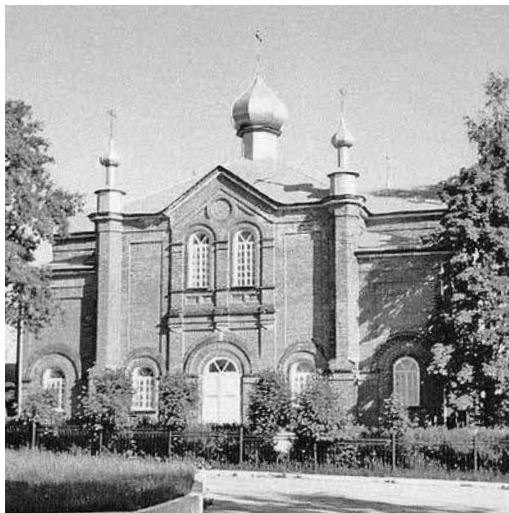
Почему сегодня не восстановить подпись Троцкой на телеграмме, если это действительно она? Почему в музейной брошюре не изложить правдивый ход событий, связанных с созданием музея в Орле? Почему в вестнике Спасского не уточнить, что тургеневские вещи не были переданы наследниками в Орловский музей, а подарены О.В. Галаховой в Пушкинский дом в Петрограде, указав при этом ее имя?

Наша семья давно уже смирилась с прошлым, и мы рады, что в настоящее время милые и знающие люди с усердием охраняют семейные реликвии и увековечивают память Тургенева. Но на душе было бы легче, если бы правда была наконец сказана – вся и без обиняков.

После Орла мы начали кочевать, сначала жили в Клейменове, имении, которое моя бабушка унаследовала от Фета и где он похоронен в часовне, ею построенной. От дома сегодня ничего не осталось, но часовня с могилой Фета осталась, находясь в заброшенном виде. Наша семья с помощью моего племянника Ю. Трубникова приняла участие в ее реставрации.

В Клейменове мы остались недолго: нас оттуда тоже выгнали. Дедушка и бабушка с тетей Кирой поехали в Петроград, где у них была квартира на Моховой 41, напротив цирка Чинизелли. Там им разрешили жить на чердаке. Моя мать с няней и тремя детьми, опасаясь революционного гнева, особенно направленного против фрейлины Анны Вырубовой и моего отца за его участие во Временном правительстве, решила утаить имя Вырубовых, и мы стали называться Галаховыми вплоть до приезда в Берлин.

Скрывались мы в маленьком селе Сергиевском неподалеку от Спасского, где жили ее знакомые Сафоновы. Мы жили в избе, состоявшей из одного помещения с большой печью. Несмотря на это скромное жилище, мать была арестована и, заразившись тифом, скоропостижно скончалась в 1921 г. Недавно Юра Трубников поставил на заброшенном кладбище в Сергиевском деревянный крест и памятную плиту.

Часовня с могилой Фета

После смерти матери тетя Кира отвезла нас в Петроград на чердак, где было так весело

жить и ходить по крышам под крики нашей няни Пани. Там мы прожили до 1924 г. Жизнь была трудная, четверо взрослых и трое детей существовали на одну зарплату тети Киры, которая писала карточки в Эрмитаже. Это желанное место ей удалось получить несмотря на дворянское происхождение и благодаря любезности служащих музея, хорошо знавших ее близкого родственника А.А. Трубникова, одного из хранителей, к тому времени проживавшего в Париже.

Но на наше существование зарплаты не хватало, и тетя Кира часто ходила по ночам на вокзал, надеясь что-нибудь подобрать при перегрузке мешков с хлебом или рисом. Нам, детям, удалось попасть в созданную Гувером во время голода американскую столовую, где нас кормили дважды в неделю. С братом и другими детьми мы ходили подкрадывать либо топливо, либо пропитание.

Дома взрослые в нашем присутствии обыкновенно замолкали, боясь проговориться и зная, что в школе нас учат доносить. Мы настолько восприняли школьное учение, что сестра даже удостоилась похвалы за сочинение о великом Ленине по случаю его смерти, и мы были способны выдать своих, чтобы заслужить публичную похвалу.

Так мы дожили до похорон Ленина, после чего всем нам удалось уехать за границу, кроме няни, которая решила остаться со своими. Нас, детей, отъезд глубоко потряс, мы были очень привязаны к няне и свыклись со своей жизнью, а яд советского учения нас к тому времени уже затронул, оставив глубокий след. Наш отъезд был приключением. Дядя Саша

Александр Николаевич Галахов в форме офицера Дикой дивизии (1883–1928)

Грета фон Гебел (зам. за А.Н. Галаховым, а позже за графом Борисом Шереметевым). Висбаден, 1924 г.

оказался после Гражданской войны вместе с Дикой дивизией в Югославии, откуда переехал в Германию. Там он познакомился с красивой, доброй и богатой немкой по имени Грета и женился на ней. Узнав о наших невзгодах, Грета решила нас спасти и, воспользовавшись тогдашней возможностью выкупать людей из Советского Союза, внесла в советское консульство 100 000 марок, которые, судя по распискам, были приняты в пользу Красного Креста. После этого нас всех выпустили, и мы приехали в Берлин, где нас встретил отец, видевший меня в последний раз в Спасском в 1918 г. Из Берлина мы отправились в Висбаден, где в шикарнейшей гостинице «Розен» жили тетя Грета и дядя Саша. Все там было приятно, красиво и вкусно, лакеи ходили в ливреях, горничные прибирали кровати, швейцар у входа нам кланялся, утром давали шоколад с булками, а к чаю – пирожные. Это были для нас сказочные дни. По привычке мы с братом бегали по городскому саду, рвали цветы, несмотря на крики сторожей, и преподносили их тете Грете, которая вознаграждала нас, умиляясь нашей внимательностью.

Но этой благодати наступил конец, и мы отправились в Париж, где вся семья рассеялась. Дядя Саша заболел и скончался в старческом доме в Сент-Женевьев-де-Буа. Там же до конца своей жизни прожили дедушка и бабушка. Грета, овдовев, вышла замуж за графа Бориса Шереметева и уехала с ним жить в Германию. Тетя Кира работала в школе для богатых девиц

у княгини Мещерской, отец нашел себе работу в банке и с трудом нас всех содержал. Сестра и брат были посланы в Англию в школу. Сестра на курсах Лондонского университета познакомилась с князем Дмитрием Ивановичем Лобановым-Ростовским и вышла за него замуж. Они поселились в Болгарии, где жили родители ее мужа. После войны присутствие советских властей в Болгарии причинило им много невзгод. Сестра с мужем и сыном старались бежать в Грецию, но были арестованы на границе и подвергнуты контролю. Мой шурин был захвачен на улице и вскоре расстрелян. Сознательная опасность, нависшую над сестрой, я обратился во французское Министество иностранных дел. Благодаря моим военным заслугам они были спасены, – французский консул признал их французскими гражданами и выдал им билеты до Парижа.

Брат Василий окончил агрономический институт в Англии, думая, что это могло бы ему пригодиться в Пензенской губернии. На самом деле, это помогло ему успешно прожить в Аргентине. Я после школы поступил в Оксфордский университет, где меня застала война. После неудачных попыток вступить во французскую или английскую армию (я тогда был без подданства), я записался в ряды генерала де Голля и провоевал пять лет. После войны я приобрел французское гражданство и поступил на службу в ООН в Нью-Йорке. В 1948 г. я был послан в Германию заниматься беженцами в лагерях и оказался вблизи от Висбадена.

Зайдя в гостиницу «Розен», я справился у консьержа, видел ли он тетю Грету, и узнал, что он встречает ее с мужем в очень жалком виде и посоветовал отправиться в лагерь для нуждающихся бездомных в пригороде. Там, в барачном лагере, я нашел Грету и Бориса Шереметева, – это были два усталых, грустных старика. Грета, потеряв все свое имущество в Пруссии, стала нищей. Я смог отдать ей должное и облегчить последние тусклые дни ее жизни.

Теперь я, последний из семьи, когда-то жившей в Спасском и в доме на Садовой, спокойно и радостно доживаю свой век в Париже с моей милой французской женой Сабинной. И вдруг – на днях звонок от директора Спасского Н.И. Левина, который рассказал Ю. Трубникову, что ключ и ордена с лентой, спрятанные бабушкой в 1918 г., найдены! В отданном в починку тургеневском диване, который раньше стоял в доме на Садовой, а теперь снова в Спасском, обойщик нашел среди пружин обернутый в газетную бумагу пакет, в котором и оказались ключ и ордена. Тайник вскрыт. Тревога прошла. Настало время вернуть ключ и ордена в семейный дом в Орле, где они были когда-то спрятаны и отныне будут напоминать о прозорливом дедушке.

Париж, июнь 2001 г.

По следам наших публикаций: Со временем изгладится

Уважаемая редакция,
в вашей газете № 4353 в статье «От мифов к подлинной истории» Иван Толстой отмечает, что культура эмиграции «по-прежнему глубоко идеологична и что парижский коллоквиум дал показательный пример таких идеологических расхождений». Толстой ошибается.

Эмигранты не были последователями идеологии или учения. Они увлекались политикой: были правые и левые, единодушно ненавидящие советскую власть, но не было единого фронта.

Находясь в изгнании на свободе, эмигранты, сохраняя свойственный им нравственный и духовный образ жизни, полностью отошли от соотечественников в Советском Союзе, где партийное учение и другие притеснения, по-моему, изменили нравственную сущность людей и их понимание об окружающем человеке мире. В этом, я думаю, суть взаимного непонимания, «расхождения», оставившего до сих пор свой след, а не в идеологическом разногласии, о котором пишет Толстой и которое постепенно усмирилось. Нравственный раскол гораздо трудней примирить, но он тоже со временем изгладится.

Что же касается колчаковского золота, о котором пишет И. Толстой в «РМ» № 4351, то это дело завершилось в 1970-х годах в Париже, когда последний финансовый агент, имевший подпись на секретный счет, распорядился, чтобы после его смерти оставшиеся деньги были распределены между русскими благотворительными обществами, что вскоре после этого и произошло. Искренне ваш,

Париж

В Москву приезжает последний русский соратник генерала де Голля¹

*На днях редакция получила из Парижа материал от нашего старого друга Николая Васильевича Вырубова. По впечатлениям своей богатой со-
бытиями жизни он поделился своими воспоминаниями на тему, до сих пор
остающуюся болезненной в нашей истории: о судьбе советских военноплен-
ных.*

¹Лобыцын В. Солдат двух народов // Российские вести, 2003, 2 июля, N24 (1684). С.16.

Судьба советских военнопленных

Вопрос плена возник с началом войны с Германией, после расторжения договора с Гитлером и нападения врага, когда непрочность обороны страны стала ясной. Сталин, обезглавив командование армии, ей не доверял, сомневаясь в ее готовности защищать созданный им порядок. А чтобы плен не казался слишком легким под надзором международного Красного Креста, он под угрозой расстрела запретил сдаваться в плен и отказался подписать Женевскую конвенцию, бросив пленных на произвол жестокой судьбы.

Некоторые думают, что строгие сталинские меры, несмотря на причиненные ими бесчисленные жертвы, способствовали победе. Но почему бы не представить себе, что сам народ, узнав ценой страданий, что враг ставил целью его уничтожение, восстал и победил? И что же победа принесла народу за его подвиг? Все те же притеснения, хотя он вправе был получить свободу. Полвека пришлось ждать усталым ветеранам.

Осенью 1945 г., состоя при военном министре в Париже, я был послан на Нюрнбергский процесс, где мне довелось присутствовать на многих заседаниях. На одном из них обсуждался вопрос зверского отношения немецкого командования к советским военнопленным.

Обращаясь к Кейтелю, гитлеровскому фельдмаршалу, прокурор спросил, как он мог, вопреки всем военным законам, за своей подписью издать приказ, разрешающий самые жестокие меры по отношению к советским военнопленным. Их обрекали на верную смерть, держа под открытым небом, за колючей проволокой и без пищи.

Кейтель ответил, что приказ Гитлера от 8 сентября 1941 г. причислял советских военнопленных к опасным агитаторам, которых следовало уничтожать. И поскольку этот приказ был политическим, то ему как военному не подобало обсуждать решение главы государства.

Сталин, отказавшись принять Женевскую конвенцию, упростил дело для охранников, которые отныне действовали с безнаказанной жестокостью по отношению к беспомощным людям.

На другом заседании полковник Покровский, помощник главного советского обвинителя Руденко, докладывая о варварском отношении к советским военнопленным, представил составленный в 1942 г. доклад доктора Гротюса, заведующего отделом рабочей силы немецкого ОКБ – Верховного главного командования. В своем докладе он жаловался на невозможность восполнять недостаток рабочей силы советскими военнопленными из-за их бесполезной гибели в лагерях. Он приводил данные, что в ноябре 1941 г. в плену находилось 3 900 000 советских военнопленных, а несколько месяцев спустя их оставалось только 1 100 000. При этом из 2 800 000 погибших 500 000 погибло до января 1942 г.

Позже, когда надобность в рабочей силе стала особенно острой, участь пленных изменилась – их стали посылать из лагерей на тяжелые работы и даже брать в армию в рабочие отряды. Не удивительно, что среди военнопленных, ожесточенных голодом, нашлись те, кто, желая избежать верной смерти, вступили в ряды рабочих или даже боевых отрядов немецкой армии или в армию генерала Власова.

В 1943 г. в Тунисе нам пришлось сражаться против украинских боевых отрядов. После капитуляции многие из их солдат вступили в Иностран- ный легион, но не по желанию вместе с союзниками продолжать борьбу, а чтобы избежать плена.

Остальные были помещены в заключение вместе с немцами и итальян- цами и, насколько мне известно, несмотря на требование советского кон- сула Богомолова, никакой репатриации не состоялось.

В 1944 г. в Италии мы также столкнулись с украинскими отрядами, а после высадки на юге Франции нам пришлось сражаться с грузинами, кал- мыками и представителями других национальностей, воевавших в рядах немецкой армии и, кстати сказать, зверски ведших себя по отношению к мирному населению.

В рядах Сопротивления во Франции среди партизан-маки были совет- ские люди, бежавшие либо из плена, либо с принудительных работ. Их ре- патриация началась в 1945 г. сразу после победы и проходила во Франции, Италии, Австрии и Германии.

Вначале советская репатриационная комиссия действовала свободно, но когда стало ясно, что многих репатриировали насильно, ее стали сопро- воджать инспекторы ООН.

Теперь все знают, как жестоко отнеслась советская власть к вернувшим- ся военнопленным, подвергнув их снова заключению в лагерях и исполь- зуя на тяжелых работах. И только недавно государство с трудом решилось признать их страдальческий путь.

Париж, май 2003

*Примечания «РВ»**

«Сталин... запретил сдаваться в плен и отказался подписать Женев- скую конвенцию».

Накануне и в ходе Второй мировой войны положение военноплен- ных, раненых и больных регламентировалось Гаагской конвенцией 1907 г. «О законах и обычаях войны», а также Женевскими конвенциями 1929 г.

* При составлении примечаний использованы материалы Н. Дембицкого (Институт военной истории).

«Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» и «Об обращении с военнопленными».

В 1931 г. Советский Союз присоединился к первой из Женевских конвенций, отказавшись ратифицировать вторую. Нацистское правительство Германии ратифицировало обе конвенции (вторую – в 1934 г.), но, начав мировую войну, сразу же грубо их нарушило по отношению к 694 тысячам польских военнопленных.

Тем более оно не собиралось утруждать себя соблюдением международных норм по отношению к советским военнопленным. Еще 30 марта 1941 г. на совещании с высшим военным командованием Гитлер напомнил, что Россия не стоит в числе стран, подписавшихся под Женевской конвенцией о военнопленных.

Для СССР проблема военного плена впервые встала во время советско-финской войны 1939–1940 гг. Именно тогда в одной из брошюр «Библиотеки красноармейца» впервые было сообщено, что «изменой Родине является не только переход на сторону врага, выдача военной или государственной тайны, но и сдача в плен... Тот, кто из-за трусости сдается в плен, кто ставит свою жизнь выше интересов Родины и нарушает военную присягу, тот является предателем и изменником. Советские патриоты предпочитают смерть с оружием в руках позорной сдаче неприятелю».

Такова была официальная точка зрения Народного комиссариата обороны СССР на проблему военнопленных. В крайне жестокой форме, при совершенном игнорировании обстоятельств пленения, она реализовывалась во время войны с Германией.

«...жаловался на невозможность восполнять недостаток рабочей силы советскими военнопленными из-за их бесполезной гибели в лагерях».

С аналогичной «жалобой» к генерал-фельдмаршалу Кейтелю в феврале 1942 г. обращался рейхсминистр оккупированных восточных областей Розенберг: «В многочисленных лагерях вообще не позаботились о постройке помещений для военнопленных. И в дождь, и в снег они находятся под открытым небом. Им не дают инструментов, чтобы вырыть себе ямы или норы в земле».

До 1942 г. обеспечением советских военнопленных помещениями вермахт вообще не занимался. Осенью 1941 и зимой 1942 гг. большая часть их находилась под открытым небом, в лучшем случае – в неотапливаемых бараках. Понятно, что такие «условия жизни» вели к массовым заболеваниям и смертям.

Дело несколько изменилось лишь после указания Гитлера «распределить эту самую дешевую рабочую силу с наибольшей продуктивностью». В 1942 г. была составлена специальная инструкция «Об использовании

труда советских военнопленных», которых к этому времени в экономике Германии насчитывалось более тысячи.

«... вступили в ряды рабочих или даже боевых отрядов немецкой армии».

На январь 1943 г. в так называемых восточных войсках вермахта числилось 80 батальонов, сформированных из туркмен, народностей Северного Кавказа, крымских и поволжских татар, армян, азербайджанцев, грузин, эстонцев, литовцев, народностей Дальнего Востока, калмыков. Общая их численность составляла около 80 тысяч человек.

В Тунисе в качестве боевых использовались украинские вооруженные отряды военно-строительной «организации Тодта». В Италии в 1944 г. на стороне Германии воевал украинский ост-батальон (всего в германской армии их было сформировано 10), направленный сюда для борьбы с партизанами.

Национальные батальоны, в том числе грузинские и калмыцкие, на юге Франции воевали в составе так называемой Кадровой добровольческой дивизии.

Всего к началу 1944 г. на Западном фронте было 72 добровольческих батальона, размещенных вдоль атлантического побережья до Биаррица и далее вдоль Средиземного моря до итальянской границы.

«...как жестоко отнеслась советская власть к вернувшимся военнопленным».

С 1945 г. в СССР все освобожденные и репатриированные военнопленные, даже при отсутствии компрометирующих данных, сводились в рабочие батальоны и в порядке наказания направлялись на постоянную работу в угольную и лесную промышленность – на предприятия, находящиеся в отдаленных районах. Согласно Всероссийской Книге памяти таких насчитывалось более 600 тысяч.

«...только недавно государство с трудом решилось признать их страдальческий путь».

По данным историков Министерства обороны РФ, в плену находилось 4 559 000 человек, число погибших в плену колеблется от 1,9 до 4,9 млн. человек.

Зарубежные источники, основываясь на документах германского ОКБ, число находившихся в плену оценивают от 5,2 до 5,7 млн. человек, из которых 3,3 млн. (58%) погибли.

Отношение к военнопленным изменилось только в 1956 г., когда 29 июня вышло Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей».

Письма Н. В. ВЫРУБОВА
Россия остается Россией
Письмо из Парижа

Большинству наших читателей представлять Николая Васильевича ВЫРУБОВА, пожалуй, и не нужно... Его хорошо знают и во Франции, где нашел он свою судьбу, и в других странах дальнего зарубежья, где обустроились наши соотечественники, и у нас в России, преданным другом которой он остается на протяжении десятилетий.

Мальчиком вместе с родителями, представителями старинного дворянского рода, покинул он родную Россию еще в 1925 г. И естественное тогда в его положении неприятие многих непредсказуемых событий в стране не мешало ему всю жизнь оставаться подлинным русским патриотом. 18 июня 1940 г. он стал одним из первых добровольцев в войсках «Свободной Франции» и принял участие в борьбе народов против фашизма. За личные заслуги в движении Сопротивления он удостоен высоких французских орденов – Креста Освобождения и Военного Креста.

Он всегда принимал и принимает активное участие в деле оказания помощи русским эмигрантам, передал российским учреждениям ценные архивные материалы и книги по истории нашей страны, с неизменным интересом следит за событиями в России.

Сегодня по нашей просьбе Николай Васильевич комментирует обстановку в России и в этой связи позицию наших соотечественников за рубежом.

Меня иногда спрашивают, как эмигранты относились к Советскому Союзу и теперь относятся к России.

В первые годы зарубежной жизни эмигранты чувствовали себя тесно связанными судьбой, но вскоре возникли политические раздоры. Правые и левые, читатели «Возрождения» или «Последних новостей», страстно спорили о причинах революции и о будущем строе Русского государства.

Каждая неудача советской власти воспринималась как знак ее неустойчивости, а иногда в ней видели предвестника провала. Тогда с большим возбуждением думали о возвращении.

Большинство эмигрантов пыталось заглушить тягость разрыва главным образом воспоминаниями о прошлой России. Память помогала переносить условия обыденной, скудной, озабоченной жизни. Постепенно, с убеждением, что без устранения большевиков вернуться на родину не придется накопилась ненависть к советскому строю, затмевая понимание того, что за этим строем есть подлинный русский народ.

Война обострила чувства, особенно после вторжения немцев в родную страну, заставив каждого определить свое отношение к ней. Одни, восприняв нападение немцев как угрозу самому существованию родины, стали на сторону союзников и, усмирив антисоветские убеждения, проявили свое единодушие с народом, боровшимся за независимость страны; другие, искренне желая избавить страну от коммунистического ига в результате поражения Советского Союза, впали в заблуждения, став на сторону врага, не понимая, что цель врага была покорить страну, причиняя народу неизмеримые страдания.

Некоторые стали даже сотрудничать с врагом, не учитывая, что их участие в поражении советских войск являлось бы участием в поражении России.

Следует отметить, что лишь незначительное количество эмигрантов сражалось добровольно на той или другой стороне, но большинство из них не решилось проявить себя.

Эти противоречия и колебания, когда решалась судьба страны, привели к расколу в духовной жизни русского зарубежья, положив конец сознанию общности, связывавшего до войны всех эмигрантов, независимо от их политических убеждений.

Если ненависть к советскому строю отвернула некоторых от страны, то для других, несмотря на осуждение ими этого строя, Россия, даже советская, оставалась родной. Они сознавали реальность событий в стране и воспринимали их как участь России, с чувством, что в этой участи их среда несла свою долю ответственности.

Испытывая последствия этой судьбы, не участвуя в ней, но боясь быть оторванными от нее, они стремились сохранить общение со страной, относясь с вниманием ко всему, что могло способствовать их пониманию нового хода ее жизни.

Среди тех, кто сочувствовал стране во время войны или кто боролся на стороне союзников, некоторые, возмечтав о том, что боевое содружество приведет к изменению обстановки в стране, стали стремиться домой. О возвращении думали многие, вовсе не будучи сторонниками советского строя. Однако те, кому удалось вернуться, подверглись жестокому преследованиям.

Вследствие происшедших в последнее время событий, кроме редких случаев непримиримости, многие отправились в Россию, приветствуя возвращение символов минувшего мира и знаков старого быта. Те же, кто общался со страной, восприняли эти события с радостью, но и с осторожностью, избегая оживленных съездов соотечественников.

Суть встреч им не ясна, пока не определилось новое направление развития страны. Хотелось бы увидеть восстание духовных сил, дающих

стране новое стремление, не обостряя национализма или другого фанатизма. Но все это пока под вопросом. Для людей, как я, доживающих свой век, ничто не может заглушить тоску при виде развала страны и испытания народа.

Какие встречи? О чем говорить? О том ли, как здесь терпели, а там страдали, или о том, о чем все мечтали и продолжают мечтать? Можно только с глубокой скорбью преклониться пред всеми перестрадавшими, продолжая верить в успех страны.

*В. П. Енишерлову
Главному редактору журнала
«Наше наследие» (Москва)*

от Н.В. Вырубова, члена редакционного совета
Париж, 20 сентября 2000 г.

**По поводу статьи Сигурда Шмидта
в «Нашем наследии» № 53**

Описывая выдающуюся роль России в мировой истории, автор статьи утверждает, что Запад недостаточно признателен России за все то, что она ему принесла.

В качестве подтверждения своего тезиса автор приводит пушкинскую фразу о «невежественном и неблагодарном Западе». Я бы понимал ее не абсолютно, а в соответствии с историческим контекстом, в которой она была сказана. Действительно, если в России образованные люди того времени хорошо знали и западные языки, и западную культуру, то Россия оставалась для Европы далекой и недоступной, представляя не притягательное культурное пространство, а экзотическую страну, возбуждавшую любопытство. Только позже Запад, увлекаясь Толстым, Достоевским, Тургеневым и музыкой русских композиторов, осознал своеобразие русского духа и воспринял величие их творчества, вошедшего в мировую культуру, необычайный интерес к Чехову, о котором говорит Сигурд Шмидт, объясняется не только его талантом драматурга, но и умением представить подлинно русские типы, понятные западному читателю, тогда как в целом Россия оставалась для него загадочной.

Беспокоиться о недостаточной памяти Европы незачем: след русских духовных ценностей проник в западную жизнь. Несмотря на продолжительное осуждение советского строя, Запад сохранил к России искреннее притяжение. Явление это скорее эмоционального, чем рационального

порядка, поскольку Россия, находясь вне культурной сферы, в которой находится источник европейской цивилизации, а именно – Греции и Рима, не может претендовать на признание со стороны Запада. Она играла роль партнера, основанную на сотрудничестве, а не «дани» и какой-либо обязанности.

Россия и не нуждается ни в чем признании и еще меньше в благодарности. Она творит собственный путь, независимо от того, будет ли ей благодарна та или иная страна. Стремясь вступить в единое мировое культурное пространство, она еще не исполнила своей роли, но великое предназначение, о котором говорил Пушкин, ей еще предстоит исполнить в будущем. Впитав в себя византийскую культуру и посвоему переработав западное влияние, она была готова начать исполнение этого предназначения в начале XX в., этому все способствовало: и развитие производства, и новые силы, – но естественный ход событий был прерван революцией – катастрофой, в которой угас культурный дух.

Перейдем теперь к некоторым более частным положениям статьи Сигурда Шмидта, к которым в качестве человека, прожившего свою жизнь на Западе, я хотел бы внести некоторые поправки.

Можно думать, что Россия оказала услугу Западу, остановив кочевников в XIII в., и что этим она заслужила признание. Но можно также сомневаться в значительности этой услуги для Европы. В любом случае, невозможно говорить о спасении «образующего просвещения» на Западе, – к тому времени оно там уже было образовано. В V в. Франция победила Атиллу с помощью Св. Женьевьевы, а в VIII в. – мавров, университеты в Европе и, в частности, в Оксфорде, были крупными центрами знания, искусство процветало, Джотто и Данте творили шедевры, храмы восхищали своей красотой, трехвековые крестовые походы заканчивались, и вряд ли кто думал о далекой России. Зато весь мир знает о решающей роли Советского Союза в победе над Германией, и об этом постоянно говорится. В прошлом мае в Париже в присутствии министра была торжественно установлена бронзовая плита в память советских воинов, павших в рядах Сопротивления во время оккупации Франции немецкими войсками. Чувство признания менее заметно в странах, очутившихся после освобождения под советской властью. Избавившись от коричневой чумы, они оказались под красной. Одна чума физически уничтожала человека а другая – сталинизм – духовно, что не лучше.

Мало оснований также ожидать от Запада признания за победу, одержанную над шведским королем Карлом XII, и еще меньше основания думать, что удар, нанесенный Наполеону русскими войсками в 1812 г., мог бы вызвать особое признание. Слава Наполеона осталась в мире очень

живой, а во Франции он является самым популярным национальным героем. Настолько, что на ежегодном военном параде в день национального праздника 14 июля в Париже в этом году танки носили имена его побед, включая 1812 г.

Зачем винить Запад в том, что в «Petit Larousse» 1908 г. (это не энциклопедия, а просто словарь с историческим дополнением) были упущены портреты Толстого, Чехова, Достоевского, Менделеева и Павлова. В современном издании указаны не только они, но и Мусоргский, Жуков, Горький, Мечников и др., а в правила словаря входит не указывать ныне живущих персонажей, что исключало Толстого.

Слово «интеллигенция» не утвердилось в западных языках в значении «образованная, свободно мыслящая часть народа» и не воспринималось в «благородном и притягательном смысле». Это слово обозначает преимущественно русских интеллектуалов мещанского происхождения, которым удалось окончить университет, революционно настроенных или нигилистов, стремившихся изменить анахроничный строй общества и государства и создать более равноправный мир. В западном буржуазном обществе конца XIX – начала XX в. вряд ли настроения русской интеллигенции воспринимались с благодарностью и признательностью. Если В.А. Жуковский употребил слово «интеллигенция» по отношению к аристократам в 1836 г., то он, вероятно, имел в виду последователей декабристов, либерально настроенных людей, общественных деятелей или масонов, скорее чем образованных аристократов (тем более, что это плеоназм, словно бедный нищий или умный ученый. Какими бы они там ни были, но аристократы были образованны).

Культура на Западе не означает сумму знаний. Это сознание этики, преобладания духовных ценностей над всем остальным. Культура достигается возвышением мысли, проникновением красотой художественного творчества, и тем, что движет человеком с целью превзойти себя самого без практической цели, а для своего личного удовлетворения. Нет культуры без свободы творчества. Поэтому утверждение Сигурда Шмидта о великом вкладе россиян в развитие мировой культуры в XX в. вызывает уточнение. И культурное, и научное творчество способствуют развитию знания и цивилизации, но они разного духовного содержания. Значительным и очевидным был культурный вклад в дореволюционный период и в эмиграции, что же касается советской власти, то она намеренно замкнулась и ограничилась от свободного культурного пространства, признавая исключительно те произведения, которые соответствовали партийным правилам. Только те авторы, кто творил наперекор этим правилам и утверждал истину, несмотря на опасность и угрозы, принадлежали этому культурному

пространству, как Ахматова, Пастернак или Солженицын. Они почему-то не упомянуты в статье, как, впрочем, и Бунин. Указанные Сигурдом Шмидтом видные ученые, физики-теоретики, инженеры-конструкторы и космонавты внесли ценный вклад в развитие науки и заслуживают всеобщего признания, но их вклад другого духовного содержания.

Каждому вольно оценивать полезность и значение Октябрьской революции, но трудно согласиться с Сигурдом Шмидтом, когда он пишет: «Все более уясняется то, что нашей стране предопределено было... испытывать на себе грандиозный социальный эксперимент... и предостеречь мир от опасной утопической веры». Зачем представлять революцию как судьбой предопределенное событие, как жестокий жребий, павший на Россию, как неизбежный ураган, когда известно, что она была тщательно подготовлена на Западе революционерами, ждавшими своего часа. Для проведения своего эксперимента они воспользовались слабостью воюющей страны и шаткой властью, бывшей не в силах одновременно противостоять врагу и усмирять революционное восстание. Не следует думать, что советская власть была обречена испытывать на себе следствия революции, предостерегая мир от опасной веры. Она принесла миллионные жертвы и безмерные испытания своему народу, а также настойчиво стремилась распространить эту веру по всему миру, который отразил эту заразу, стоя на крепких нравственных устоях. Многие видят в революции стихийное бедствие, тем более, что фашизм и нацизм возникли как противодействие коммунистическому строю, напугавшему буржуазные слои западного населения.

Сегодня мало кто согласится с утверждением Сигурда Шмидта о том что революция способствовала проведению в западных странах законодательных мер в пользу нуждающегося рабочего класса. Принято думать что такие меры возникли благодаря упорным действиям западных профсоюзов, умело и убедительно действовавших, опираясь на миллионное членство (в одной Англии в 1920 г. было 5 млн. членов). Своим выдающимся участием в военном производстве во время Первой мировой войны они заслужили признание патроната и государственных властей, и с 1920 г. сумели убедить парламенты своих стран в надобности законодательных мер, улучшающих условия жизни и труда рабочего класса. Вскоре после Первой мировой войны западные профсоюзы, мечтая о дружеском сотрудничестве, вошли в контакт с советскими профорганизациями. Но, убедившись, что они находятся под строгим партийным надзором и не располагают свободой действия, решили прервать отношения, которые продолжались лишь с редкими крайне левыми группами.

Я бы не ставил в один ряд такие явления, как антисемитизм в гитлеровской Германии, разграбление и сожжение барских усадеб в революционные годы в России и систему доноительства при Сталине. И политическая, и психологическая почва были каждый раз совершенно различными. Антисемитизм при Гитлере был тщательно разработанной и письменно изложенной теорией «вождя», которая планомерно воплощалась в жизнь с целью возвышения господствующей расы. Сожжение же усадеб стало стихийным разгулом невежественного народа, распаленного революционной пропагандой с целью уничтожения существующего строя. Что же касается сталинского режима, то толкнуть человека на доноительство ставило целью сломить его достоинство и превратить в послушную пешку. Как Фауст, продавший душу дьяволу, он потом готов на все.

Не ясно, как понимать утверждение о том, что до 1917 года русские революционеры обращались в своих поисках к Марксу, а затем стали испытывать его утопическую зловредную идеологию на измученном народе, после чего учение Ленина и Сталина стало примером для передовых течений всего мира? Не должен ли Запад быть благодарен и за этот «вклад» в историю человечества?

Затрагивает Сигурд Шмидт и вопрос древнего русского быта, видя в нем предопределяющее влияние на «рабовладельческий строй страны», которому соответствовала «холопская идеология» в «существующей общественной пирамиде».

В истории России никогда не было ни холопской, ни иной идеологии до самого появления советского строя. А если древний быт и предопределил автократический строй, то этому причиной были скорее размер страны и невежество народа, чем его «холопская психология». Невежественный человек всегда является рабом собственного невежества, подчиняясь другим. Даже при крепостном праве, несмотря на отсталость крестьянина, его зависимость и отсутствие прав, рабства в России, подобного американскому, не было. Как бы помещик ни был строг, он осознавал собственную принадлежность тому же русскому народу, которому принадлежал крестьянин, а также той же православной церкви, в которой они молились наравне.

Не было и пирамидального общества. В отличие от феодальной Европы, в России общество было не пирамидальным, а сословным, располагаясь «слоями». В Европе же эта пирамида была основана на ленной зависимости, закрепленной законом, который устанавливал определенные обязанности короля, сеньоров и вассалов, в частности, распределение земель и других привилегий. Титулы, как герцог, принц, маркиз, граф,

барон и рыцарь, определяли строгий иерархический ранг. В России до Петра титулов не было. Понятие «князь» не было дарованным, а обозначало принадлежность к киевскому роду. После Петра титул был знаком отличия, не означавшим первенства над другими дворянами.

Бояре старались приблизиться к владетельному князю, а позже к государю и получить от него почетное звание стольника. К князьям, а позже и к государю, бояре относились как к главе семьи. Они служили, а не прислуживали: это два разных понятия. Называя себя «холопишками», они лишь придерживались свойственной тому времени стилистике, как сегодня в письме мы написали бы «ваш покорнейший слуга». Пажеский корпус был элитарным учреждением, а камергер – почетной должностью, причем сознание службы государю сохранилось до конца монархии.

Следует различать «холопство» – как историческое понятие и «холоп» – как уничижительный стилистический термин. Холопство как образ жизни в России существовало. Возникло оно от невежества. Русский человек холопство пережил, но холопом не стал. Холопы, в обстоятельствах эпохи, также служили с покорностью, но без раболепства.

В XIX в. крепостное право было проявлением не рабовладельческого строя, а архаичного образа жизни, который малопредприимчивое государство не решалось менять ввиду невежества крестьянина и анахроничного общества, сжившегося с удобным образом жизни, не видевшего необходимости его менять и не желавшего увидеть в нем признак отсталости страны.

Жаль, что Сигурд Шмидт видит высокое предназначение России в великих испытаниях страны: в татарском иге, октябрьской революции и великой войне, как будто предназначение это – страдать за всех. А если наказание это не было предопределено «свыше», и вина не в судьбе, а в бездарности вождей, не сумевших предупредить все эти жертвы, избавить страну от зловердного утопического эксперимента и оборонить ее от врага, полагаясь на жертвоприношение народа?

Запад знает, что Россия – великая держава, знаком с ее достижениями и творчеством и с симпатией следит за ее трудным восстановлением. Европа убеждена, что Россия своими силами наконец осуществит свое высокое предназначение и изумит мир своими достижениями.

Спасибо за книгу «Загадка Тургенева», которую Ю.А. Трубников мне привез из Орла от Вас.

Меня поразила фраза на обложке:

«Как случилось, что писатель, так сросшийся с образом русской земли, добровольно *отлучил* себя от родины?».

Тургенев не отлучал себя от родины. Он отсутствовал, даже если это отсутствие было долгим. Он часто бывал за границей, как многие русские люди его среды того времени, привлеченные особым культурным климатом. Он ознакомился с западным образом жизни, проникся западной культурой, окружил себя выдающимися людьми, нашел любовь и, не отлучаясь от Спасского, там обосновался.

Писатель, тем более великий, отлучается от родины только тогда, когда перестает находить в ней источник вдохновения. С Тургеневым этого не случилось. Поселившись за Западе, он ни с чем не порывал и ни от чего не отказывался, он не отлучал себя от образа русской земли. Он у себя жил по-своему, а за границей по-другому, он не стал перебежчиком из одного духовного мира в другой, он освоил оба эти мира и оба стали для него полюсами духовного притяжения.

Разлука со Спасским облегчалась сознанием, что это решение было принято по его доброй воле, без принуждения, и что он всегда может вернуться домой, и... возвращался.

Оставаясь глубоко преданным своему родному краю и быту, Тургенев предпочитал жить за границей, поскольку находил там то интеллектуальное удовлетворение, которого ему не доставало в Орловской губернии, как бы ни была жизнь в ней душевно приятной.

В Орле было много образованных людей, которые знали иностранные языки и литературу, часто бывали за границей и увлекались искусством, но это оставалось для них любительским увлечением, предпочитая свой образ жизни, не замечая или не желая признать, что их мир был анахроничен, в котором Тургеневу стало душно жить.

Не следует думать, как этому учили в течение продолжительного времени, что русский человек, воспринявший западную культуру, отлучил себя от родины. На самом деле, это способствовало расширению его мировоззрения и придавало Тургеневу особый ореол.

В журнал «Русская мысль»

Уважаемая редакция,

В «Русской мысли», № 23, и статье о праздновании 60-летия со дня высадки союзных войск в Нормандии 6 июня 1944 г., Георгий Хабаров пишет с некоторым укором: «Главные лавры победителя стяжала Америка». Как же могло быть иначе, если праздновали именно высадку, а не победу, а в высадке американцы сыграли главную роль.

Это ни в чем не уменьшает заслугу доблестной Красной армии в достижении победы, ни эскадрильи Нормандия-Неман, которой Франция очень гордится, и ни в коем случае не затмевает памяти миллионных жертв русского народа, о чем свидетельствовало и присутствие на праздновании Путина, Берлускони же не был приглашен по той причине, что итальянские войска в боях Нормандии не участвовали,

В своих комментариях о значении высадки Хабаров прибегает к неуместной полемике, ставя вопросы, «кто выиграл войну», «чей вклад в победу оказался значительнее» и «кто проявил больше героизма». Празднование высадки наводит на теплые воспоминания об американцах и вызывает чувство благодарности за освобождение и восстановление свободы.

Вспоминая американских солдат, удивляешься их лихости: ведь они спокойно жили у себя дома, со своими домашними заботами, когда Америка была вовлечена к войну по надобности стратегических интересов. Им не грозил враг и у них не было ни враждебности к немцам, ни особой привязанности к европейским странам, которые им пришлось спасать, рискуя жизнью.

Ни к чему ставить вопрос, кто проявил больше героизма: тот, кто спасал родину на своей земле, или тот, кого послали за далекий океан спасать свободу,

С уважением,

Н.В. Вырубов

Н.В. Вырубов
ветеран войны

*Париз.
16.6.2004
52 avenue d'Iéna
75116*

Гелия БЕЛКОВА
Русская фамилия Вырубовы*

Несмотря на горькое эмигрантское начало пути, его не назовешь эмигрантом, – не подходит ущербность этого слова. Русский он или француз? Он с детства живет во Франции, и в летописи этой страны есть его страница. Для русских он русский, причем из тех, кто утверждает в этом слове достоинство. Жизнь Николая Васильевича Вырубова является одной из тех незримых, но прочных нитей, которые связывают Россию с остальным цивилизованным миром, какие бы идеологические или прочие факторы ее ни отрывали. Это человек, счастливо впитавший две культуры и сполна отдавший долг обе-

им родинам. Ему есть что рассказать о своих предках, но происхождение и семейные традиции стали для него не архивным богатством, а основой для собственных жизненных устоев. С семьи и начался наш разговор.

Рассказывает Николай Васильевич Вырубов

Я родился в 1915 г. в Орле. Самое раннее детство прошло в доме бабушки со стороны матери Ольги Васильевны Галаховой, урожденной Шеншиной. Сама она в раннем детстве потеряла родителей и была воспитана своим дядей со стороны отца Афанасием Афанасиевичем Фетом. Племянница Тургенева с другой стороны, она росла в русской писательской среде и, наверное, могла бы рассказать много интересного о своем окружении. Конечно, в детстве мне и в голову не приходило расспрашивать ее о литературных родственниках и знакомых, и многое из того, что она знала и помнила и что, наверное, было бы теперь важно, пропало безвозвратно. Я помню только, как она говорила о своих поездках к Льву Толстому, – их именина находились неподалеку.

У Вашей фамилии ведь тоже долгая, пусть и не литературная история.

Фамилия Вырубовых происходит из древнего боярского рода. Бабушка со стороны отца, урожденная княжна Евдокия Александровна Львова,

* Наше наследие, 1993, № 28. С. 101–112.

вела свое происхождение от ярославских князей, Рюриковичей. Мой отец, Василий Васильевич Вырубов родился в 1879 г. в Грузии, где его отец, мой дед, служил при наместнике Кавказа великом князе Михаиле Николаевиче. Отец получил домашнее образование, а затем окончил Петербургский университет по физико-математическому факультету. Отбыв воинскую повинность в Кавалергардском полку, он вышел корнетом и, по ранней смерти родителей, занялся управлением родным имением, которое находилось в Пензенской губернии и называлось Колтовским по имени жены Иоанна Грозного, от которой оно и переходило по наследству из поколения в поколение. Занятие имением, а также влияние дяди, князя Георгия Евгеньевича Львова, руководителя российского Земства, вовлекли его в сферу общественной деятельности, которой он, как и князь Львов, посвятил всю свою жизнь. Отец становится активным деятелем Земского союза, – сначала в Пензе, а затем в центральном комитете.

Земства, как Вы знаете, всегда были либеральны и в большинстве случаев представляли собой оппозицию властям, и власти всячески препятствовали земской деятельности, видя в ней нежелательную противоборствующую силу. Сила и в самом деле была значительная. Во время Первой мировой войны в России было около 190 тысяч земских служащих. Деятельность Земского союза носила самый широкий характер – от организации помощи армии во время войн – до содействия переселенцам в Сибирь в мирное время.

В начале Первой мировой войны земским комитетам разрешили объединиться с городскими, во главе объединения встал князь Львов, а мой отец представлял Земско-городской союз по делам Западного фронта в Ставке главнокомандующего, при генерале Алексееве.

Настроение среди земцев, характер их действий хорошо переданы в написанных по просьбе отца небольших воспоминаниях об этом времени. Их автор – В.В. Жуковский – работал под началом отца в учреждении Земсоюза Западного фронта. В момент написания этих воспоминаний, в 1963 г., он был начальником русского отдела Библиотеки конгресса США. «Организация госпиталей, санитарных поездов и передовых отрядов, – пишет он, – амбулаторий, питательных пунктов, солдатских лавок, сапожных мастерских, складов, обозов и конюшен, ветеринарных пунктов, автомобильных мастерских и даже детских приютов для осиротевших детей беженцев представляли собой результат огромной кипучей работы персонала ВЗС (Всероссийского Земского союза. – Г.Б.). Иногда совместно с ЗС городов создавались необходимые организации, как, например, отряды по рытью окопов, в них бывало до тысячи рабочих-иностранцев в каждом. Одно время в моем распоряжении было 6 или 7 таких отрядов Земгора. Охватывает

*В доме престарелых в Сент-Женевьев-де-Буа, в комнате О.В. Галаховой.
В первом ряду: Никита Лобанов-Ростовский, И.В. Вырубова, В.В. Вырубов.
Во втором ряду: О.В. Галахова, Н.В. Вырубов, К.Н. Галахова, 1936 г.*

чувство глубокого удовлетворения при мысли о том, как замечательно дружно и единодушно действовала вся наша западная группа, объединившая в одно необходимые элементы: энтузиазм, энергию, инициативу, творческую пунктуальность и самоотверженность – эти коренные свойства идейных земцев».

А вот что пишет о деятельности самого В.В. Вырубова во время войны его соратник по земской деятельности Т.И. Полнер в книге «Жизненный путь князя Георгия Евгеньевича Львова» (Париж, 1922. На правах рукописи): «У Вырубова оказалось много связей в армии. Своей молодостью, энергией, военной выправкой, всею внешностью человека из общества – он пленял сердца высших военных и, с их помощью, сумел так "раздуть земское кадило" в армии, что скоро усеял весь Западный фронт земскими учреждениями. Инициатива В.В.Вырубова почти не имела границ. Своих сотрудников он учил ни в чем и никогда не отказывать армии. Он всегда был готов взяться даже за невыполнимые поручения – в надежде как-нибудь выкрутиться или, по крайней мере, своею конкурирующей готовностью заставить людей, приставленных к делу, подтянуться и напрячь все силы... Многочисленные сотрудники ценили Вырубова, любили его смелую предприимчивость, доброту, веселый и решительный характер, его джентльменство».

Февральская революция делает членов Вашей семьи ключевыми фигурами политической жизни России...

Да, дядя отца Г.Е. Львов становится главой Временного правительства. Отец вошел в это правительство товарищем министра внутренних дел. Министром был сам князь Львов. Когда же он вышел в отставку, передав бразды правления Керенскому, отец также покинул свой пост и вновь стал представителем Земсоюза при Главнокомандующем – сначала генерале Алексееве, а затем генерале Духонине. При Керенском ему пришлось еще только раз участвовать в делах Временного правительства. Зная о связях моего отца в армии и его хороших отношениях со многими генералами, во время наступления генерала Корнилова Керенский попросил отца поехать тому навстречу и уговорить его остановиться. Отец выполнил эту просьбу. Впоследствии этот эпизод по его воспоминаниям был описан М. Алдановым и недавно опубликован в историческом альманахе «Минувшее» в Париже.

*В.В. Вырубов
на германском фронте
в ставке М.В. Алексеева,
сентябрь–ноябрь 1917 г.*

Каковы были отношения между Вашим отцом и Керенским? Каков был Керенский по Вашим воспоминаниям?

Позже, в эмиграции, хотя отец время от времени встречался с Керенским, между ними не было дружеских отношений, не было вообще ничего общего, кроме воспоминаний. Но после смерти отца Керенский часто приезжал к нам в деревню, гостил у нас. При жизни отца это, конечно, было бы невозможно, он бы этого никогда не понял. Мы часто гуляли вдвоем по полям, разговаривали. Для меня это была возможность поговорить с исключительно образованным человеком. Он много рассказывал о Временном правительстве. Как-то раз я спросил, в чем, по его мнению, заключалась его главная ошибка. Ответ был: в отказе принять немецких парламентариев для заключения сепаратного мира и в назначении главнокомандующим генерала Корнилова.

В эмиграции Керенский был человеком, вынужденным всю жизнь оправдываться. Его все осуждали, и не было никого, кто бы ему сочувствовал. Левые ругали со своей стороны, правые – со своей. Конечно, осуждать его очень легко, но при этом нужно учитывать простые вещи.

Прежде всего, Керенский был принципиальный противник насилия, силой ничего не брал и не удерживал. В тридцать шесть лет (!) он оказался главой государства просто в силу того, что был выдвинут своей партией. Он вошел во Временное правительство как эсер, по просьбе Советов, которые его и выдвинули. Конечно, в конце концов, он оказался для них неподходящим, но в этом его вины нет. Левым жаловаться на него не за что.

Князь Львов «отдал» Керенскому Временное правительство потому, что ситуация тогда больше соответствовала взглядам левых, и он считал, что и лидер нужен левый.

Напомню, что это произошло в отсутствии правого лидера. Правые своего лидера не выдвинули – его не было. Так что и правым нужно винить не только Керенского, но прежде всего самих себя.

Отсутствие лидера – вообще печальное российское явление, сложившееся исторически. Конечно, это результат абсолютной монархии, которая отнюдь не способствовала развитию политического института лидера. В России было много людей порядочных, способных, знающих, образованных – но политических лидеров не было.

Керенский был человеком слабовольным и, как это часто случается, старался скрыть это под видом показной самоуверенности. В остальном же это был человек умный и глубоко либеральный. Естественно, что в исключительных обстоятельствах, требовавших радикальных мер, отсутствие решительности и приверженность либеральным понятиям сыграли свою роль, и он не сумел совладать с событиями.

Очень жаль, что в России неоправданно мало вспоминают Временное правительство – даже сейчас. А ведь это был единственный, пусть и короткий, период настоящего демократического, республиканского правления в стране, опыт которого так важно осознать сейчас. Многие упрекают Временное правительство, что оно упустило власть, не смогло ее использовать и отдало в руки большевиков. Но ведь если большевики при Временном правительстве могли делать что хотели, то это только потому, что оно было истинно демократическим правительством и не хотело применять репрессивных мер и ограничивать демократию. Это тогда сочли слабостью власти.

Так же демократически начиналось и Белое движение, вначале оно развивалось в русле принципов Временного правительства. Деникину, с которого оно начиналось, пришлось в конце концов оставить командование и выехать из России, потому что в армии стали господствовать правые элементы. Как известно, кончилось антибольшевистское движение уже монархически, Врангелем. Сам Врангель тоже был либеральный человек, но его войска были настроены монархически и националистически.

Что произошло с Вашей семьей после Октябрьского переворота?

Когда к власти пришли большевики, одним из первых их решений, как мы знаем, было заключение мира с немцами. Сразу после захвата власти Ленин послал главнокомандующему генералу Духонину телеграмму с требованием вступить в переговоры с германским командованием. Духонин, справедливо полагая, что заключать мир – дело гражданское и дипломатическое, поручил ответить моему отцу, и отказ вступить в переговоры, посланный Ленину, был подписан фамилией Вырубов. Духонин был немедленно отставлен от должности, но, как человек военный, видел свой долг в том, чтобы оставаться на посту в ожидании преемника, Крыленко. Он не уехал и был растерзан революционной толпой. Отцу удалось скрыться.

Это время описывает в своих «Записках» генерал П.Н. Врангель, хорошо знавший отца: когда-то они вместе служили вольноопределяющимися. Врангель вспоминает, как, приехав в Могилевскую ставку, он жил в вагоне Вырубова, составлял вместе с ним проект оздоровления армии, поданный затем Вырубовым Керенскому и принятый 16 октября. Вот как описывает он первые ноябрьские дни 1917-го: «В день, когда мне стало известным о назначении верховным главнокомандующим прапорщика Крыленко, я решил уехать из армии. Генерал Духонин меня больше не удерживал. Получив нужные бумаги, я зашел к Вырубову попрощаться. Я застал его сильно расстроенным, он только что вернулся от Духонина, который получил

известие об отданном Крыленкой приказе войскам „вступить в переговоры с противником“, при этом Крыленко телеграфировал Духонину, требуя сдачи должности начальнику гарнизона, генералу Бонч-Бруевичу. Бездарный, тупой и на редкость беспринципный – Бонч-Бруевич успел втереться в доверие Могилевского совдепа. Генерал Духонин предложил генералу Дидерихсу и Вырубову освободить их от связывающего их слова не оставлять друг друга. Вырубов отказался, решил до конца разделить участь с главнокомандующим».

Сразу после гибели генерала Духонина отец вместе с Дидерихсом и Врангелем пытался создать

Генералы Н.Н. Духонин и Л.Г. Корнилов в ставке главнокомандующего, май 1917 г.

триумвират сопротивления, но из этого ничего не вышло. Тогда возглавить антибольшевистское движение решил генерал М.В. Алексеев, бывший главнокомандующий, очень популярный в армии. Однако через два или три месяца он скончался, и Белое движение перешло под начало Деникина. Пока все это происходило, мой отец присоединился к князю Львову, который

В.В. Вырубов (крайний слева) в составе делегации от «4-го Русского политического совещания» на юге России в 1919 г.

после нескольких месяцев большевистской тюрьмы скрывался в Тюмени. По просьбе Колчака оба они через Иокагаму и Сан-Франциско направились в Вашингтон, а затем в Лондон и Париж, чтобы договориться о помощи союзных войск «во имя союзного договора с целью освобождения России от ига общего врага и восстановления Восточного фронта», как говорилось в документе, полученном ими от Омского правительства.

А где находились в это лихолетье Вы?

Мы жили в Орле: бабушка и дедушка Галаховы, тетя и моя мать с тремя детьми, из которых я был младшим. В восемнадцатом году, когда мне было три года, совдеповские власти выкинули нас из дома, чтобы сделать в нем Тургеневский музей, хотя Тургенев там никогда не бывал. Музей этот находится в нашем доме и по сию пору. Когда я был там в последний раз, у входа висела копия приказа, по которому бабушке полагалось оставить дом со всем его имуществом в самый короткий срок.

Мы переехали в наше имение под Орлом, Клеменово, где жили до 1920 г. Потом отобрали и его, и тогда бабушка, дедушка и тетя уехали в Петроград, а мы с матерью перебрались в маленькое село Сергеевское, где жили в простой избе и существовали на то, что матери удавалось выменивать. Ее происхождение ни для кого не составляло секрета, а фамилия Вырубова была тогда слишком неподходящей, хотя известная фрейлина императрицы родственницей мне не приходится. Вскоре мама была арестована. В тюрьме у нее начался тиф, и в мае 1921 года она скончалась. Мы остались с няней. Через некоторое время за нами приехала тетя и увезла нас в Петроград. С этого времени мы перестали называться Вырубовы и стали

Галаховы, по девичьей фамилии матери. О том, что я Вырубов, я узнал уже за границей.

В Петрограде мы жили на чердаке большого дома, принадлежавшего ранее дедушке с бабушкой. Он выходил на Фонтанку и находился напротив цирка Чинизелли. Учиться мы с братом ходили в Петершуле, а сестра – в Анненшуле. Школьная жизнь не оставила каких-либо ярких воспоминаний, помню какие-то собрания, мы все с красными косынками на шеях. Отчетливым осталось постоянное ощущение прерванного разговора взрослых при нашем появлении в доме. Взрослые опасались в нашем присутствии затрагивать неподходящие для посторонних и детских ушей темы. Поэтому ни бабушка, ни дедушка не вели с нами никаких «серьезных» разговоров. И основания к этому были. Думаю, если бы я что-либо узнал, то мог бы и передать или проболтать случайно – такая тогда была даже у детей психология – беспризорная, уличная. Когда умер Ленин, во всех школах писали о нем сочинения, и моя сестра получила за свое первый приз. Помню, довольная, она принесла сочинение домой и показывала с гордостью родным. Думаю, это было им довольно странно. Ведь если работу премировали, значит она была хвалебная, и при этом больше, чем остальные.

Главным в нашей жизни была не школа, а улица, добыча пропитания. Нас было трое детей, бабушка, дедушка, няня, а работала одна тетя – писала в Эрмитаже этикетки. Мы, дети, входили в какие-то группы, хорошо сплоченные для «добывания» съестного, топлива, т.е. попросту, для воровства. Я был самый маленький и занимался тем, что отдираал доски от деревянных мостовых, которыми мы топили печи.

Еще одно яркое воспоминание детства – гуверовские столовые, которые помогли нам тогда выжить. Мне потом всю жизнь хотелось поблагодарить американцев за эту помощь, но как-то не представлялось случая. Только в прошлом году, сидя на обеде рядом с госпожой Буш, я воспользовался возможностью, чтобы наконец выразить свою благодарность американскому народу.

В 1923 г. жена моего эмигрировавшего дяди Галахова, состоятельная немка, выкупила нас у Советского государства. Всей семье – бабушке, дедушке, няне, тете и нам, детям – позволили выехать в следующем году за границу.

Сначала мы направились в Висбаден, где жили несколько месяцев, пока за нами не приехал отец. Тогда я и увидел его в первый раз. Помню, ко мне подвели красивого усатого господина и представили как отца. Он увез нас в Париж, где сам жил уже несколько лет.

Чем занимался в это время Ваш отец?

После неудачных переговоров с Вильсоном и Ллойд-Джорджем, в 1918 г. князь Львов и отец переехали в Париж, где в это время готовилась мирная конференция по итогам Первой мировой войны. Большевистское правительство не было на нее приглашено из-за подписания Советами Брест-Литовского мира, и Россия, будучи одной из главных участниц войны, рисковала вообще не быть представленной на Версальском конгрессе. Во главе с князем Львовым в Париже организуется «Русское политическое совещание», поставившее себе целью добиться присутствия на конференции русской делегации, хотя бы на правах совещательной, и защиту на ней интересов народа, так много сделавшего для достижения победы. В состав Совещания вошли русские послы в Париже, Вашингтоне, Риме, Мадриде, Берлине, Лондоне, Стокгольме, а также представители Омского, Екатеринодарского и Архангельского правительств и русской общественности. Основным препятствием на этом пути оставалась разобщенность антибольшевистских правительств, ни в одном из которых Запад не признавал общего представителя нации. Следовало срочно склонить все антибольшевистские силы к признанию всероссийским одного правительства. С этой миссией от «Русского политического совещания» отец неоднократно ездил на юг России. Миссия завершилась успехом, и Россия была представлена на Версальской конференции делегацией из пяти человек.

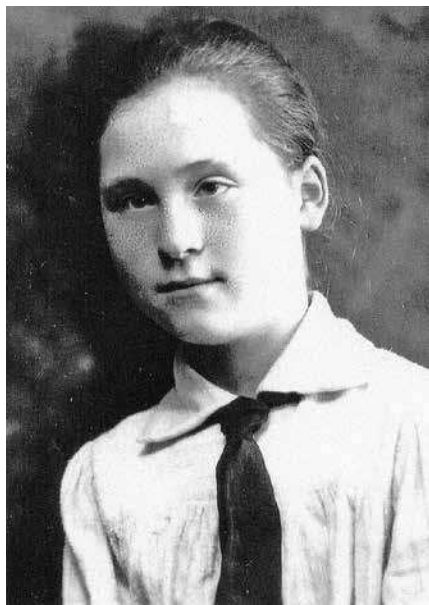
Князь Г.Е. Львов. Париж, 1920-е годы

Позже отец стал также генеральным секретарем Генеральной конференции, пришедшей на смену Политическому совещанию. Вскоре развитие событий поставило перед русскими общественными деятелями за рубежом новые проблемы. В Европу хлынул поток русских беженцев. Из средств посольского фонда в июне 1920 г. в Париже было организовано «Объединение Земских и Городских деятелей во Франции», а в связи с притоком огромного числа новых беженцев в Константинополь и рассеянием русских по всему свету в январе 1921 г. – «Земско-городской

комитет помощи российским гражданам за границей» – Земгор, существующий и по сию пору. Председателем Земгора до самой смерти был князь Львов. В.В. Вырубов вошел в правление Земгора, возглавляя некоторые его отделы, в том числе и финансовый – наиболее сложный, ответственный, поскольку добывание средств на помощь беженцам и учет их расходов оставался одной из важнейших задач Земгора. Комитет имел свои ответвления почти во всех европейских странах, Северной и Южной Америке, располагал сетью русских школ, старческих домов, оказывал медицинскую, просветительскую, благотворительную и, главное, трудовую помощь, организацией которой, в частности, занимался В.В.Вырубов. «Устраивать в чужой стране в незнакомых условиях измученных, неприспособленных русских интеллигентов на чуждый им физический труд – задача неблагодарная, почти неисполнимая. В ее выполнении будет, конечно, много дефектов, много неудач и разочарований. Мы вперед заявляем, что будем счастливы, если удастся устроить одну треть из обратившихся к нам за помощью», – говорилось в первом докладе «Объединения Земских и Городских деятелей во Франции». Однако, невзирая на тяжелые условия, Земгор выполнил больше, нежели обещал.

Как складывалась жизнь Вашей семьи во Франции?

Бабушка и дедушка по приезду попали в старческий дом в Сент-Женевьев-де-Буа, моего брата и сестру послали в Англию к друзьям, где они жили и воспитывались, а я, привезя из России туберкулез, много лежал в больницах. Отец работал, я его почти не видел и жил в разных местах. В том числе у князя Львова, перед самой его смертью. Я был единственным, кто присутствовал при его смерти в 1925 г.

*И.В. Вырубова (Лобанова-Ростовская).
Петроград, 1923 г.*

Самым близким человеком для меня в это время стала Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн. Ее имя известно в истории русской культуры – ее любили Цветаева и Мандельштам, она – адресат их стихов и писем. Какое-то время я жил в доме Саломеи Николаевны. Она часто возила меня с собой, так что я знал многих ее знакомых – художников

Шухаева, Яковлева, Григорьева и других. В Париж Саломею привез старший брат Свердлова Зиновий. Его часто называют приемным сыном Горького, потому что тот позволил ему в свое время называться Пешковым, чтобы обойти образовательный ценз, существовавший тогда в России для евреев. В 1918 г., когда образовалась независимая Закавказская республика, Пешков прибыл туда с французским послом господином де Мартелем и в Баку познакомился с Саломеей. Закавказская республика просуществовала недолго, и посольство вернулось во Францию.

Вскоре де Мартель был назначен послом при Белом движении Деникина, Пешков отбыл с ним, а Саломея осталась в Париже.

Русская эмиграция жила скромно, а многие – бедно. Люди не были приспособлены к тому труду, который им предлагался. Было много семей, где был убит глава семьи, а на руках матери, без средств к существованию, осталось трое, а то и четверо детей. Однако все русские женщины умели шить, их с детства учили, и это спасало, они шли работать портнихами.

Недавно в одной книжке, присланной мне обществом «Родина», я прочел о каких-то несметных ценностях, которые якобы вывезла с собой эмиграция. Хочу заверить, что это глубокое заблуждение. Эмиграция ничего не вывезла, кроме, может быть, семейных реликвий, подчас ничего не стоивших в денежном отношении.

Например, после смерти бабушки я нашел в его бумажнике завернутый в бумажку засушенный язык лисицы. На бумажке было написано: «Убита на последней охоте в Спасском-Лутовинове». (Спасское было наше имение.) Но наши «несметные» фамильные драгоценности вывез из России именно я. Вот как это было. Когда мы уезжали,

Коля Выубов перед выездом из России. Петроград, 1923 г.

Вася (В.В.) Выубов. Петроград, 1923 г.

тетя сшила нам всем пальто, то ли из одеял, то ли из занавесок. Когда в Берлине с меня это пальто сняли, в нем оказались защиты бабушкины бриллиантовые серьги. Позже из них сделали два кольца: одно из них – у жены брата, который живет в Аргентине, а другое – у моей жены. И когда меня в Орле, в Тургеневском музее спросили, что сделала бабушка со своим большим состоянием, как было объяснить, что она окончила свои дни в старческом доме для неимущих?

Материально мы жили скорее лучше других эмигрантов. Отец, окончивший университет, смог устроиться на работу в банк и имел нормальное, хоть и небольшое жалованье. Со временем его положение улучшилось настолько, что он смог послать меня учиться в Оксфордский университет.

Кроме того, у нас было и некоторое психологическое преимущество по сравнению с другими беженцами, позволившее моему отцу и мне сразу почувствовать особую близость с Францией и ее культурой. Дело в том, что мой дядя, Г.Н. Вырубов, прожил во Франции всю свою жизнь, сражался за нее, был награжден, а затем стал в этой стране знаменитым ученым. Благодаря этому я чувствовал себя во Франции иначе, чем другие русские, чьи бабушки и дедушки приезжали когда-то сюда как туристы.

Расскажите, пожалуйста, подробнее об этом представителе Вашей фамилии.

Григорий Николаевич Вырубов (1843–1913) – известный французский физик и химик. Несмотря на то, что, как он сам писал в своих воспоминаниях, он «с самых юных лет чувствовал непреодолимое отвращение ко всему, что называлось милитаризмом» и «терпеть не мог военной профессии», он, тем не менее, добровольно оказывается на полях Русско-турецкой войны в качестве представителя Красного Креста и награждается крестом св. Владимира. Покинув в 1864 г. Россию «с твердым намерением не возвращаться иначе как туристом», в 1870–1871 гг. он добровольно участвует в обороне Парижа от германских войск, возвращая долг стране, давшей ему образование. За доблесть он был награжден высшей французской наградой – орденом Почетного легиона.

Его имя связано также с борьбой Гарибальди и с восстанием Парижской коммуны. Недавно из бумаг, хранившихся в семейном архиве, я узнал, что в 1904 г. Г.Н. Вырубов проходил как свидетель в реабилитационном процессе по делу Дрейфуса, где выступал в пользу последнего.

Будучи другом профессора Литтре, автора знаменитого словаря Литтре, Вырубов с 1867 г. издавал вместе с ним журнал под названием «Положительная философия», развивавший идеи Огюста Конта. По смерти Литтре он переключает свое внимание на занятия химией и с 1903 г. возглавляет занимаемую до него Пьером Лаффигом кафедру истории науки в

Collège de France – учебном заведении для преподавателей университетов. Его научная деятельность высоко ценилась французским ученым миром. После его смерти коллеги выпустили брошюру, содержащую описание его жизни и научных заслуг, а также список трудов.

Г.Н. Вырубов был близким другом и душеприказчиком Герцена, одним из сотрудников «Колокола», а также близким другом Тургенева, которому он помог в создании читальни, ныне называемой Тургеневской библиотеки.

Им написан ряд интересных мемуаров: «Школьные воспоминания» – об Александровском лицее и Московском университете, воспитанником которых он являлся, «Военные воспоминания» – об осаде Парижа и Русско-турецкой войне, «Воспоминания между двумя войнами» – о событиях Парижской коммуны и «Революционные воспоминания» – о своем знакомстве с Герценом, Бакуниным и Лавровым.

Так что, эмигрантского отчуждения по отношению к Франции в нашей семье не было, было скорее другое: чувство отчужденности со стороны той среды, к которой мой отец принадлежал по праву родства и происхождения и которую он считал своей. Причиной этого были, его либеральные взгляды, из-за чего его всегда считали «левым» и за что некоторые даже осуждали.

Большинство русских жило в эмиграции своим прошлым, замкнувшись в воспоминаниях, оградившись привычками и обрядами, ожидая возвращения на родину. И это понятно – в России осталось то, что было их общественным положением, а здесь приходилось заново доказывать, что ты собой что-то представляешь. С французами было мало контактов: скромный образ жизни эмигрантов не позволял общаться с соответствующими кругами общества, да и уверенность в скором возвращении не способствовала развитию этих контактов.

Так что русские жили только среди своих, как бы «в душевной теплице», которая, с одной стороны, позволяла

Г.Н. Вырубов в период Русско-турецкой войны

им сохранить свою русскость, а с другой, делала для них Россию только символом прошлого, «их» Россией. Россия переставала быть реальной страной, а Советский Союз для тех, кто совмещал в своих понятиях власть и страну, был не просто чужим, но и враждебным.

Мой же отец, продолжая и за границей заниматься общественной деятельностью, не имел этих психологических затруднений. Больше того, либеральные взгляды помогали ему сохранить трезвое представление о происходящем. И хотя большевистская власть была для него абсолютно неприемлема, он продолжал встречаться с советскими людьми, внимательно следя за тем, что происходит в России. Я помню его обедающим на пляс де ля Мадлен, недалеко от нашего дома, с генералом Игнатьевым, автором книги «50 лет в строю».

Да, с одной стороны, это был основательный русский помещик, а с другой – либерал. Это, как мне кажется, помешало ему написать свои мемуары, хотя он знал, видел и мог бы рассказать много интересного. Что бы он ни написал, носило бы печать этого противоречия, а ведь когда пишешь, нужно, чтобы твои слова к кому-то обращались. Свой опыт жизни либерального русского помещика и общественного деятеля ему некому было передать, ему было ясно, что это не передается, не будет понятно никому в новом мире, ни в России, ни за границей.

Отец умер в августе 1963 г. До самой смерти он принимал активное участие в самых различных мероприятиях русского зарубежья, вел широкую переписку, собирал материалы по истории русской революции и русского зарубежья. В Париже по его инициативе была образована группа по изданию «Золотой книги» русского зарубежья, а в 1962 г. – и комитет. Им собирались материалы, заказывались статьи и исследования. Благодарность В.В. Вырубову как инициатору того или иного издания можно видеть на титульных листах многих вышедших в Париже книг. Г. Адамович посвятил ему свою работу «Вклад русской эмиграции в мировую культуру», представляющую собой программу комитета по изданию «Золотой книги». Он же в 1963 г. написал в парижской «Русской мысли» некролог Вырубову. Вот выдержка из него: «Беспокойный, умный, исключительно впечатлительный, на все откликавшийся, всему Парижу знакомый Вырубов... Как увлекательны бывали его рассказы о прошлом..., в которых любопытнейшие мелочи из жизни петербургского высшего света или из привольного помещичьего быта внезапно уступали место политическим характеристикам или штрихам, относящимся к работе на фронте».

Вырубов был типичным русским барином-либералом, если и не из рода тех, кого можно было причислить к „кающимся дворянам“, то с широтой взглядов, с подлинно демократической терпимостью в суждениях...

Большой и обаятельный был человек, душевно щедрый, независимый, прямой. Печаль о смерти Василия Васильевича неотделима от благодарности за встречи и беседы с ним».

Где застала Вас Вторая мировая война и как изменилась Ваша жизнь с ее началом?

Когда началась война, я жил в Англии. В стране тогда царила обстановка необыкновенного подъема и воодушевления. Находясь там, невозможно было не ответить душой на этот подъем. Кроме того, благодаря той особой связи, которая сложилась у меня с Францией в силу семейных обстоятельств, о которых я говорил, я почувствовал необходимость сделать что-то для этой страны. Так родилось решение пойти на войну добровольцем. Были и другие причины, подвигнувшие меня к решительным действиям. С самых первых военных дней мой отец в письмах высказывал сожаление, что из-за возраста не может пойти на фронт, и всячески поощрял меня в моих намерениях. В начале 1940 г. он приехал в Лондон по приглашению Генерального секретаря британского Министерства иностранных дел Кадогана, желавшего выслушать его мнение относительно последствий пакта Молотова–Риббентропа. Во время этой встречи отец также всячески побуждал меня к принятию решения.

Кроме того, я считал своим долгом русского, находясь за границей, поддерживать честь своего рода и принести пользу общине, среди которой мне приходилось жить.

Добровольное участие в войне стало честью моей жизни.

Я не имел возможности немедленно вернуться во Францию – это мне было запрещено как иностранцу. Поэтому я сразу же записался в английские войска. Никто даже не посмотрел, какого я подданства и происхождения, однако через некоторое время я получил письмо, в котором говорилось, что, не являясь британским подданным, я не имею права вступить в действующие части, но только в администрацию. Это меня не устраивало.

К тому времени в Англии уже создавал свое движение де Голль, и в 1940 г. я записался к нему добровольцем. Вначале нас тр было всего около двух тысяч человек. Де Голль хотел начать свои

Г.Н. Вырубов – профессор Collège de France

действия с французской заморской территории, и в сентябре 1940 г. мы двинулись в Сенегал, где, как он полагал, нас должны были принять. Однако высадиться нам не удалось, потому что французские войска, верные маршалу-коллаборационисту Петену, встретили нас пушками.

Тогда примерно половина из нас высадилась в Камеруне, а другая половина, в которой был и я, – в Конго. В скором времени меня включили в отряд, который должен был пересечь африканский континент от Атлантического океана до Красного моря в поисках сухопутного пути снабжения Египта. В то время англичане вели снабжение морем, вокруг Африки, что требовало нескольких недель. Это было одним из первых моих заданий, а затем я прошел в войсках де Голля Сирию, Ливию, Тунис, Италию, юг Франции и Эльзас.

И о битве под Сталинградом я узнал, находясь в Ливии в рядах английской армии, в частях генерала де Голля. Большинство русских эмигрантов, проживавших в то время во Франции, ничего не знали об этом, так как пресса и радио были под контролем немецких оккупантов. Лишь некоторым удалось узнать о битве, слушая Би-Би-Си. Среди них были и настроенные антисоветски, но большинство не скрывали своей радости. Я тоже был рад и горд. Чтобы понять, как была воспринята победа под Сталинградом в моей военной среде, следует напомнить, что с начала войны в сентябре 1939 г. большинство общественного мнения в западных странах осуждало советские власти за жестокое нападение на Финляндию и за их неучастие в войне на стороне союзников, считая позорным договор Риббентропа–Молотова и вторжение советских войск в союзную Польшу. Кроме того, после крупных поражений советских войск в 1941 г. и быстрого завоевания Германией громадной территории создалось впечатление, что страна распадается.

Победа под Сталинградом произошла после нескольких важных успехов союзников, через три месяца после того, как был прорван немецкий фронт в Египте в битве при El Alamein в октябре 1942 г., когда наши войска победоносно шли на Тунис, а американцы уже высадились в Марокко и Алжире в ноябре 1942 г. Сталинградское сражение было тогда воспринято как важный вклад в общее дело победы, но не более, только со временем, по ходу войны, когда узнали об огромных потерях, о решительности, мужестве и самоотверженности русских воинов, то Сталинград обрел особое значение, как символ грядущей победы. Успехи советской армии и ущерб, принесенный стране, вызвали среди многих сочувствие к русскому народу.

Правда, советское правительство в послевоенные годы использовало этот кредит симпатии в своих интересах. Для Советского Союза победа стала этапом в борьбе с капиталистическим строем для распространения коммунизма в мире.

Во Франции, вскоре после войны, городские власти Парижа и его окрестностей дали имя Сталинграда бульварам и сохранили это наименование до сих пор.

Теперь больше не отмечают эту знаменательную победу, но память о сражении хранится, пожилые люди помнят о важной русской победе.

(В рассказах о самом себе – заметим мы в скобках – Николай Васильевич чрезвычайно скромен. Поэтому здесь его приходится прервать и коротко рассказать о его незаурядном боевом пути.)

Всю войну Н.В. Вырубов прошел рядовым и унтер-офицером. Был несколько раз ранен и неоднократно награжден: двумя Военными Крестами и, впоследствии, орденом Почетного легиона. Но особое место среди его наград занимает самый редкий и почетный орден Франции – Крест Освобождения, учрежденный генералом де Голлем для лиц, полков и городов, способствовавших освобождению Франции. Всего Крест Освобождения получили немногим более тысячи человек, из которых в настоящее время в живых осталось около двухсот. Кавалеры этого ордена называют себя соратниками и, независимо от своего положения, общаются на равных.

В представлении к награде командующий батальоном писал о Вырубове: «Блестящий унтер-офицер русского происхождения, человек высоких моральных качеств. Добровольцем вошел в 1940 г. во французские Силы Освобождения. Участвовал в Сирийской, Ливийской и Тунисской кампаниях. В городе Понтекорво поднял французский флаг перед лицом противника. Будучи ранен, отказался уйти с поля боя и заявил о желании войти в ударную роту, чтобы ближе подойти к неприятелю. Тяжело ранен при атаке Банни ди Тиволи, в которой участвовал как командир взвода. Прекрасный воин, воплощающий самый высокий дух служения Франции, своей второй Родине».)

Надо сказать, что после перемирия 1940 г. очень мало русских приняло участие в войне в рядах Сопротивления или армии де Голля. Причин этому было несколько.

Маршал Петен, возглавлявший тогда французское правительство, призывал к сотрудничеству с немцами, и французское общество отнюдь не стремилось к активным действиям. В то же время для русских беженцев во Франции Германия не представлялась врагом. Так что большинство, особенно поначалу, ничего не предприняло.

Случалось ли Вам встречать соотечественников на фронте?

Один раз мне выпало воевать вместе с русскими. Это были советские граждане, служившие в частях немецкой армии и сдавшиеся нам в плен под Дижоном. До этого мы понесли большие потери на юге Франции, и в нашей роте не хватало солдат. Наш командир разрешил мне набрать взвод

среди пленных. Я отобрал 30 человек и, переименовав их немецкую форму на нашу, американскую, вел их до самого Эльзаса, откуда был эвакуирован вследствие ранения.

Что с ними стало потом – не знаю. Они сражались доблестно и томились страхом при одной мысли о возвращении на родину.

Нам сравнительно недавно стало известно, как много русских солдат оказалось в плену, а затем на службе у немцев...

Вы знаете, по-моему советская пресса преувеличивает количество русских, участвовавших в войне на стороне немцев – в регулярной ли немецкой армии, или в войсках Власова. В то же время она ударяется и в другую крайность, особенно когда дело касается Сопротивления. Идет ли речь о княгине Оболенской, или о матери Марии, непременно пишут, что в последний момент в лагере, Равенсбрюке или Бухенвальде, эти люди думали о родине. И отсюда выводится идеологическое преувеличение: о родине – значит о Советском Союзе, – значит они за советскую власть. По этой логике Вики Макарову-Оболенскую наградили посмертно советским орденом. Ее муж, священник Николай Оболенский, которого я хорошо знал, отказался от этого ордена. Если бы награда исходила от военных властей, это было бы лестно для любого русского. Однако орден выдавался партийным руководством, придававшим своему решению политическое значение, и принять его было невозможно. Что касается родины. Я в лагере не сидел и в плену не был, но я был несколько раз ранен. Когда ранен, невольно думаешь, что дело кончено. Так вот, скажу по собственному опыту: конечно, о родине думаешь, – но не какая она там, советская или большевистская, не в связи с правительством думаешь, а просто так. Мне в детстве Саломея Николаевна говорила, что родина – это та, которой ты принадлежишь, а не та, которая тебе принадлежит. Значит, если вы принадлежите своей родине и вчера она была монархическая, а сегодня еще какая-нибудь, то это можно любить или не любить, но поделаться с этим ничего нельзя, она остается на всю жизнь. Как мать.

В июне 1941 г. молниеносное продвижение немцев по русским территориям дало эмигрантской общине ощущение конца большевистской власти. Это ощущение изменилось, только когда Красная Армия стала отбрасывать немцев. Русские во Франции стали внимательно следить за успехами Красной Армии, сочувствовать им.

Когда я был еще ребенком, отец много рассказывал мне о поражении русских войск от немцев в 1917 г. и об их участии в утверждении большевистского режима в России. Поэтому я считал немцев врагами, и их вторжение в Россию в 1941 г. воспринял как угрозу самому существованию страны, а не как способ избавиться от коммунистического строя. Поэтому я почувствовал необходимость придать своему участию в войне и русский

смысл. Когда мы закончили Сирийский поход, я подал командованию рапорт с просьбой отправить меня воевать в Россию. Осуществить это оказалось невозможным, но шаг с моей стороны был сделан. Чем могло для меня это обернуться, я понял несколько позже.

Выйдя из госпиталя в Тунисе, я решил заехать по дороге в Алжир. В Алжире зашел в советское консульство. В консульстве сидел некто Богомолов, известный человек. Я представился, что я русский, солдат. Рассказал в себе. О своей службе. К моему изумлению, она их совершенно не интересовала. «Это Вы французам служите, а Вы нам послужите», – звучало примерно так. И сразу предложили «поработать». Таким словом тогда называлось сотрудничество с органами. Я ушел.

Что происходило в эмигрантской Франции после войны?

Сразу после войны советское посольство во Франции начало поощрять русских эмигрантов к возвращению на родину, – и это в то время, когда государство карало собственных граждан, возвращавшихся из плена. Всех без разбора приглашали в посольство, – и митрополита старого, Евлогия разыскивали, и Маклакова, который считался главой русской общины, и многих других зазывали, спекулируя на воодушевлении и душевном подъеме в среде эмиграции вследствие победы русского оружия. Особенно уговаривали участников Сопротивления. Были созданы организации под названием «Русский патриот», которые очень скоро превратились в «Советского патриота». Многие мои знакомые наивно поддались пропаганде и взяли паспорта. Таких, я думаю, было несколько тысяч. Но разрешили въехать в Советский Союз только несколькими сотнями. Сразу стало ясно, что заманивали только для пропаганды. Это было после амнистии 1946 г. Многим из оставшихся, поскольку они считались уже советскими гражданами, пришлось бросить работу, люди просто пропадали.

Но уехавшим было еще хуже. Кто сгинул в лагерях, кто бедствовал, во всяком случае все подверглись преследованиям. Это было подло, заманивать людей в

Н.В.Вырубов с однополчанами в Ливии в 1942 г. перед битвой при Эль-Аламейне

страну, зная, что они там никому не нужны, да и не приспособлены к советской жизни.

И действительно, даже если мы не враждебно настроены, мы для советского строя не подходим – из-за воспитания, из-за того, что мы видели, что знаем. Ведь тех, кто вернулся в Советский Союз, не приняли не только власти, не приняло и население. Об этом все сказано в книге Нины Кривошеиной, которую я хорошо знал, «Четыре трети нашей жизни». Есть такая притча о том, как люди поймали львенка и воспитали его. А он все порывался сбежать от них и однажды ушел. Так вот львы его обратно не приняли. Так что в советских людях в этом смысле срабатывал животный инстинкт на чужого.

В чем же здесь, по-Вашему, дело?

Есть одно понятие, которое отличает западного жителя от советского – *civilisé*. Этого слова нет в русском языке. Оно не значит «образованный» и совсем не значит «цивилизованный», и уже тем более ужасное советское слово «культурный» не подходит. *Civilisé* – это внимание к ближнему, сдержанность в манерах, допущение противоположной точки зрения и, главное, признание достоинства другого, а значит, и наличие собственного.

В этом различие между человеком, прожившим свою жизнь здесь и в Советском Союзе.

Советские власти не только заманивали людей, но и использовали по отношению к русским беженцам гораздо более жестокие меры. Моя сестра, выйдя замуж за русского, Д. Лобанова-Ростовского, жила в Болгарии, где ее муж работал на итальянском предприятии. После войны, когда к власти там пришло коммунистическое правительство, по закону об амнистии 1946 г. им стали предлагать принять местное подданство. Они отказались, муж сестры лишился работы, был арестован и вскоре пропал без вести, а она с одиннадцатилетним сыном Никитой оказалась в тюрьме. Я в то время работал в ООН переводчиком. Буквально через несколько дней после ареста сестры ко мне подошел член советской делегации и предложил «работать» на них, обещая, что сестре будет лучше, и угрожая ухудшением ее положения в случае отказа. Он подходил так несколько раз. Тогда я записался на прием в Министерство иностранных дел Франции и, благодаря моему особому ордену, добился выдачи фиктивных французских паспортов для сестры и племянника, после чего они были вывезены из Болгарии как французские граждане.

А теперь подумайте сами, какие сведения я, простой переводчик, мог бы им сообщить, согласившись сотрудничать? Нет, не ради сведений они просили меня служить им, а ради того, чтобы втоптать в грязь, испачкать, обесчестить еще одного человека.

Уже в 1965 г., когда я в первый раз оказался в России, приехав в составе делегации французского министра Палевского, на приеме во французском посольстве ко мне подошел высокопоставленный советский чиновник Г.М. Гвишиани, женатый на дочери Косыгина, и «доверительно» сообщил: «Я Ваше дело обсудил, где следует, и могу предложить Вам отличную работу, если Вы согласитесь остаться здесь и стать советским гражданином». В таких случаях нужно действовать очень быстро и решительно. Я подвел к нему Палевского и сказал: «Господин министр, мне предлагают здесь отличную службу, если я останусь. А что Вы мне предложите, если я вернусь?». Я

думал, что он оценит мой юмор и ответит что-то вроде «сделаю Вас министром». Но Палевский ответил: «Я Ваш министр, Вырубов, и приказываю Вам вернуться». Так я вышел из положения. А ведь все это было проделано исключительно ради того, чтобы в случае успеха написать в газетах, как остался член французской делегации, «белый» эмигрант. Какую работу они могли предложить человеку в моем возрасте и без особой специальности? Они не думали о человеке, им всегда нужно было человека обесчестить.

О том, что в глазах советской власти человек ничего не значил, говорит и тот факт, что в то время, как нас затягивали в Советский Союз, миллионы советских людей сидели в лагерях. Всем известно, что советский человек не имел права быть военнопленным.

Сталин отказался признать Красный Крест и этим обрек советских военнопленных на голодную смерть в лагерях. Это, спасаясь от голодной смерти, они вступали в ряды немецкой армии.

Для постройки укреплений по Атлантическому побережью, так называемого Атлантического вала, немцы привезли во Францию множество советских пленных. Как Вы понимаете, обращались с ними плохо. Многие бежали, вступали в ряды Сопротивления, где держали себя доблестно. Они понимали, что ждет их дома, и не хотели возвращаться в Россию. Однако по ужасному договору, подписанному де Голлем с Молотовым в 1944 г., их всех отправляли обратно, и эти достойные, через многое прошедшие люди погибли в лагерях.

То же самое я наблюдал, когда уже после войны ездил с советскими репатриационными комиссиями в качестве представителя ООН. Многие советские люди, увезенные немцами, боялись возвращаться и предпочитали

*Орден Почетного легиона
и Орден Креста – боевые
награды Н.В. Вырубова*

Фотография генерала Ш. де Голля
с дарственной надписью Н.В.Вырубову,
1946 г.

ехать в Америку или Канаду. Их настойчиво уговаривали ехать домой, а уговорив, бросали потом на родине в тюрьмы.

Как складывалась Ваша жизнь после войны?

Я работал в ООН, сначала как переводчик, а затем чиновником по социальным вопросам. Занимался беженцами и репатриантами. В 1947 г. я находился в Корее, а с 1948 по 1950 гг. – в английской зоне в Германии, где работал с советскими беженцами. Затем я снова вернулся в Корею и пробыл там всю Корейскую войну. В моем ведении находилась одна провинция на юге от Сеула, где я должен был заниматься распределением американского снабжения, дорогами, госпиталями, строениями – всем. Там я

прослужил около трех лет. Затем, в качестве представителя Верховного комиссариата по беженцам я жил в разных странах. Сам верховный комиссар находился в Женеве, а его представители должны были жить или в тех странах, где находились беженцы, или в государствах, у которых нужно было просить помощи. Я работал в Германии, Австрии, Англии и других странах.

Только когда в 1958 г. де Голль вновь пришел к власти, я решил вернуться во Францию. Я вошел в личный штаб де Голля – не политическую партию, а координационный штаб, который занимался подготовкой референдума по вопросам Алжира, выборов и прочего. По окончании войны в Алжире я стал заниматься вопросами приема возвращенцев (около миллиона человек) и закончил свою деятельность помощником министра по вопросам возвращенцев из Северной Африки.

Выйдя в отставку, после смерти отца я вступил в правление Земгора и сделался его председателем. Земгор – самая большая русская организация во Франции. Сфера его деятельности по-прежнему широка. Сейчас он имеет свой старческий дом, занимается благотворительностью. Часть денег идет на помощь Тургеневской библиотеке, часть – на поддержание дома в Монжероне для граждан из России, которые стараются остаться во Франции. Каждую неделю Земгор принимает русских, помогая им разрешить различные проблемы, в том числе и материальные.

Русский старческий дом комитета Земгор находится в недалеком парижском пригороде Кормей-ан-Парижи, в уголке, сохранившем еще свой деревенский облик. Он расположен на высоком месте, в большом старинном парке с прекрасным видом на Сент-Жерменский лес. Французская администрация чутко относится к русским традициям пансионеров: здесь отмечаются все русские праздники, на территории парка есть церковь, освященная по русскому обряду. Старческий дом обладает богатой русской библиотекой, в которой находится много редких эмигрантских изданий, выходивших ничтожно малыми тиражами, много книг с автографами и дарственными надписями знаменитых русских писателей и философов начала века.

Хотя в 1990 г. я передал правление Земгора своему племяннику Ю.А.Трубникову, я тем не менее продолжаю бывать в Кормее, и стараюсь, по мере возможностей, заниматься его нуждами.

Николай Васильевич, хотя Вы нечасто бываете в России, связи Ваши с родиной обширны и дружественны. Так, Вами были переданы в Фонд культуры многие документы, касающиеся деятельности Земгора и связанных с ним русских общественных деятелей, а также бумаги, имеющие отношение к Временному правительству, в том числе письма, записки отца, князя Львова, Керенского, Маклакова. Многие вещи были Вами переданы в Тургеневский музей в Орле, в том числе редкое издание Пушкина, принадлежавшее Вашему прадеду, Н.В. Вырубову.

Вы передали в Россию 400 томов русских зарубежных изданий, часть из них войдет в коллекцию библиотеки русской зарубежной книги. Прошлым летом Гатчинскому музею Вами были переданы 64 гравюры, а также семейные портреты потомков великого князя Константина Павловича. Как связаны эти портреты с Вашей семьей?

У меня нет художественной коллекции в прямом смысле этого слова. Некоторые вещи в свое время перешли по наследству, другие, правда, были приобретены в

Н.В.Вырубов в форме французского унтер-офицера. Париж, 1945 г.

разное время, но без определенной системы. Портреты же были привезены в Париж в конце прошлого столетия двоюродным братом моего отца князем Павлом Дмитриевичем Львовым. Он постоянно проживал в Париже и лишь во время Первой мировой войны вернулся в Россию, где был арестован сразу после революции и расстрелян. Мой отец, приехав в Париж, поселился в его квартире, где находились и эти портреты. Среди них – два портрета великого князя Константина Павловича, портрет его гражданской жены, француженки Жозефины Фредерихс с сыном Павлом. По имени крестного отца, императора Александра I, младенцу была дана фамилия Александров. Герб Александровых представлял половину императорского двуглавого орла. На остальных портретах изображены: П.К. Александров в генеральской форме, его жена, урожденная княжна Анна Александровна Щербатова, их дочь, Александра Павловна Александрова и ее сын, Павел Дмитриевич Львов. Александровы породнились со Львовыми, и, таким образом, портреты являются нашими семейными портретами. Они предназначены именно Гатчинскому музею, поскольку семья Львовых, как и великий князь Константин Павлович, проживали в Гатчине. После церемонии дарения, состоявшейся в Фонде культуры, в российской прессе появилось несколько заметок, в которых указывалось, что портреты «возвращены» на родину, в музей, где они «по праву» должны находиться. Хочу заметить, что я не возвращал портреты, так как в Гатчине они никогда не были, и тем более не понятно выражение «по праву». Это был добровольный дар.

Скажу кстати, что я и моя жена Сабина, чутко относящаяся к моей русскости, могли бы принять участие в помощи одному из шедевров архитектуры Петербурга – церкви Св. Екатерины на Невском проспекте. Один из предков жены, генерал Моро, будучи советником Александра I, погиб в Дрезденской битве и похоронен в этой церкви. Нас волнует проблема поддержания и реставрации храма. Однако пока мы не встретили отклика со стороны местных властей.

Вы внимательно следите за событиями, происходящими в России и хорошо знаете обстановку в стране. Почему Вы нечасто бываете на Родине – даже на церемонии вручения картин Вас не было?

Я, как и прежде, буду рад бывать в России, видеть родные места. Мне всегда приятно беседовать с ее доброжелательными людьми. Но меня отнюдь не привлекают часто организуемые теперь съезды соотечественников и другие подобные празднества, которым придают чрезмерное значение. Меня гораздо больше волнует будущее страны, ее экономическое, социальное и нравственное развитие, чем постоянное обращение к той старине, с которой связывают мою категорию эмигрантов. Мне кажется

ся, что сейчас в России слишком восхваляют прошлое, носятся со старыми символами и недостаточно думают о том, каким путем страна придет к материальному и моральному восстановлению. Возможно, что в процессе переоценки идеологических учений, столько лет владевших умами, и в поисках новых духовных стремлений властям приходится восхвалять бывший мир и его символы, чтобы отвлечь людей от ежедневных невзгод. Но ведь уже до революции старый мир рушился и его символы были под вопросом. Россия, как и теперь, стремилась обрести либеральный строй. Однобокая ориентация на старину создает опасное явление – рост национализма, стремление отгородиться от всего окружающего как чужого. Я же с нетерпением жду появления стремления воспринять совместно с экономическими реформами достижения западной культуры (и особенно французской, универсальной культуры), – такие, как понятия права, этики и гуманизма. Надеюсь, что новые силы возьмутся за это великое дело.

Ирина ТИШИНА Русский герой Франции

В 2008 г., находясь на приеме в парижском Соборе инвалидов, кавалер Креста Освобождения, командор ордена Почетного легиона Николай Вырубов, полушутя-полусерьезно, обратился к французскому генералу: «Скоро вам придется хоронить меня здесь. Но как же я, русский, буду лежать под русскими флагами, которые были взяты французами в плен?». Находчивый генерал ответил: «Через три месяца мы повезем флаги на реставрацию, – постарайтесь „уложиться“ за этот период». Немногим позже Николая Васильевича Вырубова, героя Второй мировой войны, потомственного русско-го дворянина, мецената, историка, общественного деятеля, не стало...

«С прошлым мы смирились и доживаем свой век с чистой совестью по отношению к России, волнуясь о ее судьбе. Нам ни от чего отрекаться не нужно, нечего отбрасывать, заблуждения нас не терзают, и жизнь нас не обманула», – писал Николай Васильевич незадолго до своей кончины. Последние десятилетия жизни он имел возможность публиковать свои статьи о России и о ее взаимоотношениях с Западом в российской прессе, с интересом встречался с российской интеллигенцией, рассуждал о будущем страны. Современники Вырубова вспоминали, что еще в молодости Николай Васильевич, «как все русские», был весьма эксцентричен и имел «большие идеи в голове о реформах». После блестящего окончания Оксфорда его ждала карьера интеллектуала и эрудита, если бы не Вторая

мировая война. Вообще вся жизнь русского дворянина Николая Вырубова могла сложиться совершенно иначе, если бы не эти многочисленные «если бы»...

Николай Васильевич родился в Орле в 1915 г. Его дедушка, Николай Павлович Галахов, был действительным статским советником, вице-губернатором Орла, губернатором Витебска и камергером. Бабушка – Ольга Васильевна Галахова, урожденная Шеншина, была племянницей А.А. Фета со стороны отца (а после смерти родителей и его воспитанницей) и племянницей И.С. Тургенева со стороны матери. После смерти Тургенева ей удалось по суду выкупить Спасское-Лутовиново у Полины Виардо, которой завещал свое имение сам Иван Сергеевич. Ольга Васильевна намеревалась сохранить тургеневские вещи и рукописи в «русских руках» и до 1917 г. вела переговоры о передаче наследия писателя с Пушкинским домом в Санкт-Петербурге.

Николай воспитывался в уникальной атмосфере родственной и духовной близости с титанами русской литературы, в удивительных орловских местах, где, как писал Тургенев, «воздух как будто полон мысли...» Да и сам город Орел был в то время третьей литературной столицей России. Собеседники Николая Васильевича вспоминали: уже будучи пожилым человеком, он очень жалел о том, что в детстве мало расспрашивал бабушку о ее литературных знакомых.

В.В. Вырубов, ок. 1924 г.

Когда начались революционные события 1917 г., отец Николая, Василий Васильевич Вырубов, занимавший в первом составе Временного правительства пост товарища министра внутренних дел, был вызван в Сибирь скрывавшимся там князем Г.Е. Львовым (князь Г.Е. Львов, глава Временного правительства, был родственником В.В. Вырубова). По поручению Колчака В.В. Вырубов и князь Г.Е. Львов отправились в Вашингтон просить у президента США Вильсона помощи контрреволюционному движению. Не добившись успеха в Америке, они поехали в Лондон к британскому премьер-министру Ллойд-Джорджу, и, наконец, в конце 1918 г. – в Париж к премьер-министру

Франции Клемансо. Узнав о расстреле Колчака, в Россию они не вернулись, остались в Париже и восстановили Российский земско-городской комитет (Земгор) – организацию для помощи прибывающим беженцам из России. Своих детей Василий Вырубов увидел только в 1924 г.

За эти шесть лет семья Галаховых–Вырубовых испытала на себе все ужасы кровавых революционных годин. Сначала указом жены Троцкого семью с тремя малолетними детьми выселили из их орловского дома, в котором отныне предстояло быть музею И.С. Тургенева. Из фетовского Клейменова их тоже выгнали, после чего мать Николая поселилась с детьми в селе Сергиевском, недалеко от Спасского, а бабушка с дедушкой отправились в Петроград, где им разрешили поселиться на чердаке собственного дома. Живя в Сергиевском, мать Николая называла себя Галаховой, ибо громкая фамилия Вырубовых напоминала революционно настроенным массам имя фрейлины Анны Вырубовой и Василия Вырубова – члена Временного правительства. Тем не менее, мать арестовали, и она скоропостижно скончалась от тифа. После смерти матери детей отвезли к бабушке – на петроградский чердак, «где было так весело жить и ходить под няинны крики», – вспоминал потом Николай Васильевич. Дети ходили в советскую школу, вместе со всеми испытывали холод и голод, «подворовывали на вокзале» и с детской непосредственностью принимали новые условия существования. Когда умер Ленин, Николай написал сочинение, за которое был поощрен: как представитель своей школы он присутствовал на похоронах вождя. Легко представить, что стало бы с отпрысками именитого вырубовского рода, если бы немецкая родственница, жена Александра Николаевича Галахова, не выкупила их у РСФСР за сто тысяч немецких марок, – молодое Советское государство нуждалось в твердой валюте. Пройдет несколько лет, и уже Николай Васильевич вместе с отцом сделает все возможное, чтобы выволить из болгарской тюрьмы семью его сестры – Ирины Васильевны. Благодаря военным заслугам Николая Вырубова Министерство иностранных дел Франции удовлетворило его просьбу о выдаче французского паспорта сестре.

Каковы же военные заслуги русского эмигранта, перед которыми не устояло отнюдь не сентиментальное ведомство Франции? В составе добровольческого отряда генерала де Голля Николай Вырубов прошел Сирию, Ливию, Тунис, Италию, юг Франции и Эльзас. За мужество награжден двумя Военными крестами, орденом Почетного легиона и высшей военной наградой Франции – Крестом Освобождения, которого удостоены всего не более тысячи человек.

В армию де Голля Николай Вырубов вступил в 1940 г., откликнувшись на призыв генерала к сопротивлению. Предыдущие попытки оказаться

в армии и сражаться против Германии не увенчались успехом – у Вырубова не было подданства. Он начал свой боевой путь рядовым солдатом, продолжил унтер-офицером и закончил адъютантом. В память о тяжелом ранении на территории Италии в сердце Николая Васильевича навсегда осталась немецкая пуля, которую военные хирурги решили «не беспокоить». Через две недели русский герой был уже в строю. Получив второе ранение и едва подлечившись в госпитале, Николай снова сбежал на передовую.

Вопрос, на чьей стороне воевать «за Россию», для русских эмигрантов был отнюдь не очевидным. Как вспоминал сам Николай Васильевич, у подавляющего большинства эмигрантов ненависти к немцам не было. Нацисты умело использовали антисоветские настроения в эмиграции, пытаясь вовлечь ее в антибольшевистский «крестовый поход». У Вырубовых, которые считали, что в событиях 1917 года виновата Германия, не было сомнений: русский человек должен воевать против. Николай Васильевич объяснял свое стремление взять винтовку нравственным долгом, независимо от идеологических убеждений. Его племянник Юрий Трубников вспоминал малоизвестный факт из жизни дяди: из армии де Голля Николай Васильевич подавал прошение об участии в военных действиях в составе советских войск. Его просьба была отклонена французским командованием: дескать, не важно, где воевать против общего врага.

Весь послевоенный период жизни Николая Васильевича был так или иначе связан с Россией и русскими: он участвовал в Нюрнбергском процессе, был переводчиком, а затем и социальным работником ООН. После смерти отца заменил его на посту председателя Земгора, помогал устанавливать памятник русским участникам Французского Сопротивления на кладбище Пер-Лашез. Ощущая ответственность за тургеневское и фетовское наследие, он всячески поддерживал Дом-музей Тургенева в Буживале и принимал опосредованное участие в восстановлении храма над могилой

Фета в Клейменове. За последние десятилетия бесценные дары из семейных архивов Вырубовых–Львовых получили от Николая Васильевича краеведческий музей Пензы (Вырубовы были пензенскими помещиками), Орловский литературный музей им. И.С. Тургенева, Музей А.С. Пушкина в Москве, Государственный музей-дворец «Павловск», Константиновский дворец – морская резиденция президента РФ в Санкт-Петербурге. Фонд культуры под руководством Д.С. Лихачева в свое время получил от Николая Васильевича письма В.В. Вырубова, князя Львова, Керенского, Маклакова и других деятелей Временного правительства, материалы о Земгоре и его активистах. По инициативе Николая Вырубова, поддержанной его племянниками князем Никитой Лобановым-Ростовским и Юрием

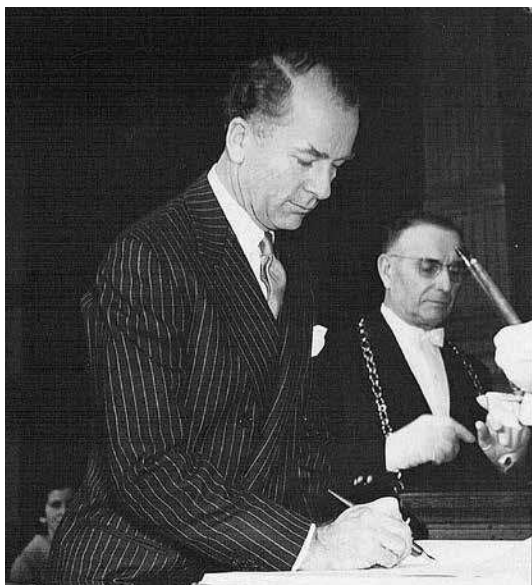
Трубниковым, в Резиденцию российского посла в Париже вернулись портреты Петра Великого, Александра II, Александра III и Екатерины Великой.

Вместе с супругой Сабин де Ноай много времени и сил Николай Васильевич посвятил поддержке католического храма св. Екатерины в Санкт-Петербурге, где в 1813 г. был похоронен предок Сабин, знаменитый французский полководец, противник Наполеона генерал Жан-Виктор Моро.

Николай Васильевич женился на Сабин в возрасте 38 лет и более чем полвека

прожил с ней в счастливом браке. Однако в молодости ему довелось пережить два бурных романа, оставивших глубокий след в его жизни. Полный внутреннего достоинства, всегда изысканно элегантный, с военной выправкой, Николай Васильевич производил впечатление на собеседника сразу и навсегда. Женщины, знавшие Николая Вырубова в пору его молодости, по прошествии десятков лет с неизменным восхищением вспоминали благородного русского, который вел себя с дамами, «как настоящий Романов». Он собирался жениться на приме-балерине Ковент-Гардена Маргарет Фонтейн, но их браку не позволил состояться В.В. Вырубов. Николай Васильевич не оставил воспоминаний об этой любви, однако фотография Маргарет висела на стене его кабинета многие годы. По понятным причинам он опускал подробности своих отношений и с дочерью первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру Индирой. Молодые люди хотели пожениться, но отец снова не одобрил выбор сына. Наконец, судьба подарила ему Сабин, ставшую другом и помощником. С радушием она принимала его родственников и российских гостей, тактично удаляясь, когда разгоряченные дискуссией русские в очередной раз «перестраивали Россию».

Пережив страшный и кровавый XX век на девять лет, став свидетелем и наблюдателем становления и разрушения советского строя (кстати, Николай Васильевич резко отрицательно отзывался о развале Советского

Н.В. Вырубов подписывает книгу для новобранцев, 1953 г.

Союза и считал, что раскол страны в очередной раз обессилил Россию), Вырубов с горечью писал: «Знаете, за что я невзлюбил большевиков? Нет, не из-за политических или идеологических разногласий, а потому, что мне пришлось жить здесь, а не на моей родине. Если бы мой отец мог спокойно жить и работать в Советской России, не бояться за себя и своих близких, ходить на службу, получать зарплату, то он остался бы в Советском Союзе...». Полное боли «не надо было нас прогонять» пронизывает и последние статьи Николая Васильевича, где та же вечная парадигма: Восток и Запад, этика и политика, особый русский путь в европейской цивилизации...

Франция, как и полагалось герою, прощалась с Николаем Васильевичем Вырубовым по высшему стандарту – в Соборе инвалидов, но по православному обряду, который совершил духовник Земгора отец Евгений. Похоронен он среди русских могил на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа...

29 июля 2016 г. в орловском доме Галаховых вновь открыт для посетителей обновленный музей писателей-орловцев. Просмотр экспозиции музея начинается с комнаты, целиком посвященной семье Галаховых. Семейные фото, большой портрет Киры Галаховой – тети Николая Васильевича, старинное зеркало, чудом пережившее революционные годы и эвакуацию в Пензу, – расскажут экскурсантам о людях, которые помогли России сохранить тургеневское наследие, но сами волею судеб стали частью Великого Русского Рассеяния...

Михаил КОВАЛЕВ

«Добровольное участие в войне стало частью моей ЖИЗНИ...»

*Жизнь и судьба Николая Васильевича Вырубова,
русского героя Франции¹*

Вблизи Парижа, на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, рядом с церковью Успения Божьей Матери есть большая просторная могила. Под серыми тяжелыми гранитными плитами покоятся в ней представители нескольких прославленных фамилий – Волконские, Долгоруковы, Львовы, Вырубовы... Они принадлежали к разным поколениям, но были связаны между собой тесными родственными узами. Они были рождены в

¹ Статья написана за счет средств Российского научного фонда в рамках проекта «Ин-дивид, этнос, религия в процессе межкультурного взаимодействия: российский и мировой опыт формирования общегражданской идентичности» (№ 15–18–00135). Автор выражает благодарность профессору В.В. Белякову за ценные советы в процессе подготовки статьи.

России, но по воле рока свой последний приют нашли на чужбине. Среди имен, высеченных латиницей на мраморной надгробной доске, читаем: «Nicolas Wyruboff. 1915–2009. Compagnon de la Libération». Во Франции оно хорошо известно и давно вписано золотыми буквами в историю антинацистского сопротивления во время Второй мировой войны. В России же до недавнего времени о нем знали и говорили преимущественно в кругу специалистов по русской эмиграции. Лишь в 2015 г., когда герою нашего очерка исполнилось бы сто лет, о нем было подготовлено несколько памятных статей, передач, телерепортажей². В Москве в Доме русского зарубежья имени А.И. Солженицына в его честь была организована специальная выставка, вызвавшая оживленный интерес у публики, и собравшая множество восторженных откликов. Так имя Николая Васильевича Вырубова в полной мере начало возвращаться на Родину.

Кем он был? Чем заслужил внимание потомков? Он, русский эмигрант, до 30 лет не имевший гражданства? В годы Второй мировой войны, накрепко вошедшей в его жизнь и судьбу, он не командовал ни полком, ни дивизией, не был организатором подпольной группы или партизанского отряда. Вернувшись в мирную жизнь, он не занимал высоких постов, не стремился к головокружительной карьере, пропускал вперед других. Он не был публичной фигурой, не любил говорить о себе и всю жизнь сторонился вполне заслуженной им славы. Тем не менее, во Франции, с которой оказалась связана практически вся его жизнь, Н.В. Вырубов был возведен в число героев.

Известно, что в Советском Союзе о русской послереволюционной эмиграции говорить было не принято, а если уж и упоминали о ней, то почти всегда в обличительном ключе. И все-таки в начале 1960-х годов наметился некоторый, пусть и весьма ограниченный, прорыв. В СССР были опубликованы воспоминания некоторых эмигрантов (Б.Н. Александровский, Г.Н. Бенуа, Д.И. Мейснер), прошедшие, разумеется, через жернова цензуры, готовился к печати девятитомник избранных произведений И.А. Бунина и серия пластинок «Искусство Шаяпина». Впервые начали говорить и о русских, участвовавших в годы войны в европейском Сопротивлении. Именно тогда в советской печати промелькнуло имя Н.В. Вырубова, оставшееся в ту пору, увы, малозамеченным. Одним из первых упомянул о нем в своих неоднозначных и противоречивых мемуарах Л.Д. Любимов,

² Довыденко Л.В. Русский герой Франции. К 100-летию Н.В. Вырубова // Берега. Калининград, 2015, № 5 (11). С. 93–98; Леонидов В.В. Русский герой Франции Николай Васильевич Вырубов (1915–2009) // Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: Международная научная конференция. Москва, 14–15 мая 2015 г. М., 2015. С. 91–97; В Доме русского зарубежья проходит выставка «Русский герой Франции» // http://tvkultura.ru/article/show/article_id/137543/; В Москве открылась выставка к 100-летию мецената Николая Вырубова // <http://www.vesti.ru/videos/show/vid/651051/cid/58/#>, и др.

³ Можно вспомнить, например, небольшие очерки Риты Корн (Риты Эммануиловны Корнблум) в популярном журнале «Огонек» в начале 1960-х годов: Корн Р. Русские сердца // Огонек, 1964, № 34. С. 6–7.

назвавший «молодого русского парижанина Вырубова» в числе первых добровольцев Шарля де Голля. Хотя он не преминул при этом добавить, что Н.В. Вырубов приходится племянником той самой «пресловутой» фрейлине, приведшей к царскому двору Григория Распутина⁴. Это была полуправда, которую, однако, впоследствии тиражировали почти все авторы⁵. Анна Вырубова (1884–1964), урожденная Танеева, не была кровной теткой нашего героя. Она, действительно, некоторое время являлась женой его родного дяди, морского офицера Александра Васильевича Вырубова (1880–1919). Но брак их оказался несчастливым и недолгим. Сам Н.В. Вырубов на протяжении всей жизни решительно протестовал, когда его имя ставили рядом с именем знаменитой придворной дамы. Он относился к ней снисходительно, но неизменно заявлял, что «на роду Вырубовых черных пятен нет»⁶. К слову, и в советской, и в постсоветской литературе Н.В. Вырубова нередко называли «князем»⁷, хотя титулом этим он никогда не обладал.

Н.В. Вырубов родился 7 февраля 1915 г. в Орле в старинной дворянской семье, давшей России и миру немало ярких и незаурядных личностей. По материнской линии он приходился родственником сразу двум великим русским литераторам – А.А. Фету и И.С. Тургеневу. Его отец, Василий Васильевич Вырубов (1879–1963), был убежденным либералом и оппозиционером. Военную карьеру он предпочел общественной работе, став видным земским деятелем в родной Пензенской губернии. В годы Первой мировой войны В.В. Вырубов принял активное участие в работе Главного по снабжению армии комитета Всероссийских земского и городского союзов (Земгора), сначала в Пензе, затем в Варшаве. Зарекомендовав себя прекрасным организатором, он стал председателем Комитета Земгора Западного фронта⁸. После Февральской революции В.В. Вырубов занял пост товарища министра внутренних дел Временного правительства, которое возглавил его дядя князь Г.Е. Львов. Правда пробыл он в этой должности недолго. В начале октября 1917 г. В.В. Вырубов был назначен помощником по гражданским делам при начальнике Штаба Верховного главнокомандующего. Он находился при Ставке, когда в ноябре 1917 г. пришедшие накануне к власти большевики приказали Верховному главнокомандующему

⁴ Любимов Л.Д. На чужбине. М., 1963. С. 336.

⁵ Карпенко С.В. Между Россией и Сталиным: Российская эмиграция и Вторая мировая война. М.: РГГУ, 2004. С. 154; Афанасьев А.Л. Полюнь в чужих краях. М., 1987. С. 141.

⁶ «В Вашем письме от 24/4 Вы утверждаете...» // Личный архив М.В. Ковалева. В самом начале общения автора этих строк с Н.В. Вырубовым, тот подчеркнул, что писать о связи своего дяди и царской фрейлины он не собирается, и считает это неуместным (Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 16 марта 2006 г. // Личный архив М.В. Ковалева).

⁷ Урицкая Л.Р. Они любили свою страну... Судьбы русской эмиграции во Франции с 1933 по 1948 г. СПб., 2010. С. 141.

⁸ Краткий обзор деятельности Всероссийского Земского союза на Западном фронте. 1915–1917 гг. М., 1918. С. 177.

генералу Н.Н. Духонину приступить к мирным переговорам с немцами. Именно В.В. Вырубов связался тогда с Совнаркомом и передал отказ генерала. Н.Н. Духонин, как известно, был за это смещен со своего поста, заменен прапорщиком Н.В. Крыленко, а вскоре растерзан в Могилеве толпой революционных матросов. В.В. Вырубову чудом удалось скрыться и тайно перебраться в Москву. Князь Г.Е. Львов находился в тот момент в Омске, ставшим одним из главных центров антибольшевистской борьбы. Туда летом 1918 г. он пригласил своего племянника. Вскоре Временное Сибирское правительство пошлет их обоих в США к президенту Вудро Вильсону для переговоров о помощи. Успеха за океаном они не добьются и потому направятся в Европу – сначала в Лондон, а затем в Париж⁹.

Во французской столице В.В. Вырубов очутился в конце 1918 г. Он занял должность управляющего делами Русского политического совещания, созданного при участии князя Г.Е. Львова для международного представительства интересов антибольшевистских сил. В.В. Вырубов взял на себя обязанности генерального секретаря русской делегации на Версальской мирной конференции в Париже. Правда вскоре и ему, и другим русским станет понятно, что недавние союзники по Антанте не намерены считаться с ними. Он сосредоточился на общественной работе, войдя в руководство восстановленного в Париже Земгора¹⁰.

В.В. Вырубов уехал из России один, вынужденно оставив своих близких на Родине. Его супруга, Ольга Николаевна, урожденная Галахова, вместе со своей родной сестрой Кирой и родителями, а также тремя детьми – Николаем, Василием и Ириной – жила в доме близ Спасского-Лутовинова. В 1918 г. большевистские власти выставили всех их оттуда. Семья переехала в семейное имение Клейменово, но вскоре отобрали и его. Тогда О.Н. Вырובה перевезла детей в село Сергеевское, где они поселились в простой крестьянской избе. Сама она поступила учительницей в сельскую школу. Ее родители и сестра уехали к родственникам в Петроград. В 1921 г. О.Н. Вырובה была арестована и заключена в тюрьму. Там она заразилась сыпным тифом и быстро от него угасла, найдя последний приют на тихом кладбище села Сергеевское Мценского уезда¹¹. Некоторое время маленький Николай, его брат и сестра жили с няней, пока из Петрограда не приехала тетя, Кира Николаевна, и не забрала их. Чтобы избежать преследований со стороны властей, детям сменили фамилию, теперь их именовали Галаховыми. Н.В. Вырубов рассказывал, что лишь оказавшись за границей, он

⁹ Лобанов-Ростовский Н.Д. В.В. Вырубов. «Смерти нет» // Новый журнал., 2009. Кн. 255. С. 162–163; он же. Эпоха. Судьба. Коллекция. М.: Русский путь, 2010. С. 391.

¹⁰ Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920–1939 годы). М., 2014. С. 289.

¹¹ См.: Чернов Н.М. Мансуровы и Галаховы – наследники Спасского-Лутовинова // Спасский вестник. Орел, 2002. Вып. 9. С. 121–132.

узнал о своем истинном происхождении и настоящей фамилии¹². В Петрограде Вырубовы поселились на чердаке дома на Моховой улице, недалеко от цирка Чинизелли. Семья жила крайне бедно, так как лишь К.Н. Галахова смогла найти хоть какую-то работу – писать этикетки в Эрмитаже. Им приходилось питаться в благотворительных столовых, организованных Американской администрацией помощи (American Relief Administration). Н.В. Вырубов вспоминал, как он вместе с другими детьми был вынужден воровать доски, используемые в качестве топлива¹³.

Вырубовы–Галаховы смогли получить разрешение на выезд за границу только в 1924 г. На помощь им пришла Маргарете Рейсвиц, дальняя родственница из Германии. Она была замужем за Александром Николаевичем Галаховым, в первом браке женатым на сестре В.В. Вырубова. Чтобы вывезти за границу российских родственников, ей потребовалась уплатить в советском консульстве в Берлине пошлину за приглашение в размере 100 000 марок. Весьма немаленькая сумма! По официальным распискам деньги были перечислены в фонд Красного Креста. В реальности же это был своего рода выкуп за право выехать из Советской России¹⁴.

В мае 1924 г. Вырубовы направились в Германию. «Дядя Саша» и «тетя Грета» пригласили их в свой дом в Висбадене, где окружили теплотой, заботой и вниманием. Там они прожили несколько месяцев, пока из Франции не приехал В.В. Вырубов и не увез их с собой¹⁵.

Детство и юность Н.В. Вырубова прошли в русском Париже. К несчастью, из Советской России он привез костный туберкулез, а потому первые годы был вынужден узнавать город, перемещаясь от клиники к клинике¹⁶. Как отметил знавший его В.П. Енишерлов, огромное значение в воспитании и становлении личности молодого человека принадлежало Саломее Николаевне Андрониковой-Гальперн (1888–1982)¹⁷. Она была одной из ярчайших фигур в культурной жизни предреволюционного Петербурга, хозяйкой литературного салона, собиравшего множество знаменитых поэтов. Это ей безответно влюбленный О.Э. Мандельштам писал: «Я научился вам, блаженные слова: Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита»¹⁸. Это о ней, «красавице тринадцатого года», о ее «прозрачном профиле» и «дарьяльских глазах» вспоминала А.А. Ахматова в горькую пору своей

¹² Белкова Г. Русская фамилия Вырубовы // Наше наследие, 1993, № 28. С. 104.

¹³ Там же. С. 105.

¹⁴ См.: Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция... С. 403. Там же опубликован текст «приглашения» в переводе на русский язык.

¹⁵ Там же. С. 401.

¹⁶ Кантор Ю. Дворянское гнездо // Известия, 2002, 29 марта.

¹⁷ Енишерлов В.П. Рыцарь чести. Памяти Н.В. Вырубова (1915, Орел–2009, Париж) // Наше наследие, 2009, № 91–92.

¹⁸ Мандельштам О.Э. Соч.: В 2-х т. М., 1990. Т. 1. С. 111.

жизни¹⁹. Оказавшись после революции во Франции, она продолжала заниматься благотворительностью, особенно много помогала бедствовавшей М.И. Цветаевой. Н.В. Вырубов некоторое время жил в ее парижском доме, и там он видел ее русских друзей, среди которых были художники В.И. Шухаев, А.Е. Яковлев, Б.Д. Григорьев, З.Е. Серебрякова и др. Так русское искусство и культура Серебряного века вообще входили в его жизнь. Н.В. Вырубов рассказывал много лет спустя, как С.Н. Андроникова-Гальперн повсюду водила его за собой, а он спал на диванах, пока взрослые разговаривали²⁰. Память о ней он бережно хранил на протяжении всей жизни, а в его парижской квартире на видном месте висел портрет духовной наставницы, написанный в 1922 г. А.Е. Яковлевым²¹. Н.В. Вырубов был ярким представителем молодой генерации эмигрантов, которую с легкой руки В.С. Варшавского окрестили «незамеченным поколением». Сам Н.В. Вырубов так писал о своих сверстниках и себе самом: «Никто из нас родины не знал, мы имели о ней только духовное понятие, во Франции мы не успели укорениться и, живя в русской среде, недостаточно привязались к местному населению. Мы жили в полной свободе, думали, как хотели, увлекались западной культурой»²².

В 1938 г. Н.В. Вырубов стал студентом Оксфордского университета. Он был полон сил, энергии и не лишен юношеской удачи и безрассудства. Его племянник, князь Н.Д. Лобанов-Ростовский, рассказывал, что еще в Париже молодой «дядя Коля» подрабатывал вышивалой в «кабаке Денисова», а его напарником и приятелем был другой эмигрант, начинающий исполнитель цыганских песен Юлий Борисович Бринер²³. Тогда о нем еще мало кто слышал, мало кто знал. Но пройдет несколько лет, и он станет звездой Голливуда, войдя в историю мирового кино под именем Юл Бриннер (Yul Brynner; 1920–1985). И другой яркий пример. Однажды, уже в Британии, Н.В. Вырубов на спор за семь минут выпил бутылку водки. Конечно, после этого пришлось обратиться к врачу, но пари были выиграно. Кажется, в этом лихом поведении и поступках было что-то типично русское. Показное ребячество в действительности было выражением внутренней свободы и презрения к разного рода условностям и рамкам. Оно соединялось в нем с острым и чутким взглядом на окружающий мир, с глубокими раздумьями о его судьбах. Один из современников так писал о его

¹⁹ Ахматова А.А. Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1998. Т. 1. С. 482.

²⁰ Домбровская И. Николай Вырубов: последний русский кавалер Ордена Освобождения // http://www1.rfi.fr/acturu/articles/117/article_4283.asp

²¹ Сазонов Н. Князь Лобанов-Ростовский княжну Саломею привез из Лондона // Наше наследие, 2005, № 73.

²² [Записка Н.В. Вырубова об участии русских в Сопротивлении. Париж, 1996 г.] // Личный архив М.В. Ковалева.

²³ «Опирайсь на факты». С Н.Д. Лобановым-Ростовским беседует профессор Е.С. Федорова // http://www.nasledie-rus.ru/red_port/lobanov_1.php

оксфордской юности: «Как все русские, Николай очень эксцентричен. У него большие идеи в голове о реформах. Написал статью на 50 страниц “Россия – неизведанная земля”. Во “Французском клубе” собирается прочесть лекцию на тему “Россия и европейские конфликты”. Очень серьезный»²⁴. Но в эту полную надежд и мечтаний юность предательски ворвалась Вторая мировая война.

Н.В. Вырубов пристально следил за всем происходящим в Европе. В мае 1940 г. германская армия начала стремительное наступление, которое закончилось для английских и французских войск окружением под Дюнкерком. Более 300 000 солдат союзников будут эвакуированы в Британию, а немцы вскоре окажутся в Париже. Н.В. Вырубов вместе с товарищами по «Французскому кружку» организовали посещение раненых в английских госпиталях. Там он познакомился с французским морским офицером, тяжело искалеченным у Дюнкерка 23 мая 1940 г., обездвиженным и закованным в гипс. Им оказался лейтенант Жаклин Пьер Ив де-Ля-Порт-де-Во (Jacquelin Pierre Yves de La Porte des Vaux; 1910–1949). Он был выходцем из старинной аристократической семьи и одновременно убежденным анархистом, заслужил среди товарищей по оружию репутацию «меланхолического авантюриста» и «пирата нового типа». Н.В. Вырубов часто приходил, чтобы навестить его в больничной палате, и близко сошелся с ним. Много десятилетий спустя он вспоминал: «Я очень внимательно слушал его рассказы о кровавой войне, которые контрастировали с моей мирной студенческой жизнью. Он, казалось, был готов драться, несмотря на ранения и поражение, испытанное под Дюнкерком»²⁵. Ж. де Ла Порт-де-Во был потрясен поражением Франции, о котором узнал на больничной койке. Но эта трагедия не смогла поколебать его уверенности в необходимости борьбы с врагом. Подчеркнем, что в июне 1940 г. Вторая мировая война была в разгаре, немцы подчинили себе почти всю Европу, СССР и США в боевых действиях еще не участвовали, а потому будущее всего мира выглядело туманным. Тем не менее, отчаянный французский лейтенант горел желанием выступить перед британской общественностью и призвать ее к продолжению сопротивления. Он упросил своих юных оксфордских друзей помочь ему. Однажды вечером Н.В. Вырубов вместе с товарищами подъехали на машине к госпиталю, заранее договорившись с его персоналом, аккуратно погрузили полностью загипсованного офицера в открытый багажник на крыше автомобиля и привезли в известный оксфордский отель «Рандолф» («Randolph»), который и поныне находится в том же роскошном здании

²⁴ Цит. по: Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. С. 398.

²⁵ Wyrouboff N. Le souvenir du lieutenant de vaisseau Jacquelin de La Porte des Vaux // <http://www.france-libre.net/site/souvenir-jacquelin-de-la-porte-des-vaux/>

на углу Бомонт-стрит и Магдален-стрит. Там их уже ждали журналисты. Лейтенанта аккуратно положили на стол в холле, и в таком положении он сделал полное боевой решимости заявление. Н.В. Вырубов так описывал его: «Он заклинал своих соратников быть сильнее всех лжецов, преодолеть разобщенность и двигаться в направлении главного: к победе»²⁶. Кажется, было что-то общее между ними – молодым русским студентом и раненым французским офицером. Это общее, как мы увидим в дальнейшем, фокусировалось в чувстве долга перед самими собой и окружающими в момент, когда мир стоит на краю катастрофы.

Но не все находившиеся в Британии французы готовы были, подобно лейтенанту де ля Порт де Во продолжать, отчаянное и, как казалось тогда, безнадежное сопротивление. Н.В. Вырубов как руководитель студенческого «Французского клуба» был хорошо знаком со многими представителями посольства Франции в Лондоне. Явившись туда в конце июня 1940 г. для регулярного отчета о работе, он застал печальное зрелище. Среди дипломатов царил паника, и сами они производили удручающее впечатление. Все, как один, были объаты страхом. Но страхом не столько за Родину, сколько за самих себя. Н.В. Вырубов подчеркивал, что впоследствии никто из сотрудников французской миссии не присоединился к движению Шарля де Голля: «Они не смели сделать решительный шаг, оторваться, взять инициативу в свои руки из страха совершить ошибку. Для этих людей положение и опыт были более надежны, более благоразумны, остаться на государственной службе в рамках своей карьеры, прикрывшись авторитетом маршала [А.Ф. Петена] из преданности, уважения или же просто из выжидательности»²⁷. И, действительно, многие дипломаты получили новые назначения в Дублин, Рабат, Лиссабон или Шанхай. Кто-то был отозван в Париж. В Англии Н.В. Вырубову довелось встретить и таких французов, кто искренне переживал за судьбу Родины, не принимал нацизм, но при этом сторонился непосредственного участия в войне. Среди таковых он называл молодого Раймона Арона (Raymond Claude Ferdinand Aron; 1905–1983), ставшего впоследствии всемирно известным философом, который предпочел сражениям журналистику. Потом, по словам Н.В. Вырубова, тот искренне сожалел об этом²⁸.

Для самого Н.В. Вырубова подобные вопросы не стояли. Еще осенью 1939 г., в самом начале войны, не желая оставаться безучастным свидетелем европейской трагедии, он обратился с просьбой вернуться во Францию и вступить в ряды вооруженных сил. Особо отметим, что по закону от

²⁶ Ibidem

²⁷ Ibidem

²⁸ Ibidem

31 марта 1928 г. (§ 3) иностранцы, проживавшие во Франции, в случае войны подлежали призыву наряду с гражданами республики²⁹. Распространялось это правило и на русских эмигрантов. Пока не подсчитано достоверно сколько их оказалось в рядах французской армии в начале Второй мировой войны. Звучат разные цифры – четыре тысячи³⁰, шесть тысяч³¹. Увы, подсчеты эти основаны скорее на предположениях и догадках, нежели на реальных цифрах, а потому относиться к ним надо осторожно. Так или иначе, но по призыву или добровольно военную форму надели тогда многие известные эмигранты, например писатели В.С. Варшавский, Н.Н. Оцуп, Г.В. Адамович, ученые Б.В. Вильде, А.С. Левицкий, А.А. Керсновский. Некоторые из них после разгрома Франции, окажутся в немецком плену, как князь С.С. Оболенский, будущий председатель Союза русских дворян во Франции³². В 1939–1940 гг. в армию призвали тех, кто был официально зарегистрирован по месту жительства. Н.В. Вырубов же уже больше года жил в Великобритании. Его запрос во Францию так и остался без ответа. Тогда в октябре 1939 г. он записался на офицерские курсы в Оксфордском студенческом призывном пункте. В суматохе войны никто не обратил внимания на его подданство, точнее на его отсутствие. Дело в том, что Н.В. Вырубов, как и тысячи других русских эмигрантов, был апатридом – человеком без гражданства. Оттого поступить на службу в британскую армию не удалось, 10 октября 1939 г. он получил письмо с официальным отказом.

Все изменится после падения Парижа. 18 июня 1940 г. мир был взволнован речью генерала Шарля де Голля по лондонскому радио. В своем обращении он призвал французов вновь поднять боевое знамя и разжечь пламя борьбы с врагом. На следующий день в своем новом выступлении он назвал продолжение сопротивления «абсолютным долгом всех французов, которые еще носят оружие»³³. На призыв генерала откликнулось множество людей по всему миру. Добровольцы, среди которых было немало иностранцев, стали стекаться в британскую столицу. Для поступления в армию не требовалось представлять сведения о гражданстве, и тогда Н.В. Вырубов понял, что это и есть его шанс. В конце августа 1940 г. вместе с двумя друзьями по университету – греком Костой Архилопуло (Costa Archiloupoulo) и маврикийцем Жоржем Десмаре (Georges Desmarais; 1918–

²⁹ Journal officiel de la République française: Lois et décrets, 1928, № 80, 3 avril. P. 3808–3809; Русские, павшие смертью храбрых в рядах Французской армии. Paris, [б.г.] С. 1.

³⁰ Орлова О.М. Гайто Газданов. М., 2003. С. 214.

³¹ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Paris, 1971. С. 231.

³² С.С. Оболенский – М.В. Ковалеву, 30 сентября 2006 г. // Личный архив М.В. Ковалева.

³³ Голль Ш. де. Военные мемуары. Т. 1: Призыв: 1940–1942 годы. М., 1957. С. 111, 331–333.

1980) – он вступил в «Свободные французские силы» («Forces françaises libres»), армию антинацистского движения «Свободная Франция» («La France Libre»). В подписанном им заявлении декларировалось обязательство служить с «честью, верностью и дисциплиной»³⁴. В конце стояла подпись – «Николя Флёри» (Fleury). Флёри – так называлось имение под Парижем близ Фонтенбло, в котором до войны жил Н.В. Вырубов. Он не мог назваться своим настоящим именем, так как опасался за судьбу отца, оставшегося в оккупированном Париже. Лишь в 1943 г., узнав, что отец благополучно выбрался в Швейцарию, Н.В. Вырубов откажется от воинского псевдонима³⁵. Вступая в ряды добровольцев, Н.В. Вырубов решительно отказался от должности переводчика или связиста при штабе и попросил непременно направить его в действующую армию³⁶.

Современные российские авторы справедливо отмечают, что в самом начале Второй мировой войны у эмигрантов не было очевидных личных причин для сопротивления нацистам, несмотря на явное осознание многими гитлеровской угрозы. Тем не менее, некоторые представители диаспоры добровольно включились в борьбу. Особенно много среди них было представителей молодежи³⁷. К ним относился и Н.В. Вырубов. Сам он также подчеркивал, что большинство соотечественников, оказавшихся в числе добровольцев, накануне войны не принадлежали ни к каким эмигрантским политическим организациям ни левого, ни правого толка. Они тесно соприкасались с французской средой и «готовились к новой жизни за границей», думали о том, «как в жизни преуспеть»³⁸.

Нам не так просто понять его мысли и чувства, понять, почему 25-летний иностранец пошел воевать, сражаться за пусть и душевно близкую, но все же чужую страну. Что же двигало Н.В. Вырубовым в его смелом поступке? Что побудило встать на путь борьбы с нацизмом в момент, когда исход войны был еще не очевиден? Полагаю, он и не мог поступить иначе, ведь был «одним из тех, постоянно являвшихся в истории русского общества, беспокойных, волевых и смелых людей, которых влекла какая-то сила всюду, где борьба против угнетения и несправедливости, будь то революционное движение, война за освобождение славян или Трансвааль»³⁹. И хотя эти слова были обращены к Б.В. Вильде, другому русскому герою

³⁴ Acte d'engagement, 28.08.1940 de Nicolas Fleury (копия) // Личный архив М.В. Ковалева.

³⁵ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 18 ноября 2007 г. // Личный архив М.В. Ковалева; Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 6 сентября 2007 г. // Там же.

³⁶ Кривошеин И.А. Русские участники Сопротивления во Франции // Новоселье. Нью-Йорк, 1947, № 35–36. С. 100.

³⁷ Карпенко С.В. Указ. соч. С. 154.

³⁸ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 11 декабря 2007 г. // Личный архив М.В. Ковалева; Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 24 января 2008 г. // Там же.

³⁹ Вришавский В.С. Борис Вильде // Вестник русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции, 1947, № 2. С. 9–15.

французского Сопротивления, они, вне всякого сомнения, могут быть сказаны и в адрес Н.В. Вырубова. Оттого и сам он скажет много лет спустя: «Война дала возможность себя духовно укрепить в эмигрантской тусклой жизни»⁴⁰.

Н.В. Вырубов неизменно указывал на различные причины и обстоятельства, побуждавшие эмигрантов участвовать в борьбе с нацистами: «В добровольцы шли самые разные люди: были военные, были юноши и студенты, были ученые, были пожилые скромные люди, женщины и мужчины, холостые и семейные. Каждый из них поступал по личным соображениям и собственной совести, без повиновения кому-либо, без обязанности и принуждения, без угрозы и притеснения. Все были убеждены, что война не кончилась с поражением Франции, что победа возможна, и за нее надо бороться – принять в войне участие; думали о России. Это были люди незаурядные, пылкого характера и твердых убеждений, решительные, свободолюбивые и независимые»⁴¹.

Н.В. Вырубов подчеркивал, что, пойдя на войну, руководствовался исключительно собственными убеждениями. Германия стала для него потенциальным врагом после того, как он прочел гитлеровский «Майн кампф», и понял, что целью нацистов является уничтожение России и ее народа: «Это сознание послужило побуждением принять участие в войне»⁴². Размышляя о движущих мотивах своего прихода в Сопротивление, он делал акцент не столько на чувство патриотизма, сколько на понятия чести и долга: «Вступая в войска ген[ерала] де Голля в 1940 г., меня не побуждало патриотическое чувство, как это принято понимать в России, Франция перестала воевать, а Сов[етский] Союз еще не был вовлечен»⁴³. Добровольный уход на войну был для него выбором «свободного человека»⁴⁴. Н.В. Вырубов был убежден, что не имел права оставаться в стороне, когда решалось будущее человечества: «Поводом моего решения принять участие в войне было желание внести свой вклад в достижение победы, от которой зависела судьба свободы»⁴⁵. Своим добровольчеством он желал выразить благодарность Франции, приютившей его и его семью. Было в его поступке и стремление проявить солидарность со своими оксфордскими однокашниками, также решившими пойти на войну. Кроме того, сам Н.В. Вырубов впоследствии говорил о желании сохранить честь русского имени. Ему было стыдно за советско-финскую войну, за пакт Молотова-

⁴⁰ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 24 января 2008 г.

⁴¹ [Записка Н.В. Вырубова об участии русских в Сопротивлении. Париж, 1996 г.]

⁴² Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 16 марта 2006 г.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 27 июня 2006 г. // Личный архив М.В. Ковалева.

⁴⁵ Н.В. Вырубов – А.В. Тюстину, 8 сентября 2007 г.

Риббентропа, за то, что его родная сторона не находится на стороне союзников, а потому добровольчеством он словно хотел искупить поступки своей исторической Родины. «В течение всей моей жизни у меня было сознание, что как русский человек я был на виду, и поэтому должен был держать себя, как дети в гостях, всегда себя лучше ведут, чем дома!» – шутливо писал он много лет спустя⁴⁶.

В сознании и мыслях молодого эмигранта часто возникал светлый образ его дяди Григория Николаевича Вырубова (1843–1913), которого он называл «выдающимся человеком широких взглядов»⁴⁷. Это был крупный мыслитель и общественный деятель, друг и душеприказчик А.И. Герцена и И.С. Тургенева. Современники знали его как универсального ученого: философа-позитивиста, химика, историка науки. Г.Н. Вырубов много и долго жил в Европе, прекрасно знал и понимал ее. Он стал одной из знаковых фигур в русско-французских отношениях. При всем своем решительном неприятии милитаризма, в разгар франко-прусской войны 1870–1871 гг., он, не задумываясь, пошел защищать Париж в качестве добровольца. За свою смелость и отвагу Г.Н. Вырубов был награжден орденом Почетного легиона, которого уже в XX в. удостоится его героический потомок. Во время русско-турецкой войны за освобождение Балкан Г.Н. Вырубов вновь оказался втянут в водоворот событий. Он поехал на Кавказ, где занимался устройством полевых госпиталей. Потому Н.В. Вырубов имел полное право сказать: «В наших поступках есть что-то общее»⁴⁸.

Был перед ним и моральный пример отца, названного современниками «типичным русским барином-либералом»⁴⁹, обаятельного и щедрого душой человека, умевшего расположить к себе окружающих, помочь в трудную минуту. От него Н.В. Вырубову передалась широта взглядов, независимость суждений, стремление к интеллектуальной свободе. Когда началась Вторая мировая война, В.В. Вырубов сожалел, что из-за возраста не может пойти на фронт. Отец и сын встретились в Лондоне в начале 1940 г., куда Вырубов-старший приехал по приглашению сэра Александра Кадогана (Alexander George Montagu Cadogan; 1884–1968), генерального секретаря британского Министерства иностранных дел для обсуждения последствий сближения Германии и СССР. В.В. Вырубов отчетливо осознавал необходимость борьбы с нацизмом, а потому одобрял выбор сына пойти на войну добровольцем⁵⁰. По этому поводу Н.В. Вырубов писал: «Я сразу решил воевать. Мой отец сочувствовал моему решению. Войну он

⁴⁶ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 16 марта 2006 г.

⁴⁷ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 1 ноября 2006 г.

⁴⁸ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 8 сентября 2007 г.

⁴⁹ Адамович Г.В. Памяти В.В. Вырубова // Русская мысль, 1963, № 2032, 10 августа. С. 6.

⁵⁰ Белкова Г. Указ. соч. С. 107.

считал продолжением первой войны, где Россия потерпела поражение от Германии, в которой он видел виновника пришествия революции»⁵¹.

Современные исследователи нередко используют применительно к русской послереволюционной эмиграции термин «патриотизм». Однако сам Н.В. Вырубов неизменно указывал на несовпадение привычной для большинства жителей современной России советской семантики этого слова с его значением для эмиграции. В его глаза «для русского, судьбой отдаленного [от родной земли], патриотизм – это духовное и культурное отношение с Родиной»⁵². Именно с Родиной, а не с государством. Она была для него вневременным, внеидеологическим понятием: «Я в лагере не сидел и в плену не был, но я был несколько раз ранен. Когда ранен, невольно думаешь, что дело кончено. Так вот, скажу по собственному опыту: конечно, о родине думаешь, – но не какая она там, советская или большевистская, не в связи с правительством думаешь, а просто так <...> ...Если вы принадлежите своей родине, и вчера она была монархическая, а сегодня еще кака-янибудь, то это можно любить или не любить, но поделаться с этим ничего нельзя, она остается на всю жизнь. Как мать»⁵³.

Мне кажется, он сильно преувеличивал различие движущих мотивов советских граждан и эмигрантов для участия в войне: «Мы не знали патриотизма, любви к родине, стране, земле. Поражение Франции, перемирие, пассивность основного населения и примирительная политика правительства особенно не затрагивали эмиграцию»⁵⁴.

Н.В. Вырубов в одном из писем говорил, что немцы видели в эмигрантах принципиальных противников советской власти, а потому «относились к ним корректно»⁵⁵. Новые власти активно пропагандировали коллаборационизм, апеллируя к необходимости борьбы с большевиками. Для этих целей они создали Легион французских добровольцев (*La Légion des volontaires français contre le bolchévisme*), который будет воевать против Красной армии на Восточном фронте, и в который вступят отдельные русские эмигранты⁵⁶. Конечно, реальная картина была сложной, учитывая, что состав диаспоры был чрезвычайно пестрым. Немалое число русских, в основном левых и либеральных взглядов, были изначальными противниками Гитлера. В монархической же среде, действительно, симпатии к

⁵¹ [Записка Н.В. Вырубова об участии русских в Сопротивлении. Париж, 1996 г.]

⁵² Там же.

⁵³ Белнова Г. Указ. соч. С. 109.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Известно, что среди лиц, вступивших в Легион французских добровольцев, был Константин Георгиевич Амилахвари (1901–1943), участник Первой мировой войны и Георгиевский кавалер. Он воевал на Восточном фронте, был ранен и скончался в июле 1943 г. в госпитале в Париже. В то же время его родной брат, Дмитрий, отважно воевал на стороне союзников и героически пал при Эль-Аламейне (Беляков В.В. Эль-Аламейн, или Русские солдаты в Северной Африке (1940–1945). М., 2010. С. 72).

Германии были велики, но даже они необязательно подразумевали безоговорочный коллаборационизм. К тому же далеко не всегда немцы вели себя корректно по отношению к диаспоре во Франции. Достаточно вспомнить произведенные ими аресты среди эмигрантов в июне 1941 г. и заключение многих в Компьенский лагерь⁵⁷.

После капитуляции Парижа и создания Французского государства (l'État français) во главе с маршалом Анри Филиппом Петеном всем военнослужащим было запрещено под страхом смертной казни записываться в союзные армии. Н.В. Вырубов рассказывал, что, вступая в ряды деголлерцев ни он, ни другие не были уверены в исходе войны. Поэтому в случае победы Германии добровольцам обещали предоставить канадское подданство и эвакуировать их за океан⁵⁸. Шарль де Голль полагал, что возглавляемые им вооруженные силы необходимо разместить непременно на французской земле. И в этом отношении стратегическое значение африканских колоний трудно было переоценить. Генерал расценивал их как плацдарм для возрождения армии и дальнейшего победоносного возвращения в Европу. В качестве опорной территории для создания первой военной базы им был выбран Сенегал.

31 августа 1940 г. из Ливерпуля в Дакар направилась эскадра, которая должна была доставить в Африку первых солдат «Свободной Франции». В составе соединения иностранных добровольцев под командованием капитана Робера Дюрифа (Robert Durif; 1889–1947) был и Н.В. Вырубов. Морской переход был долгим и трудным. Транспортные суда обладали небольшой скоростью, а, кроме того, им пришлось сделать огромный крюк, чтобы избежать смертельных встреч с немецкими самолетами и подводными лодками.

В рассветном тумане 23 сентября 1940 г. морской конвой, состоявший из английских и голландских судов, приблизился к сенегальской столице. Внезапно береговые батареи Дакара открыли по кораблям огонь. Верные правительству Виши силы пытались всячески воспротивиться высадке союзных войск. По договоренности с немцами маршал Петен обязывался оборонять французские колонии от иностранных судов. Шарль де Голль позднее вспоминал, как англичане «не могли понять причину того, почему власти, флот и войска Дакара сражаются с таким ожесточением со своими соотечественниками и союзниками, в то время как Франция находится под пятой захватчиков»⁵⁹. После долгих часов томительного бездействия

⁵⁷ Ковалев М.В. «Мы все с генералом де Голлем!» Русские герои французского Сопротивления // Родина, 2006, № 12. С. 117.

⁵⁸ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 18 ноября 2007 г. // Личный архив М.В. Ковалева.

⁵⁹ Голль Ш. де. Указ. соч. Т. 1. С. 152.

транспортным кораблям не оставалось ничего другого, как устремиться во Французскую Экваториальную Африку. По пути туда, во время недолгой стоянки во Фритауне, в офицерском клубе он случайно встретил лейтенанта де-ля-Порт-де-Во, которого еще недавно навещал в английском госпитале. Тот быстро встал на ноги и в числе первых, как и сам Н.В. Вырубов, присоединился к войскам де Голля. В конце сентября добровольцы достигли Экваториальной Африки. Одна их часть была направлена в Камерун, а другая, в которой находился Н.В. Вырубов, – в Конго. После высадки в порту Пуэнт-Нуара их на поезде повезли в Браззавиль⁶⁰.

Еще 28 августа 1940 г., благодаря умело спланированной операции, представителям «Свободной Франции» удалось бескровно захватить власть в Браззавиле, а значит и над значительной частью Французской Экваториальной Африки. В октябре–ноябре 1940 г. французские добровольцы под командованием Ж.-Ф. Леклерка и М.-П. Кёнига успешно атаковали вишистов в Габоне. Ш. де Голль рассчитывал создать в регионе надежную базу для французских военных сил и подготовить их к походу в Северную Африку.

Оказавшись в Конго, Н.В. Вырубов был приписан к 1-го Пехотному батальону (*Bataillon de Marche* № 1). Его подразделение должно было пересечь Африку с запада на восток от Атлантического побережья до Красного моря, проложив сухопутный путь для снабжения Египта, в котором были заинтересованы англичане⁶¹. Тем более, союзники на Ближнем Востоке остро нуждались в дополнительном подкреплении. Это была непростая миссия. Добровольцам предстояло пересечь Африку, пройти и джунгли, и пустыни. Ш. де Голль справедливо писал, что война на континенте требовала особой выносливости, ибо «изнуряющая жара, хроническая лихорадка и москиты подстерегали солдат на каждом шагу»⁶². Солдаты 1-го Пехотного батальона были переправлены на утлых речных судах вверх по течению Конго и Убанги к границам Судана. Кое-как добравшись до Эль-Фашера и Эль-Обейда, они были пересажены на поезд, чтобы двигаться дальше – сначала к Хартуму, а оттуда – к Вади-Хальфа. Затем им предстояла переправа по Нилу до Асуана, откуда вновь путь по железной дороге. Теперь уже в Каир. В египетской столице добровольцев встретил полковник Ральф Монклар (*Ralph Monclar*; 1892–1964). Монклар – псевдоним, взятый при вступлении в ряды «Свободной Франции». Среди сослуживцев же он был более известен под своим настоящим именем – Рауль Магран-Вернерей (*Raoul Charles Magrin-Vernerey*).

⁶⁰ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 26 марта 2006 г. // Личный архив М.В. Ковалева.

⁶¹ Белнова Г. Указ. соч. С. 108.

⁶² Голль Ш. де. Указ. соч. Т. 1. С. 198.

К моменту прибытия добровольцев в Египет он уже снискал заслуженную славу образцового французского офицера. Герой Первой мировой войны, израненный на полях ее сражений и навсегда ставший инвалидом, он предпочел пенсии службу в Иностранном легионе. В начале Второй мировой войны 13-я Полубригада (13e demibrigade de Légion étrangère), в которой он служил, была переброшена в Норвегию. Р. Магран-Вернерей вновь проявил чудеса доблести и отваги. В сражении под Нарвиком он вместе со своими легионерами взял в плен 400 немцев и захватил 10 артиллерийских орудий. Капитуляцию Франции он решительно не принял, а потому в числе первых офицеров оказался в Лондоне у де Голля. Рауль Магран-Вернерей превращается в Ральфа Монклара и продолжает борьбу с нацистами. И теперь, в мае 1941 г., в Египте перед ним маршируют, поражая прекрасным боевым настроем, добровольцы «Свободной Франции». Среди них – и Николай Вырубов. Из Каира 1-й Пехотный батальон отправляется в Исмаилию, переправляется через Суэцкий канал и вскоре оказывается в военном лагере Кастина (Quastina) в Палестине. Это было место сбора добровольцев «Свободной Франции», стекавшихся туда из Экваториальной Африки, Эритреи, Сирии, Кипра.

Весной 1941 г. союзники были обеспокоены ситуацией в странах Леванта, находившихся под контролем правительства Виши. Они небезосновательно полагали, что немцы, в конце апреля овладевшие Грецией, намереваются вторгнуться на Ближний Восток. В довершение всего, в мае 1941 г. не без подстрекательства германской разведки вспыхнуло антианглийское восстание в Ираке. Стратегической целью Третьего Рейха было пробиться в Месопотамию и получить доступ к нефтяным месторождениям. В этой сложной военно-политической обстановке ключевое значение Леванта было очевидным. Союзникам по антигитлеровской коалиции предстояло воспрепятствовать прорыву Германии к иракской нефти. Одной из ключевых точек противостояния стала Сирия, которую контролировали вишистские войска генерала Анри Денца (Henri Fernand Dentz; 1881–1945). Немцы вели там активную пропаганду среди арабов, использовали ее как базу для антианглийского движения в Ираке, и в любой момент могли обратить в плацдарм для дальнейшего продвижения на восток. Генерал де Голль всеми силами старался оторвать колонии от Виши и склонить их к борьбе с Германией и ее союзниками.

В середине мая 1-й Пехотный батальон, в котором служил Н.В. Вырубов, был включен в состав 1-й Дивизии «Свободной Франции» (1ère Division Française Libre). 14 мая британская авиация начала усиленные бомбежки позиций вишистов, готовя масштабное наступление. В ходе операции «Экспортер» (Opération Exporter) англо-французские войска планировали

вторгнуться в Сирию одновременно из Палестины и Ирака, застав тем самым противника врасплох. Ночью 8 июня 1941 г. южная группировка перешла границу Сирии. Это случилось через несколько дней после подписания «Парижских протоколов», по которым адмирал Франсуа Дарлан (François Darlan; 1881–1942) разрешал немцам использовать французские порты и аэродромы на Ближнем Востоке⁶³. Войска вишистов оказали ожесточенное сопротивление, на которое не рассчитывали ни командующий британскими войсками Генри Вильсон (Henry Maitland Wilson; 1881–1964), ни Ш. де Голль. Так, город Мерджуон трижды переходил из рук в руки. Не удалось, вопреки ожиданиям, быстро овладеть Дамаском – лишь 21 июня вишисты оставили сирийскую столицу. Солдаты трансйорданского «Арабского легиона» под командованием британского генерала Джона Глабба (John Bagot Glubb; 1897–1986), прозванного Глабб-Пашой, в начале июля с минимальными потерями овладели Пальмирой. 9 июля англо-французские войска прорвали оборону вишистов у Дамура и вышли к Бейруту. Генерал А. Денц, осознав бесперспективность дальнейшей борьбы, согласился на переговоры, во время которых, однако, сумел отправить во Францию почти всю свою авиацию и флот. Пленным предлагалось либо вступить в армию к де Голлю, либо вернуться на Родину. Большинство предпочло второй вариант. Успех союзных войск означал провал германских планов на Ближнем Востоке. Н.В. Вырубов был участником Сирийско-Ливанской операции от начала и до конца, и 21 июня вместе с товарищами по оружию вошел в Дамаск.

Подчеркнем еще раз одну важную и при том трагичную деталь: в ходе левантской кампании добровольцам пришлось сражаться с соотечественниками; французы шли в бой против французов. Были в армии вишистов и выходцы из России. Дело в том, что после перемирия и создания марионеточного Французского государства, некоторое число эмигрантов, находившихся в армии, решили продолжать свою службу. Имелись такие лица на Ближнем Востоке, и Н.В. Вырубову суждено было с ними столкнуться. Так, в ходе одного из боев добровольцев нещадно обстреливал военный корабль под командованием мичмана 1-го класса (vaisseau de 1re classe) Александра Алексеевича Васильева (Alexandre Wassilieff; 1918–2008). Много лет спустя Н.В. Вырубов вспоминал: «Я его знаю и с ним беседовал, радовался, что не оказался в пределах его огня!»⁶⁴ А.А. Васильев впоследствии присоединится к армии де Голля, будет тяжело ранен при освобождении Тулона в конце августа 1944 г. После войны он продолжит службу на флоте, достиг-

⁶³ Бояджи Э. История шпионажа. М., 2003. Т. 2. С. 201.

⁶⁴ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 4 сентября 2007 г. // Личный архив М.В. Ковалева; Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 18 ноября 2007 г.

нет звания контр-адмирала (*contre-amiral*), и, кроме того, станет известным писателем.

Завершение военной кампании в Сирии совпало с началом Великой Отечественной войны. Нельзя не признать, что это событие потрясло русских эмигрантов. Н.В. Вырубов вспоминал: «Когда Германия напала на Советский Союз, я утвердился во мнении, что поступил правильно, взяв в руки винтовку. Вступление Советского Союза в войну меняло расстановку сил»⁶⁵. Тогда он решил подать рапорт командованию, в котором просил отправить его воевать на Родину. Подобная просьба оказалась, разумеется, не осуществима. Верховный комиссар и главнокомандующий в Леванте генерал Жорж Катру (*Georges Albert Julien Catroux*; 1877–1969) вызвал Н.В. Вырубова и привел следующие доводы отказа: во-первых, это желание технически невозможно выполнить, а, во-вторых, была дана присяга, и нарушать ее не следует. Напоследок он добавил: «Я хорошо понимаю, что Вам хочется сражаться в России, но все же прошу – оставайтесь тут»⁶⁶.

Вокруг описанного эпизода родился исторический миф. Некоторые авторы приписывают Н.В. Вырубову едва ли не просоветские взгляды, говоря о том, что после нападения Германии на СССР он обратился к советскому представителю в Лондоне с просьбой принять его в Красную Армию⁶⁷. С чьей легкой руки появилась эта легенда? Полагаю, источником легенды послужил мемуарный очерк Игоря Александровича Кривошеина (1899–1987), видного участника подпольной борьбы во Франции, опубликованный в 1972 г. в Москве. В нем он упоминал о князе А.Н. Оболенском, который 22 июня 1941 г. явился в Париже к советскому послу А.Е. Богомолу с просьбой отправить его сражаться на Родину. И далее И.А. Кривошеин писал: «С такой же просьбой обращался к советским представителям в Лондоне и Алжире и Н. Вырубов... Он был согласен “хотя бы рыть окопы”, но на русской земле»⁶⁸. Трудно сказать, почему почтенный автор, к тому же прекрасно знавший Н.В. Вырубова, ввел в свой текст этот пассаж: подвела ли его память, выполнил ли он просьбу редактора, или же имела место какая-то иная причина. Ответ на вопрос уже вряд ли можно найти. Но именно с легкой руки И.А. Кривошеина факт обращения Н.В. Вырубова к советским дипломатам стал переключиваться из одной работы в другую. Сам Н.В. Вырубов в свое время довольно резко отреагировал на мою просьбу

⁶⁵ Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. С. 404.

⁶⁶ Интервью М.В. Ковалева с Ю.А. Трубниковым и Н.Д. Лобановым-Ростовским. Москва, 14 июля 2015 г. Аудиозапись // Личный архив М.В. Ковалева.

⁶⁷ Карпенко С.В. Указ. соч. С. 159; Мухачев Ю.В. «Résistance»: русская эмиграция в борьбе против фашистской Германии //

Русское Зарубежье: история и современность, 2005, № 1–2. С. 16; Сванидзе М. Исторические хроники с Николаем Сванидзе: Кн. 2: 1934–1953. М., 2007. С. 328.

⁶⁸ Кривошеин И.А. Так нам велело сердце // Против общего врага. М., 1972. С. 268.

подтвердить или опровергнуть эту историю: «Зачем Вы читаете такие ложные книги – когда же наконец до Вас правда дойдет, без нее Свободы нет! <...> О поступке кн[язя] Оболенского ничего не знаю, а о моем – снова чушь»⁶⁹. Он, конечно, был прав. Даже простое сопоставление приведенного эпизода с его жизненной канвой сразу заставляет задуматься: как мог Н.В. Вырубов обращаться к советскому посланнику в Лондоне или Алжире, если летом 1941 г. он был в Сирии? Хотя в Алжире ему, действительно, предстоит встретиться и пообщаться с А.Е. Богомоловым. Но об этом будет сказано дальше. И все же, Н.В. Вырубов был слишком категоричен в своей критике. Многие ошибки закрадывались в книги и статьи отнюдь не из злого умысла или низкого профессионализма их авторов. Мифы не всегда создаются намеренно, но часто из-за обрывочности сведений и отсутствия достоверной информации. Увы, пока еще недостаточно полно изучены документы об участии русских эмигрантов в антинацистской борьбе в годы войны. Необходима долгая, кропотливая работа как во французских, так и в российских архивах, чтобы заполнить имеющиеся пробелы и развеять легенды.

После недолгого пребывания при Генеральном штабе 2-й бригады «Свободных французов» (2ème Brigade Française Libre) и генерале Альфреде Казо (Alfred Maurice Cazaud; 1893–1970), Н.В. Вырубов переводится в 11-й Пехотный батальон (Bataillon de Marche № 11), созданный в Леванте 1 октября 1941 г. Его командиром стал капитан Ксавье Ланглуа (Xavier Langlois; 1911–1944), который приложил много сил, чтобы превратить свое подразделение в образцовое. У Н.В. Вырубова сложились с ним очень теплые, товарищеские отношения. Во время войны он был для него одним из немногих по-настоящему душевно близких людей. Именно К. Ланглуа в 1944 г. будет ходатайствовать о награждении русского добровольца высшим французским военным орденом, о чем речь еще впереди. Светлую память о своем боевом товарище Н.В. Вырубов сохранит до конца жизни⁷⁰. Думаю, что роднила их не только принадлежность к одному поколению, но и общие моральные принципы, общие нравственные ориентиры. Было что-то трагическое в судьбе семьи капитана Ланглуа. Его отец, морской офицер, тоже носивший имя Ксавье, погиб 6 декабря 1917 г. во время Первой мировой войны. Младший брат, Морис, сражавшийся в рядах Сопротивления, будет убит 1 декабря 1943 г. Другой брат, Рене, примет смерть

⁶⁹ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 11 января 2007 г. // Личный архив М.В. Ковалева. Он повторил свои слова и в другом письме (Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 18 ноября 2007 г.). Н.В. Вырубов всегда оставался истинным аристократом и, порой осознавая, резкость своих личных оценок, неизменно извинялся за назидания. Но одно из них забыть невозможно, и не согласиться с ним трудно: «Я вам от души советую – хорошо было бы найти общий Кодекс жизни!» (Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 4 сентября 2007 г.).

⁷⁰ 1 DE LA DFL – Souvenirs, témoignages... Nicolas Wyruboff (1915–2009), Compagnon de la Libération (BM 11). Extraits de ses entretiens avec Pascal Mailhos (Toulon, 1998) // <http://www.1dfl.fr/1-de-la-dfl/nicolas-wyruboff-bm-11/>

14 мая 1944 г. А ночью 23 ноября 1944 г. во время боев в Вогезах пуля сразит и самого Ксавье Ланглуа. Гибель командира станет для Н.В. Вырубова тяжелым ударом и невосполнимой утратой.

В рядах 11-го Пехотного батальона Н.В. Вырубов сражался в Египте (июнь 1942 г.), Ливии (ноябрь 1942–январь 1943 г.) и Тунисе (апрель–май 1943 г.). В октябре–ноябре 1942 г. он участвовал в знаменитой битве при Эль-Аламейне, покончившей с наступлением немецких и итальянских войск в Северной Африке. В этом сражении 24 октября пал смертью храбрых другой российский эмигрант – подполковник (lieutenant-colonel) Дмитрий Георгиевич Амилахвари (1906–1942), незадолго до этого удостоившийся ордена Освобождения за храбрость при Бир-Хашейме⁷¹. Находясь в Ливии, Н.В. Вырубов узнал обрывочные сведения о битве на Волге: «Сталинградское сражение было тогда воспринято как важный вклад в общее дело победы, но не более, только со временем, по ходу войны, когда узнали об огромных потерях, о решительности, мужестве самоотверженности русских воинов, то Сталинград обрел особое значение, как символ грядущей победы»⁷².

После Ливийской кампании добровольцев 11-го Пехотного батальона ожидал изнурительный марш по пустыне на Тунис с целью завершить разгром войск Эрвина Роммеля. Там они оказались в апреле 1943 г. Н.В. Вырубов вспоминал, как однажды им пришлось столкнуться в боях с украинцами, воевавшими на стороне Гитлера, и посланными на африканский континент для борьбы с союзниками. Он описывал, что после разгрома и пленения деголлевцами многие из них вступили в Иностранный легион, но не из желания сражаться с нацистами, а из-за боязни тюремного заключения и возмездия. Остальные же были арестованы и содержались вместе с пленными немцами и итальянцами. Несмотря на присутствие советских дипломатов, вопрос об их репатриации поставлен не был⁷³. Что стало с ними после войны, Н.В. Вырубов не знал⁷⁴.

В Тунисе же произошла встреча добровольцев с регулярными частями Африканской армии под командованием генерала Анри Оноре Жиро (Henri Honoré Giraud; 1879–1949). Об этом эпизоде следует сказать особо. Еще в ноябре 1942 г. американцы начали вести переговоры с французски-

⁷¹ Голль Ш. де. Указ. соч. Т. 2: Спасение, 1944–1946. С. 22, 74; Хохлова В.П. Опаленные войной // Африка глазами эмигрантов: россияне на континенте в первой половине XX века. М., 2002. С. 187; Беляков В.В. Указ. соч. С. 66–72.

⁷² Белкова Г. Указ. соч. С. 108.

⁷³ Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. С. 405–406; «В Вашем фансе от 20 марта...» // Личный архив М.В. Ковалева.

⁷⁴ Второй раз ему придется столкнуться с украинцами в 1944 г. во время сражений в Италии, а во время боев за освобождение Южной Франции – еще и с грузинами, калмыками и представителями других национальностей, составлявшими специальные национальных формирования германской армии. По словам Н.В. Вырубова, они запятнали себя зверским отношением к местному населению (Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. С. 405–406; «В Вашем фансе от 20 марта...»).

ми военачальниками в Северной Африке об их переходе на сторону анти-гитлеровской коалиции. Де Голль в свою очередь выступал категорически против контактов с вишистами. В январе 1943 г. он узнал, что союзники пытаются сделать ставку на генерала А. Жиро, главу Высшего французского гражданского и военного командования в Алжире (*Commandement en chef français civil et militaire d'Alger*), еще недавно верно служившему коллаборационистскому режиму, и всеми силами попытался воспрепятствовать этому. Суть противоречий двух военачальников хорошо обрисовал У. Черчилль: «Де Голль не желал соглашаться с назначением Жиро верховным командующим французскими вооруженными силами. Жиро стремился не допускать влияния “Свободных француз” на французскую армию в Северной Африке»⁷⁵. В августе 1943 г. «Свободные французские силы» де Голля все же объединились с Африканской армией генерала Жиро, образовав «Французскую армию освобождения» (*L'Armée française de la Libération*). В конечном счете, Шарль де Голль уже осенью того же года добьется вывода своего соперника из состава Французского комитета национально-го освобождения (*Le Comité français de Libération nationale*). Интересно, что добровольцы, некогда вступившие в ряды «Французских свободных сил», даже после августа 1943 г. будут всячески подчеркивать свой особый моральный статус, свою особую военную идентичность. Придерживался этих взглядов и Н.В. Вырубов. Он неизменно повторял, что солдаты Африканской армии «никогда с нами (голлистами) не соединялись, дух был другой»: «Мы воевали добровольно, а они по приказу, [в] регулярной армии, и смешивать нас с ними не следует»⁷⁶. Так, его собственная часть до самого конца войны состояла исключительно из добровольцев.

И даже после нее и он, и его сослуживцы никогда не участвовали в собраниях и церемониях ветеранов регулярной армии⁷⁷. «Голлистский дух» и идеалы добровольчества были для него предметом гордости на протяжении всей жизни.

В декабре 1943 г. французский экспедиционный корпус, в составе которого оказался и Н.В. Вырубов, высадился в Салерно и вступил в сражения в Италии. Его самого перевели из артиллерии в пехоту. В это время англо-американские войска уже вели ожесточенные бои в районе Монте-Кассино. В мае 1944 г. Н.В. Вырубов участвовал в ожесточенной битве за итальянский город Понтекорво, в районе которого немцы сосредоточили мощные оборонительные сооружения. Бойцам приходилось в буквальном смысле прорываться от дома к дому, ведя кровопролитные улич-

⁷⁵ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 5: Кольцо смыкается. М., 1997. С. 107.

⁷⁶ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 4 сентября 2007 г.

⁷⁷ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 26 марта 2006 г.; Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 6 сентября 2007 г.

ные бои. Н.В. Вырубову пришла в голову мысль установить французский флаг над домом, откуда он и его сослуживцы вели огонь по врагу, чтобы тем самым ободрить солдат. Пробравшись на крышу, он развернул знамя и привязал его к трубе⁷⁸. В этот момент русский доброволец был ранен пулеметной очередью. Пуля пробила руку и угодила в сердечную мышцу. Врачи побоялись извлекать ее оттуда, и она навсегда осталась там. На удивление и медиков, и сослуживцев Н.В. Вырубов быстро оправился и уже через две недели снова оказался в строю⁷⁹. Французское командование не могло не заметить отважного поступка русского добровольца. Через две недели Н.В. Вырубов, командовавший взводом солдат, в сражении при Баньи ди Тиволи получил новое ранение – сначала пулей в кисть руки, а затем осколком снаряда в ногу. Через Неаполь он был отправлен в госпиталь в Тунис, снова оказавшись на африканской земле. Там он узнал о начале союзниками операции «Драгун» (Anvil Dragoon), в ходе которой предполагалась высадка на юге Франции и его освобождение. Н.В. Вырубов в этих обстоятельствах решился на отчаянный и рискованный шаг. В августе 1944 г., едва встав на ноги, он сбежал из госпиталя и направился в Алжир, чтобы оттуда вернуться в свою часть. В Алжире Н.В. Вырубов зашел в советское дипломатическое представительство, где пообщался с послом Александром Ефремовичем Богомолковым (1900–1969). Увы, об этой встрече он рассказывал уже на закате жизни, а потому в его собственных свидетельствах имелось немало противоречий, оговорок и неточностей. Полагаю, что важно привести эти свидетельства. В интервью журналу «Наше наследие» в 1996 г. Н.В. Вырубов рассказывал: «Я представился, что я русский, солдат. Рассказал о себе. О своей службе. К моему изумлению, она их совершенно не интересовала. “Это вы французам служите, а вы нам послужите”, – звучало примерно так. И сразу предложили “поработать”. Таким словом тогда называлось сотрудничество с органами. Я ушел»⁸⁰. В письме к автору этих строк в марте 2006 г. встреча была описана в нейтральных и скупых тонах: «В Алжире зашел в русское (Сов[етское]) посольство, представился послу Богомолкову, но встреча была прохладная!»⁸¹. Интересно, что уже через год Н.В. Вырубов сопроводил свой рассказ новыми подробностями: «Выйдя из госпиталя в Тунисе в августе 1944 г., с незажившими ранами, я отправился в Алжир и зашел к Богомолкову (послу СССР) с просьбой передать мой поклон русским воинам, он мне предложил снять форму и вступить к нему на службу штатским, где я был бы, по его словам, более полезен родине, чем

⁷⁸ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 26 марта 2006 г.

⁷⁹ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 16 марта 2006 г.; *Лобанов-Ростовский Н.Д.* Эпоха. Судьба. Коллекция. С. 404.

⁸⁰ *Белнова Г.* Указ. соч. С. 109.

⁸¹ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 26 марта 2006 г.

воюя»⁸². Как проходила встреча советского посла и русского добровольца в реальности? Что говорили они друг друга? О чем думали? Боюсь, что об этом мы уже никогда не узнаем. Разве что бумаги А.Е. Богомолова в Архиве внешней политики Российской Федерации в Москве смогут пролить свет на эту историю.

Из Алжира Н.В. Вырубов отправился на Корсику, откуда затем на самолете прилетел в Тулон. Он разыскал своих сослуживцев и явился к ним хромым и с забинтованной рукой⁸³. Операция «Драгун» уже была в самом разгаре. Еще 15 августа французские и американские войска высадились на побережье Прованса. Немцы сражались ожесточенно. В 2004 г. Н.В. Вырубов рассказывал в интервью «Российской газете»: «По мере продвижения в глубь страны сопротивление противника нарастало. Поначалу мы шли на приступ немецких укреплений, что называется, грудью. Вооружены мы были слабо, в основном легким стрелковым оружием. Понятно, потери были большие. Потом наше командование договорилось о взаимодействии с американцами. Когда наши части оказывались перед укрепленным пунктом и не могли его взять с ходу, вызывали американскую авиацию»⁸⁴. Правда уже через несколько лет Н.В. Вырубов сетовал, что журналист Н.А. Паклин понял его превратно, приукрасил рассказ и, в результате, неверно передал его содержание. Вот, как он представил его в письме 2007 г.: «Когда мы оказывались перед укрепленным пунктом, мы старались его брать своими силами, не прибегая к американской артиллерии или авиации, которые все разрушали, а деревни и жители были свои, французы, мы хотели их оберечь»⁸⁵. Как видно, разница существенная.

Теперь Н.В. Вырубову и его сослуживцам предстояло освободить саму Францию. В боях под Дижоном его подразделению сдалась группа советских военнопленных, служивших у немцев. С разрешения командования он набрал из них солдат для своего взвода, который влился в состав союзных войск, понесших накануне большие потери. По его словам, они хорошо проявили себя в боях, дошли до Страсбурга, но понимали, что на Родину им пути нет⁸⁶. В сентябре 1944 г. в Вогезах, наполненных хорошо укрепленными вражескими позициями, Н.В. Вырубов увлек за собой в атаку пехотинцев, несмотря на смертоносный огонь неприятеля. В декабре 1944 г. французские войска вступили в Эльзас, где он встретил окончание Второй мировой войны в звании младшего лейтенанта (*sous-lieutenant*).

⁸² Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 11 декабря 2007 г.

⁸³ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 4 сентября 2007 г.; Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 18 ноября 2007 г.

⁸⁴ Паклин Н.А. Буш и Блэр не открыли второй фронт: 60 лет назад союзные войска высадились на юге Франции // Российская газета, 2004, № 3550, 16 августа.

⁸⁵ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 18 ноября 2007 г.

⁸⁶ Белкова Г. Указ. соч. С. 109; Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 18 ноября 2007 г.

В 1944 г. Н.В. Вырубов был удостоен самой высокой французской военной награды – Ордена Освобождения (L'Ordre de la Libération). О ней следует рассказать специально. После неудачной Дакарской операции в конце сентября 1940 г., де Голль осознал, что сражение за Африку не будет простым и скорым. Желая вознаградить героизм и самоотверженность своих соратников, он задумался над созданием специальной награды для них. Орден Почетного легиона для этой цели не подходил, поскольку его канцелярия осталась в Париже, а его Великим магистром (Grand maître) по должности считался маршал Петен. Тогда специальным декретом № 7 от 16 ноября 1940 г., изданным в Браззавиле, был учрежден Орден Освобождения⁸⁷. Первоначально его кавалеров предполагали именовать «крестоносцами Освобождения» (Croisés de la Libération), и к этому варианту склонялся сам генерал де Голль. Однако его советник юрист Рене Кассен (René Samuel Cassin; 1887–1976), будущий лауреат Нобелевской премии мира и один из авторов Всеобщей декларации прав человека, убеждал, что слово «крестоносцы» не только слишком архаично, но также не отражает самой сути добровольческого движения. В результате появился термин «соратники Освобождения» (Compagnons de la Libération), и именно так стали называть всех кавалеров. В январе 1941 г. был утвержден статут ордена, согласно которому в его ряды разрешался прием иностранцев, внесших заметный вклад в борьбу за свободу Франции⁸⁸. Эта награда пользовалась особым уважением. Всего за время войны ее удостоились 1 038 человек, 18 воинских формирований и 5 городов. Среди кавалеров было 72 иностранца (включая французских граждан, изначально имевших иностранное подданство), 10 из них были выходцами из России.

Осенью 1945 г. французское военное министерство направило Н.В. Вырубова представителем на Нюрнбергский процесс, где он стал участником многих заседаний. Особо его поразило рассмотрение вопроса о судьбах советских военнопленных, погибших в немецком плену. Он вспоминал, как во время допроса фельдмаршал Вильгельм Кейтель, отвечая на вопрос прокурора, цинично рассуждал, что отношение к пленным красноармейцам определялось политическими и идеологическими соображениями государства, а потому он, как военный, не должен был обсуждать их⁸⁹.

⁸⁷ Ordonnance № 7 du 16 novembre 1940, créant l'Ordre de la Libération // Journal officiel de la France libre, 1941, № 2, 10 février. P. 7.

⁸⁸ Décret du 29 janvier 1941, réglant l'organisation de l'Ordre de la Libération // Journal officiel de la France libre, 1941, № 3. 25 février. P. 10.

⁸⁹ Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. С. 405; Судьба советских военнопленных // Личный архив М.В. Ковалева.

Н.В. Вырубов много раз подчеркивал, что война развела его со многими представителями русской общины во Франции. В одном из писем к автору этих строк он упомянул о Григории Павловиче Ламздорфе (1910–2004): «Мы в детстве были друзьями, но после войны я его перестал видеть»⁹⁰. На первый взгляд, трудно понять, какие мысли и чувства скрывались за лаконичной фразой «перестал видеть». А потому в нее стоит вчитаться пристальнее. Г.П. Ламздорф провел детство и юность в «русском Париже». Когда началась Гражданская война в Испании, он пошел воевать на стороне Франсиско Франко. Затем вернулся во Францию. После нападения Германии на СССР он добровольно поехал на Восточный фронт в качестве переводчика при штабе командующего войсками охраны тыла группы армий «Центр» генерала Максимилиана фон Шенкендорфа⁹¹.

По всей видимости, Н.В. Вырубов поведение многих своих знакомых воспринимал тяжело и болезненно. В одном из писем он явно не без горечи сообщал: «Начну с того, что скажу, что безучастие эмигрантов в войне меня глубоко затронуло. Вернувшись в Париж, в 1945 г., мне стало ясно, что не только ни один из моих друзей не вовлекся в военные действия или в Соппротивление после перемирия 1940 г., но и духовно не разделял мое вовлечение. Это прервало наши дружеские отношения и на всю жизнь лишило русской дружбы»⁹². Он с явной тоской и печалью говорил в одном из интервью, что в освобожденном Париже ему некому было позвонить, некому было сказать: «Пьер, Жак, ты знаешь, я только что вернулся с войны...» Его тетя, сестра матери, которая в период оккупации жила в парижской квартире Вырубовых, сказала своему племяннику: «Ты знаешь, будь осторожным, потому что тот-то был в немецкой армии, отец того-то был в немецкой армии, этот работал в качестве гражданского служащего и сделался очень богатым... Будь осторожен»⁹³. Прежний общий дух был утерян. Война окончательно развела русских эмигрантов.

Н.В. Вырубов был противником двух крайностей – раздувания числа русских, воевавших на стороне немцев, и одновременно преувеличение их роли в антинацистской борьбе. Он любил повторять, что число соотечественников, пошедших к де Голлю, было несопоставимо с количеством эмигрантов во Франции. Он был убежден, что большая часть русских оста-

⁹⁰ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 27 августа 2006 г.

⁹¹ Вронская Д. Григорий Ламздорф, последний «франкист», последний «власовец», предатель ... патриот? // Европейский вестник. Лондон, 1996, № 9. С. 2–6.

⁹² Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 18 ноября 2007 г. Та же мысль звучала и в иных письмах: Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 3 декабря 2007 г.; Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 24 января 2008 г.

⁹³ 1 DE LA DFL – Souvenirs, témoignages... Nicolas Wyruboff (1915–2009), Compagnon de la Libération (BM 11). Extraits de ses entretiens avec Pascal Mailhos (Toulon, 1998) // <http://www.1dfl.fr/1-de-la-dfl/nicolas-wyruboff-bm-11/>

лась лишь зрителями, но не участниками событий. Разумеется, нападение Германии на СССР заставило каждого определить отношение к Родине, и это привело эмиграцию к расколу. Кто-то ушел в Сопротивление, но многие, даже сочувствуя победам Красной Армии, себя в годы войны никак не проявили. Потому, по его мнению, «эмиграция не заслуживает особого внимания»⁹⁴, а тема эта не ставит ее в «выгодное положение»⁹⁵. И все же, я думаю, он был слишком критичен в оценках. Многие выходцы из России достойно проявили себя в годы войны. Имена Б.В. Вильде, А.С. Левицкого, матери Марии, В.А. Оболенской, Н.Н. Румянцевы, Р. Гари (Р.Л. Кацева), З.А. Пешкова навечно вписаны в историю борьбы с нацизмом и освобождения Франции. О заметной роли «белых русских» в Сопротивлении говорил Морис Дрюон⁹⁶.

После войны Н.В. Вырубов вступил в «Содружество русских добровольцев, партизан и участников Сопротивления во Франции», руководителем которого стал И.А. Кривошеин. Он вспоминал, как Н.В. Вырубов, заполняя опросный лист для вступления в «Содружество», напротив вопроса «Имели ли вы дело с немцами, и если да, то почему?» написал: «Да, имел, – на полях сражения»⁹⁷. Справедливости ради скажем, что Н.В. Вырубов быстро выйдет из рядов организации, будучи не согласным с ее просоветским возвращенческим духом.

Эмиграция и война разбросала Вырубовых. Николай Васильевич вспоминал: «Брат Василий окончил агрономический институт в Англии, думая, что это могло бы ему пригодиться в Пензенской губернии. На самом деле это помогло ему успешно прожить в Аргентине»⁹⁸. Сам Н.В. Вырубов в 1946 г. принял французское подданство. В 1948 г. он поступил на работу в Международную организацию по делам беженцев (International Refugee Organization), созданную двумя годами ранее, и призванную помочь пострадавшим от Второй мировой войны. Одним из первых его заданий стала командировка в Германию, лежавшую в руинах, и заполненную беженцами. В английской зоне оккупации он должен был заниматься проблемами перемещенных лиц из СССР и особенно военнопленных. Во время одной из поездок он оказался вблизи Висбадена и первым делом решил найти «тетю Грету», которая когда-то вызволила Вырубовых из Советской России. Ее муж, «дядя Саша», давно умер. Она снова вышла замуж, и снова за русского – выходца из рода Шереметевых. Н.В. Вырубов разыскал

⁹⁴ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 27 июня 2006 г.; Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 3 декабря 2007 г. // Личный архив М.В. Ковалева.

⁹⁵ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 4 сентября 2007 г.

⁹⁶ М. Дрюон – М.В. Ковалеву, 25 января 2006 г.

⁹⁷ Кривошеин И.А. Русские участники Сопротивления во Франции. С. 100.

⁹⁸ Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. С. 402.

супругов в барачном лагере в пригороде. Его глазам предстали два усталых, грустных старика, которые лишились всего, даже своего дома, и стали нищими. Н.В. Вырубов «смог отдать ей должное и облегчить последние тусклые дни ее жизни»⁹⁹. Вскоре она ушла из жизни. Как представитель Международной организации по делам беженцев Н.В. Вырубов дважды посещал Корейский полуостров во время кровопролитной войны 1950–1953 гг.

В июне 1952 г. Н.В. Вырубов указом президента республики был произведен в кавалеры ордена Почетного легиона. В представлении на награждение он был назван «блестящим воином русского происхождения», человеком «исключительной смелости и абсолютно презирующим опасность», «великолепным примером самоотверженности во имя Франции»¹⁰⁰. Он со свойственной ему скромностью воспринял это событие. Награды служили для Н.В. Вырубова не фактом признания личных заслуг. Для него важен был моральный аспект, о котором он очень точно выразился на склоне жизни: «Я рад не тем, что мне удалось заслужить похвалы и ордена во время войны, а тем, что мое русское имя врезано на мраморной плите, среди тех, кто отличился в Освобождении Франции»¹⁰¹.

В 1996 г. президент Франции Жак Ширак возведет Н.В. Вырубова в ранг командора ордена Почетного легиона и лично вручит ему высокую награду в Елисейском дворце.

Н.В. Вырубов, высокий, статный красавец с изысканными манерами, пользовался неизменным успехом у женщин. Однако, так сложилось, что два самых ярких романа времен его молодости закончились ничем. Его избранницей могла стать великая британская балерина Марго Фонтейн (Margot Fonteyn; 1919–1991), будущая партнерша Рудольфа Нуреева. Но в дело вмешался отец, В.В. Вырубов, который приложил немалые усилия, чтобы воспрепятствовать браку сына с «танцовщицей». Вмешался он в его личную жизнь и в другой ответственный момент, вновь не разрешив жениться. Тогда невестой Н.В. Вырубова могла стать восточная красавица, дочь крупного индийского политика, с которой он познакомился во время учебы в Оксфорде. Пройдут годы, и весь мир узнает ее под именем Индиры Ганди (Indira Priyadarshini Gandhi; 1917–1984), яркого и решительного премьер-министра Индии. В итоге, Н.В. Вырубов вступил в брак лишь в 38 лет, в декабре 1953 г. Его женой стала Сабин де Ноай (Sabine de Noailles; 1931–2010), представительница влиятельной французской аристократической семьи, ведущей свое начало с XIII в., дочь Анри де Ноайя (Henri

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Extrait du Décret en date du 7 Juin 1952 (копия) // Личный архив М.В. Ковалева.

¹⁰¹ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 11 декабря 2007 г.

Н.Д. Лобанов-Ростовский с Марго Фонтейн

Antoine Marie de Noailles; 1890–1947), герцога де Муши (duc de Mouchy) и герцога Пуа (duc de Poix). Их союз окажется счастливым: супруги проживут вместе 55 лет. Сабин всего на год переживает своего мужа.

После окончания Корейской войны, Н.В. Вырубов продолжал работу по делам беженцев в аппарате ООН, по долгу службы жил в Вене и Лондоне. В 1958 г. его карьера делает поворот: он покинул свой пост и вернулся во Францию. Одной из причин такого поступка было возвращение к власти Ш. де Голля, к которому Н.В. Вырубов на протяжении всей жизни испытывал самые теплые чувства. Они не были друзьями, но духовно, несомненно, были близки. Еще в феврале 1955 г. генерал подарил бывшему сослуживцу первый том своих военных мемуаров со следующей надписью: «Николаю Вырубову в память нашей борьбы, дружески, его соратник. 9.2.55»¹⁰².

В 1961 г. Н.В. Вырубов встретил военный мятеж в Алжире в качестве сотрудника службы военной безопасности. Об этой стороне его деятельности, к сожалению, почти ничего не известно. Затем он выполнял министерские поручения по делам репатриантов из Северной Африки. И вдруг новый резкий поворот.

¹⁰² Цветная копия титульного листа «Военных мемуаров» Ш. де Голля с автографом автора // Личный архив М.В. Ковалева.

Н.В. Вырубов внезапно прерывает свою французскую карьеру и сосредоточивается на общественной работе в эмигрантской среде. В 1963 г. он становится руководителем Земгора (и пробудет на этом посту до 1990 г.), куратором его гуманитарных программ и хранителем архива. Он много помогает знаменитой Тургеневской библиотеке в Париже. Но едва ли не главным направлением его энергичной деятельности становится налаживание культурных контактов с СССР. Н.В. Вырубов посетил Москву в 1965 г. в составе французской делегации, возглавляемой председателем Конституционного совета Франции Гастоном Палевским. Так, он встретился с Родиной после сорока лет разлуки.

Нет, Н.В. Вырубов не стал поборником советской власти и до конца жизни не примирился с ней. Его антикоммунизм носил особый характер, который наглядно обрисовывали его же собственные слова: «Знаете, за что я невзлюбил большевиков? Нет, не из-за политических или идеологических разногласий, а потому что мне пришлось жить здесь, а не на моей Родине. Если бы мой отец мог спокойно жить и работать в Советской России, не бояться за себя и своих близких, ходить на службу, получать зарплату, то он остался бы в Советском Союзе. Он очень снисходительно относился к тому, что там происходило, хотя и не был согласен с происходящим. Духовно он был связан с родиной»¹⁰³. Таким образом, Н.В. Вырубов был свободен от определенных фобий, а потому пытался оказать посильную помощь своей исторической Родине, веря в ее будущее. Она виделась ему в первую очередь в сохранении великого культурного наследия и исторических традиций. Потому сам он активно дарил произведения искусства из своей личной коллекции советским, а затем российским музеям. Его подарки ныне бережно хранятся в Государственном музее А.С. Пушкина, Пензенском государственном краеведческом музее, Музее М.И. Цветаевой, Алексинском художественно-краеведческом музее и др. В 1982 г. Н.В. Вырубов вновь приезжал в СССР, но уже с частным визитом, желая увидеть связанные с историей его семьи места. Тогда он посетил Орел и побывал в имении Спасское-Лутовиново, где прошли годы раннего детства. В последний раз Н.В. Вырубов прибудет на Родину уже после распада СССР. В июле 2003 г. он прилетит в Москву в составе французской делегации для открытия выставки в честь Шарля де Голля в Государственном историческом музее. В 2005 г. в российском посольстве в Париже посол А.А. Авдеев наградит Н.В. Вырубова юбилейной медалью «60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Полагаю, что это было хоть и заслуженное, но слишком запоздалое признание его заслуг перед Родиной.

¹⁰³ Цит. по: Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха. Судьба. Коллекция. С. 404.

Увы, Н.В. Вырубов не вел дневников, принципиально не хотел писать мемуары. Его личные рассказы, интервью, письма остаются главными источниками для изучения его биографии. Все они, в основном, относятся к периоду 1990–2000-х годов. В 1988 г. на одном из публичных мероприятий Н.В. Вырубов познакомился с Паскалем Майосом (Pascal Mailhos; род. 1958), в тот момент – главой кабинета префекта Сена и Марна. Между ними завязались близкие и доверительные отношения. Французский политик был так поражен биографией своего русского собеседника, что стал любезно уговаривать его записать воспоминания. Лишь в 1998 г. во время встречи в Тулоне, где П. Майос занимал пост генерального секретаря департамента Вар, он убедил почтенного ветерана дать развернутое интервью о его жизни.

Но потребовалось еще 10 лет, прежде чем «Беседы» с Н.В. Вырубовым увидели свет в виде отдельной книги¹⁰⁴. К сожалению, издание это изначально стало библиографической редкостью, найти его даже во французских библиотеках весьма непросто, а потому широкого отклика со стороны читателей оно не получило.

На закате жизни Н.В. Вырубов вновь и вновь возвращался к своему военному прошлому. Многие ветераны признаются, что война никогда не отпускала их, что даже через много лет после ее окончания им вспоминалась первая атака, во сне являлись погибшие товарищи, слышался свист пуль и грохот снарядов. Говорят, что война притупляет чувства, но она же заставляет по-особому ценить любовь, дружбу, сострадание и саму жизнь. Н.В. Вырубов делал краткие заметки о своих боевых товарищах, о тех, с кем свели его дороги войны.

В его памяти возникали образы русских солдат, с которыми ему довелось столкнуться на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Это и немолодой солдат Александр Слюсарев, посланный в начале войны в Ливан, а потом присоединившийся к деголлевцам. В Париже у него осталась жена, о которой он с нежностью вспоминал, и к которой мечтал вернуться. Он храбро и отчаянно сражался, в Тунисе был смертельно ранен и умер в военном госпитале.

Другой пример – веселый, жизнерадостный юноша Евгений Арсаматов, сын русских эмигрантов из Шанхая. Он приехал в Египет в 1941 г., чтобы присоединиться к армии де Голля, и был определен мотоциклистом при штабе. Он мечтал увидеть Париж, о котором так много слышал, но был убит под Тулоном в 1944 г. в первые дни после высадки союзников на юге Франции. Нельзя не упомянуть и об Александре Ручейкове, солдате Иностранного легиона, в котором он прослужил 20 лет. В сражениях

¹⁰⁴ Wyruboff Nicolas. Compagnon de la Liberation: Entretiens avec Pascal Mailhos. Toulon, 2008.

он потерял левую руку и один палец на правой. У него не было ни друзей, ни семьи. Выйдя из строя, он остался при своей части, служил в солдатской столовой в Дамаске, где его в 1941 г. и встретил Н.В. Вырубов. Ручейков упросил командование взять его с собой в поход вольным солдатом. Он прошел Ливию, Тунис, Италию.

Под конец войны он оказался во Франции, где раньше никогда не бывал, и где быстро угас в непривычной для него городской жизни, мирной жизни... «Какая сила побудила его к участию в войне? – задавался вопросом Н.В. Вырубов – Может быть, желание придать значение своей тусклой жизни в казарме, стремление пошевелиться, принести помощь хотя бы своим присутствием. А, может быть, при известии, что его страна находится под угрозой, в нем взволновалась русская кровь»¹⁰⁵. Н.В. Вырубов пытался понять, что двигало всеми ими? Могли ли они остаться в стороне от событий, не затрагивавших их лично, но менявших судьбы всего мира. Размышления о маленьком человеке в большой истории, о моральной ответственности каждого всемерно занимали его.

Н.В. Вырубов много внимания уделял сохранению памяти об эмигрантах, участниках антинацистской борьбы в Европе. Эта работа стала для него своего рода моральным долгом. Именно Н.В. Вырубов добился установки на Сент-Женевьев-де-Буа памятника русским участникам Сопротивления¹⁰⁶. В 1991 г. он опубликовал в Париже брошюру «В память павших воинов». Это была своего рода книга памяти русских участников Второй мировой войны. В нее были внесены имена 239 эмигрантов, погибших в рядах французской армии, войсках де Голля и в рядах Сопротивления¹⁰⁷.

Список был далеко не полным, и по его собственному мнению носил скорее символический смысл¹⁰⁸. Он был убежден, что об участии эмигрантов в войне было «очень неудачно написано»¹⁰⁹, а потому стремился сохранить имена соотечественников, отдавших свою жизнь за свободу Европы и мира. Н.В. Вырубов многократно повторял, что исследователи не поняли духовного порыва русских добровольцев: «В России иначе воспринимают, иначе толкуют, для вас Россия реальность, а для меня миф»¹¹⁰. Он, как, пожалуй, любой ветеран, трепетно относился к памяти о войне, довольно резко критиковал книги и

¹⁰⁵ [Записка Н.В. Вырубова об участии русских в Сопротивлении. Париж, 1996 г.]

¹⁰⁶ В последние годы своей жизни он переживал, что после его смерти памятником некому будет заниматься, что за ним перестанут следить и ухаживать (Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 11 декабря 2007 г.).

¹⁰⁷ *Вырубов Н.В.* В память павших воинов. Париж, 1991.

¹⁰⁸ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 16 марта 2006 г.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 4 сентября 2007 г.

статьи, не укладывавшиеся в его мировоззрение. Порой справедливо, порой не очень.

Н.В. Вырубов осознавал фундаментальную разницу боевых действий на Восточном и Западном фронтах. Если на Западе, по его словам, победа была одержана «превосходством механических сил», то у «русского солдата» было завоеванное им «чувство личного подвига»¹¹¹. Он нередко повторял, что «Запад воевал против Германии, а не против фашизма, все население, кроме редких оппонентов, сочувствовало Гитлеру»¹¹². В этом ему виделась главная причина разного восприятия Второй мировой войны в России и Европе. Он сетовал, что сегодня Победа и война остались на Западе только в музеях. В то же время он был противником официального празднования Дня Победы («Теперь празднование превратилось в развлечение»¹¹³), видя в нем, в первую очередь, день памяти погибших. Он полагал, что власть в России так и не воздала должных лавров главному победителю в войне – простому солдату¹¹⁴. Н.В. Вырубов был убежден, что судьба «обычных людей» на войне не изучена, не написана, а потому призывал внимательно изучать их судьбы, хранить и читать письма с фронта¹¹⁵. Его история войны – это история простых солдат, к которым он причислял и себя. Найдите ветеранов, поговорите с ними, наставлял он меня в одном из своих писем, «скоро будет поздно»¹¹⁶.

Ему самому суждено было оказаться последним русским участником Французского Сопротивления. Николай Васильевич Вырубов ушел из жизни 13 августа 2009 г. в Париже...

«Простой солдат с осанкой маршала и манерами князя», «великолепный своей несовременностью», – написал о нем журналист Иван Толстой¹¹⁷. И эта краткая характеристика как нельзя точно отражает многогранную, яркую, неутомимую натуру Н.В. Вырубова. Его жизненный путь – это путь человека, твердо отстаивавшего правду, боровшегося за высокие моральные идеалы. «Добровольное участие в войне стало частью моей жизни», – сказал он однажды¹¹⁸. В самом деле, сквозь жизнь и судьбу Н.В. Вырубова преломился весь XX век с присущими ему страданиями, трагедиями и одновременно с оптимизмом и верой в будущее. Собственно, за это будущее и боролся он, русский доброволец, простой солдат в армии де Голля.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 15 октября 2007 г.

¹¹⁴ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 4 сентября 2007 г.

¹¹⁵ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 27 августа 2006 г.

¹¹⁶ Н.В. Вырубов – М.В. Ковалеву, 1 ноября 2006 г.

¹¹⁷ Толстой И.Н. Когда русские были европейцами. Николай Васильевич Вырубов. 1915–2009 // Новый журнал, 2010. Кн. 258. С. 354–355.

¹¹⁸ Белкова Г. Указ. соч. С. 108.

«О Вырубове нужно говорить, как о личности, которая открылась для России в поступках ...»¹

*Беседа Е.С. Федоровой с главным редактором журнала
«Наше наследие» В.П. Енишерловым*

Характерным симптомом идущей вверх волны культуры или признаком ее нового этапа в России за два с половиной последних столетия оказываются журналы. В такие времена они всякий раз показывают новое и неожиданное качество, а интерес общества к ним повышается. Так, вкус к невиданной в XVIII в. в России сатирической журналистике привила сама Екатерина II, создав журнал «Всякая всячина» и разрешив всем желающим издавать подобные журналы. Журналы Н.И. Новикова ответили еще более актуальным и острым стилем на инициативу императрицы. «Современник», издаваемый А.С. Пушкиным, П.А. Вяземским и П.А. Плетневым (а позже А.А. Краевским, В.Ф. Одоевским,), хотя общество показало некоторую неготовность к серьезной периодике, обнаружил огромный, нераскрытый всего за полвека культурный потенциал образованной части России. Идущие вслед за ним журналы Золотого века российской культуры явили «тектонический сдвиг» в развитии культуры. А «Современник» подхватили Н.А. Некрасов, В.Г. Белинский и И.И. Панаев, создав тот феномен русской культуры, который можно назвать хрестоматийным и который является общероссийской ценностью, входя во все без исключения школьные программы.

Эстетический переворот в России, художественно сформировавший эпоху Серебряного века, в первую очередь, совершили журналы «Мир искусства» (1898–1904), «Аполлон» (1909–1917), «Золотое руно» (1906) и др. «Оттепель» конца 60-х прошлого столетия неразрывно связана с журналом «Новый мир» и именем его редактора А.Т. Твардовского. Самым первым знаком надвигающейся «новой эры» в жизни советского общества конца 1980-х годов тоже стали журналы, например, «Огонек», чьи новые публикации собирали у газетных ларьков очереди, вполне соизмеримые в те времена с охотой за продовольствием.

Но если большинство журналов Перестройки выдохлись вместе с отошедшей ныне эпохой, и, потеряв сенсационность и новизну, потеряли практически своего читателя, то «Наше наследие» пережило своего родителя – Перестройку и продолжает более двух десятков лет сохранять глубину, перспективность своих публикаций и их высокий во всех отношениях уровень (ментальный, информационный, полиграфический). Поэтому, как представляется, «Наше наследие» уже и сейчас – «веха» рос-

¹ Опул. на сайте «Нашего наследия».

сийской культуры, подобно «Современнику» XIX в., источник, который необходимо рекомендовать в разных курсах программ среднего и высшего отечественного образования. Его художественно-общественные акции, международные контакты на протяжении всех лет имели обдуманый и социально необходимый характер. Так, привлечение к Редакционному совету журнала представителей эмиграции – незнакомая доселе практика – обогащало, думается, и ту, и другую сторону – русскую диаспору Зарубежья – и россиян нового поколения. В этом журнале за каждой публикацией стоит какое-либо значимое художественное или историко-культурное событие. Одна из интересных страниц истории журнала – взаимоотношения с героем Сопrotивления, кавалером всех французских орденов, Николаем Васильевичем Вырубовым (1915–2009). Рассказывает главный редактор «Нашего наследия» **Владимир Петрович Енишерлов**.

Первым, кто написал о Николае Васильевиче, была Гелия Белкова (позже, в замужестве, Гелия Певзнер), живущая сейчас в Париже. Дело было так. Мы познакомились с Николаем Васильевичем в Париже. А я в те времена часто бывал в Париже и Лондоне, виделся позже с ним и там, и там... У Вырубова был приятель, я бы даже сказал, друг, Георгий Илларионович Васильчиков, работавший в компании Де Бирс и потому связанный с нами разнообразными общими делами и предприятиями. Васильчиков был настоящим писателем, историком, автором интереснейших мемуаров. С Николаем Васильевичем они были почти ровесниками, Васильчиков тремя годами моложе. И пришли мы однажды с Васильчиковым в небольшой ресторанчик – там он и познакомил меня с Вырубовым. Николай Васильевич мне очень понравился: он отличался значительностью личности от множества эмигрантов, которых я в те годы успел повидать и которые, надо сказать, тогда были чрезвычайно хорошо настроены к России. Должен заметить, что поколение эмигрантов «первой волны», ощущавших себя русскими людьми, именно на этих людях и закончилось – их дети уже не чувствовали себя русскими. Я со многими из детей эмигрантов этого круга встречался. В основной массе они уже не знают русского языка. Если у некоторых из них были хорошие родители, сумевшие передать интерес и уважение к России, дети в какой-то мере тянулись к русской культуре, к русскому языку. Но они уже стали европейцами по ментальности, культуре, образу жизни.

Вырубов отличался также и от большинства людей своего поколения. Мы знаем о его достойной позиции и мужественных поступках во время Второй мировой войны. Он был, когда нужно, человеком действия. А в эмигрантской среде конца XX в. он стоял особняком. Он всех, понимаете, знал, со всеми был знаком, но с некоторой холодной отстраненностью

смотрел на суету встреч бывших эмигрантов, которые только говорят-говорят-говорят, и что особенно прискорбно, поддерживают «претензии на престол» этих потомков Гогенцоллернов – Марии Владимировны и ее сына Георгия. Мне кажется, Николай Васильевич счел своим долгом написать письмо, одновременно с Васильчиковым, по поводу этих притязаний матери Марии Владимировны – Леониды Георгиевны. Если Вырубов был осторожен, не ввязывался ни в какие конфликты, занимался своей личной благотворительной работой, то его приятель, князь Васильчиков, отправил в газету свое злое письмо об этом.

Вырубову была чужда «коммерческая подоснова» всех этих претендентов. Его отличала особая любовь к русскому языку, очень большой интерес, прежде всего, к будущему России, к политической стороне ее развития. У меня сохранилось несколько писем Вырубова ко мне конца 90-х годов прошлого века. Они не опубликованы. И в каждом он пишет, что постоянно думает о России: *«какая беда, что Россия не может стать твердо на ноги»:*

«Все думаю о России, и думаю больно, что народу не хватает, а государство все кланчит, – он имеет в виду, что тогда власти стремились просить у Запада материальной помощи. – Сколько талантов в России, а вот управлять государством не выходит! Неужели придется еще раз призывать Ельцина? Аденауэр и де Голль тоже были в годах, но они же сумели укрепить свои страны...»

В то время, когда мы с ним познакомились, я привел из «Огонька», где мы вместе работали, в «Наше наследие» Гелю Белкову – она закончила романо-германское отделение филфака МГУ, прекрасно знала французский язык. И я решил отправить ее к Вырубову, чтобы сделать интервью с ним. Созвонился. Договорился. Получилась прекрасная публикация². И они подружились. Позже Николай Васильевич помог ей переехать во Францию, некоторое время она даже была у него кем-то вроде литературного секретаря, сделала с ним несколько книг, в частности, книгу о «Кресте Освобождения», где приводится список русских, участвовавших во Французском сопротивлении. Она сделала и другую прекрасную работу о Вырубове – о его похоронах, когда гроб Николая Васильевича в церкви при Дворце инвалидов был покрыт французским флагом, и вокруг были французские флаги, а священник отпевал его по православному обряду, что, конечно, было удивительным и неординарным для Франции событием³...

² Белкова Г. Русская фамилия Вырубовы. // Наше наследие, 1993, № 28. С. 101–112.

³ Левзнер Г. Николай Вырубов: последний русский кавалер Ордена Освобождения. Сайт «Архив»: http://www1.rfi.fr/acturu/articles/117/article_4283.asp

Ему не только во Франции отдавали высшие почести, но и в нашей стране относились к нему серьезно и хорошо. Он чем умел, старался помочь России. А чем он мог помочь? Он был вполне состоятельным человеком, у него было достаточно много реликвий, связанных с Россией. С большой щедростью он стал передавать их в музеи России, не только в Москву, но в Орел, во Мценск и там далее – места, связанные с именами Тургенева и Фета. Ведь он был потомком того и другого. Как-то он сказал мне, что сожалеет о том, как невнимательно слушал рассказы бабушки о прошлом, в частности, о ее встречах с Львом Толстым. В его семье всегда ощущалась щедрость по отношению к России. Ведь он понимал, что кроме как своими дарами он ничем не мог поддержать страну. А помогать ему неизменно хотелось. Так, наша редакция содействовала передаче России портретов великого князя Константина Павловича, брата Николая I, портрета семьи Львовых, семьи Александровых, которые он предназначал для Павловска. Мы помогли их перевезти, опубликовали. Правда, вначале он был недоволен тем, что портреты попали не туда, где, по его мнению, им должно было быть место. Впоследствии все разрешилось. Кстати, эти портреты находились в Париже со 2-й половины XIX в. – один из Львовых, родственник Председателя Временного правительства Львова, был биологом, ученым и жил в столице Франции. Позже Николай Васильевич способствовал изданию книги о Георгии Евгеньевиче Львове в издательстве Дома русского зарубежья⁴, чем был очень доволен и гордился – он отдал дань Львову...

Помню, Геля Белкова рассказывала мне, как беспокоился Николай Васильевич о том, чтобы имена русских героев Французского Сопротивления не были потеряны для России. Ее работы, сделанные вместе с Вырубовым, посвященные этой и другим темам, на мой взгляд, наиболее полные и серьезные публикации Николая Васильевича...

Он немножко занимался коллекционированием. Важной вехой жизни Николая Васильевича была Саломея Андроникова-Гальперн. Несколько лет назад Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, племянник Вырубова, подарил ее портрет музею Цветаевой. Это большая работа, написанная сангиной художником Александром Яковлевым. Оказалось, что портрет был выставлен на аукцион Вырубовым, и тот был несколько обижен, что Никита Дмитриевич его купил. «...если бы я знал, – говорил он, – что Никита Дмитриевич собирается его подарить, я бы и так отдал...»

Раз от разу мы встречались с Вырубовым в ресторанах, вели разговоры, ему всегда было интересны события в России, и он больше слушал, чем говорил. Надо сказать, что он был глуховат – это было следствием военной контузии, глухота с годами усиливалась, и с этим ему приходилось

⁴ Князь Г.Е. Львов. Воспоминания / Сост. Н.В. Вырубов. М.: Русский путь, 2002.

все трудней и трудней. Самым главным, чем Николай Васильевич интересовался, – это обсуждение возможностей политического развития России. А также его *idée fixe* был примат этики над политикой, что он считал залогом движения европейской цивилизации. Вырубов был, безусловно, русским европейцем. И в вопросах политики, скорее, европейцем был больше, чем русским. Из-за этого они на страницах нашего журнала поспорили с историком Сигурдом Шмидтом⁵. Но здесь была неравная борьба. Дело в том, что Шмидт написал большую профессиональную статью об историческом пути России и ее взаимодействии с Европой, интересную, но в ней не было открытий. Николай Васильевич же впервые познакомился с такой точкой зрения, привычной для российского читателя. Он прислал мне письмо с просьбой опубликовать его мнение. И мы его опубликовали, исходя из того, что Вырубов был членом Редакционного совета (Письмо Н.В. Вырубова опубликовано в наст. издании. С.00). В «Нашем наследии» было такое правило: мы всегда публиковали мнения членов Редакционного совета журнала. Прежде, чем публиковать, я отправил мнение Вырубова Шмидту. Тот удивился, обиделся. Но бой состоялся, и он был неравным по владению материалом, поскольку возражения были несколько наивными. Но нам было важно представить европейское мнение, у нас не бытующее, хотя и высказанное в форме возражений на статью. Вырубов написал в соответствии с традициями западного читателя, который по свежим следам высказывает свое живое впечатление так, как он понимает, как он видит явление, не будучи специалистом в каком-то вопросе, а просто порядочным человеком, имеющим свое представление. Так бы поступило множество читающих, например, «Times». Шмидт делал упор на то, что Россия приняла на себя множество испытаний, в частности, татаро-монгольское нашествие, тем самым спасая от них Европу.

Вырубов полагал, что Россия теснее связана с Западом и более зависима от него на многих этапах культурного развития. Точка зрения Шмидта во многом оправдана историческим материалом, который он долго изучал. Ведь, как известно, и Блок в стихотворении «Скифы» писал о русских, которые *«держали щит меж двух враждебных рас – Монголов и Европы!»* Здесь все-таки, повторю, у Николая Васильевича была на первом плане идея большого влияния западной этики, западной культуры на Россию, хотя, безусловно, он понимал Россию, отдавая ей должное, понимал русскую литературу, ее значение в XIX в. Но это было пониманием не на уровне специалиста, а на уровне просто умного и читающего человека.

⁵ Шмидт С.О. Грани веков // Наше наследие, 2000, № 53. С 3–10; Вырубов Н.В. По поводу статьи Сигурда Шмидта «Грани веков» // Наше наследие, 2001, № 57. С. 145–147; Шмидт С.О. В редакцию журнала «Наше наследие», 2001, № 57. С. 147.

Не в этом было значение Вырубова, а в личности! Он был русским джентльменом, если можно так сказать, чрезвычайно порядочным, чрезвычайно точным и много размышлявшим, сохранившим свою «русскость», как говорят эмигранты. Таких людей почти уже нет. Его русскость проявлялась в естественной любви к своей стране, и в желании ей действительно служить поддержкой. Он не много бывал в России. Я всего один раз видел его в Москве. Это была правительственная делегация Франции, приехавшая на открытие памятника де Голлю, в которую как соратник генерала был включен Вырубов. Ужасный памятник работы Церетели стоит перед гостиницей «Космос». Он был вместе со своим племянником, Юрием Александровичем Трубниковым, мы, как обычно, встретились в одном из ресторанов. Я хотел, чтобы с Вырубовым познакомился кто-нибудь из руководителей страны. И я практически договорился с тогдашним председателем Совета Федерации Сергеем Михайловичем Мироновым о том, что Миронов примет Вырубова. Тем более, что Николай Васильевич писал о нем в письме ко мне, о его интервью в одной из наших газет, где Миронов отмечает «слияние русской и европейской культур»:

«Когда Миронов напоминает, что в неухоженном Петрограде после революции трава пробивалась сквозь булыжники, он, вероятно, хочет сказать: сквозь деревянную мостовую. Мы с братом по ночам вырывали из нее куски для отопления».

Кончилось это все тем, что какие-то досужие люди эту встречу «предотвратили». Буквально за два-три часа до встречи мне позвонили и сказали, что Миронов чем-то занят, и встреча не состоится. Что-то там у сильных мира сего не «срослось». Мне очень жаль. Потому что таких людей, как Вырубов, надо было больше вовлекать в нашу жизнь. Он не был «активен», как некоторые эмигранты, чрезмерно стремящиеся поближе к нашему начальству, но именно он олицетворял лучшую часть русских людей, проводивших свою жизнь вдали от России...

В 2002 г. он прислал мне заметку о русской эмиграции, которую мы опубликовали. Вырубов пишет:

«Теперь, когда Россия распахнула окно, вступая в европейское русло, настало время воспрянуть новому духу...»

Он не устал надеяться, что настало время обновиться «русскому духу». Конечно, люди поколения Вырубова немного идеализировали время своих отцов. И это понятно. Целая группа людей, и лучших людей, была вышвырнута

из России в эмиграцию. Но российское время для них застыло на той точке. Эти люди не совсем понимали, какую борьбу и какое существование ведут оставшиеся здесь, и как они создают вопреки трудностям.

Я ему – и другим – напоминал о том, что писала Ахматова: *«Мне голос был. Он звал утешно, / Он говорил: «Иди сюда, / Оставь свой край, глухой и грешный, / Оставь Россию навсегда... / Но равнодушно и спокойно / Руками я замкнула слух...»*.

Ведь когда Ахматова отправилась в Оксфорд получать профессорскую мантию, а затем в Париж – литературную премию, она свидетельствовала, что многих не узнала из своих литературных сверстников и знакомых. Они не понимали, что перенесла наша интеллигенция и оставшиеся на родине аристократы, как их выкидывали из жилищ и из жизни, как они ютились в подвалах, дворничьих и подворотнях, но трудились, занимались и интеллектуальной работой, например, переводили. Как говорила Ахматова в этом случае об эмигрантах: «вас здесь не стояло». Ведь многие не уехали не потому, что не могли, уйти, например, через Финский залив, но и не хотели покидать Россию, а кое-кого из интеллектуалов выслали насильственно, как «философский пароход» в 1922 г. Впрочем, может быть, этим и спасли; не разделили ли бы они судьбу Мандельштама, Карсавина?.. Вот это отношение эмиграции чуть-чуть «сверху» к тем, кто остался в России, жил в страшных условиях, кто как мог боролся здесь и тоже сохранял культуру, я подмечал.

ЕФ: Между разговорами в кафе и членством эмигранта в Редакционном совете отечественного журнала – большая дистанция. Как сформировалась эта идея включить Николая Васильевича в совет «Нашего наследия»?

Конечно, наши разговоры с Вырубовым в кафе были содержательными и очень продолжительными, насыщенными интересной обоим сторонам информацией. А наш журнал хотел, чтобы в разных странах у нас были «точки опоры» – люди, значимые и известные в нашей стране, в западных странах и даже в мире – хорошо бы они были русскими – которые бы работали вместе с нами. Это была идея Дмитрия Сергеевича Лихачева, идея, собственно, возрождения русской культуры: ее спасения, сохранения или хотя бы консервации. К тому времени проявились огромные лакуны в культуре, образовавшиеся за 70 лет советской эпохи, и которые необходимо было заполнять. За эти годы совместного труда нам многое удалось вернуть, привезти из Европы обратно на родину, пополняя фонды – от музея М.И. Цветаевой до Пушкинского дома. До сих пор членом нашего совета остается Эдуард Александрович Фальц-Фейн, живущий в Лихтенштейне,

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский, проживающий в Лондоне; помимо Вырубова, жившего в Париже, членом совета был Васильчиков, которой обитал в Швейцарии. Сейчас членом совета является сравнительно молодой Алексей Расторов-Бернальдо де Кирос из Мадрида. Они нам помогали и помогают тем, чем могут, присылают материалы, статьи, находят разного рода сведения, новых авторов. И я очень рад, что мы с Николаем Васильевичем так долго и плодотворно сотрудничали.

Вспоминаю, он привез какие-то раритеты в музей А.С. Пушкина на Пречистенке, например, миниатюрный портрет Суворова кисти Ксавье де Местра. Кстати сказать, директор этого музея, Евгений Анатольевич Богатырев, часто посещал Вырубова и в Париже, их связывали добрые отношения. Столь же плодотворными оказались и контакты с ним директора Дома русского зарубежья Виктора Александровича Москвина, он посещал Вырубова, и тот к нему ездил, и в результате пополнились фонды этого замечательного научного центра. Директоры петербургских музеев были частными посетителями Николая Васильевича... Надо отметить, что некоторые наши начальники перебарщивали в желании часто получать для наших организаций культурные ценности от эмигрантов, и Николай Васильевич иногда шутил по этому поводу. И поэтому я старался не переступать определенной грани в отношениях, переходить «на другие ноты». Вырубов не раз приглашал меня к себе домой, но я так и не побывал у него, не считал возможным и нужным.

География его помощи была обширной. Вот, помню, он очень опекал католическую церковь святой Екатерины – давал ей деньги, его немножко обманывали, он это замечал, переживал по этому поводу. Как уже говорилось, это были тургеневские и фетовские мемориальные места в Орловской губернии. Потом, это были пензенские места, ведь Вырубовы – пензенские дворяне, а отец Вырубова был одно время членом Земской управы перед тем, как стал заниматься Земгором. Николай Васильевич туда посылал книги, даже ездил в Пензу. А мне это было интересно, я был тесно связан с пензенцами, ведь мой предок, Алексей Николаевич Бекетов, брат деда Александра Блока, был первым председателем пензенской Земской управы. Их было три брата – упомянутый Алексей; Андрей, профессор, ученый-ботаник и дед Блока Николай, академик, химик; и сестра Анна, моя прабабушка. По поводу пензенских корней у нас с Николаем Васильевичем было много разговоров, и мне это было очень приятно.

О Вырубове нужно говорить, как о личности, которая открылась для России в поступках. Он не писал больших статей, да и среди наших зарубежных членов совета не было людей, умевших профессионально писать, зато он действовал, он совершал поступки, он помогал многим русским.

Да и его благородное прошлое очень поднимало его в глазах многих. Он был достойнейшим человеком, нужно, чтобы его помнили. Думается, приходит время напечатать его две-три еще не опубликованные и сохранившиеся в нашем редакционном портфеле заметки.

ЕФ: Оказывается, Вы с Николаем Васильевичем сошлись на определенном историческом этапе как «два крыла» потомков русского дворянства, он – с той стороны, Вы – с этой, все пережившей здесь и все понимающей о нашей жизни. Это тоже, вероятно, способствовало плодотворному культурному взаимодействию?

Мы мало обсуждали эту сторону. Его судьба в детстве так же ужасна, на его долю пали те же испытания, что и другим, оставшимся на родине представителям гонимых революцией сословий. Для него дело закончилось выкупом его семьи из России, впереди была долгая жизнь в Европе, но многое он сохранял в своей памяти. Меня он интересовал именно как человек, выделяющийся из общей среды русской эмиграции, которую в какой-то момент стало модным «облизывать» – и тех, кто достоин, и тех, кто не очень. И поскольку ситуация взаимоотношений с эмиграцией вдруг изменилась кардинально со знака минус на знак плюс, причем без всякого разбора, именно поэтому я не шел на излишнее и преувеличенное сближение... Вырубов не был лично знаком с Лихачевым, но мне вспоминается такая сцена. Когда мы везли портреты, о которых я уже рассказывал, Вырубов дал нам еще большую папку с гравюрами XVIII–XIX столетий, изображавшими императоров и императриц, их приближенных и вельмож. Гравюр было штук шестьдесят. Мы только разложили их на столе – и тут входит Дмитрий Сергеевич в мантии, приехавший к нам прямо из Оксфорда. Он так и запечатлен – в профессорской мантии, среди гравюр Вырубова. Это производит впечатление, получился точно и художественно характеризующий то время снимок.

Я говорил о долгих и плодотворных контактах Николая Васильевича с директорами музеев, а больше, пожалуй, он ни с кем не завел личных знакомств.

Он был очень «политически заостренным» человеком, и, по-моему мнению, сравнивал все последующие времена с временами де Голля. Его идеи освоения европейской этики в предшествующую эпоху, наверное, были уместны, а сегодня, в свете последних событий, когда и в Европе эти идеи претерпевают изменения не в лучшую сторону, может быть, он по-другому расставил бы свои политические приоритеты. Мы прошли огромный путь со времени 1990-х, во многом, действительно сблизились,

во многом Европа в последнее время стала больше походить на нас, но в целом – люди везде люди, только у нас их очень «испортил квартирный вопрос», как говорил Берлиоз у Булгакова. Теперь потомки русской эмиграции, вокруг громких имен которых продолжают водить хороводы, и того меньше понимают в жизни россиян. Мы знаем и потомков известных родов, живущих в России, я, например, хорошо знал Голицыных, многие из которых сидели в тюрьме, страдали, но мужественно работали, как писавший книги Сергей Михайлович Голицын, инженер, участник войны, или художник Илларион Голицын. У меня они вызывают большое уважение. Конечно, эмиграция тоже жила трудно, никто с этим спорить не будет. Но этим трудностям далеко до страданий и часто трагической гибели представителей этих же фамилий, этого же круга – здесь. И было время, как истеблишмент плясал вокруг приехавших из Европы, а люди, собственно, того же благородного происхождения и не менее благородной сущности, и чрезвычайно горьких судеб, до своего конца так и остались на родине незамеченными, неоцененными. В целом же, признаю, что это сближение, состоявшееся в 1990-е, шло – и до сих пор идет на пользу и той, и другой сторонам.

Вырубова отличала интеллигентная русская речь, очень правильная, прекрасная. Он с удовольствием рассказывал о своем прошлом, обо всех его периодах, советском детстве, Оксфорде, де Голле. Найти какую-либо личностную изюминку очень трудно, но все-таки главное в нем – он русский европеец, с акцентом на слове «европеец», при том, что в нем очевидным для всех образом сказывалась русская кровь, хороша в нем была генетическая память о прошлом.

ЕФ: Мне порой кажется, что подсознательно и немотивированно отрицательное отношение к аристократам, как наследие прежней идеологии, еще себя у нас не изжило?

По-разному. Я бы на это ответил, что до сего дня встречается и ровно противоположное отношение. Вот пример. Эмигрант Михаил Михайлович Стахович, живший в Зальцбурге, в конце прошлого века стал на своей машине возить в свое бывшее имение Пальну под Ельцом гуманитарную помощь, подарки. Не раз в дороге его грабили, чуть ли ни пытались убить. Он продолжал свою деятельность. Продал драгоценную скрипку (Гварнери или Страдивари), переехал в Россию, отремонтировал конюшню, поселился в этом доме, в преклонные годы женился на директорше местного клуба и зажил счастливо. Это была замечательная семья, его обожала вся округа – да и сейчас любят память о нем... А с Васильчиковым, его

племянницами, дочерью, помню году в 1995-м, как-то прямо из редакции мы отправились в Липецкую область, в имения Вяземских–Васильчиковых Лотырево и Байгора. Увидели разрушенную церковь, в ее крипте – могилы предков Васильчикова, залитые водой. Вокруг простор, поля, чернозем. Собралась толпа, более ста человек. И к нашему огромному ужасу они стали бросаться в ноги Георгию Илларионовичу: «возьми нас обратно». Они жили еще в домах, построенных его дедом. И больница работала, тоже построенная дедом. Главный врач тут же попросил Васильчикова купить им компьютерный томограф. Тот с юмором ответил, что, дескать, в свое время вы отобрали у нас земли, дома, имущество, а я должен вам еще и томограф купить? Но что-то все-таки обещал прислать...

Человек слаб. Я думаю, сейчас уже ушло то время, когда люди относятся друг другу по сословному принципу. Во всяком случае, Вырубов относился с достаточной иронией к громким титулам и фамилиям. Он сделал дело, он был герой. А эти вещи его не слишком занимали.

ЕФ: Я считаю, что Ваш журнал сыграл исключительную роль в это «время светлых надежд», не соглашусь с эпитетом «лихие» применительно к 1990-м, тогда многое успели восполнить и сохранить для России, в том числе, Вашими усилиями, по прошествии времени яснее видно, сколь серьезен вклад журнала в историю культуры.

Это другая тема, но скажу, что слово «лихие» относится к периоду, когда из подполья вышли некие субъекты – а как говорил некогда правозащитник Григоренко, «в подполье водятся только крысы», – и стали вгрызаться в тело России, буквально растаскивать ее на части, вот какое явление определяется словом «лихие». Даже нашей редакции коснулись стремления «оторвать кусок», приходили темные личности с желанием занять наше здание. Это, в общем, мелкий факт в общей картине 1990-х, но характерный... Конечно, если рассматривать события с точки зрения истории культуры, то когда подул ветер перемен, люди смогли знакомиться с новыми книгами, было напечатано несколько сотен интереснейших текстов, для России открылось множество новых имен. И сейчас культурные открытия и культурные возвращения продолжаются. Но если тогда журнал выходил тиражом 350 тысяч экземпляров, стоил три рубля и стремительно разлетался по стране, то сейчас он выходит тиражом полторы тысячи экземпляров, стоит 600 рублей, и кроме как в Москве, продать журнал невозможно, поскольку его дорого куда-то везти. Да, признаться, интерес к истории и культуре в какой-то мере сейчас падает. У нас есть постоянный круг читателей, московская интеллигенция

продолжает читать наш журнал. Но ныне больше все-таки интересуются поездками в Египет, материальными приобретениями. Журнал дорог, но его себестоимость выше цены на него. А хорошее не бывает дешево. Государство нам не помогает. Издание продолжается «Христа ради». Находим деньги – и издаем.

Кстати, в долгих разговорах с Вырубовым мы обсуждали роль государства в развитии культуры, рассуждали о том, что государство должно опекать в какой-то мере становление духовности общества. Он считал, что православная церковь, в отличие от католической, не проявляет себя в должной мере как институт, призванный по-настоящему защищать духовную жизнь народа, уже не говоря о государстве, которому безразлично состояние музеев, культурных центров. Вот о чем мы говорили с Николаем Васильевичем, встречаясь с ним раз в несколько месяцев, а порой раз в полгода. За это время накапливались новые события, он все обдумывал, высказывал свое мнение, его, как видите, интересовал широкий диапазон российской действительности – от церкви до выборов в Думу.

Должен добавить, журнал «Наше наследие» стала делать в 1988 г. команда из шести человек, которую я увел от Виталия Коротича из того самого перестроечного «Огонька», о котором Вы говорите. Им уже тогда надоела так называемая «политическая журналистика», расцветшая пышным цветом и отравляющая общественную атмосферу в наши дни. Поэтому они, профессионалы высшего класса, с удовольствием и интересом откликнулись на предложение Дмитрия Сергеевича Лихачева создать журнал нового типа, посвященный культуре, которым и стало «Наше наследие», теперь старейший из журналов, рожденных Перестройкой. Некоторые из тех огоньковцев – пионеров «Нашего наследия» работают в журнале до сих пор. Николай Васильевич Вырубов внимательно следил за перестроечной прессой в России – «Огонек», «Московские новости» – и его, по-моему, привлекла в нашем журнале его генетическая связь с гремевшим в мире «Огоньком». Мы довольно много говорили о прессе новой России, и мне стоило некоторых трудов раскрыть ему глаза на нашу журналистку того времени и ее отличие от привычной ему западной прессы. Да и мои невеселые прогнозы поначалу удивляли его, но постепенно он убеждался в моей правоте. Как-то в одну из наших последних парижских встреч, он сказал мне грустно: «Теперь я понимаю, почему Вы с товарищами оставили суперуспешный журнал и занялись новым и весьма на первый взгляд сомнительным культурно-просветительским проектом. Академик Лихачев совершенно прав – культура будет последним оплотом России в XXI веке».

Письмо Н.Д. Лобанова-Ростовского

Никита Дм. Лобанов-Ростовский

28 Ashchurch Park Villas, London W12 9SP, Соединенное Королевство

Телефон: (+44 20) 8743-8775

Электронная почта (e-mail): nlobanov@hotmail.com

nikita.lobanov@gmail.com

website: <http://www.russika.ru/lobanov>

26 мая 2015 г.

Директору Государственного музея-заповедника Гатчина
г. В.Ю. Панкратову.

Глубокоуважаемый Василий Юрьевич,

Пишу Вам в связи с подготовкой конференции в Доме Русского
Зарубежья в г. Москва 15-го июля памяти Н.В. Вырубова. Мой дядя
Николай Васильевич был, как говорят в России, борцом против фашизма
(он воевал против нацистской Германии в войсках генерала де Голля и
был награжден самой высокой наградой Франции).

И.В. Журавков, проживающий в Вырице, будет одним из докладчиков
на конференции. В этом контексте, прошу Вас предоставить ему
возможность ознакомиться с «Гравюрами и литографиями из коллекции
Н.В. Вырубова», подаренные им музею-заповеднику Гатчина. Прилагаю
список для Вашего сведения.

С уважением,

Никита Дм. Лобанов-Ростовский

Экспертное заключение

*на коллекцию гравюр, переданных в дар Советскому Фонду культуры
Н.В. Вырубовым (Франция)*

Гравюры, поступившие в Советский фонд культуры представляют собой целенаправленно собранную коллекцию портретов русских царей, императоров, членов императорского дома, государственных деятелей, исполненных, в основном, иностранными авторами (ряд из них работали в С.-Петербурге).

Оригиналы, с которых исполнены гравюры, – работы выдающихся мастеров: Левицкий, Боровиковский, Таннауэр, Каравакк, Виже-Лебрен, Тончи, Лампи и др.

Значительная часть гравюр исполнена в XVIII в., это известные портретисты-граверы К.-А. Вортман, И. Штенглин, Дж. Уокер, которые работали в сложной и изысканной технике гравюры резцом, пунктиром, в черной манере. Эти гравюры представляют особую художественную ценность.

Численно выделяется подборка портретов великого князя Константина 1-й половины XIX в., в том числе – известнейшего русского пейзажиста К.П. Беггрова: им исполнен литографированный портрет в. кн. Константина для несостоявшегося воцарения, имеющий подпись: император.

Другой портрет в. кн. Константина, исполненный Р. Жуковским, интересен жанровой интерпретацией.

В целом же, коллекция собрана из гравюр XVIII–начала XIX в., не позднее середины XIX в., и каждый оттиск имеет безусловное музейное значение.

Следует указать, что работы, подписанные «Чемесов», не являются гравюрами, это часть альбома репродукций «Русский гравёр Чемесов», изданного Ровинским в 1878 г. Они имеют историческое и иконографическое значение.

Е.М. Жукова, ст.научный сотрудник ГТГ
Н.К. Маркова, научный сотрудник ГТГ

Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»

Коллекция документов и печатных изданий 1918–1965 гг.

№ п/п	Наименование, краткое описание	Сохранность
1.	Печатное издание. А. Кастальский. Особенности народно-русской музыкальной системы. М.; Петроград: Гос. изд-во «Музыкальный сектор», 1923. – 58 с. В обложке. Бумага. 26,5 x 18,5. На 1-й с. обл. в лев. верхн. углу запись неуст. л.: «№ 124». Черн. чернила. В тексте записи, пометы, подчеркивания неуст. лица. Простой граф. карандаш.	Пожелтение бумаги. Разрывы по краям бумаги и обложки.
2.	И.А. Бунин. Письмо [В.В. Вырубову]. 4 ноября 1929 г. [Париж]. Автограф. Черн. чернила. На русск. яз. по старой орф. Бумага в клетку. 1 л. 27,5 x 21,5.	Пожелтение бумаги. Следы сгибов. Разрывы в правом нижнем углу.
3.	Б.Н. Ермилов. Письмо В.В. Вырубову. 23 марта 1946 г. Париж. Автограф. Черн. чернила. На русск. яз. по старой орфогр. Почтовая карточка. Бумага. 1 л. 8,5 x 14,0.	Удовлетв.
4.	Б.Н. Ермилов. Письмо В.В. Вырубову. 20 февраля 1950 г. [Париж]. Автограф. Черн. чернила. На русск. яз. по старой орфогр. Почтовая карточка. Бумага. 1 л. 8,5 x 14,0.	Удовлетв.
5.	А.В. Храбровицкий. Письмо В.В. Вырубову. 15 февраля 1961 г. Москва. Автограф. Фиол. чернила. На русск. и фр. яз. Почтовая карточка. Бумага. 1 л. 10,0 x 14,0.	Пожелтение бумаги. Заломы углов.
6.	А.В. Храбровицкий. Письмо [Н.В. Вырубову, сыну В.В. Вырубова]. 30 марта 1964 г. Москва. Автограф. Фиол. чернила. На русск. и фр. яз. Почтовая карточка. Бумага. 1 л. 10,0 x 14,0.	Пожелтение бумаги. Следы размытости чернил.
7.	Конверт от письма А.В. Храбровицкого [Н.В. Вырубову] от 30 марта 1964 г. Автограф. Фиол. чернила. Бумага. 11,0 x 15,5.	Пожелтение бумаги. Разрывы, утрата мелких фрагментов бумаги.
8.	«Из дневника В.Г. Короленко». Публ. А.В. Храбровицкого // Литературное наследство. Т. 68. М., 1960. С. [523]–528. Бумага. 3 лл. 27,0 x 17,5. В верхней части с. [523] дарственная надпись А.В. Храбровицкого В.В. Вырубову. 3 апреля 1961 г. Москва. Автограф. Фиол. чернила.	Пожелтение бумаги. Следы сгибов.
9.	Л. Ладыженский. Расписка о получении жалования от В.В. Вырубова. 10 мая 1918 г. Владивосток. Автограф. Син. чернила. Бумага. Текст на лицевой части л., сложенного вдвое. 19,5 x 21,3.	Сильное пожелтение бумаги. Выцветание чернил. Следы сгибов. Заломы углов.

№ п/п	Наименование, краткое описание	Сохранность
9а.	К расписке приложен конверт. По середине надпись неуст. л.: «Ладыженский». Простой графитный карандаш. Бумага. 11,5 x 14,3.	Удовлетв.
10.	А.В. Храбровицкий. Письмо В.В. Вырубову. 3 марта 1962 г. Москва. Автограф. Фиол. чернила. Бумага. 1 л. 20,5 x 14,5.	Пожелтение бумаги. След сгиба по середине листа.
11.	А.В. Храбровицкий А.В. Письмо В.В. Вырубову. 3 апреля 1961 г. Москва. Автограф. Фиол. чернила. Бумага. 1 л. 20,5 x 14,5.	Пожелтение бумаги. След сгиба по середине листа.
12.	А.В. Храбровицкий. Письмо В.В. Вырубову. 10 июня 1962 г. Москва. Автограф. Фиол. чернила. Бумага. 1 л. 20,5 x 14,5.	Пожелтение бумаги. Следы сгибов по середине лл.
12а.	К письму приложена вырезка из газеты. «Беллетрист, поэт, культурный деятель». (О В.Н. Ладыженском). Публ. А.В. Храбровицкого. Статья // Пензенская правда, 3 июня 1962, № 130 (12927). Бумага. 1 л. 23,5 x 15,5. По левому краю запись А.В. Храбровицкого. Автограф. Фиол. чернила.	Пожелтение бумаги. Следы сгибов.
13.	А.В. Храбровицкий. Письмо с обращением «Дорогой Александр Алексеевич...» 13 июня 1962 г. Москва. Автограф. Фиол. чернила. Бумага. 1 л. 20,5 x 14,5.	Пожелтение бумаги. Следы сгибов по середине л.
14.	К письму приложена выписка из Записей Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В.И. Ленина. Вып. 1. М., 1938. С. 60. Архив И.В. Ильинского и В.В. Вырубова, переписанная А.В. Храбровицким. 12 июня 1962 г. Москва. Автограф. Фиол. чернила. Бумага. 1 л. 14,0 x 10,0	Пожелтение бумаги. Следы сгибов.
14а.	Конверт от письма А.В. Храбровицкого В.В. Вырубову. На конверте запись А.В. Храбровицкого: «Заметки о романтизме». [1960-е гг. Москва]. На русск. яз. по старой орфогр. Черн. чернила. Бумага. 11,0 x 14,5.	Пожелтение, загрязн. бумаги. Потертость по сгибам.
15.	[В.Н. Ладыженский. Сборник рассказов и статей]. [1920-гг. Франция]. Машинопись с авт. правкой. На русск. яз. по старой орфогр. и англ. яз. Черн. и фиол. чернила. Авт. пагин. 161 лл. Бумага. 21,0 x 27,0 Л. вложены в карт. папку. На с. 1 папки запись неуст. л. Черн. чернила. На англ. и фр. яз. 1923 г. Бумага. 32,0 x 24,0.	Пожелтение бумаги. Разрывы по краям л. Разрывы по корешку и по краям папки.

Список предметов

№ п/п	Учетные обозначения	Автор, название, датировка, материал, техника, размеры
1.	КП–1066/1	Документ. В.Н. Ладыженский. Перед идолом. Рассказ. Машинопись с авт. правкой. [1920-е годы]. Франция. Бумага, машинопись, паста шариковая синяя (правка), карандаш простой графитный (запись автора в верхнем правом углу). 26,6 x 21,0.
2.	КП–1066/2	Документ. В.Н. Ладыженский. Борьба. Рассказ. Машинопись с авт. правкой. [1920-е годы]. Франция. Документ. В.Н. Ладыженский. «Борьба». Рассказ. Машинопись с авт. правкой. [1920-е годы]. Франция. Бумага, машинопись, карандаш простой графитный, чернила синие. 26,6 x 21,0.
3.	КП–1067	Книга. Вл. Акимов. Материалы для характеристики развития российской социалистической рабочей партии. Женева, 1904. На обл. год изд. 1905. Бумага, черно-белая типографская печать. 18,5 x 12,0.
4.	КП–1068	Документ. В.Н. Ладыженский. [«Обширная усадьба дедушки...». Воспоминания]. Рукопись. Автограф с правками автора. Прилож. 6 л. с неуст. рукоп. текстом. [1920-е годы]. Франция. Бумага линованная с водяными знаками, чернила черные, чернила фиолетовые, карандаш простой графитный. 26,7 x 21,0; 19,0 x 13,0.
5.	КП–1069	Документ. О. Барри. Две княгини Волконские. Героини 19 и 20 века. Машинопись с авт. правкой. Б.м. Б.г. Бумага, машинопись, карандаш простой графитный (правка). 35,0 x 22,0.
6.	КП–1070	Документ. В.Н. Ладыженский. Смысл изгнанничества. Рукопись с авт. правкой и вставками. [1920-е годы] Франция. Бумага с водяными знаками, чернила, чернила фиол., карандаш простой графитный. 26,5 x 20,5.
7.	КП–1071	Документ. В.Н. Ладыженский. Пале-Рояль. (Отрывок из кн. «Близкие тени»). Рукопись с авт. правкой. Автограф. Приложены рукописи В.Н. Ладыженского. Варианты текста «Пале-Рояль». 4 л. [1920-е годы] Франция. Бумага линованная с водяными знаками, чернила, чернила синие (правка). 27,0 x 21,0; 21,0 x 13,3.
8.	КП–1072	Документ. В.Н. Ладыженский. На Пушкинской ул. в Петербурге стоял большой меблированный дом с громким названием Палэ-Рояль. Вариант текста «Пале-Рояль» (Отрывок из кн. «Близкие тени»). Рукопись с авт. правкой. [1920-е годы] Франция. Бумага в клетку, чернила син. (рукопись). 26,5 x 20,5.
9.	КП–1073	Документ. В.Н. Ладыженский. На берегу. Рассказ. Рукопись. Автограф. [1920-е годы] Франция. Бумага в клетку, чернила фиол. (рукопись). 27,0 x 21,0.

№ п/п	Учетные обозначения	Автор, название, датировка, материал, техника, размеры
10.	КП-1074	Документ. В.Н. Ладыженский. Отец Григорий. Рассказ. Рукопись. Автограф. [1920-е годы] Франция. Бумага в клетку, чернила фиол. (рукопись). 27,0 x 21,0.
11.	КП-1075	Брошюра. В.И. Назанский. Десятилетие крушения великой России и дома Романовых 1917–1927 / В.И. Назанский (б. Пом. Московского Градоначальника 1915–1917). – Б.м., 1927 [Сер.:] Воспоминания и историч. документы. Вып.1-й. Бумага, черно-белая типографская печать. 18,5 x 12,0.
12.	КП-1076	Документ. Документ. С.А. Балавинский. Письмо А.И. Скворцову и А.А. Демьянову. Автограф. 20.03 / 2.04 1919 г. Примеч.: Письмо вложено в серый конверт с надпис. адресатами: Ал. Ив. Скворцов и Ал. Алексеев. Демьянов. Екатеринодар. 1919 г. Бумага линованная, чернила черные. 21,2 x 13,6.
13.	КП-1077/1	Документ. С.А. Балавинский. Письмо Елизавете Павловне Балавинской, Евгению Сергеевичу Балавинскому и Софье Сергеевне Свистун. [Завещание]. Екатеринодар. 1919 г. Екатеринодар. 1919 Бумага, чернила черные. 21,2 x 13,6.
14.	КП-1077/2	Документ. С.А. Балавинский. Письмо [Елизавете Павловне Балавинской, Евгению Сергеевичу Балавинскому и Софье Сергеевне Свистун]. [Завещание]. Автограф. Датиров. 22 марта / 4 апр. 1919 г. На конверте адресаты: Е.С. Балавинский, Е.П. Балавинская и С.С. Ерманова. 1919 г. Екатеринодар. Бумага линованная, чернила черные. 21,2 x 13,6.
15.	КП-1077/3	Документ. С.А. Балавинский. Письмо [Елизавете Павловне Балавинской, Евгению Сергеевичу Балавинскому и Софье Сергеевне Свистун]. [Завещание]. Автограф. Датиров. 28 марта / 10 апр. 1921г. На конверте адресаты: Е.С. Балавинский, Е.П. Балавинская и С.С. Ерманова. 1921 г. Париж, Франция. France, Paris. 1921 Бумага, чернила черн. 20,5 x 13,0.
16.	КП-1078	Фотография, пересъемка. Поповка. Имение кн. Львовых в Тульской губернии. Б.г. Тульская губерния. Фотобумага глянцевая, пересъемка с подлинной, ч/б фотопечать. 10,0 x 15,0.
17.	КП-1079	Документ. Список произведений В.Н. Ладыженского, напис. рукой [В.В. Ладыженского]. [Перв. пол. 1930-х годов]. Франция. Бумага, карандаш простой графитный. 27,0 x 20,5.
18.	КП-1080/1	Фотография, пересъемка. Вырубов Василий Николаевич (1844–1905), отец В.В. Вырубова. Б.м., б.г. Фотобумага глянцевая, пересъемка с подлинной, ч/б фотопечать. 12,0 x 8,0.

№ п/п	Учетные обозначения	Автор, название, датировка, материал, техника, размеры
19.	КП–1080/2	Фотография, пересъемка. Львова Евдокия Александровна, кн. Жена В.Н. Вырубова, мать В.В. Вырубова. Б.м., б.г. Фотобумага глянцевая, пересъемка с подлинной, ч/б фотопечать. 12,0 х 8,0.
20.	КП–1080/3	Фотография. Вырубов Василий Васильевич в группе, внизу. 1910-е годы, г. Пенза. Фотобумага матовая, пересъемка с подлинной, ч/б фотопечать. 9,0 х 11,8.
21.	КП–1080/4	Фотография. Вырубов Василий Васильевич. [1910-е годы] Пенза.
22.	КП–1080/5	Фотография, пересъемка. Вырубов Василий Васильевич в группе (первый во втором ряду). 1937 г. Б.м. Фотобумага глянцевая, ч/б фотопечать. 5,5 х 8,0.
23.	КП–1080/6	Фотография, пересъемка. Вырубов Василий Васильевич. [1914 г.]. Пенза. Фотобумага глянцевая, ч/б фотопечать. 15,0 х 10,0.
24.	КП–1080/7	Почтовая карточка. Baden-Baden. Furst Menschikow mit seiner Troika um 1890. 1890. Фотобумага глянцевая, ч/б фотопечать. 10,0 х 14,5.
25.	КП–1080/8	Фотография, пересъемка. Львов Георгий Евгеньевич, кн. (1861–1925). Председатель 1-го Временного правительства 1917 г. и б. Председатель Всероссийского Земского Союза. 1920-е годы, Париж, Франция. Фотобумага глянцевая, ч/б фотопечать. 15,0 х 10,0.
26.	КП–1080/9	Фотография, пересъемка. Львов Георгий Евгеньевич, кн. Председатель 1-го Временного правительства 1917 г. и б. Председатель Всероссийского Земского Союза. 1920-е годы, Б.м. Фотобумага глянцевая, ч/б фотопечать. 14,8 х 9,8.
27.	КП–1080/10	Фотография, пересъемка. Львов Георгий Евгеньевич, кн. Председатель 1-го Временного правительства 1917 г. и б. Председатель Всероссийского Земского Союза. [1900-е годы]. Б.м. Фотобумага глянцевая, ч/б фотопечать. 14,8 х 9,8.
28.	КП–1080/11	Фотография, пересъемка. Духонин Николай Николаевич – генерал-лейтенант. [Сент.–нояб. 1917 г.]. Б.м. Фотобумага матовая, ч/б фотопечать. 8,5 х 10,7.
29.	КП–1080/12	Фотография, пересъемка. Керенский А.Ф. (справа) – верховный главнокомандующий и начальник его штаба генерал от инфантерии М.В. Алексеев по прибытии в Ставку. Фото П. Оцуца. 1937 г. Фотобумага глянцевая, ч/б фотопечать. 18,0 х 12,0.
30.	КП–1080/13	Фотография. Члены особого совещания при ген. Деникине. Краснодарский край, г. Краснодар (до 1920 г. Екатеринодар). 1918 г. Фотобумага матовая, ч/б фотопечать. 12,0 х 16,5.

№ п/п	Учетные обозначения	Автор, название, датировка, материал, техника, размеры
31.	КП-1080/14	Фотография, пересъемка. Корнилов Л.Г., ген., верховный главнокомандующий (справа) и Духонин Н.Н., ген., нач. Ген. Штаба. 16 июля 1917. Фотобумага матовая, ч/б фотопечать. 12,0 x 8,5.
32.	КП-1080/15	Почтовая карточка. На лиц. стороне групповой снимок: Трепов Ф.Ф.; Трепов А.Ф.; Трепов В.Ф.; Трепов Д.Ф. Середина 1910-х годов. Фотобумага матовая, ч/б фотопечать. 9,0 x 14,0.
33.	КП-1080/16	Фотография, пересъемка. Вырубов Василий Васильевич, сент.-ноябрь 1917. Фотобумага глянцева, ч/б фотопечать. 25,0 x 16,5.
34.	КП-1080/17	Фотография. Вырубов Василий Васильевич в группе. [1917 г.]. 1917. Фотобумага матовая, ч/б фотопечать. 9,5 x 14,0.
35.	КП-1081	Брошюра. Kartacheff A. l' Union Nationale Russe. Discours prononce a la seance dou-verture du Congres de l' Union Nationale Russe a Paris, le 5 Juin 1925 (Le Comite National Russe). Бумага, черно-белая типографская печать. 23,5 x 16,0.
36.	КП-1082	Сборник. Российский Демократ: Орган «Союза борьбы за свободу России» Le Democrate Russe: Revue mensuelle / Red. S. Melgounoff. – № 2. – 1954. – (Сборник 26) Бумага, черно-белая типографская печать. 23,2 x 15,538 с.
37.	КП-1083/1	Документ. Удостоверение Вырубова В.В. о его службе в Ликвидационном Управлении по делам Комитета Инженерно-Строительных Дружин Западного фронта в должности Председателя. (№ 1984). 12 июля 1918. Москва, г. Москва. 1918. Бумага, машинопись с рукописными вставками, чернила черные (подписи). 36,5 x 22,5.
38.	КП-1083/2	Документ. Удостоверение Вырубова В.В. о его службе в Правлении Московского Бюро Кооперативных Объединений, в должности Зав. Отделом Связи. (№ 2506). 29 июля 1918 г. Москва, г. Москва. 1918. Бумага, машинопись с рукописными вставками, чернила черные (подписи). 29,5 x 22,5.
39.	КП-1083/3	Документ. Удостоверение Вырубова В.В. из Военного Комиссариата на его выезд из Москвы на основании телефонограммы Военного Комиссариата г. Москвы за № 429 и сношения за № 4272. (№ 873). 30 июля 1918 г. Москва, г. Москва. 1918. Бумага, машинопись с рукописными вставками. 29,5 x 22,5.
40.	КП-1083/4	Документ. Удостоверение Вырубова В.В. о его командировании на Нижегородскую ярмарку и в др. Поволжские и Прикамские города, выдан. Всероссийским Союзом Потребительных Об-в. (№ 805а). 11 авг. 1918 г. Москва. г. Москва. 1918. Бумага, машинопись с рукописными вставками. 27,5 x 22,0.

№ п/п	Учетные обозначения	Автор, название, датировка, материал, техника, размеры
41.	КП-1083/5	Документ. Удостоверение Вырубова В.В. о том, что он является Зав. Отделом Связи Московского Бюро Кооперативных Объединений и командировается на Нижегородскую ярмарку в качестве его ответственного представителя (13.8476). 26 июля 1918 г. Москва, г. Москва. 1918. Бумага, машинопись с рукописными вставками. 35,5 x 22,3.
42.	КП-1083/6	Документ. Удостоверение Вырубова В.В. на его въезд в Москву на постоянное жительство, выданный Комиссией по эвакуации г. Москвы. (№ 2224). 26 июля 1918 г. Москва, г. Москва. 1918. Бумага, машинопись с рукописными вставками. 21,5 x 17,5.
43.	КП-1083/7	Документ. Пропуск Вырубова В.В. на въезд в г. Нижний Новгород, выдан. Административным Отделом при Совете Раб. Деп. Ж.Д. Района Московского узла (№ 114). 5 августа 1918 г. Москва, г. Москва. 1918. Бумага, машинопись с рукописными вставками. 16,5 x 9,8.
44.	КП-1083/8	Документ. Удостоверение Вырубова В.В. о его командировании в Поволжские и Прикамские районы от Объедин. бюро Московского района по делам закупки предметов продовольствия и первой необходимости для населения Московской области, выдан. Всероссийским Союзом Потребительных Об-в. (№ 450/). 14 авг. 1918 г. Москва. г. Москва. 1918. Бумага, машинопись с рукописными вставками. 27,5 x 22,0.
45.	КП-1083/9	Документ. Письмо Полнера Т.И. Вырубову В.В. 21 марта 1924 г. Италия, Флоренция. Via della Robbia, 78 г. Италия, г. Флоренция. 1924. Бумага с водяными знаками, чернила, чернила черные. 27,5 x 21,5.
46.	КП-1083/10	Документ. Описание герба рода кн. Львовых и их краткая родословная рукой [В.В. Вырубова?]. Б.г.; Б.д. Бумага линованная, чернила, чернила черные. 22,5 x 17,0.
47.	КП-1083/11	Документ. Записка В.В. Вырубову от Правления коопер. об-ва о необходимости выезда В.В. Вырубова в Н. Новгород 6 авг. 1918 г. Москва, г. Москва. 1918. Бумага линованная, карандаш простой графитный, чернила. 22,0 x 22,0.
48.	КП-1083/12	Документ. Положение о временной объединенной организации земств и городов освобожденной России. 1918-1920 гг. Москва, г. Москва. 1918-1920. Бумага, машинопись. 35,5 x 22,5.
49.	КП-1083/a	Брошюра. Меморандум Делегации Донских Республик на конференции мира. Париж, 15 мая 1919. Бумага мелованная, черно-белая типографская печать. 31,5 x 20,5.

№ п/п	Учетные обозначения	Автор, название, датировка, материал, техника, размеры
50.	КП-1084	Вырезка. Из газеты «Заря России». – № 56. Севастополь, 27 марта 1920. Бумага газетная, черно-белая типографская печать. 47,5 x 28,0
51.	КП-1085	Газета. Русская мысль = La pensee russe – Париж, 10 авг. 1963. № 2032. Бумага газетная, черно-белая типографская печать. 49,5 x 32,0.
52.	КП-1086	Брошюра. Декларация Временного сибирского правитель-ства, оглашенная Председателем Совета Министров П.В. Вологодским на заседании Сибирской Областной Думы 15 августа 1918 г. – Томск: Тип. губернского земства, 1918. Бумага, черно-белая типографская печать. 25,0 x 16,5.
53.	КП-1087	Документ. Рукопись + машинопись. [Вырубов В.В.] «Несколько вступительных слов, чтобы было ясно дальнейшее...» + «Замечу, что прежде...» Б.м., б.г. Бумага линованная, бумага, машинопись, паста шариковая синяя. 26,6 x 21,0.
54.	КП-1088	Документ. Рукопись. [Вырубов В.В.] «После Московского государственного совещания я был назначен Временным правительством в Ставку...». Б.м., б.г. Бумага линованная, паста шариковая синяя. 21,0 x 15,0.
55.	КП-1089/1	Документ. Письмо Министра Jules Moch (Жюля Моха) с обращением: Mon cher President. Из Министерства DE LA DE-FENSE NATIONALE (Национальной защиты) о визе для Натальи Владимировны Духониной (жена ген. Н.Н. Духонина). 12 октября 1950 г. Париж. Франция, г. Париж. 1950. Бумага с водяными знаками, машинопись с рукописными вставками, чернила синие, карандаш простой графитный. 26,5 x 20,5.
56.	КП-1089/2	Документ. Письмо Духониной Н.В. (жена ген. Н.Н. Духонина) о получении ею от месье Колонеля Бонлюбоха 100 новых фр. франков и с благодарностью Комитету Красного Креста Швейцарии. 20 ноября 1960 г. Касабланка, Марокко. Марокко, Касабланка. 1960. Бумага с водяными знаками, паста шариковая синяя. 26,5 x 20,0.
57.	КП-1089/3	Документ. Письмо Духониной Н.В. (жена ген. Н.Н. Духонина) В.В. Вырубову, с благодарностью за его финансовую поддержку. 3 марта 1952 г. Касабланка, Марокко. Марокко, Касабланка. 1952. Бумага, чернила синие. 26,5 x 20,5.

№ п/п	Учетные обозначения	Автор, название, датировка, материал, техника, размеры
58.	КП–1089/4	Документ. Письмо Духониной Н.В. (жена ген. Н.Н. Духони-на). О получении суммы в 20 000 Fr. и с благодарностью Комитету Красного Креста Швейцарии. 1 января 1952 г. Касабланка, Марокко. Марокко, Касабланка. 1952. Бумага, чернила синие. 21,0 x 17,0.
59.	КП–1089/5	Документ. Письмо. Керенский А.Ф. Вырубову Н.В. 20 августа 1967 г. [Нью-Йорк, США]. США, г. Нью-Йорк. 1952. Бумага, машинопись с рукописными вставками, паста шариковая синяя, карандаш простой графитный. 12,5 x 20,3.
60.	КП–1089/6,7	Документ. Переводы текстов с фр. яз. на русск. яз. док. под №№ КП–1089/1,2 и 4, напис. рукой неуст. л. 1960. Бумага, паста шариковая синяя. 29,5 x 21,0.
61.	КП–1090	Документ. Толстая А.Л. Вырубову В.В. 11 сент. 1961 г. [США]. США. 1961. Бумага, паста шариковая синяя, карандаш простой гра-фитный. 27,5 x 21,5.
62.	КП–1091	Документ. Письмо. Колокольцев Ник. Вырубову В.В. Автограф. 20 сент. 1961 г. Б.м. 1961. Бумага, паста шариковая синяя. 20,7 x 14,8.
63.	КП–1092	Документ. Письмо + конверт. Толстая Н.В. Вырубову В.В. 3 марта 1959 г. Ленинград. Подпись-автограф Н.В. Толстой, г. Ленинград. 1959. Бумага, машинопись, чернила синие (автограф). 28,5 x 20,0; 11,0 x 15,6-конверт.
64.	КП–1093	Документ. Литературный текст. Ладыженский В.Н. «Памяти Л.Н. Толстого». Статья. Б.м. Б.г. Первая половина XX века. Калька, машинопись с рукописными вставками, чернила фиолетовые (вставки), карандаш простой графитный (подпись и запись). 35,0 x 21,0.
65.	КП–1094	Документ. Поэтическое произведение без указания автора, напис. рукой неуст. л. Б.м., б.г. Первая половина XX века. Бумага в клетку, чернила, чернила черные. 35,0 x 22,0.
66.	КП–1095	Документ. Письмо. Колокольцев Ник. Вырубову В.В. Автограф. 5 июля 1961 г. Югославия. Югославия. 1961. Калька, чернила синие, паста шариковая красная. 20,7 x 14,8.
67.	КП–1096	Документ. Вырубов В.В. Выездной документ (паспорт), выданный ему «По умолчанию Временного Российского Правительства» на продолжение пребывания за границей. С простановкой виз. 20 сентября 1919 г. Париж. Франция, г. Париж. 1919. Бумага, чернила синие, чернила черные. 36,0 x 23,0; 32,0 x 20,0 (вкл.); 6,0 x 5,0 (фотогр.).

№ п/п	Учетные обозначения	Автор, название, датировка, материал, техника, размеры
68.	КП-1097	Документ. Выписка. Записки Отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. Ленина. Вып. 1. М., 1938. С. 60. Архив И.А. Ильинского и В.В. Вырубова. Переписал А.В. Храбровицкий. 12. июня 1962 г. Москва, г. Москва. 1962. Бумага, машинопись. 27,0 х 21,0.
69.	КП-1098	Документ. Толстой Ал.Н., гр. Из дневника на 1917 год // Русские ведомости. – № 12. – Воскр. 15 янв. 1917. Машинописный текст Бумага, машинопись. 27,0 х 21,0.
70.	КП-1099	Документ. Экспертное заключение на коллекцию гравюр, переданных в дар Советскому фонду культуры Н.В. Вырубовым (Франция). 2-ой оттиск. Б.м., б.г. Бумага, машинопись. 29,5 х 20,5.
71.	КП-1099/a	Документ. Краткая биографическая справка Вырубова В.В., написанная Н.Б. Зайцевой. 1990 г. Париж. Франция, г. Париж. 1990. Бумага, чернила, чернила черные. 29,5 х 21,0.
72.	КП-1100	Документ. Письмо служебное из Главного Комитета Всероссийского Земского Союза В.В. Вырубову. 4 мая 1922 г. Константинополь. Машинопись + подписи автографы. Константинополь. 1922. Бумага, машинопись с рукописными вставками, чернила черные. 26,5 х 20,5.
73.	КП-1101	Документ. Вырубов В.В. Воспоминания о Корниловском деле. Б.м., б.д. Первая половина XX века. Калька, машинопись с рукописными вставками, чернила черные (правки), паста шариковая красная (правки). 27,0 х 20,5.
74.	КП-1102	Документ. Письмо. Колокольцев Ник. Вырубову В.В. Автограф. 12 апреля 1960 г. Югославия. Югославия. 1960. Калька, паста шариковая синяя. 20,7 х 14,8.
75.	КП-1103	Документ. Литературный текст. Вырубов В.В. «В 1919 году, когда я был Управляющим делами (Secretaire General) Русского Политического Сопещения...». Б.м., б.г. Первая половина XX века. Бумага, машинопись. 26,7 х 20,5.
76.	КП-1104	Статья. Ледницкий В. Л.Н. Толстой. Маленькое польское послесловие о великом русском ловчем // Новый журнал. – Нью-Йорк, 1961. – С. [112]–120. На с. [112] дарственная надпись с автографом автора В.В. Вырубову. 26 апреля 1961. Бумага, черно-белая типографская печать, паста шариковая черная. 23,5 х 15,0.
77.	КП-1105	Документ. Выступление Н.В. Вырубова с приветствием к Л.Б. Лозинскому. 10 мая 1990 г. Париж. Франция, г. Париж. 1990. Бумага, машинопись, ксерокопия черно-белая. 29,5 х 21,0.

№ п/п	Учетные обозначения	Автор, название, датировка, материал, техника, размеры
78.	КП-1106	Документ. Родословная графини С.А. Бобринской, напис. рукой неуст. л. Б.м.,б.г. XX век. Бумага, чернила, фломастер черный. 21,0 x 14,5.
79.	КП-1107	Вырезка из печатного издания. Герб рода Вырубовых, с описанием изображенного на гербе. С. 79 из неуст. печ. издания Бумага, ксерокопия черно-белая. 29,5 x 21,0.
80.	КП-1108	Документ. Литературный текст. «Я всегда радовался, что родившись 8 января 1861 года, я застал еще крепостное право...» [Из воспоминаний М.А. Стаховича-младшего]. 1921–1923 гг. Aixen Provence. 1921–1923. Бумага, машинопись, карандаш простой графитный. 27,0 x 21,0.
81.	КП-1109	Документ. Письмо. Алданов М.А. Вырубову В.В. 7 декабря 1956 г. Подпись-автограф М.А. Алданова. 1956. Бумага с водяными знаками, машинопись с авторской правкой, чернила черные, карандаш простой графитный. 27,0 x 21,0.
82.	КП-1110	Документ. Литературный текст. Адамович Г.В. «Мало на свете людей, которые никогда не поддавались бы иллюзиям...». 1963 г. Париж. Франция, г. Париж. 1963. Бумага, машинопись, карандаш простой графитный. 27,0 x 21,0.
83.	КП-1111/1	Документ. Набоков Н.Д. Вырубову В.В. На бланке «Congres pour la liberte de la culture» (Конгресс за свободу и культуру). 15 июня 1961 г. Париж. Франция, г. Париж. 1961. Бумага с водяными знаками, машинопись с авторской правкой, чернила черные. 25,0 x 20,0.
84.	КП-1111/2	Фотография. Кабинет Г.Е. Львова. Фотобумага матовая, ч/б фотопечать. 13,5 x 18,5.
85.	КП-1111/3	Фотография. Группа военных. [1917 г.]. 1917. Фотобумага матовая, ч/б фотопечать. 12,0 x 17,0 (фото); 15,5 x 20,0 (паспарту); 16,5 x 21,5 (картон).
86.	КП-1111/4	Фотография, пересъемка. «Вырубовы в Пензе». Семейный портрет Вырубовых. [ок. 1900-х гг.] Пенза, г. Пенза. 1900-е. Фотобумага глянцевая, пересъемка с подлинной. 29,5 x 21,0.
87.	КП-1111/5	Фотография. Вырубов Василий Васильевич. 1944 г. Лозанна, Швейцария. Швейцария, г. Лозанна. 1944. Фотобумага глянцевая, ч/б фотопечать. 16,3 x 11,3.
88.	КП-1112	Документ. Описание архива В.В. Вырубова. Бумага с водяными знаками, машинопись с авторской правкой, чернила черные. 25,0 x 20,0.

Всего предметов: 88

Фонд Н.В. Вырубова в Пензенском краеведческом музее

Составитель А.В. Тюстин, 18 июня 2015 г.

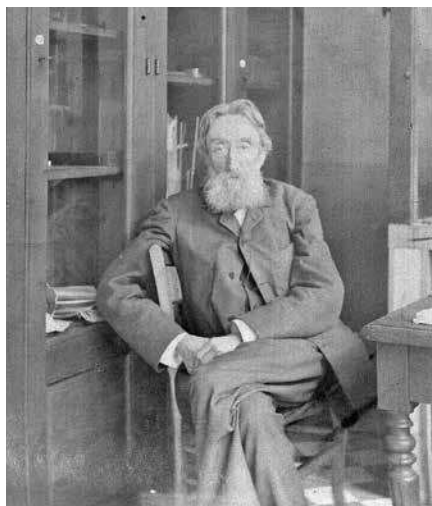
Личный фонд дворян Вырубовых, внесенных в 1881 г. в 6-ю часть дворянской родословной книги Пензенской губернии, в Пензенском государственном краеведческом музее стал складываться во 2-й половине 1990-х годов. Проживавший в Париже национальный герой Франции Николай Васильевич Вырубов (1915–2009) постепенно, год за годом, вплоть до своей смерти, передавал в фонды музея семейные реликвии. Уже после смерти Николая Васильевича его племянник князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский (р. 06.01.1935), проживающий в Лондоне, дополнил музейное собрание новыми материалами. Среди них: подлинная фотография камергера Николая Павловича Галахова (1856–1936) и его дочери Ольги Николаевны (1888–1921), бывшей замужем за пензенским земским деятелем Василием Васильевичем Вырубовым (1879–1963); фото своей матери Ирины Васильевны Лобановой-Ростовской урожд. Вырубой (05.08.1911–16.07.1957) – дочери В.В. Вырубова, служившего в Пензе. Никита Дмитриевич – гражданин США, геолог, банкир, выдающийся коллекционер, собиратель театрально-декорационного русского искусства 1-й трети XX в. Большую роль в пополнении вырубовского собрания музея сыграл племянник Николая Васильевича – Юрий Александрович Трубников, живущий в Париже. Уже после смерти своего дяди он передал в музей некоторые его личные вещи и фотоснимки, выслал альбом «Кладбище Сент-Женевьев де Буа» и прочие издания, позволяющие расширить наши представления о Н.В. Вырубове.

Николай Васильевич Вырубов – последний русский кавалер Ордена Освобождения, учрежденного 18 июня 1940 г. – днем начала мобилизации добровольцев в защиту униженной и побежденной Франции. В 1941–1946 – 1036 кавалеров: Уинстон Черчилль + Николай Вырубов (в числе 11 эмигрантов).

*Вырубовы**

ВЫРУБОВЫ, дворянский род, возникший в начале XVI в., внесен в 6-ю часть дворянской родословной книги Пензенской губернии. Начало пензенской ветви Вырубовых положил *Василий Петрович* (10.4.1776–25.8.1840), поручик. Его сын *Николай Васильевич* (годы жизни неизв.) в 1834–1841 служил в Измайловском полку. Вышел в отставку лейтенантом и поселился

* Мануйлова Е.В., Тюстин А.В. Вырубовы / Пензенская энциклопедия. М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2001.

*Г. Н. Вырубов в кабинете-лаборатории.
1912-1913 гг.*

В.В. Вырубов

в с. Колтовское Пензенского уезда, получив здесь в наследство землю от помещиков Колтовских. Его дети: *Григорий Николаевич* (1843–30.11.1913, Париж) окончил Александровский лицей (1862), затем Петербургскую медико-хирургическую академию, занимался минералогией и химией, издал ряд философских работ. В «Вестнике Европы» за 1911–1913 опубликованы его мемуары. Подолгу жил в родовом имении отца. *Василий Николаевич* (26.10.1844–23.3.1905), камер-юнкер, статский советник, служил в Тифлисе чиновником особых поручений при наместнике. В 1880 вышел в отставку и переехал в Колтовское, где в его собственности были ок. 2700 десятин земли и конный завод, в с. Кологеровка Пензенского уезда 3826 десятин земли. В 1881–1884 состоял пензенским уездным предводителем дворянства. Был женат на кн. Евдокии Александровне Львовой (5.10.1845–12.2.1904, П.). Его сыновья: *Александр Васильевич* (17.3.1880–19.2.1919, Кисловодск), морской офицер, учился в Пензенской гимназии и Петербургском морском корпусе, на крейсере «Светлана» участвовал в Цусимском сражении, находился в японском плену. Был женат на фрейлине А.А. Танеевой, приближенной к императорской семье и Г. Распутину. *Василий Васильевич* (7.2.1879, Тифлис–?.8.1963, Париж), земский деятель, с золотой медалью окончил Пензенскую гимназию (1898) и Петербургский университет (1901). Служил в 1-м гвардейском кавалерийском дивизионе. Унаследовал родовое поместье в Колтовском, где проживал после отставки в 1902 г. В 1905–1911 состоял членом губернской земской управы, затем служил в Российском земском союзе до

октября 1917. В 1917 был товарищем министра внутренних дел Г.Е. Львова, главы Временного правительства. После октября 1917 находился при Ставке до гибели генерала Духонина, затем выехал за границу для переговоров с союзниками. Жил в Париже. Являлся членом исполкома, затем председателем Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей (основан в 1921), много сделал для поддержания русской культуры за рубежом. Инициатор создания «Золотой книги» русского зарубежья. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа в Париже. Дочери Василия Николаевича: *Вера Васильевна* (8.5.1881, Колтовское–20.3.1898, там же), *Мария Васильевна* (Галахова) (1885, Колтовское–11.12.1941, Париж), *Наталья Васильевна* [Волконская] (27.10.1882, Колтовское–11.3.1949, Париж). Сын Василия Васильевича *Николай Васильевич* (р. 5.1.1915), общественный деятель. В 1940, будучи студентом Оксфордского университета, вступил в армию генерала де Голля. Кавалер Креста Освобождения, в 1996 возведен в ранг командора ордена Почетного легиона. Председатель Земско-городского комитета после отца. Часть семейных материалов Николай Васильевич передал в Пензенский областной краеведческий музей. Старший сын *Василий Васильевич* (р. 3.8.1913) эмигрировал в Аргентину. Дочь *Ирина Васильевна*, в замужестве Лобанова-Ростовская (5.8.1911, Пенза–16.7.1957, Париж).

Лит.: В.Н. Вырубов: Некролог // Новое время, 1905, № 10435; В.Н. Вырубов: Некролог // ПГВ. 1905. № 92; Ndr La Noblesse de Russie. Deuxieme edition. Paris, 1962. Les Wyroubov; *Адамович Г.* Памяти В.В. Вырубова // Русская мысль, 1963, 10 авг.; *Белкова Г.* Русская фамилия Вырубовы // Наше наследие, 1993, № 28; *Мануйлова Е.В.* По страницам семейного архива Н.В. Вырубова // Земство, 1995, № 3; *Белкова Г.* Николай Вырубов – командор ордена Почетного легиона // Русская мысль, 1996, 20–26 июня.

Список предметов, принадлежавших Николаю Васильевичу Вырубову

№№	Учетные обозначения	Автор, название, датировка, материал, техника, размеры
		Военное обмундирование
1.	КП–19959 ВМ–199	Кепи офицера французской армии Н.В. Вырубова. 1942 г. Франция. 1-я половина XX в. Сукно, фабричное производство. Высота 10,5 см, длина 25,5 см, ширина 17,5 см.
2.	КП–19960 ВМ–200	Ремень брезентовый офицера французской армии Н.В. Вырубова. Франция. 1-я половина XX в. Брезент, фабричное производство. Ширина 5,5 см, длина 75 см.

		Военное обмундирование
3.	КП–19961, ВМ-201	Ремень кожаный коричневого цвета Н.В.Вырубова. Франция. 1-я половина XX в. Кожа, фабричное производство. Ширина 4,5 см, длина 101 см.
4.	КП–19962 ВМ-202	Пилотка Н.В. Вырубова. Франция. 1-я половина XX в. Сукно, фабричное производство. Длина 29 см, высота 12,7 см.
5.	КП–19967/1 ВМ–198	Гетра офицера французской армии Н.В. Вырубова (носил в Ливии в 1943 г.). Франция. 1-я половина XX в. Брезент, фабричное производство. 14,5 x 36,5.
6.	КП–19967/2 ВМ–197	Гетра офицера французской армии Н.В. Вырубова (носил в Ливии в 1943 г.). Франция. 1-я половина XX в. Брезент, фабричное производство. 14,5 x 36,5.
7.	КП–19970 ВМ-203	Веревка для закрепления емкости со смазкой для дула автомата. Принадлежала офицеру Н.В. Вырубову. Франция, 1940-е годы. Нитки, фабричное ткачество. Длина 18 см.
8.	КП-20447 ВМ-279	Нашивка погребальная Н.В. Вырубова, обязательная для ношения на форме французской армии в годы Второй мировой войны. Франция, 1-я половина 1940-х годов. Ткань, металл (крепление), фабричное производство. 8,7 x 5,2.
9.	КП-20449 ВМ-280	Нашивка, свидетельствующая о ранении Н.В. Вырубова. Франция, 1-я половина 1940-х годов. Ткань, золотные нити (тесма), ручное производство, шитье. 1 x 5 см.
10.	КП-20450 ВМ-281	Нашивка, свидетельствующая о ранении Н.В. Вырубова в годы Второй мировой войны. Франция, 1940-е годы. Ткань, золотные нити, фабричное производство. 1 x 5 см.
11.	КП-20451 ВМ-282	Планки орденские Н.В. Вырубова, участника движения Сопротивления. Франция, 1-я половина 1940-х годов. Шерсть, металл желтого цвета, нить, ручное производст-во.
12.	КП-20452 ВМ-283	Шеврон «ECOLE de PONTLEVOV», принадлежавший Н.В. Вырубову. Франция 1920–1930-е годы. Шерсть, марля, нитки, фабричное производство, вышивка машинная. 9x7 см.
13.	КП-20454 ВМ-284	Нашивка на плечо военной формы армии генерала Шарля де Голля с надписью «FRANCE». Принадлежала Н.В. Вырубову. Франция. 1940-е годы. Шерсть, нитки, ручное производство, вышивка машинная. 2,5 x 9,5
		Бытовые вещи Н.В.Вырубова
14.	КП–19976	Сумочка для бритвенных принадлежностей Н.В. Вырубова. Конец XIX в. Замша, ручная работа. 11,8 x 18 см.
15.	КП–19963 КП–153	Ароматизированная смесь для курительной трубки и сигарет. Принадлежала Н.В. Вырубову.
16.	КП–19977 БП–154	Зеркало походное Н.В. Вырубова. 1940-е гг.
17.	КП–19983 КГР-69	Помазок для бритья Н.В. Вырубова. 2-я половина XX в.

№№	Учетные обозначения	Автор, название, датировка, материал, техника, размеры
		Бытовые вещи Н.В.Вырубова
18.	КП-19980 М-303	Набор металлических лезвий для бритвенного станка. Принадлежали Н.В. Вырубову. Англия, 2-я половина XX в.
19.	КП-19981 М-302	Зажигалка Н.В. Вырубова. США, 1940-е годы.
20.	КП-19982 М-301	Бритвенный станок Н.В. Вырубова. Англия, 2-я половина XX в.
21.	КП-19964	Икона Николая Чудотворца, подаренная Н.В. Вырубову его отцом Василием Васильевичем Вырубовым. Предположительно нач. XX в.
22.	14289/6, 3,12	Фотопортреты Н.В. Вырубова. Разные годы.
23.	14289/8	Фото свадьбы с Сабиной.
24.	19954/3.4.5.6.8.21	Фотодокументы за разные годы.
25.	19955/1, 2	Книга «De Tascite».
26.	19954/ 5,6	Фото свадьбы Н.В. Вырубова.

Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина

Фонд 8. Вырубовы

Опись 1

№ п/п	Инв. №№	№№ КП	Название ед. хр.	Дата док-та	Кол-во листов
1	557	20540	Запись о разделе движимых и недвижимых имений между детьми П.И. Вырубова. 24х38. Гербовая бумага, орешковые чернила, филигрань, печать (в правом верхнем углу клеймо). Сохранность: горизонтальные и вертикальные сгибы, по периметру листов многочисленные загибы.	10 декабря 1801 г.	2
2	558	20541	Запись об увольнении и послужной список В.Вырубова. 21х34. Голубая бумага, печать, орешковые чернила, красная сургучная печать. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы и разрывы, на обороте листы склеены полоской белой бумаги, печать с многочисленными трещинами и утратами.	6 апреля 1805 г.	2

3	559	20542	Прошение А.В. Недобровой о введение ее во владение Саратовских имений, оставшихся после ее отца В.В. Головина. 22,5х35,5. Гербовая бумага, орешковые чернила, печать, карандаш. Сохранность: общее загрязнение бумаги, посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы, по периметру листы обтрепаны.	30 марта 1807 г.	12
4	560	20543	Дело о покупке С.П. Вырубовым недвижимого имущества в Тамбовской губернии у Н.А. Зиновьева с приложенной выпиской из указа Юстиц-коллегии о подтверждении права владения этим имением, данным Н.А. Зиновьевым А.А. Зиновьевой. 23,5х38. Гербовая бумага, орешковые чернила, печать. Сохранность: общее загрязнение бумаги, многочисленные горизонтальные и вертикальные сгибы, по правому краю листов разрывы, листы прошиты ниткой.	20 марта 1810 г.	6
5	561	20544	Завещание С.П. Вырубова. 21,5х35. Гербовая бумага, филигрань, орешковые чернила, в правом верхнем углу круглое клеймо. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы.		2
6	562	20545	Завещание А.П. Вырубовой. 21,5х34,5. Гербовая бумага, филигрань, орешковые чернила, в правом верхнем углу круглое клеймо. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы.	Май 1810	2
7	563	20546	Копии завещаний С.П. и А.П. Вырубовых. 22х35. Голубая бумага, орешковые чернила. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы.	1810 г.	4
8	564	20547	Спорное дело о разделе имущества в Саратовской губернии, принадлежащего В.П. Вырубову. Бумага, орешковые чернила. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы.	1809-1811 гг.	26

№ п/п	Инв. №№	№№ КП	Название ед. хр.	Дата док-та	Кол-во листов
9	565	20548	Купчая о продаже Е.С. Кашкаровой своего малолетнего крепостного крестьянина Е.И. Вырубовой. 21,5х35,5. Гербовая бумага, орешковые чернила, в правом верхнем углу клеймо. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы.	26 августа 1811 г.	2
10	566	20549	Прошение А.П. Вырубовой о возмещении убытков, понесенных в результате пожара 1812 г. с приложением реестра сгоревшего имущества. 22х35. Гербовая бумага, орешковые чернила, в правом верхнем углу круглое клеймо. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы, по краям листов заломы.	14 февраля 1813 г.	2
11	567	20550	Аттестат на увольнение, выданный служащему при архиве КИД надворному советнику Михаилу Николаевичу Макарову, за подписью Н. Бантыш-Каменского и А. Малиновского. 22х34,5. Гербовая бумага, орешковые чернила, в правом верхнем углу круглое клеймо, в левом нижнем углу печать красный сургуч. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы.	5 июня 1813 г.	1
12	568	20551	План обгоревшего двора дочери П.И. Вырубова девицы Анны Петровны, состоящему в Басманной части 3-го квартала под №275. Цветная копия. 36,5х53. Бумага, печать. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы.	15 февраля 1818 г.	1
13	569	20552	Прошение А.И. Тищевой (тетка С.П. и А.П. Вырубовых) о введении ее в наследство и завещание в пользу племянника В. Вырубова. 22х35,5. Голубая бумага с филигранью, орешковые чернила. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы и разрывы.	1827	2

14	570	20553	Завещание А.И. Тищевой. 22,5х35,5. Гербовая бумага, филигрань, орешковые чернила, в правом верхнем углу круглое клеймо. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы, внизу на первом листе утраты.	Январь 1828 г.	2
15	571	20554	Черновик завещания В.П. Вырубова. 22,5х36. Бумага, орешковые чернила. Сохранность: удовлетворительная.	Б.д.	2
16	572	20555	Отпускные дворовым людям Вырубовых. 23х37. Гербовая бумага (прямоугольное клеймо в правом верхнем углу), орешковые чернила. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы, на Л.3. желтые пятна, общее загрязнение бумаги.	1828-1840 гг.	4
17	573	20556	Прошение князя Василия Петровича Шаховского о учинении раздела имений между его детьми. 26х42. Гербовая бумага (прямоугольное клеймо в правом верхнем углу), орешковые чернила, карандаш. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы и разрывы. Требуется реставрации.	17 декабря 1831 г.	2
18	574	20557	Верящее письмо Н.В. Вырубова, данное его отцу В.П. Вырубову на право владения имениями в Пензенской губернии. 22х35,5. Гербовая бумага (овальное клеймо в правом верхнем углу), орешковые чернила, печать (красный сургуч). Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы, печать с утратами	26 марта 1837 г.	2
19	575	20558	Запись об увольнении и послужной список Н.В. Вырубова. 22х35,5. Гербовая бумага (овальное клеймо в правом верхнем углу), орешковые чернила, печать (красный сургуч). Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы, печать с утратами, края листов по периметру обтрепаны.	4 февраля 1841 г.	2

№ п/п	Инв. №№	№№ КП	Название ед. хр.	Дата док-та	Кол-во листов
20	576	20559	Дело о займе Н.В. Вырубовым денег у А.А. Бобарыкина. 35,7х22. Бумага, орешковые чернила. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы.	Июнь 1849– февраль 1858 г.	21
21	577	20560	Отпускная, данная А.П. Высоцкой своей крепостной дворовой девке Анне Ивановой. 22х36. Бумага, орешковые чернила, красная сургучная печать. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы.	10 июня 1851 г.	2
22	578	20561	Расписка в получении денег за работу, связанную с похоронами Н.В. Вырубова, подписанная иеромонахом Филаретом. 18,4х22,5. Бумага, чернила. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы.	29 февраля 1852 г.	2
23	579	20562	Прошение Н.Г. Вырубовой о взыскании с московского купца М. Никитина должных им 325 рублей. 22х35,5. Гербовая бумага, филигрань, орешковые чернила, в правом верхнем углу круглое клеймо. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы.	Август 1852 г.	2
24	580	20563	Дело об учреждении опеки над малолетними детьми Н.В. Вырубова. Гербовая бумага, орешковые чернила, на отдельных листах в правом верхнем углу круглое клеймо. Сохранность: посередине многих листов горизонтальные и вертикальные сгибы.	1852–1884 гг.	36
25	581	20564	Свидетельство, выданное Московской Духовной консисторией вдове Н.Г. Вырубовой о ее браке с Н.В. Вырубовым и о смерти последнего. 23х35,5. Гербовая бумага, орешковые чернила, филигрань, в правом верхнем углу овальное клеймо, красная сургучная печать Московской духовной консистории. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы, печать с утратами и множеством трещин.	1854 г.	2

26	582	20565	Дело по иску Н.Г. Вырубовой на г-на Терпигорева. 22х36. Бумага, орешковые чернила. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы.	Январь–март 1855 г.	3
27	583	20566	Расписка в получении денег за выполнение порученных Н.Г. Вырубовой дел, подписанная С. Ильиным. 17,5х22,5. Бумага, орешковые чернила. Сохранность: удовлетворительная.	23 марта 1856 г.	1
28	584	20567	Уведомление Н.Г. Вырубовой из Тамбовского приказа Общественного призрения о необходимости представления дополнительного поручительства на 3 года. 22,5х35,5. Бумага, орешковые чернила, сургучная печать. Сохранность: многочисленные горизонтальные и вертикальные сгибы, желтые пятна.	Апрель–май 1858 г.	2
29	585	20568	Дело о продаже А.А. Бобарыкиным имения в Пензенской губернии Н.В. Вырубову. Гербовая бумага, орешковые чернила, прямоугольное (Л.1) и круглые (Л.11, 13, 19) клейма. Сохранность: многочисленные горизонтальные и вертикальные сгибы и разрывы, края обтрепаны, листы 1,2 разорваны горизонтально.	10 февраля 1849 г. – июнь 1861 г.	22
30	586	20569	Оценочная ведомость имения в селе Покровском. 22х35,5. Бумага, чернила. Сохранность: удовлетворительная.	Б.д.	3
31	587	20570	Урочное положение для Тамбовской губернии, утвержденное Тамбовским губернским присутствием по крестьянским делам. 22х34,5 Бумага, чернила. Сохранность: удовлетворительная.	21 июля 1861 г.	4
32	588	20571	Копии Уставной грамоты Тамбовской губернии Козловского уезда (3 экз.). 22х35,5. Бумага, орешковые чернила, красная сургучная печать. Сохранность: многочисленные горизонтальные и вертикальные сгибы.	14 июля 1862 г.	12

№ п/п	Инв. №№	№№ КП	Название ед. хр.	Дата док-та	Кол-во листов
33	589	20572	Мирские и сельские приговоры крестьян Саратовской губернии Вырубовского сельского общества. 22х35,5. Бумага, орешковые чернила, карандаш. Сохранность: посередине листов горизонтальные и вертикальные сгибы, общее загрязнение бумаги.	1863–1872 гг.	4
34	590	20573	Копия с ходатайства Тамбовского губернского присутствия по крестьянским делам в Козловское уездное полицейское управление по делу Н.Г. Вырубовой о выдаче ей свидетельства на предмет перевода дома Московской сохранной казне. 22,5х35,5. Бумага, орешковые чернила. Сохранность: горизонтальные и вертикальные сгибы.	27 января 1866 г.	2
35	591	20574	Уведомление Н.П. Зайцеву из Посредничества Тамбовской губернии о размежевании земель Старожевской дачи. 22х35,5. Бумага (бланк Посредника по специальному межеванию), орешковые чернила, печать. Сохранность: многочисленные горизонтальные и вертикальные сгибы, на Л.2 об. следы от сургучной печати.	23 июня 1866 г.	2
36	592	20575	Дело о передаче во владение освобожденным крестьянам Г.Н., В.Н. и М.Н. Вырубовых земли в Козловском уезде в селе Екатеринино. 22х35,5. Бумага, орешковые чернила. Сохранность: удовлетворительная.	Март-ноябрь 1867 г.	20
37	593	20576	Опись столовых принадлежностей. 12,5х20,5. Бумага, чернила. Сохранность: горизонтальные сгибы.	Б.д.	1
38	594	20577	Геометрический план имения Е.А., Д.А., А.А. и В.А. Львовых, находящегося в дер. Татарской Саратовской губернии. 42х107. Бумага, чернила, тушь, карандаш, акварель, белила. Сохранность: многочисленные горизонтальные и вертикальные сгибы.	5 февраля 1887 г.	1

39	595	20578	Реестры кухонных принадлежностей и мебели князя Львова. Л.1–2 (13,3х21), Л.3–6. (22,5х36,6). Бумага, чернила, карандаш. Сохранность: горизонтальные и вертикальные сгибы, пятна.	1902	6
40	596	20579	Геометрический план пустоши Агишевой, состоящей при селе Алексеевке Саратовского уезда, поступившей в надел временнообязанным крестьянам В.А. Львова. 45х64. Бумага, чернила, простой и красный карандаш. Сохранность: посередине листа горизонтальные и вертикальные сгибы и разрывы. По периметру многочисленные разрывы и сломы.	Б.д.	1

Всего по описи числится 40 ед. за номерами по II ступени учета 557–596 (Р).

Опись составлена С. Калининой.

Фотоматериалы Н.В. Вырубова

Опись 2.

№ п/п	Инв. №№	№№ КП	Название ед. хр.	Дата док-та	Кол-во листов
1			Фотокопия с фотографии Григория Николаевича Вырубова, сделанной в Париже в 1870-х гг. 11х16,5. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	1870-е гг.	1
2			Фотокопия с фотографии Григория Николаевича Вырубова. 11х14,8. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	Конец XIX в.	1
3			Фотокопия с фотографии Ольги Вырубовой. 10,1х15,2. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	Конец XIX в.	1
4			Фотокопия с фотографии Николая Павловича Галахова 10,1х15. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	Начало XX в.	1
5			Копия свидетельства о добровольном участии Григория Николаевича Вырубова в войне 1870-1871 гг. в рядах национальной гвардии. 21х29,6. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	1912	1

№ п/п	Инв. №№	№№ КП	Название ед. хр.	Дата док-та	Кол-во листов
6			Фотокопия с фотографии Николая Васильевича Вырубова. 10х15. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	1924 г.	1
7			Фотокопия с фотографии семьи Вырубовых–Галаховых. 10х15. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	1933 г.	1
8			Фотокопия с фотографии Н.В.Вырубова. 5,7х10,5. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	1940	1
9			Схема походов войск генерала Ш. де Голля, в которых участвовал Н.В.Вырубов. 24х29,6. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	Б.д.	1
10			Листовка с обращением генерала Ш. де Голля «Ко всем французам». 13,7х18,8. Бумага, печать. Сохранность: пятна по всему листу, лист наклеен на картон.	18 июня 1940 г.	1
11			Фотография мраморной доски со списком кавалеров Креста за освобождение. 21,3х29. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	Б.д.	1
12			Фотокопия с фотографии Н.В. Вырубова, сделанной в Сирии. 8,2х9,5. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	1941	1
13			Фотокопии с фотографий Н.В. Вырубова, сделанных в Ливии перед битвой при Эль-Аламейне. 11,9х12,1; 10х15; 10х15. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	1942	3
14			Фотокопия фотографии Н.В. Вырубова в день награждения Крестом Освобождения во дворе Hôtel des Invalides в Париже. 18,1х24. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	Март 1945	1

15			Фотопортрет Н.В. Вырубова. Размер фотографии: 16,7х22,7. Фотобумага. Сохранность: хорошая; фотография наклеена на картон.	Апрель 1945	1
16			Фотокопия фотографии Н.В. Вырубова, сделанной под Парижем после войны 10х15. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	Конец 1940-х гг.	
17			Фотокопия фотографии генерала де Голля с дарственной надписью Н.В. Вырубову. 18х24. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	1946	1
18			Свидетельство о награждении Н.В. Вырубова Крестом Освобождения 29,6х42. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	15 января 1946	1
19			Буклет музея Ордена Освобождения (2 экз.) 21,1х59,4. Бумага, печать. Сохранность: хорошая.	Б.д.	1
20			Копия титульного листа книги генерала Шарля де Голля «Военные мемуары. 1940–1942» с дарственной надписью Н.В. Вырубову. 13,5х22,5. Бумага. Сохранность: хорошая.	9 февраля 1955 г.	2
21			Фотография вручения президентом Франции Ж. Шираком Н.В. Вырубову Галстука командора ордена Почетного легиона в Елисейском дворце. 13х18. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	18 июня 1996 г.	1
22			Фотография Н.В. Вырубова. 10х15. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	1999	1
23			Ксерокопия статьи Н.В. Вырубова «Судьба семьи как зеркало русской истории». 42х62. Бумага, печать. Сохранность: хорошая.	29 мая 2001 г.	1
24			Фотография имения Вырубовых Спасское-Лутовиново. 10х15. Фотобумага. Сохранность: хорошая.	Б.д.	1

№ п/п	Инв. №№	№№ КП	Название ед. хр.	Дата док-та	Кол-во листов
25			Приглашение на открытие выставки «Шарль де Голль» в ГИМе. 10х15. Бумага, печать. Сохранность: хорошая.		

Всего по описи 25 ед.

Опись составлена С. Калининой.

Фототека

1) Портрет князя С.Г. Волконского. Фотография. Пересъемка, 1880-е годы.

Серебряный отпечаток. Инв. № 20382

Отдел изофондов

1) Шкатулка-ларец. Холмогоры, ок. XVIII в. Кость, резьба, роспись. Инв. № 16636.

1. Дар Н.В. Вырубова, Париж, 1994 г.

Неизвестный художник.

Портрет Евдокии Дмитриевны Небольсиной, ур. княжны Львовой (1796–1825), ок. 1825 г.

Бумага, акварель, белила. 3,2 x 2,5 (овал).

Государственный музей А.С. Пушкина. Инв. № 15682.

2. Дар Н.В. Вырубова, Париж, 1994 г.

Неизвестный художник.

Портрет Николая Андреевича Небольсина (1785–1848), кон. 1800-х годов.

Кость, акварель, гуашь. 5,6 x 3,2 (овал).

Государственный музей А.С. Пушкина. Инв. № 15683.

3. Дар Н.В. Вырубова, Париж, 2003 г.

Ф. Крюгер (1795–1857).

Портрет императора Николай I (1796–1855), кон. 1830 – нач. 1840-х годов.

Пергамент, наклеенный на картон, акварель, белила, лак. 11,4 x 9,0 (овал).

Государственный музей А.С. Пушкина. Инв. № 20334.

4. Дар Н.В. Вырубова, Париж, 2003 г.

Ш. Мюллер (1789–1855).

Портрет Евдокии Дмитриевны Небольсиной, ур. княжны Львовой (1796–1825), ок. 1825 г.

Кость, акварель, гуашь. 7,2 x 6,5 (восьмиугольник).

Государственный музей А.С. Пушкина. Инв. № 20335.

5. Дар Н.В. Вырубова, Париж, 2003 г.

К. де Местр (1763–1852).

Портрет князя Итальянского графа Александра Васильевича Суворова-Рымникского (1729–1800), ок. 1799 г.

Кость, акварель, гуашь. 5,3 x 4,5 (овал).

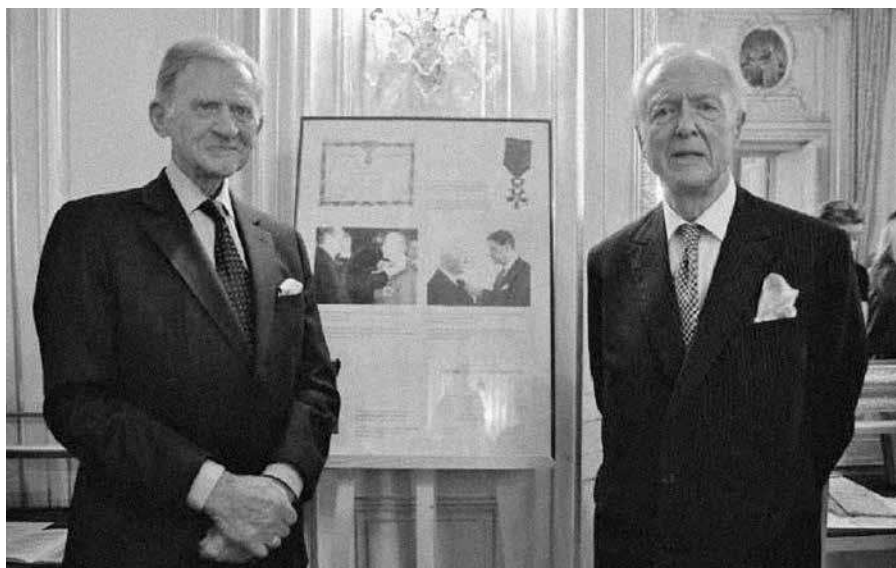
Государственный музей А.С. Пушкина. Инв. № 20381.

*Дары Н.В. Вырубова (Париж) в коллекции «Эстамп»
ГМИИ им. А.С. Пушкина (Москва)*

№ п/п	Учетные обозначения	Наименование и краткое описание предмета	Происхождение
1	ГМП Инв. № 15846	П.М. Аликс с оригинала Сен-Фола. «Русские генерал и офицеры», 1815 г. Из серии «Военные костюмы французов и их противников». Офорт, акватинта, акварель. И. 20,9x32,5; Л. 32,0x45,0.	Вырубов Н.В. (Париж), дар 1994 г.
2	ГМП Инв. № 15847	Неизвестный художник. «– Это тот самый?» Русские офицеры и солдаты, 1814 г. Офорт, акварель. И. 20,9x32,5; Л. 35,0x45,0.	Вырубов Н.В. (Париж), дар 1994 г.
3	ГМП Инв. № 15848	А. Годфруа (?) «Костюмы русских», 1814 г. Офорт, акварель. И. 20,9x32,5; Л. 29,2x42,8.	Вырубов Н.В. (Париж), дар 1994 г.
4	ГМП Инв. № 15849	А. Годфруа. «Прощание с Пале-Роялем, или наступившие последствия», 1815 г. Офорт, акварель. И. 20,9x32,5; Л. 25,0x35,0.	Вырубов Н.В. (Париж), дар 1994 г.
5	ГМП Инв. № 15850	Неизвестный художник. «Русская пляска, или союзники в Тиволи», 1814 г. Офорт, акварель. И. 16,8x28,2; Л. 26,0x34,0.	Вырубов Н.В. (Париж), дар 1994 г.

6	ГМП Инв. № 15851	А. Годфруа. «Первый шаг молодого казачьего офицера в Пале-Рояле», 1814 г. Офорт, акварель. И. 19,4х29,5; Л. 26,0х34,0.	Вырубов Н.В. (Париж), дар 1994 г.
7	ГМП Инв. № 15852	Д. Крушкенк. «Галереи Пале Рояля. – Не желаете ли подняться?», 1816 (?) г. Офорт, акварель. И. 11,7х18,5; Л. 14,0х20,0.	Вырубов Н.В. (Париж), дар 1994 г.
8	ГМП Инв. № 21484	И. Куликов с оригинала А.О. Орловского. Константин I. Император и самодержец Всероссийский, 1825 г. Гравюра пунктиром. И. 13,0х9,6 (овал); л. 20,7х14,1 (в свету).	Вырубов Н.В. (Париж), Дар 2005 г.

Екатерина ФЕДОРОВА
О доблести и чести.
Русские в борьбе против нацизма во Франции¹

Ю.А. Трубников и Н.Д. Лобанов-Ростовский на открытии выставки «Русско-французское боевое братство. Русские участники французского Сопротивления» в посольстве РФ в Париже, 19 сентября 2015 г. Фото Натальи Ивановой, Париж.

¹ Русская мысль. Лондон, 2015, № 67–68; 2016, №1.

Дом русского зарубежья в Москве, открыл новый этап в истории героев, сражавшихся против нацизма. Это история борьбы и часто мучительной гибели эмигрантов, сделавших свой выбор в пользу России. Возможность заниматься этой темой появилась не так давно. Дом русского зарубежья успел за этот срок накопить немалые материалы. Еще в 2010 г. в Париже открылась фотовыставка «Русские участники французского Соппротивления». О ней много писали². А летом 2015 г. москвичи увидели выставку, посвященную легендарному воину Николаю Васильевичу Вырубову. И наконец, материалы двух этих выставок стало возможным показать в Дни европейского наследия в Париже на выставке «Русские во французском Соппротивлении», устроенной в особняке д'Эстре, Резиденции посла РФ.

Выставка «Москва и Париж»

Вот что рассказал директор Дома русского зарубежья В.А. Москвин: «Сейчас мы готовим выставку в Париже, в Резиденции посла РФ, к 70-летию Победы, в которую войдут материалы двух наших выставок: о Н.В. Вырубове и об участии русских в движении Соппротивления. У нас большой материал об этом, в том числе о княгине Вере Оболенской (легендарной «Вики»), героине французского Соппротивления, о Борисе Вильде и Анатолии Левицком, Ариадне Скрябиной-Кнут, протоиерее Николае Оболенском, Анне Смирновой-Марли, Владимире Варшавском. Недавно мы делали выставку, посвященную Николаю Васильевичу Вырубову – ближайшему сподвижнику генерала Шарля де Голля. Н.В. Вырубов – один из немногих русских, награжденных орденом Освобождения из рук самого де Голля»³.

Но вот что хочется особо подчеркнуть: и собрание материалов, посвященное русским в Соппротивлении, и редкая коллекция документов и фотографий – это прежде всего инициатива и потребность конкретных людей. Личностный долг наших соотечественников закрыть эту историческую лакуну видится мне в фундаментальном и тщательном

Анна Марли, 2004 г.

² См.: Горяева Ю. Русские герои французского Соппротивления // Этносфера, 2010, № 9 (144). См.: <http://www.rp-net.ru/book/vystavki/soprotivlenie-statia.php>

³ Студнева Е. Дом русского зарубежья – дом для всех // Международная жизнь, 07.09.2015. См.: <http://interaffairs.ru/news/show/13710>

собираании материалов. Зрительный ряд выстроен абсолютно точно, потому что расположение экспозиции вложена большая любовь и сострадание. Ведь композицию зримых документов очень трудно обмануть – сразу бросится в глаза какая-нибудь несоразмерность, неясность, небрежность. За кругом документов, где и письма, и прозаические «приказы» и мимолетные снимки, кроется колоссальная работа по отбору самого важного и в то же время – полнота сведений.

И вот как я увидела выставку в Париже. Особняк на улице Гренель, 79 – прелестное, воздушное и вместе с тем парадное здание XVIII в., помнящее в своих стенах российских императоров. В вестибюле – портреты Петра Великого (дар Н.В. Вырубова), Александра II и III (дар Н.Д. Лобанова-Ростовского), Николая I (дар Рувима Бессера), Екатерины Великой (дар Ю.А. Трубникова). В анфиладе парадных комнат бельэтажа разместилась выставка, контрастирующая по своему трагическому содержанию с изящной роскошью убранства особняка. Но тем сильнее впечатление.

Неправильно считать, что признанные историей герои существуют в иной реальности и тихо «бронзовеют», имея мало отношения к текущей жизни, – отсюда у посетителя возникает холод равнодушия и отстраненности. Вот этого не было на выставке вовсе. Напротив, можно ощутить существование живых людей, полное разных бытовых и каждодневных мелочей, от которых в любые времена никуда не уйти; представлена «жизнь с ее насущным хлебом / С забывчивостью дня» (М.И. Цветаева. «Уж сколько их упало в бездну...»). Нежная блузка очаровательной Вики Оболенской, ее кокетливый завиток и прямолинейно честный, немножко мешковатый облик ее несчастного мужа Оболенского (ставшего священником после смерти жены), у которого, по признанию Людмилы Флам, был еще и несносный тембр голоса. Светлый абрис Зинаиды Шаховской – медсестры, усталой, юной, худой от недоедания. И она же – светская, пленительная, настоящая *grande dame* бате в своей гостиной, только что получившая награду за самоотверженный подвиг. Радостью освобождения, близостью к своим дышит мимолетно сделанный снимок Тамары Волконской в окружении советских военнослужащих. Но она и выделяется среди них – с немного старомодной прической, в хорошего тона скромной блузке с бантиком и юбке, которых не могло быть у наших медсестричек и женщин-лейтенантов. А рядом – убогий по содержанию, «типично советский» листок «характеристики» Тамары Волконской, где она представлена «чутким и внимательным человеком». За этими бедными словами – уникальное по тем временам признание заслуг русской аристократки-эмигрантки, самоотверженно служившей Родине. То время, как будто «наездом камеры», реально приближается к нам. В упор смотрящие глубокие глаза Бориса Вильде на

благообразном, правильном, пожалуй, даже красивом лице «русского немца». Ах, вот каким он был?!

При всей полноте экспозиционного выражения выставка не может и не должна раскрывать весь тот объем сведений, который содержится в письменных источниках. Сегодня всякое новое научное исследование о героях-эмигрантах не обходится без составленного Н.В. Вырубовым списка из почти 250 фамилий⁴. Многие имена остались «за кадром» выставки. В личных исследованиях Н.В. Вырубова, представленных как скромные перечисления павших воинов и известных автору военных событий, с ними связанных,

Княгиня Вера Оболенская (Вики)

около некоторых имен есть сведения, являющиеся, по сути, маленькими «новеллами». Хотелось бы привести здесь небольшие фрагменты:

«**Князь Георгий Гагарин...** Выдающийся начальник отделения, с исключительной способностью увлекать за собой солдат... вынес из места боя под огнем противника тело убитого офицера, застрелив при этом собственноручно трех солдат... Захваченный врасплох стрельбой на короткой дистанции, он немедленно реагировал. Увлекши свой отряд в тыл противника, в результате чего захватил деревню, убив восемь немцев. Быстрым и отважным маневром обеспечил занятие деревни Индервейер, причем взято было 25 пленных. Погиб смертью храбрых 16 апреля 1945 г. у моста Оберкир, во главе своего отряда, пытаясь обеспечить переход моста танками.

Из письма командира кн. Гагарина родителям покойного: «Несмотря на свой молодой возраст, Ваш сын сделался. наиболее уважаемым среди всех других людей моего отряда. Его подчиненные относились к нему с почти-тельным восхищением, вызываемым его порывом и храбростью. В начале боя от 16 апреля отряд Гагарина взял свыше 20 пленных, но затем Гагарин был ранен. Он отказался от подачи помощи до окончания боя и вторично был ранен, на этот раз смертельно. Этим доблестным поведением молодой кн. Гагарин только лишний раз засвидетельствовал славные традиции своей семьи». Его отец, князь Владимир Анатольевич, прослужив два года в русском военном флоте., по объявлении войны в 1914 г. добровольно, до призыва, пошел в действующую армию и получил ряд боевых отличий

⁴ *Вырубов Н.В. В память павших воинов. Париж, 1991.*

вплоть до ордена Св. Победоносца Георгия. Вернувшись снова во флот и там закончив службу, кн. В.А. Гагарин вследствие революции был вынужден покинуть родину. По получении сведений о трагической смерти сына единственным стремлением отца было посетить могилу его. На пароходе он уступил свою койку одной больной женщине и все путешествие – восемь суток – провел на палубе. Здесь он заразился тифом и скончался. Отцу не удалось помолиться на могиле сына, но покоится он подле него – на русском кладбище Сент-Женевьев-де Буа»⁵.

«Дураков Петр Александрович. Сын донского офицера, последний прямой потомок Пугачева. Получил образование в Донецком кадетском корпусе и в английском лицее в Турции. Окончил политехнические казачьи курсы в Париже. В 1928 поступил добровольцем во французский флот. Получил золотую звезду за стрельбу из орудий... Славился прыжками с капитанского мостика... В 1939, в первый же день войны, был мобилизован., вблизи Тулона сгорел на танке, которым командовал. Имел два креста, медаль за Африку, медаль в память Лафайетовских торжеств. Всеми любим и уважаем».

Вырубовы: «Когда русские были европейцами»

Я наблюдала, как 18–19 сентября 2015 г., в дни Европейского наследия, не прекращался поток парижан, желающих посетить выставку в Резиденции русского посла в Париже.

Отдельно хочу остановиться на материалах выставки, посвященной Н.В. Вырубову, вошедшей в парижскую экспозицию. Часть парижской вы-

Николай Васильевич Вырубов (справа) дарит свои коллекции Пушкинскому музею

ставки создана усилиями племянников героя Сопротивления – князя Н.Д. Лобанова-Ростовского и Ю.А. Трубникова. Здесь, как и в деятельности советского историка и писателя С.С. Смирнова, буквально «положившего годы жизни», чтобы общество признало героями

⁵Там же.

защитников Брестской крепости (хотя это абсолютно ни в чем не схожие люди), прежде всего мне видятся плоды большой требовательности долга и большой способности любить, индивидуальное стремление подарить истории, не предать забвению имя дяди – Николая Васильевича Вырубова.

Несколько слов о Никите Дмитриевиче. Я увидела по телевидению его короткое интервью об открытии выставки, посвященной Н.В. Вырубову. Н.Д. Лобанов-Ростовский столь энергично, прямодушно и лаконично стремился донести до зрителя образ своего дяди, его доблесть, доброту, незаурядность, что очень захотелось познакомиться с этим человеком, способным к проявлению подлинного родственного тепла. И я даже явно ощутила: «Жизнь проходит мимо меня»... В свое время я долго и безуспешно искала своих родственников Вырубовых – этого большого, славного, но ныне или погибшего в репрессиях или рассеянного в разных странах рода, даже произнесение фамилии которого еще два десятилетия назад казалось в нашей стране чем-то крамольным. Увы, из-за близости фрейлины А.А. Вырубовой (ур. Танеевой) к царскому дому. Все сошло в одно мгновение, все дальние линии судеб предков, и в результате я оказалась на выставке в Париже.

Что нужды было востребованному и облаканному властями писателю и историку С.С. Смирнову возиться с бедными репрессированными, в которых в его время никаких героев войны никто не видел? Какая сила требовала, чтобы успешный и самодостаточный Н.Д. Лобанов-Ростовский стремился открыть России историю участия своего дядюшки в борьбе против нацизма? Любовь к отечеству. Сила личностного стремления. Понимание глубинной мотивации общественных поступков Николая Васильевича, которой он обязан своим воспитанием, помимо индивидуальных качеств, – мотивации долга, чести и достоинства. Выше уже говорилось об этом. Это единение качеств было присуще римским воинам и называлось *virtus* – доблесть, основанная на нравственном долге. Это слово не имеет эквивалента в русском и в новых европейских языках. Та же доблесть заставляет его племянника передать России коллекцию картин, основать музей Лобановых-Ростовских в Москве, вложить массу своих средств в инфраструктуру вокруг музея, в одночасье потерять его в связи с некомпетентностью и равнодушием московских властей, терзаться его уничтожением, но не остановиться... и вновь стремиться воссоздать его в Ростове.

«Знаете, за что я невзлюбил большевиков: – спросил Вырубов интервьюера. – Нет, не из-за политических или идеологических разногласий, а потому что мне пришлось жить здесь, а не на моей Родине».⁶

⁶ Паклин Н. С пулей в сердце // Российская газета. Париж. 2002.

Николай Васильевич Вырубов

Несколько слов о доэмиграционном, российском прошлом Н.В. Вырубова. Он родился в Орле, бабушка его была воспитана поэтом А.А. Фетом (Шеншиним), братом отца. А со стороны матери она была племянницей И.С. Тургенева. Сам Николай Васильевич в пору юности испытывал благотворное и сильное влияние Саломеи Андроникашвили – той самой «Соломинки», которая бессмертно живет в русской поэзии: «Я научился вам, блаженные слова: / Ленор, Соломинка, Лигейя, Серафита...» (О.Э. Мандельштам. Соломинка).

Княжна Саломея Андроникова (Андроникашвили, в 1-м браке Андреева, во 2-м Гальперн). Портрет работы Кузьмы Петрова-Водкина

Но это было позже, в Париже. А в России Николай Васильевич узнал, как выгоняют из родового дома в Орле, затем из имения Клейменово. Отец уже был в эмиграции. Маму арестовали, вскоре после заключения она умерла. Дедушке и бабушке удалось поменять фамилию на Галаховы и переехать в Петроград. Николай Васильевич познал в полной мере городскую нищету, советско-пионерское детство, ходил с «красной косынкой» на шее, как он выражался, в полной мере узнал и «улицу», добывал для семьи съестное, отдирав от мостовых доски для топки печей.

К счастью, одной богатой родственнице удалось «выкупить» семью. Только в Берлине произошла встреча с отцом Василием Васильевичем, из-

вестным земским деятелем в России, который и в эмиграции не оставил своей деятельности, став членом «Земгора» – «Земско-городского комитета помощи русским беженцам за границей».

Стоит несколько слов сказать о земстве. Туда направляли свои стопы люди бескорыстные, со зрелым общественным сознанием, с принципами, желающие помочь ближнему, короче говоря, люди интеллигентные. Земство играло колоссальную роль в предреволюционную эпоху – оно-то и было явственной приметой реальной демократизации общества. «Земства... всегда были либеральны и в большинстве случаев представляли собой оппозицию властям, и власти всячески препятствовали земской деятельности, видя в ней нежелательную противоборствующую силу. Сила и в самом деле была значительная... от организации помощи армии во время войн до содействия

переселенцам в Сибирь в мирное время»⁷. И в эмиграции отец продолжил работу, устраивая «в чужой стране в незнакомых условиях измученных, неприспособленных русских интеллигентов на чуждый им физический труд»⁸ – так диктовали условия жизни. Деятельный Василий Васильевич испытал «чувство отчужденности со стороны той среды, к которой мой отец принадлежал по праву родства и происхождения и которую он считал своей. Причиной этого были его либеральные взгляды»⁹. Николай Васильевич очень точно, мне думается, объяснил причину молчания отца, отсутствие мемуаров и заметок о его богатой событиями и людьми жизни. Не было адресата. Его отец был одинок, как человек, сделавший свой личный, не зависящий от среды и ее обыкновений, совестливый выбор образа мыслей и образа жизни, – повторим, интеллигент, в нашем понимании. «С одной стороны, это был основательный русский помещик, а с другой – либерал... Что бы он ни написал, носило печать этого противоречия, а ведь когда пишешь, нужно, чтобы твои слова к кому-то обращались. Свой опыт жизни либерального русского помещика и общественного деятеля ему некому было передать, ему было ясно, что это не передается, не будет понятно никому в новом мире, ни в России, ни за границей»¹⁰. Тяжелый вывод, может быть, исторически и не оправданный, как теперь выясняется, когда все более востребуются воспоминания и соображения таких «одинок», но зато трезвый в тот момент, когда это говорилось, психологически верный и честный. Вообще, по текстам интервью с Вырубовым очевидно, что Николай Васильевич – человек в проявлении честности горячий, нетерпимый к вранью, безусловно, прямой. Как только, в начале 1990-х, он получил возможность высказаться в российской прессе, то не стал прикрывать противоречия ради примирения, которому сам, как я понимаю, был бесконечно рад, но откровенно говорил об ужасной доле «заманенных» в СССР после войны эмигрантов, о задаче энкавэдэшников «замазать грязью», лишить их достоинства. Думается, до конца жизни в его сердце болела Родина и ее несовершенство. Собственно, это и есть подлинный патриотизм: «...если бы я ничего другого не знал о старой России, – написал о Вырубове Иван Толстой, – я по нему воссоздавал бы то время, когда русские были европейцами»¹¹.

Николай Васильевич учился в Оксфордском университете, когда началась война.

«Начало Второй мировой войны застало Николая Васильевича в Англии. Он тотчас вступил добровольцем в английскую армию и готовился принять участие в военных действиях. Однако через месяц Вырубов получил уве-

⁷ Русская фамилия Вырубовы // Наше наследие, 1993, № 28. С. 101.

⁸ Там же. С. 105.

⁹ Там же. С. 107.

¹⁰ Там же.

¹¹ Толстой И. Рядовой маршал Флери // <http://www.svoboda.mobi/a/27128727.html>

домление, что как иностранец он не имеет права находиться в действующих частях и может рассчитывать только на вспомогательные. И тогда в 1940 г. Николай Вырубов записался добровольцем в движение “Сражающаяся Франция”, созданное в Англии генералом де Голлем. В его частях рядовым, а затем унтер-офицером участвовал в Сирийской, Ливийской и Тунисской кампаниях. «В Понтекорво поднял французский флаг перед лицом противника. Будучи раненным, отказался уйти с поля боя и заявил о желании войти в ударную роту, чтобы ближе подойти к неприятелю. Блестящий унтер-офицер русского происхождения. Прекрасный воин, воплощающий самый высокий дух служения Франции, своей второй Родине», – сказано в представлении к награде за тот бой. За доблесть при защите Франции Николай Васильевич был награжден двумя военными крестами, а также редким и почетным орденом – Крестом Освобождения, который занимает особое место среди его наград. Этот орден за всю историю Франции получили около тысячи человек, и только двое из них – русские»¹².

После войны Вырубов работал в ООН, долгие годы возглавлял тот самый «Земгор», где трудился и его отец. Передавал России множество интересных художественных и исторических реликвий.

Он скончался в преклонном возрасте – «это были самые почетные похороны, которые можно только человеку устроить», – пишет очевидец-журналистка. Отпевание проходило в церкви Св. Людовика, у гроба Наполеона, в центре Дворца инвалидов. «И потом во дворе Дворца инвалидов был военный почетный салют. Это вообще была совершенно удивительная церемония, очень мало людей могут удостоиться такой церемонии. Гроб был покрыт французским флагом, и вся церковь была украшена французскими флагами, а служба была православная... И потом во дворе Дворца инвалидов была произнесена речь почетным секретарем сообщества тех, кто получил Крест Освобождения, так называемый “Лотарингский крест”. Надо заметить, что первоначально их было 1036, а тогда в живых оставалось только 49 человек, сегодня же – лишь пять или шесть. Секретарь отметил всех русских, которые были награждены Лотарингским крестом и погибли, и он сказал, что Вырубов из них – последний»¹³.

Сестра Ирина и племянник Никита

Был и еще один значительный поступок Николая Васильевича – он сумел спасти из болгарского тюремного заключения свою сестру Ирину Васильевну и племянника Никиту Дмитриевича, обратившись для того

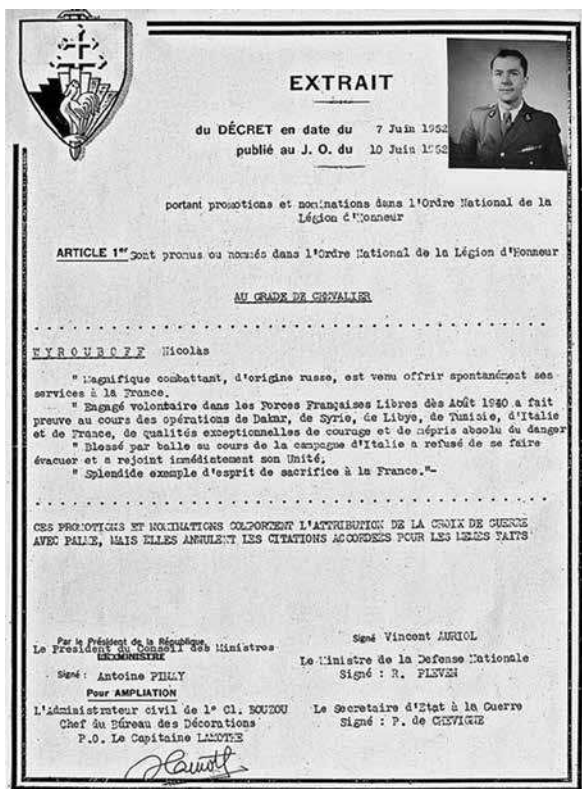
¹² Журавская А.Н. Николай Васильевич Вырубов. От России до Парижа и от Парижа к России. См.: <http://davaiknam.ru/text/a-n-juravskaya-nikolaj-vasilevich-virubov-ot-rossii-do-parija>

¹³ Николай Вырубов: последний русский кавалер ордена Освобождения (беседа с Г. Певзнер) // Архив, 26.09.2009. См.: http://www1.rfi.fr/acturu/articles/117/article_4283.asp.

в Министерство иностранных дел Франции, которое учло заслуги Вырубова перед страной и выдало бедствующим его родственникам французские паспорта. Муж Ирины Васильевны, князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский, увы, после ареста «пропал без вести», на самом деле погиб – был расстрелян в лагере. Все это случилось после входа советских войск в Болгарию – семья попала в энкавэдэшные жернова.

Подобно Николаю Васильевичу, его племянник тоже «хлебнул» бесприютного детства, да еще и гораздо хуже. Одинадцатилетнего ребенка держали в тюрьме, но и выйдя на волю, он испытывал непомерные для столь юного возраста тяготы и разочарования: «никто из знакомых не хотел взять меня к себе. Кроме няни, очутившейся на самом дне общества: работала посудомойкой в русском клубе. Дальше притеснить ее было некуда, поэтому она ничего не боялась. Вот так мы и жили... Я собирал окурки на улице, потом раздирал их и продавал табак цыганам по кило, чистил ботинки “товарищам”...»¹⁴.

Так же, как и дядюшка, Никита Дмитриевич окончил Оксфордский университет, так же, как Николай Васильевич, передал России многие художественные ценности. Русская поговорка «из рода в род» всецело к нему относится. Никита Дмитриевич доброжелателен, да и просто добр в истинном смысле этого слова. И та изнанка жизни, и злоба людей, с которыми

Копия декрета о присвоении Н.В. Вырубову звания кавалера ордена Почетного легиона. 1953 г. Фото из архива Г. Певзнер

¹⁴ Интервью с Н.Д. Лобановым-Ростовским // Русская народная линия. См. Гипр:// ги5к!|пе.ги/ротоот_ги-55к0_||П11.

он сталкивался в детстве и юности, этой доброты – по многим приметам видно – не уничтожили. Он наблюдал Николая Васильевича вблизи и на коротке. Мы решились спросить Никиту Дмитриевича и его двоюродного брата Юрия Александровича Трубникова, председателя «Земгора», и ныне занимающегося разнообразной благотворительной помощью русским за рубежом, каковым был Вырубов в их восприятии.

*Он был подлинным барином:
это редкое сочетание моральных и эстетических качеств
в одном человеке*

Николай Васильевич Вырубов, участник Первой дивизии военных сил Свободной Франции (созданной де Голлем в 1940 г. в Лондоне), был кавалером Креста Освобождения – награды, которой удостоивались немногие.

О жизни и судьбе Н.В. Вырубова мы беседуем с его племянником – князем Никитой Лобановым-Ростовским.

Каждый человек создает о себе образное впечатление, которое можно выразить кратко, несколькими словами, каким Вам представляется Ваш дядюшка?

Изящным морально и физически человеком. Он был тем, кого англичане называют джентльменом, что трудно описать и что на идише называется mensch¹⁵. Он был подлинным барином, в том понимании, которое в это слово вкладывали мои предки, человеком, которого можно только уважать: это редкое сочетание моральных и эстетических качеств в одном человеке. Не говоря уже об изумительной храбрости и других положительных чертах. Вот как я его вижу всегда.

Он был живой по характеру?

Он был обаятелен.

Как все Вырубовы?

Да, нельзя было не подпасть под его шарм. Потому, мне кажется, в него всегда влюблялись дамы: дочь первого президента Индии Джавахарлала Неру, знаменитая британская прима-балерина Марго Фонтейн, ну и, конечно, ставшая его супругой Сабин де Ноай.

Это родственница популярной в России в эпоху Серебряного века французской поэтессы Анн де Ноай, чьи стихи печатались в таких журналах,

¹⁵ «Менш – это джентльмен, „утонченная натура“... Сущность понятия „менш“ в том, что это человек со всеобъемлющим видением, склонный к интроспекции и философии и обладающий добротой. Менш умеет выслушивать и очень хорошо понимает чужую точку зрения... Менш серьезно полагает, что все должно уладиться... Менша считают мудрым. Он стратег... человек дела. он не только знает, что следует делать, но и действует соответственно, даже в ущерб себе». Мараско Д. «IT-проекты: Фронтовые очерки». См.: <http://infobusiness2.ru/node/4226>

Н.В. Вырубов с супругой Сабин де Ноай, Париж, 1962 г.

как петербургские «Северные записки», а роман перевела юная Цветаева? Или это совпадение?

Да, это одна семья.

Так Николай Васильевич был шармер, любимец дам, много тратил времени на романы, любил светскую жизнь?

Нет, это у него все было, как ныне говорят, «вне зоны внимания». Это невидимая часть его жизни, не то, что делало его известным, все это было «дискретно».

Ну, а видимая часть его жизни? Он был человеком дела? Любителем книг?

Безусловно, для начала он был человеком дела. А вот книголюбом он почему-то не был. И не хотел ничего писать о событиях своей жизни. И мне приходилось много раз заставлять или каким-то обра-

зом «подкупать» его, чтобы он хоть что-нибудь написал. И в конце концов, к счастью, появился французский депутат, которому он впервые подробно, в долгой беседе, рассказал о своей жизни, а тот все записал. До этого он категорически отказывался что-либо из своей жизни воспроизводить в письменных текстах – как и его отец! Что очень жалко для истории России, потому что, в конце концов, Василий Васильевич был правой рукой князя Львова во Временном правительстве и много мог бы открыть нам. Отказывался!

Мне кажется, рассказывая о своем отце, Николай Васильевич очень ясно объяснил это нежелание вести записи отсутствием читателя. Среди белых было мало свободомыслящих, таких как Василий Васильевич, не было аудитории, для которой можно было писать. Никому не нужны были бы, по его разумению, эти воспоминания.

Это, может быть, и уважительно, если принять во внимание существующую тогда аудиторию, но не объективно. Потому что, в конце концов, есть две причины, почему люди пишут воспоминания. Или они сводят счеты, или они хотят что-то оставить после себя. Он вот этого последнего не хотел, как не хотел и его отец. Это моя точка зрения. Может быть,

Юрий Александрович Трубников, который лучше знал нашего дядю, поскольку жил в Париже и видал его часто, скажет Вам что-либо другое. Я видел дядюшку раз или два в год, и мои мнения ограничены оттого, что эти визиты чаще всего бывали «деловыми», в том смысле, что я приез-

Н.В. Вырубов и Н.Д. Лобанов-Ростовский в гостиной Вырубовых в Париже, 2003 г.

жал с целью его уговорить что-либо написать. И надо сказать, все-таки кое-что он написал под моим «нажимом».

А Вы что-нибудь пишете?

Я, в общем, не пишу, считаю, что не умею этого делать, мне это страшно трудно, но часто диктую, когда нужно, как вот и сейчас с Вами беседую. У меня, к счастью, есть помощница Ольга, записывающая мои рассказы, – внучка известного бакинского комиссара Шаумяна. Работает на благо истории.

Скажите, помните ли Вы какие-нибудь семейные особые словечки, мудрые поговорки и присказки Николая Васильевича, которые обычно цитируют домашние, вспоминая ушедшего человека? Что Вам в жизни пригибается?

Увы, я могу Вам сказать только о том, о чем он не говорил: он считал совершенно неприличным говорить о деньгах, о сексе, а также мало говорил о политике и о войне, в которой он участвовал.

Ну да, это разрушает взаимоотношения людей.

Для него взаимоотношения с людьми были трудным вопросом. Вот вам пример. Армия генерала де Голля высадилась в Камеруне в Западной Африке, откуда сухопутным путем она должна была пойти в тыл немецкой армии в Северной Африке, в Ливии. В Камеруне Николаю Васильевичу (по матери Галахову) удалось разыскать своего двоюродного брата Николая Александровича Галахова, который работал геологом в Африке. Галахов отклонил предложение Николая Васильевича присоединиться к армии де Голля, чтобы воевать с немцами. После окончания войны оба продолжали общаться как ни в чем не бывало. Также князь Илларион Васильчиков был за немцев,

*Николай Александрович Галахов,
геолог, двоюродный брат
Н.В. Вырубова, Париж, 1946 г.*

хотя он фальсифицировал дневник своей сестры¹⁶ времен войны и сделал так, будто он тоже участвовал в Сопротивлении. Несмотря на это, мой дядя с ним видался, и Васильчиков, живя в Лондоне, останавливался в Париже у Вырубова. Я спросил у дяди: «Как тебе возможно продолжать встречаться с Васильчиковым?» Он ответил: «Никита, если бы я не встречался со своими сверстниками, которые во время войны были со мной совершенно иных взглядов, я был бы очень одинок». Мне это показалось странным и довольно трагичным, что круг общения Вырубова так ограничен. Не следует забывать, что значительная часть эмигрантов была с немцами, и я

затронул эту тему в своем выступлении на выставке в Москве...

Ну, об этом как раз более известно, нежели об эмигрантах – героях Сопротивления. А чем занимался Николай Васильевич после войны?

Он работал в Организации Объединенных Наций сначала в Корее, потом в Лондоне. А позже он перестал работать, ведь он на 75% был инвалидом (возле сердца у него застряла шрапнель, и его почему-то боялись оперировать), переехал во Францию и занимался только общественными делами. И прожил очень долго, до 94 лет. И жил полной жизнью, курил и мог выпить. Меня всегда это удивляло, как он смог стать долгожителем, когда возле сердца у него всегда оставалась шрапнель?! Болеет, но прожил долго.

Вы говорите, что он не любил писать, но в начале 1990-х он написал и опубликовал яркую полемическую статью в журнале «Наше наследие»?

Я помню, как он начал писать: в Париже появилась сотрудница «Нашего наследия» Геля Белкова, которой он очень помог, и она позже стала работать в «Paris Match». Она ему как-то подошла по характеру, была ему симпатична, он ей доверял. И с тех пор он и стал писать или диктовать ей, она была его редактором и исполнителем. Вот так случился этот «литературный прорыв» – из-за нее.

Николай Васильевич горячо воспринимал перестроечные события, но и предупреждал, что не столь нужны реформы, сколь изменения в голове. Скажите, то, о чем он говорил, так и произошло – реформы совершились, а головы прежние?

¹⁶ Илларион Сергеевич Васильчиков (1881–1969). Мемуары «То, что мне вспомнилось», опубликованы в России: М., 2002. «Берлинский дневник» Марии Сергеевны Васильчиковой (Мисси) (1917–1978), причастной к заговору против Гитлера, широко известен и переведен на многие европейские языки.

Нет, никак нет. Россия сегодня очень четко идет к «светлому прошлому»: для тех, кто с этим не согласен, скажу, что сейчас просто неприятный период для России, он закончится. Все, в конце концов, заканчивается, рано или поздно, история циклична. Со времен 1917 г. морально-политический климат заметно улучшается. Я ожидаю, что финансово Россию ждут некоторые затруднения начиная с 2017 г., но, полагаю, нужно будет принимать меры, чтобы дать возможность предпринимательскому классу поднять страну – типа «ленинского нэпа». Я опасаясь, что налоговые сложности, юридические барьеры, коррупция, плюс тот факт, что олигархи захватили все рычаги в России, будут препятствовать попыткам мелких предпринимателей что-либо сделать. Олигархи обкрадывают страну, выкачивают из нее деньги. Россия, в общем-то, находится в состоянии застоя, население не до конца отдает себе в этом отчет, но, возможно, почувствует это, когда прилавки окажутся пустыми и денег не будет... Будем надеяться, что этот период себя изживает.

Что Вы скажете о созданном Вами Музее Лобановых-Ростовских, который существовал в Москве три года? Москвичи успели его полюбить, но по непонятным причинам он закрылся.

Я очень рад тому, что музей, может быть, откроется в Ростове к 2017 г. Со дня на день жду сообщения, что план его реставрации одобрен, что музей станет реальностью, и тогда начнется работа.

А что Вы думаете о Музее русского дворянства в России?

Я долго пропагандировал эту идею, но зашел в тупик и понял, что мои усилия тут ни к чему не могут привести.

Найти и сохранить

*С директором Государственного музея А.С. Пушкина
Е.А. Богатыревым беседует Владимир Потресов*

В течение своего почти полувекового существования фонды Государственного музея А.С. Пушкина являлись обширным собранием даров, коллекций, связанных с памятью великого поэта. О том, какие дары поступили в последнее время, рассказал нашему корреспонденту Владимиру Потресову директор Государственного музея А.С. Пушкина Е.А. Богатырев, лауреат Государственной премии РФ.

Да, наш музей во многом состоит из даров, и мы не устаем об этом рассказывать. Последние год-два не были исключением – мы получили целый ряд весьма ценных подарков.

Ксавье де Местр. Портрет генералиссимуса А.В. Суворова, ок. 1799 г. Кость, акварель, гуашь

Шарль Франсуа Мюллер. Портрет Е.Д. Небольсиной, урожд. княжны Львовой, ок. 1825 г. Кость, акварель, гуашь

К наиболее интересным вещам, полученным музеем в последнее время, мы, безусловно, относим дары Николая Васильевича Вырубова, друга нашего музея, командора ордена Почетного легиона, одного из немногих русских, удостоенных французского ордена Военного Креста, почетного председателя Земгора в Париже, члена редакционного совета журнала «Наше наследие». Это – портрет Николая I и портрет Е.Д. Небольсиной, привезенные мною из Парижа в начале прошлого года. Дружба музея А.С. Пушкина с Николаем Васильевичем длится уже долгие годы. Так, в 1995 г. он подарил нам серию гравюр, связанных с военной историей России. Эти работы посвящены вступлению русской армии в Париж в 1814 г. и завершению наполеоновских войн. Переданные листы являются источником по изучению обмундирования русской армии, в чем их особая ценность. Недавно, будучи с правительственной делегацией Франции в Москве на открытии выставки, посвященной генералу де Голлю, чьим соратником во время Второй мировой войны был Вырубов, он впервые посетил нас и преподнес редкую миниатюру – портрет Александра Васильевича Суворова, выполненный художником Ксавье де Местром, продолжив традицию дарения нашему музею экспонатов,

запечатлевших ратное прошлое России. Это последнее известное прижизненное натурное изображение генералиссимуса. С оригинала К. де Местра известны многочисленные, но более поздние копии. Подлинная фотография декабриста С.Г. Волконского из семейного архива – также весомый вклад Николая Васильевича в нашу коллекцию.

Произошли пополнения и фонда графики. Так, нам стало известно, что на торги аукционного дома «Кристи» предполагается выставить акварельные

портреты родственника Пушкина, Григория Александровича Строганова, и неизвестной. Этот второй портрет находился в одном паспорту с первым. В результате работы сотрудницы нашего музея Т.Г. Дмитриевой портрет был иконографически определен как изображение матери Строганова Елизаветы Александровны Загряжской. Мы связались с председателем совета директоров аукциона господином Стивеном Лэшем, он снял эти произведения с торгов, и в торжественной обстановке оба портрета были переданы в дар музею.

Одним из значительных новых поступлений в наш музей стали замечательные портреты М.К. Морозовой, знаменитой русской меценатки и общественной деятельницы, героини поэмы Андрея Белого «Первое свидание». Филиал нашего музея – Мемориальную квартиру Андрея Белого теперь украшают два великолепных портрета Маргариты Кирилловны, а в фондах музея хранятся ее семейные портреты. Редакция журнала «Наше наследие» совместно с физиком и художницей Т.С. Дубинко нашла эти портреты и после смерти их последней владелицы М.С. Муравейской организовала передачу всей коллекции в наш музей.

Побывал в музее А.С. Пушкина и князь Г.И. Васильчиков, живущий в Швейцарии. Он подарил нам прижизненное издание «Повестей Белкина», принадлежавшее генерал-лейтенанту И.В. Васильчикову, чьим адъютантом был Петр Чаадаев.

Увлечение известного ученого-физика Владимира Михайловича Фридкина – исследования, связанные с пушкинской тематикой. Недавно из своей коллекции ученый передал в дар музею рисунков Зинаиды Волконской.

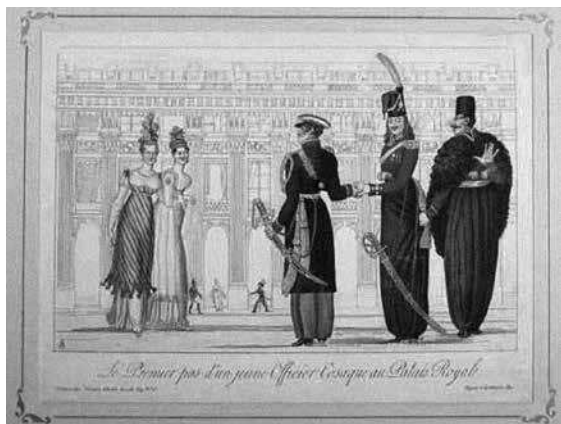
Поступили к нам три миниатюры от К.Н. Мануйлова и И.А. Татаринцевой, датированные примерно 1790–1810 гг.

Антон Фердинанд Крюгер. Портрет императора Николая I, конец 1830–начало 1840-х годов. Пергамент, акварель, белила, лак.

Алекс. Высшие чины русской армии, 1815 г. Гравюра, раскрашенная акварелью.

П.А. Мартине. Представление молодого казачьего офицера в Пале-Рояль, 1815 г. Гравюра, раскрашенная акварелью.

П.А. Мартине. Прощание с Пале-Рояль, 1815 г. Гравюра, раскрашенная акварелью.

ниной, вышитые так называемой графической гладью Е.Н. Ласунской и М.И. Сусловой. Это удивительно кропотливая работа. Такие вещи становятся уже самостоятельным памятником прикладного искусства начала XXI в., тематически связанным с именем Пушкина.

Или вот портрет поэта, выполненный учащимися Детского художественного центра «Отрадное» (Москва) из разных пород дерева. Вы бы видели, какое для них было событие – передача своего произведения нашему музею!

Все же, видимо, «пик» даров пришелся на недавний 200-летний юбилей поэта.

На одной из них изображен Г.П. Каменев (дарители – его потомки), литератор, современник Г.Р. Державина, который жил и творил в Казани. О его поэтических произведениях высоко отзывался Пушкин: «...он первый в России осмелился отступить от классицизма. Мы русские романтики, должны принести должную дань его памяти; этот человек много бы сделал, если бы не умер так рано». Любопытно, что специалистам известны проза и поэзия, басни Каменева, а вот портретные изображения этого казанского купца 1-й гильдии, любителя изящной словесности, достаточно редки.

Много произведений дарят нам современные художники. Причем, не всегда профессионалы. Например, мы получили недавно портреты А.С. Пушкина и А.А. Олениной.

Конечно, это событие вызвало массу различных откликов, в том числе и конъюнктурных. Впрочем, это отдельный разговор. Сегодня из разных стран к нам поступают произведения Пушкина, переведенные к юбилею на языки народов мира.

Дарителями здесь выступают как российские посольства за рубежом, так и иностранные посольства в России. Об изданиях на европейских языках и говорить не приходится, а вот из экзотических поступлений – южно-корейское издание «Евгения Онегина» и первый перевод этого романа в стихах из Турции.

Это прекрасные книги и интересный материал для будущих исследований на тему «А.С. Пушкин и мировая культура».

Своеобразный подарок к 200-летию поэта получили мы из Китая. Это портрет Пушкина художника Гао-Мана в технике акварели на рисовой бумаге, изображающий поэта на Великой Китайской стене. Естественно, Пушкин никогда не был в Китае, это всего лишь фантазия художника. А совсем недавно произошло знаковое для зарубежной пушкинианы событие – в Англии вышло в свет первое полное собрание сочинений А.С. Пушкина на английском языке. Его издатель господин Я. Спроат на специальном научном заседании передал его музею.

Фонды музея пополняются ведь не только дарами...

У нас сложились тесные взаимоотношения с антикварными, букинистическими магазинами, отдельными коллекционерами. В последние два года значительно пополнилось наше собрание антикварных книг, из которых особо хочу отметить редкое издание поэмы В.Л. Пушкина «Опасный сосед» середины XIX в., подаренное петербургским антикваром С.О. Сергиевским.

Что же касается наших дарителей, то мы их не обходим вниманием. На Арбате, что называется, на пороге Пушкинского мемориала мы постоянно устраиваем выставки даров – это наша дань, это наша благодарность, то, чем можем ответить людям.

Ценные дары поступали в музей не вчера, не год назад, но сегодня мы с гордостью показываем их, отмечая прекрасную сохранность, особенно таких жемчужин, как коллекции И.Н. Розанова, Т.А. Мавриной, П.В. Губара, Ю.Б. Шмарова и мн. др.

Традиционно мы связаны с различными направлениями культуры. Довольно интересная тема – наши отношения с театром. Дар актеров – их, правда, не так много: В. Лановой, С. Юрский, М. Казаков, Г. Бортников, ряд других – это театрализованные выступления перед нашими зрителями, участие в концертных программах музея.

Ноне только свое непосредственное творчество дарят актеры. Например, Олег Меньшиков, создавший на сцене Театра имени Моссовета спектакль

«Горе от ума» (сезоны 1998–2000), решил сохранить его следующим образом: он передал в дар нашему музею всю коллекцию сценических костюмов этого спектакля, авторами которых были такие известные мастера, как один из лучших современных театральных художников-модельеров Игорь Чапурин и художник Павел Каплевич. Костюмы дают возможность рассказать об эпохе двух великих поэтов, Грибоедова и Пушкина, языком моды и, разумеется, позволяют сохранить память о наших дарителях.

Какой, если так можно выразиться, самый неожиданный подарок, полученный музеем в последнее время?

Наверное, это – вятская игрушка самодеятельной художницы Надежды Иосифовны Басс, предметная иллюстрация к сказкам Пушкина: этакая розовощекая красавица с косой – Царевна-лебедь, добродушный царь Гвидон, лубочные пушкинские персонажи... Словом, очень веселые добрые герои пушкинских сказок.

Но у нас постоянно организуются выставки и профессиональных художников, работающих на пушкинскую тему, которые оставляют нам в дар отдельные свои произведения.

Кстати, наш музей тоже является дарителем: в прошлом году нами совершена уникальная акция – мы передали в Музей-усадьбу «Остафьево» около 50 предметов, представляющих мемориальную, историческую и художественную ценность.

Впереди нас ждет большое событие: в 2007 г. музею Пушкина исполняется 50 лет. Мы верим, что к этому времени сумеем отреставрировать наш новый филиал – дом любимого дядюшки поэта Василия Львовича Пушкина на Старой Басманной. Надеемся, это будет особенный, очень живой музей, посвященный быту москвичей в начале XIX в., в старинном районе столицы.

Словом, будет возможность разместить и сохранить в наших экспозициях все дары нашему музею.

Л. Лодзинский, Н. Щеглова **С сознанием чести и долга¹**

Такой разговор, острый, откровенный, затрагивающий как широкий спектр проблем современного советского общества, так и вопросы, связанные с взаимоотношениями Советской России и эмиграции, состоялся у нас впервые. Думается, что к этому доверительному разговору мы шли не один день и не один месяц. А состоялся он в небольшом зале Парижской консерватории имени С.В. Рахманинова.

¹ Голос Родины, июнь 1990, № 26,

Инициатором встречи представителей русской интеллигенции с сотрудниками Общества «Родина» стал Николай Васильевич Вырубов, человек глубокой эрудиции и безмерного благородства. Добровольцем он записался во время Второй мировой войны в войска «Свободной Франции», воевал, был тяжело ранен, удостоен высших боевых наград Франции – Креста Освобождения и Военного Креста.

...Итак, в Консерватории имени С.В. Рахманинова собрались наши старые и новые знакомые. Никита Лобанов-Ростовский, Юрий Трубников, Сергей Толстой – друзья Общества «Родина», о встречах с ними мы не раз рассказывали своим читателям.

С Николаем Вырубовым, Георгием Васильчиковым, Львом Бобринским, Борисом Лоскиным, Натальей Прихненко, урожденной Галаховой, Петром Тарановским, Марией Стахович, Дмитрием Шаховским, Александром Билльдерлингом, Еленой Капнист, Петром Татищевым, Петром Шереметевым и другими мы встречались впервые.

Николай Васильевич Вырубов передал в дар Обществу «Родина» книги, журналы, сборники, воспоминания русских писателей, философов, жизнь и творчество которых связаны с эмиграцией (всего около 400 наименований). Он высказал надежду, что эти раритеты русской культуры будут доступны историкам, литературоведам, широкой читательской аудитории.

Встреча, которая длилась не один час, началась с проникновенного выступления Н.В. Вырубова. Передавая его потом нам, он спросил: «Неужели вы сможете слово в слово напечатать это обращение?»

Наш ответ был утвердительным. Вот это обращение.

«Я приветствую среди нас Леопольда Болеславовича Лодзинского, представителя общества „Родина“, общества культурных связей с соотечественниками за рубежом.

Формально мы не соотечественники и не эмигранты, а французские граждане русского происхождения. Но мы продолжаем чутко следить за судьбами России. Многие из нас принимают активное участие в общественной русской жизни во Франции.

Ввиду происходящих событий в России я пришел к убеждению, что, несмотря на наши разногласия, настало время нам встретиться.

Вы стремитесь найти здесь материалы о жизни эмиграции и о ее творчестве для того, чтобы их сохранить и сделать всеобщим достоянием. Это стремление следует поддержать, и поэтому я рад вам передать мною собранные книги и журналы, касающиеся творчества эмиграции.

Я прочел несколько номеров „Голоса Родины“. В одном из них напечатаны отрывки из воспоминаний князя Львова, главы Временного правительства, которые я вам послал. За эту публикацию я вам признателен.

В статье из другого номера под названием „С чего начинается Родина” журналист, встретивший в Орландо американцев русского происхождения, был тронут их сочувствием по отношению к событиям в России. Он восклицает: „Ведь кто, как не они, скорее всех впитают в себя новые веяния нашей, культуры и донесут их до граждан иных государств!”

Как можно себе представить, что, хотя мы и искренне желаем блага России, мы могли бы стать пропагандистами мероприятий, основанных на мировоззрении, с которым мы не согласны?

Далее тот же журналист, обращаясь к тем же американцам, объясняет, что, несмотря на преступления сталинизма, коммунизм остается „благодатью”.

Как не удивиться тому, что человек, живущий в стране, испытавшей на себе результаты этой идеологии, дает такие объяснения! Естественно, такая концепция, которой придерживается „Голос Родины”, может обострить идейные разногласия и повредить взаимопониманию: ведь речь идет о восхвалении коммунизма, который мы всю жизнь отвергали и из-за которого оказались за рубежом.

В другой статье журналист, встретивший в Аргентине белого эмигранта (вроде меня!), в разговоре с ним, услышав слова „честь, достоинство и долг”, объявляет их „старорежимными”. Разумеется, нам лестно, что журналист, сознавая сущность этих слов, предлагает своим читателям совместить их духовное значение со значением нашего прошлого.

Хотя прошлое прошло, мы все же горды, что живем достойно с сознанием чести и долга. Именно благодаря этому мы и сумели сохранить русскость в себе.

Теперь я хочу сказать несколько слов о нашем проживании за рубежом.

После наплыва во Францию русских эмигрантов (около 100 000) семьям здесь жилось трудно, у многих отцы погибли в России, а у других не было подходящей профессии.

Несмотря на все трудности, наши родители воспитали в нас сознание русских духовных ценностей. Благодаря этому воспитанию и школе, где мы прониклись культурой Франции и любовью к ней, с наступлением войны мы приняли в ней активное участие, защищая свою вторую Родину. С того момента, когда Россия подверглась нападению, мы сочувствовали судьбе русских войск и радовались их победам.

Также и теперь – хотя замысел перемен, происходящих в стране, нам не вполне ясен, – мы искренне радуемся тому, что делается в России, желая ей блага после столь длительных и суровых испытаний.

Наши родители страдали от своего эмигрантства, будучи оторваны от Родины, и мечтали вернуться. Те из них, кто после войны осуществили свою мечту, были встречены как виновные и подвергнуты преследованию.

ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНА Г. Н. ВЫРУБОВУ
1866-1869.

16 декаб. 1869. 7 Quai Mont Blanc.

Я очень былъ радъ даже печальному письму вашему. И такъ, вы *sain et sauf*—возвратились изъ любезнаго вертепа. Трудна эпоха, по которой мы проходимъ—но я, какъ и прежде гляжу съ сочувствіемъ, но безъ отчаянья. Прошу васъ обратить вниманіе въ «Колоколѣ» на рядъ статей подъ заглавіемъ: «Порядокъ торжествуетъ!»—1-ая въ декабрьскомъ л. Вы немного отвыкли отъ Николаевскаго времени—и мало знали его—оно было не лучше (цѣлыхъ 30 лѣтъ), а произвело нутнаго и сильнаго много. А *propos*,—знаете ли вы фельетоны Шедо Фероти о «цигизмѣ въ Россіи» въ «Эхо» отъ № 90... Это очень забавная вещь какъ мѣра *ихъ* пониманья.

Что ваши литературно-научные проекты? Не хотите ли издавать *sommaire* о Контѣ на русскомъ—Огар. и еще одинъ господинъ (математикъ) хотѣтъ сильно заняться этимъ. На Дигре и срѣзлся—стало было читать его толстую книгу о Контѣ и со всѣми усиліями, долженъ былъ бросить—валость, неумѣнье группировать, повтореніе и пуще всего—вѣчный споръ объ изобрѣтеніи и чести лавочки надобль. ¹⁾

Я ѣду завтра черезъ Ниццу во Флоренцію. Въ Ниццѣ проведу вѣскольکو дней—пишите *Poste restante*. А во Флор. 41 Via S-la Monaca 2-v p-o. Если же хотите что написать Огар.—пишите сюда 7 Quai Mont Blanc.

¹⁾ Этотъ строгій и странный отзывъ о замѣчательной книгѣ, имѣвшей огромный успѣхъ, лишь разъ показывается, что Герценъ имѣлъ случайное понятіе о новой научной философіи и не сочувствовалъ ей. Онъ былъ слишкомъ проникнутъ вѣвнкой метафизикой.

У насъ здѣсь—гадость за гадостью. Негодяи изъ нашихъ, негодяи изъ поляковъ, сумасшедшіе, линившіеся ума. Хуже кабака нѣтъ въ мірѣ. Кн. Долг. неистовствуетъ по временамъ... и это разсѣиваетъ.

Видѣли ли вы тогда проѣздомъ Сат.(ина) или его жену—и могли ли исполнить комиссію. Нат. Ал. Огарева спрашиваетъ васъ объ этомъ.

Всѣ вамъ кланяются.

Прощайте. Не забывайте иной разъ, что у насъ собирается фондъ въ пользу нашихъ эмигрантовъ. Я согласенъ, что было бы лучше, если-бъ часть ихъ умерла съ голода, но по слабости все же надобно ихъ покармливать.

Жму вамъ руку.

А. Гр.

Я возвращусь въ Жен. 1 марта.

2.

26 декаб. 1866. Nice—57, Promenade des Anglais.

Пишу нѣсколько строкъ, чтобы сказать, что письмо ваше получилъ. Бак.(уинъ) все въ Неаполь—но ко мнѣ очень давно не писалъ. Я пробуду здѣсь еще дней десять.

Если вы можете употребить нѣсколько денегъ въ Парижѣ—на бѣдныхъ соотечественниковъ—то въ фондъ не посылайте. Я о Шахо.(вскомъ) знаю ¹⁾ съ самой превосходной стороны. Л(уги-винъ) брался немного устроить его. Но что это за Михайловскій? Я зналъ одного величайшаго негодя (entire nous)—маленькой, черной, былъ во флотѣ, бѣжалъ изъ Одессы. Остерегайтесь его. ²⁾ Я не дѣлю мнѣнія христіанѣйшаго Луг.(инина), что слѣдуетъ помогать всякому негодю, когда онъ въ нуждѣ, и согласенъ гораздо болѣе съ Калонномъ, министромъ Людвига XVI, который отвѣчалъ посту, просящему у него денегъ на про-

¹⁾ Бывшій офицеръ, настоящее имя котораго Озеровъ; эмигрировалъ во время польскаго мятежа.

²⁾ Оказалось, что мой Михайловскій и Михайловскій Герцена—одно и то же лицо. Не смотря на то, что при дѣлѣ онъ разыгрывалъ роль безбожника, онъ записался въ папскіе зуавы и получалъ на обмундированіе 4000 фр. Деньги онъ взялъ, мундира не жушилъ и въ Римъ не поѣхалъ.

Моему поколению не пришлось принять участие в жизни России, но мы храним духовный ее облик. Русская старина, русское творчество и духовность и бесчисленные жертвы, Россией понесенные, составляют нашу общую Родину, к которой мы не предъявляем никаких претензий.

Да и младшее поколение, полностью влившееся во французскую жизнь, тем не менее, стремится не утратить своей русскости, как чего-то неуловимого, но родного.

В свете происходящих крупных перемен мы мечтаем о сближении России с западной культурой, от которой страна была намеренно отгорожена. Есть, конечно, более спешные задачи, но без этого стремления страна не станет, как это ей подобает, великой державой, несмотря на свою военную мощь, на потенциальное богатство и на духовные силы народа.

Ведь культура это не только сумма званий или образ жизни, это прежде всего преобладание над всем остальным духовных ценностей, этики и признания достоинства и прав каждой человеческой личности.

Речь, конечно, не идет о поглощении русской культуры культурой западной, а о взаимном обогащении. В 1883 г. у гроба Тургенева до его отправления в Россию мой дядя Г.Н. Вырубов, ученый, душеприказчик Герцена, друг писателя, говорил о том, что встреча западной и восточной культур будет содействовать либеральному развитию России и ее приобщению к мировой культуре.

Эта мечта остается актуальной и могла бы быть теперь осуществлена, благодаря исключительному явлению русской эмиграции, воспринявшей западную культуру и стремящейся к этой цели. С того момента, когда достижение этой цели станет возможным, многие за рубежом откликнутся и внесут свой вклад в общее дело.

Вы, мне кажется, интересуетесь русскими ценностями, которые здесь находятся. Предметы исторических коллекций мы пока сохраняем, нам хочется дожить свой век в нашей привычной обстановке. Все эти предметы – как бы след и знак нашего здесь пребывания – хранятся сообща.

Со временем, когда Бог даст, наши мечты, свершатся, и этот вопрос решится.

Есть предметы русского искусства в частных руках. Их судьба зависит от личного решения их владельцев.

Главная ценность для России, как мне представляется, это свободное творчество эмиграции. Вам известен вклад русской эмиграции в мировую культуру в областях науки, музыки, литературы и искусства.

Хотелось бы, чтобы с вашей помощью этот материал получил наиболее обширное распространение и использование.

Закончу словами Пушкина, провозгласившего надежду наступления просветления в России:

И над Отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли, наконец, прекрасная заря...

10 Июл 1990г. Н. В. Вырубов.
Париж.

Рассказ о парижских встречах мы продолжим в последующих номерах газеты «Голос Родины».

Л. Лодзинский, Н. Щеглова

Вернисаж в Харитоньевском

Недавняя встреча в Париже представителей российской интеллигенции с сотрудниками Общества «Родина» (см. газету «Голос Родины» № 26) стала своеобразным прологом к событию, о котором наш сегодняшний разговор. Инициатор этой встречи Н.В. Вырубов передал авторам данных заметок около 400 книг, журналов, других изданий, иллюстрирующих творчество русской эмиграции в разных стилях и жанрах. Тогда-то и родилась идея устроить в Москве выставку книг русского зарубежья из библиотеки Н.В. Вырубова. И вот этот день наступил.

Зеркальный зал Общества «Родина» полон. Открытие выставки – всегда радостное событие. А эта необычная, хотя и скромная по размерам экспозиция, вызвала живой интерес литературоведов, писателей, представителей московской общественности, сотрудников библиотек, архивов, журналистов.

– Нынешняя выставка уникальна, – сказал первый заместитель председателя президиума Общества «Родина» Н.А. Панков. – Все собранное здесь – целый пласт отечественной культуры, возвращающейся к нам, некоторые книги станут для вас открытием. Уникальность экспозиции и в том, что это щедрый дар Н.В. Вырубова, человека огромной эрудиции, безмерного благородства, высокой чести и достоинства.

О новых изданиях писателей и поэтов русского зарубежья, о том, что российский культурный ренессанс невозможен без того, чтобы на Родину не вернулась культура русского зарубежья, о необходимости знакомства с представленными книгами и широкой читательской аудитории говорили в своих выступлениях сопредседатель Общества «Россия», главный редактор роман-газеты писатель В. Ганичев, профессор историко-архивного института В. Дурновцев, писатель В. Лавров, заместитель директора

Центрального государственного архива Т. Павлова, главный редактор еженедельника «Гласность» Ю. Изюмов.

– Данная выставка – своеобразный знак Доверия российской эмиграции, – подчеркнул В. Ганичев. – Мы знакомимся с произведениями всемирно знаменитых писателей, книгами практически не известных в СССР русских историков, философов, поэтов.

Кипы журналов, один интереснее другого, альманахи поэзии, учебные пособия, справочники. А прижизненные издания книг писателей, да еще с автографами – стоит ли говорить о бесценности этих экспонатов! Внимание посетителей привлекла небольшая, на вид скромная книжечка бунинских стихотворений. Поэзию лауреата Нобелевской премии И. Бунина другой не менее знаменитый писатель и поэт Владимир Набоков считал лучшим из того, что было «создано русской музой за несколько десятилетий».

На страницах представленного на выставке журнала «Современные записки» были напечатаны многие выдающиеся произведения. Не меньший интерес представляют и другие журналы: «Версты» и «Новый корабль». «Опыты» и «Воля России». «Русский сокольский вестник» и «Новый дом».

На выставке широко представлены произведения художественной литературы. Наряду с громкими именами М. Алданова, Д. Аминадо, Е. Замятина, Н. Тэффи, Саши Черного малоизвестные советскому читателю П. Краснов, С. Максимов, Н. Брешко-Брешковский, В. Крыжановская...

Особое место в экспозиции занимают мемуары, свидетельства людей, принимавших самое активное участие в важнейших событиях первой трети XX в.

Будем честны и откровенны. В минувшие десятилетия мы сделали немало, чтобы представители русской эмиграции не чувствовали своей причастности к судьбам Родины. Ну, а уж тем зарубежным соотечественникам, которых записали в разряд классовых врагов, путь на Родину до недавнего времени был и вовсе закрыт, а их мемуары, другие произведения не только не издавались, вслух-то не упоминались.

Вспоминается, как на недавней встрече в Парижской консерватории имени С.В. Рахманинова шел разговор о необходимости нормализации взаимоотношений российской эмиграции и Советской России. Одно из условий необходимых, по мнению, например, князя Г.И. Васильчикова, – признание каким-то авторитетным голосом в нашей стране того, что эмигранты двадцатых годов больше не являются классовыми врагами. Новое крепкое здание нельзя строить на прогнившем фундаменте старого.

После долгих десятилетий молчания тема эмиграции буквально захлестнула советские газеты и журналы.

– Но удивляет и обижает какой-то оправдательный тон большинства этих статей. Получается так, что эмигранты просят прощения за то, что оказались по другую сторону баррикад в сети определенных исторических событий, – считают наши парижские знакомые. – Но нам не за что извиняться. Даже самые преданные белой идее солдаты и офицеры воевали за те идеалы, в которые свято верили.

Вспоминаются и слова, сказанные тогда же Николаем Васильевичем Вырубовым о другой наметившейся тенденции.

– О нас говорят только в прошлом, – сказал он. – Мы, конечно, помним его, но живем настоящим. На все, что происходит в мире, имеем свой собственный взгляд. Мы не боремся против коммунизма, хотя и всю жизнь отвергаем его как идеологию. Многих из нас объединяет желание сделать что-то доброе для русского народа. Обидно сознавать, что на долю русских людей выпали трудности разного характера, что так низок их жизненный уровень. Но страшнее всего потеря духовности, культурный упадок.

Н.В. Вырубов – человек уникальной судьбы. За «кадром» этих заметок осталось многое. Например, та тема, к которой мы не раз возвращались в разговорах с Николаем Васильевичем. Деятельность князя Г.Е. Львова на посту главы Временного правительства и его огромная подвижническая работа в эмиграции по оказанию помощи русским беженцам. До самой смерти он возглавлял две организации – «Объединение земских и городских деятелей во Франции» и «Российский Земско-городской Комитет помощи российским гражданам за границей».

Огромную и благородную работу по оказанию помощи русским эмигрантам продолжил Василий Васильевич Вырубов. Не случайно, что на многих книгах, представленных на выставке, добрые слова посвящения их авторов этому человеку, отдавшему немало сил и энергии общественной деятельности. После смерти отца забота о нуждающихся в помощи русских эмигрантах легла на плечи Николая Вырубова.

Но эта тема, затрагивающая неизвестную страницу русского зарубежья, заслуживает более обширного и обстоятельного разговора.

Ну, а пока позволим вспомнить только некоторые эпизоды богатой событиями и встречами с интереснейшими людьми своего времени биографии Н.В. Вырубова.

...Из России уезжал мальчишкой, уже познав голод и разруху, неустроенность быта и потерю родового гнезда, словом, все то, что сопутствовало жизни людей его круга в годы революции.

– Вы думаете, почему мои брат и сестра остались живы? – говорит Вырубов. – Благодаря тому, что могли обедать два раза в неделю в «американских» столовых. А семья наша была немалочисленная: бабушка, дедушка,

сестра моей матери, трое детей, няня. Никто ничего не зарабатывал. Сначала проедали то, что получили от продажи брошек, серег, колец. Их зачистую меняли на хлеб. Но драгоценности на ходу таяли, их, как вы понимаете, оставалось все меньше и меньше. В первые же годы после Октябрьского переворота жили в чужих помещениях. Тетя моя писала какие-то «фишки» в Эрмитаже, зарабатывая этим мизерную плату. А мы, дети, бегали ночью на вокзал и попросту... воровали.

...В Петрограде Николай Вырубов жил вместе с бабушкой и дедушкой до 1924 г. Родственники в Германии смогли собрать положенный выкуп за возможность выехать из молодой советской республики семье Вырубовых.

– К сожалению, сумму назначили за всю семью, – говорит Николай Васильевич, – поэтому до сих пор так и не знаю, сколько «стоил» лично я. А бумага, засвидетельствовавшая акт продажи, хранится у меня до сих пор. Тогда ведь выкупали многие семьи. Во Франции русская колония собирала деньги на выкуп Самариных, Нарышкиных, других семей дворянского происхождения.

18 июня 1940 г. Н. Вырубов одним из первых добровольцев записался в войска «Свободной Франции». Геройски воевал, был тяжело ранен, отмечен самыми высокими боевыми наградами Франции – Крестом Освобождения и Военным Крестом.

– Для меня было крайне важно осознание того, что я эмигрант, что живу в эмиграции, – говорит Н.В. Вырубов. – Все русские друзья и знакомые жили бедно, но достойно. Я мечтал выйти из положения беженца и считал своим долгом отблагодарить Францию – страну, которая стала для меня второй родиной.

И вот что еще. Очень важное. Во время второй мировой войны я четко осознал: несмотря на то, что Россия – большевистская, советская, коммунистическая, но она Россия, поэтому все наши действия должны быть направлены на ее благо. Отстаивать эту позицию в эмигрантских кругах было крайне трудно, некоторые откровенно называли таких, как я, предателями.

...Замечу, что в эмиграции в основном преуспели люди моего поколения. А наши родители сидели в буквальном смысле на чемоданах, надеясь на возвращение в Россию, конечно, в случае поражения большевиков. Мой отец закончил Московский университет, был доктором математики, физиком, он смог добиться определенного положения. Большинство же эмигрантов, изучавших в России гуманитарные науки, так и не смогли найти применения своим знаниям в зарубежье.

...Прошли годы. Отшумели события, потрясшие мир. Начали восстанавливаться разрубленные связи наших зарубежных соотечественников с

Россией, с русским народом. И можно только искренне восхищаться такими людьми, как Николай Васильевич Вырубов, сумевшими сохранить русскость в самом высоком понимании этого слова, живущими по законам чести и достоинства.

Выставка книг русского зарубежья, состоявшаяся в Обществе «Родина», – еще один шаг к познанию культуры русского зарубежья, не отделенного от единой отечественной культуры.

Лидия ДОВЫДЕНКО
Русский герой Франции

К 100-летию Николая Васильевича Вырубова¹

Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына подготовил выставку, открывшуюся 15 июля 2015 г., «Русский герой Франции – Николай Васильевич Вырубов».

Речь идет о русском дворянине, герое войны, герое Франции, рожденном в России, меценате и общественном деятеле. Он не дожил до своего столетнего юбилея всего шесть лет, и вековой юбилей – повод для того, чтобы лучше узнать жизнь и деятельность этого выдающегося человека в истории русского зарубежья XX в. и новейшей истории культуры России.

Дары и экспонаты

Вклад Николая Васильевича Вырубова в возвращение культурного наследия русской эмиграции в национальную культурно-историческую сокровищницу России, в ее музейные собрания огромен. По сути дела, выставка к 100-летию юбилею мецената высветила всю глубину личности Николая Васильевича, показав, какую огромную ценность представляют его дары музеям и архивам России. Директор ДРЗ им. А.И. Солженицына Виктор Александрович Москвин во время торжественной церемонии открытия выставки выразил благодарность тем, кто предоставил экспонаты на выставочные стенды: Орловскому объединенному государственному литературному музею им. И.С. Тургенева (ОГЛМТ), передавшему для выставки 12 подлинных музейных предметов. Это военные фотографии Н.В. Вырубова 1940-х годов, приказ о награждении Н.В. Вырубова орденом Почетного легиона, цветная карта с изображением маршрута освободительной армии Шарля де Голля во время Второй мировой войны, Благодарственное письмо Ш. де Голля Н.В. Вырубову 1945 г. Центром выставки стала высшая награда Франции –

¹ Берега. Калининград, 2015, № 5 (11). С. 93–98.

Крест Освобождения. Свои экспонаты привезли на выставку самые выдающиеся музеи: Государственный музей А.С. Пушкина, Пензенский государственный краеведческий музей, Музей М.И. Цветаевой, Алексинский художественно-краеведческий музей, Российский фонд культуры, а также выставочные материалы представили князь Н.Д. Лобанов-Ростовский, Ю.А. Трубников, княгиня Е.Ю. Львова и адресат переписки с Н.В. Вырубовым профессор М.В. Ковалев из Саратова.

На выставке экспонируются мемориальные предметы и документы, картины, книги, газеты, фотографии, шевроны, нашивки, орденские планки, принадлежавшие Н.В. Вырубову. Простое перечисление экспонатов выставки немного говорит читателю, поэтому остановлюсь, например, у центрального стенда, где висит уникальный документ 1923 г., рассказывающий о взаимоотношениях русской эмиграции и молодой Страны Советов. Он представлен из личного собрания Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского и свидетельствует о том, как оказался Н.В. Вырубов за границей. Это «Договор о покупке» у РСФСР семи душ за 100 тысяч марок, заключенный 9 мая 1923 г. Среди семи душ – восьмилетний Николай Вырубов, его брат Василий и сестра Ирина. Николай Васильевич вспоминал позже, живя в Париже: «Дядя Саша (Александр Николаевич Галахов), в первом браке женатый на сестре моего отца, Василия Васильевича Вырубова, оказался после Гражданской войны вместе с Дикой дивизией в Югославии, оттуда приехал в Германию. Там он познакомился с красивой, доброй и богатой немкой по имени Грета Рейсвиц и женился на ней. Узнав о наших невзгодах, Грета решила нас спасти и, воспользовавшись тогдашней возможностью выкупать людей из Советской России, внесла в советское консульство 100 тысяч марок, которые, судя по распискам, были приняты в пользу Красного Креста, и мы приехали из Петрограда в Берлин». Здесь своих детей, потерявших мать в советской России, встретил Василий Васильевич Вырубов, оказавшийся в Париже во время Гражданской войны.

А вот дар Николая Васильевича Вырубова Государственному музею А.С. Пушкина, о котором рассказал заместитель директора музея А.Я. Невский. Какие пласты истории и культуры России открываются за потрясающим рассказом ученого!

«Это папка с документами рода Вырубовых, начиная с конца XVIII века и заканчивая 1902 годом...

Уже в гостинице, разбирая документы один за другим, я смог оценить, сколь интересны они для исследователя. Текст первого же прочитанного документа (бумаги в папке лежали нерассортированными, вперемешку) настолько занял мое воображение, что я возвращался к нему несколько раз. Речь в бумаге шла о судьбе построенного в XVIII в. московского особняка

Вырубовых. Он находился в Демидовском переулке – в Басманной части – неподалеку от тех мест, где провел свое детство Пушкин, по соседству с домом дяди поэта – Василия Львовича. Оба эти особняка сгорели во время пожара 1812 года. Вскоре после изгнания французов московские власти стали принимать от погорельцев прошения с перечнем потерянного имущества и указанием цены, за оное причитающейся. Одно из них было подано Анной Петровной Вырубовой. Текст документа, "со слов просительницы сочиненный и писанный коллежским регистратором Кочетовым" в "генваре 1813 года", показался мне примечательным по обилию характерных признаков времени и любопытных примет быта, явственно сквозь него проступающих. В прошении говорилось:

"Всепресветлейший Державнейший Великий Государь Император Александр Павлович – Самодержец Всероссийский, Государь Всемилоостивейший.

Просит дочь действительного статского советника, камергера, сенатора и разных орденов кавалера Петра Ивановича Вырубова девица Анна Петрова, дочь Вырубова.

Жительство я имела в Москве Басманной части в собственном своем доме, который, а равно и имение мое во время бывшего в Москве неприятеля сгорело. Прилагаю оному регистр с назначением по долгу христианскому и чистой совести цены.

Дом состоящий в 3-х флигелях стоил 40 000 [рублей]. 18 картин писанных на масле – 1500. Фарфоровой посуды на 3000. Хрустальной посуды на 1500. Сервиз фарфоровой англинской – 1000. Чернильница серебряная весом 2 1/2 фунта – 250. Вещей золотых с бриллиантами и изумрудами – 1500. Шаль турецкая – 1000. Шуба чернобурых лисиц крытая черным атласом – 1000. 80 пар платьев из разной материи женских – 4000. 1 карета четвероместная и 1 двухместная – 4000. Разных винов в погребе – 2000. Запас годовой, как то: мука, крупы, масло, овес, сено, дрова, сахар, чай, кофей, свечи восковые и прочее – 2500. Одежда дворовых людей и имущество, им принадлежащее – 1500. Кровать китайская рисованная по гарнитуру с серебром – 1500. Мехах разнородных: соболей, горностаев, лисьих, белчих – 1000. Разных книг коих звание не упомяну на 400. Гитара – 100..."

Я вчитывался в "Регистр", и мне казалось, что это своеобразный путеводитель по неторопливому и обильному "боярскому дому" Москвы пушкинского детства – города, где, по словам поэта, "жили по-своему, забавлялись, как хотели" люди "независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешевому хлебосольству". И еще я думал о той странной, долгой и тяжелой дороге, которая привела этот пожелтевший от времени лист гербовой бумаги из послепожарной Москвы 1813 года в Париж года 1994-го...

У музейных даров есть чудесное свойство: хранимые в выставочных залах или фондовых помещениях, они сами сохраняют память о своих владельцах-дарителях.

Дар, полученный из Франции, еще описывается и изучается. Его полномасштабное осмысление, несомненно, впереди. Но имя и судьба Николая Васильевича Вырубова – это уже частица судьбы и истории Московского пушкинского музея».

Церемония открытия выставки

Большой зал Дома русского зарубежья был переполнен, и в нем царил оживление приобщения к чему-то большому и значительному.

В церемонии открытия выставки приняли участие ближайшие родственники, которые наравне со своим дядей также являются щедрыми дарителями России, возвращая родине сокровища русской культуры, оказавшиеся на Западе, племянники Николая Васильевича Вырубова: Юрий Александрович Трубников из Парижа, Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский из Лондона, Мария Васильевна Вырубова из Чили.

Прибыл на открытие выставки военно-морской атташе посольства Франции в России, капитан 1-го ранга Александр де Лаперье. Он подчеркнул, что Франция высоко ценит подвиг Николая Вырубова, который, воюя в составе армии де Голля с 1940 по 1945 год, не отрицая своего происхождения, сумел защитить страну, которая его приняла...»

Торжественная церемония открытия выставки в ДРЗ, которую вел инициатор выставки, директор Дома русского зарубежья В.А. Москвин и куратор, организатор выставки В.В. Леонидов, началась демонстрацией части документального фильма, известного кинорежиссера Э.А. Рязанова о Николае Вырубове из цикла «Парижские тайны». Сразу бросилось в гла-

Витрина с орденами Н.В. Вырубова

за, насколько похожи Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский и его дядя, говорящий с экрана: стройные, подтянутые, с безупречными манерами, мощной харизмой. Но главное, что их объединяет – общая любовь к России, к национальной культуре и истории, чувство причастности к ее традициям, благородство,

великодушные, понятие чести, желание сделать максимально возможное для процветания русского народа.

Князь Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский в своем выступлении поднял тему выбора, которая в начале Второй мировой войны настигла русскую эмиграцию, разделив ее на тех, кто считал нацистов освободителями России от большевизма, и на тех, кто решил воевать за Россию, независимо от идеологических разногласий. Молодой Николай Вырубов сделал выбор – бороться с нацизмом, просил французское командование перебросить его на территорию Советского Союза, хотя этому не суждено было случиться, но он вынес все тяготы, выпавшие на его долю на территории Африки.

Князь поделился воспоминаниями о том, как впервые в 1953 г. очутился в гостях у дяди в Париже и увидел в его спальне трофейный немецкий «шмайссер», узнав от владельца оружия, что это эффективное средство ведения боя рядового бойца на близком расстоянии. Солдат Николай Вырубов большую часть войны провел именно в пехоте, закончив войну в чине младшего лейтенанта.

После окончания речи Никиту Дмитриевича ожидал сюрприз. Молодой скульптор Дмитрий Астафьев, студент 4-го курса Суриковского института, привез созданный им бронзовый бюст Н.Д. Лобанова-Ростовского и вручил ему на сцене.

Юрий Александрович Трубников на церемонии открытия выставки в своей речи рассказал о деятельности «Земгора». Он также коснулся темы прощания в 2009 г. во Франции с добровольцем Николаем Вырубовым, со всеми полагающимися ему военными почестями на русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. На выставку Ю.А. Трубников предоставил семейные фото и портрет матери Николая Васильевича – Ольги Николаевны Вырубовой (урожд. Галаховой).

На открытии выставки В.П. Енишерлов, главный редактор журнала «Наше наследие», зачитал текст статьи Вырубова «Встречи», написанной в 2002 г., но не утратившей актуальности сегодня: «Настанет день, когда сознание преобладания этики над всем остальным (во что мы искренне верим) вновь вернется в страну. Премьер-министр России во время своего недавнего визита в Париж сказал, обращаясь к журналисту „Figaro“: „Россия скорее нуждается в изменении менталитета, чем в реформах“. Путь указан».

Директор Дома русского зарубежья В.А. Москвин рассказал о своих незабываемых встречах с Н.В. Вырубовым в Париже, подчеркнув, что «Николай Васильевич жил Россией, помогал ей своими дарами: картинами, рукописями, книгами».

В. Леонидов охарактеризовал свои впечатления от личности Н.В. Вырубова, как невероятные. Как всегда, он украсил вечер своими песнями под гитару, так же, как и А. Шестопалов, исполнивший «Утро туманное» на стихи И.С. Тургенева и другие романсы и песни.

Своим воспоминаниями поделился директор Государственного музея А.С. Пушкина Е.А. Богатырев, предложивший своим коллегам-музейщикам выпустить совместный каталог архивных и музейных предметов, переданных в дар музеям Николаем Васильевичем.

Потом на сцену поднялась представительница рода Львовых Екатерина Юрьевна Львова, рассказавшая, как, найдя в Париже могилы своих родственников, была удивлена их ухоженности, и, как потом выяснилось, это была забота Н.В. Вырубова. Директор Орловского тургеневского музея В.В. Ефремова рассказала о реставрационных работах, о подготовке новой экспозиции, посвященной Галаховым, сохранившим «в русских руках» тургеневское наследие из Спасского-Лутовинова, и подарила ДРЗ ежегодный «Тургеневский сборник» с воспоминаниями Ю.А. Трубникова о родословной Вырубовых. Ведущий научный сотрудник Орловского музея Л.А. Балыкова поделилась воспоминаниями о встрече с Н.В. Вырубовым в Париже, о его словах: «Я хочу, чтобы эти вещи возвратились на свое место...»

Гелия БЕЛКОВА
**Николай Вырубов – командор ордена
Почетного легиона¹**

Ставшая исторической вехой, речь генерала де Голля – призыв к согражданам продолжать войну и сопротивляться оккупировавшему Францию врагу – прозвучала по Би-Би-Си 18 июня 1940 г. За несколько дней до этого на волнах французского радио состоялось другое выступление – маршал Петтен объявил перемирие и призвал к лояльным отношениям с германскими оккупационными властями. С одной стороны, глава государства, прославивший себя еще на полях Первой мировой войны, с другой – относительно молодой военачальник, известный скорее как видный военный теоретик. Признание поражения французской армии, неоспоримое превосходство германских вооруженных сил, коллаборационизм правительства и его агрессивная политика в отношении Великобритании – все это порождало среди населения общее падение настроения и пассивность.

В списках Французских сил освобождения русские имена встречаются. Прибывший в Лондон через Нью-Йорк Зиновий Пешков, старший брат Якова

¹Русская мысль, 1996, 20–26 июня.

Свердлова, дослужившийся до генеральского чина. Дмитрий Амилахвари, вошедший в армию де Голля вместе с Иностранным легионом и убитый при Эль-Аламейне. Николай Румянцев, присоединившийся к де Голлю, дезертировав из Алжира. Солдат Иностранного легиона Николай Ручейков. Убитый в Тунисе Александр Слюсарев. Погибший в Тулоне Евгений Арсаматов, выходец из русской эмигрантской семьи, проживавшей в Шанхае. Николай Вырубов, вступивший в ряды сил освобождения в Лондоне, в 1940 г., кавалер самой почетной французской военной награды – Креста Освобождения.

Наш корреспондент встретился с Николаем Васильевичем Вырубовым, чтобы поздравить его с возведением в ранг командора ордена Почетного легиона, вручение которого состоялось в Елисейском дворце в день очередной, 56-й годовщины призыва генерала де Голля.

Николай Вырубов. Лондон, 1940 г.

Говорит Н.В. Вырубов:

Добровольцы среди русских были, самые разные люди: военные, студенты, ученые, холостые и семейные, натурализованные французские граждане и апатриды. Каждый поступал по собственным соображениям и совести, без повиновения и обязанности, без угрозы и притеснения. Те, кто остались во Франции и начали подпольные действия, подвергались постоянной опасности доноса, пытки, ареста, расстрела, как Левицкий, Вильде, Кривошеин, В. Оболенская. Почти все они погибли. Те же, кто вступил в ряды армии генерал де Голля, приняли на себя участь воинов.

Как сложилась Ваша военная судьба?

В 1940 г. я был студентом Оксфордского университета. В обстановке общего подъема патриотизма в Англии, которая одна в эти годы продолжала вести военные действия, невозможно было не переживать вместе со всеми. Были и другие побудительные силы: хотелось выразить благодарность Франции за прожитые здесь мной и моей семьей годы, за ее универсальную культуру, столь мне близкую. Были и доводы, приходившие, так сказать, с русской стороны: стыд за договор Молотова–Риббентропа и неловкость по отношению к окружающим за то, что Россия не находится на стороне союзников, а советские войска захватывают Финляндию, Прибалтику и Польшу. Сыграли свою роль и семейный пример, и общий дух, царивший в нашей семье: мой отец, который в 1940 г. приехал в Лондон,

будучи вызван британским Министерством иностранных дел для обсуждения последствий советско-германского пакта, поощрял мое решение и сетовал на то, что по возрасту сам не может пойти на фронт, а его дядя Г.Н. Вырубов в свое время, увлекаясь французской культурой, решил отстаивать свои убеждения и приехал из России во Францию, чтобы участвовать в войне против Пруссии.

Мне хотелось быть солидарным и с моими английскими друзьями: на войну в то время пошли практически все. Я пришел на Оксфордский студенческий призывной пункт, но, не будучи британским подданным, не был взят в боевую часть. Тогда, после призыва 18 июня, пришло решение вступить в армию генерала де Голля.

Однако это была не первая Ваша попытка пойти добровольцем на фронт. И, значит, не все объясняется обстоятельствами?

Основываясь на соображениях моих товарищей по войне, почти все из которых теперь уже умерли, скажу, что объяснить решение пойти добровольцем на фронт не так уж просто. Можно подробно объяснить все обстоятельства, как я это сделал только что, и не сказать главного. А главное – это чувство, что события, которые происходят в мире, тебя касаются. И тогда не важно, где они происходят, но желание участвовать, действовать поведет за собой. Я уверен, что каждый из нас, добровольцев, чувствовал угрозу, нависшую над свободой после завоевания немцами половины Европы, и осознавал, что война не закончена; раз Англия продолжает вести боевые действия, а значит – это общее дело, требующее участия каждого. Это был вопрос личной ответственности, необходимости самому вмешаться в дело. Почему Г.Н. Вырубов в свое время приехал принять участие в войне 1870–1871 гг. против Пруссии, хотя ни его самого, выпускника немецкого университета, ни России, подданным которой он являлся, война абсолютно не касалась? Им двигало то же сознание универсальности и связанности всего в мире, личной причастности ко всему.

Не нужно забывать, что все мои товарищи были очень молоды и многими руководил порыв, желание духовного поступка, некоторый байронизм даже, как в случае Евгения Арсаматова, прибывшего из далекого Шанхая и знавшего Францию только по школе. Мы воевали за свободу, народов не поработщали, были уверены, что путь наш верный. Армия де Голля была добровольческой, в любую минуту каждый мог отказаться и уйти, но таких случаев после нашего отбытия из Лондона не было.

В документах, приложенных к Вашим орденам, сказано, что Вы дважды вернулись в строй после ранения, причем второй раз – вскоре после высадки на юге Франции в 1944 г., еще хромой и с незажившей раной руки. И все это – даже не будучи французским подданным. Пять лет на войне,

ранения, смерть товарищей – ни разу не пришлось пожалеть о своем решении?

Главное было – принять это решение. А дальше приходилось просто воевать достойно, как достойно стараются люди делать любое дело, которое им поручено. Все остальное – вопрос удачи. Главное – все зависит от того, как высоко ставить планку собственным действиям. Ведь я был единственный русский в батальоне, так что приходилось быть требовательным к себе.

В.П. ЕНИШЕРЛОВ

Рыцарь чести¹

Памяти Н.В. Вырубова (1915, Орёл – 2009, Париж)

В середине августа позвонили из Парижа – скончался Николай Васильевич Вырубов. Я вспомнил нашу первую встречу более 20 лет тому назад. Нас познакомил князь Георгий Илларионович Васильчиков: «Я Вас представляю одному из самых замечательных русских парижан, моему старшему другу Вырубову», – как-то сказал он мне. Через несколько дней в маленьком ресторанчике у Сены к нашему столику подошел пожилой, очень элегантный господин, с правильными чертами лица. Это и был Вырубов. То было время, когда Европа раскрыла объятия новой России, а зарубежные русские с неподдельным интересом встречались с гостями, приехавшими с их давно покинутой не по своей воле родины.

Николай Васильевич Вырубов отличался от многих русских эмигрантов,

Николай Вырубов. Фото лорда Дерри Мора

¹ Наше наследие, 2009, № 91–92. С. 143.

как бы погруженных только в прошлое России, в те далекие уже времена, когда они или их родители были выброшены из своей страны большевистским правительством. Вырубов был настоящим русским европейцем, верным таким вечным постулатам цивилизации как право, этика, свобода мысли и творчества. Понятия «честь» и «достоинство» были для него не просто словами, а четкими принципами, которым он следовал всю свою долгую жизнь. Нечасто встречаясь, мы много говорили об отношениях Европы, Запада и России. Эта тема его обостренно интересовала. Он, рожденный в России, воспитанный в Европе на устоях западного гуманизма и демократии, много об этом рассуждал и писал, в частности, и в журнале «Наше наследие», членом Редакционного совета которого был около двух десятилетий, до конца дней своих. С первого же вечера нашего знакомства меня поразило, как смело и без предубеждений рассматривает Вырубов отношение России и Запада в историческом контексте. «Русские люди XIX века хорошо знали и западные языки и западную культуру, а Россия оставалась для Европы далекой и недоступной, представляя не притягательное культурное пространство, а экзотическую страну, возбуждающую любопытство. Только позже, – говорил он, – Запад, увлекаясь Толстым, Достоевским, Тургеневым, музыкой русских композиторов, осознал своеобразие русского духа и воспринял величие их творчества, вошедшего в мировую культуру. Почему на Западе так велик интерес к Чехову, объясняется не только его талантом драматурга, но и умением представить подлинно русские типы понятными западному читателю и зрителю, тогда как в целом Россия продолжала оставаться для Запада загадочной».

В глубине этой загадочной для Запада страны, в Орле родился в 1915 г. Николай Вырубов. Его раннее детство прошло в доме бабушки со стороны матери О.В. Галаховой, урожденной Шеншиной. Ее дядей по отцу был Афанасий Афанасьевич Фет, которым она и была после потери родителей воспитана. А со стороны матери Ольга Васильевна приходилась племянницей И.С. Тургеневу. Николай Васильевич говорил, что позже он жалел, что в детстве не расспрашивал бабушку об ее литературных родственниках и знакомых, но можно представить, какую культуру впитал он с пеленок, какое воспитание получил, общаясь с бабушкой, которая как само собой разумеющееся рассказывала, например, о поездке к соседу по имени Л.Н. Толстому. Это и есть те невидимые, но ощутимые родовые связи русской аристократии, которые позволяли создавать прекрасное из ничего, превращать «в бриллианты крапиву» и достойно существовать в зарубежном изгнании. Особая атмосфера, которой был окружен Н.В. Вырубов в детстве, определялась не только благоприобретенной суммой знаний, а сознанием этики, преобладанием культурных ценностей над всем остальным.

Н.В. Вырубов. Пензанс, Англия, 1938 г.

Именно из орловского дома в 1918 г. трехлетний Николай Вырубов и его семья, родственники Тургенева, были выкинуты властью, чтобы создать там тургеневский музей, хотя самого писателя здесь и нога никогда не ступала. Бывая уже в наши дни в этом музее, Николай Васильевич читал копию приказа, по которому бабушке полагалось оставить дом со всем его имуществом в самый короткий срок.

Отец Николая Васильевича В.В. Вырубов, всегда бывший для него идеалом, известный либеральный земский деятель, товарищ министра внутренних дел во Временном правительстве, которое возглавлял его дядя, князь Г.Е. Львов, чьи «Воспоминания» Н.В. Вырубов не так давно выпустил в Москве со своим предисловием. После прихода к власти большевиков В.В. Вырубов был направлен адмиралом Колчаком для переговоров с союзниками об оказании помощи в Вашингтон, Лондон, Париж, где и застрял, не добившись успеха своей миссии.

Оставшейся на несколько страшных лет в России семье Вырубовых-Галаховых довелось пережить все, что было уготовано русскому дворянству новой властью. Мать Н. Вырубова умерла от тифа в 1921 г., не выдержав нищеты и скитаний. Мучения окончились в 1924 г., когда жена его эмигрировавшего родственника – богатая немка сумела выкупить всю семью у Советского правительства. За границей Н. Вырубов встретился с отцом, который увез его в Париж. Так Франция стала второй родиной Н.В. Вырубова.

Огромное значение в его воспитании и становлении личности сыграла Саломея Николаевна Андроникова-Гальперн, верный друг М. Цветаевой и О. Мандельштама, адресат писем и стихов этих замечательных поэтов. Какое-то время, в середине 1920-х годов Вырубов жил в ее парижском доме, познакомился с ее русскими друзьями, среди которых были художники Шухаев, Яковлев, Григорьев и другие. Так русское искусство, которое Николай Васильевич знал и ценил, хотя не был коллекционером, вошло в его жизнь.

Когда началась Вторая мировая война, учившийся в Оксфорде Н.В. Вырубов был в Англии. «Добровольное участие в войне стало честью моей жизни, – вспоминал Николай Васильевич. – Я чувствовал необходимость сделать что-то для Франции. Кроме того, своим долгом русского, находясь за границей, я считал поддержать честь своего рода». В этом стремлении его всецело одобрял отец, который из-за возраста уже не мог быть в действующей армии. В 1940 г. Вырубов вступил в движение генерала де Голля. В его войсках рядовой и унтер-офицер Н.В. Вырубов прошел с боями Ливию, Тунис, Италию, юг Франции и Эльзас, был несколько раз ранен, награжден двумя Военными Крестами, впоследствии стал командором ордена Почетного легиона. Но особое место среди его наград занимает самый редкий и почетный орден Франции – Крест Освобождения, учрежденный генералом де Голлем для лиц, полков и городов, способствовавших освобождению Франции. Всего им было награждено немногим более тысячи человек, сейчас в живых остались единицы «соратников» – так называют себя общающиеся на равных, независимо от общественного положения кавалеры этого особого ордена.

В послевоенное время Н.В. Вырубов работал в ООН, в 1958 г. входил в личный штаб генерала де Голля, по окончании войны в Алжире был помощником министра по вопросам возвращенцев из Северной Африки.

Выйдя в отставку, Н.В. Вырубов продолжил дело своего отца и возглавил Земгор – самую большую русскую эмигрантскую благотворительную организацию во Франции, основная цель которой состояла во всевозможной помощи нуждающимся русским людям, не по своей воле оказавшимся за рубежом.

Н.В. Вырубов нечасто бывал в России. Его не привлекали ставшие модными многочисленные съезды соотечественников и подобные им мероприятия. Его помощь России и русской культуре была действенна и конкретна. Не помня зла, по-настоящему любя свою Родину, Н.В. Вырубов своими щедрыми делами стремился в меру сил и возможностей заполнить те культурные лакуны, которые поневоле образовались в архивах, музеях, библиотеках России после большевистского переворота. Он подарил российским музеям, библиотекам, архивам сотни бесценных произведений искусства, документы, книги, связанные с русской историей и русской эмиграцией. В 1992 г. через журнал «Наше наследие» он передал Гатчинскому дворцу-музею портреты великого князя Константина Павловича и его потомков, бывшие семейными реликвиями Вырубовых–Львовых и с XIX в. находившиеся в Париже, и более 60 старинных гравюр (теперь все они должны храниться в Константиновском дворце – морской резиденции президента РФ); в Пензу от Н.В. Вырубова поступили документы, касающиеся

семьи его отца (Вырубовы были пензенскими помещиками); материалы о работе Земгора и связанных с ним русских общественных деятелях, бумаги, имеющие отношение к Временному правительству, в том числе письма, записки В.В. Вырубова, князя Львова, Керенского, Маклакова и других, он передал в Фонд культуры, руководимый Д.С. Лихачевым; в тургеневский музей Орла поступили от Вырубова многие семейные раритеты.

Особые отношения связывали Н.В. Вырубова с московским Государственным музеем А.С. Пушкина. Он был не только щедрым дарителем, но и настоящим другом музея, с удовольствием встречался в Париже с его сотрудниками, внимательно следил за выставками и публикациями. В свой последний приезд в Москву с правительственной делегацией Франции на открытие памятника генералу де Голлю Николай Васильевич впервые посетил музей на Пречистенке, подарил ему миниатюрный портрет А.В. Суворова, выполненный Ксавье де Местром, большую фотографию декабриста С.Г. Волконского в старости, другие материалы. Все, кто встречался тогда с Николаем Васильевичем, были очарованы его доброжелательностью, благородством, мужественной красотой, над которой будто и не властно было время. Как органично смотрелся он в изысканных интерьерах пушкинского времени – будто действительно Москву посетил «гость из прошлого», духовно и интеллектуально устремленный в будущее.

Н.В. Вырубова очень заботила судьба одной из старейших католических церквей России – церкви св. Екатерины на Невском проспекте в Санкт-Петербурге, заложенной еще Анной Иоанновной. Здесь был похоронен в 1813 г. знаменитый французский республиканский полководец, противник Наполеона, генерал Жан-Виктор Моро, предок жены Николая Васильевича Сабин де Ноай. Возрождение этого поруганного при советской власти храма-памятника, связанного со многими выдающимися людьми России и Запада, было для Вырубова символично. И он, и его жена были рады помочь его возрождению.

В течение почти 20 лет Н.В. Вырубов состоял членом Редакционного совета журнала «Наше наследие», полностью разделяя заложенное Д.С. Лихачевым просветительское направление журнала. Он был очень глубоким, интересным автором, писал и печатал статьи о взаимоотношениях России и Европы в политике и культуре. Удивительно, как, будучи, казалось, всецело погруженным в европейскую цивилизацию, прожив восемь десятилетий на Западе, он сумел сохранить свою русскость, живо интересуясь не только и не столько прошлым России, но более ее настоящим, глубоко и озабоченно размышляя о политике, экономике, культуре. Истинный русский европеец Н.В. Вырубов отчетливо сознавал роль, которая уготована России в мире: «Она торит собственный путь, независимо от того, будет

ли ей благодарна та или иная страна. Стремясь вступить в единое мировое культурное пространство, она еще не исполнила своей роли, но великое предназначение, о котором говорил Пушкин, ей еще предстоит исполнить в будущем».

Кавалера Креста Освобождения, командора ордена Почетного легиона, русского дворянина Н.В. Вырубова Франция провожала в последний путь в парижском Дворце инвалидов со всеми почестями, которые эта страна воздает своим ветеранам-героям. Похоронен Николай Васильевич Вырубов на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа среди родных могил.

* * *

В архиве редакции сохранилась неопубликованная статья Н.В. Вырубова, в которой он размышляет о взаимоотношении России и Европы. Мы печатаем этот материал как дань памяти замечательному человеку, долгие годы связанному с нашим журналом.

Н.В. ВЫРУБОВ

Встречи

В русской прозе часто встречается замечание, что наше поколение эмиграции изменилось и говорит по-русски с акцентом.

Мы не изменились, а остались такими, какими нас воспитали. Давно уже в России образованные люди приняли западный облик; Пушкина в лице называли французом не потому, что его первые стихи были на французском языке, Тургенев любил жить за границей, и многие, желая расширить свой кругозор, увлекались западной культурой, не теряя своей русскости.

Притяжение к Западу возникло при Петре и прервалось с советской властью. В России уже забыли, как говорили и выглядели образованные люди до того, как советская власть, создавая новый порядок, решила все и всех уравнивать на пролетарский лад и нас прогнать.

Наши родители жили в изгнании, но на свободе, и воспитали нас в семейном независимом духе, внушая нам сознание долга и достоинства, а также русскость, которую мы старались сохранить. Мы не руководствовались никакими идеологическими учениями, как на то намекают. Мы упорно отстаивали наши убеждения, признавая право их оспаривать. Наши расхождения не политического, а нравственного содержания, и поэтому, несмотря на приветливость отношений, стесняют.

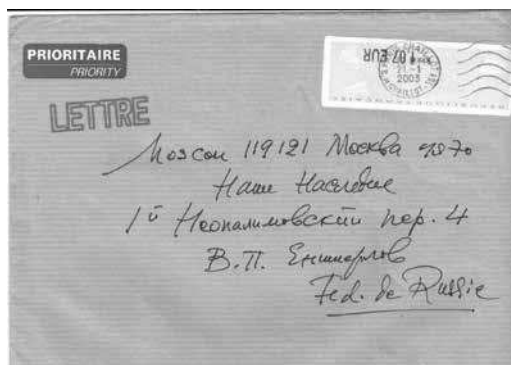
Революция превратила Россию в Советский Союз, разрушила государственный строй, упразднила нравственные устои, на которых веками стояла страна, и, все подвергнув марксистскому учению, разбросала нас по разным берегам.

Наши понятия правил жизни несовместимы. Когда настало время встреч, стало ясно, что расхождение наше – существенное, что изгладить его будет трудно, и создавшийся между нами ров одним прыжком не перепрыгнешь.

С прошлым мы смирились и доживаем свой век с чистой совестью по отношению к России, волнуясь о ее судьбе. Нам ни от чего отречься не нужно, нечего отбрасывать, заблуждения нас не терзают, и жизнь нас не обманула. Наш взгляд на окружающий мир доброжелателен, и мы доверчиво идем на встречи.

Мы рады, что в России многое переоценивается в поиске новых духовных стремлений, что считавшееся еще недавно «грешным» – вновь становится достойным, и что Запад снова начинает привлекать к себе. Настанет день, когда сознание преобладания этики над всем остальным (во что мы искренне верим) вновь вернется в страну.

Но когда мы бываем в России, как бы там ни было душевно приятно, мы пока не чувствуем себя дома. Чего-то основного не хватает, а именно, привычных нам правил жизни. Не вид опустевшего семейного дома нас волнует, а то, во что превратилась страна после долгих лет советского порядка и бессмысленных жертв.

Не к чему было нас прогонять! Не к чему искать вину в особой судьбе России, в выдуманном историками ее «предназначении страдать» за всех. Вина, скорее, в бездарности вождей, подвергнувших расшатанную войной страну утопическому эксперименту, выдуманному чужими знатоками. Немцы, возвращаясь к себе из России после двухсот лет отсутствия, смогли в Германии прижиться. Забыв язык, они нашли в стране свой природный дух, нас же различают не годы разлуки, а марксистский эксперимент, затронувший людей так глубоко, что, отбрасывая его с трудом и нерешительностью, не зная Запада, не понимая его, не доверяя и завидуя ему, они к нему относятся настороженно и, заодно, и к нам.

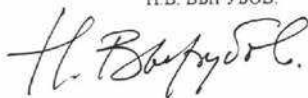
В этом суть наших отношений. Хоть мы и одной почвы, но разного посева. Мы одинаково чувствуем, но по-разному размышляем.

Теперь, когда Россия распахнула окно, вступая в европейское русло, настало время воспринять новому духу.

Премьер-министр России во время своего недавнего визита в Париж сказал, обращаясь к журналисту «Figaro»: «Россия скорее нуждается в изменении менталитета, чем в реформах». Путь указан.

Париж, ноябрь 2002

Н.В. ВЫРУБОВ.

Виктор ЛЕОНИДОВ

Он был воплощением благородства

Москва. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. Телекамеры, русская и французская речь. Известные деятели российской культуры, представители французского дипломатического корпуса, сотрудники многих российских музеев. За стеклами витрин – высшие ордена Франции, старые фотографии русских усадеб, уникальные семейные документы, благодарственные письма, подписанные генералом де Голлем. Открывается выставка, посвященная русскому герою Франции – Николаю Васильевичу Вырубову (1915–2009).

Вернисаж этот ознаменовался показом фрагментов из почти забытого фильма нашего знаменитого режиссера Эльдара Рязанова «Парижские тайны». Целую серию известный мастер посвятил Вырубову. Переполненный зал любовался поразительным благородством этого фантастического человека, ставшего одним из символов русского Парижа. Одного из последних российских европейцев.

О нем писали газеты и журналы, снимали фильмы, и все-таки эта экспозиция еще раз вернула нам образ Николая Васильевича, русского патриота, героя Франции. А также мецената, человека необычайной щедрости – ряд музеев России получил от него бесценные дары. Словом, без всяких преувеличений – человека – эпохи.

«Николай Васильевич Вырубов был в прямом смысле слова человеком бывшим. Секрет производства таких людей утрачен. В нем жила та самая Россия, которую потеряли не только мы и наши отцы, но и, пожалуй, деды и прадеды. Вырубов соединял собою наш XXI век с какими-то немислимо давними временами. Мастадонт и динозавр, он был великолепен своей несовременностью и непредставим на просторах новой России»¹.

¹ Толстой И. Когда русские были европейцами: Памяти Николая Васильевича Вырубова // Новый журнал, 2010, март. Кн.258. С. 354.

Так писал наш известный публицист и радиоведущий Иван Толстой. Владимир Петрович Енишерлов, главный редактор журнала «Наше наследие», членом редакционного совета которого состоял Николай Васильевич, вспоминая посещение Вырубовым музея А.С. Пушкина на Пречистенке, нашел такие слова:

«Все, кто встречался тогда с Николаем Васильевичем, были очарованы его доброжелательностью, благородством, мужественной красотой, над которой будто и не властно время. Как органично он смотрелся в интерьерах пушкинского времени – будто действительно Москву посетил “гость из прошлого”, духовно и интеллектуально устремленный в будущее»².

Действительно, те, кто бывал в этой удивительной квартире в Париже на одной из самых престижных улиц – Авеню Йена, оставались очарованными поразительным, совершенно не современным миром, который царствовал там. Картины, скульптуры, а, главное, сам хозяин. Трудно даже подобрать слова, чтобы описать впечатление о Николае Васильевиче. Элегантный, изящный, шагнувший из салонов Серебряного века. И то, и не то. Может, больше подойдет мнение Бродского, высказанное, правда, по совершенно другому поводу. Иосиф Александрович, отвечая на вопрос, какой в жизни была Ахматова, сказал: «Она одним поворотом головы превращала Вас в homo sapiens».

Благородство было просто разлито в каждом движении этого удивительного человека. Недаром он помог стольким людям за свою жизнь и ода- ривал бесценными реликвиями российские музеи. Недаром его так уважал генерал де Голь. Да и сама Франция оценила Николая Васильевича. Его имя выбито на мраморной доске, установленной в правом крыле Ансамбля инвалидов среди других кавалеров высшей военной награды – Креста Освобождения.

Ребенком Вырубов побывал на похоронах Ленина, а за несколько лет до смерти был

Ольга Николаевна Галахова, ок. 1910 г.

²Енишерлов В.П. Рыцарь чести. Памяти Н.В.Вырубова // Наше наследие, 2009, № 91–92. С. 143.

одним из почетных гостей на выставке, посвященной генералу де Голлю, которая проходила в Историческом музее в Москве. В Париже на его столе стояла фотография французского лидера с дарственной надписью.

Он родился 15 февраля 1915 г. в Орле, в семье известного пензенского либерала Василия Васильевича Вырубова. «Самое раннее детство прошло в доме бабушки со стороны матери Ольги Васильевны Галаховой, урожденной Шеншиной. Сама она в раннем детстве потеряла родителей и была воспитана своим дядей со стороны отца Афанасием Афанасьевичем Фетом. Племянница Тургенева с другой стороны, она росла в русской писательской среде и, наверное, могла бы рассказать многое о своем окружении», – говорил Николай Васильевич в одном из интервью³.

Добавим к этому, что дедушка Вырубова Николай Павлович Галахов стал действительным статским советником, вице-губернатором Орла, губернатором Витебска. Род отца был не менее интересен.

«Фамилия Вырубовых происходит из древнего боярского рода. Бабушка со стороны отца, урожденная княжна Евдокия Александровна Львова, вела свое происхождение от ярославских князей Рюриковичей. Мой отец, Василий Васильевич Вырубов родился в 1879 году в Грузии... Отбыв воинскую повинность в Кавалергардском полку, он вышел корнетом и по ранней смерти родителей занялся имением, которое находилось в Пензенской губернии... Влияние дяди, князя Георгия Евгеньевича Львова, руководителя российского земства, вовлекло его в сферу общественной деятельности, которой он, как и князь Львов, посвятил всю свою жизнь»⁴.

Это очень важно для понимания дальнейшей линии жизни Николая Васильевича. Он последовал по дороге отца. Либерализм, земская деятельность, служение обществу, непоколебимая вера в демократические устои были краеугольным камнем его убеждений. Князь Львов, первый премьер Временного правительства, оставался моральным авторитетом и кумиром до конца дней. Недаром именно Вырубов подготовил к публикации в московском издательстве «Русский путь» воспоминания Львова – своего двоюродного деда и написал к ним предисловие⁵.

Василий Васильевич Вырубов, отец Николая Васильевича, стал одной из центральных фигур во время короткой судьбы Временного правительства. Товарищ министра внутренних дел, представитель Земского союза при ставке главнокомандующего, сначала Алексеева, а потом Духонина, он стал свидетелем гибели этого генерала, разорванного «революционной»

³ Белкова Г. Русская фамилия Вырубовы// Наше наследие, 1993, № 28. С. 101.

⁴ Там же.

⁵ Львов Г.Е. Воспоминания. М., 1998.

толпой. Вырубов и Львов, чудом уцелев, отправились в Сибирь к Колчаку. Верховный правитель послал их в США к президенту Вильсону просить помощи, потом они поехали в Лондон к Ллойд-Джорджу, потом в Париж к Клемансо. Там их и застала весть о расстреле Колчака.

А тем временем их родные, в том числе маленький Коля, продолжали в России свое хождение по мукам. Сначала их выселили из орловского дома, где предстояло быть музеем Тургенева. К слову, тургеневский дом именно с этой же целью бабушка Вырубова выкупила у Полины Виардо. Затем мать Николая Васильевича арестовывают и она в мае 1921 умирает от тифа в тюрьме. Детей, Колю, Васю и Ирину, отправили к бабушке с дедушкой в их когда-то собственный петроградский дом – им там разрешили жить на чердаке. Они ходили в советскую школу и за сочинение о вожде мирового пролетариата ученика Колю Вырубова наградили поездкой на похороны Ленина.

Договор о покупке у РСФСР 7 душ за 100 тысяч немецких марок, 1923 г.

Все это, понятно, чем бы закончилось, если бы не щедрость богатой немки по имени Грета, жены Александра Галахова, дяди Вырубова. Она просто за 100 000 немецких марок выкупила всю семью, и они оказались в Германии в 1924 г. Там детей встретил отец, который их не видел с 1916 г.⁶ Почти сразу они уехали в Париж.

Через много лет, после Второй мировой, Вырубов, работая в Секретариате ООН, уже сам вытащил свою сестру Ирину из болгарского концлагеря во Францию. Вместе с ней он спас и племянника, будущего знаменитого коллекционера и мецената Никиту Дмитриевича Лобанова-Ростовского.

Итак, девятилетний Коля Вырубов оказался на Западе. К тому времени его дядя, князь Георгий Львов и отец, Василий Васильевич Вырубов, возглавляли Земгор – «Земскогородской комитет помощи российским гражданам за границей» – большую русскую благотворительную организацию. И кто мог представить, что через много лет, после смерти Василия Васильевича в 1963 г., его сын Николай возглавит эту организацию и будет работать ее руководителем 27 лет.

Вырубовы во Франции жили скромно, но лучше многих собратьев по изгнанию. Кроме огромной общественной работы, надо было кормить семью. Василий Васильевич работал в банке, Николая долго лечили от туберкулеза, привезенного из Советской России. В конце концов его послали учиться в Оксфорд.

«Когда Германия начала Вторую мировую войну и начались бои с Францией, я предпринял попытку попасть в армию. Мне было все равно, в какой воевать: во французской или английской. Но меня не взяли в солдаты. У меня не было подданства... Есть такое понятие как нравственный долг. Когда находишься в гостях, а в дом врывается разбойник, помогаешь хозяину прогнать его»⁷.

Итак, его не взяли в армию, но он, услышав по радио обращение генерала де Голля, сразу записался в его армию. Сенегал, Конго. Вместе с англичанами они через пустыню двинулись в Сирию, чтобы там встретить немцев. Затем были Египет, Ливия, Тунис. После этого последовала десантная операция в Италии, там Николая Васильевича ранило, и пуля сидела около сердца до конца его дней. Потом опять ранение, но Вырубов, бежав из госпиталя, нагнал свою часть.

Он был несколько раз награжден: двумя Военными Крестами, впоследствии орденом Почетного легиона. Но главной наградой стал Крест Освобождения, учрежденный де Голлем для лиц, имевших особые заслуги в битве за Францию.

⁶ Тишина И. Из Орловского дома // Рюрикович в эмиграции. Никита Лобанов-Ростовский. М., 2015. С. 392.

⁷ Цит. по: Лобанов-Ростовский Н.Д. Эпоха, судьба, коллекция. М., 2010. С. 403.

Журналистка Гелия Белкова, беседовавшая с Вырубовым в Париже, приводит текст представления командования на эту награду. «Блестящий унтер-офицер русского происхождения, человек высоких моральных качеств. Добровольцем вошел в 40-м году во французские силы освобождения. Участвовал в Сирийской, Ливийской и Тунисской кампаниях. В городе Понтекорво поднял французский флаг перед лицом противника. Будучи ранен, отказался уйти с поля боя и заявил о желании войти в ударную роту, чтобы ближе подойти к неприятелю. Тяжело ранен при атаке Бонн иди Тиволи, в которой участвовал как командир взвода. Прекрасный воин, воплощающий самый высокий дух служения Франции, своей второй Родине»⁸.

Посол Российской Федерации во Франции А.А. Авдеев вручает обилейную медаль Н.В. Вырубову, 9 мая 2005 г.

Забегая немного вперед, добавим, что 9 мая 2005 г. посол Российской Федерации во Франции А.А. Авдеев вручил Николаю Васильевичу юбилейную медаль Победы.

После войны биография Вырубова продолжала напоминать какую-то сумасшедшую феерию. Он работал в ООН переводчиком, потом чиновником по социальным вопросам – за-

нимался беженцами и репатриантами. Трудно сосчитать, сколько бывших военнопленных и людей из так называемых «перемещенных лиц» обязаны ему жизнью. Авторитет был таков, что его избрали Председателем, а потом Почетным Председателем Содружества резервистов французской армии. В 1947 г. он находился в Корее, затем три года – в английской зоне в Германии, где вновь и вновь занимался судьбой советских граждан. Затем в его жизнь опять вошла Корея, он руководил распределением грузов из США и пробыл там всю войну. Потом – Верховный комиссариат по делам беженцев, откуда его посылали на работу в самые разные страны.

Однако недаром в жизни Николая Васильевича была дружба с де Голлем. Когда в 1958 г. генерал вернулся во власть, Вырубов решил подставить ему плечо и вошел в координационный штаб генерала, который занимал-

⁸ Белкова Г. Указ. соч. С. 108–109.

ся подготовкой референдума по вопросу Алжира. После окончания алжирского кризиса он опять возглавил работу по оказанию помощи новым беженцам и закончил свою службу государству в должности помощника министра по делам возвращенцев из Северной Африки.

Выйдя в отставку, Николай Васильевич пошел по стопам дяди, князя Львова и отца, умершего в 1963 г. Он возглавил уже упоминавшийся Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей. Руководство это продолжалось до 1990 г. Все годы на деньги этой благотворительной организации существовал старческий дом в парижском пригороде Кормей-ан-Паризи. Также Николай Васильевич оказал значительную помощь Тургеневской библиотеке в Париже и приюту для русских, расположенному в Монжероне⁹.

Как уже говорилось, Николай Васильевич Вырубов заслужил славу одного из самых известных меценатов российского зарубежья. В музей Гатчины он подарил коллекцию портретов членов царской фамилии, включая два изображения великого князя Константина Павловича, из-за отказа которого царствовать получили повод для восстания декабристы и уникальный портрет гражданской жены князя француженки Жозефины Фредерикс. В Государственный литературный музей, Орловский государственный литературный музей И.С. Тургенева, Алексинский краеведческий и Пензенский государственный краеведческий музей им были переданы материалы семейного архива, награды и ордена. Представьте, что высшую награду Франции – Крест Освобождения этот удивительный человек передал в Орловский музей. Он считал, что все самое ценное должно вернуться в Россию.

Особое расположение Вырубов проявил к Государственному музею А.С. Пушкина на Пречистенке¹⁰. Среди даров Николая Васильевича этому хранилищу муз – и прижизненный портрет Суворова работы Ксавье де Местра, и миниатюра с образом Николая I, и изображения супругов Небольсиных, и коллекция уникальных гравюр «Русские в Париже». Также ряд реликвий он передал Музею-квартире А.С. Пушкина на Мойке в Санкт-Петербурге.

Я никогда не забуду своего волнения, которое охватывало меня каждый раз, когда я переступал порог его дома. Мне более чем повезло. Однажды он вручил мне подготовленную им небольшую брошюру «В память павших воинов», посвященную русским, погибшим в борьбе с нацистами в годы Второй мировой. Вырубов говорил об огромном значении

⁹ Российское зарубежье во Франции. 1919–2000. Биографический словарь. М., 2008. Т.1. С. 322.

¹⁰ Невский А. Подарки Пушкину // Октябрь, 1996, № 6. С. 181–182; Государственный музей А.С. Пушкина. Дары и дарители. М., 2007. С. 42–44.

Витрина Выставки

сохранения этой памяти, и только потом я узнал, что во многом благодаря ему на Сент-Женевьев-де-Буа стоит памятник русским героям Сопротивления.

В 1996г. Жак Ширак вручил Николаю Васильевичу высшую награду Франции – орден Почетного легиона.

Последний раз благодаря племяннику Николая Васильевича, доброму другу Дома русского зарубе-

жья имени Александра Солженицына Юрию Александровичу Трубникову я получил последнюю возможность встретиться с Вырубовым. Он был очень болен, как всегда, тщательно одет, и посвятил мне достаточно времени. Помню, говорил о том, что никак в России не прививаются европейские традиции.

В этой связи довольно интересно вспомнить неожиданную полемику, развернувшуюся между двумя замечательными русскими европейцами – Николаем Васильевичем и историком, педагогом и просветителем Сигурдом Оттовичем Шмидтом. Произошла она на страницах журнала «Наше наследие», главного редактора которого В.П. Енишерлова Вырубов уважал, как мало кого другого¹¹. Так вот, Николай Васильевич решил, что Шмидт упрекает Запад за неблагодарность России. Он считал, что нет никакого проклятия над Россией, предопределенности, и «вина была не в судьбе, а в бездарности вождей, не сумевших предупредить все жертвы, избавить страну от зловредного утопического эксперимента». Сигурд Оттович настаивал на том, что мир недостаточно «осознавал величие России в социокультурной сфере». В принципе, оба они были людьми, влюбленными в русскую историю и яростными противниками тирании. Но когда Вырубову казалось, что идеалы свободы кто-то не принимает, он яростно вставал на их защиту. Он вообще не принадлежал ни к какому лагерю. Его острый, критичный ум всегда высвечивал фальшь и пустозвонство, к сожалению, столь часто характерное для риторики об отечественном патриотизме.

Николай Васильевич ушел из жизни 13 августа 2009 г. Его провожали с высшими военными почестями, как и подобает герою Франции. Последний приют он обрел на знаменитом русском погосте в Сент-Женевьев-де-Буа.

¹¹ Переписка из двух миров // Наше наследие, 2001, № 57. С. 145–147.

Иван ТОЛСТОЙ

Когда русские были европейцами: Памяти Николая Вырубова*

В Париже на 95-м году скончался один из последних русских участников французского Сопротивления Николай Вырубов, кавалер высших военных наград, меценат и общественный деятель.

Я был в отъезде, и известие о кончине Вырубова 13 августа прошло мимо меня. Настало время сказать несколько запоздалых прощальных слов.

Николай Вырубов. ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва, 5 ноября 2010 г.

Николай Васильевич Вырубов был в прямом смысле человеком бывшим. Секрет производства таких людей утрачен давно и безвозвратно. В нем жила та самая Россия, которую потеряли не только мы и наши отцы, но, пожалуй, деды и прадеды. Вырубов соединял собою наш XXI век с какими-то немыслимо давними временами. Мастоdont и динозавр, он был великолепен своей несовременностью и непредставим на просторах новой России.

Вырубов был подтверждением известного наблюдения: когда русский человек храбр, то уж он храбрее самой храбрости, когда благороден – то благороднее самого благородства. Давно замечено, что заграница русских людей улучшает, делает мягче, терпимее, великодушнее. Кто-то называет это толерантностью, кто-то – демократизмом, либерализмом. Мне по душе слово европейскость.

Корни Вырубова – древние, но какие-то очень домашние, усадебные. В генеалогическом древе – Галаховы, Львовы, Тургеневы, Шеншины, бабушка Николая Васильевича была племянницей Фета. Отец, Вырубов-старший, пензенский дворянин и земский деятель, не вступая в политические партии, был, тем не менее, активен в общественной жизни: в годы Первой мировой был председателем комитета Всероссийского Земского союза Западного фронта. В первом составе Временного правительства занимал

* Опул. на сайте «Радио Свобода», 9 сентября 2009 г.; Новый журнал, 2010, март. Кн. 258. С.354.

пост товарища министра внутренних дел, был ближайшим другом Керенского, затем состоял в ставке генерала Духонина, позже – отправился по распоряжению Колчака в Вашингтон просить у президента США Вильсона помощи Белому движению, потом – с теми же поручениями в Лондон к Ллойд-Джорджу и в Париж – к Клемансо. В эмиграции стал управляющим делами Русского политического совещания, председателем Земгора.

При таком отце даже просто жить было интересно, но на долю Николая Васильевича выпала еще и своя драматическая судьба. В трехлетнем возрасте в Пензенском родовом имении Колтовское он был с отцом разлучен: Вырубов-старший, как мы уже сказали, был захвачен вихрем Гражданской войны и оказался в эмиграции. Мать Вырубова-мальчика скоро скончалась, и он был вынужден жить в советской России полуподпольно, скрываясь от властей под чужим именем. В 1923 г., восьми лет, он был вывезен к отцу в Париж.

В конце 1930-х 25-летний Николай Вырубов учился в Оксфорде и, как только грянула Вторая мировая, хотел записаться во французскую, потом британскую армию, но его никуда не брали как апатрида, человека без гражданства. Но в 1940-м, после нападения Гитлера на Францию, Вырубов записался туда, где требовалось мужество, а не гражданство, – в ряды деголлевского движения Свободная Франция. Интересно было бы узнать, почему он принял при этом вступлении фамилию Флэри? Была ли в этом какая-то цветочная связь с его детским псевдонимом?

Вырубов прошел с де Голлем от первого до последнего дня: через Абисинию, Сирию, Египет, Ливию, Италию и встретил освобождение Парижа. В 1946 г. из рук своего генерала, а теперь – главы правительства он получил не только орден Почетного легиона, но и более значимую награду – Крест Освобождения, которой удостаивались немногие.

Став французским гражданином и отработав несколько лет переводчиком и служащим ООН по проблемам беженцев, Николай Васильевич вернулся в Париж и возглавил Земгор.

Человек не столько левых убеждений, сколько нелюбви к правым и критического склада ума, он, как и его отец, ни в какие партии не входил и никаким земным богам не молился. Его слегка насмешливая манера беседовать очень шла его общему скепсису в отношении собеседника. Он словно присматривался, не фанфарон ли уселся напротив. Как страшно было показаться самоуверенным ослом в глазах бесстрашного героя, считавшего, что его подвиги – дело житейское.

Вырубов умел разделять Россию на советскую и истинную. Советскую – презирал, как всякий честный солдат презирает изолгавшегося лейтенанта, а истинную Россию глубоко почитал. Натура Николая Васильевича не

позволяла ему выставлять его добрые дела. Он много лет подряд и без газетного шума передавал свои семейные реликвии и домашнюю коллекцию – то портреты именитых родственников в Гатчину, то бумаги Вырубова-старшего Фонду культуры, то в Орловский музей Тургенева ценнейшие книжные издания, то в московский музей Пушкина – миниатюрные портреты Николая I, друзей Пушкина, то дарил последний прижизненный портрет Суворова.

Не веря ни социалистам, ни капиталистам, Николай Вырубов всю жизнь оставался фигурой независимой, не примкнувшей, не поучающей. Его кредо была самостоятельность, здравый смысл, природное нравственное чутье. Того же он ждал и от других. Он не представлял себе, что можно за давностью лет забыть чью-то подлость или малодушно отвернуться от чьей-то низости. Он ненавидел идеологию, тайны мадридского двора, боярские заговоры, хотя сам был из боярского рода.

Вот тут он и расходился с большинством соотечественников. Умный человек, он не терпел показного умствования, храбрец – не кричал о смелости, честный – не становился прокурором. Куда-то подобные люди на Руси подевались, впрочем, ясно куда: в мясорубку ленинщины и сталинщины, в генетическое искусственное истребление, в эмиграцию. Страшно подумать, как обогатили мы целый мир лучшими из лучших людей, кастрировав самих себя.

Последние почести Вырубову были отданы по высшему разряду: Франция попрощалась с ним на торжественной церемонии, под звуки Марсельезы, в Соборе инвалидов, рядом с могилой Наполеона.

Я счастлив выпавшей жизненной удаче – знать простого солдата с осанкой маршала и манерами герцога, Николая Васильевича Вырубова, и пользоваться его расположением. И если бы я ничего другого не знал о старой России, я по нему воссоздавал бы то время, когда русские были европейцами.

Кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Семейная могила: Волконские, Долгоруковы, Львовы, Вырубовы

Открытие выставки «Русский герой Франции – Николай Васильевич Вырубов»

ДОМ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА
РУССКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ А.С. СОЛЖЕНИЦЫНА

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЛИТЕРАТУРНЫХ МУЗЕЕВ И ИСТОРИКО-ПАМЯТНИКОВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ
КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР «ДОМ-МУЗЕЙ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ»

Приглашают Вас 15 июля в 18-00
на открытие выставки

Русский герой Франции -

Николай Васильевич Вырубов

НАШ АДРЕС: ул. РАДИЩЕВСКАЯ, д.2. ТЕЛ.: 84959151080. WWW.DOMRZ.RU

15 июля 2015 года в 18.00 Дом русского зарубежья им. А. Солженицына приглашает на открытие выставки «Русский герой Франции – Николай Васильевич Вырубов».

Николай Васильевич Вырубов (1915–2009) – одна из самых выдающихся фигур в истории русского зарубежья XX в. Участник борьбы с нацизмом, личный друг генерала де Голля, он стал одним из немногих, кто был удостоен двух высших наград Франции – Креста Освобождения и ордена Почетного легиона. Среди других героев его имя выбито на мраморной доске в ансамбле Дома инвалидов в Париже.

Потомок древнего боярского рода, родственник А.А. Фета и И.С. Тургенева, Николай Васильевич, живя во Франции, служил России верой и правдой. Работая в ООН, а потом и в правительстве Франции, он сумел добиться облегчения участи тысяч беженцев, оказавшихся на краю гибели.

С 1963 по 1990 год Вырубов возглавлял Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор). Именно благодаря его неустанной деятельности многие русские эмигранты смогли достойно закончить свою жизнь.

Николай Васильевич всегда боролся за сохранение памяти об истории России и спасение памятников ее культуры. Он входил в Комитет по изданию Золотой книги русской эмиграции, ассоциацию друзей Тургеневской библиотеки. Тесные дружеские связи связывали его также и со многими культурными центрами нашей страны.

Ряд уникальных реликвий Вырубов передал в музеи Орла, Алексина, Пензы. Он очень ценил Государственный музей А.С. Пушкина и подарил в его собрание несколько уникальных миниатюр XIX в., прижизненный портрет А.В. Суворова работы К. де Местра, семь гравюр «Русские в Париже». Большую коллекцию портретов членов императорской фамилии Вырубов передал в музей Гатчины.

Николай Васильевич был другом Дома русского зарубежья, в 1998 г. он подготовил для нашего издательства «Русский путь» воспоминания своего дяди, первого премьера Временного правительства князя Георгия Евгеньевича Львова.

На выставке будут представлены экспонаты из собрания Государственного музея А.С. Пушкина, музеев других российских регионов, частных собраний, фондов Дома русского зарубежья. Также будут показаны уникальные документальные кинокадры, запечатлевшие Николая Васильевича Вырубова.

Ожидается участие в открытии племянников Николая Васильевича – известного коллекционера и мецената Н.Д. Лобанова-Ростовского и одного из руководителей Земгора Ю.А. Трубникова, представителей дипломатического корпуса, народного художника РФ И.С. Глазунова, главного редактора журнала «Наше наследие» В.П. Енишерлова, работников российских музеев и библиотек.

Наш адрес:

Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

Проезд: м. «Таганская» (кольцевая)

Тел.: (495) 915-10-80

Анонс – Вырубов – 15 июля (15.07)

Une cérémonie commémorative est prévue à Moscou le 15 juillet prochain à la mémoire de Nicolas Wyruboff. Дом русского зарубежья (fondé par Soljenitsyne, directeur – V. Moskvine) en est l'organisateur. Il y aura une exposition de ses archives, un documentaire datant d'il y a quelques années, des discours, la télévision

15 июля в 18:00 часов в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в Москве состоится открытие выставки, посвященной выдающемуся деятелю русского зарубежья Николаю Васильевичу Вырубову (1915–2009).

Николай Васильевич, многолетний председатель русской благотворительной организации Земгор, участник борьбы с нацизмом, был одним из немногих, награжденных за свои подвиги во время Второй мировой войны высшей военной наградой Франции Крестом Освобождения. Николая Васильевича лично ценил генерал де Голль. Впоследствии Вырубов был награжден другой высшей наградой – орденом Почетного легиона.

Николай Васильевич Вырубов очень много сделал для сохранения русского наследия и помощи тысячам беженцев. Ряд уникальных реликвий отечественной культуры были подарены им в музеи России.

На выставке будут экспонироваться мемориальные предметы и документы из различных музеев российских регионов, Государственного музея А.С. Пушкина, частных собраний.

Из Франции, Швейцарии, Бельгии специально приедут родные и близкие Николая Васильевича, ожидается участие дипломатов, историков русского зарубежья, профессора Михаила Ковалева из Саратова и Владимира Петровича Енишерлова, главного редактора журнала «Наше наследие», в редколлегии которого Н.В. Вырубов участвовал на протяжении многих лет. В церемонии открытия примут участие племянники Николая Васильевича Юрий Александрович Трубников и Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский.

Nicolas Wyruboff – Biographie*

Nicolas Wyruboff. 1941

Nicolas Wyruboff est né le 7 février 1915 à Orel (Russie) dans une famille d'ancienne noblesse russe. Son père est administrateur de biens.

A la suite de la Révolution d'octobre 1917, il vit en Russie avec ses grands parents, sa soeur et son frère. Sa mère meurt du typhus après avoir été incarcérée.

Son père, à la demande de mouvements contre révolutionnaires, part en mission auprès du président Wilson, de Lloyd George et de Clémenceau, accompagnant son parent, le prince Lvof, ancien chef de gouvernement. Il ne retournera plus en Russie.

La famille Wyruboff obtient l'autorisation de quitter l'URSS en 1924 après un versement d'argent aux autorités soviétiques par une parente en Allemagne.

Arrivé à Paris en mai 1924, Nicolas Wyruboff obtient ensuite son baccalauréat. Admis à l'Université d'Oxford en 1938, il se trouve en Angleterre au moment de la déclaration de guerre.

Il demande à rentrer en France pour s'engager; la demande restant sans suite, il cherche alors à s'engager dans l'armée britannique en octobre 1939 mais en vain, n'étant pas sujet britannique.

En août 1940, il s'engage dans les Forces françaises libres à Londres sous le pseudonyme de Fleury. Affecté à la compagnie des volontaires étrangers du capitaine Durif, il participe à l'expédition de Dakar en septembre 1940 puis, est affecté au Bataillon de marche n° 1 (BM 1) à Brazzaville. Il prend part, en juin 1941, au sein de la 1ère Division légère française libre, à la campagne de Syrie.

Après un court passage à l'Etat-major de la 2e Brigade française libre (général Cazaud), il est muté au Bataillon de marche n° 11 (BM 11) avec lequel il participe successivement aux campagnes d'Egypte (juin 42), de Libye (oct.42-janv.43) et de Tunisie (avril-mai 43).

* <http://www.ordredelaliberation.fr/fr/les-compagnons/1013/nicolas-wyruboff>

En mai 1944, l'adjudant Wyruboff est blessé une première fois par une rafale de mitrailleuse à Pontecorvo en Italie; moins de 15 jours plus tard, alors qu'il avait demandé à servir dans une compagnie de voltigeurs pour "mieux approcher l'ennemi", il est à nouveau blessé par des éclats d'obus à Bagni di Tivoli.

Evacué et hospitalisé en Afrique du nord, il rejoint le BM 11 en France sans convalescence le 1er septembre 1944. Le même mois, dans les Vosges, il entraîne ses tirailleurs à l'attaque de Lomontot malgré le tir meurtrier de l'ennemi. Il termine la guerre après la campagne d'Alsace.

En 1946 il est démobilisé, obtient la nationalité française et est engagé comme fonctionnaire international aux Nations-Unies où il est chargé du problème des Réfugiés.

En 1948, il travaille à l'Organisation Internationale des Réfugiés. Entre 1950 et 1953, il effectue à ce titre deux séjours en Corée.

En poste à Vienne puis à Londres, il quitte l'ONU. Au moment du putsch de 1961, il s'engage à la sécurité militaire en Algérie (action anti OAS).

En 1963, il devient délégué ministériel aux Rapatriés pour la région parisienne. A la retraite, il s'occupe de maisons de retraite.

Nicolas Wyruboff est décédé le 13 août 2009 à Paris. Il est inhumé à Sainte-Geneviève des Bois dans l'Essonne.

- Commandeur de la Légion d'Honneur
- Compagnon de la Libération - décret du 29 décembre 1944
- Croix de Guerre 39/45 (2 citations)
- Médaille Coloniale (avec agrafes)

Nicolas WYROUBOFF **Général Pechkoff**

Un livre récent, sous la signature de M. HURE, raconte la vie française du général PECHKOFF omettant tout un pan de ses origines et vie. Les lignes qui suivent signées d'un témoin proche tant du général lui-même que de son entourage familial complètent et modulent le témoignage de M. HURE.

Salomon SVERDLOV, futur général PECHKOFF, est né à Nijni-Novgorod (Russie) en 1884.

Après son faux baptême il prendra le prénom de Zinovi et le nom de famille de son parrain PECHKOFF plus connu sous son nom de plume: GORKI.

Le père de Salomon, Michel, tenait un atelier d'imprimerie et à l'occasion de la foire annuelle de Nijni-Novgorod de 1896, où il avait un stand, fit la connaissance de Maxime GORKI qui y exposait ses livres.

Les SVERDLOV étaient de conviction révolutionnaire; le jeune frère de Salomon, Jacob, deviendra un proche de Lénine et le premier président de l'URSS en 1917; les deux sœurs étaient des militantes engagées; Salomon, lui, un révolutionnaire d'occasion.

Maxime GORKI, en fréquentant la famille SVERDLOV, prit Salomon en sympathie et décida de s'en occuper.

En 1902, GORKI, à sa sortie de prison pour écrits révolutionnaires, fut placé en résidence surveillée à Arzamas, dans la région de Nijni-Novgorod. Il fit venir Salomon comme secrétaire et lui proposa de l'aider dans la poursuite de ses études. Salomon, ayant des dons de comédien, voulait entrer à l'Académie des Arts dramatiques de Moscou mais en était empêché en tant que juif. Ne voulant pas se convertir, il fallut lui obtenir un acte de baptême fictif. A Arzamas, se trouvait un prêtre, Feodor Wladimirsky, politiquement très engagé, qui avait besoin d'argent pour un projet de prospection d'eau; GORKI lui remit 1000 roubles et en échange reçut un acte de baptême en règle suivant lequel Salomon SVERDLOV devenait Zinovi PECHKOFF, Gorki étant son parrain.

Grâce à cet acte de baptême, Zinovi a pu s'inscrire à l'Académie des Arts dramatiques de Moscou en 1903; en 1904 il fut appelé au service militaire de 4 ans mais voulant s'y soustraire, encouragé à cela par GORKI qui lui obtint un passeport de complaisance, il part en Finlande, d'où il se rendra au Canada. Cela sera le début d'un long périple. Aidé par Gorki, il séjourna aux Etats-Unis, en Nouvelle Zélande et en Australie sans jamais trouver d'emploi ni de domicile fixe.

En 1910, toujours sur la branche, Zinovi part en Italie auprès de GORKI, à Capri. Il épouse une jeune Russe, Lydia BOURAGO, qui lui donna en 1911 une fille Elisabeth.

Sans emploi et sans moyens d'existence, Zinovi part au Canada avec femme et enfant en 1912. Sa femme trouve un emploi à Toronto et Zinovi travaille dans une mine à l'autre bout du pays.

Menant une vie précaire, des amis font revenir la famille en Italie où n'étant pas en mesure de subvenir aux besoins de la famille, la femme obtient le divorce en 1913.

En 1914, à la déclaration de la guerre, GORKI encourage tous les Russes qui ne peuvent rentrer en Russie à s'engager dans l'armée française. Zinovi s'engage ainsi à la Légion étrangère à Marseille.

En 1915, il perd un bras au combat et sera dégagé de service actif sans quitter la Légion. Il remplira de multiples missions au service de l'Armée ou du Quai d'Orsay avec des grades et titres temporaires jusqu'à sa retraite avec le grade de commandant.

En 1940, il vit au Maroc et décide de rejoindre le général De GAULLE à Londres, via New York. Le général De GAULLE lui confie de nombreuses

missions avec des grades appropriés à la mission. Il sera général de brigade auprès du maréchal SMURS en Afrique du Sud, puis, général de division auprès de TCHANG KAÏ TCHEK à Chungking. Après la guerre, il sera ambassadeur de France à Tokyo avec le titre de général de corps d'armée.

Revenons en arrière, en 1917, l'ambassadeur de France auprès du Gouvernement Provisoire russe, NOULONS, avait auprès de lui le capitaine PECHKOFF pour contacts avec les milieux révolutionnaires qu'il fallait convaincre d'interrompre leurs agissements dans les rangs de l'armée en faveur de l'arrêt de la guerre, thème essentiel de la révolution.

Au cours de son séjour à Pétrograd, PECHKOFF rencontrera son frère cadet Jacob mais leurs divergences politiques conduiront à une rupture définitive et une condamnation par les dirigeants révolutionnaires ce qui aura des conséquences dramatiques pour sa fille Elisabeth quand, mariée à un secrétaire d'ambassade d'URSS en Italie, elle rentrera au pays en 1934.

C'est au cours du séjour de PECHKOFF à Pétrograd que mon père, alors ministre délégué à l'Intérieur, fit sa connaissance.

PECHKOFF se trouvera en contact avec les milieux de droite favorable au renversement du gouvernement KERENSKY. Impliqué dans le coup d'état du général KORNILOFF, il sera rappelé à Paris.

Zinovi ne s'est jamais occupé de sa fille Elisabeth qui vécut en Italie et en France aidée par des amis. Sa mère s'était remariée avec un Italien peu de temps après son divorce en 1913.

En 1934, Elisabeth épouse un secrétaire d'ambassade d'URSS, Ivan MARKOV. Ils auront un fils Alexandre et au moment de leur retour en URSS elle est enceinte d'un deuxième enfant.

Peu de temps après leur arrivée à Moscou, MARKOV sera arrêté et fusillé. Elisabeth, trois mois après la naissance du deuxième fils, Alexis, sera arrêtée, internée et malmenée au point d'être hospitalisée. Elle sera séparée de ses enfants admis dans un orphelinat. Sa détention durera jusqu'en 1944 quand un officier supérieur, connaissant ses antécédents, lui obtint une affectation au service de traduction de l'armée où elle restera jusqu'en 1949. Dénoncée, elle sera internée à nouveau jusqu'en 1960. Réhabilitée, elle ira vivre à Sotchi dans des conditions précaires. Elle retrouvera ses deux fils.

A l'occasion de la venue de Pompidou à Sotchi pour y rencontrer Brejnev, elle demandera un visa pour se rendre en France et revoir son père; c'est des années plus tard, en 1974, qu'elle l'obtiendra; j'aurai alors à m'occuper d'elle à la demande du quai d'Orsay. Elle n'avait aucune rancune à l'égard de son père auquel elle portait une admiration sans bornes. En 1964, ayant appris par la radio que son père se rendait en mission auprès de Tchang Kaï Tchek à la demande du général De GAULLE, elle lui écrivit aux bons soins du Crédit Lyonnais, se

souvenant que son père y avait un compte; PECHKOFF lui répondit sur un ton indifférent (j'ai la copie de la lettre), gêné qu'elle se soit mise en rapport avec lui; il ne la mentionnera pas dans ses dispositions testamentaires rédigées en 1966 au profit de son ex-femme DELAUNAY-BELLEVILLE qui refusera de rencontrer Elisabeth en 1974.

Après sa mise à la retraite définitive, PECHKOFF vivra dans un studio rue Lauriston où j'irai le voir plusieurs fois. Il dînera souvent chez nous.

Membre de l'Association des Officiers d'Origine étrangère dans les rangs de l'Armée française, il se lie d'amitié avec le prince Nicolas OBOLENSKY, ancien résistant et déporté. OBOLENSKY, devenu prêtre, sera le confesseur d'un PECHKOFF devenu fervent pratiquant. Ils reposent dans le même caveau à Sainte-Genève-des-Bois.

Rien n'explique la religiosité manifestée par PECHKOFF à la fin de sa vie et son attitude envers sa fille manque de générosité chrétienne.

Les russes dans la guerre et dans la Resistance

Nicolas WYROUBOFF est né le 7 février 1915 à OREL (Russie). Il arrive en France en 1924 avec une partie de sa famille. En 1938, il poursuit ses études à l'Université d'Oxford. Il se trouve en Angleterre lors de la déclaration de guerre à l'Allemagne. En août 1940, Nicolas WYROUBOFF s'engage dans les Forces Françaises Libres où il est affecté à une Compagnie de Marche.

Il est fait Compagnon de la Libération en 1944. Voici le texte de sa citation:

«Excellent sous-officier d'origine Russe au moral splendide. Engagé volontaire de 40 à Londres dans les F.F.L. A participé aux campagnes de Libye et de Tunisie. A Ponte Corvo hissait le drapeau Français face à l'ennemi. Blessé le 22-5-44 rejoint sa Compagnie; réclame de servir dans une Compagnie de Voltige pour mieux approcher l'ennemi. Grièvement blessé à la tête de sa section lors de l'attaque de Bagni sur Tivoli. Combattant magnifique, incarnant le plus bel esprit de sacrifice au service de la France, sa seconde Patrie».

Pendant la guerre, les étrangers qui ont combattu dans les rangs de l'armée française ou dans ceux de la Résistance, en servant leurs propres causes, ont servi la France. Leur ennemi était le même. Les uns se déterminaient par rapport à leur patrie, d'autres agissaient par engagement idéologique, chacun apportant son dû à la victoire commune.

Le cas des Russes en France était différent. Ils étaient foncièrement hostiles aux autorités soviétiques responsables de leur exode, pourtant, tout en rejetant le régime de l'U.R.S.S., ils ont été sensibles à l'invasion de leur pays, aux sacrifices

du peuple et aux succès des armes. Ce qui a conduit certains d'entre eux à rejoindre la Résistance pour marquer leur solidarité envers leur pays.

Arrivés en France après la Révolution d'Octobre 1917, de nombreux Russes furent mobilisés en 1939, d'autres se sont portés volontaires. Ils ont servi avec fidélité, leurs tombes en témoignent.

Après l'armistice de 1940, la communauté russe est restée passive, la résignation de la population et la politique d'apaisement du gouvernement ne les incitaient pas à reprendre le combat, d'autant plus que leur propre pays n'était pas encore en guerre. Dès l'invasion de l'U.R.S.S., les Allemands, comptant sur les sentiments anti-soviétiques de la communauté russe en France, ont cherché à les entraîner dans leur croisade anti-bolchévique. Quelques-uns se sont laissés tenter, à leurs dépens, comme ceux qui avaient rejoint la L.V.F. (Légion des Volontaires Français) mais la majorité n'avait pas suivi.

Quoi qu'il en soit, dès 1940, un certain nombre de Russes n'étant pas concernés par l'armistice et ne voulant pas rester en marge d'un conflit qui dépassait la France, avaient décidé de se battre. Ils avaient librement choisi leur cause et sont allés jusqu'au bout.

Les uns s'engagèrent dans les Forces Françaises Libres, d'autres dans la Résistance.

Un cas à part, celui d'Igor de SCHOTTEN, né à Paris de parents russes. A 18 ans, avec des camarades de classe du lycée Janson de Sally, malgré l'interdiction de toutes les cérémonies commémoratives, il dépose une gerbe en forme de croix de Lorraine sous l'Arc de Triomphe, le 11 Novembre 1940. Le même jour une manifestation d'étudiants, indépendante du dépôt de la gerbe, a eu lieu aux Champs Élysées et s'est heurtée aux forces de l'ordre. Des étudiants furent malmenés et d'autres appréhendés. Ces deux actions menées par des jeunes bravant l'occupant le jour anniversaire de la Victoire avaient suscité un grand enthousiasme aussi bien en France qu'à Londres où la radio en avait parlé. SCHOTTEN a persisté en rejoignant la Résistance.

Parmi ceux qui avaient rejoint les troupes de la France Libre, dix furent faits Compagnon de la Libération. L'un d'eux, Nicolas ROUMIANTZOFF, sorti de Saint Cyr à titre étranger, avait été affecté à la Légion Étrangère. Après la Campagne de France de 1940, son unité est rentrée en Algérie. Décidé à poursuivre le combat, il déserte de son régiment et rejoint Londres. Il a pris part aux campagnes de la 1ère D.F.L. (Division Française Libre) en Afrique puis à celles de la 2ème D.B. en France et en Allemagne. Promu général et fait Compagnon de la Libération.

Un autre Russe, Eugène ARSAMATOFF, de la communauté des réfugiés russes vivants à Shanghai. Étudiant, ancien élève du lycée français, il avait décidé de se battre. Venant de Chine en compagnie de ressortissants français, il nous avait rejoint en Égypte début 1941. Il a pris part aux campagnes de Libye, de

Tunisie et d'Italie. Caporal chef, il débarque dans le Sud et tombe devant Toulon. Il n'avait connu la France que par les professeurs et par les livres, mais les liens culturels qu'il a su nouer ont été assez forts pour lui faire ressentir la défaite et l'occupation comme un défi auquel il a répondu à sa façon.

Parmi ceux qui s'engagent dans la Résistance, il faut citer Boris VILDE, et Anatole LEVITZKY, ethnologues au musée de l'homme, pionniers de la presse clandestine. Ils furent arrêtés et fusillés au Mont Valérien. Ils ont fait preuve d'une grande force morale au cours de leur procès public.

Le cas de Véra OBOLENSKY (Viki) est bien connu, elle fut obstinée dans la lutte et admirable dans l'épreuve. Elle donna un bel exemple de dignité en refusant de demander sa grâce à ceux qui l'avaient condamnée à mort.

Un autre résistant, Igor KRIVOCHINE, ingénieur, marié et père de famille, fils d'un ancien ministre de la monarchie, officier de l'armée blanche ayant pris part à la guerre civile. Il avait rejoint l'O.C.M. (Organisation Civile et Militaire), un des grands réseaux de Résistance. Arrêté et déporté à Buchenwald, il en est revenu.

Je citerai aussi l'exemple de la mère Marie, religieuse distribuant la soupe aux pauvres rue de Lourmel. Elle cachait des Juifs traqués par les Allemands. Arrêtée et déportée à Ravensbrück où elle périt d'épuisement.

Dès 1943, quand l'armée française reprend le combat, des Russes furent mobilisés en Afrique du Nord puis en France. Ils prirent part aux campagnes d'Italie et de France.

Ainsi, pendant la guerre, en toutes circonstances, les Russes ont fait preuve de loyauté envers la France

Source: Le Monde, mardi 17 mars 1998 communiqué par oncle N mais pas texte de lui

Nicolas WYROUBOFF

Lieutenant De Vaisseau Jacquelin De La Porte Des Vaux* TEMOIGNAGE

Vers la fin mai 1940, 500.000 hommes de troupes alliées soumises à un déluge de feu se trouvent acculés à la mer près de Dunkerque. Aucune issue possible.

Après sa célèbre phrase «Nous ne céderons jamais», Churchill ordonne l'évacuation du corps expéditionnaire britannique.

L'opération commence début juin. Les Anglais, sentant la menace de la guerre s'approcher de leurs côtes, réquisitionnent toutes les embarcations disponibles le

* 7 juin 2010, <http://www.france-libre.net/souvenir-jacquelin-de-la-porte-des-vaux/>. Extrait de la *Revue de la France Libre*, n° 304, 4e trimestre (décembre) 1998.

long de la Manche et les affectent à l'évacuation. Les bâtiments de la marine française participent à l'opération.

Ce fut un extraordinaire exploit de sauvetage. En quelques jours plus de 300.000 soldats alliés, dont plus de 100.000 français seront évacués.

Les blessés affluent en Angleterre.

A l'époque, je me trouvais à Oxford en fin d'année universitaire et présidais le Cercle français; nous avons organisé des visites aux blessés français admis dans l'hôpital de la ville. C'est là que je fais la connaissance du lieutenant de vaisseau de la Porte des Vaux immobilisé dans un plâtre de la poitrine aux pieds; il avait été grièvement blessé sur le contre-torpilleur Jaguar coulé le 23 mai devant Dun-kerque.

J'allais le voir souvent. J'écoutais avec beaucoup d'attention ses récits d'une guerre meurtrière qui contrastait avec ma vie paisible d'étudiant. Il se montrait impatient de reprendre le combat malgré ses blessures et l'échec subi à Dun-kerque. Il était résolu, passionné et avait le goût du panache.

C'est sur son lit d'hôpital qu'il apprend l'armistice et l'appel du 18 Juin. Pour en savoir plus, je vais aux nouvelles à l'ambassade à Londres où j'ai mes entrées en ma qualité de président du Cercle français d'Oxford, qui fonctionnait sous les auspices de l'ambassade.

Je connaissais un bon nombre de diplomates.

Justement, en fin d'année universitaire, je devais remettre mon rapport d'activités et présenter les comptes, comme toujours déficitaires.

A l'ambassade c'est l'affolement, on ne parle que de départs, ce n'est pas le moment de voir mon rapport ni d'examiner mes comptes. Ne pouvant pas laisser à découvert le compte en banque du Cercle, j'alerte mon père à Paris qui fera le nécessaire et dira plus tard en plaisantant qu'il m'avait devancé au service de la France.

A cette heure grave, le personnel de l'ambassade offrait un spectacle navrant. Après l'armistice, au moment où l'Angleterre s'est trouvée seule à poursuivre la guerre alors que les valeurs essentielles étaient en jeu, les départs précipités des diplomates avaient été perçus comme un abandon, surtout par ceux qui arrivaient de France pour combattre.

Aucun membre de l'ambassade n'avait rallié le général de Gaulle, ils n'ont pas osé franchir le pas, rompre, prendre une initiative, de crainte de se tromper. Pour ces hommes de qualité et d'expérience c'était plus sûr, plus raisonnable, de rester au service de l'État dans le cadre de leur carrière, en se retranchant derrière l'autorité du Maréchal par loyalisme, respect ou simplement par attentisme.

Il est vrai qu'à l'époque le sort incertain de la guerre rendait l'engagement hasardeux mais dès que l'issue deviendra prometteuse, à partir de 1942, ils seront nombreux à venir.

En attendant, les uns partaient rejoindre leurs nouveaux postes à Dublin, Rabat, Lisbonne ou Shangai, d'autres étaient rappelés à Paris, certains d'entre eux ne voulant pas aller dans leur pays occupé cherchaient à se mettre à l'abri. L'ambassadeur Corbin, en tête, est parti en Argentine pour convenance personnelle, le ministre conseiller Cambon avait demandé aux Anglais de l'interner, par égard pour lui on le laissera dans une maison de campagne pour la durée de la guerre. Roland de Margerie, autre conseiller, retourne à Paris prendre des ordres et repasse à Londres en route pour Shangai sans rejoindre de Gaulle qui l'avait pourtant reçu. Le sort a voulu qu'en 1942 le maître de la Chine, le général Tchang Kaï Tchek reconnaisse le général de Gaulle; Margerie se trouvera de ce fait, sans l'avoir voulu, à Chungking au service de De Gaulle sous les ordres de son envoyé le général Pechkoff.

Bientôt il ne restera plus personne, sauf monsieur de Castellane qui, avant de rentrer à Paris, sera chargé de remettre au général de Gaulle la réponse à sa lettre au général Weygand et lui communiquer sa condamnation.

Les attachés militaires quittent Londres aussi. Le général Lelong, homonyme de celui de la France Libre, part avec ses adjoints. Un seul d'entre eux, le commandant de Brantes, après un séjour à Lisbonne, à son retour en France rejoindra l'O.R.A.; arrêté par les Allemands il sera fusillé. L'amiral de Rivoyre, chef de mission, avant de partir finit par convaincre son fils Alain, camarade d'Oxford, de rentrer avec lui de peur qu'il ne s'engage dans les Forces Françaises Libres, comme le fera Jean-Pierre Giraudoux, autre camarade d'Oxford, qui, rappelé par son père en France, reviendra dès juillet 1940 pour s'engager dans les F.N.F.L.

Je ne citerai pas les autres membres de l'ambassade, certains sont encore en vie, comblés d'honneurs. Tous ceux qui étaient partis ont fait après la guerre de brillantes carrières que rien apparemment n'est venu entraver.

Il y a encore ceux qui arrivés à Londres pour fuir l'occupant demeureront spectateurs sans prendre part à la guerre. Parmi eux se trouvera Raymond Aron qui, après un bref passage aux F.F.L. en 1940, se mettra au journalisme. Il le regrettera à la fin de sa vie.

Le plus décevant sera évidemment le départ des troupes françaises arrivées en Angleterre après Narvik et Dunkerque. Plus de 100.000 soldats démoralisés partiront aux ordres de leurs officiers pour qui la guerre était perdue.

2.000 volontaires resteront, auxquels viendront se joindre par des voies diverses un millier de jeunes Français qui, ayant tout quitté, venaient prendre part au combat. Ceux-là refusaient la défaite. Si «la France Libre a été une passion», comme l'écrivit Crémieux-Brilhac, ces jeunes volontaires en furent l'âme.

Dans ce climat de désarroi, chacun cherchant sa voie, se produisit, le 3 juillet, le drame de Mers-el-Kébir. Dès le lendemain je vais voir la Porte des Vaux à l'hôpital et le trouve bouleversé par la perte des hommes et des bâtiments. Il

craint que l'affront subi ne braque tous les marins contre les Anglais et compromette leur participation à la guerre. Bien que venant d'un milieu conventionnel et servant dans la Royale, il ne se laissait pas enfermer dans les contraintes des traditions et conservait l'indépendance de son jugement.

Profondément affecté par les événements il restait inébranlable dans sa décision de combattre au côté des Anglais. Rien ne pouvait le faire dévier de son devoir de chasser l'ennemi qui occupait la France. Tout devait céder à cette exigence.

Il voulait convaincre les autres, ceux qui doutaient et hésitaient, il voulait leur transmettre un message; mais comment faire quand on est cloué à un lit d'hôpital sans accès à la presse?

Il fallait sortir en se faisant enlever. Qu'à cela ne tienne, l'opération est montée. Son lit se trouvait près d'une fenêtre au rez-de-chaussée. Vers 18 heures nous sommes arrivés en voiture avec galerie en nous garant près de la fenêtre. Il a fallu le sortir comme une momie et l'arrimer à la galerie. Le personnel de l'hôpital s'est laissé convaincre de ne pas intervenir ni donner l'alerte à condition de le ramener.

Chargé sur le toit de la voiture, traversant toute la ville, nous l'avons transporté dans le plus grand hôtel d'Oxford, le Randolph, et là, dans le hall de l'hôtel, étendu sur une table, entouré de curieux et de journalistes ameutés par nos soins, il a pu faire Sa déclaration. Maître de lui, grave comme s'il était investi d'une mission, sa casquette d'officier à la main, il a adressé un message à ses frères d'armes.

Il était d'autant plus convaincant qu'il était l'archétype de ceux qu'il appelait au combat. D'une vieille famille ayant servi la France, blessé en combattant aux côtés des Anglais, il laissait au pays femme et enfant.

Il adjurait ses compagnons de dominer les rancœurs, de dépasser les réflexes d'esprit de corps et d'aller vers l'essentiel: la victoire.

Son message n'a pas eu la résonance souhaitée, la presse locale n'en a pas saisi la portée. Ce fut pourtant un beau geste.

Peu de temps après je signalais mon engagement dans la France Libre à l'Olympia sous le nom de Fleury. Ce jour là, nous étions trois camarades d'Oxford à nous engager, un Grec de Londres ayant fait ses études en France, Costa Archilopoulos, bien que la Grèce ne soit pas encore en guerre et un Mauricien, Georges Desmarais, sujet britannique qui, au lieu de s'engager dans les forces britanniques comme il aurait dû le faire, a rejoint les F.N.F.L. par affinité. Me voilà enfin soldat à la compagnie de marche du capitaine Durif. Jusque là je n'avais subi que des échecs; ma demande d'engagement déposée au consulat de France dès les premiers jours de la guerre avait été rejetée, puis, le 10 octobre 1939, le bureau de recrutement d'Oxford refusait mon admission dans l'armée britannique. Chaque fois on invoquait mon statut d'apatride. La France Libre s'était montrée moins exigeante, il avait suffi que je prenne le joli nom de Fleury.

En septembre, au cours de l'expédition de Dakar, j'avais appris que l'un des avisos qui nous accompagnait, le Cdt Dominé, était commandé par le Lieutenant de vaisseau de la Porte des Vaux. Sa convalescence n'avait pas trop duré.

Ce n'est qu'à Free Town où nous avions fait escale après Dakar, que j'ai eu l'occasion de le revoir au cercle des officiers où j'avais été convié par le capitaine Mercer-Nairne, un ami anglais aide de camp du général Spears. La Porte des Vaux nous avait alors raconté en détail son entrée dans le port de Dakar en se trouvant face au cuirassé Richelieu qui lui donne l'ordre de stopper. L'ordre est ponctué d'une rafale de mitrailleuse. La Porte des Vaux ne bronche pas, l'équipage aligné au garde à vous, il fait sonner le cessez-le-feu et salue le cuirassé. Le Richelieu expédie des salves de semonce. L'avisos fait demi-tour et sort de la rade. La Porte des Vaux était convaincu que le commandant du Richelieu, Marzin, voulait seulement donner un avertissement car il aurait pu le couler facilement, comme le prouvera la bataille navale qui s'en suivit.

Après ce cuisant échec, aucune trace de fléchissement dans sa résolution, simplement furieux du comportement des Français de Dakar.

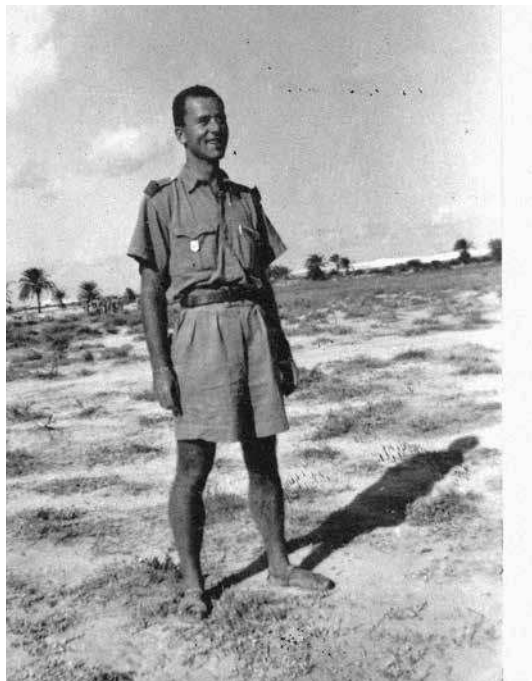
Nous ne nous sommes jamais plus revus mais le souvenir de Jacquelin de la Porte des Vaux et de son appel au combat dans l'hôtel Randolph après Mers-el-Kébir reste gravé dans ma mémoire comme une belle page de bravoure qui mérite d'être préservée dans les annales de la France Libre.

Jacques ISNARD

Eugenie Gemähling: Une infatigable résistante

On l'appelait «*l'infatigable Génia*». Eugénie Gemähling, qui vient de mourir à l'âge de quatre-vingt-un an, fut de ces premières résistantes à qui leurs multiples activités clandestines, durant la seconde guerre mondiale, valurent d'être arrêtée par la police française. D'origine russe, Eugénie Valde, épouse Deschamps, est infirmière à l'hôpital Beaujon quand elle se livre, dès août 1940, à ses premiers actes de résistance en compagnie de son époux, qui sera tué en Lorraine, où il avait rejoint les Forces françaises libres.

Aux côtés de Philippe Viannay et de Robert Salmon, qui fondent le mouvement Défense de la France (DF) en recrutant de très jeunes gens, étudiants, voire lycéens pour la plupart, et notamment beaucoup de jeunes filles, Eugénie Deschamps va participer à des réseaux d'évasion et, surtout, travailler à la composition et à la cliquerie, puis à la diffusion, du journal *Défense de la France*, le plus gros tirage de la presse clandestine (250 000 en décembre 1943 ou 450 000 en janvier 1944). *Défense de la France* continuera à paraître après la Libération et, en novembre 1944, il prend le titre de *France-Soir*, dont le PDG sera, un temps, Robert Salmon.

H.B. Вырубов в Ливии

Dans le mouvement DF, qui comptera 2 500 militants actifs et des dizaines de milliers de sympathisants, Eugénie Deschamps crée, grâce à son imprimerie, un service de faux papiers qui produira, selon les historiens, plus d'un million de cartes d'identité. A la tête d'une équipe d'«*agentes de liaison*» qui circulent à bicyclettes à Paris et dans plusieurs villes de province, elle instaure un service social et un service du ravitaillement, qui distribuent aux militants actifs ou emprisonnés des colis confectionnés avec l'aide de commerçants.

En 1942, Eugénie Deschamps fait partie du premier cercle de dirigeants de DF, qui

s'agrandira progressivement et qui, en 1943, se transforme en un comité directeur du mouvement et du journal avec, notamment, la participation de Geneviève Anthonioz-de-Gaulle, la nièce du chef de la France libre. En juillet 1943, Eugénie Deschamps devient secrétaire générale de l'association des Anciens de DF.

Le 27 mai 1944, «*l'infatigable Génia*» est arrêtée par la police française, qui dévastera son appartement à la recherche des archives du mouvement. Pour autant, les policiers français évitent de la livrer à la Gestapo et la libèrent, le 17 août 1944, juste avant l'insurrection parisienne. Eugénie Deschamps rejoint alors le maquis de la Seine-et-Oise, où elle se met sous les ordres du «Commandant Philippe», le nom de guerre de Philippe Viannay.

Après la guerre, Eugénie Deschamps épouse Jean Gemähling, qui a été le chef du service de renseignement du mouvement de résistance «Combat». Titulaire de la médaille de la Résistance avec rosette, Eugénie Gemähling avait été promue officier de la Légion d'honneur en avril 1992.

Paris, le 29 juin 1998

Nicolas WYROUBOFF
52, avenue d'Iéna
75116 PARIS
Tél.: 01 47 20 75 08
Fax: 01 47 20 16 11

Monsieur Serge PITIOT
Conservateur du Patrimoine chargé
d'Inspection des Monuments historiques
Conservation régionale des Monuments
historiques de l'Île-de-France
Grand Palais, porte C
Avenue Franklin Roosevelt
75008 PARIS

Cher Monsieur,

Au cours de l'entretien que vous avez bien voulu m'accorder, j'ai évoqué le problème des tombes russes dans le cimetière de Sainte-Geneviève-des-Bois. De nombreuses tombes dont les concessions sont échues et les ayants droit introuvables sont à l'abandon. Elles sont souvent de simples buttes en terre, toujours en friches par manque d'entretien.

Malgré la mesure conservatoire de l'inscription du cimetière à l'inventaire supplémentaire des monuments historiques, décidé l'année dernière, la municipalité n'est pas disposée à assumer la responsabilité financière de l'entretien, pas plus, d'ailleurs, que le Comité pour l'Entretien des Sépultures russes qui se limite à l'entretien des tombes pour lesquelles il perçoit des cotisations.

Les tombes se dégradent et leur nombre augmentera du fait de la disparition graduelle des ayants droit.

Il est permis de penser que la commission régionale du patrimoine historique, en proposant la mesure conservatoire du cimetière, avait à l'esprit la nécessité de préserver en particulier la spécificité russe orthodoxe des tombes conférant au cimetière un intérêt culturel et historique digne d'intérêt.

Le texte de l'arrêté ne donnant pas de précisions à cet égard pourrait à l'avenir donner lieu à controverse.

L'ensemble des tombes russes ne constitue pas seulement un lieu privilégié de sépultures orthodoxes, unique en France, mais encore un lieu de mémoire. Lieu de mémoire pour les très nombreux touristes russes qui viennent journellement par cars visiter le cimetière à la recherche de leur passé; lieu de mémoire pour les Français témoignant de la générosité de la France envers les Russes chassés par les événements d'Octobre 1917.

Il s'agit donc de rechercher une solution durable pour préserver l'état et le caractère particulier de cet ensemble exceptionnel.

Ma proposition consiste à:

- demander à la commission régionale du patrimoine historique d'inscrire dans les dispositions de l'arrêté préfectoral une clause de protection du caractère russe orthodoxe des tombes russes;

- obtenir des autorités municipales la levée d'interdiction pour les Russes non domiciliés dans la commune et ne disposant pas de concession de se faire enterrer dans la cimetière de Sainte-Geneviève-des-Bois. Cette levée d'interdiction serait limitée à la réutilisation des tombes abandonnées. En réactivant ces tombes, le Comité d'Entretien des Sépultures russes proposerait de nouveaux postulants russes, lesquels verseraient à la mairie le montant correspondant à l'acquisition d'une concession, s'engageraient à préserver les restes et l'identité des défunts précédents et construiraient un monument conforme aux normes russes du cimetière.

Si les nouveaux arrangements permettaient de réactiver les tombes abandonnées au profit de nouveaux postulants russes, des dispositions seraient prises pour constituer un fonds permettant de financer l'entretien des tombes abandonnées en instance d'attribution.

Ce fonds serait constitué avec l'aide d'organisations culturelles de Russie, qui ont déjà manifesté leur intérêt dans ce domaine. Cette participation de la Russie conférerait au fonds la longévité nécessaire à la continuité de cette entreprise.

Je vous prie d'agréer, cher Monsieur, l'expression de mes remerciements anticipés et de mes sentiments dévoués.

Nicolas WYROUBOFF
Compagnon de la Libération
Entretiens avec Pascal MAILHOS¹
Toulon, 1998

En 1988, à l'issue d'une cérémonie publique, Nicolas Wyruboff rencontre Pascal Mailhos, alors Directeur de Cabinet du Préfet de Seine-et-Marne à Melun. Des liens d'amitié se nouent.

En 1998, Pascal Mailhos obtient de Nicolas Wyruboff qu'il lui parle des faits saillants de sa vie au cours de plusieurs entretiens enregistrés, qui se déroulent à Toulon où Pascal occupe le poste de Secrétaire général de la Préfecture du Var.

¹ Texte mis au point en 2008 avec l'aide de Sabine Garnier.

En 2008, Nicolas Wyrouboff apporte une touche finale au texte de ces échanges avec gratitude pour Pascal Mailhos, aujourd'hui Préfet du Finistère à Quimper.

Ces Entretiens conservent le caractère de la conversation et de la liberté de ton et de forme qu'une parfaite confiance permet. Il ne s'agit donc pas d'une biographie au sens strict, mais d'une évocation des choix vitaux exercés par une conscience originale à travers les circonstances d'une époque troublée.

1

Pascal Mailhos: *Nicolas Wyrouboff, vous naissez le 7 février 1915 à Orel en Russie. Quels souvenirs avez-vous de la ville d'Orel?*

Nicolas Wyrouboff: De la ville d'Orel, je n'ai aucun souvenir. Dès 1918, alors que ma famille habitait à Orel dans la maison de ma grand-mère, les autorités soviétiques sont venues, lui ont donné l'ordre de quitter la maison, parce que le commissaire politique avait décidé de faire de cette maison le «musée Tourgueniev». En effet, Tourgueniev était natif d'Orel et sa maison natale avait brûlé avant la révolution; ma grand-mère maternelle était la nièce de Tourgueniev et l'héritière de certains de ses biens, l'autre héritière étant la cantatrice Pauline Viardot, qui vivait à Paris. Nous avons été obligés de partir et je sais qu'il fallait partir sans rien toucher. Nous devions simplement faire les ballots et partir. Comme ma grand-mère avait une maison non loin d'Orel, nous sommes partis vers cette maison; je n'ai aucune conscience, aucun souvenir du temps, mais je sais que nous sommes restés un certain temps dans cette deuxième maison.

Là, mes grands-parents sont partis pour Saint-Pétersbourg, qui s'appelait à l'époque Petrograd; quant à ma mère, les enfants et la gouvernante, nous nous sommes installés dans un village. C'était un petit village avec des maisons typiques de paysans, c'est-à-dire une pièce en terre battue et l'autre pièce pour les vaches et pour les animaux qu'on abritait en hiver. Dans la pièce principale, où tout le monde vivait, il y avait ce fameux poêle à étages où les personnes âgées trouvaient place en bas où c'est le plus chaud et les jeunes au-dessus. Je crois qu'il devait y avoir trois niveaux.

De la ville d'Orel même, je n'ai aucun souvenir et si j'ai des souvenirs, je suis incapable de savoir si ce sont mes souvenirs ou si ce sont les souvenirs de mes grands-parents qui nous racontaient que, par exemple, ayant reçu l'ordre de partir, ils avaient enterré des objets précieux dans le jardin. Je dis que je me souviens de la famille creusant des trous dans le jardin la nuit à la lueur de bougies. Est-ce que cette image m'est venue à force d'entendre mon grand-père la raconter ou est-ce réellement un souvenir? Il est possible que pour un enfant, même très petit, au lieu de dormir, voir les gens aller et venir, creuser des trous la nuit avec des bougies, était tellement inhabituel que c'est devenu un souvenir marquant.

Mais en tout cas, voilà, ça s'est passé comme ça et c'est pour cela que nous avons toujours vécu jusqu'à ce jour avec l'idée du trésor enfoui à Orel.

J'ai compris plus tard pourquoi ma mère avait trouvé refuge dans ce village. En effet ma mère s'appelant Wyruboff, portait un nom qui n'était pas particulièrement célèbre, mais qui était connu, très connu en Russie à cette époque: L'amie de l'impératrice, sa dame de compagnie, Anna Wyrubova² est alors connue de toute la Russie à cause de tout ce qui s'était passé à la cour du temps de Raspoutine; et ensuite le gouvernement provisoire qui avait été renversé par les Bolcheviques, avait été dirigé au départ par le prince Lvov, oncle de mon père, et mon père avait été membre du gouvernement provisoire.

Mon père s'occupait du ministère de l'Intérieur, ministère le plus sensible du gouvernement à cause de tous les désordres qui régnaient dans le pays et du maniement des forces de l'ordre. Le prince Lvov avait gardé ce ministère et mon père y était Secrétaire d'État à l'Intérieur. Plus tard, au moment de la révolution d'Octobre, mon père se trouve auprès du chef d'état-major général des armées chargé des affaires civiles. Quand Lénine intime l'ordre au général Doukhonine de se mettre en rapport avec les Allemands pour des pourparlers d'armistice, le général, considérant que la demande d'armistice était une responsabilité civile et politique, la transfère à mon père pour décision. Par conséquent, le refus qui est communiqué à Lénine par télégramme porte le nom de Wyruboff et vaudra à mon père d'être mal vu pour avoir été un des premiers à mécontenter Lénine.

PM: *Il signe à ce moment-là comme Secrétaire d'État à l'Intérieur?*

NW: Non, il n'est plus au gouvernement provisoire de Kerenski. Il y avait auprès du chef d'état-major une fonction civile pour s'occuper des problèmes d'ordre civil: c'était là la mission de mon père, en particulier l'approvisionnement sanitaire, le logement.

Pour revenir en arrière, le nom de Wyruboff est difficile à porter et c'est pour cela que ma mère se rend dans ce village avec nous. Bien entendu personne n'a rien. Vous savez, on m'a souvent demandé comment de famille aisée on devient une famille dépourvue de tout; cela se passe, je le crois vraiment, en quelques mois. Premièrement, la révolution en quelques jours bloque tous les comptes en banque; donc ceux qui ont de l'argent en banque n'en ont plus. Si, comme beaucoup de gens, on a de l'argent dans les tiroirs, on le dépense et puis après c'est fini, il faut vendre. Mais vendre à qui? puisque tout le monde est dans la même situation; par conséquent, on troque des objets usuels tels que des draps, plutôt que ces fameux bijoux dont tout le monde parle, contre du pain, du beurre ou des oeufs.

Cantonnés dans ce village, ma mère, ses trois enfants et une gouvernante doivent se nourrir et pour se nourrir, naturellement, ma mère devait avoir

² Anna Tanief avait épousé Alexandre Wyruboff, le frère de mon père.

quelque chose, était-ce des pièces d'or? Je ne sais pas. Toujours est-il que nous avons été vite dénoncés et que les autorités, qui étaient à la recherche des ci-devant, ont eu vite fait d'identifier ma mère comme étant Madame Wyruboff. On lui demanda naturellement où se trouvait mon père. Or, nous sommes en 1918-1919 et à cette date ma mère l'ignorait totalement.

La famille Wyruboff avait des terres dans la province de Penza, ville située dans le sud-est de la Russie. Quand mon père part à la guerre, ma mère m'attend – je suis né en 1915, – nous quittons Penza et ma mère me met au monde dans sa famille à Orel. Mon père, lui, était aux armées, non pas comme militaire, mais auprès du chef d'état-major des armées comme responsable du Zemgor³. Front de l'Ouest depuis les premiers jours de la guerre. Le Général Alexeïeff a été même pendant un moment commandant en chef; puis, quand l'empereur a pris le commandement, il a été chef d'état-major des armées et le général Alexeïeff a eu pendant toute la guerre mon père à ses côtés, non pas pour s'occuper des questions militaires mais des questions civiles et de l'approvisionnement. Par conséquent, quand le général Alexeïeff quitte ses fonctions pour raisons de santé, il est remplacé et mon père poursuit ses fonctions auprès de son successeur. Ce qui veut dire que ma mère ne sait pas du tout ce qui se passe, et quand arrive la révolution, après ce refus de négocier avec les Allemands, mon père – je le sais par des documents que j'ai eus entre les mains – revient à Moscou parce que nous sommes une famille moscovite.

Auparavant, il avait acquis une spécialité dans les Zemstvos⁴, structure paragouvernementale qui se chargeait du ravitaillement, des hôpitaux, des écoles et en temps de guerre de la fabrication des obus et des balles ainsi que du transport de matériel de guerre. C'était devenu une espèce d'agence qui, en 1918, employait environ 100.000 personnes, mais qu'on ne peut pas comparer à la Croix-Rouge ou à quoi que ce soit d'autre. Mon père y avait acquis une responsabilité. Il était directeur de l'ensemble de ces organismes sur le Front de l'Ouest. Telle était sa fonction auprès du chef d'état-major: diriger l'aide, le fonctionnement des hôpitaux, les déplacements des populations. En 1918, il revient à Moscou qui a besoin d'être ravitaillée et il est chargé du ravitaillement de la ville. Par conséquent il a une correspondance, il voyage, il cherche des endroits où installer des dépôts de vivres.

Au même moment, le prince Lvov qui, lui, a quitté le gouvernement provisoire, s'est caché. Il est naturellement poursuivi par les autorités bolcheviques et se réfugie en Sibérie où se crée un mouvement contre-révolutionnaire sous l'autorité de l'amiral Koltchak. Cet amiral de la mer Noire s'était réfugié en Sibérie pensant

³ Zemgor: Contraction de zemla (terre) et gorod (ville). Ligue constituée de l'Union des zemstvos et de l'Union des villes.

⁴ Le zemstvo est une assemblée territoriale assurant l'administration locale, institué en 1864.

que cette région n'était pas encore touchée par la révolution et qu'il fallait lancer le mouvement de là-bas. L'amiral Koltchak, qui a besoin d'aide extérieure, apprend que le prince Lvov se cache quelque part en Sibérie et prend contact avec lui pour lui demander d'aller voir le président Wilson, Lloyd George et Clemenceau. Nous sommes en 1918 et le prince Lvov, avant de quitter Moscou pour se cacher en Sibérie, avait prévenu mon père que, s'il avait besoin de lui, il lui ferait signe de façon codée parce qu'il pensait bien qu'il ne pouvait pas lui envoyer de lettre ou encore moins lui téléphoner. Par ce code, mon père apprend donc que le prince Lvov lui demande de l'accompagner pour rencontrer le président Wilson; il quitte alors Moscou sous prétexte d'aller chercher du ravitaillement, des pommes de terre ou je ne sais quoi, et il ne revient plus à son poste. Dès lors il rompt toute relation avec nous. Comme nous n'étions pas à Moscou mais à Orel, les deux villes étant distantes de 300 km, nous ne savons rien de ce départ; ma sœur aînée, qui avait à l'époque déjà 12-13 ans, n'a jamais supporté l'idée que mon père nous ait ainsi abandonnés. Je ne sais pas ce que j'aurais fait à sa place, mais je pense que c'était grisant pour un homme jeune et ambitieux d'aller voir en 1918 le président Wilson et Lloyd George en passant par la Sibérie, Yokohama, San Francisco et Washington.

Le voilà parti, alors que ma mère, qui a été arrêtée dans ce petit village dont nous avons parlé, ne sait pas où il est, parce que, bien entendu, il ne peut pas lui écrire pour lui dire ce qu'il fait. Arrêtée, elle est mise en prison où elle est atteinte du typhus, fréquent à cette époque. Elle revient à la maison pour quelques jours et meurt en 1920 dans ce village. J'ai alors 5 ans.

Nous partons pour Petrograd, les trois enfants et notre gouvernante, pour rejoindre nos grands-parents. Nous nous installons dans les combles de la maison où vivaient mes grands-parents. Tous les souvenirs que j'ai, et je suis le plus jeune des trois – dès lors les souvenirs de ma sœur et de mon frère sont plus précis – ne sont pas des souvenirs de plainte. Au fond, j'ai vécu une enfance formidable. Quel plaisir, par exemple, d'être sur les toits! On ouvrait les fenêtres et on allait se promener sur les toits, ce qui était strictement interdit en temps normal. Ensuite nous allions dans des écoles où nous avons été immédiatement embrigadés par les Jeunesses communistes; nous devenons ce que l'on pourrait appeler des pionniers, on nous attache des fichus rouges et on nous fait faire un tas d'activités de groupe, ce qui est parfaitement fascinant.

Mais vous savez, l'être humain est très curieux. On peut se rappeler d'un tas de choses, je suis sûr de ce que je dis, mais il est possible de ne pas se rappeler d'une douleur ou d'un manque parce qu'on a eu faim ou parce qu'on a eu froid; tout cela on peut ne pas s'en souvenir. Moi je me rappelle que pour vivre il fallait voler et par conséquent mon frère et moi, nous étions enrôlés dans des bandes de garçons. On se retrouvait le matin et on faisait des razzias dans des magasins, dans des dépôts, on rapportait à la maison ce que nous trouvions. Toute mon enfance a

été marquée par le fait qu'il fallait absolument rapporter quelque chose à la maison, une pomme ou une poire, mais il fallait apporter quelque chose, de la nourriture. Par conséquent nous avons certainement faim, froid, mais cela ne m'a pas marqué. Ce qui marque dans la vie, c'est si on a été bafoué, si on a été humilié. Ce sont là des choses graves qui laissent des traces, mais pas le froid et la faim.

Nous vivons donc à Petrograd auprès d'un vieux monsieur et d'une vieille dame. Ce vieux monsieur, très bien de sa personne, mon grand-père maternel, avait été vice-gouverneur à Orel pendant longtemps avant d'être nommé gouverneur de la ville de Vitebsk et chambellan à la cour.

PM: *Comment s'appelaient vos grands-parents maternels?*

NW: Galakhoff. Mon grand-père est bien sûr arrêté à Petrograd. Le récit qui suit est digne d'un roman policier parce que le juge de la cour populaire, qui préside le tribunal, est un étudiant d'Orel. Mon grand-père et ma grand-mère qui n'étaient pas des gens d'une grande richesse mais des gens à l'aise, avaient, comme dans tous les pays du monde, contribué à des caisses d'étudiants pauvres, sans savoir d'ailleurs qui recevait leurs dons. Mais les étudiants qui recevaient, savaient que parmi les bienfaiteurs il y avait Galakhoff, et quand le président du tribunal doit condamner ce monsieur Galakhoff qui n'a rien fait de mal dans sa vie, si ce n'est d'avoir été chambellan et gouverneur, et que lui-même a été bénéficiaire de la générosité de cet homme, il déclare à la cour populaire qu'il est incapable de juger dans ces conditions-là et qu'il demande que mon grand-père soit libéré sans être inquiété. Par conséquent mes grands-parents vivent dès lors à Petrograd sans être inquiétés.

Ma mère a une sœur qui vit avec nous et qui, dans la journée fait des fiches au musée de l'Ermitage. La nuit, elle part avec une brouette à la gare de Petrograd pour essayer de ramasser, pendant le chargement ou le déchargement des trains, des vivres quels qu'ils soient, du riz, des pommes de terre ou du pain. Il y avait toujours des sacs qui s'ouvraient ou qui tombaient; parfois, quelqu'un arrivait à subtiliser un sac et le partageait. Ma tante partait à la gare et revenait avec sa brouette pour nourrir notre famille. Je crois qu'une des seules choses sur lesquelles on pouvait compter, du point de vue du ravitaillement, c'étaient les cantines du président Hoover, lequel a, dès 1920, entamé un vaste plan d'aide à la Russie affamée. Très curieusement, j'ai retrouvé, récemment chez une parente, une lettre du prince Lvov qui, en 1920, se trouve à Paris et se rend aux États-Unis pour essayer de convaincre le Congrès de débloquer des crédits considérables pour venir en aide à la Russie. Par conséquent, deux fois par semaine, nous allions dans ces cantines américaines que les Bolcheviques et les Soviétiques ont toujours décriées.

Nous vivons donc à Petrograd; mon frère et moi allons à l'école allemande, Peterschule.

À la mort de Lénine, en janvier 1924, toutes les écoles de Petrograd envoient des délégations d'élèves pour l'enterrement à Moscou, et par hasard j'en fais partie. Mon seul souvenir est un voyage en groupe et la participation à une cérémonie de masse, à laquelle nous avons été longuement préparés au cours du voyage en écoutant vanter les hauts faits de Lénine, après quoi j'étais tout fier de porter le petit ruban rouge.

Plus tard dans l'année 1924, le frère de ma mère qui était officier de l'armée blanche passe, comme beaucoup d'autres officiers, en Yougoslavie et de Yougoslavie en Allemagne. En Allemagne, il rencontre une belle, riche et bonne Allemande, Greta, qu'il épouse. Et cette Greta s'apitoie sur le sort des parents de son mari Galakhoff et arrive à convaincre les autorités soviétiques en Allemagne, qui ont été les premières à renouer avec l'Allemagne en guerre, de les laisser sortir moyennant le paiement d'une sorte de rançon. J'ai à la maison les documents qui témoignent de ce versement; ce qui est amusant, c'est que le cachet russe, où il est indiqué «reçu de Mme Galakhoff la somme de...», stipule que ce versement est fait au profit des œuvres de la Croix-Rouge, alors qu'il n'y avait pas de Croix-Rouge en Russie. Je pense que c'était une façon pour les Bolcheviques d'accepter de l'argent. Moyennant cet argent, toute ma famille, composée de mes grands-parents, des trois enfants et de ma tante maternelle, quitte la Russie par le train en mai 1924 et entre en Allemagne.

PM: *Si vous le voulez bien, revenons en arrière sur quelques points. Vous expliquez bien pourquoi vos grands-parents n'ont pas été inquiétés. Ce qui paraît invraisemblable, c'est la situation de votre père. Doté de responsabilités dans le dernier gouvernement du tsar, celui du prince Lvov, il semble ne pas avoir rencontré de difficultés pour rester en Russie.*

NW: À la chute du prince Lvov, en juillet 1917, celui-ci transmet le gouvernement provisoire à Kerenski; la révolution d'Octobre se fait donc contre le gouvernement Kerenski.

Ce que je vous dis, je le sais pour avoir lu et entendu les témoins. La révolution se fait beaucoup plus à Petrograd qu'à Moscou; à tel point que toutes sortes de documents écrits posent la question de savoir pourquoi les membres du gouvernement provisoire, au lieu de s'éparpiller, ne vont pas à Moscou. Moscou est moins dangereuse pour beaucoup de raisons: d'abord parce que Lénine et son état-major sont à Petrograd, ensuite parce que les ouvriers, les fameux soviets qui commençaient à se manifester depuis 1916, sont à Petrograd. C'est petit à petit que ce mouvement d'ouvriers d'usines de Petrograd s'étend aux unités de soldats, surtout au contingent, et peu à peu à l'armée de métier de la Garde. Quand Lénine nomme un sous-officier de la Marine comme ministre de la guerre, ce sous-officier arrive à l'état-major général des armées qui se trouve sur le Front de l'Ouest. Au préalable, le général Doukhonine convoque ses officiers et leur donne toute liberté

d'action. Quant à lui, considérant qu'il est le chef d'état-major, il attend l'arrivée de ce sous-officier de la Marine qui l'arrête dans la cour même. Il est non pas fusillé, mais simplement lynché; il meurt lynché. Mais il a voulu, compte tenu de sa position, rester à son poste, alors que mon père et les autres officiers disparaissent.

PM: *Le général attend donc l'arrivée du ministre de la guerre.*

NW: Oui, le général Doukhonine attend le ministre et meurt à son poste. Nous sommes en octobre 1917. Mon père se rend alors à Moscou où il a vécu. Il sait que nous habitons alors à Orel, mais n'arrive pas à nous rejoindre. Il est très probable, cette révolution n'ayant pas été perçue tout de suite comme une catastrophe définitive, qu'il devait pouvoir rencontrer d'autres gens. Tout le pays ne bascule pas du côté de la révolution, sauf ceux qui sont en uniforme. Il habite Moscou, sans se cacher, bien qu'à cette époque-là, en Russie, on abatte des officiers dans la rue. Combien de mes amis ont vu leur père ou oncle en uniforme abattus dans la rue. Mais mon père était en civil; en outre tout le monde ne pouvait pas se cacher. C'est à cette époque qu'il commence à exercer des activités de ravitaillement. Il est quand même très probable que l'appareil bolchevique qui vient au pouvoir a eu beaucoup de choses à faire et qu'il ne s'est pas mis immédiatement à la recherche de tous les suspects contre-révolutionnaires.

Mon père quelque temps plus tard arrive avec Lvov à Paris, au moment de la Conférence de Versailles.

PM: *en 1919.*

NW: Ils arrivent à Paris avant la Conférence et rencontrent Clémenceau. Nous sommes fin 1918. Ils voulaient savoir comment les Alliés allaient se comporter vis-à-vis de la contre-révolution russe. À ce moment-là, la Russie est soutenue par Clemenceau qui a compris cette situation, alors que naturellement Wilson et Lloyd George refusent toute aide et toute intervention.

PM: *Que faisait votre père avant la révolution? Quelles étaient ses activités?*

NW: Il n'a eu qu'une seule activité, la responsabilité des zemstvos.

PM: *En quelle année est né votre père?*

NW: Basile Wyrouboff naît en 1879. Il est rarissime, en Russie, à cette époque, que des gens de son milieu fassent des études supérieures. Or, mon père est docteur en mathématiques. À l'issue de ses études, son oncle, le prince Lvov, qui est déjà le président des zemstvos, l'incite à entrer dans cette organisation. Mon père était d'opinion libérale, même si je déteste ce mot parce qu'il couvre tout et ne veut rien dire. Le prince Lvov aussi était d'opinion libérale. Vivant sous un régime de monarchie absolue, ils ne sont pas pour la révolution, mais pour une monarchie constitutionnelle du type de celle qui existe en Grande-Bretagne avec un parlement et des élections.

Mon père est né en Géorgie où son père se trouvait en fonction auprès du grand-duc Michel, vice-roi du Caucase. Il vit à Penza (700 km environ au sud-est

de Moscou) où il commence à être responsable du zemstvo de Penza. Puis, il rejoint les zemstvos de Moscou. Son père meurt alors qu'il devait avoir 19 ou 20 ans. Comme il est l'aîné de cinq enfants et qu'il a des terres très disséminées, il a la responsabilité de gérer ces terres et de faire valoir l'héritage. Il devient chef de famille. Parallèlement, il est élu aux zemstvos par la ville de Penza qu'il représente dans les instances moscovites. Mon père parlait toujours de cette expérience qui l'avait beaucoup marqué. Il rencontra à cette occasion des gens de milieux tout à fait différents du sien. De son milieu, il y avait peu de représentants. C'étaient surtout des gens qui venaient de la fonction publique et qui étaient écœurés par l'archaïsme du système, par l'inefficacité de l'administration. Il y avait des médecins, des avocats, tous voulaient construire une nouvelle Russie. Ce n'était pas un parti politique, mais un état d'esprit.

Là, il faut ne pas perdre de vue que ce monde est archaïque, c'est celui d'une monarchie absolue où personne ne s'est jamais préoccupé de faire des études. On passait juste le temps qu'il fallait dans un régiment de la Garde, puis aux Affaires Étrangères, au ministère de la Justice ou au ministère de l'Intérieur.

PM: *En 1914, votre père a 35 ans environ. Est-ce qu'il a, d'une façon ou d'une autre, participé à la guerre elle-même?*

NW: Non.

PM: *Jamais?*

NW: Non, il a fait son service militaire dans le régiment des Chevaliers-Gardes, qui est, pour la noblesse russe, le premier régiment. Il a la médaille de Saint-Georges pour bravoure à titre civil. Dès le début de la guerre, il est en charge des affaires des zemstvos sur le Front de l'Ouest.

PM: *Il n'était pas question pour lui de servir dans un autre régiment?*

NW: Non, pas dans les cuirassiers ou les hussards qui sont bien, mais pas les mieux. Mon père a eu conscience de ces valeurs toute sa vie; par ses racines, il appartenait à un milieu archaïque, et par son intelligence, il sortait de ce milieu.

PM: *Il était attaché à ce milieu par ses racines mais son esprit le poussait à évoluer.*

NW: Il y avait dans son caractère un ferment de protestation. Il a su appartenir à un monde et s'ouvrir à un autre monde. Mais en tout cas, il était très enthousiaste, à tel point que, quand la guerre commence en 1939, il m'écrivit, puis vient me voir à Londres et me dit qu'il faut absolument combattre. Mais je n'ai aucun souvenir du moindre argument: pourquoi fallait-il qu'un Russe apatride combatte? Il ne me le disait pas. Sa nature était très enthousiaste. Je suis sûr que son poste de responsable des zemstvos auprès du chef d'état-major et auprès du président du gouvernement provisoire a représenté pour lui un moment formidable.

Au moment de la révolution, le général Alexeïeff est chef d'état-major général tandis que l'empereur est commandant en chef. Lorsque l'empereur abdique, le

général Alexeïeff devient commandant en chef du temps du prince Lvov. Quand arrive Kerenski, Alexeïeff ne veut pas être commandant en chef parce que Kerenski est un personnage très mal perçu, surtout dans le monde militaire. Kerenski est un socialiste-révolutionnaire qui n'appartient à aucun milieu. Son père était instituteur, son grand-père prêtre défroqué. Pour les Russes, il n'appartient donc à aucun milieu. C'est un homme intelligent, qui a fait des études, qui est avocat, qui est astucieux; il est enragé de politique et porté par elle. Dès son arrivée au pouvoir, Kerenski, des documents l'attestent, fait venir mon père qui, lui, a immédiatement quitté le gouvernement provisoire au départ du prince Lvov. Kerenski demande à mon père d'aller faire la tournée des généraux commandant les armées pour savoir qui ils souhaitent avoir comme commandant en chef et comme chef d'état major général.

PM: *Pour remplacer le général Alexeïeff?*

NW: Oui. Mon père, dans ses souvenirs, et c'est la seule chose qu'il a laissée, parle de sa tournée des généraux. Il pense qu'étant d'un bon milieu et ayant fait son service militaire dans les Chevaliers-Gardes et étant connu pour son ouverture d'esprit, tout cela lui a facilité sa mission. Quand il revient de cette tournée, il indique que les généraux commandant les armées ont demandé que Kerenski devienne commandant en chef. C'est ce qu'il fait mais il faut alors trouver un chef d'état-major. C'est là que, d'après un document, il fait chercher mon père de nuit et lui demande d'aller voir le général Alexeïeff pour demander à celui-ci d'être chef d'état-major. En tant que militaire de carrière, le général a horreur de Kerenski, de ce qu'il représente et refuse catégoriquement. Mon père en rend compte à Kerenski. Kerenski est catastrophé parce qu'Alexeïeff est quand même connu dans toute l'armée. Aussi Kerenski et mon père vont tous les deux revoir le général Alexeïeff. L'entretien avait été enregistré et il est rapporté de mémoire par mon père. En présence de Kerenski, le général Alexeïeff finit par accepter d'être le chef d'état-major, mais il tombe malade quinze jours après et se retire pour des raisons de santé. À ce moment-là, Kerenski nomme chef d'état-major général le général Kornilov. Or, en septembre se produit le putsch du général Kornilov qui marche sur Petrograd et veut prendre le pouvoir tout en gardant d'ailleurs Kerenski dans son gouvernement. C'est assez curieux, mais c'est comme ça. Kerenski est catastrophé parce que, déjà, il est assailli par la révolution. Alors il fait de nouveau venir mon père auprès de lui et lui demande d'aller arrêter ce putsch. Mon père rencontre le général putschiste et le convainc d'arrêter ce mouvement. Mon père n'aimait pas du tout Kerenski, il n'était pas du tout du même milieu, mais je crois que cela devait être assez grisant de remplir, dans ces conditions, des missions de ce genre.

PM: *Ce qui est assez extraordinaire c'est qu'effectivement, à 35 ans à peu près, votre père joue à la fois dans l'ombre et au-dessus de tout le monde un rôle de bons offices, puisque tantôt il est dans des structures gouvernementales avec le prince*

Lvov et le général Alexeïeff, tantôt il remplit des missions pour Kerenski. On peut alors se demander s'il n'a pas pensé que le destin de la Russie était tellement flottant qu'il fallait être à l'endroit où le destin l'appelait à participer.

NW: J'ai un document qui montre que, quand le général Doukhonine est arrêté et lynché, le général Wrangel fait partie de son état-major. Mon père qui a fait son service militaire dans les Chevaliers-Gardes connaît le général Wrangel. Ils sont amis de jeunesse et se connaissent très bien. Donc, le général Wrangel est nommé auprès du chef d'état-major. Il a laissé des souvenirs dans lesquels il raconte comment il rencontre mon père, comment ils discutent des événements. Au moment où le général Doukhonine est lynché et disparaît, le général de son état-major, le général Ditrich, Wrangel et mon père sont contactés pour prendre les affaires en mains et mettre sur pied un gouvernement contre-révolutionnaire, une espèce de triumvirat. Le général Wrangel en serait la tête militaire, mon père la tête civile; quant à Ditrich, je ne sais pas quel était son rôle. Ce projet reste sans suite.

Petit à petit, le général Alexeïeff, qui se remet de sa maladie, prend le commandement de ce qu'on peut appeler «l'armée blanche». Il essaie de regrouper les aides, mais meurt peu de temps après, alors qu'il vient de créer un embryon de mouvement contre-révolutionnaire. Toutefois, il faut avoir à l'esprit qu'Alexeïeff n'a jamais voulu prendre la tête d'un mouvement politique alors que Denikine et Wrangel, quant à eux, étaient des généraux politiques. Les débuts de l'armée blanche se situent dans un état d'esprit démocratique et libéral. Puis, ce mouvement évolue progressivement vers un mouvement monarchiste pour combattre les Bolcheviques qui promettent à tous le partage des terres, l'égalité, la fraternité et la liberté. Les démocrates promettaient aussi liberté, fraternité et égalité puisqu'ils souhaitaient un système de monarchie constitutionnelle. Il était donc très difficile d'attirer des gens très ignorants, qui ne voyaient pas nécessairement la différence entre les démocrates et les révolutionnaires.

Dès lors, il fallut durcir le ton et revenir au slogan monarchiste. Aussi, quand le prince Lvov arrive avec mon père à Paris, leur action est délicate. S'était alors constitué le fonds des ambassadeurs, c'est-à-dire que les ambassades russes aux États-Unis, en France, en Angleterre et en Italie avaient décidé d'affecter les fonds à leur disposition en temps de guerre pour l'achat d'approvisionnements destinés à l'État russe.

Ces fonds étaient considérables, en provenance surtout des États-Unis. Le prince Lvov arrive à convaincre les Américains et les Français de verser ces fonds au compte d'un mouvement anti-révolutionnaire. Ces fonds servent alors à financer tant l'armée blanche que l'aide aux réfugiés qui arrivent de tous côtés. Ce fonds est géré par le prince Lvov. Mais quand le prince Lvov, en 1920, s'aperçoit que Wrangel et l'armée blanche deviennent monarchistes, il abandonne toutes

ses fonctions et responsabilités dans le mouvement contre-révolutionnaire et se consacre uniquement aux zemgors parce qu'en Russie, il y avait des associations urbaines et des associations rurales qui étaient réunies dans un seul comité, les zemgors, que présidait le prince Lvov. Il reconstitue le comité des zemgors à Paris, en devient le président et s'occupe des réfugiés russes dans le monde entier avec les fonds des ambassadeurs.

PM: *Vous avez évoqué vos souvenirs des différentes villes russes que vous aviez connues. Avez-vous des souvenirs de Penza?*

NW: Non, moi je n'y ai jamais été. Mes seuls souvenirs sont à Petrograd où j'avais alors neuf ans passés. Je me souviens de l'école, de la maison où j'habitais à Petrograd. Il y avait beaucoup d'eau, un peu comme à Venise. En hiver cette eau gelait et nous patinions sur la Neva. Par ailleurs, les hivers sont très rudes en Russie. Il faut se chauffer et pour alimenter les poêles à bois, soit nous arrachions les pavés de bois (c'était comme cela à Paris, vous savez, à cause des sabots des chevaux), soit nous sortions munis d'une boîte de conserve percée d'un gros clou, remplie de plomb et attachée à une ficelle pour attraper les morceaux de bois quand les péniches chargées de bois passaient sous les ponts.

PM: *Avez-vous d'autres souvenirs de la Russie?*

NW: J'ai surtout des images, étant donné que durant mon enfance j'ai souvent changé de paysage, de ville. Ainsi, je pense, c'était à l'époque d'Orel, à la campagne, en été, où les enfants allaient et venaient, gardaient des cochons ou des vaches. Je me souviens que nous allumions un feu parce qu'il commençait à faire un peu frais la nuit et que nous faisons cuire des pommes de terre dans la cendre. Ce sont des petites choses comme cela qui restent. Tout ce qui a trait à la cueillette des fruits ou des champignons m'est également resté en mémoire.

De Petrograd, j'ai quelques souvenirs parce qu'à cette époque-là il y avait une commission qui se réunissait pour décider de l'avenir des enfants. Dès l'âge de huit ans, on était déjà lancé. Ma sœur, qui avait quatorze ans, devait être institutrice et s'y préparait. Mon frère était un manuel; il devait devenir cordonnier. Il a fini, en Argentine, éleveur de bétail. Il y a un certain rapport. Je devais être soit acteur de théâtre, soit danseur de ballet. Donc, c'est vers une école d'art dramatique que j'ai été dirigé. Arrivé à Paris, j'avais alors neuf ou dix ans, quand nous allions goûter chez des amis, on me disait: «Nicolas, joue-nous quelque chose». Dans cette école, il y avait des classes où on choisissait soi-même ce que l'on voulait être et devant la classe on devait représenter le personnage que l'on voulait être. Et pour une raison que j'ignore, je voulais être Boris Godounov. Par conséquent, j'interprétais le rôle de Boris Godounov. La mort de Boris Godounov était mon rôle préféré, je me roulais par terre en criant «Dieu sauve la Russie!» et je trouvais cela admirable. Mon public trouvait probablement cela assez sympathique puisqu'il me demandait de rejouer cette scène.

PM: *Avez-vous des souvenirs de l'empire russe? des mentalités?*

NW: Durant toute mon adolescence en France, je parle d'avant la guerre, j'ai vécu à la campagne, à Fleury, à côté de Barbizon. Or, à Fleury, à l'époque, nous vivions entre Russes qui, comme nous, avaient excessivement peu de moyens. Nous étions une des rares familles russes à avoir une grande maison grâce à la famille Ganay. Nous avions toujours beaucoup d'amis, d'oncles. Comme il n'y avait ni eau, ni électricité, il n'y avait rien d'autre à faire, le soir, que de rester dans la grande salle à manger et d'écouter les grands raconter des histoires ou d'aller se coucher. Il n'y avait pas d'autre passe-temps. Par conséquent, nous sommes tous, ma famille, tous les jeunes, moi y compris, pénétrés des histoires des amis de mon père. Qui faisait quoi et comment? Naturellement, tout le monde parlait uniquement de la vie d'avant la révolution, c'était une espèce de fascination.

Cela me donne la possibilité de parler d'une mentalité que j'ai bien connue, en discutant avec des oncles qui étaient des gens d'un autre monde.

Pour dire les choses aussi brièvement que possible, après l'assassinat d'Alexandre II qui avait commencé les réformes, Alexandre III est convaincu par son entourage que la mort de son père est due à la mise en œuvre prématurée de réformes. Par conséquent à partir d'Alexandre III, l'État se durcit et fait marche arrière; contre des actions terroristes, l'État emploie aussi la terreur et la répression. À ce moment-là, nous sommes en 1904, le Japon entre en guerre contre la Russie, c'est une guerre folle, totalement imprévue, dirigée par des généraux russes incompetents. C'étaient des temps où les généraux avaient des connaissances très limitées et étaient officiers pratiquement dès le berceau. Par conséquent, arrive 1905 et ses manifestations et – on le voit dans les archives filmées – ce sont des fous qui tirent et tuent des gens. À partir de ce moment-là le gouvernement est obligé de céder et il proclame une constitution qui n'est pas appliquée.

La monarchie était constitutionnelle, c'est-à-dire que c'était une monarchie avec une constitution non appliquée. Là est le malheur: l'empereur et son entourage choisissent une politique qui est la seule politique catastrophique garantie. Ou bien on continue à réprimer le terrorisme, en accentuant la répression, ou bien on rend la constitution votée réelle, effective. C'est-à-dire avec un parlement et des élections. Le contraire a été fait. L'État russe autorise tous les partis politiques, y compris les socialistes-révolutionnaires. Toute la presse est libre, totalement libre. Elle se déchaîne contre le gouvernement autoritaire et les gens qui le soutiennent.

La Russie était un pays où il y avait la noblesse, les paysans et les marchands, vieilles familles qui, comme les marchands en France, les bourgeois de Calais, constituaient l'ossature de la société active. Ils avaient une vie totalement différente des autres, ils ne se mariaient qu'entre eux et ils étaient plus riches que les nobles. Compte tenu des progrès économique et industriel, qui, en Russie, au début du XXe siècle est extraordinaire, il y a d'énormes usines de production. Tout cela

crée une nouvelle classe composée de chefs d'ateliers, d'ingénieurs, en un mot de personnes intelligentes. De plus en plus de gens sortent de l'administration car ils s'aperçoivent que cette administration est arriérée et qu'il faut changer d'esprit. Il y a des médecins et des avocats, et, dans la noblesse, de plus en plus de gens comme mon père qui sont des nobles éclairés. Tout cela fait un amalgame de gens libéraux et non pas extrémistes, qui veulent une monarchie constitutionnelle.

Dans le même temps il y avait une catégorie de socialistes-révolutionnaires du type de Kerenski. Aujourd'hui, en France, ça n'a pas d'importance, un homme intelligent, d'où qu'il vienne, peut très bien tout de suite comprendre, saisir, mais à l'époque on était très tributaire de son milieu. Comme Kerenski n'avait pas de milieu, il s'est entiché de socialisme, est venu en France, comme avocat des causes politiques il s'est fait des amis au parti socialiste français. En France les socialistes appartenaient au Grand-Orient par tradition. Ils ont conduit Kerenski à développer en Russie cette obédience qui ne convenait absolument pas à la mentalité russe.

La franc-maçonnerie russe est sociale, modérée, sans aucun rapport avec le Grand-Orient intellectuel. La majorité de la franc-maçonnerie russe est constituée de gens de la noblesse, de la haute noblesse, très haut placés et souvent fortunés à qui on a fait comprendre qu'il fallait que l'homme soit éclairé, qu'il fallait vivre dans une société fraternelle et, au fond, sauver le monde. Ces gens-là ne faisaient rien dans leur existence pour le sauver, mais ils adhéraient à ces groupes parce que cela faisait bien. J'ai connu des amis de mon père, des gens dont les familles étaient très connues, qui n'ont jamais rien compris ou jamais rien fait, mais qui étaient francs-maçons.

En Russie il y a eu, à partir du régime d'Alexandre II, une espèce de conscience nouvelle dans la noblesse russe, que l'on sent dans Dostoïevski et dans toute la littérature russe de l'époque: c'est la mauvaise conscience vis-à-vis de l'homme, c'est-à-dire du paysan. Se créent, à ce moment-là, des organismes complètement stupides, populistes où des fils de grandes familles prennent leur baluchon, s'en vont à la campagne, rentrent dans les isbas et disent aux paysans: «je viens t'aider». Le paysan, à tous les coups, le fout dehors parce qu'il a les mains fines et qu'il ne sait rien faire. Ce fut une catastrophe car ce mouvement s'est propagé comme le feu en Russie. On appelait ces gens-là les «narodniki», les gens qui vont vers le peuple.

Mais la franc-maçonnerie de la haute noblesse n'est pas du tout cela, parce que c'est un mouvement social philosophique humaniste. Dans un système monarchique absolu, il faut influencer. Qui est-ce qui peut avoir de l'influence, sinon les gens haut placés et qui à leurs dîners disent quand il y a un ministre ou un dignitaire de la cour: «Vous savez, il faut quand même penser à nos pauvres paysans, il faut créer des écoles, il faut créer un hôpital». C'est assez intellectuel.

C'est toujours la même formule: pour être franc-maçon, il fallait être très riche, très intelligent ou très bien né. Voilà. Parfois tout allait ensemble, et parfois cela n'allait pas toujours ensemble.

Dès lors, l'histoire d'avant la révolution peut se résumer à une monarchie qui considère toutes les réformes proposées par les modérés comme un danger. Dès l'instant où vous vous mettez à craindre l'explosion, il faut s'opposer à toutes les réformes, ce qui porte les gens modérés à devenir de plus en plus activistes.

PM: *On a souvent dit de la Russie d'avant la guerre, que c'était «un colosse aux pieds d'argile». La Russie était bloquée parce que, comme vous le dites, son mode de fonctionnement la conduisait à ne rien changer, alors que les personnes les plus éclairées sentaient la nécessité du changement, mais comprenaient que, si ce changement intervenait, ce serait le cataclysme. On avait donc l'impression que les gens en réalité pensaient beaucoup mais agissaient peu.*

NW: Je reprends votre phrase. Les gens modérés ne pensaient pas que le changement allait entraîner le cataclysme, ce sont les gens du monde archaïque qui pensaient que le changement allait l'entraîner. Ce qui est assez étonnant – je viens de finir un article pour la publication d'un livre sur le prince Lvov à Moscou – ce qui est extraordinaire, c'est cet appareil d'État... Le jour où l'empereur abdique (le 16 mars 1917), c'est le système qui s'effondre puisque son frère, le grand-duc Michel, refuse la régence. Il n'y a rien, rien parce que le gouvernement nommé par l'empereur se disloque. Il n'y a plus personne parce que l'empereur a abdiqué. Toute la structure de l'État, qui était conçue sur le principe du monarque, disparaît avec le monarque. La fonction publique, en plein désarroi, fait preuve d'incapacité en pleine crise. C'est la désaffection des responsabilités.

Qu'est-ce que c'est le gouvernement provisoire? Le gouvernement provisoire, c'est un certain nombre de députés appartenant à la Douma qui disent: «Mais enfin, il faut quand même que quelqu'un donne des ordres» et ils demandent à des gens extérieurs, à des professeurs d'université, ou encore à des dirigeants de grandes entreprises d'armement de venir et au prince Lvov, qui est le président des œuvres des zemstvos, de diriger le tout. En effet lorsque le frère de l'empereur refuse la régence, il dit: «Je demande que la Russie convoque une assemblée constituante et c'est la décision de l'assemblée constituante qui me guidera dans mes décisions. Si elle m'appelle à devenir le monarque constitutionnel, je deviendrai le monarque; si elle veut un autre système, on acceptera la décision de l'assemblée constitutionnelle».

Donc, un groupe de gens, je ne sais si on peut s'imaginer, en pleine guerre, en pleine effervescence, se réunit et se proclame «comité»; quelqu'un dit, c'est aussi bête que cela: nous ne sommes pas un «comité», nous sommes un «gouvernement». En effet, il n'y a pas d'autorité pour nommer, il n'y a pas d'élections et la Douma a un pouvoir délibératif mais pas décisionnel. Dès lors,

il n'y a plus de pouvoir en Russie. Et cette immense administration de l'État avec l'armée, avec la police, est sans commandement; enfin c'est à vous d'imaginer ce que pouvait être l'état de l'État.

PM: *L'État se retrouve sans tête.*

NW: Oui, il n'y a personne pour prendre une décision. Comme le gouvernement provisoire est provisoire, en attendant l'assemblée constituante, il faut mettre à la tête de ce gouvernement quelqu'un d'apolitique comme le prince Lvov. Il est connu comme organisateur d'œuvres et pour n'avoir pas d'ambition politique. Or, que faut-il faire? Il faut que la Russie marche, il faut approvisionner, il faut que la guerre continue. On dit toujours que le prince Lvov n'avait aucune des caractéristiques d'un chef de crise. En réalité, les gens de la Douma, à la demande du frère de l'empereur, se préparent à convoquer l'assemblée constituante et ne veulent pas d'un chef de gouvernement provisoire qui puisse influencer sur les élections parce que tout le monde sait ce qu'est le pouvoir. Par conséquent, il faut mettre à la tête de ce gouvernement provisoire quelqu'un qui n'a pas d'ambition politique et qui ne peut pas influencer, quelqu'un comme le prince Lvov.

On nomme donc quelqu'un qui est exactement le contraire du chef qui doit résister et empêcher la révolution civile de se faire. Or, vous savez que lorsque le désordre s'installe et que les ouvriers tout d'un coup marchent sur les bâtiments, saccagent et mettent le feu, il faut sévir tout de suite et parfois même tirer. En Russie, qui va tirer? Car on ne peut pas utiliser l'armée, qui est touchée par la révolution. On ne peut pas utiliser la police, qui est archi-connue comme ayant réprimé les révolutionnaires du temps de la monarchie absolue. Il y a encore quelques semaines, les Cosaques matraquaient les gens. Donc, on ne peut pas demander à ces forces de l'ordre d'agir.

En tout cas, une chose est certaine, c'est que la preuve est faite que l'État est archaïque et repose sur quelque chose qui ne correspond à rien. Le monarque abdique parce qu'il est totalement discrédité, parce qu'il reçoit les ordres de sa femme et que c'est sa femme qui a nommé comme chef du gouvernement une espèce de chambellan de la cour totalement incapable. Ce n'est pas le principe qui est en cause, parce que, par principe, le Russe est monarchiste et vit depuis des siècles pour Dieu et le tsar; c'est une notion mystique. Par conséquent, quand l'empereur abdique, le principe monarchique n'est pas contesté, mais uniquement la personne du tsar.

En France, l'obéissance au maréchal Pétain a répondu à une espèce de besoin d'obéir à une hiérarchie, même si le maréchal Pétain était vieux. Il y avait en Russie un besoin d'obéissance. Des millions de gens...

PM: *avaient besoin de recevoir des ordres.*

NW: Oui. Si on prend l'exemple des officiers, ils avaient prêté serment au tsar. Par conséquent, ils devaient être fidèles à ce serment. Or, il manque l'élément

principal, le tsar. Le gouvernement provisoire est composé de quinze civils, totalement inconnus du pays. Le prince Lvov, lui, était connu parce qu'il s'occupait d'œuvres, mais enfin il se met à la place d'un monarque, dirige un groupe de civils et leur demande de l'aider à rétablir l'ordre, d'arrêter la révolution... au nom de qui? au nom de quoi?

Mourir pour cela n'est pas facile. Il y a désaffection nationale envers l'autorité, d'autant que la révolution depuis 1905 ne s'est pas faite contre le monarque, mais contre l'autorité. Par conséquent on chauffe à blanc les gens contre le pouvoir. Or le gouvernement provisoire est le pouvoir en place, mais sans autorité.

PM: *D'où la difficulté. On parlait tout à l'heure de l'ancien régime en Russie et de l'ancien régime en France. Comment percevez-vous la différence? Vous connaissez la société française. Entre la mentalité de l'aristocratie française et la mentalité de l'aristocratie russe, quelles sont les différences? L'une a perdu le pouvoir en France avec la chute du roi, l'autre a perdu le pouvoir et même les moyens d'existence avec la chute du tsar. Mais je sens que l'une et l'autre ne réagissaient pas de la même façon, ne vivaient pas de la même façon.*

NW: Il s'agit d'abord de deux époques différentes, de deux situations différentes et de deux mentalités différentes. Si la noblesse française perd son roi, le pouvoir et une partie de ses biens et se trouve menacée dans son existence, elle reste malgré tout en France, sauf quelques émigrés. Les Russes, par contre après la chute de l'empereur sont confrontés à la révolution d'Octobre 1917 qui les prive de tous leurs biens et les chasse du pays.

L'empereur cristallisait en sa personne toutes les aspirations nationales. C'était un symbole. La noblesse russe n'avait pas le sentiment de prendre part au pouvoir, aux affaires de l'État. Elle voyait dans le monarque le garant de son bien-être et l'identifiait à la nation mais pas à l'État. Après l'abdication, la société n'a pas su transférer son esprit de fidélité au tsar vers le gouvernement provisoire. Il y a eu une désaffection de la classe dirigeante à un moment de crise. La cause principale de la réussite de la révolution est la détermination des uns et l'inertie des autres.

PM: *C'est vrai.*

NW: La différence essentielle vient du fait que la noblesse française avait conscience d'appartenir à une structure sociale: chacun avait son rang. En Russie, rien de tout cela. La société russe n'est pas féodale, mais communautaire. Si en Russie il y avait des familles avec des titres de prince ou de comte, cela n'a absolument aucune incidence sur leur comportement et leurs prérogatives. Il n'y avait pas préséance du noble titré par rapport au noble non titré.

La preuve en est que pendant la dernière guerre, lorsque le peuple prend conscience de son intérêt communautaire, il défend la Russie et devient victorieux. Nous savons que la guerre a commencé en Russie en juin 1941; en décembre 1941, d'après les documents du procès de Nuremberg que j'ai lus, il y

avait trois millions neuf cent mille prisonniers russes. L'armée russe ne se battait pas, parce qu'il n'y avait pas de cohésion nationale. Il ne faut pas croire que c'est Staline qui a tout mené, mais plutôt le Russe qui a senti la menace, la patrie en danger. Au début, l'autorité de l'État était menacée et cela ne provoquait pas l'adhésion nationale.

PM: *Ce que vous dites est très important. Mais comment fait le Russe, lorsqu'il a perdu son empereur? Comment se repère-t-il et notamment toute cette classe dirigeante avec laquelle vous avez vécu soit en Russie, soit ailleurs, comment se repère-t-elle?*

NW: Je n'ai jamais entendu parler autour de moi du manque de biens. Les gens ont été privés de la source de leur vie spirituelle et les biens perdaient de l'importance. Ce qui manquait le plus, c'était le climat. Je vais essayer de vous l'expliquer du mieux possible, car c'est quelque chose que je comprends et que je ressens très clairement. Pour un Russe, qu'il soit noble ou non, le tsar est un symbole national, comme Dieu pour le croyant. Chaque fois qu'il y a rencontre avec l'empereur, le paysan lui dit «tu» alors que les autres lui disent «vous», parce qu'ils sont déjà évolués. Mais le paysan dit à son propriétaire terrien «tu», mais pas à ceux qui viennent pour visiter, pas à tous les gens; au seigneur «tu» et au tsar «tu» parce qu'il a conscience que c'est un peu comme son père. Le Russe dissocie le concept du tsar de celui de l'État comme il dissocie le concept de Dieu de l'Église.

C'est un attachement personnel très important mais qui, comme son nom l'indique, est un attachement de personne à personne, mais ne peut pas s'incarner ailleurs que dans des personnes, et notamment pas dans des institutions. Je crois que Louis XVI était, lui, synonyme d'un pouvoir.

PM: *Oui, davantage.*

NW: C'est-à-dire que c'est le tsar, au-delà de ce qu'il représente comme chef de l'État. Et puis dans l'histoire de la Russie, il y a toujours eu des changements, des assassinats. On n'en est pas à un tsar près. Donc, je reviens à mon propos, au moment où le gouvernement provisoire s'installe, le pays est encore monarchiste, c'est-à-dire monarchiste dans le sens qu'il sait ce que c'est que la monarchie, alors que ce gouvernement provisoire ne s'apparente en aucune façon à ce système. Par conséquent, il n'y a pas d'adhésion. N'oubliez pas qu'en 1914 la Russie est aux côtés de l'empereur pour faire la guerre, à laquelle l'armée n'était pas préparée.

PM: *En outre, il y a eu le désastre de 1905.*

NW: Oui. Mais quand l'empereur dit: il faut faire la guerre, le pays fait la guerre. Ils avancent. Ils vont tellement vite qu'ils vont beaucoup trop loin. Mais le pays marche derrière l'empereur. Il y a là, je pense, un côté primitif du Russe, une obéissance aveugle,

PM: *Presque charnelle.*

NW: Oui, c'est cela.

PM: *Par rapport à ce que vous dites de la Russie, comment vous inscrivez-vous dans ce mouvement-là, l'histoire de votre famille telle qu'on vous la racontée? Que savez-vous de l'histoire de votre famille dans cette grande épopée russe telle que vous venez de la décrire?*

NW: Examinons rapidement ma famille à compter de la Grande Catherine. Je sais que le Wyruboff qui vivait à l'époque de la Grande Catherine est un officier de ce fameux régiment, je dis fameux parce qu'il est fameux pour les Russes, qui s'appelle Preobrajenski, Gardien du Palais. Il est officier dans ce régiment et quand la Grande Catherine décide d'assassiner son mari, elle charge un des frères Orloff, Alexis, d'aller l'étrangler; elle charge également quatre officiers de faire le coup d'État avec elle. Parmi ces officiers, Pierre Wyruboff. J'ai des documents retraçant ces événements et je sais qu'après la réussite du coup d'État, Pierre Wyruboff devient sénateur. Il reçoit une argenterie, aux armes de l'impératrice – qui est enterrée à Orel et qui constitue le fameux trésor d'Orel. Quand ma mère quitte Penza, alors que mon père est à la guerre, et qu'elle va me mettre au monde, elle emporte avec elle le trésor de la famille, l'argenterie aux armes de Catherine II. En même temps, d'après les documents que j'ai à Paris, Pierre Wyruboff reçoit de la tsarine 800 âmes, pour récompense du coup d'État. J'ai une copie de son portrait qui est à Moscou à la galerie Tretiakoff. Il est tout à fait comme il faut, comme on l'imagine, assis, avec un gros ventre. Son fils, d'après les documents de famille que j'ai, est officier.

Ensuite il y a un autre fils qui est aussi officier, puis on arrive à mon grand-père. Disons donc que le fils du sénateur a épousé une jeune fille de son milieu et a été officier jusqu'à l'âge de 35 ou 40 ans, après quoi il rentre dans ses terres et ne fait plus rien. N'oubliez pas que cette mentalité-là dure jusqu'à la première guerre mondiale. Il ne fallait surtout pas faire quelque chose qui puisse rapporter de l'argent. À part être gouverneur ou militaire, il était délicat de faire autre chose. Déjà mon arrière-grand-père, dont j'ai le portrait, aimait venir en France. Il lisait beaucoup de livres, en latin, en grec. Cet homme lettré meurt assez tôt. Sa femme vit par goût très souvent en France avec ses deux fils, dont l'un est mon grand-père, qui ont alors une dizaine d'années. Ensuite, elle retourne en Russie, et mon grand-père et son frère font des études en Russie, dans les collèges et au lycée Alexandre. Mais ils ont déjà eu un contact avec la France.

Par conséquent, mon grand-père, à l'âge de 20 ans, revient tout naturellement à Paris pour faire des études universitaires avec son frère aîné qui a étudié la médecine à Berlin. C'est très curieux, pourquoi faire des études de médecine, pour quelqu'un qui n'est pas riche, mais qui n'a aucun souci d'argent? Vraisemblablement, parce qu'il y a une dimension sociale dans la médecine.

Les événements de 1870 mettent fin au séjour en France, mon grand-père Wyruboff revient en Russie où finalement il établit une famille et son frère, mon oncle Grégoire, qui a fait sa médecine à Berlin, a des attaches françaises parce que son professeur de français au lycée Alexandre à Moscou était un disciple d'Auguste Comte. En faisant ses cours de français, ce professeur enflammait ses élèves russes et en fit des disciples d'Auguste Comte. Donc Grégoire Wyruboff qui fait sa médecine, est passionné d'Auguste Comte, dont la veuve vit toujours à Paris. Alors, muni d'un mot que lui a donné son professeur, il se présente à la veuve d'Auguste Comte et de ce jour date toute une correspondance privée entre elle et mon grand-oncle qu'elle appelle «mon ange». C'est vous dire que chez Auguste Comte on aime bien son prochain.

Durant la guerre de 1870, l'oncle Grégoire décide de défendre la France, notamment du fait d'Auguste Comte et de sa veuve. La Russie n'est pas partie prenante au conflit et il ne peut pas s'engager. Alors, il demande à l'ambassadeur de Russie en France, qui ne sait que répondre. En France la Garde nationale ne sait pas comment prendre des étrangers et dans quelles conditions. Le temps que cela se règle, Napoléon III est pris à Sedan et le siège de Paris commence. À ce moment-là tout s'arrange, l'ambassade lui fait savoir que l'État russe n'a pas d'objection, la Garde nationale l'accepte et comme en plus il est médecin, il est engagé sur tous les fronts. Il a laissé d'extraordinaires détails sur la façon dont il soignait les communards, ce qui lui a attiré pas mal d'ennuis par la suite.

Il y a des choses absolument extraordinaires dans ces souvenirs. Ainsi il raconte dans son journal, dont j'ai une partie, que, passant place de la Concorde, il voit la foule qui veut grimper par-dessus le portail pour déloger l'impératrice cachée aux Tuileries. L'oncle raconte: «Je m'approche de la grille et je vois derrière, un officier et les soldats qui sont là, prêts à tirer sur cette foule envahissante»; or, l'officier qui commande est de la même loge maçonnique que l'oncle Grégoire. Il lui fait un signe, arrive à passer, je ne sais pas comment, der-rière la grille, par une porte qui n'est pas verrouillée, et convainc l'officier de retirer ses troupes. Celui-ci retire les troupes, on ouvre les grilles et la foule se précipite dans le palais à la recherche de l'impératrice, qui se cache alors place Vendôme chez un dentiste américain. Alors l'oncle Grégoire suit la foule par curiosité et il écrit: «J'ai vu entrer cette foule dans le palais rempli d'objets et je n'ai pas vu un seul objet cassé». Personne ne saccageait. C'est de la petite histoire, mais c'est quand même intéressant de savoir ce qui se passait alors puisqu'en Russie, naturellement, au moment de la révolution tout a été cassé dans les palais impériaux et notamment dans le palais d'hiver.

PM: *Que devient l'oncle Grégoire?*

NW: Il épouse une Française, mademoiselle Anne Pozzo di Borgo, sœur du premier duc. Elle meurt assez jeune (ils sont enterrés au cimetière de Passy).

Veuf, l'oncle Grégoire épouse mademoiselle Richet, la sœur du prix Nobel de médecine. Tous ces détails se trouvent dans le Grand Larousse. Le docteur Richet était prix Nobel de médecine.

J'ai oublié de dire que le mérite de Grégoire fut d'être un ami de Littré. Ils sont francs-maçons tous les deux. Grégoire Wyruboff, aujourd'hui, est un personnage mythique pour un franc-maçon du Grand-Orient. J'exagère un petit peu, mais je pense que si j'entre au Grand-Orient, rue Cadet, ils se lèveront tous, tellement le nom est révééré. J'ai trouvé dans mes papiers le manuscrit du discours que l'oncle Grégoire y prononça en 1876: «Il est inadmissible qu'il y ait l'obligation de croire en Dieu dans nos statuts. Je demande qu'on retire cette condition et qu'on laisse la liberté à chacun de croire ou de ne pas croire». Il y a eu un vote, ceux qui ont gardé l'obligation ont fondé la Grande Loge et ceux qui l'ont enlevé ont créé le Grand-Orient. Donc, Grégoire est une référence puisqu'il se situe à la cassure des deux obédiences.

Ainsi, quand j'ai accompagné Gaston Palewski, ministre de la recherche scientifique, en 1964 en Russie, il y avait de grands savants comme Perrin, Coulon, Denis, tous francs-maçons. Quand ils ont vu qu'il y avait sur la liste le nom de Wyruboff, j'ai senti à ce moment-là, le sens de ce que je vous dis parce qu'ils agissaient envers moi d'une façon attentionnée.

À tel point que le Grand-Orient décide de profiter de ce qui se passe en Russie aujourd'hui, pour s'élancer à la conquête de la Russie parce qu'ils aiment toujours profiter de l'instable. C'est complètement idiot parce que si la franc-maçonnerie avait eu la notion du temps, elle se souviendrait que la franc-maçonnerie était faite pour de grands esprits. Dans la Russie d'aujourd'hui, cela n'a aucun sens. Ils m'ont téléphoné en me posant la question: «M. Wyruboff, est-ce que vous permettez que notre action en Russie soit faite sous la bannière Wyruboff et que tous les papiers à en-tête portent pour la Russie la photo de Grégoire Wyruboff?». La masse des adhérents francs-maçons en Russie avec l'oncle Grégoire en effigie!

Pour finir, l'oncle Grégoire est un savant. Aujourd'hui, si vous allez à la Sorbonne, au département de minéralogie, vous verrez une vitrine «rubis Grégoire Wyruboff». Il a fabriqué le premier rubis synthétique. On n'en a jamais fait d'aussi beau parce que cela coûte plus cher d'en faire un que d'en acheter un fait par le Bon Dieu. Minéralogiste, Grégoire, à force de faire toutes sortes d'expériences, s'est brûlé les poumons et en est mort.

Mon grand-père, quant à lui, revient en Russie et épouse une princesse Lvov. Elles sont six sœurs et ont quatre frères. C'est vous dire que je suis apparenté à toute la Sainte Russie. Mon grand-père est placé auprès du grand-duc Michel, vice-roi du Caucase. Mon père, qui est l'aîné des cinq enfants, est né au Caucase, sa mère l'ayant probablement mis au monde en se promenant dans les montagnes de Géorgie. Cela l'avait tellement agacé de n'être pas né dans une capitale qu'il est allé

à la préfecture et comme mon père obtenait toujours tout ce qu'il voulait, il s'est fait inscrire comme «né à Moscou», alors qu'il n'est pas né à Moscou du tout. Il était né dans un petit patelin de Géorgie que personne ne connaissait. Ça l'agaçait.

PM: *Voilà l'histoire de votre famille du côté de votre père.*

NW: Oui, et mon grand-père est franc-maçon naturellement puisque, depuis le coup d'État, la Grande Catherine incite ses proches à devenir francs-maçons. Ensuite, elle s'apercevra tout à coup qu'ils ont trop mordu à l'hameçon des Encyclopédistes, Montalembert et Diderot notamment, et que cela les mène un peu trop loin. C'est pourquoi je suis le premier de ma famille à ne pas être franc-maçon.

PM: *Pouvons-nous revenir un peu sur la révolution en Russie et les conditions dans lesquelles vous l'avez vécue?*

NW: Juste un point. Au fond quelle est la raison pour laquelle la monarchie s'écroule aussi définitivement et aussi rapidement sans être capable de réagir d'aucune façon? L'empereur abdique à Petrograd et vient s'installer sous surveillance à Tsarskoïe Selo, en mars 1917. Il est fusillé en juillet 1918. En réalité il voulait aller en Crimée. Mais les cheminots étaient déjà en grève et on ne pouvait pas faire passer un train de Petrograd en Crimée sans qu'on le sache. Peut-être aurait-on pu le faire, mais enfin le gouvernement n'était pas en mesure de garantir le passage du train sur l'ensemble du parcours. Le seul parcours que le gouvernement, après enquête et renseignements, a trouvé ouvert, c'est la ligne Petrograd-Tobolsk. En réalité, son autorité s'exerce jusqu'à Tobolsk. Donc, il envoie la famille impériale à Tobolsk.

Mais ce qui étonnant, c'est que cette structure monarchique fondée sur la société, la noblesse et l'armée traditionnelle, et notamment sur ces régiments de qualité, ne réagit pas. Il est extraordinaire qu'aucun escadron de cette grande armée monarchique traditionnelle, avec tout ce que cela comporte de ce que vous avez pu lire, n'ait pas cherché à marcher sur Tsarskoïe Selo, à s'emparer du tsar et de sa famille et à les conduire dans les forêts de la Finlande. Il n'y a pas eu une seule tentative d'un seul escadron de cette immense grande armée traditionnelle, ce qui est quand même étonnant! Personne ne s'est levé pour prêter main-forte au tsar.

PM: *Comment l'expliquez-vous?*

NW: C'est là où je voulais en venir. Quand on a vu tomber récemment un régime communiste, on sait que la cause en est l'insatisfaction de la population en ce qui concerne le mode de gouvernement du régime. En Russie ce n'était pas le cas. Certes, si on regarde de près la situation économique ou industrielle, elles ne sont pas satisfaisantes, mais enfin c'est un pays qui fonctionne. La raison majeure de la chute du tsarisme c'est que les fondations du gouvernement, de la société, de la noblesse, de la haute administration se vident d'année en année, se vident, comment vous dire, de leur force réelle. Ces structures existent formellement,

les personnages sont là, ils occupent leurs postes: ils sont gouverneurs, ils sont ministres, grands personnages de l'État, ils vont, ils viennent, mais en réalité ils n'exercent plus leurs fonctions, leur autorité n'est plus reconnue. Je pense que dans l'armée cela devait se passer de la même façon. Tout à coup cette société, qui existe fictivement mais pas réellement, voit disparaître son symbole. Elle est en place, mais elle ne représente plus rien. Je crois que ce n'est pas du tout un renversement de régime, ni en réalité une révolution. Il y a désaffection. Quoique Soljenitsyne dise qu'Octobre 1917 n'est pas une révolution, que la révolution c'est février 1917: parce qu'en février le régime du gouvernement provisoire remplace une monarchie, tandis qu'en octobre le gouvernement socialiste-révolutionnaire de Kerenski est déjà tellement proche du communisme que ce n'est pas un renversement de régime. Je voulais juste souligner ce phénomène particulier à la Russie.

PM: *Vous avez parlé de l'entourage de l'empereur, de l'entourage de l'impératrice, et notamment d'Anna Wyroubova. Comment avez-vous entendu parler de cet entourage par vos compatriotes? Est-ce qu'on peut considérer, comme pour la Révolution française, que l'attitude de la cour et de l'entourage de l'empereur a été pour beaucoup dans la chute très rapide de l'empire?*

NW: Est-ce que vous avez vu le film sur le dernier empereur mandchou? C'est la même chose en Russie. C'est-à-dire que l'empereur est tellement isolé par un entourage qui est lui-même isolé, et qui veut sauver sa position, qu'il disparaît brutalement. Je crois que c'est par totale ignorance de l'état du pays que les choses ne changeaient pas. Tout le monde vivait d'une certaine façon avec des habitudes, des traditions, une étiquette. Tout le monde était nommé auprès de l'empereur. Il y avait des suspicions de l'impératrice, qui devait sentir qu'elle était mal perçue par les Russes, comme personnalité et non pas parce qu'elle était allemande, puisqu'en Russie on est habitué aux Allemands. C'est pour ça, je suis sûr, qu'elle insistait pour que les gens nommés auprès de l'empereur soient des gens fidèles, qui pensent comme eux. Après tout, rien dans leur vie matérielle ne laisse croire que les choses vont mal, parce que les messages que reçoit l'empereur sont rares. Je sais par exemple, par les mémoires du prince Lvov, qu'il veut absolument faire passer un message à l'empereur, mais que l'étiquette complique tellement les choses qu'il n'y parvient pas. Par conséquent, il abandonne, puisque les gens qui sont chargés de veiller à ce que l'empereur ne soit pas assailli par des messages font barrage.

Tout contribue au fait qu'il vive complètement isolé. Comme il est faible – non pas malhonnête, mais faible, – il a besoin comme beaucoup de gens faibles de donner des marques de volonté; il agit mais de travers. Quand le président de la Douma, Rodzianko, demande à l'empereur de revenir à Petrograd où les désordres s'intensifient, il ne vient pas et charge un vieux général, Ivanoff, d'aller y mettre de l'ordre. Raspoutine, quand on regarde cela avec détachement, n'était

pas un mauvais homme et s'il n'avait pas été assassiné, peut-être aurait-il influencé l'empereur en faveur de la fin de la guerre.

Si nous revenons au moment crucial de la fin 1916, l'empereur nomme un premier ministre, le prince Galitsine, haut dignitaire de la cour, qui n'a aucune confiance dans la Douma. Ce prince nomme des ministres qui n'ont confiance en personne et la Douma en séance plénière refuse de discuter avec le gouvernement. Les attaques fusent de toutes parts. Les rapports entre la Douma et le gouvernement sont donc rompus fin 1916. La Douma ne siège que par sessions, elle doit être rappelée en février; on conseille à l'empereur de différer la session plutôt que de dissoudre l'assemblée. L'empereur donne l'ordre de différer, mais cet ordre ne parvient pas et la Douma se réunit quand même.

PM: *Vous parliez de Raspoutine et de son rôle.*

NW: Raspoutine était contre la guerre. L'empereur était très sensible aux critiques, d'autant que les Romanov étaient déjà très liés aux Allemands. Je pense qu'il voulait ne pas être attaqué, ni critiqué. Il était peut-être pro-allemand parce que sa grand-mère était allemande et sa femme était allemande, mais il ne voulait pas le laisser paraître. C'est en 1916 que l'empereur donne l'ordre de rapatrier de l'étranger tous les biens privés de la famille impériale et qu'un certain nombre de Russes, pour montrer qu'ils étaient aussi patriotes que l'empereur, rapatrièrent en Russie des biens qu'ils avaient en Suisse, en France ou en Angleterre. Quand six mois plus tard, ils deviennent des réfugiés, ils n'ont plus rien.

Donc l'empereur veut absolument continuer cette guerre. Il est sûr que si la Russie avait arrêté la guerre en 1917, cela aurait enlevé un énorme avantage aux Bolcheviques pour faire la révolution, parce que la Russie avait alors perdu énormément d'hommes. Tout le monde savait que les soldats n'avaient même pas assez de fusils et qu'ils étaient envoyés en première ligne n'importe comment. L'armée était démoralisée, pas tellement par les défaites, que l'armée russe commence à subir en 1916, mais la Russie en a simplement assez de la guerre. Naturellement, les Bolcheviques qui réclament la fin de la guerre depuis déjà des années, parce qu'ils sont contre la guerre en général, et qu'ils espèrent avoir des contacts avec des communistes en Allemagne, savent que leur appel est de plus en plus entendu dans la population. Mettre fin à la guerre, c'est quelque chose de concret.

Quand, plus tard, au cours de mes rencontres et de mes entretiens avec Kerenski, je lui ai posé la question en me promenant dans les champs de Saint-Martin-en-Bière, entre ciel et terre, sans machine pour enregistrer: «Dites-moi, quelles sont au fond vos erreurs?» Il me répondit: «Mes deux erreurs, c'est d'abord d'avoir nommé le général Kornilov, chef d'état-major général et de l'avoir subi comme putschiste, trois mois après, et deuxièmement de n'avoir pas répondu favorablement aux émissaires des Allemands. Dès l'instant où j'ai pris le pouvoir

en juillet 1917, j'ai été contacté par des Allemands venus par la Finlande pour me proposer de mettre fin au conflit et j'ai refusé de le faire». Je pense qu'il devait avoir raison. On sait que Monsieur Moutait, ministre socialiste du gouvernement de Clemenceau, ami de Kerenski et aussi franc-maçon du Grand-Orient, vint constamment en Russie et c'est de là que viennent tous ces racontars dans les ouvrages soviétiques disant que ce sont les francs-maçons qui ont obligé Kerenski à poursuivre la guerre parce que les francs-maçons représentaient le capital. Vous voyez le raisonnement qui peut suivre. Mais naturellement M. Moutait devait s'inquiéter parce que les Français préféraient la Russie en guerre.

PM: *L'assassinat de Raspoutine est-il un assassinat politique ou seulement un assassinat privé, un règlement de compte à l'intérieur de la cour?*

NW: C'est un règlement de compte à l'intérieur de la cour, disons même à l'intérieur de la société russe. Les gens étaient absolument outrés de son comportement. J'ai connu dans ma vie des gens qui ont vu Raspoutine et qui disent que c'était un être répugnant. Nombreux étaient ceux qui étaient horrifiés de voir un être barbu, répugnant, mangeant salement, buvant beaucoup, conseiller l'impératrice, elle-même conseillère de l'empereur. Youssoupov qui était un homme très esthète, très beau, efféminé même, devait souffrir plus que quiconque de côtoyer cet homme. Au fond, Raspoutine salissait la cour. Je crois que c'est cela qui était ressenti.

PM: *L'ascendant que Raspoutine avait réussi à gagner sur l'impératrice s'explique-t-il essentiellement par l'action bénéfique qu'il avait sur l'hémophilie du tsarévitch ou en réalité a-t-il occupé une place vide dans une famille déjà troublée et qui ne savait plus à qui se confier?*

NW: C'est un peu compliqué. On peut dire qu'au départ, c'est l'enfant malade qui conduit l'impératrice à chercher par tous les moyens quelqu'un pour le guérir. Vivant dans un monde totalement artificiel, sans contact avec les gens normaux et une atmosphère réelle, elle est très sensible à la possibilité que quelqu'un puisse le sauver. Je crois qu'on peut dire que c'est cela qui déclenche tout.

Mais, il y a autre chose. L'impératrice est mystique. Son entourage, Anna Wyrubova notamment, est mystique. Indéniablement en Russie des hommes, souvent simples, marchaient de village en village en portant au cou un genre de boîte tirelire dans laquelle les gens mettaient de l'argent destiné à l'Église. Quand ils s'arrêtaient, les gens sortaient, leur donnaient un morceau de pain à manger. Ils ne logeaient nulle part. C'étaient souvent des gens qui avaient de longs cheveux, de grandes barbes et qui n'étaient pas très jeunes. Ces hommes, au fond, étaient considérés comme des envoyés de Dieu.

Il ne faut pas oublier que toute la société russe, quand je parle de la société je parle de la noblesse russe, avait toujours chez elle une paysanne. J'ai eu, comme mes cousins, une paysanne. Les paysannes venaient dans les familles vers 17-18

ans et restaient à vie. Cette femme, que les Russes appellent «niana», que tout le monde tutoie, est l'amie des enfants parce que naturellement c'est une époque où les enfants ont très peu de contact avec les parents. Cette niana représente le peuple. Il faut que, dans chaque famille, même dans les grandes familles russes qui vivent avec de nombreux domestiques, des traditions, une étiquette, il faut qu'il y ait la présence du peuple. Cette femme connaît les contes de fée, raconte les coutumes paysannes, dit comment on cultive les légumes, comment on ramasse les pommes ou les champignons. Enfin, elle connaît tout ce que connaissent les paysans. Dans la littérature russe, la niana est un personnage clé.

Pour la cour et la famille impériale, la présence de Raspoutine symbolise la présence du peuple dans ce palais. C'est assez curieux. Je vous donne un détail, mais souvent les détails sont significatifs. J'ai consulté la correspondance adressée par le tsarévitch et sa sœur, la grande-duchesse Maria, de Tobolsk, à leurs parents et sœurs qui sont à Ekaterinbourg parce que, lorsque les autorités décident de déplacer la famille de Tobolsk à Ekaterinbourg, le tsarévitch est malade et qu'il ne peut pas être déplacé. Cette correspondance sur une période de trois mois se trouvait chez une personne qui, à la mort de ses parents, a trouvé cette boîte et m'a appelé. En Russie, il y a deux façons pour les enfants de s'adresser au père et à la mère. Les gens, disons de mon espèce, disent au père et à la mère: mama et papa, sans décliner le mot, comme on le dirait en France. Tandis que les paysans disent, c'est peut-être une subtilité, mama et papa en le déclinant. Les mots étrangers ne se déclinent pas en russe, tandis que les mots russes se déclinent. Or j'ai constaté que les enfants de l'empereur appelaient leurs parents comme les paysans et non pas comme dans la haute société. C'est un petit détail mais qui montre qu'il y a toujours ce besoin dans la littérature russe, dans la vie russe de se tourner vers le peuple. Je crois que c'est cela que Raspoutine représente.

PM: *Peut-on dire que la cour russe n'a plus rien à voir avec les cours d'Europe? On voit la façon dont la cour anglaise, la cour espagnole, la cour française, les cours prussienne ou autrichienne ont évolué. Or, il semble que la cour russe soit restée très figée. Est-il possible de mesurer, ne serait-ce que par les liens entre les familles, le décalage qu'il y a, au moment de la première guerre mondiale, entre la cour russe et les autres cours européennes?*

NW: Oui, mais parce que cela n'a aucun rapport. La cour anglaise s'inscrit dans un système de monarchie parlementaire. Par conséquent le parlement fonctionne et le roi s'entoure de gens qui ont des fonctions mais pas de pouvoir.

PM: *Si on prend les Habsbourg en exemple?*

NW: Alors, si vous prenez François-Joseph, il incarne une monarchie où le parlement a déjà une importance considérable. Les représentants des familles autrichiennes qui exercent dans l'industrie, les affaires ou la banque, souvent juifs, deviennent souvent barons. L'empereur crée des barons en quantité comme

en Angleterre. Ceux qui ont réussi dans les affaires deviennent la nouvelle aristocratie.

PM: *Donc la Russie est le seul exemple de monarchie absolue telle qu'il n'en existe plus au moment de la première guerre mondiale.*

NW: Si vous regardez le système monarchique russe, il se résume à l'empereur et au Conseil d'État. Le Conseil d'État comportait, je peux me tromper, soixante-quinze ou soixante-dix-huit membres. Sur soixante-quinze, trente-cinq sont nommés par l'empereur parmi les officiers et dignitaires auxquels il voulait faire plaisir. L'Église fournissait probablement quinze ou vingt membres parmi les évêques ou les archevêques nommés pour siéger au Conseil de l'Empire. L'armée fournissait des généraux en retraite. En 1916, au Conseil de l'Empire figurent douze personnes du monde des affaires et de l'industrie sur soixante-quinze. Douze! Il y a une disproportion évidente. Les directeurs de sociétés ou de banques qui viennent dans cette cour sont entourés de gens qui n'ont jamais entendu parler de quoi que ce soit, qui ne savent rien de la vie économique. L'empereur siège et le pays est dirigé par le Conseil de l'Empire parce que la Douma est consultative.

PM: *Avant de passer à d'autres sujets plus personnels pouvez-vous citer quelques exemples significatifs de ce qu'étaient l'empereur et la cour? Vous disiez que votre père avait été secrétaire d'État à l'Intérieur dans le gouvernement Lvov. Votre père ou vos grands-parents vous ont-ils rapporté des souvenirs qui les avaient frappés sur l'empereur ou les empereurs et qui peuvent permettre de comprendre l'évolution des choses?*

NW: Les cours européennes se ressemblaient à peu de choses près, les monarques cousinaient et leurs entourages étaient de la même espèce, des gens policés, cultivés mais peu versés dans les affaires de l'État et la vie économique du pays. La particularité du monarque russe était sa condition d'autocrate et sa conscience d'être le père de son peuple. Il se méfie de la société qui le critique et se soucie du peuple qui se tait. Je pense que mon père a vu l'empereur pour la simple raison que son frère avait épousé Anna Wyroubova. Le mariage s'est fait à Tsarskoïe Selo en présence de l'empereur et de l'impératrice. Il est possible qu'il y ait eu d'autres moments où il l'ait rencontré.

Mon père, dans les rares notes qu'il a laissées, raconte que Kerenski le convoque un soir au palais d'hiver. Mon père écrit que personne n'avait été prévenu à l'entrée du palais de sa visite. Il se présente à la porte où les gardes lui demandent une convocation. Mon père n'avait rien du tout, dans la mesure vraisemblablement où la conversation s'était déroulée par téléphone. Mon père raconte qu'il a vu le vieux concierge du palais qui le connaissait et qui a expliqué aux soldats de le laisser passer parce qu'il savait qui il était. C'est comme cela qu'il est entré pour un rendez-vous au palais d'hiver. Si le concierge l'avait reconnu,

c'est que mon père était un habitué. Dans ma famille personne n'a jamais eu de position à la cour, n'en a jamais été proche.

Autre anecdote. Mon grand-père Wyrouboff travaille auprès du grand-duc Michel, qui marie son fils Alexandre à la sœur de l'empereur et mon père est garçon d'honneur à ce mariage. J'ai pensé que tous ces petits détails et le fait que mon grand-père ait travaillé auprès d'un membre de la famille impériale, ont conduit l'empereur et l'impératrice, lorsqu'ils décident qu'il faut marier Anna (Wyroubova), à penser aux Wyrouboff, famille sérieuse qui n'a jamais été mêlée à aucune affaire et qui n'est pas dans la politique. On vient alors chercher mon oncle pour l'épouser.

En tout état de cause, parmi les gens qui ont approché l'empereur, tous disent qu'il était d'une extraordinaire courtoisie, gentillesse, politesse, qu'il était très tolérant et très agréable dans ses rapports avec tout le monde. Toute l'histoire le dit et Kerenski raconte que, lorsqu'il entre au palais d'hiver pour rencontrer l'empereur, il était décidé à lui dire: «monsieur», mais qu'en sa présence le «monsieur» n'est pas sorti. Il a quand même dit: «Majesté», bien que l'empereur ait déjà abdiqué. L'empereur, raconte Kerenski, est très aimable avec lui, alors pourtant qu'il sait que Kerenski est son pire ennemi. D'ailleurs les gens qui sont allés recevoir l'abdication trouvent l'empereur parfaitement calme: dans la nuit il reçoit la délégation, il parle tout à fait comme il se doit pour un monarque qui se contrôle, parle de la pluie et du beau temps et ne manifeste aucune agressivité.

PM: *Une fois que l'empereur a abdiqué, la Russie ne sait rien de l'endroit où il est retenu et ne sait rien de la fin que lui réservent les communistes.*

NW: Ce n'est pas tout à fait comme cela, puisque l'empereur se trouve à Mogilov, sur le Front de l'Ouest. C'est là que se trouve le quartier général de l'armée. Il est commandant en chef de par sa volonté, il s'est donc installé au quartier général. Les troubles commencent à Petrograd et il aurait fallu qu'il y soit présent pour prendre des décisions. Or, il ne pouvait pas les prendre puisqu'il était au loin; on lui en fera reproches; donc cela prenait beaucoup de temps. Quand il recevait les télégrammes de Rodzianko, président de la Douma ou d'autres personnages, il pensait qu'ils exagéraient un petit peu pour l'inquiéter. Il ne se rendait pas compte du tout de la situation. Par conséquent, toute la Russie sait que l'empereur est aux commandes, à son poste de commandant en chef. Au moment d'abdiquer, l'empereur souhaite rentrer à Petrograd mais les cheminots s'y opposent. Dès lors, il abdique au quartier général de Mogilov et non pas à Petrograd, et des représentants de la Douma viennent recevoir cette abdication. Ensuite, il part dans un train spécial du quartier général de Mogilov et arrive à Tsarskoïe Selo où il s'installe avec toute sa famille. Tout le monde sait qu'il est au palais et c'est là qu'il attend son sort. De Tsarskoïe Selo finalement il va à Tobolsk. De Tobolsk à Ekaterinbourg. Donc, tout le monde sait où est l'empereur.

PM: *Et malgré cela, personne ne tente de le sauver. C'est là que se situe ce dont vous parliez hier soir, c'est-à-dire l'offre faite par le roi d'Angleterre de le faire venir chez lui, offre que Lloyd George annule.*

NW: Pour être plus exact, que Lloyd George oblige le roi à retirer. Le même ambassadeur revient chez l'empereur et lui dit: «L'offre n'est plus valable». Je pense que, pour un ambassadeur, cela ne devait pas être très facile.

PM: *Est-ce que l'empereur, pour ce qu'on en sait, a eu l'idée de fuir? Est-ce qu'il a pensé à un moment donné qu'il pouvait, comme Louis XVI a essayé de le faire en quittant Paris par Varennes, fuir?*

NW: Vers l'étranger? Non, pas du tout. Il aurait pu d'ailleurs aller en Suède. Quand Kerenski va voir à Tsarskoïe Selo l'empereur, dès son arrivée de Mogilov, de l'état-major, la question se pose: que faire? Et c'est à ce moment, je vous l'ai dit, que l'empereur déclare vouloir aller s'installer en Crimée, y vivre et y finir sa vie. Comme vous le savez la famille impériale avait, en Crimée, une très belle propriété. Mais Kerenski n'est pas en mesure d'assurer la sécurité du transport de Petrograd en Crimée. Il n'y avait aucune autre objection. En réalité, certains membres du gouvernement pensaient qu'il faudrait, le moment venu, créer un tribunal et traduire l'empereur devant ce tribunal. Pour des gens engagés comme Kerenski, socialiste-révolutionnaire, l'empereur était pire que Louis XVI en France, à cause notamment de Raspoutine, de la faiblesse de l'empereur et de l'influence de l'impératrice. Ce qui était inadmissible pour un chef d'État. Donc, ceux qui voulaient le juger préféraient qu'il ne s'éloignât pas trop. En tout cas, ce qui est certain, c'est que le gouvernement provisoire n'a pas cherché à l'étranger des possibilités d'accueillir la famille impériale. En réalité, mise à part l'Angleterre, rares étaient les pays susceptibles de les accueillir dans la mesure où l'empereur avait, aux yeux de beaucoup de gens, la réputation d'un tyran ou plutôt celle d'être l'incarnation d'un régime tyrannique.

PM: *Donc l'exil, qui est souvent envisagé pour les rois ou les monarques déchus, n'est pas envisagé dans ce cas-là?*

NW: Nous sommes en guerre, ne l'oubliez pas, et non pas en temps de paix.

PM: *Revenons si vous le voulez bien, à votre famille. On a parlé de l'histoire de votre famille depuis Catherine la Grande. Pouvez-vous géographiquement situer votre famille en Russie? On a parlé de Penza, et du côté de votre mère d'Orel. Comment vit une famille telle que la vôtre au moment où éclate la révolution?*

NW: Pour la famille Wyruboff, c'est Penza, et Penza est excessivement éloignée de Moscou, où les Wyruboff vivaient durant l'année; ils allaient dans leur propriété seulement durant l'été. Mon père, à la fin de ses études universitaires, a été aussitôt, comme je vous l'ai dit, délégué à Moscou par la ville de Penza pour les zemstvos. Il retourne à Penza à divers moments parce qu'à la mort de son père il doit s'occuper des terres.

PM: *La distance entre Penza et Moscou?*

NW: À peu près 600 kilomètres, au sud-est.

PM: *À quoi ressemble Penza?*

NW: À une province profonde.

PM: *Et la propriété elle-même? Quelle est en gros sa superficie? Quelles étaient les activités qui s'y déroulaient, y avait-il un régisseur?*

NW: Je vous enverrai une copie d'une photo de la maison à Penza, prise à l'occasion d'une fête. Autour de la maison, il y a certainement 200 personnes. Je pense que l'on a fait venir des gens qui travaillaient sur la propriété. La famille Wyruboff vivait, comme l'immense majorité des familles de ce milieu, des revenus de leurs terres. Il y avait des propriétés qui rapportaient plus ou moins, il y avait des propriétés plus ou moins grandes et des revenus plus ou moins importants. Mais cela ne créait pas de différences dans la vie de la société russe. Chez les Wyruboff, il devait y avoir plusieurs milliers d'hectares de terre, sans pouvoir dire précisément combien. En tout cas, il y avait assez de terres pour que les gens n'aient pas à gagner autrement l'argent qu'il leur fallait pour vivre. Je pense que mon père dans les zemstvos avait peut-être un salaire, mais il vivait, comme tout le monde, des revenus des terres. Du côté de ma mère à Orel, il y avait beaucoup plus de terres, car sa famille était plus fortunée que la famille Wyruboff. Orel a actuellement environ 500.000 habitants, mais je suppose qu'à l'époque cela devait être comme Fontainebleau, avec 20 à 30.000 habitants.

PM: *Par conséquent, les gens allaient de temps en temps à Petrograd ou à Moscou mais vivaient beaucoup à Orel.*

NW: Ma grand-mère avait une maison à Orel qui existe encore aujourd'hui, et aussi une maison en dehors d'Orel, propriété de Tourgueniev dont elle avait hérité, à 30 kilomètres de la ville. Sa vie se déroulait entre ces propriétés, avec de temps en temps des voyages à Saint-Petersbourg.

PM: *Quelle est la distance entre Orel et Saint-Petersbourg?*

NW: Orel est à 350 km au sud de Moscou et Moscou à 500 km de Saint-Petersbourg.

Dès lors, mon père et ma mère avaient peu de chance de se rencontrer, non pas parce qu'ils étaient dans des villes différentes, mais parce que les deux familles avaient des affinités différentes.

Ma famille maternelle vivait dans l'aisance. Mon grand-père était vice-gouverneur. Ma grand-mère était la nièce de Tourgueniev et la propre nièce d'un poète qui s'appelle Fet, que l'on connaît peu. Elle vivait donc dans ce monde d'écrivains et je crois qu'elle a eu une vie intellectuelle assez développée. Elle recevait et était proche de Léon Tolstoï (qui la cite dans son journal). Elle a été reçue au moins une dizaine de fois par Léon Tolstoï qui parle toujours très

gentiment d'elle quand elle vient le voir en voisine. Ce ne sont pas des rapports d'écrivain à écrivain mais de voisin à voisine.

Du côté de mon père, il y a énormément de cousins germains puisque sa mère avait six sœurs. Par conséquent, quand mon père entre aux Chevaliers-Gardes, le colonel qui commande, le prince Dolgorouky, est son cousin germain. C'est très curieux parce que la fille de ce cousin germain, donc ma cousine issue de germains, qui est morte à Paris et que j'ai bien connue, m'a dit que son père lui disait toujours: «J'étais vraiment très ennuyé de prendre aux Chevaliers-Gardes un franc-maçon», mais il ne pouvait dire non à un cousin germain.

PM: *Vous disiez que vos parents s'étaient connus alors que les familles n'étaient pas originaires des mêmes régions. Comment se sont-ils rencontrés?*

NW: Parce que ma mère a épousé mon père en secondes noces. Elle a d'abord épousé un monsieur qui s'appelait Troubnikoff, dont le père était gouverneur d'Orel. La fille du vice-gouverneur a épousé le fils du gouverneur. C'est aussi simple que cela. Tous les deux étaient jeunes, je crois qu'elle n'avait même pas dix-huit ans et lui, officier du tsar, avait une vingtaine d'années. Ils ont reçu de leurs parents une propriété à Penza. Alors, ils vont s'installer à Penza et ils voient les gens de la région. C'est comme cela que ma mère rencontre mon père. Avant même que ma mère décide de divorcer de son mari et d'épouser mon père, son propre frère Galakhoff avait épousé une des sœurs de mon père. Les familles se connaissaient par voisinage. Toutes les familles en Russie vivaient à peu près de la même façon. Il y avait une chose qui n'existait pas en Russie, c'était la conscience de l'argent, parce que personne ne parlait jamais d'argent. Il y avait des gens très riches qui donnaient de très belles soirées, mais très souvent les gens n'en avaient pas.

PM: *C'est très intéressant ce que vous dites, parce que si je rapproche cela de ce que nous disions hier sur la structure très égalitaire, on a l'impression, ce qui est très séduisant, que la noblesse russe était égalitaire.*

NW: Très égalitaire. Ce n'est pas russe, c'est slave, n'oubliez pas que dans les pays slaves, Pologne, Serbie, Bulgarie et Russie, il n'y a pas de titres et les titres ne commencent en Russie que pour copier l'Occident.

PM: *Et donc les titres de prince pour les Youssoupov, les Lvov et autres apparaissent tardivement?*

NW: C'est un peu compliqué. Mais enfin, je vais vous le dire puisque vous me posez la question. L'histoire de la Russie est faite de deux dynasties. Il y a les Romanov, dynastie élue, je souligne élue puisque c'était en 1613. Et la première dynastie que l'on appelle Rourik. Rourik était un Norvégien qui, en allant de la mer Baltique vers la mer Noire pour commercer avec Byzance, faisait la navette par la Volga et d'autres fleuves. Il s'est arrêté dans la ville de Novgorod où les gens l'ont appelé à devenir leur gendarme, et de gendarme de Novgorod il devient à Kiev le premier chef de la première Russie et crée une dynastie. Les gens qui

descendent de ce Rourik sont au fond des descendants de roi et reçoivent en cette qualité des apanages. On envoie untel, comme dans la préfectorale, occuper tel endroit, et il y a des gens, comme toujours plus ou moins capables, qui font de leur région des lieux importants, deviennent puissants et commencent à guerroyer avec leurs voisins pour agrandir leur sphère d'influence. Ces gens qui font partie de cette famille, on les appelle Kniass. Kniass est une fonction, c'est comme si je disais gouverneur, parce qu'en russe, on peut dire Kniasit, c'est-à-dire gouverner. Ces gens donc gouvernent dans leur région et toute l'histoire de la Russie est faite de l'histoire de ces gouverneurs.

Ensuite Kiev est envahi par les Tatares⁵. Pendant trois siècles et demi, les Tatares occupent la Russie. Pour échapper à l'emprise des Tatares, Moscou se crée. Et le prince, je dis prince mais je devrais dire Kniass de Moscou, le gouverneur de Moscou, prend de l'importance par rapport aux autres. À la fin de l'occupation tatare, Moscou est prédominant par rapport aux autres et le prince de Moscou prend le titre de tsar. C'est Ivan le Terrible. Au XVIe siècle les autres princes continuent d'exister. Il y a le prince de Viazma, le prince de Smolensk, etc. Toutes les villes importantes avaient leur prince. Par conséquent, dans la Russie du XVIe siècle, il y a une trentaine de princes environ. Je suis obligé d'utiliser le mot prince, même si le mot «Kniass» n'a pas le sens que les Français donnent au mot prince. En réalité, c'était un gouverneur.

PM: *Au lieu de dire le prince Lvov, il faudrait dire le gouverneur Lvov?*

NW: Oui. Les Lvov, en réalité, sont des princes de la ville de Iaroslav et le prince de la ville de Iaroslav a deux fils. Pratiquement tous les noms russes sont des sobriquets ou des noms issus de prénoms; ainsi Lvov vient de Léon. 90 % des noms russes sont des sobriquets, comme «gros nez», «grand front», «un œil qui manque», «le doigt qui manque», l'expression d'une difformité physique.

PM: *D'où vient le nom de Wyruboff?*

NW: L'origine est différente car les Wyruboff ne sont pas d'origine russe, mais tatare. Le nom Wyruboff veut dire décimer. Selon la légende, le premier Wyruboff apparaît dans l'histoire à l'époque d'Ivan le Terrible. On le sait parce qu'il est boyard⁶. En Russie, ce qui compte du point de vue de la noblesse, c'est d'avoir des ancêtres boyards. Les boyards se terminent avec Pierre le Grand qui les supprime. Quand des gens très snobs se rencontrent entre eux, ils disent: «Combien en as-tu?» parce que les boyards sont élus et non pas héréditaires. Par conséquent il fallait avoir plus de boyards que les autres. Les Wyruboff en ont très peu pour la simple raison que nous sommes Tatares et que nous avons passé trois siècles à occuper la Russie, ce qui donne peu de chances

⁵ En 1240.

⁶ Au Xe-XIe siècles, au sommet de chaque principauté, les boyards qui exercent les fonctions militaires, judiciaires et fiscales, forment le conseil du prince.

de créer des boyards. La légende veut que le premier Wyruboff connu, chef tatare, ait décimé un régiment russe et que la Sainte Vierge, qui se déplaçait à l'époque plus facilement que maintenant, lui ait dit que ce n'était pas bien. Il s'est prosterné, s'est converti et est devenu boyard⁷.

PM: *On a beaucoup parlé du prince Lvov. Quelles ont été les relations que votre famille avait avec le prince Lvov?*

NW: C'est très simple. Le prince Lvov s'est marié à un moment donné à une comtesse Bobrinsky, descendante d'un fils illégitime de la Grande Catherine et d'Orlov. Ils divorcent avant que la révolution éclate en Russie et le prince Lvov vit en solitaire. Quand il arrive en France, il est seul, et mon père va le voir, parce que le prince Lvov commence très tôt à s'occuper du Zemgor, qu'il se rend en Amérique pour négocier. Il meurt très tôt. De ce point de vue là, il n'y a rien de particulier. Ma grand-mère était princesse Lvov. En réalité, c'est le travail dans les zemstvos qui a rapproché Lvov de mon père, plus que leur parenté.

PM: *C'est moins le prince Lvov lui-même, que vos alliances avec de nombreuses familles russes qui ont développé ces liens, en réalité.*

NW: Le prince Lvov est venu en France avec deux frères et une sœur. Sa sœur ne s'est jamais mariée tandis qu'un frère n'a pas eu de descendance et que le deuxième a eu trois filles. J'ai connu mes cousines jusqu'à il n'y a pas longtemps encore. La dernière est morte en mai à Cormeilles-en-Parisis, la maison de retraite dont je m'occupe. Du côté de ma grand-mère, grâce à ses sœurs, j'ai eu beaucoup de cousins.

PM: *Vous avez parlé très brièvement de Tourgueniev et des liens de famille avec votre grand-mère maternelle. Que savez-vous, j'entends bien du point de vue familial, de Tourgueniev et des liens qu'il avait avec votre famille? Était-ce une simple alliance ou y a-t-il eu des contacts nourris et particulièrement étroits entre votre grand-mère, votre famille et Tourgueniev?*

NW: Ma grand-mère est la propre nièce du poète Fet, dont le vrai nom est Chenchine. Ma grand-mère maternelle est née Chenchine et son propre oncle, le frère de son père, était un poète connu. Ce poète Fet avait une propriété proche de la propriété de Spaskoé où vivait Tourgueniev. Ils étaient même un petit peu apparentés. C'est comme cela qu'elle se trouve être son héritière, parce que la plus proche. Ma grand-mère a perdu ses parents pratiquement à sa naissance. Son père est mort de maladie avant sa naissance, et sa mère, je crois, est morte en couches. Par conséquent, enfant unique, elle a été totalement élevée par son oncle le poète Fet, qui l'emmenait partout avec lui. De ce fait, elle a été très liée avec son oncle, Tourgueniev, et a connu aussi Tolstoï.

Tourgueniev était un homme totalement occidental. Il est très prisé en France comme romancier, parce que son style, sa façon d'écrire, correspondent bien aux

⁷ Lire en annexe 2 l'influence des boyards sur le régime tsariste.

romans français de cette époque-là. Il a fait ses études à Oxford, il parle français et adore vivre en France. Cependant il a l'âme slave et il écrit pour demander à ses amis russes de lui parler des bouleaux qui poussent sur la propriété. Les Russes d'aujourd'hui, si je regarde la correspondance assez suivie que j'ai avec ceux qui s'occupent de ma maison natale, m'écrivent tous: «Ah, comme votre oncle Tourgueniev aimait la Russie, comme il était profondément Russe, lui qui pensait toujours aux Russes». C'est absolument faux, il aimait vivre en France, en Allemagne, à Baden-Baden. Et je dois dire que c'est quelque chose de très spécial chez le Russe, car l'attachement à son pays n'est ni intellectuel, ni réel, mais excessivement sentimental. On ne peut pas expliquer pourquoi. Mon père adorait la Russie, mais il aimait quelque chose de très abstrait.

Dès lors Tourgueniev vit beaucoup en France, tombe amoureux de Pauline Viardot et voyage souvent avec elle, alors qu'elle est mariée à M. Viardot. Il faut croire que personne jusqu'à ce jour n'a été capable de montrer qu'il y a eu une relation autre que purement sentimentale entre Tourgueniev et Pauline Viardot. Tourgueniev vient souvent à Bougival car c'est là où vit Pauline Viardot, fait construire dans le parc une maison qui existe encore aujourd'hui, qui s'appelle «la Datcha» et qui est un peu un musée Tourgueniev. En résumé, Tourgueniev est la quintessence du pro-occidentalisme de cette époque-là.

Ma grand-mère, très occidentalisée, épouse mon grand-père Galakhoff qui est très occidentalisé, aime les voyages, et n'a jamais travaillé de sa vie.

PM: *Alors que ce n'est pas du tout le contexte dans lequel vit la famille Wyruboff.*

NW: Non, parce que Wyruboff c'est Moscou, et que Moscou représente la Russie traditionnelle, tandis que Saint-Petersbourg est occidentale. Quant à Penza, c'est en Russie profonde. Mais dans cette Russie profonde, apparaissent des gens comme mon père qui sont très libéraux et très ouverts à l'Occident.

PM: *Ce qui montre que, contrairement à ce que l'on imagine à l'extérieur, l'aspect éclairé de la société russe n'est pas du tout un phénomène lié à certaines villes ou à certains lieux, mais en réalité se retrouve vraisemblablement dans toute la Russie. Ainsi trouve-t-on ici ou là quelqu'un qui a voyagé, qui est ouvert aux idées libérales telles qu'on les a définies, et qui s'intéresse un peu au fonctionnement d'autres pays que la Russie. Est-ce bien cela?*

NW: Votre question est un vaste programme. La Russie est surtout influencée par l'Allemagne puisque de nombreux Russes sont allés en Allemagne faire des études. Par ailleurs les Russes sont attirés par l'aspect rafraîchissant de la culture française dont les valeurs sont universelles. Quand on a fait des études en Angleterre, on est britannique. Ainsi mon frère et ma sœur ont fait, depuis leur départ de Russie, leurs études en Angleterre, alors que j'ai fait mes études en France; eux sont anglais et sont très attachés à ce qui est britannique. Pour moi,

la différence, c'est que la France est un pays qui propose un mode de pensée alors que l'Angleterre propose un mode de vie et l'Allemagne un système propre à son pays. C'est pour cela, à mon avis, que la fin de la décolonisation a été beaucoup plus pénible pour les Français que pour les Anglais. Si les anciennes colonies anglaises disaient qu'elles ne voulaient plus s'habiller comme s'habillent les Anglais, au fond les Anglais pensaient que c'était dommage, parce que cela leur rapportait de l'argent, mais que cela leur importait peu, tandis que les Français souffraient de voir leurs anciennes colonies ne plus vouloir penser comme la France leur avait appris à le faire.

PM: *Oui, je crois que ce que vous venez de dire est très important.*

NW: C'est un refus qui est pénible. Peut-être que même en Algérie il y avait un peu de cela.

PM: *Nous en reparlerons plus tard, mais vous avez vraisemblablement raison. Pour terminer avec Tourgueniev, quand vos grands-parents sont écartés d'Orel, c'est parce que la maison de Tourgueniev n'existe plus...*

NW: La maison de Tourgueniev avait brûlé avant la révolution et comme toutes les maisons d'Orel de ce style-là étaient meublées de la même façon, les autorités en 1918 ont choisi la maison de ma grand-mère pour la dédier à Tourgueniev.

PM: *Depuis la révolution, cette maison est la maison Tourgueniev?*

NW: Oui, puis elle est devenue la maison des écrivains d'Orel, et elle a été légèrement agrandie. Mais ce n'est pas une grande maison, simplement un rez-de-chaussée donnant sur un jardin.

PM: *Y êtes-vous revenu?*

NW: Oui, j'ai eu beaucoup de rapports avec ceux qui s'en occupent. Mais il faut savoir qu'une partie de la maison a brûlé et que seule subsiste une partie de l'ancienne maison.

PM: *Peut-on dire que c'est la seule maison qui demeure du temps où vous étiez enfant?*

NW: Oui, parce que la maison en dehors d'Orel, où nous avons vécu, a disparu. Je sais par mes neveux, qui y sont allés, qu'elle a été détruite par la guerre. D'ailleurs Orel a été rasée pendant la dernière guerre par des grands combats de chars. Par hasard, il se trouve que la maison de ma grand-mère n'a pas été touchée.

PM: *Que reste-t-il de Penza?*

NW: Tout est intact puisque les Allemands ne sont pas allés jusque-là.

PM: *Êtes-vous revenu à Penza?*

NW: Non, j'y suis régulièrement invité mais je n'y suis pas allé et d'ailleurs je n'y suis jamais allé. Comme les archives sont intactes, un groupe d'archivistes les exploitent et publient deux fois par an des brochures, qu'ils m'envoient; ils ont

trouvé par exemple des notes de classe de mon père, des souvenirs de différentes personnes qui ont vécu à Penza et qui racontent comment elles allaient en séjour chez les Wyrouboff. Ils ont même retrouvé des photos, de mon grand-père par exemple... Mais si à Orel l'intérieur de la maison n'a pas changé depuis mon enfance, à Penza seul le bâtiment subsiste. Ils m'ont dit qu'une des petites rues de Penza s'appelait rue Wyrouboff; pour plaisanter, je leur ai dit de mettre la plaque dans cette rue avant de m'inviter.

Les recherches des archivistes de Penza m'ont mis en rapport à Moscou avec des gens qui par nos arrière-grands-mères nous sont parents. À Paris, une dame est venue me voir pour me dire que son arrière-grand-mère et mon arrière-grand-mère étaient sœurs, et que nous étions cousins.

PM: *Vous avez évoqué votre départ de Russie qui a été permis par une de vos tantes. Quels sont, au moment où vous quittez la Russie, les membres de votre famille proche qui, eux, restent en Russie? Est-ce qu'il y a des membres de votre famille qui vont rester en Russie pendant la période qui suit, c'est-à-dire de 1924 à la guerre?*

NW: Certains Wyrouboff sont restés en Russie. Ainsi, les cousins de mon père et par exemple cette ballerine qui est toujours de ce monde et qui s'appelle Nina Vyroubova. Son père, cousin de mon père, est resté en Russie. Ses parents n'étaient pas mariés en Russie, mais il est possible que son père se soit marié en Russie et qu'il y ait des Wyrouboff là-bas.

Enfin, simplifions les choses. Au moment où nous quittons la Russie, il n'y a pas de proches parents Wyrouboff en Russie. Parmi les sœurs de mon père, une est princesse Wolkonsky, l'autre est Madame Galakhoff. Quant à son frère, il meurt du typhus comme officier de marine dans la mer Noire. Sa veuve et ses enfants viennent en France. Dès lors, tout le monde est parti.

PM: *Du côté de votre mère?*

NW: Du côté de ma mère, personne non plus ne reste en Russie. Les seules personnes qui restent sont celles qui n'ont pas pu sortir ou pas voulu sortir ou déclarent qu'elles veulent subir le sort de leur pays. Les plus grands noms de Russie sont là et le frère du prince Lvov, Serge, reste en Russie avec trois de ses fils qui se marient et qui ont des enfants. Cette branche de la famille Lvov reste en Russie parce qu'aucun ne veut quitter le pays.

C'est extraordinaire, parce que voilà des gens qui n'ont jamais à aucun moment été des opposants au régime. Mais comme ils étaient, par leur naissance, exclus de la nouvelle société bolchevique, ils étaient repoussés de partout et allaient de ville en ville, vers les provinces et les régions les plus lointaines. Ils sont constamment arrêtés, mis dans des camps et, quelques mois après, relâchés parce que l'on constate qu'il n'y a rien à leur reprocher et que personne n'a jamais entendu qu'ils aient dit ou écrit quelque chose contre l'État.

PM: *Votre famille avait-elle des relations avec des parents restés en Russie?*

NW: Peu, car tous demandaient qu'on ne leur écrive pas, parce qu'il était très dangereux pour eux d'avoir un correspondant à l'étranger.

PM: *Pouvons-nous parler quelques instants de Kerenski?*

NW: Kerenski s'adressait souvent aux soldats et aux ouvriers, il avait une vraie emprise sur son audience. C'était un tribun. Pour un homme de 36 ans, se trouver à la tête du gouvernement et de l'État de la Russie devait être grisant.

Étudiant en droit, avocat de causes politiques, devenu peu à peu révolutionnaire en combattant le système monarchique, il finit par arriver au pouvoir.

Il tombe, rejeté par ceux qui étaient ses alliés, après avoir proclamé la République. L'assemblée constituante que le gouvernement provisoire devait réunir pour décider du sort du pays a été finalement convoquée par Lénine en mars 1918. La majorité de cette assemblée composée de socio-démocrates et sociaux-révolutionnaires s'oppose aux mesures préconisées par les Bolcheviques. Lénine, disposant de la vraie force – les soviets d'ouvriers et de soldats – dissout l'assemblée, interdit les partis et instaure la terreur. Dans l'émigration, Kerenski croit à son retour aux affaires, crée un journal, *Le Jour*, voyage beaucoup en Europe et aux États-Unis et cherche des appuis. Au sein de l'émigration, il était honni par la droite et par la gauche et il a passé sa vie à justifier son action. C'était un homme politique sans envergure. Faisant face à des événements historiques majeurs, il n'a pas su ou pu être à la hauteur des événements.

Il allait à des réunions politiques et mon père me demandait de l'accompagner, bien que qu'il n'éprouvât personnellement aucune affection, ni amitié pour Kerenski, comme je l'ai dit. C'étaient des hommes fondamentalement différents mais qui avaient été témoins d'un même moment historique. Dès lors, quand Kerenski allait à ces réunions, mon père m'envoyait comme garde du corps. J'avais ordre de mon père de le protéger et je me souviens des hurlements hostiles que déchaînait son arrivée. Quand il montait sur l'estrade on croyait qu'il allait être assailli. Aussi, j'étais toujours là, au premier rang, prêt à sauver Kerenski. Et cet homme, pratiquement aveugle, avec d'énormes lunettes, les cheveux coupés en brosse, se mettait à parler. En quelques secondes, en quelques phrases, l'auditoire se calmait. Quand il avait fini son discours, il était ovationné. Il me faisait alors signe et en quelques secondes nous disparaissions parce qu'il savait que les gens allaient revenir à eux et qu'ils allaient recommencer à hurler. Il hypnotisait, sans qu'aucun élément physique ne l'explique.

Ce qui est amusant, c'est que lorsque j'étais à Oxford, président du club français, nous organisions presque tous les mois une réunion avec une personnalité. J'ai voulu inviter Kerenski, parce qu'il parlait français. À ce moment-là, il y avait à Oxford l'Oxford Union, la reproduction de la Chambre des communes avec un

gouvernement et son opposition et l'élection chaque année de son président. Le président était élu, soit conservateur, soit labour. Le président était Henderson, qui a été plus tard ambassadeur à Paris. Leurs débats étant plus politiques, Henderson m'a demandé de faire venir Kerenski à l'Oxford Union. J'ai demandé à Kerenski, de la part d'Henderson, de quel côté il souhaitait siéger pendant son intervention et il m'a répondu: du côté conservateur. Donc, dans l'Angleterre de 1938, le socialiste-révolutionnaire Kerenski choisit le parti conservateur. Il est vrai que le conservatisme anglais de 1938 était très progressiste par rapport à la monarchie absolue en Russie.

PM: *Avez-vous revu Kerenski à d'autres moments de votre vie?*

NW: Oui, après la mort de mon père; parce que du vivant de mon père je n'aurais pas pu le faire. Mon père le voyait de temps en temps à Paris. Mais après la mort de mon père, j'ai su que Kerenski habitait New York alors que son fils vivait en Angleterre. Chaque année il allait voir son fils et s'arrêtait à Paris. Je lui avais proposé en 1964, l'année qui a suivi celle de la mort de mon père, de venir passer huit jours à Forges que vous connaissez. Nous nous promenions dans la forêt de Fontainebleau, tandis que mes amis pensaient que ce n'était pas une personne à recevoir chez soi. On pouvait le voir à la rigueur, lui parler dehors mais pas le recevoir chez soi. Je le faisais parce que naturellement c'était un témoin de l'histoire. Il était convaincu qu'il avait bien fait, qu'il avait manqué de très peu la réussite. Au cours d'une promenade, je lui avais demandé quelle avait été la cause principale de son échec. Nous trouvant seuls dans un champ, sans témoins, il m'avait dit qu'il aurait dû recevoir les émissaires allemands qui cherchaient à prendre contact avec lui dès sa prise du pouvoir, en juillet 1917, pour discuter des conditions d'une paix séparée. Il pensait que ces négociations auraient coupé l'herbe sous les pieds des révolutionnaires, qui faisaient de la paix séparée leur cheval de bataille.

On pourrait s'étonner que mon père ait pu maintenir des contacts avec Kerenski, alors qu'il méprisait son action politique, et qu'il ait pu me charger de le protéger au cours d'un meeting politique. Je compare cette attitude avec les rapports que j'entretiens avec les Résistants communistes. Alors que tout nous sépare, nous ressentons les uns envers les autres une profonde camaraderie née du même combat. Mon père aussi, malgré ses divergences avec Kerenski, avait gardé un souvenir très attachant de l'époque où tous les deux avaient voulu la victoire des Alliés et l'avènement d'une Russie nouvelle. L'échec les unissait.

S'agissant du prince Lvov, toute sa vie et toute son œuvre ont été animées par l'idée que le paysan russe avait de grandes qualités et qu'il s'agissait pour l'État russe de les développer en lui donnant la possibilité d'évoluer par ses propres moyens. Le prince Lvov est qualifié de libéral par erreur car en réalité il est

slavophile. Habituellement le slavophile se coupait totalement de l'Occident et se développait plutôt par rapport à l'Orient que par rapport à l'Occident, sur les bases des valeurs traditionnelles russes. Or, le prince Lvov est un slavophile qui va en Occident chercher les moteurs du développement. Il utilise le progrès de l'Occident pour permettre aux Russes de l'utiliser et de progresser. Je crois que la Russie n'a plus besoin d'aller chercher des modèles de cultures ailleurs et qu'elle est aujourd'hui capable de développer sa propre culture.

PM: *C'est donc la différence entre Lvov et Kerenski. Lvov a accepté son échec, Kerenski non.*

NW: Oui, parce que Lvov avait la «mystique du peuple». Voyant que le but à atteindre est d'élever le peuple avec les moyens de l'Occident, Lvov ne peut imaginer employer la force, dont il ne dispose pas. Lvov était absolument déterminé à ne jamais utiliser la force. Par conséquent, venant à la tête du gouvernement provisoire, il est décidé à utiliser les formes démocratiques et les règles démocratiques de gouvernement. Les règles démocratiques ne permettent pas de tirer sur des adversaires politiques, même lorsqu'il voit les soldats se révolter. Kerenski entre au gouvernement de Lvov comme représentant des soviets. Il est, si vous voulez, leur otage et leur représentant. Dans le gouvernement provisoire du prince Lvov, qui est majoritairement constitué de partisans de la monarchie constitutionnelle (les K.-D.⁸), Kerenski représente le pouvoir de la rue mais il ne le contrôle pas. En résumé, Lvov avait une telle passion pour le peuple qu'il n'aurait pas pu supporter l'idée que, par sa propre décision, il puisse faire couler le sang. Il n'a jamais, par un seul mot, par un seul article, cherché à se justifier. Il n'a jamais répondu à aucun des articles qui ont paru dans la presse critiquant son action. Alors que Kerenski crée un journal et répond par toutes sortes de réunions politiques pour se justifier, Lvov se tait, aide les réfugiés et préside à nouveau le comité des zemstvos.

Je voulais également vous dire que si j'avais eu en face de moi un Russe qui me demandait qui était mon père, je lui aurais dit un seul mot et il aurait compris: общественный деятель (obchestvenyi deyatel), celui qui agit au profit de la société.

Cette catégorie d'hommes ainsi que l'intelligentsia sont spécifiques à la Russie et les deux tendances apparaissent au XIXe siècle vers 1860. Après l'échec des Décembristes, les milieux libéraux (les francs-maçons sont interdits) cherchent à promouvoir à l'échelon local des mesures de progrès social: formation d'instituteurs pour accroître le nombre d'écoles primaires et formation d'infirmiers pour ouvrir plus de dispensaires. Certains propriétaires terriens acceptent les modestes fonctions de juges de paix, dans le voisinage de leurs propriétés, afin d'assurer la

⁸ K.-D.: Le Parti constitutionnel-démocrate, dit K.-D. ou Cadet, fondé par Milioukov et Maklakov en 1905 privilégie toutes les formes d'action légale pour faire évoluer le régime tsariste.

justice sociale dans ces tribunaux. Toutes ces actions débouchent sur la création des Zemstvos, sorte d'autorité locale chargée des affaires sociales. On y trouve des membres de la haute société et des fonctionnaires éclairés et dévoués. Les zemstvos deviennent au début du XXe siècle un contre-pouvoir d'inspiration libérale.

L'intelligentsia, par contre, est constituée essentiellement de jeunes d'origine modeste, ayant suivi des études universitaires et désireux de changer le monde. Beaucoup se retrouvent dans le camp des révolutionnaires. Il y avait, comme je vous l'ai dit, des mouvements populistes, des gens qui allaient vers le peuple, mais c'était tout à fait autre chose.

Les gens qui décidaient étaient presque tous issus de la noblesse russe, donc du milieu de mon père, qui avaient un absolu besoin de travailler dans l'intérêt de la société. Ce n'est plus du tout dans le sens de Lvov qui toute sa vie a pensé au paysan et a parlé des paysans, tandis que les gens comme mon père parlaient toujours de la société. Il fallait travailler pour la société et c'est ce qui le conduisit, dès la fin de ses études, à entrer dans les zemstvos, parce que les zemstvos contribuaient à la désignation des juges de paix, des instituteurs, des tribunaux, des écoles primaires, et à la création des dispensaires. Progressivement, tout se développe, on construit des routes, on construit des écoles, on construit des logements.

Mais bien que les zemstvos, au départ, agissent au profit des paysans, leur ambition est de rendre la société, dans son ensemble, plus éclairée. C'est une catégorie qui s'est énormément développée, avec peut-être majoritairement – je parle uniquement de mémoire en regardant l'entourage de mon père – des francs-maçons parce que déjà la franc-maçonnerie était attirée par l'universalité. La seule chose qui les différencie, c'est que le franc-maçon est théorique alors que l'autre est pratique. À nouveau je dis pratique, parce que beaucoup de gens en Russie, au tournant du siècle, parmi les propriétaires terriens et autres, étaient très souvent enclins à écrire ou à dire leur sympathie pour l'homme qui souffre. Mais cela n'allait pas plus loin. Ils restaient chez eux, mais ils disaient: «Il ne faut pas oublier le peuple qui souffre». C'était une espèce de formule. C'est une catégorie qui n'existe dans aucun autre pays.

Il existe en Angleterre le «social worker», homme de milieu assez modeste et qui a besoin d'agir dans le domaine social. Il choisit alors les endroits, en Afrique ou ailleurs, où sévissent la disette et la maladie, et il part distribuer les vivres et soigner les malades. Cela existe en Angleterre beaucoup plus qu'en France. C'est pour cela que, dans le monde entier, dans les innombrables missions humanitaires, on trouve souvent des anglo-saxons parce que cette activité convient bien à leur mentalité. En Russie, c'est autre chose parce que cela vient presque entièrement des hauts fonctionnaires ou de la noblesse.

PM: *Pouvez-vous l'expliquer?*

NW: En réalité, à partir de telle fonction dans l'administration et à compter du grade de lieutenant-colonel ou colonel dans l'armée, on était assuré de la noblesse héréditaire. Ce qui faisait qu'en Russie, en 1900, il y avait des millions de nobles qui, dans l'immense majorité, vivaient très modestement. Donc, la noblesse ne constituait aucun élément sociologique homogène. Il y avait une petite élite aristocratique composée au fond de gens très peu nombreux. Quand je dis «très peu nombreux», c'est très simple: si mon père avait rencontré à Dallas un Russe qui s'appellait Grégorov, mon père aurait été capable de dire s'il appartenait à une vieille famille russe ou non. En France, il n'est pas rare que quelqu'un dise: «J'ai rencontré Monsieur de la Tour qui penche», et que je n'en ai jamais entendu parler, même s'il s'agit d'un comte, tandis qu'en Russie, alors qu'on croit tous les Russes comtes ou princes, c'était beaucoup plus restreint et tout le monde savait qui était qui. Voilà, je voulais noter toutes ces petites précisions.

PM: *C'est intéressant. Pour compléter ce que vous dites, je pensais au catholicisme social en France avec notamment le mouvement de Marc Sangnier, le Sillon. Là, il y a encore une différence avec ce que vous venez d'expliquer, puisque dans ce cas-là c'est la religion qui est la base de l'engagement social alors que ce n'est pas le cas en Russie, puisque vous expliquez que le mouvement social est essentiellement lié à la franc-maçonnerie. Donc, c'est très passionnant de voir que chaque pays secrète, entre les années 1850 et les années 1880, des mouvements de la société qui comprennent la nécessité de s'intéresser aux autres.*

NW: Si on prend la franc-maçonnerie à la fin du XVIIIe siècle, elle a sa source en Angleterre et elle est identique partout. En France, la franc-maçonnerie a participé aux Lumières qui ont ouvert un chemin vers la Révolution. La Déclaration des droits de l'homme et du citoyen a atteint des cimes inespérées pour des gens qui se placent sur le plan universel. Et par conséquent, ayant atteint ces sommets-là, Révolution et droits de l'homme, le franc-maçon français, à partir de 1800, est satisfait. Le parallèle est impossible avec le franc-maçon russe, pour qui, l'amour de l'homme, la fraternité, l'égalité, la monarchie constitutionnelle constituent un rêve alors que la France a déjà résolu ces questions-là. Dans la société russe, y compris dans ma famille, être franc-maçon était très mal vu et interdit par le monarque.

La deuxième considération a trait à la différence entre la France et la Russie à propos du catholicisme social. En France le catholique sert l'Église, il est le serviteur de l'Église, alors qu'en Russie le chrétien orthodoxe est serviteur de Dieu. Et par conséquent dans le service de Dieu, le plus important est de croire en Dieu et de lui témoigner sa fidélité. En France la franc-maçonnerie devient anti-Église catholique alors que dans la franc-maçonnerie russe aucun enseignement à aucun moment n'est contre l'Église; elle est tolérante. Mais la franc-maçonnerie

française ne peut admettre que dans les écoles, catholiques essentiellement, dans les collèges, on enseigne des idées qu'elle considère comme antirationnelles. Par conséquent elle combat l'influence de l'Église catholique dans l'instruction pour en arriver à la loi de séparation des Églises et de l'État. En Russie, il n'y a pas de conflit entre l'Église et la franc-maçonnerie.

PM: *Vous avez parlé de Lvov et de Kerenski. Aussi bien votre père que vous-même, vous entretenez avec les deux hommes des relations régulières. Avez-vous une admiration ou un respect égal pour l'un et pour l'autre? Pouvez-vous raconter les dernières années de leur vie, ou la façon dont vous avez, pour le prince Lvov par exemple, recueilli sa mémoire?*

NW: Aussi bien mon père que moi, nous n'avons aucune considération pour Kerenski.

PM: *Il est un témoin.*

NW: Aucune considération, parce que nous pensons qu'il n'a aucune envergure. Il est mesquin dans sa politique et dans son comportement. Il est imbu de lui-même, devenu socialiste-révolutionnaire et enflammé par ses idées socialistes-révolutionnaires. Il a le don de la parole, il influence ses auditeurs, mais il est foncièrement égocentrique. Il veut tout le temps monter sur une estrade, se faire remarquer. L'opposé d'un homme comme le prince Lvov qui est un homme sage, d'une vieille famille princière, qui n'a pas besoin de toute cette agitation.

PM: *J'ai bien compris la différence fondamentale entre les deux hommes. Ce qui m'échappe encore c'est le fait que votre père vous envoie comme garde du corps de Kerenski.*

NW: Premièrement, il savait que Kerenski était seul et qu'il fallait quelqu'un de jeune pour lui éviter surtout d'être bousculé. Mon père et Kerenski ont vécu en même temps les moments les plus exaltants, quoique brefs, de leur existence. Même s'ils n'étaient pas du même bord, le souvenir de ces moments créa une sorte de complicité. Quand Kerenski, au pouvoir, est menacé par le coup d'État du général mutin Korniloff, mon père, qui n'était plus aux affaires, va à la demande de Kerenski au-devant du général pour le dissuader de poursuivre son mouvement et y parvient. Il faut savoir dépasser ses ressentiments et voir l'essentiel.

PM: *Par charité.*

NW: Dans ma vie de la France Libre, j'ai connu toutes sortes de gens parmi lesquels des gens grossiers. Mais parce qu'ils ont participé avec moi à un même combat et comme je les ai vus agir, j'ai pour eux un sentiment de camaraderie, de solidarité.

PM: *De fraternité.*

NW: Oui, de solidarité. Par conséquent, si on menaçait Kerenski, j'avais un peu ordre de le protéger, même si c'était un adversaire politique. Mon père, qui n'était membre d'aucun parti politique mais qui était plutôt KD, considérait

que la Russie devait passer avant tout. Quand, après l'échec du coup d'État du général Korniloff, Kerenski cherche à le remplacer par le vieux général Alexeïeff, réticent à reprendre son ancien poste et hostile à Kerenski, mon père connaissant bien le général consent à accompagner Kerenski, de nuit, chez Alexeïeff. Dans la conversation que Kerenski et mon père engagent avec lui pour le convaincre d'accepter le poste de chef d'État-major des Armées en remplacement du général Korniloff destitué, mon père dit à un moment donné: «Il faut quand même sauver la Russie». Je crois qu'il avait conscience qu'il fallait sauver la Russie, et arrêter Korniloff. Mon père était convaincu que Korniloff, qui était un général excessivement courageux, un Caucasiens, mais sans aucune culture, ni compétence, ni connaissance politique, était dangereux parce qu'il entraînait avec lui des troupes et que tout cela pouvait se terminer dans un bain de sang. Mon père a fait cela, bien que ce soit avec Kerenski, parce qu'il était convaincu qu'il fallait empêcher ce bain de sang. Après la guerre, Kerenski représentait pour mon père quelqu'un qu'il avait connu et il trouvait que si cet homme risquait d'être bousculé dans les réunions politiques qu'il fréquentait, il était naturel de demander à son fils d'aller le protéger.

PM: *Ce qui est très impressionnant, et en même temps très admirable, c'est que finalement vous exprimez par l'attitude de votre père et par la vôtre un attachement à la Russie, sous quelque forme que ce soit, qui paraît beaucoup plus fort, beaucoup plus sincère que celui que pouvaient exprimer de façon exagérément simple les Russes blancs en France. C'est-à-dire qu'au lieu d'avoir une attitude de haine, de revanche négative, je sens une attitude beaucoup plus ouverte, beaucoup plus tolérante, beaucoup plus consciente en même temps.*

NW: C'est excessivement simple, en tout cas pour moi. Ce sont deux choses totalement différentes. Les Russes blancs, dans l'immense majorité, provenaient d'un système. Ils ont quitté la Russie avec un régime et un système, des traditions, un mode de vie. Ils faisaient partie de ce mode de vie, de ces traditions, de ce régime. Ils ont été chassés par des gens qui ont fait tomber ce régime, ils détestaient ces gens-là, ils voulaient la fin des Bolcheviques et revenir dans la Russie qu'ils avaient connue. C'est une chose simple.

PM: *Vous, non?*

NW: Non. Je voulais, comme mon père, une autre Russie mais pas celle d'avant. Pour eux, la Russie c'est la Russie comme ils l'ont connue. En France, jusqu'à ces dernières années, il y avait une espèce d'organisation scout qui s'appelle Vitiaz. Vitiaz, c'est un vieux mot de chevalier de l'époque lointaine. Les Vitiaz, ce sont des scouts. Ils font ce que font les scouts. Ils ont des camps près de Grenoble, s'installent sous des tentes et font des marches. À un moment donné, quand le garçon atteint l'âge de treize ou quatorze ans, il prête serment. Alors, devant le drapeau russe, devant un prêtre portant l'Évangile, le garçon, genou à

terre, prononce un serment pour la foi et la Russie. Combien de fois ai-je dit au président de cette œuvre qui est à Paris, qui a mon âge, que ces enfants sont déjà nés de pères nés en France? Vous comprenez, c'est déjà la deuxième génération de gens nés en France, et ce sont des citoyens français qui sont appelés à prêter serment pour la Russie. Est-ce bien sérieux? Comment ce garçon va-t-il pouvoir défendre la France? Certes, il a prêté serment de défendre la foi, mais entre la Russie et la France, même sans guerre entre les deux pays, il faut choisir. En outre, quelle Russie? Pourquoi est-ce que pendant la dernière guerre je ne connais pas un seul cas de Vitiaz qui ait participé à la Résistance alors qu'ils ont tous prêté serment de défendre la Russie? La réponse à cette question est toute simple: c'est parce que le serment est prêté à leur Russie et à la foi. Cela correspond à ce que je vous disais tout à l'heure, c'est que l'émigration parlait, pensait, servait sa Russie.

Quand Elstine vient en visite officielle à Paris, il y a une réception à l'ambassade, rue de Grenelle. Il invite l'émigration russe et je réponds que je ne m'y rendrai pas. Cela se passait juste avant la mort du grand-duc Vladimir qui, peut-être en avez-vous entendu parler, a été enterré en grande pompe en Russie. Elstine a invité le grand-duc Vladimir qui, de sa vie entière – je peux l'attester car j'ai été président d'œuvres russes – n'a participé à aucune des œuvres russes. C'est quelqu'un qui a vécu en France mais qui n'a pris aucune part à la vie de l'émigration russe. Il est invité par Elstine avec, disons le mot, soyons populaire, tous les aristos. Je sais par mes amis qui y sont allés et me l'ont raconté, que le grand-duc était placé à côté d'Elstine, président de l'État russe. On m'a donné copie de son discours dans lequel Elstine parle au grand-duc en tant que représentant des Russes. Il s'est adressé à eux en leur disant: «À vous tous, j'exprime au nom de l'État russe nos regrets d'avoir fait ceci et cela...; nous ferons tout pour que vous soyez bien chez vous, vous pouvez rentrer, vous êtes chez vous». Mon attitude s'explique ainsi: je ne reconnais pas au grand-duc le droit de représenter la société russe. Il est un personnage, il est chef d'une famille impériale. À cet égard, il a droit à toutes les considérations, mais je ne veux pas me mettre derrière lui comme si c'était mon chef. Donc, ne voulant pas rentrer dans cet ordre, je suis resté en dehors.

Cette anecdote est significative. Elle montre la différence entre ceux pour lesquels la Russie est un régime et ceux, comme mon père, pour lesquels la Russie est un pays. Dès lors, nous supportons ces régimes que la Russie a connus. Après tout, il y a des Russes comme l'oncle Grégoire qui ont vécu en France parce que, comme il l'écrivait dans ses mémoires, il ne supportait pas de vivre en Russie du temps d'Alexandre III compte tenu des contraintes de cette époque-là. Donc, j'ai dans ma famille quelqu'un qui ne supportait pas la monarchie tandis que mon père ne supportait pas les Bolcheviques. C'est une question de régime. Mais, pour ma part, j'ai une attitude envers la Russie et une attitude envers le régime qui la gouverne.

PM: Êtes-vous nombreux à avoir cette attitude ou vous sentez-vous relativement seul?

NW: Très isolé. Dans l'émigration, j'ai peut-être un ami à Paris et un ami à Londres. Peut-être étions-nous cinq ou dix. Dans le livre sur la Libération, vous verrez, j'ai marqué les pages où on parle de Vera Obolenski qui a été dans la Résistance et qui a été prise et fusillée par les Allemands. J'ai connu son mari, je l'ai connue elle-même très bien. Pour elle, il y avait la Russie, qu'elle soit monarchique ou bolchevique. Elle se sentait Russe. La Russie a été attaquée et elle a considéré qu'il fallait qu'elle fasse quelque chose. Les Soviétiques, apprenant cela, lui ont immédiatement donné, à titre posthume, les ordres russes que son mari, Nicolas Obolenski, qui est mort il n'y a pas longtemps, a toujours refusés. Il est vrai que lors de ses interrogatoires par les Allemands, elle disait qu'elle était fière d'être Russe, même si cela n'avait aucun rapport avec le régime du moment.

D'ailleurs, pour la France, c'est la même attitude puisque je ne me suis jamais déterminé vis-à-vis de la France en fonction de Pétain ou de de Gaulle. Je ne considère pas qu'à aucun moment j'ai rallié de Gaulle. Je voulais combattre pour la France et de Gaulle m'a donné la possibilité de combattre pour la France. Par conséquent, j'ai servi sous les ordres de de Gaulle pour accomplir mon devoir, mais je n'ai pas, à proprement parler, rallié de Gaulle. Le seul moment où j'ai adhéré à l'action de de Gaulle c'est quand j'ai repris du service dans l'armée à Sidi Bel Abbès pour combattre l'OAS. Là, j'agis en citoyen, de Gaulle est au pouvoir et je vais faire quelque chose au service de ce gouvernement. C'est là un acte de citoyen. Les rapports que j'ai avec la France sont indépendants des gouvernements.

PM: *La mort de Lvov et la mort de Kerenski vous ont-elles marqué?*

NW: Non, le prince Lvov meurt en 1924, donc très tôt. Quand j'arrive de Russie avec ma famille, je vous ai dit que j'ai vécu chez beaucoup de gens, y compris chez le prince Lvov qui avait un appartement à Boulogne. Il vit dans cet appartement avec la veuve d'un monsieur qui était son ami en Russie. Il y avait également une nièce du prince Lvov, la fille de l'un de ses frères, Hélène. Nous habitons et prenions nos repas ensemble.

Un jour que le dîner est servi et qu'on me demande d'aller chercher l'oncle Georges, je vais dans sa chambre et je le trouve, étendu sur son divan, mort. Plus tard, je me sentais très, très important parce que les journalistes sont venus me demander dans quelles circonstances j'avais été le premier à voir «le prince Lvov mort». On me posait des questions mais je n'avais rien à raconter; j'étais entré et j'avais trouvé quelqu'un qui était couché et qui était mort.

PM: *On l'enterre à Boulogne?*

NW: Non, on l'enterre, je ne sais pas pourquoi aux Batignolles, puis j'ai fait transporter son corps dans notre caveau.

PM: *Pourquoi avez-vous souhaité ce transfert?*

NW: Parce que j'ai voulu rassembler toute ma famille. Et je n'ai pas pu ramener l'oncle Grégoire qui est enterré au cimetière de Passy parce que je me suis heurté à l'administration française. Vous savez qu'au cimetière de Passy, on ne crée pas de nouvelle concession. J'étais prêt à abandonner notre concession, la donner à quelqu'un d'autre pour retirer les restes de l'oncle Grégoire et les transporter dans notre caveau à Sainte-Geneviève-des-Bois. Cela m'a été refusé parce qu'en France, la sépulture est un droit et que ce droit appartient à une famille. Par conséquent, il aurait fallu que j'obtienne l'accord de toutes les personnes qui lui sont alliées. Cela faisait beaucoup de monde, en Amérique, en Argentine, des gens qui ignorent totalement cette histoire. Aussi ai-je abandonné et ai-je laissé l'oncle Grégoire à sa place.

PM: *Alors que pour le prince Lvov, vous avez eu l'accord de sa famille?*

NW: Oui, cela a été très facile.

PM: *Quant à Kerenski...*

NW: Il est mort à New York où il habitait dans une très belle maison.

2

PM: *Nous avons parlé hier de votre père et de son itinéraire en Russie; à cette époque-là, vous ne le voyiez pratiquement plus.*

NW: Je retrouve mon père pour la première fois à Berlin. Quand nous sortons du train, il vient nous chercher. On nous montre un monsieur et on nous dit: «C'est votre père».

Mon père, qui au départ travaillait avec les zemstvos, est engagé en France, grâce à ses études universitaires, dans une banque. Je crois qu'il y avait en Grèce une société de minerais qui s'appelait «Lorium Grec» et mon père faisait la navette pour gérer ces mines. Mais je pense que cette activité était modeste puisqu'en arrivant à Berlin, nous n'avons pas où loger. Nous étions six nouveaux arrivants à Berlin: grand-père, grand-mère, ma tante, ma sœur, mon frère et moi. Six personnes à loger et à nourrir.

Par conséquent, mes grands-parents entrent très rapidement dans la maison de retraite qui existe jusqu'à maintenant à Sainte-Geneviève-des-Bois et qui a été créée en 1926. Cette maison de retraite est dirigée par une dame russe, la princesse Michersky, qui avait fondé à Paris ce que les Anglais appellent «finishing school», pour des jeunes filles anglaises ou américaines qui souhaitaient parfaire leur éducation. Ma tante, la sœur de ma mère, est employée par cette dame comme guide et instructrice pour les jeunes filles américaines. Ma sœur et mon frère partent en Angleterre, parce que mon père a des amis en Angleterre, à l'abri du besoin, qui prennent en charge leur éducation. Quant à moi, je reste à Paris avec mon père. Très vite je suis atteint

de tuberculose osseuse et je vais de clinique en clinique durant trois ans. Entre deux séjours en clinique, j'habite chez les uns ou les autres.

PM: *Vous quittez donc Berlin très vite.*

NW: Oui, j'y ai passé à peine quelques jours avant d'aller un mois ou deux à Wiesbaden parce que c'est là qu'habite la dame allemande qui nous a fait sortir. De Wiesbaden, nous allons vivre tous en France, et c'est en France que recommence notre existence.

Cela implique que je n'ai pas eu de vie de famille puisque lorsque je suis sorti de clinique, je devais avoir à peu près 15 ans. Je rentre alors en 5e. C'est la première fois que je rentrais en classe, parce que, à mon arrivée en France, j'avais été admis en 10e à Janson de Sailly, mais cela ne dure que deux ou trois mois avant que je ne commence à me casser la jambe ou le bras. En 10e, à Janson de Sailly, on apprenait l'alphabet, mais je ne parlais pas un mot de français. Il y avait déjà à cette époque-là, en 1924, des enfants russes qui vivaient en France depuis quelques années et qui assuraient le rôle d'interprète. J'ai appris mon alphabet par l'intermédiaire d'un interprète. À 15 ans, j'entre alors en 5e chez les pères dominicains à Meudon, habitant chez l'un ou chez l'autre.

J'ai très peu vécu chez mon père. Mon père avait un cousin germain fils d'un oncle maternel qui vivait à Paris avant la révolution. Celui-ci avait un appartement rue de Sèze, à la Madeleine. Quand il y a eu la guerre et la révolution, il a pensé qu'il fallait rentrer pour voir ce qui se passait en Russie. Il a été pris et fusillé, vraisemblablement du fait de la confusion avec un autre. Cet appartement, rempli de souvenirs de famille, était utilisé comme bureau par le prince Lvov. Finalement, c'est devenu l'appartement de mon père, où j'habitais lors de mes passages à Paris jusqu'au jour où je me suis marié, en 1953.

PM: *Vous avez donc vécu longtemps dans cet appartement.*

NW: Oui. Mais c'est à Fleury-en-Bière que je vois mon père avec mon frère et ma sœur, parce que c'est à la campagne que nous nous retrouvons pour tout l'été. C'est Fleury qui nous rassemble.

PM: *À quel moment Fleury entre-t-il dans votre vie et dans quelles circonstances?*

NW: En 1927. En effet, la belle-sœur de mon père, veuve Wyruboff, arrive avec ses trois filles en France. Elle rencontre, par le fait du hasard, Georges Bemberg. Les Bemberg sont des propriétaires argentins immensément riches. Elle épouse Georges Bemberg en 1920. Celui-ci a quatre frères et une sœur qui a épousé le marquis de Ganay. La marquise de Ganay vivant à Courances s'apitoie alors sur le sort des Wyruboff...

La tante de M. de Ganay, Mme de Béague, a restauré et meublé le château de Fleury. Mais une fois celui-ci restauré et meublé, elle change d'avis, vide le château, envoie les meubles dans les salles de ventes à Paris et s'en va faire des voyages. Dès lors, le château de Fleury est vide. Alors Mme de Ganay convainc son mari de

nous laisser nous installer à Fleury. Comme à côté du château se trouvent de magnifiques communs, il y a beaucoup de place et nous nous installons dans ces bâtiments magnifiques où nous vivons sans eau et sans électricité.

PM: *C'est là que vous vous retrouvez en famille.*

NW: Nous y passons tous les étés à partir de 1927. Tous nos cousins et cousines viennent, parce que personne à l'époque parmi les Russes n'avait quoi que ce soit. Nous sommes très nombreux avec un énorme parc vide, un château vide et les rivières pour se laver. Il y a les rivières pour dames et les rivières pour messieurs. Nous vivons à la lueur des bougies et des lampes à pétrole, écoutant les grands qui racontent des histoires.

PM: *Vous avez donc des souvenirs très heureux à Fleury.*

NW: Nous étions parfaitement heureux. Personne n'a de voiture et tout le monde marche à pied ou roule à bicyclette. Vous savez, au fond, le bonheur est essentiellement intérieur. Or comme tout le monde avait envie d'être heureux, tout le monde était heureux. Je vis donc dans cet univers et étudie chez les dominicains jusqu'en 1e, puis à Lakanal pour préparer mon bachot. De Lakanal, je vais ensuite à la Sorbonne. Voilà. À ce moment-là mon père me conseille d'entrer dans une banque. Il me dit qu'il y a une banque qui accepterait de me prendre si je parlais anglais et, de préférence, si j'avais un diplôme anglais. J'ai alors quitté la Sorbonne pour aller à Oxford.

PM: *Avez-vous souffert de cette vie sans famille proche?*

NW: Certes, j'ai eu une vie sans famille, mais je voyais beaucoup de cousins et d'amis. Dès lors, même si je peux dire que je n'ai pas une vie de famille, j'avais des rapports familiaux. Mais je crois très franchement que l'absence d'une vie de famille, comme on peut en avoir avec un père et une mère, ne m'a pas fait souffrir. J'ai perdu ma mère lorsque j'avais cinq ans. J'ai peu connu mon père et j'ai vécu toute ma jeunesse auprès de gens différents. Ce sont tous ces gens-là qui meublent ma vie. Ainsi mon père avait une amie, Salomé Andronikov qui était une très belle dame et qui vivait à Paris. Son mari était avocat à Londres, elle vivait à Paris et travaillait avec la famille Brunhoff. J'ai vécu chez elle et j'étais absolument ravi, à l'âge de quinze ou seize ans, de voir une dame très jolie qui sortait le soir en robe longue et qui était gentille avec moi. Je ne peux pas dire qu'à ce moment-là j'ai souffert parce qu'en rentrant je n'avais pas mes parents.

Je ne peux pas vous dire comment cela se fait mais quand, à un moment donné dans la vie – cela ne vient pas tout de suite –, on commence à réfléchir pour donner un sens à sa vie, il faut d'abord commencer par savoir ce que l'on est et prendre conscience de ce que l'on est. Ensuite il s'agit de savoir comment cet être que l'on est va vivre, comment il va rendre cette vie utile ou honorable. Par conséquent, j'étais intéressé de savoir qui étaient mes ancêtres, qui était mon père. Aussi, je l'ai toujours écouté mais pas interrogé parce que mon

père parlait plus facilement aux autres qu'à moi. Je n'ai jamais vraiment parlé avec mon père parce que cela l'ennuyait. Dès qu'arrivait une autre personne, il parlait des heures avec elle; mais enfin c'est assez courant, je suppose. Durant ma vie, je voulais non seulement que ce soit moi, Nicolas Wyruboff, un individu, qui fasse ceci ou cela, mais j'avais conscience que j'appartenais à une famille, et je voulais qu'un membre de ma famille, de ma tribu, de mon pays soit honorablement connu.

PM: *On a peu parlé jusqu'à maintenant de votre frère et de votre sœur. Avez-vous l'impression que, du fait de leur âge, ils ont vécu les choses différemment?*

NW: Je peux vous répondre très rapidement et brièvement parce que c'est très court et très simple. Ma sœur, qui a quatorze ans quand elle arrive à Paris, n'a jamais accepté, je crois vous l'avoir dit, l'idée que mon père nous ait abandonnés pour partir, et elle n'a jamais eu de bons rapports avec lui. Elle fait ses études en Angleterre et rencontre à l'université à Londres un autre Russe, d'une famille très connue, le prince Lobanov-Rostovsky, qu'elle épouse. La famille de mon beau-frère habite en Bulgarie où ma sœur va s'installer.

PM: *Elle est donc passée, si je puis dire, de la Russie à l'Angleterre et de l'Angleterre à la Bulgarie.*

NW: Voilà. Mon frère, lui, passe en Angleterre, fait ses études à l'école, à l'université, puis devient ingénieur agronome. Il est engagé par la famille Bemberg à sa sortie de l'université et part en 1936 en Argentine, où il est resté toute sa vie. Il n'a au fond aucun rapport avec son père parce qu'il n'a jamais vraiment vécu avec lui.

PM: *Sont-ils attachés, comme vous l'êtes, à tout ce que vous venez de dire? Est-ce que la Russie pour eux est le pays auquel ils sont attachés avant tout?*

NW: Là aussi, je crois qu'il faut simplifier les choses. De par ma nature, j'étais curieux, curieux des gens et des idées. Mon père était quelqu'un qui avait de merveilleux rapports avec les gens quels que soient leur nationalité et leur milieu. J'admirais chez lui cette capacité extraordinaire d'entretenir des rapports avec la terre entière. Il avait quelque chose que je n'ai jamais vu dans ma vie, une telle certitude que tout lui était permis. Par exemple, lors du procès Kravtchenko à Paris, alors que je déjeunais avec mon père, il me dit son intention de s'y rendre. Je lui réponds qu'il est difficile d'y aller, l'accès étant réglementé. Mon père ne dit absolument rien, prend un taxi, arrive devant le palais de justice et naturellement entre. Les gens n'insistent pas, le laissent passer. Il se comporte comme s'il était chez lui. Il va vers Kravtchenko, qu'il n'a jamais vu de sa vie mais qu'il connaît par les photos. Il lui dit: «Bonjour, je viens parce que j'ai envie de voir comment cela va se passer, je m'appelle Wyruboff». Ils s'installent sur des chaises l'un à côté de l'autre. Mon père a fait cela avec un tel naturel qu'aucun gendarme, aucun homme, n'a pu...

PM: *N'a pu douter qu'il n'était pas habitué des lieux?*

NW: C'est cela. Il avait ce don-là. Il voyait les gens de tous les milieux politiques, religieux. J'ai beaucoup aimé tout cela. Par conséquent, cela m'a rapproché de lui, ne serait-ce qu'intellectuellement.

PM: *Vous avez retenu de lui l'importance de cet éclectisme.*

NW: Je sais que j'ai retenu cela et pourtant je n'ai jamais pu agir comme lui agissait. Je crois que cela venait de l'état d'esprit des propriétaires terriens russes, des seigneurs sans la notion de condescendance que cela suppose. En un mot, il y avait une aisance de rapports acquise depuis la jeunesse.

PM: *Il avait rencontré des gens de tous les milieux.*

NW: Il a fait lui-même des choses qu'un Français d'un milieu comparable au sien n'aurait pas faites, couper du bois ou ramasser des champignons par exemple. Je crois que tout cela, cette formation-là, donnait une assurance à un homme, qui n'était pas du tout une assurance de domination, ni de puissance ou de force.

PM: *Les relations que vous entretenez avec votre père sont des relations d'admiration et vraisemblablement aussi de complicité sur un certain nombre de plans. Si vous aviez à dire à l'heure actuelle en quels points vous lui ressemblez, lesquels citeriez-vous?*

NW: La tolérance envers les autres, certainement. Parce que mon père, contrairement à tous les gens de son milieu, de ses amis, recevait les Soviétiques, journalistes ou autres, qui venaient le voir. Je me rappelle avoir vu chez lui Alexis Tolstoï qui était un écrivain, grand chantre de Staline dont il a porté le cercueil. Qu'il vienne le voir ne dérangeait absolument pas mon père, tandis que pour les Russes dits «blancs» c'était inimaginable.

PM: *Votre père était atypique par rapport aux Russes blancs?*

NW: La seule chose, c'est qu'il était à un tel point ouvert à tout qu'il n'était fermé à rien. Quand je suis rentré de la guerre alors que je m'étais battu contre les Allemands, il rencontrait sans difficulté des relations pro-allemandes dès lors qu'elles présentaient pour lui un intérêt intellectuel ou personnel. J'ai vu, chez nous rue de Sèze, des gens qui avaient servi chez les Allemands parce que mon père les connaissait avant la guerre et considérait qu'ils avaient agi par anti-bolchevisme. Si ces collabos lui demandaient de jouer au bridge ou de déjeuner avec eux, il y allait, alors que, pour ma part, j'avais tout de même fermé les clapets.

PM: *L'expression est jolie. Est-ce que vous analysez cela comme n'ayant plus d'importance pour lui, ou est-ce qu'au contraire c'était la leçon de ce qu'il avait vécu, des choses, qui peuvent être vraies aujourd'hui, peuvent ne pas l'être demain?*

NW: Non. Je pense que mon père était quelqu'un qui avait une telle curiosité intellectuelle que toute idée était intéressante d'où qu'elle vînt. Même si on ne la partage pas, il faut l'écouter. C'est très curieux parce qu'il était franc-maçon et très tolérant. En russe quand on parle de juif, il y a deux mots, en français aussi:

juif et «youpin». L'immense majorité des Russes de son milieu emploie le mot russe «youpin» et pas juif. Quand mon père, qui appartient à ce milieu, emploie le mot «youpin» et que je l'entends, je crie: «Qu'est-ce que j'ai entendu? Quelle horreur!» Il était très confus. Tout cela pour vous dire qu'il avait gardé son côté gentilhomme terrien... avec tout ce que cela comportait, mais qu'en même temps il avait une ouverture qui le poussait à essayer de tout voir et de tout comprendre.

PM: *Comment a-t-il vécu la période qui a suivi son départ de Russie? A-t-il essayé de comprendre, ou a-t-il considéré, comme beaucoup de Russes blancs, qu'on avait assassiné son pays?*

NW: Non, mon père voyait des Soviétiques. L'attaché militaire à l'ambassade de Russie, rue de Grenelle, avant la révolution, Ignatieff, était un ami d'enfance. Quand la révolution se produit, Ignatieff décide de rester attaché militaire. Il est resté jusqu'en 1936 à l'ambassade. Durant ma jeunesse, j'ai déjeuné bien des fois avec mon père en compagnie d'Ignatieff, lequel était renié par les Russes. Mon père, l'ayant connu avant, trouvait tout à fait normal de déjeuner à la Madeleine avec lui. Il le faisait naturellement. Mais il voulait absolument voir des politiques parce qu'il ne voulait pas se couper de la Russie nouvelle. Il craignait de se trouver face à une Russie qu'il ne connaîtrait pas, qu'il ne comprendrait pas. Aussi voulait-il en suivre l'évolution.

PM: *Il était donc très profondément attaché à la Russie, plus qu'à son mode de gouvernement.*

NW: Pour mieux vous faire comprendre, je vais vous donner un exemple. En 1945, j'étais militaire, à Paris, évacué d'Alsace et je me trouve au cabinet de Diethelm, ministre de la guerre. Maclakoff, dernier ambassadeur russe à Paris avant la reconnaissance par la France de l'Union soviétique, est alors considéré en France comme le représentant des émigrés russes. En 1945, Maclakoff juge qu'il est temps que l'émigration témoigne de son admiration pour les succès de l'armée rouge. Il en parle à mon père, va à l'ambassade. Quelque temps après, mon père me propose de l'accompagner rue Daru où un service est célébré à la mémoire des Russes tombés pour la défense de leur pays, ce qui englobait donc tous les Russes de tous les temps. Il y avait là l'archevêque métropolitain et l'ambassadeur de Russie. Je vais donc rue Daru. Sur les marches se trouvent Maclakoff, mon père, je me tiens en bas à l'écart en uniforme. Arrive dans la cour une limousine noire énorme avec des drapeaux rouges. De la voiture sort l'ambassadeur Bogomolov. Il est accueilli par Maclakoff et mon père qui lui serrent la main. Ensemble, ils montent quelques marches et se dirigent vers le métropolitain. Je ne sais pas si ce dernier les a bénis ou pas, mais ils entrent au chant du Te Deum. C'est pour vous dire que de la part de mon père, qui faisait partie d'un certain milieu, différent de celui de Maclakoff, qui était magistrat, avoir fait cela publiquement était absolument épouvantable. Des gens ont refusé de retourner à l'église après ce

scandale. Mon père fait cela, mais il ne va pas avec Maclakoff à l'ambassade. Il prend des initiatives, mais mesurées.

PM: *Une fois la Russie quittée, votre père a-t-il encore un rôle politique?*

NW: En 1919 mon père est à Paris secrétaire général de la Conférence politique, présidée par le prince Lvov qui l'a créée, pour assister au Congrès de Versailles en tant qu'observateur. Par la suite, mon père fait la navette entre Paris et la Crimée où se trouve Wrangel, qu'il connaît depuis toujours, et c'est lui qui fait le lien entre le comité politique qui est à Paris et Wrangel. Mais très vite, ces liens se distendent car Wrangel accapare le pouvoir et n'a plus besoin de liens avec Paris. Le prince Lvov s'aperçoit de la dérive très monarchiste de Wrangel et les deux hommes se séparent.

PM: *Votre père vous a-t-il parlé de sa participation au Congrès de Versailles?*

NW: Je pense qu'il doit y avoir quelque part des archives où la délégation russe a certainement fait valoir le poids de la participation russe à la guerre.

PM: *Avant que nous quittions cette partie de votre vie en Russie, avez-vous senti qu'il y avait plusieurs façons de vivre ce départ de la Russie? On donne toujours des images un peu caricaturales des Russes blancs en France. Est-ce que vous pouvez corriger cette image? Vous l'avez déjà fait en parlant de votre père et en montrant comment quelqu'un pouvait prendre des positions parfois mal comprises mais très largement explicables au regard de l'attachement à son pays.*

NW: Adolescent, j'habitais Paris et étudiais chez les dominicains à Meudon, puis à Lakanal. Ma vie est identique à la vie de tous les Russes dits blancs de Paris. J'allais le dimanche rue Daru, j'allais avec des amis aux goûters dansants, aux bals dansants chez les uns et les autres. J'ai vécu dans un milieu très démuné financièrement, mais nous savions tous que nous appartenions à un même milieu, que personne n'avait d'argent et tout cela était sympathique. Nous allions parfois au cinéma. Mais cela coûtait cher, pratiquement la moitié de ce que nous recevions pour la semaine. Puis, après Lakanal, il y a la Sorbonne.

Au moment de la guerre d'Espagne, les gens de ma génération, commençaient à parler entre eux et à choisir un camp ou l'autre. L'immense majorité des Russes de mon espèce était farouchement anti-bolchevique et par conséquent pro-Franco. Comme je voyais mon père fréquenter des Soviétiques, je n'avais pas, comme beaucoup de mes amis russes de mon âge, une réaction de répulsion à l'idée de recevoir chez soi un Soviétique. Au moment où commencèrent les événements j'étais à l'université, l'Union Soviétique n'était pas tabou pour moi alors que le Russe blanc était bel et bien fermé à toute idée d'évolution. Déjà se dessine ce parcours différent, qui n'est pas spontané mais qui est le résultat d'une vie, d'une attitude.

En décembre 1939, j'étais à Londres et je voulais absolument dire à une autorité russe qu'il fallait s'engager et combattre. J'avais déjà essuyé des échecs du

côté français. En 1938 quand il y a eu la fausse mobilisation à cause de Munich, le maçon de Fleury était venu nous dire au revoir, car il était rappelé pour faire la guerre. Cela m'a pris aux tripes et je décidai de m'engager. Je suis passé devant une commission de réforme, compte tenu des cicatrices dues aux opérations que j'ai subies à la suite de ma tuberculose, j'ai été réformé. Par conséquent, quand en 1939 la France a appelé les apatrides, je n'ai pas été appelé parce que je suis réformé. Quand la guerre a commencé, je me suis rendu au consulat de France en Angleterre pour m'engager, mais il n'y a pas eu de suite parce qu'ils ont su que j'étais réformé. J'ai voulu m'engager dans l'armée anglaise qui finalement m'a refusé au motif que je n'étais pas britannique.

Arrive décembre 1939, et je ne sais toujours pas comment faire pour combattre. Alors j'écris à la grande-duchesse Xenia de Russie, la sœur de l'empereur, qui habite à Londres. Mon père avait été garçon d'honneur à son mariage et elle savait vaguement qui j'étais. Je lui écris que je veux absolument combattre car un Russe doit combattre. Elle me répond: «Vous avez tout à fait raison, il faut le faire. Je vous souhaite bonne chance». Quand j'arrive à Brazzaville en 1940 je lui écris: «Madame, je suis soldat et je suis à Brazzaville, je ne sais pas comment cela va se passer. Je voulais juste vous présenter mes respects». Elle me répond en disant: «Monsieur, vous êtes un homme de cœur, faites bien ce que vous faites». C'était très inattendu de la part d'une personne dans sa position. En juin 1941, après la campagne de Syrie, tout le monde apprend l'invasion de la Russie. Cela me trouble et me raffermi dans ma décision.

Après l'engagement à Londres chez de Gaulle dans les FFL, j'avais été affecté dans la compagnie des volontaires étrangers, avec des cadres français. La plupart des soldats étaient arrivés après l'évacuation de Dunkerque. Il y avait de tout, des Polonais, des Roumains, des Turcs, des Grecs, bref, un vrai amalgame.

À partir de Brazzaville, je me trouvais dans un bataillon de tirailleurs «Sénégalais», le BM 1 (Bataillon de Marche n° 1). Les cadres étaient des sous-officiers de carrière, gens rustres, à grande gueule, habitués à commander. Je n'avais aucune affinité avec eux.

Pour entretenir «la flamme» de mon engagement, j'avais emporté avec moi *La Chartreuse de Parme*, en édition de la Pléiade, juste la bonne taille pour tenir dans ma gamelle anglaise. Je l'avais remplacé par les œuvres de Racine, volées dans la bibliothèque du «Westerland», bateau de la marine marchande hollandaise dans lequel nous avons fait le voyage de Liverpool à Dakar. Racine aussi tenait dans la gamelle et présentait cet avantage qu'on pouvait en lire quelques lignes à tout moment pour se «regonfler», sorte de dopage!

PM: *Est-ce qu'on peut dire que vous êtes essentiellement mû par des idées et que les périodes de votre vie ne sont que des lieux d'inscription de ces idées? C'est-à-dire, est-ce que vous vous sentez attaché à des pays mais essentiellement en fonction*

d'idées qui sont les mêmes? D'où l'unité de votre vie: les idées sont identiques même si les périodes de votre vie vous ont conduit à les mettre en œuvre dans des pays et à des époques variées. Ce qui est très différent par rapport à des gens qui, comme vous venez de le dire, se déterminent, de façon très limitée, par rapport à une classe sociale, par rapport à un régime et par rapport aux idées de cette classe sociale ou aux idées de ce régime.

NW: Rien n'est plus difficile que d'exprimer des idées simples. Parce qu'au fond, au cours des différents moments de ma vie où j'ai agi, mes réactions ont toujours été simples. C'est avec le recul du temps qu'il faut expliquer ces moments-là et ce sont ces moments-là que j'essaye de vous expliquer.

Je crois que l'essentiel reste simple. Je me suis toujours senti universel dans mes aspirations et je suis par nature porté à participer aux événements. Par conséquent, quand il y a la guerre en 1939, il faut que je participe. Aujourd'hui on me demande: Était-ce parce que vous étiez Français ou Russe? Aujourd'hui, avec le recul du temps, je peux trouver toutes sortes d'arguments. Mais la vraie raison, c'est que je ne pouvais pas, en tant qu'être humain vivant nécessairement dans une société, ne pas participer aux combats de cette société. Ceci peut amener beaucoup de gens à participer à des choses qu'ils regrettent après, parce que la participation, c'est très bien, mais on ne sait jamais où cela peut vous mener.

J'ai donc participé. Pourquoi? On cherche naturellement en soi-même la raison. Je pense que je voulais mériter ma place au soleil, avoir la tête haute en rentrant. Je savais que même si en France être réfugié, apatride, était une catégorie et que personne ne nous faisait de misères, on n'était tout de même pas des citoyens à part entière.

PM: *Pour reprendre une expression de Raymond Aron, je pense qu'en réalité vous ne supportiez pas l'idée d'être spectateur.*

NW: C'est cela. Sauf qu'Aron était justement spectateur et non pas acteur. En 1940, il avait résilié son engagement dans la France Libre, comme sergent dans les chars et a passé la guerre à Londres à écrire dans le journal France Libre anti-gaulliste.

PM: *Ce que vous vouliez c'était être un acteur.*

NW: Acteur, voilà, c'est cela.

PM: *Vous ne supportiez pas, et votre père de la même façon en Russie ne le supportait pas, d'être spectateur. Où que cela l'ait conduit, qu'il ait considéré cela comme difficile ou pénible, il a été un acteur. Vous, dans ce que vous continuez à faire pour la Russie, les œuvres dont vous vous occupez et le raisonnement que vous continuez à mener sur l'avenir de la Russie, c'est en tant qu'acteur et non pas en tant que représentant d'une catégorie sociale et d'un moment de l'histoire que vous le faites.*

NW: C'est cela. Et d'ailleurs, dans cette même logique, quand il y a cette menace de l'OAS, du putsch des généraux, je décide de m'engager. Aujourd'hui les

gens sourient, mais sur le moment il y avait une espèce d'atmosphère de panique. Pour quelqu'un qui par nature s'engage, cela suffit pour se dire tout à coup: Est-ce que je ne dois pas faire quelque chose? C'est comme cela que je prends ma gamelle, ma musette et que je vais au Grand Palais pour signer un engagement. Aujourd'hui, cela me semble d'une absolue simplicité, un geste de citoyen. Voilà. Je crois que là-dessus il n'y a pas grand chose à ajouter.

PM: *La seule chose que je voudrais ajouter peut-être, si vous le permettez, avant de conclure sur votre vie en France et en Angleterre, c'est que, les faits me paraissant parfaitement cohérents et unis, j'ai envie de relier cette extrême liberté de penser à votre milieu.*

NW: Sûrement, mais cela est dû à l'éducation que j'ai reçue. Nous sommes le résultat d'une éducation. Par conséquent, j'ai vu mon père fréquenter toutes sortes de gens: alors que les gens de son milieu russe n'avaient pas d'amis juifs, mon père avait des quantités d'amis juifs. De la même façon, mon père voyait des Soviétiques alors que cela était impossible, inadmissible. Ce qui est très curieux, c'est que mon père ayant reçu Alexis Tolstoï, l'écrivain chantre de Staline, va dîner chez Troubetskoï où il rencontre des anciens des Chevaliers-Gardes. Il passait des uns aux autres avec une facilité étonnante parce qu'il trouvait sympathique de retrouver les anciens des Chevaliers-Gardes et de voir aussi Tolstoï dire que Staline était extraordinaire. Moi, je n'assistais pas à ces entretiens, mais je savais qu'il était là, puisque je suis allé au théâtre des Champs-Élysées avec mon père et Tolstoï. Je savais qui il était, que c'était un grand personnage politique et, au fond, c'est assez curieux quand on est jeune, car je savais que tous mes amis, tous mes amis russes, seraient étonnés quand ils apprendraient que j'étais assis dans la loge d'un théâtre à côté d'Alexis Tolstoï. Mais, voilà. Naturellement tout cela vient du fait que mon père ne m'a jamais enseigné, mais m'a montré qu'il faut voir tout le monde, qu'il faut écouter tout le monde et être tout à fait à l'aise. Aussi, je n'ai aucun tabou.

Quand a éclaté la guerre de 1939, les Russes immigrés en France ont été mobilisés, ils ont fait leur devoir correctement. Beaucoup de Russes blancs sont tombés dans l'armée française en 1939-1940. Ils ont été appelés, ils ont fait leur devoir et il n'y a aucun reproche à leur faire. La plupart ne sont pas Français, ils sont apatrides, ils sont appelés parce que le gouvernement français a signé un décret rendant ces gens-là mobilisables. Les plus nombreux ne participent à aucune action parce qu'ils ne savent pas très bien pour qui et pour quoi se battre. Leur Russie n'existait plus et la Russie de là-bas était tenue par des gens qui avaient renversé leur pays. Par conséquent, ils ne font rien.

PM: *Nous avons longuement parlé de la France, des quatorze ans que vous y avez passé, entre 1924 et 1938. Qu'est-ce qui vous a marqué de ces quatorze ans passés en France?*

NW: Peu de choses. À cette époque-là je n'étais ni Russe ni Français. Ma Russie est imaginaire et ma France livresque. De 1924 à 1930, je vis chez l'un et chez l'autre des amis de mon père qui, lui, est trop occupé pour m'avoir avec lui. Mon frère et ma sœur sont déjà en Angleterre. Je passe beaucoup de temps, trois ans en tout, dans des cliniques à soigner une ostéite.

En 1930, à quinze ans je rentre en 5e, externe, à l'école Lacordaire, chez les dominicains à Meudon, où je reste jusqu'au bachot. J'apprends le français, que je connais mal, ayant vécu entre Russes. J'ai des camarades français, je commence à lire, je me francise sans m'en rendre compte.

PM: *Est-ce qu'il y a des éléments importants de la politique française qui vous ont marqué ou plus généralement est-ce que vous vous considériez en transit entre la Russie et l'Angleterre où votre frère et votre sœur étaient installés. Comment avez-vous vécu, avec le recul, cette période de quatorze années en France?*

NW: Je vous le dis. Cette période ne m'a pas marqué du tout du point de vue de la France. Je ne sais pas comment vous expliquer, car les choses simples sont difficiles à expliquer.

Je suis allé à l'école de la cinquième à la philo. En classe, j'avais du goût pour Racine. Pour moi, c'est un signe du lien qui m'unit à la France. Je n'avais pas un seul ami français parce qu'à mon époque si nous avions des copains en classe, les familles ne se fréquentaient pas. Je n'ai jamais de ma vie été dans l'appartement des parents de mes copains et je suis absolument sûr et certain que cela n'avait rien à voir avec le fait que j'étais Russe. Je suis convaincu que c'était une chose qui ne se faisait pas. Alors donc, je n'ai pas d'amis français mais des amis russes, car je vis dans un milieu russe.

Chaque moment de libre, toutes mes vacances, je les passe à Fleury, dans la maison de famille et les samedis, dimanches et autres petites vacances avec les amis russes. Tout le monde se sentait parfaitement à l'aise; nous sommes jeunes, sans le sou, nous rigolons, tout va très bien et tout le monde est conscient d'appartenir aux mêmes familles.

La seule chose, c'est peut-être qu'à partir du moment où nous sommes en philo, nous commençons à entendre parler d'activités politiques. Je me souviens vaguement des camelots du Roi qui demandaient de vendre le dimanche L'Action française. Le dimanche c'était intéressant parce qu'il y avait des bagarres entre ceux qui vendaient L'Action française et ceux qui vendaient L'Humanité. C'était mouvementé. Mais c'était comme cela, comme on va à un match de foot. Je suis allé, je crois me rappeler que c'était salle Gaveau, entendre Maurras parce que quelqu'un m'avait dit: «Est-ce que tu viens?» et que je l'ai suivi. D'autres copains me disaient souvent: «Viens, on va voir ceci, on va voir cela», et j'allais là ou ailleurs. À l'époque, il y avait beaucoup de conférences à Paris, à la Mutualité ou aux Ambassadeurs. Je n'avais donc aucune appartenance à aucun parti.

Je vais vous dire une chose, aussi simple que possible, au fond la première famille française que j'ai connu, c'est la famille Noailles en épousant Sabine. Avant la guerre, je vivais dans un milieu russe, étudiant en philo à Lakanal, puis j'habite la cité universitaire, j'ai des copains étudiants, on dîne ensemble, on va à la cantine ensemble et on ne va pas dans les familles. Par conséquent, je ne connais pas les familles françaises. Ensuite, c'est Oxford, puis c'est la guerre. Tout de suite après la guerre c'est New York et les Nations Unies. Je rencontre cette jeune fille et je rentre dans une famille française. Les gens me disent souvent que c'est parce que les Français sont xénophobes. Pas du tout. C'est parce que cela s'est fait ainsi. Je dois dire que, dans l'ensemble, très peu de mes amis russes ont fréquenté des Français et l'immense majorité des Russes de mon espèce et de mon âge ont épousé des Russes. La génération suivante a, elle, épousé en majorité des Françaises. Mais, à ma génération, les Russes épousaient des Russes.

PM: *Donc, là aussi, vous vous singularisez.*

NW: Non, on ne peut pas dire cela. En réalité, la guerre m'a marqué. Non pas parce que j'ai tiré des coups de fusil, mais parce que ce fut une expérience. Par conséquent, quand je rentre de cette expérience à Paris, je me rends compte que parmi tous mes amis, je n'ai personne à qui dire: «Pierre, Jacques, tu sais, je suis rentré de la guerre...». Ma tante, la sœur de ma mère qui habite l'appartement de mon père pendant la guerre, me dit: «Tu sais, fais attention parce que celui-ci était dans l'armée allemande, le père de celui-là était dans l'armée allemande, celui-ci a travaillé comme civil et est devenu très riche... Fais attention». Finalement, je n'ai personne à qui téléphoner parmi tous mes amis.

J'appelle tout de même mon frère aîné, qui est en fait mon demi-frère, qui habite à Meudon et qui avait fait en France une carrière militaire russe avant la guerre dans le cadre d'une école militaire russe d'officiers qui se préparaient à retourner en Russie. Mon frère était capitaine et en 1945, je lui téléphone: «Alexandre, déjeunons ensemble». Je lui demande ce qu'il a fait pendant cette guerre puisqu'il était militaire. Il me répond qu'il savait qu'il fallait qu'il se batte mais qu'il n'a jamais pu décider de quel côté il devait le faire. Il est devenu prêtre. Là il n'y a plus de doute, il a trouvé son chemin.

Je veux dire que par conséquent la guerre a séparé les gens. L'émigration russe avant la guerre était un bloc constitué de tous les milieux parce que je ne parle pas que des grandes familles mais des cent mille Russes qui vivaient en France. Tous les Russes de l'émigration étaient anti-bolcheviques, même s'il y avait certaines différences. Certains étaient anti-bolcheviques monarchistes, d'autres anti-bolcheviques républicains, mais tous étaient anti-bolcheviques. Dès lors, c'était assez homogène et tout le monde espérait que la Russie changerait pour pouvoir y revenir.

Et puis, arrive la guerre et tout à coup tout cet univers s'écroule. Par conséquent, il n'y a plus de cohésion, il n'y a plus de vie russe. Quand je rentre en 1945 et avant de repartir en 1946 à New York, je ne retrouve plus la vie d'avant.

L'homogénéité entre Russes disparaît après la guerre du fait que l'anti-bolchevisme qui les rassemblait, s'atténue. La victoire est attribuée aux armées russes et au peuple et laisse présager des changements. Le sacrifice du peuple russe est d'une telle ampleur qu'il confère au gouvernement soviétique une certaine légitimité nationale. Certains attendent les changements et restent à l'écoute, d'autres (quatre mille à Paris) demandent à rentrer en URSS, d'autres restent fidèles à leur conviction monarchique. La dissension s'installe.

PM: *L'explication, vous venez de la donner, je ne l'avais pas en tête, c'est qu'effectivement la société russe n'existait plus après la guerre et, qu'en outre, vos différents allers et retours ne facilitaient pas la continuité de vos relations. Quand vous êtes en France entre 1924 et 1938, vous n'êtes pas Français, mais apatride. Si vous le voulez bien, nous pourrions parler de l'Angleterre où vous passez deux ans. Dans quelles conditions y allez-vous? Est-ce pour rejoindre votre frère et votre sœur?*

NW: Mon père avait trouvé une banque – je crois que c'était l'Union de Banques à Paris – qui lui avait dit qu'elle pourrait me prendre si je possédais un diplôme anglais. Je décide alors d'aller faire un diplôme du genre «Sciences Po» à Oxford. Je parlais à peine anglais et ce n'était pas facile.

PM: *Vous êtes interne à Oxford?*

NW: Obligatoirement, puisqu'il n'y avait pas d'autre régime. En réalité dans le système d'Oxford, il y a l'université qui ne loge personne et il y a les collèges. On habite dans un collège, on a des «tuteurs», des gens qui nous aident à travailler et ensuite on prépare un examen universitaire. L'université est là pour les examens mais la préparation et la vie se déroulent au collège.

PM: *Quelles familles rencontrez-vous là-bas? Y a-t-il des gens que vous rencontrez en dehors du collège? Votre vie pendant ces deux années est-elle uniquement inscrite entre les murs du collège?*

NW: Dès mon arrivée à Oxford, fin 1937, je rencontre un garçon, qui est toujours à Londres et qui s'appelle Astor. Astor est le plus jeune fils de Lord Astor. Les Astor font partie des immenses fortunes américaines qui sont venues s'installer en Angleterre au début de notre siècle. Donc, ce Lord Astor qui était Américain mais sujet britannique, vivait dans une opulence rare et dans un luxe extravagant dans des grandes maisons à Londres ou des palais à la campagne.

Par hasard, je suis devenu ami du fils et ce fils m'a immédiatement invité, parce qu'en Angleterre on invite chez soi durant les fameux week-ends. Je passe un week-end, puis les vacances de Noël dans ce grand endroit qui s'appelle Cliveden. Cliveden, c'est un ancien palais Buckingham. Comme le palais de Buckingham

à Londres était la maison de ville il y avait un Buckingham à la campagne qui était à peu près pareil. C'est pour vous donner une idée du monde dans lequel je tombe. J'ai naturellement fait la connaissance, du jour au lendemain, d'une masse de gens parce que durant les week-ends à Cliveden, il y avait au moins vingt ou vingt-cinq invités adultes et en plus les adolescents, puisque chacun des fils Astor – mon ami est le quatrième – a ses invités. Alors, l'un s'intéressait à ceci, l'autre s'intéressait à cela, ce qui faisait un mélange assez extraordinaire. Les parents invitaient régulièrement des membres du gouvernement, de la Chambre des Lords et des gens importants.

Ce qui est extraordinaire, c'est la simplicité d'attitude et de vie. On ne trouverait pas cela dans d'autres pays ou dans d'autres milieux. Là-bas, c'est excessivement simple. Par ailleurs, je n'ai jamais senti à aucun moment la moindre attitude, la moindre remarque de qui que ce soit du fait que j'arrivais avec des vêtements qui n'étaient pas de la même qualité que ceux des autres et que tout le monde savait que je n'avais strictement rien. Il n'y a jamais eu quoi que ce soit qui ait pu me déranger.

Nous passions les week-ends à Cliveden, nous nous retrouvions aussi à Londres. À Londres, quelqu'un disait: «Si nous allions dîner, par exemple, au Ritz?» et cela ne s'est jamais déroulé de telle façon que je puisse être gêné de ne pas payer ma part. Je ne sais pas, tout était organisé... Je remarque que, par exemple, aujourd'hui où je vis dans un milieu de gens fortunés, dans l'ensemble, on parle beaucoup d'argent. C'est un sujet que je n'ai jamais entendu dans ma jeunesse en Angleterre.

Donc, toute cette vie passée avec les Astor à Cliveden est pour moi un moment extraordinaire. En outre, Lady Astor, qui est la première femme député en Angleterre, est un grand personnage de la société londonienne, non seulement parce que ce sont des gens follement fortunés, mais parce qu'elle est très active, qu'elle est très en vue et qu'elle connaît la terre entière. Pour une raison que je ne connais pas, elle me prend en sympathie et je suis tout le temps avec eux. Même plus tard, lorsque la guerre commence et que je ne sais pas où habiter, j'habite à Cliveden et c'est avec elle que je me rends tous les jours à la Chambre des Communes où j'assiste aux débats.

Wyruboff

Le plus ancien des Wyruboff s'appelle Mikhaïl. (Vyroubov, selon l'ancienne orthographe). On lui connaît deux fils: Ivan, boyard de Ivan IV dit le Terrible, et Evstafi. Ennobli en 1573, le fils de ce dernier (Ivan) est l'ancêtre direct des Wyruboff d'aujourd'hui. Son premier petit-fils (Mikhaïl) donne naissance à

la branche moscovite, et le second (Dimitri) à la branche de Smolensk. L'arbre généalogique de la famille est impressionnant: Conseiller d'état, Ministre, Général, Député, Scientifique, Acteur, Compagnon du général de Gaulle, pour citer les plus éminents d'entre eux.

Installés à Penza, à 600 km au sud-est de Moscou, ils y possèdent de nombreuses terres peuplées de milliers de serfs, offertes par les Princes régnants, en gages de leur loyauté. De la caste des boyards, descendants des tatars dont le joug prend fin au 14-ème siècle, ils font partie du Conseil privé du gouverneur, et occupent des fonctions officielles. C'est de cette ville, aujourd'hui agglomération de six cent mille habitants, qu'est également originaire ma grand-mère maternelle. Son père, Alexandre Alexandrovitch Kiriev y possède sa tombe. En raison de sa position géographique excentrée, lors de la dernière guerre, les allemands n'y sont pas venus, le cimetière n'a pas été profané, et les archives sont demeurées intactes.

Au début du vingtième siècle, Alexandre Wyrouboff, mon grand-père maternel, est membre de l'Etat-major du tsar Nicolas II, en qualité d'attaché naval. Il y entre en raison des liens qui unissent son père avec le Grand Duc Michel Nicolaevitch, vice-roi du Caucase et fils du tsar Nicolas 1er. De plus il est apparenté au tsar par le fils naturel du Grand Duc Constantin.

Obéissant aux ordres du tsar, il est contraint de prendre pour femme Anna Taneev, la fille du chancelier, une femme rondouillarde, bêtasse, et exaltée. Ce n'est pas un mariage d'amour. En effet, celle-ci est l'amie de la tsarine mais ne peut figurer parmi ses dames de compagnie que si elle possède un époux. Le monarque est tout puissant, et le jeune Alexandre doit s'exécuter.

Raspoutine réside à la cour, amené de Sibérie par Anna pour ses dons exceptionnels de guérisseur. Alexis, le fils du tsar est hémophile, et seul ce moine halluciné parvient à arrêter les hémorragies chroniques du petit garçon.

Vivant dans un palais alloué par la cour, mon grand-père se fait, à son corps défendant, l'entremetteur de la tsarine et de ses bons amis qui trouvent dans sa demeure le lieu idéal pour des rendez-vous secrets. A chacune de ces rencontres, il est envoyé en mission. Cela lui déplaît car il soupçonne fortement qu'il se trame chez lui, avec la complicité de sa femme, des choses peu convenables. Un soir, rentrant à l'improviste, il bouscule la sentinelle postée à l'entrée, pénètre dans sa chambre à coucher, et surprend la tsarine assise dans un fauteuil avec à ses pieds, le chef de la Garde, en train de lui déclarer sa flamme. Furieux, ce dernier l'intime de se taire, mais mon grand-père, en homme courageux, le dénonce à ses supérieurs. Exilé au Caire, le séducteur y meurt de maladie quelques mois plus tard. L'impératrice décide alors la séparation du couple. Le mariage n'a pas été consommé et le Saint Synode prononce le divorce. (La scénette dans la chambre à coucher n'est mentionnée nulle part, elle fait partie des anecdotes colportées de bouche en bouche par les membres de la famille. On raconte même que l'amant

empressé était un des princes Orlov, rendus célèbres par leurs exploits dans les alcôves impériales. A ne pas confondre avec Nicolas Orloff, surnommé par les historiens «Le Prince de l'ombre».

Quittant alors le service du tsar, mon grand-père retourne à Penza où il rencontre ma grand-mère Marie avec laquelle il se marie, lui faisant quatre filles dont l'une mourra en bas âge. Retrouvant sa fonction d'attaché naval à Pskov, proche de la Pologne, il s'y installe avec sa famille. C'est là que naît Irène, la seconde sœur de ma mère.

En 1904, il participe à la guerre contre le Japon où il est fait prisonnier. (Je possède une photo de lui, où on le voit, assis par terre, prenant tranquillement le thé en compagnie de geishas.) Quand survient la révolution, il est à Odessa où il a un commandement dans la flotte impériale. Aidant les réfugiés à embarquer à destination de l'Europe, via Bizerte en Tunisie, il y décède, atteint du Typhus. Cependant, sa famille a eu le temps de quitter la Crimée pour se réfugier à Nice en France, ville balnéaire où les russes aisés avaient l'habitude de prendre leurs quartiers d'hiver. Avant de devenir la fameuse promenade dite «des anglais», elle était celle des russes, et notamment de l'impératrice qui y possédait une grande propriété.

Francs maçons reconnus, libéraux, humanistes, cultivés, les Wyrouboff ont exercé de tous temps une influence non négligeable sur la transformation de la société russe. L'un d'eux, Nicolas Wassilievitch, ami du grand-père de Nicolas II, était un épicurien qui, avant de se rendre aux champs pour contrôler le travail de ses paysans, avait l'habitude de lire les vers du poète latin Tite Live dans le texte.

Pour l'anecdote, mon grand-oncle Vassia Wyrouboff, frère aîné de mon grand-père, doit à ses relations maçonniques d'avoir été relativement protégé pendant la Révolution. Les événements ne l'aigrissent pas contrairement à la diaspora russe de l'époque. C'est un jeune homme intelligent, actif, rassembleur, et qui sait ce qu'il veut. Il le prouvera sa vie durant.

Nanti d'un doctorat de mathématiques de l'Université de St Petersburg, université se réclamant de la mentalité occidentale par opposition à celle plus nationaliste de Moscou, Vassia est âgé de 25 ans quand ses parents meurent. Il hérite alors de la gestion des terres familiales de Penza.

Le prince Lvov, apparenté à Vassia par sa mère, ayant fait des études de droit, s'intéresse à l'humanitaire. Chef de l'union des «Zemstvovs» et membre de Zemgor, comité mixte qui aide à l'approvisionnement des militaires en tentes, médicaments, nourriture, moyen de transports, pour les blessés de la première guerre, il y fait entrer son jeune cousin Vassia qui devient l'un des administrateurs sur le front de l'ouest. En 1905, Lvov est député de la Douma, puis en 1917, après l'abdication du tsar Nicolas II auquel il contribue, il est fait Premier Ministre, puis Chef d'Etat. Vassia est nommé Secrétaire d'Etat au Ministère de l'Intérieur.

Réunissant des gens de toutes tendances, le gouvernement opte pour une monarchie constitutionnelle dotée d'une chambre de députés, sur le modèle anglais.

L'euphorie ne dure pas longtemps.

Persécuté par la Police tsariste, réfugié en Europe, Lénine revient clandestinement à Saint Petersburg. Profitant de la liberté de la Presse et de la récente mesure du gouvernement libéral dirigé par le Prince Lvov, donnant droit à l'existence des Partis politiques, il y fomenta le soulèvement des ouvriers, bientôt ralliés par les marins et les soldats de l'Armée impériale. En octobre 1917, le gouvernement provisoire est révoqué. L'armée impériale est dissoute, donnant lieu dans un premier temps à une lutte sanglante dans le nord, près de la Finlande et de la Lituanie, entre deux nouvelles armées: la Blanche composée par les partisans de l'ancien Régime et la Rouge par les révolutionnaires, appelés bolcheviques. Cette guerre fratricide va se poursuivre pendant quatre ans et s'étendre du nord au sud, puis à l'Est.

Lvov est contraint de prendre la fuite en Sibérie, où il se cache. Il fait parvenir un message à Vassia l'enjoignant de le rejoindre à Vladivostok. Entre temps, ce dernier s'est marié à Olga Galakhoff qui lui a donné trois enfants, (Vassia, Nicolas, et Irène), et qui vit à Orel (pas très loin de Toula, berceau de la famille Tolstoï).

La suite, on la connaît. Tous les deux s'embarquent à destination de San Francisco, via le Japon. Reçus à Washington par le Président Wilson, puis à Londres par Loyd Georges, enfin à Paris par Clemenceau, ils plaident la cause du général Kolchak, acculé en Sibérie, et qui a besoin d'argent pour continuer sa lutte contre l'Armée rouge. Ils s'opposent à un refus catégorique, la seconde guerre mondiale vient à peine de s'achever, et le monde doit se reconstruire.

Dépités, les deux complices s'établissent en France, où ils vont gérer les fonds déposés par l'ancien gouvernement dans les ambassades russes pour subvenir aux efforts de la guerre contre le Japon. Restées fidèles à la Monarchie, celles-ci refusent de restituer l'argent aux Bolcheviques, qui servira à aider les réfugiés à s'installer en Europe. Dans les années qui suivront, Vassia fera venir ses enfants en France ainsi que sa belle-sœur Kyra, son épouse Olga étant décédée en Russie.

Telle est, dans les grandes lignes, l'histoire agitée de la famille Wyruboff, dont le nom, hélas, est condamné à disparaître du fait de l'absence d'héritiers mâles.

Aujourd'hui, qu'en est-il advenu de la descendance?

Le fils aîné de Vassia Wyruboff, qui porte le même pronom, est décédé à Buenos Aires, laissant à sa veuve Sophie, trois filles, Sophie, Nathalie, et Marie. Le fils cadet Nicolas est décédé en France, sans laisser d'enfant. La fille Irène, également décédée en France, a eu un fils, le prince Nikita Lobanov-Rostovsky. Celui-ci vit à Londres où il coule des jours heureux.

Les trois filles d'Alexandre Wyruboff, Mania, Irène, et Olga, décédées toutes les trois, ont eu pour deux d'entre elles (Mania et Olga, Irène étant restée célibataire) sept enfants, Hélène, Nathalie, Tatiana, Daria du côté de Mania, et Michel, Alexandre, Marie, du côté d'Olga, de leur union respective avec le prince Constantin Gortchacow et le comte Serge Tolstoi.

Nicolas WYROUBOFF
GRÉGOIRE N. WYROUBOFF (1843–1913)
Chevalier de la Légion d'honneur à titre militaire
Professeur au Collège de France

Au cours du siècle dernier diverses écoles de pensée se sont manifestées, notamment le positivisme. Cette doctrine initiée par Auguste Comte a persisté jusqu'au début de notre siècle, elle opposait le concept de la vérité scientifique aux preuves métaphysiques et eut de nombreux adeptes dans les milieux intellectuels en France et en Europe. Littré et Wyruboff en furent les propagandistes ardents dans leur revue *La Philosophie positive* et lui apportèrent des modifications pour lui donner un contenu sociologique mieux adapté aux orientations de l'époque. Des hommes de gouvernement, tels que Jules Ferry et Combes s'en inspirèrent dans l'élaboration des lois sociales, tandis que Taine et Renan et plus tard Clémenceau et même Poincaré se réclamèrent de cette pensée. L'idée affirmait que l'acquis des sciences et des connaissances était un élément régulateur de progrès social et qu'il convenait de le rendre accessible à un plus grand nombre par la vulgarisation. Wyruboff s'y employa par des articles dans sa revue et fut désapprouvé par les scientifiques qui refusaient toute immixtion philosophique ou sociologique dans les sciences qui devaient rester un domaine réservé aux initiés.

On comprendra, dès lors, les réticences académiques qu'il a fallu surmonter pour créer la chaire de l'Histoire des Sciences au Collège de France voulue par Comte, pour laquelle Littré et Wyruboff menèrent campagne et que Jules Ferry appela de ses vœux. C'est finalement Léon Bourgeois, ministre de l'Instruction publique, qui créera la chaire en 1892 en l'attribuant à Pierre Laffitte, qui fit l'unanimité; il convenait aux Positivistes, qui voyaient en lui l'ami et disciple de Comte et aux scientifiques, pour lesquels il était un savant de renommée mondiale.

Bien que Laffitte n'enseignât pas expressément le positivisme à cette chaire, le fait d'en être le chef spirituel et un proche de Comte donnait à sa nomination une signification d'avancée positiviste dans l'enceinte académique récalcitrante.

Après le décès de Lafitte, en 1903, Wyruboff se portera candidat à sa succession. L'âge venant, ayant longuement professé, il voulait certainement occuper ce poste d'enseignement prestigieux et en sa qualité de chef de file du positivisme il se devait de préserver ce fief durement conquis.

Pour départager les candidats à la chaire le Collège procéda, suivant la tradition, à des élections. Sur 36 votants, au premier tour, Wyruboff obtint 14 voix et Tannery 13, le reste se répartissant entre les six autres candidats. Personne n'ayant atteint la majorité requise de 19 on procéda au deuxième tour, donnant 21 voix à Tannery et 15 à Wyruboff.

L'Académie des Sciences fut appelée à se prononcer sur ce choix, du fait de la matière enseignée; sur 47 votants, 40 voix se portèrent sur Tannery et 5 voix sur Wyruboff.

Par ce vote les scientifiques, en confirmant clairement le choix du Collège, marquaient leur préférence pour Tannery et leur méfiance à l'égard de l'engagement positiviste de Wyruboff. Tannery, comme son frère l'éminent directeur des Sciences à l'école Normale supérieure, était du sérail universitaire auquel Wyruboff n'appartenait pas.

Il n'était pas un professeur érudit mais un homme de société enseignant ses connaissances et propageant ses convictions, travaillant dans son laboratoire et publiant sa revue; esprit indépendant, il surprenait son auditoire par la hardiesse de ses propos. C'était un candidat *hors catégorie*.

Quoiqu'il en soit, le résultat de l'élection du Collège fut communiqué au ministre de l'Instruction publique qui, habituellement, ne faisait qu'entériner la proposition qui lui était soumise. Or, à la surprise générale, Emile Combes, Président du Conseil, imposa Wyruboff au détriment de Tannery. Cet acte d'autorité suscita des commentaires souvent mal fondés mais qui perdurent aujourd'hui.

Pourtant, tout porte à croire que la décision était de nature politique et d'inspiration positiviste. Il n'est pas interdit de penser qu'en présence de deux candidats Combes ait donné la préférence à celui qui cadrait le mieux avec son projet de société sans trop se soucier des qualités académiques. C'était dans l'air du temps!

Rappelons qu'à l'époque les radicaux venus au pouvoir étaient engagés dans un ambitieux programme de réformes que Combes était décidé de poursuivre en imposant les orientations inspirées du positivisme dont il était devenu un adepte. La loi sur la séparation de l'Eglise et de l'Etat était en gestation et l'affaire Dreyfus pas encore réglée. Combes était sur la brèche et cherchait des alliés en particulier dans les milieux intellectuels et influents qui lui étaient peu familiers et dans lesquels Wyruboff jouissait d'une large audience.

Dans ce climat, les compétences universitaires dont Paul Tannery était en droit de se prévaloir n'avaient pas grande chance d'être prises en compte. Polytechnicien,

professeur ayant longuement enseigné avec talent les mathématiques et les sciences antiques et moyenâgeuses, il était incontestablement le plus qualifié mais les circonstances ne s'y prêtaient pas.

Wyrouboff, par contre, docteur en médecine, docteur en chimie, minéralogue distingué, cristallographe de mérite, pédagogue écouté, bien que savant de moindre calibre, avait les atouts qui valorisaient sa candidature. Positiviste de renom, dreyfusard, il était d'opinion avancée sans appartenir à un parti malgré des sollicitations pressantes. C'était un homme d'influence.

Il n'était pas un proche de Combes, comme il l'avait été de Littré et Jules Ferry avec lesquels il entretenait des relations privilégiées mais il avait des amis au gouvernement et au Sénat et Combes, conscient de l'autorité dont il jouissait auprès d'hommes de talent qu'il voulait gagner à sa cause, usa de ses prérogatives et passant outre le choix du Collège fit attribuer la chaire à Wyrouboff.

Rien ne permet d'affirmer que cette décision était le fait d'une influence maçonnique sous prétexte que Wyrouboff était vice-président du Grand Orient et Combes un membre de moindre grade. C'est une supposition gratuite et c'est mal juger Wyrouboff et surtout le mésestimer que de croire qu'il aurait pu accepter d'être l'objet d'un tel favoritisme de la part de qui que ce soit, fût-il Président du Conseil.

C'était un personnage connu pour ses prises de position publiques et courageuses, pétitionnant des hommes d'influence pour les amener à soutenir des causes qu'il avait à cœur de servir, comme il le fit dans l'affaire Dreyfus ou sur la tombe de Littré pour réfuter le prétendu reniement tardif de ses engagements antérieurs. Sa réputation d'intégrité était largement reconnue, elle lui avait valu de nombreuses marques d'estime, notamment de Littré, de Jules Ferry, qui l'appela son *directeur de conscience*, de Marie Curie et de bien d'autres. C'était une personnalité originale, il avait le goût du savoir et le goût de l'action.

Le mérite de Wyrouboff ne réside pas dans l'aboutissement de ses recherches de laboratoire; bien que largement reconnues par ses collaborateurs elles avaient manqué de vision scientifique; son mérite ne consiste pas non plus dans l'empreinte durable de la pensée positiviste dont il fut le propagateur mais qui restera sans lendemain. Son mérite probant aura été sa constante préoccupation tournée essentiellement vers les faits de société et le progrès de l'homme qui fut le dogme de sa vie et qui garde toute sa valeur à ce jour.

Il ne faudrait pas non plus attribuer sa nomination à du népotisme dont Combes était capable, car tout les différenciait et s'il y eut des convergences entre eux il n'y a jamais eu d'affinités.

Combes naît dans un milieu modeste, se destine à un état ecclésiastique, fait son doctorat en théologie, puis en médecine, qu'il pratique en province; prend

goût à la politique, rompt avec ses premiers engagements, rejoint le parti radical, devient franc-maçon, comme cela était de mise dans sa famille politique, puis positiviste comme il convenait de l'être dans les milieux dirigeants. C'est un rebelle.

Wyrouboff appartient à une vieille famille russe, aisée et éclairée. Il reçoit une formation rigoureuse dont il gardera les manières. Esprit ouvert, il acquiert de vastes connaissances dans les domaines les plus divers de la science, s'intéresse dès son jeune âge à la philosophie, aux arts et aux lettres, amateur de peintures anciennes qu'il légua aux musées de France, il voyage beaucoup, connaît les langues, homme de vaste culture il se lie avec des hommes d'esprit de pays variés. Ami de Tourguéniev, qu'il aida à secourir les Russes venus s'abriter à Paris, il partagea les idées d'Herzen qui en fit son exécuteur testamentaire. Il ne rompt pas avec son milieu, visite ses propriétés en Russie mais se sentant à l'étroit dans son entourage naturel s'en éloigne et pense différemment. Il aspire à un monde meilleur, sans rien détruire, par l'évolution des esprits et par l'acquis des connaissances qui ouvrent de plus larges horizons. Il est franc-maçon par tradition familiale, comme son père et son frère et positiviste dès les années du lycée Alexandre, en Russie, sous l'influence de son professeur de français, Pommier, disciple de Comte. Homme de conviction et de courage, étudiant à Paris quand débute la guerre de 1870, il s'engage dans la garde nationale à titre étranger. Il se distingue au cours du siège de Paris en portant secours dans des conditions périlleuses aussi bien aux Versaillais qu'aux Communards dont il reconnaît le sacrifice ce qui lui attirera les foudres du Pouvoir. Fait chevalier de la Légion d'honneur à titre militaire il refusera plus tard toute promotion dans l'ordre à titre civil pour ne pas ternir son mérite initial.

Vivant à Paris, marié à la sœur de Charles Richet, prix Nobel de physiologie, travaillant au laboratoire, professant à la Sorbonne, il part pour le Caucase quand éclate la guerre russo-turque en 1876 pour aller soigner les blessés et témoigner sa solidarité à ses compatriotes. Enfin, s'étant lié d'amitié avec Garibaldi au cours du siège de Paris, il ira le rejoindre sur les lieux de ses combats libérateurs pour lui apporter son soutien.

Il continuera à enseigner et à travailler dans son laboratoire jusqu'au bout de ses forces et s'en alla discrètement, comme il l'avait voulu, sans cérémonie, sans fleurs, sans discours. Les éloges vinrent après témoigner d'une vie bien remplie.

La chaire de l'Histoire des Sciences fut supprimée après lui.

Nicolas WYROUBOFF

Commandeur de la Légion d'honneur

Compagnon de la Libération

Mai 1999, Paris

2 février 2000
Musée de l'Ordre de la Libération
A l'attention de M. Trouplain

Cher Monsieur,

L'autre jour, j'ai évoqué la question de la présence des étrangers au sein de l'Ordre.

Leur engagement dans les F.F.L. ou dans la Résistance avait un caractère particulier même si le but du combat était le même pour tous. Ces hommes, sans liens de sang avec la France, avaient voulu prendre part aux combats de la Libération au moment où les gouvernants préconisaient l'apaisement et les volontaires étaient rares. Certains connaissaient mal la France mais l'admiraient; ils avaient noué des liens au cours de leurs études en se pénétrant de sa culture et outrés qu'elle soit bafouée par l'occupant, ils voulurent le chasser.

Ils n'obéissaient à aucun ordre ni à aucune contrainte et n'avaient aucun devoir à accomplir vis à vis de quiconque si ce n'est leur propre conscience, c'était un devoir qu'ils s'étaient librement imposé et qui était d'autant plus astreignant que seuls ils en connaissaient les exigences.

Tel fut le cas du Compagnon Victor MIRKIN. C'était un Russe, émigré en France il avait fait ses études secondaires et son droit à Paris. Sioniste convaincu, il avait décidé d'aller vivre en Palestine et s'installa à Haïfa comme avocat. Bien qu'il ait quitté la France définitivement et se trouvait sous mandat britannique c'est dans les Forces Françaises Libres qu'il s'engage par affinité quand nous sommes rassemblés au camp de Quastina avant la campagne de Syrie. Affecté au 3ème bureau de l'état major de la 2ème brigade du Général Cazeaud, il participe aux campagnes de Lybie, de Tunisie, d'Italie, de France. En 1944, dans les Vosges, voyant la guerre tirer à sa fin, MIRKIN a dû se rendre compte qu'il n'avait pas eu l'occasion de se trouver face à l'ennemi les armes à la main, ce pourquoi il s'était engagé; alors, de son propre chef, il rejoint une patrouille de reconnaissance et tombe mortellement atteint au cours d'un accrochage.

Je vous envoie ce témoignage à toutes fins utiles.

Bien cordialement,

N. WYROUBOFF
52, avenue d'Iéna 75116 Paris

Paris, le 16 mai 2002

EXPEDITEUR: FAX N° (1) 47 34 77 79

Mania MOURAIT, 65 bd Garibaldi, 75015 PARIS

TELECOPIE à : Monsieur Nicolas WYROUBOFF

FAX N° : 01 47 20 16 11

DATE : 29 juin 1998

REFERENCE : commentaires sur la présentation de la lettre ci-après

NOMBRE DE PAGES Y COMPRIS CELLE-CI: 3 (trois)

EN CAS DE PROBLEME APPELER LE (1) 47 34 93 92 OU LE (1) 47 34 77 79 (fax/répondeur)

Comme la lettre est sur deux pages, comment veux-tu la couper? Comme je l'ai fait ou autrement? pour ne pas avoir une deuxième page trop courte j'ai laissé beaucoup de blanc en haut, est-ce bien ou mal ne sais pas moi-même. On ne peut pas descendre l'en-tête de la première page car l'adresse ne serait plus dans la fenêtre.

Veux-tu un recto verso sur la même feuille ou deux feuilles séparées?

Je n'ai pas répété ton nom à la fin puisqu'il figure en tête, mais je peux l'ajouter, pour personnaliser la 2ème page c'est possible.

J'ai fait des retraits en début de paragraphes à la française, les gens modernes alignent tout à la mode anglo-saxonne, à ton libre choix!

Je suis permis quelques corrections, 3 dans la même phrase «le texte de l'arrêté...controverse», espère qu'elles te conviennent.

Je suis très honorée de participer même manuellement à tes interventions qui m'enthousiasment d'admiration! (ne suis pas sûre que ma phrase soit en très bon français). Attends tes instructions et t'embrasse ainsi que Sabine.

Mania MOURAIT
78-B4, avenue de Suffren
75015 PARIS

Lettre circulaire familiale

Il y a peu, j'ai eu l'occasion, l'honneur et l'avantage de taper pour oncle Nicolas des récits le concernant qui lui étaient demandés par les uns ou les autres.

Ces textes m'ont parus très intéressants à la fois d'un point de vue général et du point de vue familial, aussi ai-je pensé les faire connaître aux autres neveux d'oncle Nicolas susceptibles de prendre à leur lecture autant de plaisir que moi-même, ce qu'il m'a autorisée à faire.

L'un raconte son expérience personnelle de la guerre, l'autre développe les motivations des Russes, les siennes incluses, qui se sont engagés auprès des Français dans la seconde guerre mondiale.

Oncle Nicolas a aussi écrit, mais en russe cette fois là, un article fort intéressant sur des événements familiaux de l'époque de la révolution et son départ de Russie; pour le moment, l'enthousiasme des volontaires traducteurs n'a pas fait long feu mais je ne désespère pas de m'y attaquer un jour. Oncle Nicolas a un grand talent d'écrivain et la certitude de faire un texte beaucoup plus plat que le sien freine, je dois dire, mon élan!

J'ai aussi dans mes archives un long texte très intéressant de tante Olga sur son enfance et ses débuts dans la vie parisienne; je l'ai tapé mais il faudrait retoucher cette frappe car il est écrit d'un seul trait, au fil de la plume, et certaines liaisons ou tournures ont besoin d'être revues.

Si vous êtes intéressés par tel ou tel texte, ou de façon générale par tout texte familial, dites-le moi, pour que je vous les envoie au fur et à mesure de leur édition.

Je souhaite bonne lecture à tout un chacun,
Mania MOURAIT – mai 2002

Quelques renseignements complémentaires concernant oncle Nicolas:

Croix de la Libération – Décret du 29 décembre 1944 – Texte de la proposition de Juin 1944, Italie: *Excellent sous-officier d'origine russe au moral splendide. Engagé volontaire de 40 à Londres dans les forces françaises libres. A participé aux campagnes de Syrie, d'Egypte, de Lybie et de Tunisie. A Pontecorvo hissa le drapeau français face à l'ennemi. Blessé, rejoint sa compagnie et réclame de servir dans une compagnie de voltige pour mieux approcher l'ennemi. Grièvement blessé à la tête de sa section lors de l'attaque de Bagni di Tivoli. Combattant magnifique, incarnant le plus bel esprit de sacrifice au service de la France, sa seconde patrie.*

Proposition pour une décoration anglaise de l'adjudant N. Wyrouboff – 1942 – Libye: *Sous-officier, engagé aux forces françaises libres en Angleterre en juin 1940. Sous-officier secrétaire au 2ème bureau de l'Etat-Major de la 2ème Brigade française indépendante; a, pendant le repli de cette brigade dans la nuit du 23-24 juin 1942, repli effectué à la boussole en plein désert, été volontaire pour aller chercher le véhicule radio de la liaison britannique en panne, resté en arrière du gros de la brigade, susceptible d'être capturé par les premiers éléments ennemis, qui suivaient à courte distance. A fait démonter le poste radio, l'a chargé sur son véhicule, incendié le véhicule pour qu'il ne tombe pas aux mains de l'ennemi et est arrivé à Halfaya ramenant les deux opérateurs britanniques et le poste radio après un voyage de plus de 100 km, de nuit en plein désert en véhicule isolé.*

Emplois tenus en qualité d'officier depuis le 1er septembre 1939 – Adjudant-chef. *A suivi deux cours de préparation d'officier. Chef de section de Mitrailleuses, Chef de section de F.V.*

Résumé des notes obtenues antérieurement à la 1ère proposition:

L'adjudant Fleury (WIROUBOFF) est un Russe qui a fait d'excellentes études en France et en Angleterre et qui combat dans une unité française depuis 1940. A participé à toutes les opérations du BM XI en Libye, Egypte, Tunisie, France. D'une bravoure exceptionnelle, très apte à commander des Français, très capable et intelligent, il est juste qu'un tel exemple mérite une récompense et que Wirouboff soit nommé sous-lieutenant.

A suivi deux cours d'élève aspirant à Damas et Tunisie. Ne les a pas achevés par désir de combattre. Absolument apte au grade de sous-lieutenant. Le 4/11/44 signé illisible.

Pour ceux qui sont intéressés, j'ai aussi une carte du périple des FFL où oncle Nicolas a indiqué son propre parcours et une photocopie (assez brouillée, il est vrai) d'une vue de Pontecorvo avec vue de la maison de la maison sur laquelle oncle N. a hissé son fameux drapeau.

Paris, le 17 octobre 2007

Nicolas WYROUBOFF
52, avenue d'Iéna
75116 PARIS
Tél.: 01 47 20 75 08

Monsieur Jacques TOUBON
Président
Cité Nationale de l'Histoire de l'Immigration
Porte Dorée
75012 PARIS

Monsieur le Ministre,

En apprenant l'ouverture du CNHI, j'ai pensé qu'une vitrine dédiée aux Compagnons de la Libération immigrés répondrait à la motivation même de la création de ce musée.

Je connais le nom de quelques uns de ces Compagnons, le conservateur du Musée de l'Ordre de la Libération, Wladimir TROUPLIN, devrait pouvoir en fournir d'autres.

Voici les noms:

AMILAKVARI Dimitri, *Géorgien*,
TER-SARKISSOFF, Alexandre, *de père Arménien, de mère Russe*,
GARY Roman, *de parents Polonais*,
CONUS Adrien, *Russe*,
FELDZER Constantin, *Russe*,
MIRKIN Victor, *Russe*,
TAGGER Benjamin, *Russe*,
KREMENTCHOUSKY Alexandre, *Russe*,
ROUMIANTZOFF Nicolas, *Russe*,
WYROUBOFF Nicolas, *Russe*.

Je vous prie d'agréer, Monsieur le Ministre, l'assurance de ma haute considération.

Nicolas WYROUBOFF
Commandeur de la Légion d'Honneur
Compagnon de la Libération

P.S.: Renseignements sur ces Compagnons tirés du site internet de l'Ordre de la Libération.

EXPEDITEUR: FAX N° 01 47 34 77 79

Mania MOURAIT, 78 – B4, av. de Suffren, 75015 PARIS

TELECOPIE à : Ioury TROUBNIKOFF

FAX N : 01 34 62 99 57

DATE : 18 mai 2008

OBJET : projet de lettre concernant la tombe Galakhoff, lettre de la mairie de Ste Geneviève, brouillon rédigé par oncle Nicolas.

NOMBRE DE PAGES Y COMPRIS CELLE-CI: 9 (neuf)

EN CAS DE PROBLEME APPELER LE 01 47 34 93 92

J'ai beaucoup modifié le projet d'oncle Nicolas (alors qu'habituellement je ne rectifie que des détails) voici pourquoi:

Le courrier de la mairie de Ste Geneviève semble entendre qu'oncle Nicolas est l'unique détenteur des droits (ce qui est possible puisqu'il paie et décide seul sans aucune protestation de tiers depuis 40 ans) et c'est ce droit auquel il renoncerait en faveur de l'un ou l'autre de ses neveux.

J'ai donc fait très attention à ne pas utiliser le terme d'ayant-droits dont oncle Nicolas se sert dans son tableau familial – inutile de suggérer des complications si elles peuvent être évitées.

La mairie demande à être informée des liens familiaux, c'est à cela que je réponds, s'il faut aller au-delà, on le fera après ton contact avec la mairie.

Pour le moment, je fais comme si oncle Nicolas est l'ayant-droit et en absence de postérité il te le transmet. Je crois savoir (mais peut-être me trompe) qu'on peut transmettre un droit à sépulture à un parent mais pas à un étranger (même si on peut autoriser l'inhumation d'un étranger dans une sépulture dont on a les droits); si cela est vrai c'est la seule chose que la mairie veut vérifier. Attendons ce qu'ils vont dire avant d'aller plus loin.

Je vais donc dans le sens réducteur d'oncle Nicolas mais le changement de titre de l'annexe permet de ne pas être exhaustif sans éliminer qui que cela soit ni mentir par omission.

En résumé, toute ma lettre colle au plus près de celle de la mairie.

22 mai 2008

Cher oncle Nicolas

J'ai parlé avec Ioura après notre conversation téléphonique.

Finalement, après quelques modifications mineures on laisse la lettre proche du 1er projet. Puisque Ioura va y aller ils lui réclameront ce qu'ils voudront.

Ioura, comme moi, a l'expérience de problème de sépultures qui se sont fort bien arrangés dans la pratique, en contradiction avec le règlement de base. La lettre a donc pour principal objet de l'introduire et aussi parler de ta propre future sépulture, pour tout le reste il verra sur place

Je vous embrasse Sabine et toi et pour le cas où je ne te joindrai pas au téléphone aujourd'hui, jour de ta fête, je t'adresse mes félicitations

Paris, le 23 mai 2008

Nicolas WYROUBOFF
52, avenue d'Iéna
75116 PARIS

Ville de Sainte-Geneviève-des-Bois
Service «POPULATION»
Secteur «FUNERAIRE»
Hôtel de Ville
Place Roger Perriaud
91711 SAINTE-GENEVIEVE-DES-BOIS

Objet: concession perpétuelle GALAKHOFF n° 21, cimetière communal «A» sis
rue Léo Lagrange

V/REF/ MFM/MK

Affaire suivie par: Muriel KERNREUTER

Contact: Ana JOBERT

Madame,

Suite à votre courrier du 21 avril 2008 et pour clarifier la situation, je vais vous exposer rapidement l'historique de cette sépulture et le pourquoi de mon intervention actuelle, tout en reprenant en la rectifiant et complétant votre liste des personnes inhumées. En annexe je vous donne les informations demandées

sur les liens familiaux des personnes inhumées, entre elles, avec moi, avec mes neveux. D'autre part, je vous informe de mes intentions concernant l'autre concession de ce même cimetière dont je détiens les droits (caveau n° 575).

La concession n° 21, dont j'assure l'entretien depuis 1967, avait été acquise par le directeur de la Maison Russe en 1928 pour le compte de la famille GALAKHOFF lors du décès de mon oncle Alexandre GALAKHOFF, pensionnaire de l'établissement. Y furent successivement inhumés:

en 1936, son père Nicolas GALAKHOFF, résidant également de la Maison Russe,
en 1947, sa mère Mme veuve GALAKHOFF, née Olga CHENCHINE, résidant à la Maison Russe,

en 1965, son fils Nicolas GALAKHOFF, décédé à Paris,

en 1967, sa sœur Kyra GALAKHOFF (née et restée GALAKHOFF car célibataire), décédée à Paris,

en 1974, les restes de sa femme Marie GALAKHOFF, née WYROUBOFF, et de sa fille Eudoxie épouse princesse WOLKONSKY y furent transférés en provenance du caveau n° 575 où elles avaient été initialement inhumées.

J'ai assumé la responsabilité, tant morale que financière, de cette tombe depuis le décès de ma tante Kyra GALAKHOFF mais l'âge venant et n'ayant pas de postérité je souhaite confier cette charge à l'un de mes neveux, (descendants, comme moi, de Nicolas GALAKHOFF et de sa femme Olga, née CHENCHINE – morts en 1936 et 1947).

J'ai d'abord pensé à Michel GALAKHOFF, qui semblait disposé à accepter mais depuis qu'il s'est retiré au Maroc il n'y manifeste plus d'empressement. Je me suis donc tourné vers un autre neveu, Georges TROUBNIKOFF, habitant la région parisienne; il m'a donné son agrément et se mettra en rapport avec vous pour régler les différents aspects de la question et vous donner toutes les informations souhaitées. Il sera désormais votre interlocuteur (son adresse est 1 A rue de la Fosse verte 78590 NOISY-LE-ROI).

Vous trouverez in fine les indications sur les liens familiaux nous unissant tous.

Par ailleurs, je détiens aussi les droits de la concession perpétuelle n° 575-576. Y sont inhumés ma sœur, mon père et d'autres membres de ma famille. Elle avait été acquise en 1941, par ma tante Kyra GALAKHOFF en l'absence de France de mon père, à l'occasion du décès de Marie WYROUBOFF épouse Alexandre GALAKHOFF, transférée par la suite dans le caveau n° 21 où elle repose actuellement.

Je désire être inhumé dans ce caveau 575, tout comme le sera ma femme née Sabine de NOAILLES. Je n'ai pas de postérité.

En ma qualité de Compagnon de l'Ordre de la Libération et selon les dispositions en vigueur, il appartiendra à la municipalité de Sainte-Geneviève-des-Bois de prendre en charge, le moment venu, l'entretien du dit caveau.

De plus et à titre d'information plus générale, je vous signale que dans le caveau n° 576 est inhumé mon oncle le prince Georges LVOFF, ministre-président du Gouvernement de la Russie en 1917, après l'abdication du tsar Nicolas II; ma grand-mère paternelle était princesse Eudoxie LVOFF d'où le pourquoi du rapprochement des sépultures.

Espérant avoir répondu à vos interrogations, je vous prie d'agréer, Madame, mes salutations distinguées.

Nicolas WYROUBOFF
Commandeur de la Légion d'Honneur
Compagnon de la Libération

Annexe sur les liens familiaux entre GALAKHOFF, WOLKONSKY, WYROUBOFF ET TROUBNIKOFF.

Mes grands parents Nicolas GALAKHOFF et sa femme Olga, née CHENCHINE – morts en 1936 et 1947 – avaient trois enfants.

Deux sont inhumés près d'eux: a) Alexandre, premier décédé, qui a eu deux enfants: Nicolas et Eudoxie, tous deux inhumés aujourd'hui auprès de leur père; Nicolas a eu cinq enfants de trois lits différents, mon neveu Michel GALAKHOFF est l'aîné d'entre eux; Eudoxie, épouse princesse André WOLKONSKY, n'a eu qu'une fille, Marie, dont l'urne repose dans la concession et qui est sans postérité.

b) Kyra, sans postérité.

c) La cadette Olga, ma mère, est morte en Russie où reposent ses restes; épouse successivement TROUBNIKOFF puis WYROUBOFF, elle a eu cinq enfants: deux TROUBNIKOFF et trois WYROUBOFF; je suis le seul survivant de ces cinq enfants et mon neveu Georges TROUBNIKOFF est l'aîné de la lignée TROUBNIKOFF.

EXPEDITEUR: FAX N° (1) 47 34 77 79
Mania MOURAIT, 78 av de Suffren, 75015 PARIS
TELECOPIE à: Monsieur Nicolas WYROUBOFF
FAX N°: 01 64 38 00 63
DATE: mercredi 14 juillet 2009

Cher oncle Nicolas,

Je t'écris par ordinateur interposé car cela te parviendra plus vite que par la poste.

J'ai interviewé le Père Michel OSSORGUINE au sujet de la nouvelle église russe de Rome.

Elle est construite sur le terrain de l'ambassade de Russie dont le jardin est immense. Il m'a montré une photo de l'endroit prise avant le début de la construction: c'est une immense plateforme en hauteur en face du Vatican; comme il dit en plaisantant, avec de simples jumelles le Vatican pouvait surveiller l'avancement des travaux!

L'affaire a commencé de la façon suivante, au milieu des années 80, avant les bouleversements de l'URSS, il faisait le catéchisme aux enfants de l'école de l'ambassade car il avait de très bonnes relations avec l'ambassadeur du moment, mais l'ambassade est à l'autre bout de Rome par rapport à l'église russe ancienne, il avait donc dit à l'ambassadeur qu'il devrait construire une chapelle sur le terrain de l'ambassade car il pourrait y célébrer et faire aux enfants «des travaux pratiques», vu que les distances empêchaient les enfants de suivre le catéchisme de jamais aller à l'église.

L'ambassadeur a répondu «pourquoi pas» et a entrepris les démarches auprès de sa propre hiérarchie pour lancer les travaux et comme entre temps les choses changeaient en Russie il a non seulement obtenu l'autorisation mais un budget important pour la construction et de chapelle le projet est devenu église.

Quand les plans ont été déposés pour le permis de construire, le Vatican a protesté avec véhémence (en gros le pape voit l'église de sa fenêtre) et proposé d'offrir aux Russes une église catholique désaffectée (il paraît qu'il y en a beaucoup et l'Eglise catholique les distribue généreusement aux orthodoxes de différentes nationalités qui en font la demande).

Finalement, le Vatican a obtenu une certaine diminution du projet mais n'a pas pu empêcher la construction, une ambassade ayant le droit de construire sur son propre terrain un bâtiment qui répond aux règles d'urbanisme locales.

Le Père OSSORGUINE a regretté que son projet de modeste soit devenu spectaculaire car c'est source de problèmes et tensions et aujourd'hui on n'en manque pas; je n'ai pas voulu entendre le détail des bisbilles entre les deux églises l'ancienne

(offerte, tout comme l'appartement du prêtre, par une cousine de maman) et la nouvelle car ces tensions entre des serviteurs de Dieu sont affligeantes.

Je vous embrasse Sabine et toi.

PS – ma lettre est du 14 juillet mais ce jour-là mon imprimante a refusé le service et je viens seulement de la réparer – vive la technique moderne!

Nicolas WYROUBOFF

(texte d'un courrier adressé à l'auteur de l'ouvrage sur Anna Vyroubova par M. Nicolas WYROUBOFF, Commandeur de la Légion d'Honneur, Compagnon de la Libération, peu de temps après la parution du livre)

Je vous remercie de votre visite et de l'occasion qui m'a été ainsi donnée de vous remettre les documents se rapportant à la fabrication du faux Journal secret d'Anna Vyroubova dont vous vous êtes servi dans la rédaction de votre livre.

Je dois vous dire que ce qui me dérange le plus dans votre ouvrage ce n'est pas les quelques inexactitudes dues à la référence au faux Journal mais votre insistance sur le climat pernicieux qui régnait à la Cour. Car, en effet, le faux Journal publié à Riga en 1928 par la propagande soviétique n'était qu'une mystification destinée à dénigrer la monarchie. Aujourd'hui, seule la vérité en pâtit.

Par ailleurs, en laissant entendre que Raspoutine n'aurait pas existé à la Cour sans l'appui et la détermination d'Anna Vyroubova, vous accordez à celle-ci une responsabilité qui dépasse largement ses capacités. Elle n'avait pas le profil d'un personnage capable d'exercer une telle emprise sur les événements. Ce sont les circonstances favorables qui ont contribué à la venue de Raspoutine, Anna Vyroubova n'a fait que d'en rajouter.

Je suis content de savoir que vous avez l'intention d'avertir votre éditeur que vous avez utilisé en toute bonne foi le Journal secret d'Anna Vyroubova alors qu'il est en réalité un faux avéré.

Cher oncle Nicolas,

Voici ta version et une nouvelle fois la mienne à côté!

Tu as raison de corriger car ce bout de phrase n'était pas aussi bon que le reste et tu peux continuer à volonté avec cette réserve que nous partons mardi en fin de matinée pour Beaulieu et je n'emporte pas l'ordinateur.

Retour le 15 février au soir, je serai donc à nouveau à ta disposition le 16.

Je vous embrasse Sabine et toi;

Pascal MAILHOS
Eulogie

Saint-Louis des Invalides
Mardi 18 août 2009

Cher Nicolas Wyruboff,

Vous avez souhaité que je prenne la parole, ici, cet après-midi devant ceux qui vous ont connu, admiré et aimé.

C'est avec émotion et le sentiment de n'en être pas le plus digne que je vais tenter d'évoquer l'homme libre, que nos rencontres en Seine-et-Marne, il y a plus de vingt ans, m'ont permis de découvrir, et que la confiance que vous m'avez, depuis, manifestée m'a aidé à comprendre au cours d'entretiens, il y a quinze ans, prolongés depuis par ce que l'amitié nomme le doux commerce des âmes.

«A un moment donné de sa vie, m'avez-vous confié, il faut savoir ce que l'on est. Ensuite, il s'agit de savoir comment cet être que l'on est va vivre, comment il va rendre cette vie utile ou honorable».

Qui étiez-vous? Je n'aurai ni l'audace, ni l'impudeur – vous qui étiez si pudique – de chercher à exprimer ce qui seul vous appartient. J'ai toutefois, guidé par vous, découvert, au cours de ces vingt-cinq dernières années, que vous étiez un homme ouvert aux autres, un homme engagé, un homme libre, un homme raffiné.

1 – Un homme ouvert aux autres et curieux de la vie

Pendant votre mère lorsque vous avez cinq ans, vous connaissez peu votre père et vivez votre jeunesse auprès de gens différents.

«Ce sont tous ces gens-là, dites-vous, qui meublent ma vie». Comme votre père, que vous retrouvez après la guerre, à Paris, vous êtes tolérant envers les autres. C'est lui qui vous a montré, jamais enseigné, qu'il faut voir tout le monde, écouter tout le monde, être à l'aise avec tout le monde.

C'est, du reste, ce qui, après votre périple en Afrique et au Moyen-Orient au service de la France libre, vous conduit à New York, en Corée et en Autriche pour vous occuper des personnes déplacées ou pour secourir des victimes de guerre.

Ce sont bien les situations de combat qui vous ont donné conscience que, dans la vie, quel que soit l'homme, où qu'il soit, on peut toujours aller vers lui et lui parler sans le connaître.

« De part ma nature, reconnaissez-vous, j'étais curieux, curieux des gens et des idées». Vous partagez cette rare curiosité, aussi captivante pour vos amis qu'enrichissante, avec votre chère Sabine, à qui je dis ma respectueuse et très fidèle affection.

Ensemble, vous reconnaissez que «des amitiés très attachantes nées au hasard des rencontres, ont comblé votre vie et vous ont rendu heureux».

Un fil conducteur traverse votre vie: l'envie de vous trouver dans des situations nouvelles et en présence de gens nouveaux, différents: «Je me sens concerné par le sort des autres, dites-vous». C'est ce qui conduit naturellement à vous consacrer avec dévouement à des œuvres et des maisons de retraite destinées à des ressortissants russes.

«Un seul mot pour résumer le tout, concluez-vous, c'est la curiosité de la vie. Tout ce que j'ai pu faire de ma vie vient de cela».

2 – Un homme engagé

Pourquoi avez-vous participé au combat de la France libre? vous ai-je demandé, un après-midi d'août, comme aujourd'hui, dans un entretien que ne troublait que le chant des cigales.

«Je pense que je voulais mériter ma place au soleil, avoir la tête haute en rentrant» m'avez-vous répondu. En fait, vous vouliez être acteur, et surtout pas spectateur du gigantesque combat qui embrasait la planète.

Du reste, à Saint-Petersbourg, lorsque vous étiez enfant, vous deviez être acteur. Arrivé à Paris, vous aimiez, à l'âge de dix ans, interpréter le rôle de Boris Godounov et vous jeter à terre, pour simuler sa mort, en criant: «Dieu sauve la Russie!».

N'êtes-vous pas aussi ce même acteur lorsque, blessé à Pontecorvo, en Italie, le 24 mai 1944, et craignant de mourir, vous hissez le drapeau français sur un bâtiment détruit et cherchez une phrase pour achever dignement votre vie?

«Ne sachant pas quoi faire, dites-vous, je pousse un immense "Vive la France!" et je recommence à respirer».

Aussi, est-ce naturellement qu'en 1938, lorsque le maçon de Fleury, village dont vous prendrez le nom, durant la guerre, pour protéger votre père, vient vous dire au revoir au moment de son engagement, vous me confiez: «Cela m'a pris aux tripes et je décidai de m'engager». Arrive la guerre. «Instinctivement, dites-vous, je décide d'y prendre part». Vous entreprenez tout pour vous engager dans l'armée française puis dans l'armée anglaise. Instinctivement, précisez-vous, car rien ne vous y obligeait, ni devoir national à accomplir, ni engagement à tenir.

«Je connaissais mal les Français et peu la France géographique, mais j'avais conscience que je devais quelque chose à la France et à ceux qui nous avaient accueillis». A cet égard, vous aimez à citer Eugène Arsamatoff, à qui le fait d'avoir étudié au lycée français de Shangai a donné l'envie de rejoindre la France libre et qui, de retour de la campagne de Syrie, a été tué devant Toulon, alors qu'il ne connaissait pas la France.

Comme Fabrice, dans la Chartreuse de Parme, que vous emportez dans votre cantine militaire, vous aviez envie de voir comment se passait ce combat auquel vous participiez, refusant la routine, changeant d'activité tous les six mois, simplement parce que vous vous disiez: «Tiens, je n'ai jamais été là, je n'ai jamais fait ça».

Vous analysez votre engagement comme lié à votre nature et à votre caractère spontané, mais aussi à toutes ces années de lecture et de réflexion auprès des gens.

«Toute ma guerre est un conflit entre l'esprit et la chair, résumez-vous. Comme de nature, j'aime plutôt la tranquillité et le repos et que mon esprit aime le contraire, c'est au fond l'esprit qui impose au corps ce qu'il y a à faire».

3 – Un homme libre

Homme ouvert et engagé, vous êtes aussi et surtout un homme libre.

«Dans ma vie, me disiez-vous, je n'ai pas eu conscience d'appartenir ni d'être soumis à une quelconque autorité».

L'histoire que vous avez tissée avec la France est indépendante des régimes et des gouvernements, parce que vous vous sentez universel dans vos aspirations.

Ainsi définissez-vous votre engagement au sein de la France libre: «Dans tous les livres, on parle de ralliement. Je n'ai jamais rallié. Je suis allé dans les bureaux de la France libre parce que, là, je pouvais obtenir ce que je voulais, c'est à dire servir. Donc, ce n'est pas, à proprement parler un ralliement, mais un choix».

Vous faites alors remarquer qu'il y a une différence entre celui qui combat pour servir son pays et celui qui cherche à satisfaire une exigence qu'il s'impose et dont il est seul juge.

4 – Vous êtes enfin un homme raffiné

En 1940, de Brazzaville, vous écrivez à la Grande Duchesse Xénia, sœur de feu l'Empereur de Russie: «Madame, je suis soldat et je ne sais comment cela va se passer. Je voulais juste vous présenter mes respects». Elle vous répond: «Monsieur, vous êtes un homme de cœur, faites bien ce que vous faites!»

Le raffinement vous est consubstantiel. «De par ma nature, reconnaissez-vous, j'aime le raffinement, dans mon comportement, dans ma discipline, dans mes manières, dans la façon de vivre»

Ce raffinement, vous l'entretenez également au cours d'une vie cosmopolite. Originaire d'une vieille famille russe dont le premier représentant connu est un boyard d'origine tatare servant sous le règne d'Ivan le Terrible, vous reconnaissez que les Russes sont attirés par la culture française, dont les valeurs sont universelles. Pour vous, la France propose un modèle de pensée tandis que l'Angleterre propose un mode de vie. «Ma Russie est imaginaire, résumez-vous, et ma France livresque».

Fuyant la Russie révolutionnaire, vous arrivez à Berlin puis à Paris où vous entrez en 10ème à Janson de Sailly, ne parlant pas un mot de français. C'est à Fleury que, dès 1927, vous passez, tous les étés chez les Ganay, auxquels vous resterez très attaché, votre vie durant.

Vous quittez la Sorbonne pour Oxford, pour acquérir langue et diplôme anglais, sur les conseils de votre père. Grâce à votre camarade de collège Astor, vous rencontrez l'aristocratie britannique, dont vous admirez l'élégance et la simplicité.

Avec Sabine, vous vivez à Vienne, à Londres et à Paris, voyagez avec raffinement et éclectisme et faites tant de Forges que de l'avenue d'Iéna des lieux de rencontres aussi éclairées que cosmopolites.

Votre distinction naturelle se lit dans la façon subtile et discrète dont vous analysez votre entrée dans les rangs des Compagnons de la Libération, si chers au Général de Gaulle:

«Je crois qu'il y a naturellement des Compagnons qui sont Compagnons parce qu'ils ont fait des choses extravagantes. Je n'appartiens pas à cette catégorie. J'ai été fait Compagnon parce que je pense que j'ai toujours eu un très bon moral et que c'est un comportement qu'on a voulu récompenser».

Le moment est venu, cher Nicolas, de vous dire A Dieu.

Parlant de Tourgueniev, vous me disiez: «Il a l'âme slave et il écrit, de France, à ses amis russes pour qu'ils lui parlent des bouleaux qui poussent sur sa propriété».

Oui, Nicolas, nous viendrons vous parler des bouleaux que vous avez plantés, avec Sabine, à Forges.

Vous allez bientôt reposer à Sainte-Geneviève-des-Bois, au sein de la communauté russe dont vous vous êtes tant occupé et qui vous parlera de votre enfance et de votre famille, de Saint-Petersbourg, d'Orel et de Penza.

A Dieu, Nicolas, et que la terre de France vous soit légère!

Mania

21.01.2017, Paris

Cher Nikita,

Suis confuse de la lenteur de ma réaction, les aléas de mon quotidien ont repoussé jusqu'à aujourd'hui le projet né en lisant ta description de ta famille et en particulier de tes relations avec oncle Nicolas.

Tout en chantant ses louanges, tu regrettais que la proximité avec toi ne se soit jamais installée.

Certes, oncle Nicolas était aimable avec tous et d'apparence chaleureux mais guère au-delà. Un jour, me parlant de Sabine et par opposition à elle, Il m'avait dit qu'il avait un cœur d'artichaut, et illustré son propos en déclarant que s'il arrivait que je disparaisse de sa vie, il le regretterait un instant puis n'y penserait plus alors que pour Sabine ce serait un déchirement. Mais je crois que c'était juste une attitude qu'il s'était forgée depuis l'enfance par auto-protection pour masquer sa sensibilité qui était au contraire très grande.

En arrivant à Paris, les 3 enfants, déjà orphelins de mère, ont rencontré, comme tu décris très bien ton grand-père, un père brillant mais indifférent; de plus, ils ont été vite séparés. Ta mère a beaucoup souffert de cette situation et me l'a dit ouvertement, oncle Wassia aussi et tous deux ont pris leurs distances en s'évadant au loin mais oncle Nicolas n'avait alors que 9 ans, était malade et a été ballotté chez les uns et les autres à l'âge où on a vraiment besoin de tendresse familiale. Alors, il s'est construit un caractère qui se voulait indifférent à la souffrance sentimentale. Ce vernis craquait un peu en fin de vie, quand il t'a reproché un manque de cette chaleur qu'il n'avait nullement encouragée et quand il s'est rapproché de Ioura, qu'il avait tenu à distance pendant des décennies.

Ton grand-père ne s'est intéressé à oncle Nicolas que lorsque celui-ci a brillé socialement, à Oxford d'abord, dans l'armée de De Gaulle ensuite. Il est donc naturel que pour entretenir une relation avec son père, il ait continué à se construire une place sociale.

Vous avez nombre de points communs, en commençant par les difficultés vécus dans l'enfance et la fidélité envers ceux qui vous ont accompagnés à l'époque des difficultés mais tu as bénéficié de l'amour maternel jusqu'à ta majorité et tu t'es construit en «créateur», en t'appuyant sur des choses, alors qu'oncle Nicolas s'est construit autour d'activités au service des gens ce qui lui apportait de la chaleur humaine; il s'est aussi construit comme protecteur de Sabine.

Ce dernier aspect est important, ayant épousé une femme très jeune d'une extrême fragilité, malgré des apparences trompeuses, il lui a servi de colonne vertébrale et de rempart et rempli ce rôle à la perfection avec ce sens de l'engagement complet qu'il mettait en toutes choses. Il veillait à écarter d'elle tout ce qui était susceptible de l'égratigner.

Sabine masquait sa fragilité par un grand respect des conventions sociales, ce que je n'ai d'ailleurs compris qu'à la fin de sa vie, et chaque pays a les siennes, si les miennes sont plutôt russes, je connais les françaises pour avoir toujours vécu en France, ce qui n'est pas ton cas et il est probable que sans même le remarquer tu devais la désemparer de temps à autre.

De plus, même si entre un oncle sans enfants et un neveu sans parents le lien aurait dû être fort, comment un couple peut-il être parent d'un jeune homme du même âge que l'épouse?

J'ai eu la chance de connaître oncle Nicolas de près pour avoir habité à côté et il lui arrivait de traverser la cour pour parler librement de ce qui lui tenait à cœur; j'ai pu constater à quel point il était sentimental malgré sa déclaration d'avoir un cœur d'artichaut.

Par exemple, quand j'avais déjà 40 ans, pour une de mes phrases interprétée de travers, il m'a écrit une lettre de rupture bouleversante, plus proche de ce qu'écrirait un amoureux déçu que d'une lettre d'oncle mécontent; c'était incroyable

de réaction sentimentale à la déception de me trouver différente de la personne à laquelle il donnait son affection depuis 25 ou 30 ans. Heureusement ma lettre d'explication l'a convaincu et nos relations se sont rétablies mais cela montre l'ambivalence entre l'affichage d'un cœur d'artichaut et la sentimentalité réelle.

Le contrôle et la distance courtoise qu'il mettait dans ses relations avec les proches ont empêché l'intimité avec toi, du coup il ne savait même pas ce que tu pensais de lui, il devait le regretter, se sentir un peu coupable... et dans ces cas là, tous, nous rejetons la faute sur l'autre – c'est plus facile!

...Comme je crois à la vie de l'au-delà, celle, invisible à nos yeux mais bien réelle, qui vient après notre vie terrestre, je pense que tu lui fais plaisir en t'occupant de sa gloire posthume.

Et sur cette remarque positive te quitte en vous embrassant June et toi et vous souhaitant pour 2017 le moins de soucis possibles.

Tselouiou encore une fois, Mania.

À l'occasion de la première visite officielle en France de

SA SAINTETÉ LE PATRIARCHE ALEXIS II DE MOSCOU ET DE TOUTE LA RUSSIE

L'ARCHEVÊQUE INNOCENT DE CHERSONÈSE,

ordinaire des paroisses du Patriarcat de Moscou en France

perio

Monsieur Nicolas Wyrouboff

de lui faire l'honneur de prendre part à la réception qu'il donnera

le 3 octobre 2007 à 19 heures dans le Palais de la Conciergerie

2, boulevard du Palais - Ile de la Cité - Paris

R.S.L.P.

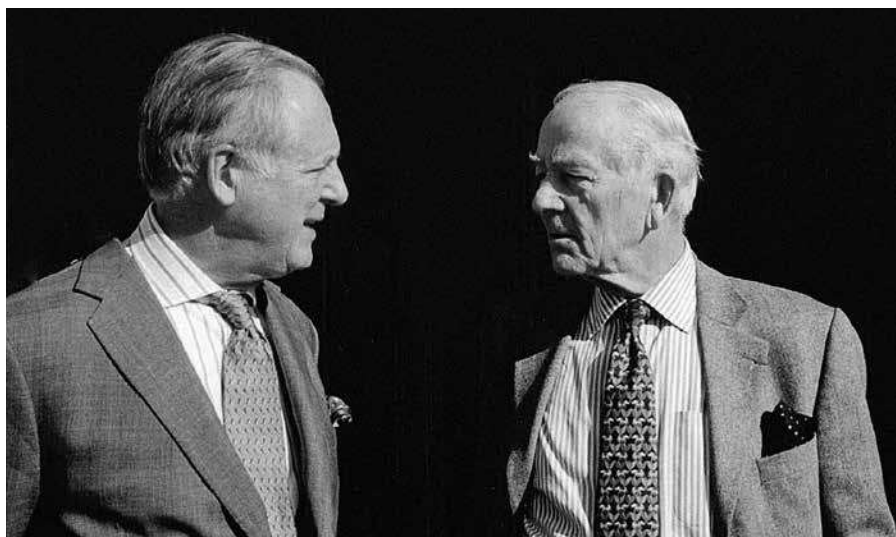
diocese@cgliserusse.eu

fax : 01 48 28 74 54

Приглашение Н.В. Вырубову
от Патриарха Алексия II,
3.10.2007 г.

Комментарий
Н.В. Вырубова

*А на 7 том приёме не
был, патриарх Алексий
слишком болевашен
в больнице - не на мой вкус!*

Н.Д. Лобанов-Ростовский с Н.В. Вырубовым

*Г.Н. Вырубов в молодости
в Марокко*

*Г.Н. Вырубов (1843–1913),
учебный рисунок*

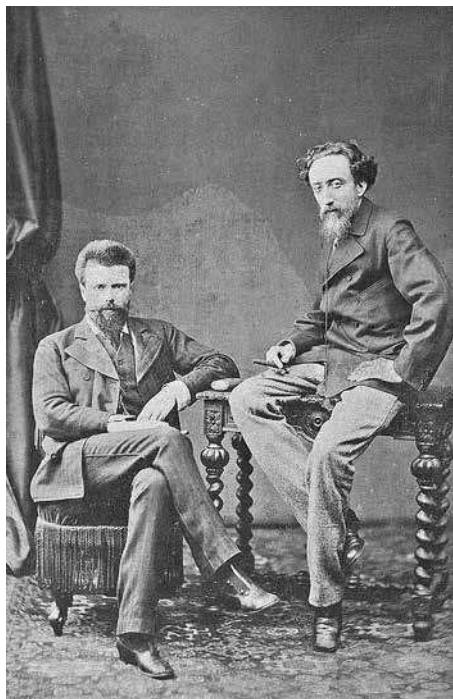
*Г.Н. Вырубов (1843–1913), выпускник Александровского Лицея,
профессор Колледж де Франс (Париж), верхом на лошади*

*М.Н. Вырубова со своей невесткой
Поццо ди Борго, женой Г.Н. Вырубова*

*Анна Поццо ди Борго
(первая жена Г.Н. Вырубова)*

Г.Н. Вырубов с неизвестным.

Шесть фотографий выпускников ИАЛ

Генерал-адъютант М.В. Алексеев

Генерал-адъютант М.В. Алексеев

Г.Е. Львов

Г. Н. Вырубов на своей даче в Пензенской губернии среди родственников.

Н.В. Вырубов, 1941 г.

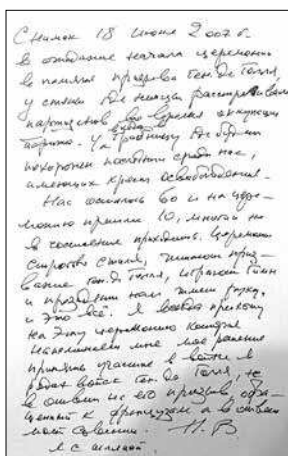
Н.В. Вырубов

В ожидании начала церемонии в память призыва генерала Ш. де Голля, 18.06.2007 г.

Обращение Ш. де Голля к французам. Лондон, 1940 г. (листочка)

Пояснение снимка

Н.В. Вырубов, 2007 г.

Указатель имен*

А

Абрамов Н. 84
Авдеев А.А. 202, 296
Адамович Г.В. 158, 182, 185, 230, 233
Аденауэр Конрад 208
Айтов С. 84, 99
Акимов Вл. 22
Алданов М. 148, 230, 273
Алекс 264
Александр Павлович, имп. 278
Александр I 168
Александр II 6, 22, 24, 173, 249
Александр III 6, 22, 57, 105, 173, 249
Александров Н. 84, 100, 168
Александров-Дольник В.А. 84, 100
Александровский Б.Н. 190
Александровы, семья 209
Алексеев Ал. 223
Алексеев М.В. 148, 224, 293
Алексеевский А.А. 84
Алексинский М.И. 6, 98
Аликс П.М. 247
Алпатова Н.А. 6
Амилахвари Д. Г. 82, 114, 193, 282
Амилахвари К.Г. 186
Аминадо см. Дон-Аминадо 273
Ананьев Н. 84
Андре, ген. 120, 122
Андрей Белый (Бугаев) 263
Андоленко С. 101
Андроникова-Гальперн
(Андроникашвили,
в 1-м браке Андреева) С.Н. 62, 154, 179, 209,
253, 286
Андронников, кн. 84
Анна Иоанновна, имп. 288
Анри, воен. мин. 131
Анри, офицер 119
Аркадьев 84, 101
Арон Раймонд 69, 77, 181
Арсаматов Е. 84, 115, 203, 282, 283
Архангельский Г. 84
Архилопуло Коста 78, 182
Астафьев Д. 280
Астор Нэнси 74
Астор, семья 73, 74
Атилла 138
Афанасьев А.Л. 186
Афанасьев Г. 84
Ахматова А.А. 140, 178, 179, 212, 292

Б

Базаров И.П. 84
Бакунин М.А. 157
Балавинская Е.П. 223
Балавинский Е.С. 223
Балавинский С.А. 223
Баламотов С. 84
Балыкова Л.А. 143, 281
Баржанский И. 84
Барри О. 222
Басс Н.И. 266
Беат (тетя маркизы Гане) 61
Беггров К.П. 219
Безверхний К. 84, 101
Бекетов Ал.Н. 213
Белинский В.Г. 206
Белкова (Певзнер) Г. 145, 178, 185, 186, 188,
193, 195, 196, 205, 207, 208, 209, 233, 260, 281,
293, 296
Беликов В. 84
Белов Г. 85
Беляков В.В. 174, 186, 193
Бемберг Георгий 60, 61
Бемберги, семья 60, 63
Бенуа А.А. 85
Бенуа Г.Н. 175
Бережный М. 85
Бертранд Анри 103
Бессер Рувим 249
Блок А.А. 210, 213
Блоха И. 85
Блэр Тони 196
Бобарыкин А.А. 239, 240
Бобринская С.А., гр. 44, 230
Бобринский Л. 267
Богатырев Е.А. 213, 261, 281
Богомолов А.Е. 66, 132, 163, 191, 192, 195, 196
Болгов А.А. 85
Бонлюбох Колонель 227
Бонч-Бруевич М.Д. 150
Боровиковский В.Л. 219
Боровский К.К. 85, 102
Бортников Г.Л. 265
Бояджи Э. 190
Братоник Д. 85
Брешко-Брешковский Н.Н. 273
Бриннер Юл (Бринер Ю.Б.) 179
Бродский И.А. 292
Брюно Г. 85
Брюноф, семья 62

Буланин В. 85
 Булгаков М.А. 85, 215
 Бунин И.А. 140, 175, 220, 273
 Булюбаш В. 85, 101
 Бурлаков П. 85
 Буш Джордж Герберт Уокер 219
 Былинин В. 85, 98
 Быченко Н. 85

В
 Вагнер, подполк. 110
 Вагнер Отто 105
 Варанго (Варенго) 85
 Варшавский В.С. 85, 179, 182, 183, 248
 Васильчиков Г.И. 207, 208, 213, 215, 263, 267, 273, 284
 Васильчиков И.В. 259, 263
 Васильчиков И.С. 260
 Васильчикова М.С. (Мисси) 260
 Васюков Г. 85
 Ващенко А. 85
 Вейган, генерал 76
 Веменский М. 86
 Вернежуль де, ген. 108
 Виардо Полина 10, 46, 123, 170, 294
 Виле-Лебрен Элизабет Луиз 219
 Вильде Б. В. 82, 83, 111, 112, 182, 183, 199, 248, 249, 282
 Вильсон Вудро 5, 13, 16, 125, 153, 170, 177, 294, 300
 Вильсон Генри 5, 190
 Винниченко К. 86
 Владимир, вел.кн. 57
 Власов А.А. 132, 162
 Войнилович А. 86
 Волконская Т., кн. 48, 174, 222, 249
 Волконский С.Г., кн. 222, 245, 262, 288
 Вологодский П.В. 227
 Воронко-Гольдберг А. 79
 Вортман К.-А. 219
 Врангель П.Н. 19, 20, 21, 66, 149, 150
 Врасский А. 86
 Вульф А. де 86
 Вырубов В.В. 5, 17, 31, 61, 148, 149, 152, 171, 233
 Вырубов В.В., мл. 20, 63, 156
 Вырубов В.С. 48
 Вырубов Г.В. 30, 31, 32
 Вырубов Г.Н. 131, 132, 158, 160
 Вырубов И.М. 48
 Вырубов Н.В. 7, 9, 20, 61, 63, 146, 148, 156, 166-168, 174, 252, 257, 259, 260, 280, 283, 285, 287,

297, 300, 302, 306
 Вырубов П.И. 29.
 Вырубова (Танеева) А.А. 10, 34, 36, 39
 Вырубова И.В. см. Лобанова-Ростовская И.В. 63, 233, 255, 277
 Вырубова Н.Г. 241, 242
 Вырубова М.К. 48
 Вырубова Нина 48
 Вырубова (урожд. Галахова, в 1-м зам. Трубникова) О.Н. – мать Н.В. Вырубова 12, 293
 Вырубовы семья 11, 12
 Высоцкая А.П. 239
 Вышинский А. 86
 Вяземский П.А. 44, 206, 216

Г
 Гагарин В.А., кн. 103, 250, 251
 Гагарин Г.В., кн. 102, 250
 Газданов Г. 182
 Гайер 86
 Галахов А.Н. (дядя Саша) 128, 138, 139, 171, 178, 277, 295
 Галахов Н.П. 124, 170, 231, 242, 293
 Галахова (Трубникова, Вырубова), 171
 Галахова К.Н. 147, 174, 178
 Галахова (Шеншина) О.В. 123, 126, 145, 147, 293
 Галахова О.Н. 177, 280, 285
 Галаховы 14, 15, 152, 171, 174, 178, 243, 253, 281, 286, 299
 Ганди Индира 173, 200
 Гане, маркиз 61
 Гане, маркиза 61
 Ганей, семья 22
 Ганичев В.Н. 272, 273
 Гао-Ман 265
 Гари Ромен (Роман) (Кацев Р.Л.) 199
 Гарибальди Джузеппе 122, 156
 Гаскевич М. 86
 Гвишиани Г.М. 165
 Гебел Грета фон (в 1-м зам. за А.Н. Галаховым, позже за гр. Шереметевым) см. Рейсвиц Грета 15, 128, 129, 178, 199, 277, 295
 Гекнер В. 86
 Гендрихсон В. 86
 Герцен А.И. 122, 157, 185, 271
 Гинзбург В. 86
 Гитлер Адольф 131, 133, 141, 186, 193, 205, 260, 300
 Глабб Джон (Глабб-Паша) 190
 Глазберг Н.Б. 20
 Гогенцоллерн (Романов) Георг 208

Годунов Борис 22
 Годфруа А. 246, 247
 Голицын И.В. 34, 215
 Голицын С.М. 215
 Головин В.В. 86, 236
 Головин К. 86
 Голубков К.Г. 20
 Голубь У. 86
 Гольдберг-Воронко Э. 87
 Голяшков И. 87
 Гомберг 87
 Гонорский А. 87
 Горб И. 87
 Городниченко М. 87
 Горький Максим 48, 139, 155
 Горяева Ю. 248
 Грета см. Рейсвиц Грета 178, 277
 Грибоедов А.С. 266
 Григоренко П. 216
 Григорьев Б.Д. 20, 155, 179, 286
 Громов В. 125, 126
 Гротиус 131
 Груненков М. 87
 Губар П.В. 265
 Гувер Герберт Кларк 14, 127
 Гусаров А. 87
 Гусефф К. 177

Д

Даниленко Д. 87
 Данте Алигьери 138
 Дарлан Франсуа 190
 де Бранте 77
 Де-Вульф А. 86
 де Голль Шарль 5, 7, 58, 68, 75, 76, 77, 81, 83, 84, 95, 110, 112, 113, 114, 115, 116, 129, 130, 159, 160, 161, 165, 166, 171, 172, 176, 181, 182, 184, 187, 188, 189, 190, 194, 197, 201, 201, 203, 204, 205, 208, 211, 214, 215, 218, 233, 234, 243, 244, 245, 248, 255, 259, 262, 276, 279, 281, 282, 283, 287, 288, 291, 292, 293, 295, 296, 300, 302, 304
 де Кастеллан М. 276
 де-Ля-Порт-де-Во Жаклин Пьер Ив 75, 77, 79, 180, 188
 Делякруа П. 87
 де Маржери Роланд 76
 Дембицкий Н. 132
 Демьянов А.А. 223
 Дени 31
 Деникин А.И. 20, 149, 151, 155, 224
 Денц Анри 190, 191

Дергаленко Н. 87
 Державин Г.Р. 264
 Десмаре Жорж 183
 Дерри Моор 78, 282
 Джотто ди Бондоне 138
 Дидерихс М.К. 150
 Дительм 65
 Дитрих, ген. 20
 Дмитриева Т.Г. 263
 Докукин Н. 87
 Долгорукие 42, 174, 301
 Долгорукий, кн., брат В.В. Вырубова 274
 Домбровская И. 179
 Домбровский В. 87
 Дон-Донцов И. 87
 Донской Б. 87
 Достоевский Ф.М. 24, 137, 139, 285
 Дрейфус Альфред 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 128, 156
 Дрейфус Матье 118
 Дрюон Морис 199
 Дубинко Т.С. 263
 Дубинский К. 88
 Дукмасов Н. 88
 Дураков П.А. 88, 104, 251
 Дурновцев В.И. 272
 Духонин Н.Н. 11, 16, 19, 20, 148, 150, 177, 228, 233, 293, 300
 Духонина Н.В. 227, 228
 Дюриф, капитан 78
 Дюриф Робер 187

Е

Евгений, духовник Земгора 175
 Евлогий, митрополит 66, 163
 Екатерина II 125, 206
 Елизавета Петровна, имп. 48
 Ельцин Б.Н. 57, 208
 Емельяненко А. 88
 Енишерлов В.П. 137, 178, 206, 207, 280, 284, 292, 298, 303, 304
 Ермаков В. 88
 Ерманова С.С. 223
 Ермилов Б.Н. 220
 Ефремов 281

Ж

Жебрак 88
 Жеребцов А. 88
 Жестокин Н. 88
 Жиро Анри Оноре 193, 194
 Жироду Жан-Пьер 77

Жорес Жан 122
Жуков В. 139
Жукова Е.М. 219
Жуковский В.А. 139
Жуковский В.В. 88, 146
Жуковский Р.К. 219

З

Загряжская Е.А. 263
Зайцев Н.П. 241
Зайцева Н.Б. 229
Закревский А.А. 122
Закревский И.П. 121, 122
Залока Н. 88
Замешаев П. 88
Зарубин Г. 88, 104
Засецкий А. 88
Заяц В. 88
Земцов И. 89, 105
Зернин А. 89
Зернин М. 89
Зиновьев Н.А. 236
Зиновьева А.А. 236
Зиссерман П. 89
Золотарев 89
Золя Эмиль 119, 121
Зубалов Д. 89, 104
Зубов И. 89, 98

И

Иван IV Грозный 43
Иванов (псевдоним) 89
Иванов Л. 89
Иванов Н. 89
Иванов Н.И. 89
Иванов-Тринадцатый К. 89
Иванова Анна 239
Ивашев В. 48
Ивашев П., ген. 48
Ивашева (урожд. Толстая) В. 48
Игнатъев А.А. 65, 158
Изюмов Ю.А. 273
Ильин С. 240
Ильинский И.А. 229
Ильинский И.В. 221

К

Кадоган Александр 159, 185
Казаков М.М. 265
Казо Альфред Морис 191
Камбон 76

Каменев Г.П. 264
Кантор Ю. 178
Канцель А. 89
Каплевич П.М. 266
Каравакк Луи 219
Карл XII 138
Карнери (псевдоним) 89
Карновский А.А. 89
Карпенко И. 89
Карпенко С.В. 176, 183, 191
Капнист Е. 267
Карповский (Карновский) А. 89
Карсавин Л.П. 212
Каскоров Р. 82
Кассен Рене 197
Кастальский А. 220
Катру Жорж 191
Кашкарова Е.С. 258
Кениг М.-П. 189
Кейтель Вильгельм 131, 133, 197
Керенский А.Ф. 11, 15, 18, 19, 23, 34, 35, 36, 39, 40, 49, 50, 51, 52, 54, 55, 56, 59, 148, 149, 167, 172, 224, 228, 288, 300
Кереновский А.А. 183
Кефели Н. 89
Кириев А.А.
Клемансо Жорж Бенжамен 5, 13, 16, 36, 125, 171, 294
Климов И. 89
Ковалев М.В. 174, 176, 179, 182-185, 187, 188, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196-201, 204, 205, 304
Ковка И. 90
Кодовский И. 90
Козлов 90
Колокольцев Н. 228, 229
Колосков С. 90
Колчак А.В. 12, 13, 125, 130, 151, 170, 171, 286, 294, 300
Комаров, ген. 105
Комаров Л. 90, 105
Коненко 90
Константин Павлович, вел. кн. 167, 168, 209, 219, 287, 297
Константин I, имп. 248
Конт Огюст 30, 121, 156
Конюс А. 82
Корбен 75
Кореновский А.А. 183
Корн Рита (Корнблум Р.З.) 176
Корнилов Л.Г. 151
Короленко В.Г. 220

Коротич В.Я. 216
 Костревский И. 90
 Костянюк В. 90
 Косцевич В. 90
 Косыгин А.Н. 165
 Кочетов 278
 Кравченко 90
 Краевский А.А. 206
 Красников Н. 90
 Краснов П.Н. 273
 Кременчугский А. 82
 Кремер И. 90
 Кремье-Бриак 77
 Крещенков И. 90
 Кривошеин И.А. 112, 113, 183, 191, 199, 282
 Кривошеина Н.А. 164
 Крукшенк Д. 248
 Крыжановская В.И. 273
 Крыленко Н.В. 150, 177
 Крюгер Антон Фердинанд 264
 Ксения, вел.кн. 66
 Кудрявцев А. 90
 Кузнецов Г.Д. 90
 Кулиш Д. 90
 Куликов И. 248
 Кулон 29
 Курлов Н. 90
 Куценко А. 90

Л

Лавров В.В. 272
 Лавров П.Л. 157
 Ладыженский В.Н. 221, 222, 223, 228
 Ладыженский Л. 220, 221
 Ламздорф Г.П. 198
 Лампи Иоганн Баттист 208
 Ланглуа Ксавье 192, 193
 Ланглуа Ксавье (отец), 192, 193
 Ланглуа Морис 192
 Лановой В.С. 265
 Лаперье Александр 279
 Ларин М.Г. 91
 Ласунская Е.Н. 264
 Лаффит Пьер 156
 Левентон А. 91, 106
 Левин Н.И. 129
 Левицкий А.С. 83, 111, 182, 199, 219, 248
 Левицкий Д.Г. 288
 Ледницкий В. 229
 Леклерк Ж.-Ф. 99, 101, 104, 188
 Ленин В.И. 11, 15, 16, 49, 127, 141, 150, 152, 161, 171, 292, 294

Ле Дантю Камилла 48
 Лелонг, ген. 76, 77
 Леонидов В.В. 175, 279, 281, 291
 Лещук М. 91
 Линевич Б. 91
 Литтре Эмиль 31, 121, 156
 Лихачев Д.С. 172, 212, 214, 217, 288
 Лишанский А. 91
 Ллойд-Джордж Дэвид 5, 13, 16, 40, 153, 170, 294, 300
 Лобанов-Ростовский Д.И. 129, 164, 256
 Лобанов-Ростовский Н.Д. 5, 6, 147, 172, 177, 178, 179, 180, 191, 193, 195, 197, 199, 201, 202, 209, 213, 218, 213, 249, 251, 252, 257, 259, 267, 277, 279, 280, 295, 303, 304
 Лобанова-Ростовская (урожд. Вырубова) И.В. 154, 231, 233
 Лобановы-Ростовские 63, 261
 Лобов И. 91
 Лобыцын В. 130
 Лодзинский Л.Б. 266, 267, 272
 Лозинский В. 229
 Лоскин Б. 267
 Львов В.А., кн. 11
 Львов Г.Е., кн. 5, 8-21, 146, 147, 148, 153, 170, 174, 176, 177, 209, 224, 230, 233, 258, 267, 274, 276, 286, 288, 293, 294, 295, 297, 303
 Львов Е., кн. 12-16, 21
 Львов С., кн. 12, 21-25
 Львова А.А. 241
 Львова В.А. 241, 242
 Львова Д.А. 241
 Львова Е.А. (мать В.В. Вырубова) 145, 224, 232, 241, 293
 Львова Е.Д. 241, 245, 246, 262
 Львова Е.Ю. 277, 281
 Львовы, семья 21-25, 51, 152, 209, 224, 277, 299, 301
 Лэш Стивен 263
 Любимов Л.Д. 175, 176
 Людовик XVI 28, 40

М

Маврина Т.А. 265
 Магран-Вернерей Рауль см. Монклар Ральф 188, 189
 Майос Паскаль 9, 10, 203
 Макаров М.Н. 237
 Маклаков В.А. 61, 65, 66, 163, 167, 172, 288
 Маковский Г. 99
 Максимов С.В. 273
 Малиновский А. 237

Малявин П. 91
 Мандельштам О.Э. 154, 178, 212, 253, 286
 Мансуровы 177
 Мануйлов К.Н. 263
 Мануйлова Е.В. 231, 233
 Маргульес А. 91
 Марзин, кап. 79
 Мария, вел. кн. 37
 Мария Владимировна см. Романова М.В. 208
 Маркова Н.К. 219
 Маркс Карл 141
 Мартель де 155
 Мартине П.А. 264
 Мархинин 91
 Маршанов И. 91
 Масаев П. 91
 Медведев В. 91
 Мейснер Д.И. 175
 Мельниченко П. 91
 Мельничук С. 91
 Менделеев Д.И. 139
 Меньшиков О.Е. 265
 М. де Кастеллан 76
 Мерсер-Нейм 79
 Мерсье, ген. 118, 120
 Местр Ксавье де 213, 246, 262, 288, 297, 303
 Мечников 139
 Мещерская, кн. 59, 129
 Мильтон В. 91
 Мильцин Ф. 91
 Милюков П.Н. 51
 Миркин В. 91
 Миронов С.М. 211
 Михаил Николаевич, вел.кн. 17, 25, 32, 39, 146
 Михайлюк Н. 92
 Монклар Ральф (Магран-Вернерей Рауль Шарль) 188, 189
 Молотов В.М. 159, 160, 165, 184, 282
 Молчановский А. 92
 Монгомери 83
 Монталамбер Шарль де 32
 Моро Жан-Виктор 168, 173, 288
 Морозова М.К. 263
 Моррас Шарль 71
 Москалик И. 91
 Москвин В.А. 7, 213, 248, 276, 279, 280
 Мох Жюль 227
 Муравейская М.С. 263
 Мусоргский М.П. 139
 Мутте 36
 Мухачев Ю.В. 191
 Муши де, герцог 201

Мхитаров (Мхитарианц) Н. 91, 106
 Мюллер Шарль Франсуа 245, 262

Н

Набоков В.В. 273
 Набоков Н.Д. 230
 Назанский В.И. 223
 Нанков 91
 Наполеон III 30
 Небольсин Н.А. 245
 Небольсина (урожд. Львова) Е.Д. 245, 246, 262
 Небольсины, супруги 297
 Невский А.Я. 297
 Невядомский К.А. 91
 Негован В. 91
 Недоброва А.В. 236
 Недошивин С. 91
 Некрасов Н.А. 206
 Нечаев О. 91
 Никитин М. 239
 Николай I 245
 Николай II 113
 Ноай Анн де 257
 Ноай Анри де 200
 Ноай Сабин де 71, 173, 200, 257, 258, 288
 Ноай, семья 71
 Новиков Н.И. 206
 Новиков Ю. 92
 Новоселов А.(С.?) 92
 Ножин А.С. 92, 107
 Носович М. 92
 Нуреев Р.Х. 200

О

Оболенская Вера (Вики) 58, 83, 111, 112, 113, 162, 199, 248, 250, 282
 Оболенский А.Н. 191
 Оболенский Н., протоиерей 58, 113, 162
 Оболенский С.С. 182
 Огарович 92
 Одоевский В.Ф. 206
 Окс А. 92
 Олейников И. 92
 Оленина А.А. 264
 Олещук Н. 93
 Онищенко Н.П. 93
 Орлов В. 93
 Орлов Г.Г. 29
 Орловы, бр. 29
 Орловский А.О. 248
 Ородмик В. 93

Оцуп Н.Н. 182

Оцуп П. 224

П

Павлов И.П. 139

Павлова Т.Ф. 273

Павловский И. 93

Паклин Н.А. 196, 252

Палевский Гастон 31, 165, 202

Панаев И.И. 206

Панков Н.А. 272

Паня, няня 37, 152, 275

Пастернак Б.Л. 140

Пати дю Клам 118

Пахотинский (Пахотицкий?) Д. 93

Певзнер Г. см. Белкова Г. 207, 208, 255, 256

Перрин 31

Перрет, кап. 99

Петен Анри Филипп 26, 58, 76, 112, 113, 114, 160, 161, 181, 187, 197, 281

Петр I 6

Петренко 93, 99

Петров П. 93

Петров Ф. 93

Пешков Зиновий (Пешков З.А.) 76, 101, 106, 113, 199, 281

Пидгородецкий Я. 93

Пикар Жорж 119

Плетнев П.А. 206

Подгорная Е.М. 20

Подзо ди Борго Анн 31

Покровский, полк. 131

Полнер Т.И. 147, 226

Поляновский З. 93

Поляновский М. 93

Помье, полк. 109

Попов 93

Попов С. 93

Потимков И. 93

Правдивцев О. 94

Преймак (Преймяк? Премьяк?) И. 94

Преображенский 29

Прихненко Н. (урожд. Галахова) 267

Пуа, герцог 201

Пунчин Г. 94

Путятин, кн. 94

Пухляков В.К. 94

Пушкин А.С. 6, 8, 112, 138, 167, 206, 263, 264, 266, 276, 278, 289, 297

Пушкин В.Л. 265, 266, 278

Р

Раппопорт Е. 94

Расин Жан 68, 71

Расловлев М. (Михайлов-Расловлев) 94

Распутин Г.Е. 11, 34, 35, 36, 37, 40, 176, 232

Расторгугев 94

Расторов-Бергальда де Кирос Алексей 213

Ратнер П. 94

Рейсвиц Грета (Маргарита) 178, 277

Регема 94

Рексин В. 94

Рено М.А. 20

Репинский А. 94

Риббентроп Иоахим фон 159, 160, 182, 185

Ривуар 77

Рише 31

Ровинский Д.А. 219

Родзянко М.В. 34, 40

Розанов И.Н. 265

Розенберг Альфред Эрнст 133

Роланд де Маржери 76

Романовский А. 94

Роммель Эрвин 193

Ротштейн 94

Руденко Р.А. 131

Рудницкий (или Рудинский?) А. 94

Рудоветов В. 94

Румянцев Н.Н. 82, 114, 199, 282

Ручейков Н. 114, 115, 203, 204, 282

Рыгалов В. 94

Рюрик 43

Рюриковичи 43, 193

Рязанов В. 95, 99

Рязанов В.И. 99

Рязанов Э.А. 279, 291

Рязанов Ю. (сын Рязанова В.И.) 99

С

Садовский А. 95

Сазонов Н. 179

Санье Марк 54

Сафонов Н. 95

Сафоновы 127

Сванидзе М. 191

Сванидзе Н.К. 191

Свердлов Я.М. 113, 155, 282

Свечин К. 95

Свистун С.С. 223

Сегазович Я. 95

Сейдлер О. 95

Семенов (сын И. Семенова) 95

Семенов И. 95

Сен-Фол 247
 Серафин Г.95
 Сергиевский С.О. 265
 Серебрякова З.Е. 179
 Сиз 95
 Скворцов А.И. 223
 Склабинский Р. 95
 Скрыбин К. 95
 Слюсарев А. 95
 Смирнов С.С. 251, 252
 Смирнова-Марли (Анна Марли) А.Ю. 248
 Созатский А. 95
 Солженицын А.И. 7, 8, 33, 140, 175, 276, 291, 298
 Спирс Рональд, ген. 79
 Спроат Я. 265
 Сталин И.В. 28, 70, 131, 132, 141, 165, 176
 Станиславский В.И. 95
 Стахович М.А. 215
 Стахович М.М. 267
 Стендаль Мари-Анри Бейль 68
 Стецкевич Ю.В. 96, 109
 Стрепетов В. 95
 Строганов Г.А. 263
 Студнева Е. 248
 Стюарт, ген. 99
 Суворов А.В. (Суворов-Рымникский А.В.) 213, 246, 262, 288, 297, 301, 303
 Сулова М.И. 264

Т
 Талалаев Г. 96
 Танас И. 96
 Таннауэр Иоганн Готфрид 219
 Тарабанов Ф. 96
 Тарановский П. 267
 Татаринцева И.А. 263
 Татищев П. 267
 Твардовский А.Т. 206
 Терпигорев 240
 Тер-Саркисов А. 82
 Тиунов А. 96
 Тихонов А. 96
 Тишина И.Н. 169, 195
 Тищева А.И. 237, 238
 Толстая А.Л. 228
 Толстая Н.В. 228
 Толстой А.Н. 64, 70, 229
 Толстой И.Н. 130, 205, 254, 291, 292, 299
 Толстой Л.Н. 42, 45, 121, 124, 137, 139, 145, 209, 228, 229, 285
 Толстой С. 267

Тончи Сальватор 219
 Трахтерев А. 96
 Трепов А.Ф. 225
 Трепов В.Ф. 225
 Трепов Д.Ф. 225
 Трепов Ф.Ф. 225
 Трофимов В. 96
 Троцкая Н.И. 126, 171
 Троцкий Л.Д. 126
 Трубецкие, семья 70
 Трубников А.А., отец Ю.А. Трубникова, 1-й муж Галаховой (Вырубовой) О.Н. 6, 127
 Трубников А.Н., губ. Орла
 Трубников Ю.А. 127, 129, 167, 172, 173, 191, 211, 231, 243, 247, 249, 251, 257, 259, 267, 277, 279, 280, 281, 298, 303, 304
 Трушталецкий М. 96
 Тургенев И.С. 42, 45, 46, 47, 123, 124, 125, 126, 127, 143, 145, 157, 170, 172, 176, 185, 253, 271, 281, 285, 286, 289, 293, 299, 302
 Тюстин А.В. 184, 231
 Тютчев Ф.И. 48

У

Углов Р.Л. 99
 Уокер Дж. 219
 Урицкая Л.Р. 176
 Урусов С., кн. 98

Ф

Фальц-Фейн Э.А., бар. 212
 Федоров 96, 101
 Федоров К.Н. 96, 109
 Федоров Н.А. 9, 175
 Федорова Е.С. 9, 75, 179, 206, 247
 Федорцев Н. 96
 Фелдцер Константин 82
 Фет (Шеншин) А.А. 42, 45, 123, 126, 127, 145, 170, 172, 176, 209, 253, 285, 293, 299, 302
 Филарет, монах 239
 Флам Л. 249
 Флери 67, 254
 Фонтейн Марго 173, 200, 201, 257
 Франко Франсиско 198
 Франц-Иосиф, имп. 38
 Фредерикс Жозефина 297
 Фридкин В.М. 263

Х

Харламов Г. 97
 Хендерсон Артур 50

Ц

Царев М. 96
 Цветаева М.И. 154, 179, 202, 209, 212, 220, 249, 258, 277, 286
 Церетели З.К. 211
 Цыбульский А. 97

Ч

Чаадаев П.Я. 263
 Чан Кайши (Чанг Каи Шек) 76
 Чапурин И.В. 266
 Чемесов Е.П. 219
 Черников (Чернышев?) А. 97
 Чернов Н.М. 177
 Черчилль Уинстон 75, 194, 231
 Чехов А. 97, 110
 Чехов А.П. 110, 137, 139, 285
 Чиманов И. 97
 Чистилин О. 97

Ш

Шаркин К. 97
 Шаров К. 97
 Шаумян О.С. 260
 Шаховская З.А., кн. 249
 Шаховской В.П., кн. 238
 Шаховской Д.М., кн. 267
 Шацкий А. 97
 Шенкендорф Максимилиан фон 198
 Шереметев Б. 128, 129, 299
 Шереметев В. 97, 299
 Шереметев П.П., гр. 267, 299
 Шестирук Т. 97
 Шестопалов А. 281
 Шикунов Ф. 97
 Ширак Жак 298
 Шмаров Ю.Б. 265
 Шмидт С.О. 137, 138, 139, 140, 141, 142, 210, 298
 Шоген 100
 Шпарага И. 97
 Штейн С.В. 125, 126
 Штенглин И. 219
 Шуваев 97
 Шуменко Д. 97
 Шурепа В. 97
 Шухаев В.И. 155, 179, 286

Щ

Щербakov В. 97
 Щербатова А.А. 168

Э

Эстергази 119

Ю

Юргенс Н.А. 97
 Юрский С.Ю. 265
 Юсупов Ф.Ф. 36, 43

Я

Яковлев А.Е. 155, 179, 209, 286
 Ясинский В. 97
 Яцинский М. 97
 Янасаев (Яньсаев) 97

А

Alain 313
 Alexandre, fils Michel, grand-duc 344
 Alexis, fils tsar 377
 Alexandre II (Александр II) 331
 Alexandre III (Александр III) 330
 Alexeieff M.V. (Алексеев М.В.) 321, 326-328, 360
 Amilakvari Dimitri (Амилахвари Д.Г.) 388
 Andronikow Salome (Андроникова-Гальперн С.Н.) 365
 Archiropoulo Costa (Архиропуло Коста) 315
 Aron Raimond Claud Ferdinand (Арон Раймонд) 313
 Arsamatoff E. (Арсаматов Е.) 310, 396
 Astor, faville (Астор, семья) 375
 Astor, lady (Астор, леди) 376, 398

В

Beague de 364
 Bemberg Georges (Бемберг Георгий) 366
 Bobrinsky, comtesse (Бобринская, кн.) 350
 Bourago Lidia 307
 Bourago Elisabeth 307
 Bourgeois Leon 380
 Brejnev L.I. (Брежнев Л.И.) 308
 Brunner Yul (Брюннер Юл) 179
 Brunhoff, la famille (Брюноф) 365

С

Cadogan Alexander Georges Montagu (Кадоган Александр) 185
 Castellane 313
 Catroux Georges Albert Julien (Катру Жорж) 190
 Cazaud Alfred Maurice (Казо Альфред Морис) 192, 306
 Cazcaud, gen. 384
 Chenchine Olga (Шеншина О.) 350, 391
 Churchill (Черчилль Уинстон) 311

Clemenseau (Клемансо Жорж Бенжамен) 305, 322, 325, 379, 380
Combes Emile 380-383
Comte Auguste (Конт Огюст) 337
Constantin, grand-duc (Константин, вел.кн.) 377
Conus Adrien 388
Coulon (Кулон) 338
Curie Marie 382

D

Darlan Francois (Дарлан Франсуа) 190
de Gaulle Charles 307, 313, 361, 370, 399
de Gaulle Geneviev Antonioz 316
de la Port de vaux Jacqueline Pierre Ives (де-Ля-Порт-де-Во Жаклин Пьер Ив) 311, 313, 315
de Mouchy, duc (де Муши, герцог) 201
Dentz Henri Ferdinand (Денц Анри) 189
Delanay-Belleville (Делоне-Бельвиль) 308
Deschamps Eugenie 315, 316
Desmarais Georges (Десмаре Жорж) 314
Denikine (Деникин А.И.) 328
Denis (Дени) 338
Diderot (Дидеро) 339
Diethelm (Дительм) 339
Ditrich (Дитрих) 328
Dolgorouky (Долгорукие, кн.) 348
Dostoevski Достоевский Ф.М.) 331
Doukhonine (Духонин Н.Н.) 320, 324, 325, 328
Dreyfus (Дрейфус Альфред) 381, 382
Durif Robert (Дюриф Робер) 306

E

Elstin (Ельцин Б.Н.) 361
Evstafiy (Ефстафий) 376

F

Feldzer Constantin (Фелдцер Константин) 388
Ferry Jules 380, 382
Fet A.A. (Фет А.А.) 350
Fonteyn Margot (Фонтейн Марго) 201
Francois-Joseph (Франц-Иосиф, имп.) 343

G

Galakhoff, la famille (Галаховы) 391
Galakhoff Alexandre (Галахов Александр) 324
Galakhoff Kura (Галахова Кира) 374, 391
Galakhoff Marie (Галахова Мария) 391
Galakhoff Michel (Галахов Михаил) 391
Galakhoff Nicolas (Галахов Николай) 323, 351
Galakhoff Olga (Галахова Ольга) 379, 391
Galitsint (Галицын, кн.) 311
Ganay M. de (Ганей М. де) 330, 364

Gandi Indira Priyadarshini (Ганди Индира) 200
Gemahlung Eugenie et Jean 315, 316
Giraud Henri Honore (Жиро Анри Оноре) 193 313
Giraudoux Jean-Pierre 313
Glubb John Bagot (Глабб Джон) 190
Godunov Boris (Годунов Борис) 329
Gorki Maxime (Максим Горький) 306, 307
Grand Catherine (Екатерина II) 324, 336, 339, 346, 350
Gregorov (Грегоров) 358
Greta 324

H

Herzen (Герцен А.И.) 383
Hoover (Гувер Герберт Кларк) 323
Hure M. 306

I

Ioura voir Troubnikov (Трубников Ю.А.)
Isnard Jacques 315
Ivan IV le Terrible (Иван IV Грозный) 349, 376
Ivanoff 343

K

Kartacheff A. 226
Kerensky (Керенский А.Ф.) 308, 320, 324, 326-328, 331, 340-342, 344, 345, 354-356, 359, 360
Kiriev A.A. (Кириев А.А.) 377
Koltchak (Колчак А.В.) 321, 322, 379
Korniloff (Корнилов Л.Г.) 308, 327, 341, 360
Kravtchenko (Кравченко) 366
Krementchousky (Кременчугский А.) 388
Krivochein (Кривошеин И.А.) 311

L

Laffitte Pierre (Лафит Пьер) 380, 381
Langlois Xavier (Ланглуа Ксавье) 312
La mer Marie 312
La Port des Vaux de Vasseau Jacquelin Pierre Yves (де-Ля-Порт-де-Во Жаклин Пьер Ив) 311, 313, 315
Lelong (Лелонг) 313
Lenin (Ленин В.И.) 320, 324, 354, 379
Levitzy Anatole (Левицкий А.С.) 311
Littre (Литтре Эмиль) 380, 382
Lvov Eudoxie (Львова Евдокия) 392
Lloyd Georges (Ллойд-Джордж) 305, 322, 325, 346, 379
Lobanov-Rostovsky N.D., prince (Лобанов-Ростовский Н.Д., кн.) 366, 379, 398
Lvov Georg, prince (Львов Г.Е., кн.) 305, 320,

322, 324, 325, 328, 329, 332, 334, 338, 356, 359,
361-364, 378

M

Magrin-Vernery Raul Charles (Monclar Ralph) 188
Mailhos Pascal (Майос Паскаль) 318, 395
Maclakov (Маклаков В.А.) 368, 369
Margerie Roland de (Маржери Роланд де) 313
Markov Alexandre (Марков А.) 308
Markov Alexis (Марков Алексей) 308
Markov Elisabeth (Маркова Е.) 308
Markov Ivan (Марков И.) 308
Marzin (Марзин) 315
Maurras (Моррас) 373
Michel Nicolaevitch, grand duc (Михаил Николаевич, вел.кн.) 325, 332, 344
Michersky, princesse (Мещерская, кн.) 363
Mirkin Victor (Миркин В.) 384, 388
Montalembert (Монталамбер Шарль де) 339
Mourait Mania (Troubnikoff М.А.) 385, 389, 398
Moutait M. 342

N

Napoleon III (Наполеон III) 337
Noailles Henri Antoine Mari de (Ноай Анри де)
200
Noailles Sabine de (Ноай Сабин де) 374, 385,
386, 391, 398
Nicolas II (Николай II) 378
Nicolas Wassilievitch 378
Noulons 308

O

Obolensky Nicolas (Оболенский Н.) 309, 310
Obolensky Vera (Viki) (Оболенская Вера (Вики))
309, 310, 362
Orloff Alexis 336
Orloff Nicolas 378
Ossorguine Michel 393

P

Palewski Gaston (Палевский Гастон) 338
Pechkoff P Zinovi (Sverdlof Salomon) (Пешков
Зиновий) 306-309
Perrin (Перрин) 338
Petain (Петен Анри Филипп) 333, 362
Pitiot Serge (Питио Серж) 317
Poix de, duc (Пуа, герцог) 201
Pompidou voir Помпиду Жорж 308
Pozzo di Borgo Anne (Подзо ди Борго Анн) 337
Preobrajenski 336

R

Racine (Расин Жан) 370, 373
Raspoutine (Распутин Г.Е.) 320, 342, 343, 377,
394
Richelieu (Ришелье) 315
Richet Charles (Рише Шарль) 338, 383
Richet, mademoiselle (Рише) 338
Rivoyre (Ривуар) 313
Rodzianko M.V. (Родзянко М.В.) 342, 345
Roumiantzoff Nicolas (Румянцев Н.) 310, 388
Rourik (Рюриковичи) 338, 349

S

Salmon Robert 315
Sangnier Marc 358
Scholten Igor 310
Smurs 308
Stalin (Сталин И.В.) 335, 367, 372
Sverdlov, la famille 307
Sverdlov Michel 307
Sverdlov Jacob (Свердлов Я.М.) 307

T

Tagger Benjamin 388
Taneev (Танеева А. (в зам. Вырубова)) 377
Tannery 381
Tchang Kai Tchek (Чан Кайши) 308, 313
Ter-Sarkisoff Alexandre (Тер-Саркисов А) 388.
Tolstoi Alexis (Толстой А.Н.) 367, 372
Tolstoi Leon (Толстой Л.Н.) 347, 350
Tolstoi Serge (Толстой С.) 380
Toubon Jacques 388
Tourgueniev (Тургенев И.С.) 319, 347, 350-35,
3832
Troubetskoi Vladimir, grand duc (Трубецкой В.,
вел.кн.) 372
Troubnikoff Georges (Ioura) (Трубников Ю.А.)
389, 391
Troupain M. de 384
Troupin Vladimir 358

V

Valde Eugenie 315
Viannay Philippe 315, 316
Weygand 313
Vilde B. (Вильде Б.В.) 311
Viardot Pauline (Виардо Полина) 319, 351

W

Wassilieff Alexandre (Васильев А.А.) 190
Weygand 313
Wilson (Вильсон Вудро) 305, 322, 325, 379

Wilson Henry Maitland (Вильсон Генри) 190
Wladimirsky Feodor (Владимирский Ф.) 307
Wolkonsky Andre (Волконский А., кн.) 392
Wolkonsky Marie, princesse (Волконская М.,
кн.) 353
Wrangel (Врангель П.Н.) 328, 369
Wyrouboff Alexandre (Вырубов А.) 380
Wyrouboff Anna 320, 340, 342, 344, 345, 394
Wyrouboff Basile 325
Wyrouboff Dimitri (Вырубов Д.) 377
Wyrouboff, la famille 305, 321, 347, 349, 353
Wyrouboff Mikhail (Вырубов М.) 376
Wyrouboff Gregoire (Вырубов Г.) 337
Wyrouboff Irene 380
Wyrouboff Mania voir Gotchacow
Wyrouboff Michel 338
Wyrouboff Nathalie 379
Wyroubova Nina 353
Wyrouboff Olga 320
Wyrouboff Pierre 336
Wyrouboff Sophie 379
Wyrouboff Vassia 329, 348, 378, 379, 399

X

Xenia de Russie, grand-duchesse (Ксения, вел.
кн.) 370, 397

Y

Youssoupov F. (Юсупов Ф.Ф.) 342, 348

Содержание

От составителя.....	5
Виктор Москвин	
О Николае Васильевиче Вырубове.....	7
Николай Вырубов	
Участник Освобождения.....	9
Воспоминания о лейтенанте морского флота	
Жаклине де-Ля-Порт-де-Во	75
В память павших воинов	79
О Сопротивлении.....	111
Должностное преступление.....	117
Судьба семьи как зеркало истории	123
По следам наших публикаций: Со временем изгладится	130
Судьба советских военнопленных	131
ПИСЬМА Н.В. ВЫРУБОВА	
Россия остается Россией (Письмо из Парижа).....	135
По поводу статьи Сигурда Шмидта в «Нашем наследии», № 53.	
В.П. Енишерлову, главному редактору журнала «Наше наследие»	137
В Музей И.С. Тургенева.....	143
В журнал «Русская мысль	144
Гелия Белкова	
Русская фамилия Вырубовы	145
Ирина Тишина	
Русский герой Франции.....	169
Михаил Ковалев	
«Добровольное участие в войне стало частью моей жизни...»	174
«О Вырубове нужно говорить, как о личности,	
которая открылась России в поступках...»	
Беседа Е.С. Федоровой с В.П. Енишерловым	206
Письмо Н.Д. Лобанова-Ростовского В.Ю. Панкратову	218
Экспертное заключение на коллекцию гравюр.....	219
Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой»	
Коллекция документов и печатных изданий 1918-1965 гг.	220
Список предметов	222
Фонд Н.В. Вырубова в Пензенском краеведческом музее.	
Сост. А.В. Тюстин	231
Список предметов, принадлежащих	
Николаю Васильевичу Вырубому	233

Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина	
Фонд 8. Вырубовы.	235
Фотоматериалы Н.В. Вырубова	242
Фототека	245
Отдел изофондов.....	245
Дары Н.В. Вырубова (Париж) в коллекции «Эстамп»	246
Екатерина Федорова	
О доблести и чести.	
Русские в борьбе против нацизма во Франции	247
Найти и сохранить.	
С директором Государственного музея А.С. Пушкина	
Е.А. Богатыревым беседует В. Потресов.....	261
Л. Лодзинский, Н. Щеглова	
С сознанием чести и долга	266
Л. Лодзинский, Н. Щеглова	
Вернисаж в Харитоньевском	272
Лидия Довыденко	
Русский герой Франции	276
Гелия Белкова	
Николай Вырубов – командор ордена Почетного легиона.....	281
В.П. Енишерлов	
Рыцарь чести.....	284
Н.В. Вырубов	
Встречи.....	289
Виктор Леонидов	
Он был воплощением благородства	291
Иван Толстой	
Когда русские были европейцами. Памяти Николая Вырубова.....	299
Открытие выставки	
«Русский герой Франции – Николай Васильевич Вырубов»	302
Анонс – Вырубов – 15 июля (15.07).....	304
Nicolas Wyruboff – Biografie	305
Nicolas Wyruboff	
General Pechkoff.....	306
Les russes dans la guerre et dans la Resistance	309
Lietenant De Vaisseau Jacqueline De La Port Des Vaux.	
Temoignage.....	311
Jacques Isnard	
Eugenie Gemahling: Une infatigable resistente	315
Nicolas Wyruboff – Monsieur Serge Pitiot	317

Nicolas Wyruboff

Compagnon de la Liberation.....	318
Gregoire N. Wyruboff (1843–1913)	380
Les Lettres	384

Pascal Mailhos

Eulogie.....	395
Mania – Nicita. 21.01.2017. Paris	398
Указатель имен	407

При оформлении книги использованы:

Обложка:

Н.В. Вырубов у себя в кабинете. Париж, 2007 г.

Жак Ширак, президент Франции награждает Н.В. Вырубова

Орденом командора Почетного легиона.

Париж, 18 июля 1006 г.

Форзацы:

Карта военных действий, в которых принимал участие

Н.В. Вырубов.

Герб Вырубовых

Родословное древо Вырубовых

Фронтиспис:

Н.В. Вырубов у себя в кабинете в деревне Форж,

2003 г. Фото лорда Дерри Мора

Популярное издание

Русский барин – герой Франции
Николай Васильевич ВЫРУБОВ

Редактор Н.А. Алпатова
Макет И.А. Томозова
Обложка И. А. Томозова

Подписано в печать 22 мая 2017 г.
Гарнитуры Minion Pro, PF DinDisplay Pro
Бумага офсетная
Печать офсет
Усл.-печ. л. 26,5
Тираж 100 экз.
Заказ №

Отпечатано в ООО «ПОЛИГРАФ-ПЛЮС»
125438, г. Москва, ул. Автомоторная, дом 7, офис 312
Тел.: + (499) 408-01-16
E-mail: rotest-iv@inbox.ru
www.poligraf-plus.ru